

Георгий Вачнадзе

СЕКРЕТЫ ПРЕССЫ

ПРИ
ГОРБАЧЕВЕ

И
ЕЛЬЦИНЕ

Георгий Вачнадзе

**СЕКРЕТЫ
ПРЕССЫ
ПРИ
ГОРБАЧЕВЕ
И
ЕЛЬЦИНЕ**

Москва
1992

ББК 76.1
В 22

Книга является расширенным вариантом доклада, выполненного по заказу ЮНЕСКО, и не отражает официальной точки зрения этой международной организации.

Георгий Вачнадзе. Секреты прессы при Горбачеве и Ельцине. — Москва, АО «Книга и Бизнес», 1992. — 424 с.

Данная книга издана по инициативе ЮНЕСКО во Франции и Германии, США и Испании, а теперь пришла и к русскому читателю.

Автор ее был профессиональным журналистом ТАСС и АПН, ныне — доктор исторических наук, сотрудник Института социально-политических исследований Российской Академии наук.

Тема его очередного журналистского расследования — показ того, как и почему развалился Советский Союз, под влиянием лжи телевидения и газет по поводу Чернобыля и Афганистана, Тбилиси и Вильнюса, Фороса и Кремля.

Появление в независимой России свободной прессы и частных школьных учебников, доступ к архивам и компьютерным сетям, рождение кабельного телевидения и независимых телестудий ликвидировали монополию государства на информацию.

Журналисты перестают быть хроническими лгунами и провокаторами — как считает автор книги, это дает нам надежду.

В $\frac{4501000000-038}{002(01)-92}$ Без объявл.

ISBN 5-212-00772-0

© Вачнадзе Г.Н., 1992

ЭКС-СССР: КАКАЯ ПОЛИТИКА, ТАКАЯ И ПРЕССА (необходимое пояснение автора к русскому изданию)

Газета стала читателю не по карману. В начале 1992 года вступил в силу Закон о печати Российской Федерации: правительство тут же вздуло тарифы на доставку периодики, увеличив тем самым в 100-150 раз (!) продажную цену газет по сравнению с 1989 годом.

А зарплата ведь поднялась у людей за эти три года ну никак не больше чем в 2-4 раза. На месячную зарплату или пенсию москвич может купить не более сотни экземпляров такой недорогой массовой газеты, как «Известия», или три килограмма мяса на рынке. Тиражи газет стали сокращаться на глазах.

Мы проиграли Западу в «холодной войне», отдали на закление КПСС, марксистско-ленинскую идеологию и даже всю империю. Наш правящий класс – номенклатура партийного аппарата, политической полиции и военно-промышленного комплекса – сбросил ненужный балласт идей коммунизма, но власть свою никому отдавать не собирается.

Свободная, независимая пресса раздражает власть имущих в России сегодня точно так же» как и вчера. Только отныне всеми делами управляет в России, да и во всем экс-СССР царь-голод. С помощью умело организованной гиперинфляции государство в одночасье лишило своих граждан всех их денежных сбережений и поставило их в условия полуголодного существования. Такой ценой номенклатура сумела сохранить в своих руках почти всю былую власть. Только разорив население дотла, бывшая номенклатура решилась объявить о начале приватизации, земельной реформы, сокращении военных расходов и пр.

Трагедия россиян в том, что и при решительном Ельцине реформы реализуются точно так же, как при сверх осторожном Горбачеве, – т.е. никак. Коммунистическая, кагэбешная, военная и торгово-промышленная мафия медленно, вот уже пять лет, пересаживается в кресла частного капитала. Но даже и такая щадящая перестройка не нравится былой номенклатуре, всеми фибрами души преданной социалистическим идеалам. В государственном секторе бездарное командование менее рискованно, чем в случае с частнособственническим предприятием.

Командовать нищим народом во сто крат легче, чем сытым. Если бы это было не так, то наши правительство и парламент, перед тем как

отпускать цены на свободу, проделали бы элементарные и очень важные вещи: сократили военные расходы, начали торговать недвижимостью и землей, открыли широкую дорогу иностранному капиталу. Сейчас Борис Ельцин потихоньку начинает делать именно эти перечисленные реформы, но, во-первых, слишком медленно, во-вторых, население уже разорено. И Ельцин, и его демократы – люди подневольные, они ведь могут делать только то, что могут одобрить депутаты парламента России, большинство из которых были избраны как раз при поддержке прежней номенклатуры. А у нас ведь и нынешняя власть тоже из бывших партийных и прочих инстанций.

При таких темпах реформ в России мы лишь через многие годы достигнем того, что страны Восточной Европы имели десятилетия назад. Ведь и прежде мелкий частный капитал делал погоду на селе и в городах Польши, Венгрии, Югославии, Чехо-Словакии. А пока наша бывшая советская номенклатура делает все, что может. Хотя и при Горбачеве она перестала улучшать наш социализм и резко переключилась на карательные экономические меры против национально-освободительных движений.

Грузинский феномен. Если вы помните, первыми в СССР «закипели в 1989 году грузины, и коммунисты вынуждены были отстраниться от власти. И кому же они ее отдали? Тому, кому сделали паблицити с помощью послушной, тогда еще подневольной коммунистической прессы; тому, кого сумели вознести на вершину общественной популярности при помощи несложных закулисных маневров; тому, кто недолго сумеет удержаться на гребне власти. Люди из КПСС и КГБ все правильно рассчитали. Политически бездарный Гамсахурдиа при поддержке своей взбалмошной супруги легко клюнул на все кагэбешные приманки, развязал войну с осетинами и с грузинской интеллигенцией, преуспел в деле полного экономического разорения Грузии.

Столь же непомерно дорогую плату за суверенную политику приходится платить бывшей советской Армении. Ее президент Левон Тер-Петросян не раз говорил, что его соотечественники по ошибке ввязались в конфликт с Азербайджаном, заявив о своих правах на территорию Карабаха. Все ведь началось с армянских писателей, которых именно КГБ сумел исподволь сорганизовать на подстрекательские выступления за возврат Карабаха в состав Армении. В результате межнациональных вооруженных стычек уже сломала себе шею экономика двух закавказских республик – Армении и Азербайджана. КГБ умело настраивало друг против друга грузин и абхазцев, осетин и грузин, армян и азербайджанцев в наказание за одну только мысль о национальном суверенитете и жизни без коммунистической «руки Москвы».

КГБ и КПСС уже формально не существуют, а по всему Закавказью полыхают пожары междоусобиц, гибнут тысячи людей, счет беженцев пошел на миллионы. Экономика еще 10 лет назад относительно процветающего, по советским меркам, региона теперь разорена. Тбилиси, Степанакерт и Цхинвали, точно так же, как и десятки других грузинских, армянских и азербайджанских городов, стали мишенями артиллерийских обстрелов. Конечно же, участники нынешних этнических и политических распрей в Закавказье сами виноваты, что стали жертвами собственной политической отсталости и предрассудков.

Ведь сумели же, скажем, прибалты не поддаться на искушение ввязаться в драку с проживающими на их территории русскими, поляками, белорусами и т.д.

Нурсултану Назарбаеву, нынешнему президенту Казахстана, достаточно сделать пару неосторожных заявлений и вся территория республики, в которой сами казахи и являются меньшинством по сравнению с миллионами проживающих там русских, станет ареной этнических конфликтов.

Культивируемые десятилетиями политическая отсталость и нищета являются абсолютным оружием России в XX веке. Собственно, так было и при царях, и при коммунистах.

А что, скажете, Россия сейчас управляется не теми же самыми людьми, что и десять лет назад? Реальная власть в России и в 1992 году принадлежит тем же людям, что три года назад, только, может быть, должности их сегодня иначе называются. Вместо секретаря райкома председатель исполкома или префект, вместо министра президент концерна и т.д.

Конечно же, со страниц газет, с экранов телевизоров и с парламентских трибун громогласно вещают вчера еще никому не известные страстные трибуны-демократы. Бывшие чекисты или военные деятели, бывшие научные работники или диссиденты, отбывшие свои сроки в ГУЛАГе, — все они делают вид, что управляют государством. Их воинствующий дилетантизм оказывается на руку тем, кто обладает реальной властью в нашей стране. Возьмите руководство любой газеты, исполкома, банка, колхоза, завода, военной части, вуза, отделения милиции или тайной полиции — везде у руля те, кто сделал свою карьеру при поддержке или молчаливом согласии чинов из КПСС и КГБ.

Почему Украина порвала с Россией? После путча августа 1991 года и формального ухода КПСС с политической арены, после нескольких витков гиперинфляции и повышений цен богатые люди в бывшем СССР стали еще богаче, а за чертой бедности оказалось подавляющее большинство населения. Только вот у наших богатых людей, которые были таковыми и при Брежневле, и при Горбачеве, психология осталась люмпенской — власть имущие в СССР всегда хотели видеть народ ни-

щим. Таков был тайный смысл всей имперской политики Кремля. Даже Сталин или Хрущев, Брежнев или Горбачев могли улучшить жизненный уровень народа, но делали все возможное, чтобы не допустить роста благосостояния масс. При Сталине полуголодный ребенок, подбравший горсть пшеничных зерен на уже убранном колхозном поле, шел под суд вместе с родителями. И при Сталине и при Брежневе вся государственная собственность — от письменного стола и настольной лампы в учреждении до станка и легковой автомашины на предприятии, отжив свой срок, списывалась и шла на уничтожение. Передача или перепродажа этой, подчас еще добротной, государственной собственности в частные руки было делом абсолютно невозможным.

Искушенный читатель скажет при этом — нашел, мол, чем удивить, когда при Ленине-Сталине от организованных Кремлем голода и насилия погибли многие десятки миллионов людей. А разве имперская политика Горбачева принесла меньше человеческих жертв? Немного.

10 февраля 1992 года в интервью первой программе московского телевидения президент Украины Леонид Кравчук одной из главных побудительных причин выхода Украины из Советского Союза (после чего СССР незамедлительно развалился в декабре 1991 года) назвал бездеятельность Москвы по ликвидации страшных последствий Чернобыльской катастрофы. Миллионы людей на Украине, в Белоруссии и в России начиная с мая 1986 года живут на зараженных радиацией территориях и даже не имеют возможности потреблять чистые нерадиоактивные продукты. Более того, весь Советский Союз раскупал сельскохозяйственную продукцию, производимую в течение последних пяти лет в зараженных районах. Вплоть до 1989 года украинцы наравне со всеми советскими сверстниками гибли в Афганистане. В течение 10 лет заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК КП Украины Л.Кравчук чутко прислушивался к мнениям своих московских начальников во всемогущей КПСС. Теперь он слушает голоса своих избирателей и с горечью оправдывается, кается перед ними за грехи номенклатурной молодости.

Украинцы почти всегда, даже при коммунистических режимах, жили в два-три раза лучше, чем жители европейской части России. Нынешняя Украина согласна на союз с Россией, но ни в коем случае не на подчинение Москве. Точно так же думают и узбеки, которые никогда не забудут Горбачеву его попытку устроить 37-й год в Узбекистане в конце 80-х годов. Тогда, с целью сломать нарождающуюся волну национально-освободительного движения в республике, московские карательные органы бросили в тюрьмы тысячи узбекских партийных и хозяйственных руководителей по обвинению в коррупции и расхищении государственных средств.

Патологически некомпетентное кремлевское руководство требовало от назначенных им заместителей в Узбекистане увеличения посевных площадей хлопка. Точно так же от Грузии требовали из года в год увеличивать сдачу государству чая. Что же делали Шараф Рашидов и его коллега в Тбилиси Эдуард Шеварднадзе? Первый разрешил своим подчиненным в массовом порядке заниматься приписками и прочими махинациями, ублажать взятками московских чиновников. Второй делал то же самое, во только чуть «честнее». Вместо нежных чайных листочков сборщики сдавали на чайные фабрики чуть ли не весь чайный куст целиком. Соответственно множились заработки на селе и доходы республики.

И разве забудут узбеки, как с благословения Москвы хлопковые поля перед сбором урожая поливали с воздуха очень ядовитыми отравляющими веществами, чтобы уничтожить ненужную листву? А потом миллионы местных школьников и студентов выходили на сбор хлопка, вдыхали эти дефолианты и безвозвратно губили свое здоровье. И разве забудут грузины, как при Шеварднадзе (Горбачев в те годы был секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству) эшелонами завозили сахар для добавления в вино и потом этой отравой поили людей? И разве забудут грузины, как при генеральном секретаре ЦК КПСС Горбачеве, во время идиотской антиалкогольной кампании, были вырублены по приказу из Москвы лучшие грузинские виноградники? И разве забудут здравомыслящие люди из теперь уже бывшего СССР, как Горбачев шесть лет твердил о «социалистическом выборе» и ни на шаг не продвинулся по пути экономических реформ?

Экономика СССР развивалась по законам сумасшедшего дома. Независимая Россия пока не сумела ни на йоту отойти от бывшей практики. Напротив, положение людей, которым теперь уже демократы прописали лечение голодом, продолжает стремительно ухудшаться. Сумасшедший дом разделили теперь на 15 более мелких. Новые управляющие, теперь уже менее зависящие от Кремля, имеют шансы на успех сообразно собственным талантам. Страны Прибалтики, Армения, Украина, Киргизия и Грузия (после краха Гамсахурдиа) передали землю в частную собственность и пошли на ускоренную приватизацию всей сферы услуг, мелкой и средней промышленности.

Если посмотреть на главные темы российской печати, то весной 1992 года эту прессу как будто обуял бес коммунистических идей.

Много говорилось о движениях, проповедующих симбиоз идеологии национализма и социализма (Гитлер тоже любил подобные термины). Московское телевидение сделало бешеное паблисити желающей отделиться Чечне, безусловно осуждая этот шаг чеченского генерала Дудаева. Все сводки новостей начинались проблемами притязаний Украины (причем вполне справедливых) на Крым и Черноморский флот. А как быть с провозглашенным в декабре 1991 года принципом неру-

шимости имеющихся границ членом СНГ и всех прочих республик бывшего СССР? Крым де-факто и де-юре входит в состав Украины с 1954 года, а Черноморский флот почти весь был построен на трех судостроительных верфях Украины, напминал Кравчук и добавлял: неужели России мало Тихоокеанского, Северного и Балтийского флотов?

Москва столетиями командовала вассалами и подданными русской империи, а затем СССР и стран Варшавского договора. В начале XX века от ее цепких лап сумели было освободиться Финляндия и Польша; последней, причем, не очень, повезло и она вновь оказалась в нашем капкане. К концу столетия Москва растеряла в «холодной войне» и экономическом противоборстве с Западом все составные части своей империи. Даже в Российской Федерации многочисленные горцы Кавказа, а также татары, башкиры и якуты требуют отделения и полной независимости от Москвы, Никто, ни один народ не хочет мириться с ролью заложника имперских интересов Кремля, что трудно понять даже демократической прессе.

Имперское мышление демократической прессы. Сразу после краха августовского путча в самых демократически настроенных газетах Москвы можно было прочесть такие откровения: как же могли спецназовцы осмелиться стрелять в толпу таких же, как они, русских людей? И это про солдат, прошедших через ад и смерти, которые они сели в Афганистане, Тбилиси, Баку, Вильнюсе. Своих, значит, нельзя убивать, а инородцев можно.

Это я к тому, что «демократической и свободной» печати Москвы, чтобы действительно стать таковой, надо пройти еще долгий путь избавления от пережитков имперского сознания, стереотипов коммунистического мышления, извращенного понимания смысла таких библейских понятий, как добро, справедливость, милосердие, культура, частная собственность и т.д.

Руководство и большинство ключевых постов в демократических и тем более в традиционных средствах массовой информации Москвы занято людьми, для которых тесное сотрудничество с ЦК КПСС и с КГБ было неотъемлемой частью их прежней деятельности. Наши дипломаты, священники, корреспондентский корпус за границей, — как правило, начинали как кадровые офицеры КГБ и ГРУ (военной разведки). Остальные выпускались за границу при согласии на «добровольное» тесное сотрудничество. По большому счету, ни офицеры разведки, ни «сочувствующие» им реального ущерба за границей нанести не могли, потому что делали свое дело халтурно и пеклись больше о собственном кармане. Но дело в другом — весь этот люд и сегодня связан круговой порукой. И тем, кто не желает соблюдать постоянно меняющиеся сегодня правила игры, мафия может легко напомнить их былые грехи.

Пресса и телевидение Москвы с олимпийским спокойствием взирают на ливанизацию Закавказья. Российские средства массовой информации не могут избавиться от двойного стандарта при оценке событий в России и за ее пределами, будь это республики Балтии, Украины или Закавказья. Как будто человеческая жизнь имеет разную цену в зависимости от национальности! Как будто не Советская Армия наводнила оружием Закавказье! Как будто не Москва натравливала тамошних бывших партийных начальников в Абхазии и Осетии на новые националистические структуры власти в Тбилиси! Цхинвали и Тбилиси – в руинах, народ Грузии в шоке.

У московской прессы не хватило ни мужества, ни профессионализма, чтобы в течение года продемонстрировать правдивую картину и действительные причины конфликтов в Осетии, равно как и суть политики Гамсахурдиа. Последнего телевидение из Москвы разоблачало так неумело, что явные ложь и неточности, очевидные для многих, делали эту информацию неправдоподобной.

Мафиозные прокоммунистические структуры, способствовавшие бескровной передаче власти в Грузии от КПСС-КГБ в руки президента Гамсахурдиа, надеялись, что у последнего хватит ума и ловкости исполнять роль политической марионетки. За год президентского правления не тронули ни одну из основополагающих социалистических структур в Грузии. Все смеялись, что Москва продолжала финансирование таких, к примеру, учреждений «независимой» республики, как КГБ, МВД и Академия наук. Диктаторские замашки Гамсахурдиа, заносчивость и явное неумение прислушиваться к советам умных людей привели его к политическому краху. Артиллерийский штурм его официальной резиденции начался спустя несколько дней после того, как президент Гамсахурдиа объявил о национализации (экспроприации) всего имущества и недвижимости Советской Армии в Грузии.

Пресса и сонм президентов во всех государствах СНГ безучастно взирали на полумесячную бомбардировку Тбилиси точно так же, как перед этим они два года смотрели на аналогичное варварство в Осетии и в Карабахе. Вспомните, как реагировала пресса и политические деятели Западной Европы на события в Югославии. Как все зашевелились, дня не проходило без какой-нибудь миротворческой инициативы стран НАТО или Общего рынка. Едва родившись на свет, Европа двенадцати посчитала себя ответственной за события, в которых не было никакой ее вины, А горбачевско-ельцинское правление равнодушно взирало на результаты бойни, которая везде, во всех ее проявлениях была смоделирована и спровоцирована КГБ как возмездие народам Закавказья за слишком рьяную тягу к независимости от России.

Я никогда не поверю, что у закулисных очень влиятельных сил не было способа сделать Гамсахурдиа еще более послушным, чем он был,— экономическая блокада, болезнь или автокатастрофа, политическое давление, шантаж и публикация нежелательных документов. Но организация гражданской войны оказалась кому-то предпочтительнее. После событий в Закавказье никто не убедит меня в том, что в России уже есть свободная пресса для массового читателя. Нашему радио и телевидению до свободы — еще долгий путь. Господа из радиостанций «Свобода» и «Голос Америки», Би-Би-Си и «Немецкой волны» могут спать спокойно, так как безработица им пока не грозит. Эти станции вот уже 30-40 лет являются практически единственным источником объективной информации о событиях в СССР-СНГ для сотен миллионов его жителей.

Наоборот, стоило бы увеличить объемы вещания западных радиостанций на русском и прочих языках бывшего СССР. Парадокс в том, что газеты, радио и телевидение в эпоху КПСС были куда более профессиональны и последовательны, чем сегодня. Прежде система информирования была отлажена, сведущему человеку не стоило большого труда прочесть между строк многое, о чем позволялось лишь намекать, а не говорить вслух. Сегодня газеты стали гласом толпы, отражением какофонии мнений, политических течений и взаимоисключающих интересов. Раньше цензура стригла всех под одну гребенку, нивелировала массовую информацию, теперь же каждое издание в СНГ выражает интересы того, кто ему платит.

Пожалуй, ни одно периодическое издание в СНГ не встало на ноги, в том смысле чтобы добиться экономической самостоятельности. Еще три года назад официальная Пресса в СССР представляла собой один концерн во главе с идеологическим отделом ЦК КПСС. Частной прессы тогда практически не существовало, а отдельные смельчаки, издатели подпольной печати, систематически отлавливались КГБ и сажались за решетку. В августе 1990 года с принятием Закона СССР о печати была упразднена предварительная политическая цензура и разрешено частное владение газетой, журналом, радио или телестанцией. Любопытно, что в тот момент частной собственности еще практически не существовало и журналисты в СССР были первыми, кому предложили двинуться по капиталистическим рельсам.

Без свободы печати погибнет не только Россия. Умные головы из числа коммунистической номенклатуры еще в 1985 году сообразили, что поразительный положительный эффект либерализации советских газет поможет получить новые кредиты на Западе и продлить агонию режима. Окружение Горбачева, вынужденно согласившись на монополизацию системы партийного управления печатью, сумело сохранить свое влияние на центральном телевидении. А некоторым не очень послушным га-

зетам КПСС отменила дотации и стала продавать этим редакциям бумагу и типографские услуги по свободным, в 5-10 раз возросшим ценам.

Августовский путч 1991 года под руководством КПСС, КГБ и армии счастливо лишил средства массовой информации СССР былого всепроникающего контроля со стороны КПСС. Как по мановению волшебной палочки преобразилось центральное телевидение, оно перестало систематически и нагло врать. Запрет на деятельность КПСС привел к полному увяданию некогда цветущей сети партийных коммунистических газет — ведь не только для всего СССР в Москве, но и в каждой республике, в каждом областном центре выходила своя «Правда», центральный орган местной организации КПСС. Последняя владела практически всеми полиграфическими мощностями в стране по выпуску газет и журналов; имела лучшие книжные типографии. Все это перешло в государственную собственность с 23 августа 1991 года. Тогда же начали открываться архивы, был снят гриф секретности практически со всех видов государственной статистической отчетности.

В конце декабря 1991 года окончательно, теперь уже официально, развалился и перестал существовать Советский Союз, уступив место недолговечному, по всей видимости, новообразованию под названием СНГ. Независимая и суверенная Российская Федерация после бурных и скандальных дебатов в парламенте приняла свой собственный Закон о печати, который оказался ненамного лучше прежнего, всесоюзного закона. Всполошились «Независимая газета», «Куранты», «Московские новости», «Коммерсант», которые — о ужас! — претендуют не только на отражение взглядов новой российской политической иерархии из демократов, а на объективный анализ событий. Спикер парламента СССР Анатолий Лукьянов еще сидел за решеткой в ожидании суда, а его правопреемник на посту председателя Верховного Совета России также начал публично выражать недовольство неуправляемостью прессы и журналистов. Лукьянов звонил в редакцию газеты «Известия» со своими ценными указаниями, и Хасбулатов стал делать то же самое.

В 1992 году само существование периодической печати поставлено под вопрос. Не только гиперинфляция заставляет газеты вздувать цены, но и политика российского правительства. Последнее объявило в феврале 1992 года о том, что будет давать дотации на издание своих официальных органов печати, радио и телевидения. А все остальные средства массовой информации будут отныне платить за свое распространение агентству-монополисту «Союзпечать» по десятикратно возросшим тарифам. И это при том, что реклама у нас, в условиях тотального дефицита всех товаров, всегда была и есть в зачаточном состоянии и существенных доходов редакциям приносить не может.

Какое общество, такая и пресса, ничуть не хуже и не лучше. Цензуру отменили, а взамен ввели в действие механизм жесткого экономического давления. В ответ отечественные радиостанции привлекли к совместной работе две французские станции, газета «Известия» после трехлетних размышлений принялась издавать совместный выпуск газеты «Мы» с американским концерном Херста, а «Коммерсант», «Московские новости», «Независимая газета» стали еще активнее пробиваться к западному англоязычному читателю или даже просто рассылать за границу свои издания на русском языке («Столица», «Огонек»).

Журналистика в СССР была престижной, но не всеми уважаемой профессией – в одном ряду с партийным работником, сотрудником милиции или КГБ, валютной проституткой. Заниматься честной журналистикой в СССР было равносильно самоубийству. Но и в посткоммунистическую эпоху правдивый журналист рискует жизнью, если попытается коснуться некоторых тем или интерпретировать их не так, как этого хотелось бы еще всесильной у нас номенклатуре. Неудобных раньше, даже при Горбачеве, сажали в тюрьму, посылали валить лес в отдаленные северные районы. Теперь опасных свидетелей и в психушки не забирают, их просто запугивают или убивают руками наемников. Честных корреспондентов ненавидел бывший президент Гамсахурдиа, запугивал бывший глава КГБ СССР Крючков, но их преследуют и нынешние руководители российской политической полиции, нынешние демократы у власти во всех уголках бывшего Советского Союза.

Миллионам обывателей России и Узбекистана, Грузии и Азербайджана как воздух необходима непредвзятая информация о том, что происходит вокруг них. Не случайно, что такие искушенные политические деятели, как Горбачев и Ельцин, в 1991 году начали публично распространяться о своем почтении к деятельности русскоязычных западных радиостанций и американской телевизионной программы Си-Эн-Эн. Дело в том, что плохо информированные голодные и возбужденные массы людей могут легко стать жертвой провокаций. В таком случае не только Тбилиси, но и столицы большинства остальных новых независимых республик СНГ окажутся в руинах.

Массированные капиталовложения западных стран в средства массовой коммуникации государств бывшей советской зоны очень перспективны. Мир и относительное благосостояние народов, живущих на просторах между Балтией и Дальним Востоком, между Черным морем и Северным Ледовитым океаном, значат для Запада очень много. Как источники природных ресурсов и огромный потенциальный рынок сбыта для западных технологий и товаров! Как гарантия неповторения атомных и экологических катастроф, мировых и локальных войн!

Оболваненные за 70 лет коммунистами бывшие «братские» народы бывшего СССР так остро ненавидят друг друга, список их взаимных претензий так обширен, население так обнищало и так милитаризовано... Бывший СССР – это просто пороховая бочка, которая грозит со дня на день превратиться в сотню Хиросим и Югославий. Трудно надеяться на то, что последующие поколения посткоммунистической эпохи окажутся мудрее и терпимее в повседневной политике.

Подобно тому, как дипломатия и разведка служат целям взаимного информирования правительств, точно также мировая пресса обязана всерьез и незамедлительно заняться информированием народов бывшего СССР, приобщением их к правилам жизни в нормальном обществе. Это что-то вроде образовательных программ ЮНЕСКО или Всемирной организации здравоохранения, которые десятилетиями занимаются ликвидацией неграмотности и эпидемий среди отсталых народов. Только у последних ведь не было атомного оружия и танковых армاد.

Десяток газет типа парижских «Интернэшнл геральд трибюн» или «Монд», издаваемых на русском, украинском, узбекском, грузинском и прочих языках, дублирование телевизионной информации Си-Эн-Эн, Би-Би-Си или франкофонной TV-5 на все основные языки бывшего СССР, расширение объемов вещания и увеличение мощностей вышеназванных западных радиостанций, создание совместных с Западом газет и журналов, школ журналистики, рекламных фирм на территории бывшего СССР – все это не менее важно для нас, чем посылки с гуманитарной помощью. Чем просто подарить рыбку бедняку, лучше научить его рыбной ловле.

Россия и ее союзники нуждаются в организации для них «плана Маршалла» в сфере информации и коммуникаций. В 1992 году во главе большинства государств СНГ стоят люди, вместе учившиеся в одной и той же бывшей Академии общественных наук при ЦК КПСС или в одной из бывших Высших партийных школ. Кравчук и Ельцин, Горбунов (Латвия) и Муталибов (Азербайджан), Назарбаев (Казахстан) и Каримов (Узбекистан) были секретарями ЦК партий в своих республиках. Акаев (Киргизия), Тер-Петросян и Ландсбергис (Литва), воспитанные в значительной мере на одной и той же русской культуре, также понимают друг друга с полуслова, хотя и находятся в огромных противоречиях с Россией, а зачастую и друг с другом. Те политические деятели, которые придут им на смену, будут воспитаны куда больше на националистических идеях. Отход от традиций русской, пусть имперской, культуры создает нежелательный вакуум, питательную среду для десятков новых саддамов хусейнов и имамов хомейни. Царьки-головорезы могут появиться не только у мусульман, но и христиан в России, Армении, Грузии. Но ведь ясно, что чем плодить новых палачей типа Сталина и жалких неумех типа Гамсахурдиа, дешевле безотлага-

тельно заняться воплощением в жизнь образовательных и информационных программ.

Может быть, для этого и денег-то нужно совсем немного. Американцы, к примеру, лет 10 закрывали глаза на то, что все их коммерческие фильмы распространялись в СССР на видеокассетах пиратским способом. Неужели западные книгоиздатели не могут договориться между собой и сделать народам бывшего СССР подарок—не брать с них ничего за переводные издания западных книг? У нас ведь нет ни учебников нормальных, ни детских книг, ни литературы по общественным наукам. Неужели западным правительствам трудно субсидировать засылку к нам в массовом порядке — для библиотек и для розничной продажи по символическим ценам — нераспроданной в странах Европы и Америки периодики, книг? Англичане делают это, к примеру, сами, без всякой поддержки своего правительства. Слава Богу, в бывшем СССР дети учили в школах и английский, и немецкий, и французский языки. Роль этих языков, особенно английского, в ближайшее время возрастет из-за сокращения количества русских школ в нерусских республиках. Вполне возможно, что через несколько лет узбек и латыш будут говорить между собой не на русском, а на английском языке.

В странах бывшего СССР почти вся аудиовизуальная техника японского и азиатского производства, все дети смотрят американские фильмы по видео, в кино и по телевизору, все слушают западное радио, многие смотрят программы американской телестанции Си-Эн-Эн. Процесс такой интернационализации необратим, и пока ему даже нет альтернативы. Объективной телевизионной, радио- или газетной информации из Москвы и других столиц в бывшем СССР его жителям просто не дожидаться. Вот и получается, что объективная информация с Запада нам даже более необходима, чем его же гуманитарная помощь.

*Март 1992 года
г. Москва*

Георгий Вачнадзе

ВСТУПЛЕНИЕ

Гласность была главным достижением перестройки. Реформы Ельцина от 22 августа 1991 года дали реальную надежду превратить гласность в действительную свободу печати.

В 1985-91 годах были приняты основные законы о правах человека в СССР – о религиозных организациях, о политических партиях, о печати, о порядке въезда и выезда из СССР. Мы получили тогда такие демократические свободы, о которых еще три года назад не смели и мечтать.

Но до демократии в ее западном понимании нам оказалось еще далеко. Мы продолжали преодолевать наследие тоталитарного прошлого и в то же время допускали новые трагические ошибки, результатом которых стал августовский путч 1991 года.

За шесть лет перестройки советская власть и ее пресса запятнали себя кампаниями по замалчиванию и прямой дезинформации. От гласности до свободы информации, как оказалось, нашей прессе предстоит еще пройти длинный путь. На совести советских журналистов и сдерживающей их предварительной цензуры и партийного контроля – ложь о кровавых событиях в Баку и Ташкенте, в Тбилиси и Нагорном Карабахе, аморальный подход к освещению освободительного движения в республиках Прибалтики и Закавказья, городах Украины и России.

Пятилетнее молчание послушной советской прессы о реальных масштабах событий в Чернобыле сократило на много лет жизнь миллионам белорусов, украинцев и русских, до сих пор проживающих в зоне радиоактивного заражения.

До 1991 года, на протяжении десятилетий, роль оппозиционной прессы в СССР играли... зарубежные средства массовой информации. Но парадокс в том, что именно советской прессе принадлежит лидерство в процессах перестройки в Советском Союзе. Перестройку сверху начал М.С. Горбачев при активной поддержке и искреннем энтузиазме многих советских журналистов из официальной центральной прессы. Известно сегодня, что журналы «Огонек» и «Новый мир», еженедельная газета «Московские новости», газеты «Известия» и «Аргументы и факты» всеми силами подталкивали вперед перестройку – за что и стали главной мишенью нападков консервативных сил в партийном аппарате.

Информационную революцию в СССР начали Галич, Высоцкий и Окуджава. Советских пластинок с их песнями не издавалось, зато их голоса с магнитофонных самиздатовских записей звучали на любой нашей вечеринке 60–70-х годов. Официальная власть сажала людей за самиздат и тамиздат, за видео и ксерокопирование, запрещала иметь дома любую множительную технику, кроме допотопных пишущих машинок. Запад сквозь пальцы смотрел на то, как поколения советских дельцов зарабатывали свои состояния на пиратском копировании западных книг, концертов, фильмов, компьютерных программ. Потребителями неофициальной творческой продукции, запрещенной у нас информации стали практически все советские люди. Теперь все это постепенно начинает переходить на законную основу. Теневая информационная экономика становится легальной.

Отмена 1 августа 1990 года предварительной цензуры и фактически давно начавшаяся департизация изменили лик нашей прессы и телевидения.

Нашей прессе только предстоит освоить принципы работы в условиях единого информационного пространства. Как в рамках общности независимых государств, бывших союзных социалистических республик, так и в масштабах Европы и всего мира. Информационная пирамида с центром в агитпропе ЦК отошла в прошлое. Центр уже не мог быть вещателем абсолютных истин и директив, которые в республиках воспринимались всем тамошним населением с нескрываемым раздражением. Телепрограмма «Время», газета «Советская Россия» и им подобные взяли на себя роль детонатора в «холодной войне» центра и республик и слишком успешно трудились на этом неблагодарном поприще до 22 августа 1991 года.

Уже завтра мы могли бы прийти к децентрализации политической информации, к спутниковому вещанию на полпланеты всех крупных телецентров из различных регионов бывшего СССР, к доступности для любого нашего телезрителя телепередач из всех стран Европы, Азии и Америки.

Нашим достижением в области свободной журналистики стали десятки новых периодических изданий, теле- и радиопрограмм: «Независимая газета» и журнал «Столица», телепрограмма «Вести» и иллюстрированный ежемесячник «Москоу мэгэзин», еженедельник «Коммерсант» и журнал «Наше наследие», «Радио России» и «Эхо Москвы».

Материал в данной книге сгруппирован по двум темам: (1) рассказ о тех, кто вел в 90-х годах демонтаж сталинской системы в прессе и книгоиздании, на радио и телевидении; (2) анализ развития аудиовизуальной техники, спутникового и кабельного телевидения, средств связи и компьютеризации.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

«ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ» В НАМОРДНИКЕ

Как заставляли нас подписываться на партийную прессу

Коммунистическая диктатура утвердилась в России как результат первой мировой войны, как следствие многолетнего культа идей народничества, анархизма, терроризма, социализма и общинного строя среди русских разночинцев. Внешняя притягательность социалистических идей и умелое манипулирование ими с помощью средств массовой пропаганды привело к власти Ленина и Сталина, Гитлера и Муссолини. Разница, пожалуй, лишь в том, что первая пара умудрилась отправить на тот свет во много раз больше своих соотечественников, чем вторая. Без многолетней экономической и политической поддержки Сталина не было бы Гитлера, развязавшего вторую мировую войну, которая лишь расширила сферу коммунистической экспансии.

И вот — 1990 год. Рубикон пройден. Обвели свободу страны Восточной Европы. Постепенно наступает либерализация в Советском Союзе. Западные страны вроде приступили к осуществлению «плана Маршалла» для Восточной Европы. Но восстанавливать руины, оставшиеся от десятилетий правления коммунистической диктатуры, трудно. Ведь деградировали не только экономика и экология, но и сам человеческий материал. Рабская психология мешает нам чувствовать себя свободными людьми. Вот поляки к примеру, всегда хотели быть свободными от русских, от немцев, от коммунистов, — они не терпели и не мирились, боролись и бузили. И вот — они свободны, мы еще нет.

По числу экземпляров газет на тысячу человек населения мы занимаем почетное место в мире — 405 экз., если верить данным ЮНЕСКО 1984 года. Впереди нас были лишь Япония (575 экз.), Западная Германия (408 экз.), ГДР (530 экз.), Великобритания (421 экз.). Ли-

дерство наше сомнительное, если абстрагироваться от цифр и посмотреть в корень проблемы. Большинство наших газет состояло из четырех полос обычного или усеченного формата, одна из которых всегда посвящалась перепечатке одинаковых и обязательных для всех официальных сообщений, передаваемых по каналам ТАСС с пометками (для центральных, для республиканских и областных, для городских и районных газет).

До 90 процентов тиража газет расходилось в Советском Союзе по подписке, т.е. деньги за годовой комплект, рассылаемый по почте, издательство получает заранее. Зато, собрав деньги вперед, государственная почта не торопится и газеты подчас поступают в сельскую глубинку не ежедневно, а раз в неделю оптом. Часть уже оплаченного подписчиками тиража вообще не печатается под предлогом нехватки бумаги. С 1989 года впервые в СССР была введена свободная, т.е. нелимитированная подписка на подавляющее количество периодических изданий. Одновременно с гласностью ослабло давление партийных организаций, с тем чтобы силой заставить членов коммунистической партии подписываться на газету «Правда», журналы «Коммунист», «Агитатор» и «Политическое самообразование». Результат не замедлил сказаться — в 1990 году названные издания потеряли до сорока процентов своих подписчиков. Тираж партийной прессы упал бы вовсе, если бы не два обстоятельства: неизменные цифры подписки по учреждениям за счет государства, а также пустота газетных киосков, продающих ежедневную порцию свежей прессы максимум за два часа. «Правда» расходилась в последнюю очередь. Да и то верно, что поступало ее в розницу больше, чем всех остальных газет, вместе взятых.

С бумагой, конечно же, в стране был острый дефицит. Хватало ее вполне только КПСС и кооператорам. Первая — просто себя не обижала и производила пропагандистскую макулатуру в неограниченных количествах, вторые — платили. Сколько надо, столько и платили. Читатели тоже раскошеляются на каждый год дорожающие любимые издания, голосуют рублем.

Вот картина подписки на советские центральные газеты на 1990 год в миллионах экземпляров: «Аргументы и факты» (31,5), «Комсомольская правда» (20,3), «Труд» (20), «Известия» (9,4), «Правда» (6,4), «Сельская жизнь» (5,7), «Семья» (4,6), «Литературная газета» (4,2), «Советская Россия» (3), «Учительская газета» (1,2), «Краевая звезда» (1), «Рабочая трибуна» (0,8), «Экономика и жизнь» (0,6), «Советская культура» (0,5). Ранжир журналов получился следующий (также в млн. экз.): «Огонек» (4), «Новый мир» (2,7), «Знамя» (0,9), «Молодая гвардия» (0,6), «Известия ЦК КПСС» (0,6), «Коммунист» (0,5), «Наш современник» (0,4), «Звезда» (0,3).

На некоторые издания подписка лимитирована была всегда (журналы «Америка» и «Англия», еженедельник «Неделя»), а на русское издание газеты «Московские новости» ее не существовало для частных лиц вплоть до 1990 года.

1 августа 1990 года в СССР вступил в силу Закон о печати, отменивший предварительную цензуру, а также монополию компартии и государства на издательскую деятельность.

Советские журналисты уже не трепетали от указаний партийных бонз самого различного уровня коммунистической иерархии. Кончилась и практика обязательных официальных ответов на критические выступления, газеты. Уже не снимают теперь с работы «героев» журналистских расследований. После газетных публикаций в защиту «несправедливо обиженных отдельных трудящихся» уже не раздают бесплатно квартиры, койки в больницах и места в высших учебных заведениях. А ведь еще вчера советские журналисты сознавали себя работниками некоего удивительного общественного органа, совмещающего в себе функции прокуратуры и собеса, суда и церкви. Самыми многочисленными в советских ежедневных газетах были штаты отделов писем. До недавнего времени продолжали поступать каждый день мешки жалоб и слезных прошений, анонимных доносов и просто откликов на публикации. В наших редакциях только начинает утверждаться аксиома, привычная для любой газеты в цивилизованном мире. Оружие журналиста — это воздействие на общественное мнение, а не на отдельно взятого чиновника. Ведь в правовом государстве обиженный подает на обидчика в суд, а не пишет в газету или в партийный комитет.

Новая форма власти прессы требует для своего действенного функционирования независимости, как политической, так и экономической. Свобода всегда стоит дорого, но за нее и любых денег не жалко. Так, по-видимому, считал и руководитель только что созданного Министерства печати и информации РСФСР М.Полторанин. Интервью с народным депутатом СССР под заголовком «Четвертая власть в России» было напечатано в «Московских новостях» (9.9.1990):

«Министра Полторанина Михаила Никифоровича ругает жена. К деятельности возглавляемого им ведомства этот сугубо личный факт его биографии имеет самое непосредственное отношение. Судите сами: денег он полтора месяца не получает, работает с восьми утра до беспросветной темени за окнами довольно уютного особняка. Плюсуйте к этому штат, состоящий из трех человек, умножьте полученное на кризисное состояние с бумагой и цены на нее, не забудьте Закон о печати и хлынувший на улицу Качалова поток ново- и староиздателей, вспомните, в чьем кармане основные полиграфические мощности, — и вы поймете, почему так нелегко новому российскому министру. Де-юре министерство появилось 1 сентября, а дефакто за полтора месяца наработало годовую норму своего предшественника — Госкомиздата РСФСР.

Михаил Полторанин собирается выпустить 90-томник Льва Толстого, причем без купюр, которых в давнем аналогичном издании наберется тома два. Ему очень

хочется, чтобы вышел он в издательстве «Посредник», созданом в Тульской губернии самим Толстым и ныне захиревшим. Он предложил Совмину РСФСР ввести с 1991 года государственную монополию на выпуск в России коммерческой безгосударственной литературы. И если это решение будет принято, перестанут сходиться с печатных машин партийных издательств приносящий им огромный доход Пушкин, Бальзак, Гоголь, Конан Дойл, Жюль Верн, Азимов и т.д. Беспартийные классики не хотят кредитовать консерваторов. Совмин идею министерства поддержал. Выгода очевидна: можно будет, не повышая цен до 5-6 рублей (вздорожавшая бумага), решить проблему с выпуском убыточных учебников, детской литературы, малотиражных невыгодных изданий в автономных республиках.

– Где же вы будите выпускать классиков, приключенческую и другую литературу, за которую авторам платить не надо?

– В собственных типографиях, которые простаивают, ибо нет бумаги...

– То, что с бумагой в стране плохо, – факт общеизвестный...

– Добавлю, к примеру, что в США на душу населения ее потребляется около 300 килограммов, в маленькой Финляндии – примерно 250, а у нас – 37! Нам надо подтянуться хотя бы до уровня 150 килограммов. Совмин России обсуждал проблему увядающей отрасли. Ведь более 85% бумаги производит именно РСФСР. Создана комиссия, которая разработает государственную программу подъема бумагоделательного производства. Гиганты нам не нужны. Будут строиться средние комбинаты, создаваться совместные предприятия, поставляться оборудование для действующих.

– На это, видимо, уйдет лет десять. А издания растут, как грибы, образуются новые партии, и все требуют: дай!

– Страна в прошлом году произвела всего 6,3 миллиона тонн бумаги – тарный картон не в счет. И при нашей-то нищете мы ухитряемся 335 тысяч тонн экспортировать, 280 тысяч тонн забирает ЦК КПСС для печатания книг и журналов и более 250 – для газет. А всем издательствам России, подведомственным нашему министерству, дается всего-навсего 165 тысяч тонн! На сессию Верховного Совета РСФСР мы предложили вынести такой проект постановления: вся бумага, произведенная на территории России (а в минувшем году это 5,4 миллиона тонн), должна Россией же и распределяться. Мы должны стать фондодержателями бумаги и справедливо и гласно ее распределять – с участием общественности, творческих союзов, с учетом потребностей разных партий.

– Значит, российская монополия даст России бумагу, а государственная монополия на издание безгосударственных книг даст отечеству деньги. Куда они пойдут?

– Об учебниках, детских книгах мы уже говорили. Но есть и еще множество других проблем. Мы дотируем 115 нерентабельных газет, которые выходят в провинции. Будем продолжать делать это и впредь, но при одном условии: это должны быть издания Советов. Свои предложения мы изложим российскому Совмину. Финансировать издания, совместные с КПСС, мы не настроены.

– Но у правящей партии достаточно средств, чтобы заполнить рынок своими периодическими изданиями...

– Мы предложили, чтобы в России любая партия, включая КПСС, могла иметь не более 30 процентов средств массовой информации. Сейчас, к примеру, компартия владеет более чем 85 процентами их.

– А разве нельзя схитрить – закрыть мелкие издания и оставить крупные?

– Есть два простых показателя – количество учредителей и тираж более 100 тысяч экземпляров. Это надежный контроль.

– А рычаги?

– Бумага и российский банк. Если 30-процентная квота превышена, банк просто арестует счет.

– Но не сведет ли все к известному принципу – отнять и разделить, хотя и справедливее, чем раньше?

– Нет, разумеется. Министерство создает свои коммерческие банки, которые будут давать кредиты независимым советским изданиям. Только так можно защитить культурные и нравственные ценности в России.

– Но деньги надо и зарабатывать.

– На днях Минфин РСФСР зарегистрировал акционерное общество «Российский дом». В числе его учредителей – наше министерство. Будем зарабатывать.

– Ну хорошо, с книгами, газетами кое-что ясно. А как насчет организации массовой информации? Это тоже забота вашего министерства. Скажем, будет ли Российское телеграфное агентство?

– От этой идеи мы отказались. Зачем копировать громоздкую структуру ТАСС? В России много независимых информационных агентств, заметки которых, кстати, печатают и «Московские новости». На их базе планируем создать в Москве центр.

По договоренности с агентствами мы будем сводить воедино их информацию и распространять ее.

– А собственная российская периодика?

– Собираемся выпустить две ежедневные газеты и два еженедельника. 8 журналов.

– Увидим ли мы передачи российского телевидения?

– Да, в составе министерства создается Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания. Часть имущества мы намерены получить от Центрального телевидения, но подписали и с иностранцами протокол о намерениях – будем создавать коммерческое телевидение, строить свои телестудии...»

Российский министр печати М.Полторанин за два первых месяца работы на своем новом посту уже вошел в историю советской прессы, да и просто в историю, на практике воплотив самые большие надежды тех, кто приветствовал принятие в СССР Закона о печати. Ведь как у нас при перестройке получалось? Принимались парламентом СССР законы куцые или даже неплохие, но судьба их зачастую оказывалась одинаковой; самые лучшие, демократические законы блокируются аппаратом, не желающим отдавать хоть частичку своих полномочий. Отрадно, что в конце 1990 года, на шестом году перестройки, республиканский министр печати оказался сильнее, чем Государственный комитет по печати СССР вкупе со всеми идеологическими звеньями Московского горкома КПСС, Российской коммунистической партии во главе с И. Полозковым, ЦК КПСС и родственных ему организаций в лице КГБ, Союза писателей и ЦК ВЛКСМ. Соответственно все вышеназванные структуры партийной власти вкупе с высшим генералитетом возненавидели Полторанина люто и пинали его на страницах подчиненной им прессы и по программе «Время» не меньше, чем Ельцина.

М.Полторанин – журналист высшей квалификации, был обозревателем в газетах «Правда» и в Агентстве печати «Новости», руководил газетой «Московская правда» и правлением Московской городской организации Союза журналистов СССР. От Союза журналистов был избран в народные депутаты СССР и, как законодатель, в течение года работал над Законом о печати. Потом в качестве министра он претворял его в жизнь. Если бы так случалось всегда, законы наши, безуслов-

но, были бы мудрее. Задача сложная: министерству предстояло закладывать фундамент четвертой власти — власти общественного мнения, выраженного независимыми средствами массовой информации.

Итак, портфель министра информации России получил человек компетентный и смелый. И заместителей взял себе под статью. Один из них, Михаил Федотов, так рассказывал о себе журналисту газеты «Карьера» (№ 5, март 1991), органу Московского союза журналистов:

«Когда я поступил в Московский университет, то уже на втором курсе был изгнан с дневного отделения за участие, как теперь говорят, в правозащитном движении. Шел как раз 1967 год. И я ушел работать в газету «Вечерняя Москва». И вот, понюхав, чем пахнет журналистский хлеб, я написал курсовую работу «Ленин о свободе печати». Было это на втором курсе юридического факультета МГУ. И больше никогда от этой темы я не отходил. Что меня особенно поразило? Кардинальное Изменение взглядов вождя. До революции он был действительно певцом свободы печати. После революции он стал гонителем свободы печати. Вот эта проблема меня особенно волновала, поскольку я продолжал работать в газетах. И а аспирантуру, куда меня рекомендовал ученый совет (и грешно было этим не воспользоваться), я пришел фактически с этой же темой: «Свобода печати — конституционное право каждого». Потом были статьи, книги. В 1989 году — докторская диссертация «Средства массовой информации как институт социалистической демократии». Все эти годы, вернее десятилетия, я занимался этой проблемой. Если хотите, идея фикс. Я поставил целью своей жизни сделать все, чтобы в нашей несчастной стране была свобода печати. — И какой же результат ваших многолетних усилий?

— Вот эта маленькая книжечка. «Закон о печати и других средствах массовой информации» — инициативный авторский проект, в подготовке которого, кроме меня, приняли участие мои друзья и коллеги Юрий Батулин и Владимир Энтин. Никто не заключал с нами издательского договора, не было и как сейчас модно говорить, социального заказа. Была гражданская потребность сказать то, что мы считали необходимым. Ибо Володя много лет занимался этими проблемами применительно к капиталистическим странам. Юра Батулин работал над проблемами информационного обмена в международных отношениях, проблемами гласности.

— Значит, этот проект вы считаете одним из важнейших своих жизненных и научных результатов?

— Конечно. И я хочу рассказать, как мы за него боролись, как мы на него работали. Сначала мы написали этот проект, потом издали его за свой собственный счет — 5000 экземпляров, а потом мы его физически, буквально физически внесли в Верховный Совет СССР.

— А что понимать под вашими словами: «физически внесли»?

— У нас были пропуски на заседания Первого съезда Верховного Совета СССР. И каждый раз, когда мы шли на съезд, мы распахивали по карманам до ста экземпляров проекта. А вечерами мы приходили к депутатам в гостиницу и принесли туда пачки с проектами для раздачи по делегациям. И ни один экземпляр, хотя стоит цена 30 копеек, продан не был. Все было раздарено. Сейчас у нас уже осталось очень мало экземпляров, но мы продолжаем действовать по этому же принципу. Мы через «Литературу» еще раньше заявили, что ни один экземпляр не будет продан. И не был. Мы раздавали депутатам наш проект, убеждали их в правильности нашей позиции и находили многих сторонников. Это тоже имеет значение. Много экземпляров ушло за рубеж.

Еще один смешной эпизод. Когда советские представители выехали на Информационный форум в Лондон в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, они взяли в Состав делегации Юрия Батурина, члена нашего авторского коллектива, и представляли там наш проект — альтернативный тому офи-

циальному, который уже был разработан. Но наш проект они там представляли как достижение гласности и демократии в нашей стране, хотя официально проект был совершенно другой. Если бы был Принят Закон о печати, основанный на том официальном проекте, нам бы сейчас разговаривать было не о чем».

1 августа 1990 года пала цензура в СССР...

Сейчас очень важно не забывать, что даже ту весьма ограниченную свободу прессы, которую мы обрели, нам не даровали свыше — эта свобода была отвоевана самоотверженными усилиями людей, которые заслужили доброе слово о себе.

Как это происходило — увлекательно рассказывается на страницах первого номера газеты «Демократическая Россия» перед тем, как 1 августа 1990 г. вступил в силу Закон о печати и других средствах массовой информации. Страна обретает свободу печати? И да, и нет — таково мнение члена рабочей группы Комитета Верховного Совета СССР, доктора юридических наук Михаила Федотова:

«Свободу печати нельзя ввести законом. Она лишь ветка на древе демократии. И пока не вырастет само дерево, она остается как бы «в проекте». Прививать же ее к стволу социал-тоталитаризма — дело пустое и безнравственное. Пустое — ибо свобода выражения мнений логически противоречит монополизму в экономике, политике, идеологии. Безнравственное — ибо, формально провозглашенная, она становится удобной ширмой для промывания мозгов под вывеской «формирования нового человека».

Семь десятилетий наше общество жило в условиях той свободы печати, что была декларирована советскими конституциями «в интересах народа и в целях укрепления и развития социалистического строя». Тысячи всесоюзных, республиканских и местных «правд» свободно внедряли в наше сознание истины, сформулированные на Старой площади. Все иные мысли не заслуживали свободы их выражения, поскольку, по мнению держателей истин, не соответствовали законодательно установленным «интересам и целям», а следовательно, должны были караться как «заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй».

Когда же впереди явственно обозначился тупик, то оказалось, что интересы народа вполне может определять сам народ, выбирая между теми, кто стремится «укреплять и развивать», и теми, кто предлагает иные пути. Конечно, провозглашенная гласность, потребная для выпуска пара, была лишь эрзацем свободы слова и печати. Власти всего-навсего ослабили вожжи, но отнюдь не отпустили их. Вновь натянуть вожжи они собирались с помощью закона о печати, на вполне respectable правовой основе.

То, что они ни о чем, ни Духом не думали гарантировать реальную свободу печати, видно из того проекта, который был представлен депутатам как официальный. Скроенный на Старой площади по меркам законов о прессе времен Антонина Новотного и Николая Чаушеску, этот проект готовил легализацию цензуры, изничтожение самиздата и извечное закрепление подневольного положения прессы в качестве «мощного и надежного оружия партии».

Депутаты, как известно, предпочли альтернативный проект, созданный кандидатами юридических наук Ю.Батуриным, В.Энтиным и автором этих строк. Выпущенный — после нескольких месяцев нелегкой борьбы — в виде брошюры за счет

средств авторов, проект был раздран участникам Первого съезда и таким неформальным образом попал в парламент.

Но то, что нам, авторам проекта и депутатам, вошедшим в рабочую группу Николая Федорова, казалось благом, нашим оппонентам представлялось «отрыжкой демократии» и «болотным огоньком буржуазных свобод». Они пускались во все тяжкие, лишь бы обкорнать законопроект, заредактировать его, вытравить из него неприемлемые для них положения. На заседаниях рабочей группы представители «заинтересованных ведомств» атаковали едва ли не каждую статью, пытались заложить эдакие мины замедленного действия, способные взорвать весь проект. Кроме того, с текстом регулярно происходили странные метаморфозы: после перепечатки в машбюро в ней неизменно появлялись новые формулировки, а однажды даже целая статья – об ограничениях свободы слова в средствах массовой информации.

И все-таки к первому чтению мы смогли подготовить вполне достойный документ. Не слишком преуспев в редактировании, наши оппоненты прибегли к иным методам борьбы. Рабочая группа решила опубликовать проект для обсуждения в журналистской среде. Старая площадь наложила запрет. Проект напечатали как официальный документ сессии для раздачи депутатам – Старая площадь арестовала тираж. А во время первого чтения разразился скандал, поскольку накануне депутатам был роздан «уточненный вариант» проекта, отличающийся от нашего, одобренного комитетами, так же, как мертвец от живого человека: внешне – то же самое, а душа уже отлетела.

«Уточненный» заклеили как противозаконную лоббистскую продукцию, одобрили наш проект, постановив опубликовать его для всенародного обсуждения и затем уже дорабатывать. Но за кулисами парламента текст постановления переиначили: сначала доработать, а потом уже опубликовать. Так и попали в проект «альтернативные варианты, предложенные группой народных депутатов». Они касались лишь двух вопросов: права на учреждение и независимость редакционных коллективов. В первом случае они не разрешали гражданам создавать собственные средства массовой информации, во втором – позволяли учредителям и издателям диктовать журналистам свою волю. Эти альтернативы изменяли проект с точностью «до наоборот» и вместо свободы печати предлагали ее отсутствие.

Впрочем, на пути ко второму чтению не обошлось и без потерь. Поскольку прессинг шел «по всему полю», чем-то приходилось жертвовать. Исчезли основания отказа в публикации опровержения, как и основания отказа в предоставлении журналиста информации. Представители «заинтересованных ведомств» очень уж горячо доказывали, что журналисты должны иметь такое же право на информацию, как все прочие граждане. Но ведь право граждан на информацию фактически равно нулю! Сравнение журналиста с хирургом, которому в отличие от прочих граждан дозволяется резать человека скальпелем ради спасения его жизни, успеха не имело.

Свой вклад внесли и «политически грамотные машинистки»: стоило члену рабочей группы недоглядеть, как право прекращать деятельность средств массовой информации оказалось предоставленным тому органу, который это средство зарегистрировал. Представляете загс, который по собственной воле расторгает брак?

К сожалению, этот перл мы заметили слишком поздно. Были и другие. Так, однажды из статьи, устанавливающей основания прекращения деятельности средств массовой информации, исчезло слово «только». Но формула статьи была такова, что пропажа этого короткого слова оборачивалась возможностью закрывать газеты по любому поводу. Слава Богу, подтасовку вовремя заметили.

А что же «машинистка»? «Я тоже отвечаю за этот законопроект, – ответила она однажды на мой упрек. – А будете выступать, так мы вас из рабочей группы выгоним».

Принятие закона длилось три дня. То была драма в трех действиях. В первый день депутаты успели принять только одну статью. Но какую! «Цензура массовой информации не допускается». Думаю, великий Пушкин был бы рад узнать, что в годовщину его рождения сбылось заветное – пала цензура.

Во второй день выстояла, несмотря на массивированный натиск, норма, гарантирующая гражданину право учреждать средства массовой информации. Не знаю, что больше убедило депутатов: подобранные ленинские цитаты, ссылки на издательские начинания Герцена, Пушкина и Дельвига, международные обязательства СССР... Предложение «исключить Гражданина» собрало лишь 84 голоса. В перерыве мы обнимались, поздравляли друг друга.

Но впереди нас ждало поражение. Четыре раза члены рабочей группы и солидарные с ними депутаты пытались отобрать у регистрирующего органа право закрывать средства массовой информации. Объясняли, что здесь налицо ошибка, недосмотр. Все тщетно. «Поправка машбюро» стала законом. Хотя порой до победы не хватало всего двух десятков голосов.

Третий акт этой затянувшейся драмы был полон неожиданностей. Сначала прекрасный писатель С.Зальгин взошел на трибуну, чтобы призвать... не принимать закон, поскольку он защищает журналистов, но, по его мнению, не защищает «Новый мир».

След за ним молдавский депутат потребовал привлечь к ответственности астрологов, экстрасенсов и вообще тех, кто распространяет «несоответствующие действительности сведения». В качестве аргумента он сослался на панику, которая возникла после выступления по «Маяку» некоего астролога, предсказавшего скорое землетрясение в Молдавии. Ему, видимо, было невдомек, что своей скромной поправкой он наносил смертельную рану плюрализму мнений и свободе слова. А услужливые «машинистки» были уже наготове, с отточенными формулировками для предложенной поправки. Они-то все понимали.

К счастью, поправка молдавского депутата не прошла. Как, впрочем, и большинство других. Короче, в ходе второго чтения законопроект ухудшить не удалось. Улучшить – тоже.

Плох и новый закон? Нет, пожалуй, он хорош. Так, на четверочку с плюсом. Или с минусом. Главное, чтобы не добавили ему новые минусы союзное правительство. Госкомпечать, Гостелерадио. Значит, нужно быть настороже. И воевать за те права, что дал всем нам Закон о печати, по всем правилам, что записаны в этом и в других законах. Воевать в парламентах, местных Советах, судах, редакциях... Всюду».

«Независимая газета» (2.2.1991) сообщила, что «ученые МВД СССР редактируют Закон о печати, пока по просьбе и на деньги Госкомпечати СССР, а не Президента». Свой пакет предложений о доработках текста уже действующего Закона о печати сотрудники НИИ МВД СССР уже передали в Верховный Совет СССР и, по имеющимся у газеты сведениям, предложения милицейских ученых были восприняты положительно.

Односторонняя ориентированность Центрального телевидения на точку зрения политбюро КПСС, тем не менее, продолжалась и после августа 1990 года. Причиной было то обстоятельство, что союзный Закон о печати не был оснащен теми механизмами, которые должны приводить его в действие. Уже тогда был создан, к примеру, проект Закона РСФСР о внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс. Если этот проект был бы принят в российском парламенте, цензурные действия карались бы как уголовные преступления.

В 1990 году незаконными были действия милиции на территории РСФСР, хватавшей за шиворот уличных распространителей изданий, хотя эти газеты были официально зарегистрированы в Советах соот-

ветствующего уровня. Российское министерство информации доби-лось от Верховного Суда РСФСР разъяснения, что торговать газетой в любом месте – не означает нарушать закон. Значит, редакция могла теперь нанимать мальчишек-школьников продавать газету за приличное вознаграждение – для малотиражного издания, имеющего трения с «Союзпечатью», такой путь весьма эффективен.

С гласностью боролись всегда. Так же как и постоянно было стремление свести ее уровень до дозированной и достаточной с точки зрения властей предрежащих. Менялись времена, и еще совсем недавно доведенная до совершенства система цензуры позволяла скрывать от общества любую неугодную, не устраивающую по идеологическим соображениям информацию.

Как писала газета «Известия» (25.3.1991), отмена цензуры не избавила общество от прежних представлений о средствах массовой информации, которые варьируются от «полезно – не полезно» до открытого призыва в стенах Верховного Совета приостановить действие Закона о печати.

«Следует говорить не только о свободе печати и гласности, но и праве граждан на получение любой информации. И это должно регулироваться соответствующими нормативными актами. Но основой должны стать принципы, на которых основывается демократическая пресса. Это прежде всего независимость от учредителя, свобода выбора редактора, право на собственное мнение. Впрочем, эти принципы еще предстоит нам освоить. Отсюда и требования, раздающиеся с различных сторон, поставить под контроль «распоясавшуюся» прессу, которая забыла, кому она должна служить.

Впрочем, можно и дальше было вести теоретические споры о сущности прессы в демократическом государстве, но куда больший интерес представляют все-таки возможности, которые дает принятый в июне прошлого года Закон о печати. Сегодня, по мнению заместителя начальника отдела Верховного Суда СССР Х. Шейнина, Закон о печати СССР не используется в полной мере. Прежде всего речь идет о такой норме закона, как право граждан получать информацию, средств массовой информации – сообщать ее, а должностных лиц – предоставлять информацию. Вызывает недоумение, отметил он, когда журналистам отказывают в этом, а они не обращаются в правоохранительные органы для защиты своего права. За время появления закона в судебной практике не было ни одного такого дела, хотя сегодня есть все правовые возможности привлечения к ответственности должностных лиц, препятствующих получению либо искажающих информацию».

На страницах журнала «Москоу мэгэзин» (март 1991) в статье под названием «Почем интервью, товарищ бюрократ?» американская журналистка Карен Дьюкес рассказывала, что теперь, в эпоху гласности, с иностранных корреспондентов советские официальные лица требуют крупные суммы в твердой валюте за любые интересные сведения. Бутылкой водки или чистой видеокассетой не отделаешься. Руководитель пресс-службы московской милиции Владимир Мартынов сообщил, что максимальная сумма, взимаемая с иностранных тележурналистов за один день съемок репортажа о работе милиции, составляет 1000 долларов. Журнал привел слова декана факультета журналистики

МГУ Ясена Засурского, что официальные лица, требующие плату за информацию, напоминают ему таксистов, которые требуют сотни рублей за проезд от аэропорта Шереметьево до центра Москвы. А ведь по Закону СССР о печати официальные лица обязаны давать интервью журналистам бесплатно.

Безусловно, нормативная практика отставала от действующего сегодня Закона о печати, и, по мнению председателя Комитета по гласности Верховного Совета СССР В. Фотеева («Известия», 25.3.1991), еще предстояло многое сделать:

«Но, что уже совершенно очевидно, следует отказаться от практики подмены закона прежней административно-приказной формой управления средствами массовой информации. Комитет по гласности, по сути дела, превратился в место, где разбираются жалобы с требованием обуздать прессу. Хотя, совершенно очевидно, для этого и существует закон, которым должно руководствоваться общество. И когда в Верховном Совете СССР раздаются требования разобраться с очередным неудобным для депутатов печатным выступлением, следует помнить об этом. Иначе это грозит обернуться бесправием, очередной уздой на гласность. Быть может, сейчас реально средства массовой информации подошли к качественно иной задаче: формировать общественное мнение на основе действительно разносторонней информации, считает В. Фотеев.

И свою задачу комитет видит прежде всего в обеспечении реализации Закона о печати. Предполагается создать программу, которая реально обеспечивала бы гласность: создание полиграфической базы, органов, которые бы занимались подготовкой кадров, защитой журналистов и изданий. А сегодня им приходится действовать в условиях жестокого давления как со стороны издателей, так и учреждений. В этой связи характерен пример газеты народных депутатов Красноярского края «Свой голос». Издательство «Красноярский рабочий» в обмен на согласие печатать газету потребовало от редакции расписки в том, «что она обязуется не подвергать огульной критике партийные комитеты». Случай симптоматичный, характеризующий ярко монополизм, который сегодня складывается на издательском рынке. Впрочем, с подобными ультиматумами сталкиваются не только местные издания. Издательство «Правда» в ответ на желание ряда центральных изданий стать учредителями отказалось заключать с ними договор».

А что обо всем этом думают на Западе? Американская эмигрантская газета «Новое русское слово» (14.12.1990) так откликнулась на данные перемены в СССР, поместив заметки нашего бывшего соотечественника Марка Поповского «Слово и топор». Заголовок статьи Поповского вызван трагическими обстоятельствами гибели от руки не известно до сих пор убийцы известного проповедника и писателя Александра Меня. Поповский продолжает:

«Гласности уже три года. На Западе ее считают главным и неоспоримым достижением Горбачева. В Советском Союзе отношение к гласности несколько более осторожное – даже у тех, кто поддерживает президента-генсека. Похоже, что вступивший в действие 1 августа 1990 года Закон о печати не избавил советскую прессу от элементов страха и присутствия лжи. Во всяком случае, руководство еженедельника «Московские новости», в своем «Открытом письме» заявило на днях: «Народ должен знать всю правду о реальном положении дел. Полуправда и откровенное вранье государственных деятелей должны быть наказаны» («МН», 18 ноября). Это мнение разделяют многие писатели и редакторы, они желают, чтобы рам-

ки гласности были расширены. Но одновременно распространена в обществе и противоположная точка зрения, которую откровенно высказывают, например, читатели газеты «Известия». «Свобода и независимость органов печати нужны для одного – для дискредитации партии, захвата власти всякими радикалами», – пишет житель Львова. «На месте правительства и партии я бы установил за вами, товарищи газетчики, строгий контроль. Если вас не сдерживать, ой сколько вы дров наломаете», – пишет москвич. Из города Всеволожка требуют «защитить общество от информационного насилия и для этого установить нравственную цензуру». Из Горького несется окончательный приговор: «Бесконтрольная печать в цивилизованном обществе недопустима и вредна».

Как же реально выглядит на сегодня допущенная советской властью гласность в прессе?

Гласность какую-то степень свободы обществу действительно предоставила. Со страниц газет и журналов звучит слово ученых, священников, офицеров и просто рядовых граждан, которые в письмах в редакцию откровенно рассказывают о тяготах своей повседневной жизни.

При всем том, ослабив несколько давление на печать, власти и своих интересов не забывают. Госпропаганда не умолкала, а лишь сменила тон. Народу твердят, что прежние институты удушья полностью обновлены и никакой опасности для граждан более не представляют. Об этом пишут, дают интервью за интервью руководящие работники КГБ и Главлита – организации, возглавлявшей цензуру печати. Главлитчики публично клянутся, что писатели и журналисты никогда больше не услышат от них запретов и указаний. Цензоры (должность эта, однако, не упраздняется!) будут отныне лишь добрыми советчиками и консультантами пишущей братии с тем, чтобы предупреждать утечку государственных секретов. А поскольку в СССР теперь сплошной хозрасчет, то главлитчики даже предлагают редакциям и издательствам заключать договора и платить цензорам за их заботы. Самоокупаемость! В связи с этими переменами Главлит – штаб государственной цензуры (хорошо помню его громадную дощину в Китайском проезде, неподалеку от ЦК партии) переименован теперь в ГУОТ – Главное управление по охране государственных тайн в печати и других средствах массовой информации. Давая интервью, деятели этого самого ГУОТа извиняющимся тоном признают, что да, пока еще 20-30 названий книг из числа привозимых с Запада в таможенные ежедневно задерживаются, но это, видите ли, те произведения, от которых «веет духом холодной войны», которые «разжигают конфронтацию, пытаются подрывать советский строй и единство страны». Список запрещенных книг? Нет, пока такой список не составлен. Вопрос о том, пропускать или не пропускать, решается на месте... Зато в библиотеках нынче полная свобода: под арестом остаются лишь полтысячи названий книг. Остальные – читай не хочу! Но пока главлитчики давали свои «расслабляющие» интервью, а депутаты (почти три года!) создавали и утверждали Закон о печати, власти не прекращали политику цензурирования. За это время сделаны были попытки сместить четыре редакторов газет и журналов, которые давали своим читателям «слишком много» нежелательной информации. Гнев, в частности, обрушился на редакторов газеты «Аргументы и факты» и городской газеты г. Ногинска, журналов «Октябрь» и «Книжное обозрение». Выгнать с работы, правда, удалось только одного из бунтовщиков, но у хозяев страны есть немало и других средств давления на прессу.

На 22-й день после вступления в силу Закона о печати, того самого, что провозгласил полный отказ от цензуры, выпущен был и разослан «тем, кому о том ведать надлежит», новый секретный «Перечень сведений, запрещенных к опубликованию». Издан «Перечень» тиражом 20.000 экземпляров, так что получит его целая армия надзирателей над печатью. Исключительно для их сведения в нем сообщается, что журналисты не имеют права касаться вопроса о заболеваемости скота ящуром и особенно строго запрещено называть цифры гибели скота; нельзя писать о неудовлетворительном состоянии воинской дисциплины личного состава Вооруженных сил СССР, о преступности и самоубийствах в армии; секретны любые подробности, касающиеся износа железнодорожных вагонов и локомотивов. И еще и

еще... Список секретных сведений утверждает Совет министров, и, разумеется исходные данные приходят из министерств. Принцип прост: министерские чиновники объявляют засекреченным все то, что обнажает их плохую работу, неудачи, бездарность и безграмотность руководства. Народ не должен знать, что гибнут миллионы голов скота, что вагоны и локомотивы вконец изношены, и тем самым железнодорожные катастрофы, можно сказать, запланированы, что армия распадается, а армейское имущество, включая боевую технику, разворовывается. Так, едва Закон о печати вступил в силу, под его главный тезис об уничтожении цензуры аппаратчики немедленно подложили мину. Вместе с тем на поверхность выплыл другой параграф того же закона: нарушителям государственных тайн грозит суд и лишение свободы от 5 до 10 лет! Такая вот ловушка для особо ретивых искателей, хранителей и распространителей общественной правды.

Кстати, попытки подловить журналистов на «разглашении» уже делаются. После того как нынешним летом «Московские новости» опубликовали выступление бывшего генерала КГБ Олега Калугина, одного из редакторов вызвали в главную военную прокуратуру. Допрос длился четыре часа, после чего следователь прокуратуры явился в редакцию и незаконно потребовал сдать ему стенограмму выступления Калугина, на основании которой газета подготовила статью. Все это делалось, разумеется, во имя сохранения государственных тайн, которые Калугин, а за ним и «Московские новости» якобы разбалтывают.

А в далекой Сибири с непослушными журналистами и редакторами расправляются еще проще. Когда самодеятельное Сибирское информационное агентство напечатало информационный бюллетень, который не понравился местным обкомовцам, последовала команда – и весь тираж арестовали в аэропорту. А издатель обвинили по уголовной статье – «занятие запрещенным промыслом». В Ленинграде газета «Смена» позволила себе высказать догадку, что аварию самолета, в котором летел Борис Ельцин (дело произошло в Испании), подстроил КГБ, – и немедленно последовали санкции, так что вполне возможно, что редактору придется предстать перед судом. На Урале у гонителей свободной прессы своя метода: там против нежелательных изданий используют почтовую службу – время от времени весь тираж того или иного журнала вдруг исчезает, не дойдя до подписчиков. Особенно часто это происходит с номерами довольно свободолобивого журнала «Век XX и мир».

Но, конечно, в централизованном государстве удобнее всего давить неудобную прессу централизованными же методами. Незадолго до начала подписной кампании 1991 года было объявлено, что цена на газеты и журналы будет вскоре резко поднята – возможно, в 3-4 раза. Связано это якобы с увеличением стоимости печати и услуг почты. Ход отличный. «Правда», «Известия», «Коммунист» и другие «высокопоставленные» издания такое испытание, разумеется, выдержат легко, нехватку средств им покроют из партийной и государственной касс. А молодые оппозиционные издания, только-только становящиеся на ноги, да и некоторые старые, выравшиеся из-под опеки ЦК, могут тут же и прогореть: публика не сможет подписаться на слишком дорогое издание. «Наши экономисты подсчитали, что если даже цены возрастут вдвое, то подписка упадет также в два раза», – прокомментировал решение «верхов» главный редактор «Огонька» Виталий Коротич. Главный редактор «Московского комсомольца» Павел Гусев взглянул на ситуацию глубже (а может быть, просто позволил себе большую степень откровенности): «Это (повышение цен) – замаскированная акция для удара по свободе слова. В результате малоимущее население, как раз те, кто больше всего нуждается в информации, окажется лишеными ее». Того же мнения придерживается главный редактор «Советской культуры»: «Аппарат, который давно хотел придавить гласность, сейчас нашел повод – переход к рыночной экономике, чтобы пресечь интерес к газетам методом их удорожания».

Это действительно так. Особенно если принять во внимание, что тиражи многих партийных газет и журналов за годы перестройки уменьшились в пять и более раз. Похоже, что в 1991 году спрос на партийное слово упадет еще ниже. А это значит, что упадут и возможности пропаганды, массового оболванивания, которы-

ми так дорожат партийные боссы. Впрочем, не станем беспокоиться за судьбу партаппарата: все рычаги управления государственной жизнью все еще прочно в его руках. Да и народное имущество тоже. Монополия на гласность отменена, но зато сохранена монополия на бумагу. Более половины производимой в стране бумаги по сей день передается по низким и сверхнизким ценам партийной системе, министерствам и ведомствам. Из 1 миллиона 800 тысяч тонн газетной бумаги 500 тысяч тонн пожирает каждый год Управление делами ЦК КПСС, 150 тысяч тонн берут себе военные. Немало есть и других высокопоставленных потребителей, в результате чего на все газеты России остается всего 60 тысяч тонн газетной бумаги. Каких-либо принципиальных перемен в распределении газетной бумаги в новом году не предвидится. Примерно так же распределяется и бумага, предназначенная для книг и журналов. Издательство «Правда» выпустило в нынешнем году 350 млн. экземпляров своей партийно-пропагандистской макулатуры, в то время как все остальные книжные тиражи России составили 140 миллионов экземпляров. Так что нет нужды пускаться против оппозиционной прессы отряды спецназа и беспокоить КГБ: по расчетам партийного аппарата, многочисленные демократические издания сами собой задохнутся в наступающем году от повышения цен или отсутствия бумаги. Такова стратегия горбачевского руководства в эпоху гласности.

Как же оценивают ситуацию в печати те, кто профессионально занимается ею? Превратит ли Закон о печати сумеречную гласность в полную свободу слова? Вот несколько наиболее ярких высказываний по этому поводу редакторов изданий различного направления.

«Гласность и свобода печати – разные вещи. Гласность – это то, что дозволено сверху. Я вообще не могу ни одну газету или журнал, издающийся типографским способом, назвать свободной печатью. Свободы печати нет, она не возникла еще за годы перестройки» (Александр Левиков, «Литературная газета»).

«Журналисты, общественные и даже государственные деятели чуть ли не голос сорвали за перестроечные годы и всем надоели, вопя: «Дайте достоверную статистику! Обнародуйте долю военного производства в национальном доходе!». Результаты же в лучшем случае половинчатые, а в худшем случае близки к нулю» (Алексей Панкин, «Международная жизнь»).

«Цензура – это вожжи. Сейчас вожжи немножко отпустили. Мы уже мотаем головой. Но в любую минуту эти вожжи могут натянуть, мы сначала встанем на дыбы, а потом обречем привычку ходить под седлом и дальше» (Михаил Федотов, юрист, общественный деятель).

«Закон о печати во многом несовершенен... Мало самостоятельности у прессы, сохраняется ее зависимость от кого-то» (Анатолий Иванов, «Молодая гвардия»).

«Вообще же в нашей стране легче принять закон, чем его осуществить» (Виталий Коротич, «Огонек»).

Как видим, ни «левые», ни «правые» журналисты оптимизма по поводу завтрашнего дня своей профессии не испытывают. Стальной топор государственной цензуры по-прежнему нависает над свободным словом России».

Российские законодатели пошли по другому пути – в мае 1991 года они представили на широкое обсуждение свой, республиканский проект Закона о печати, авторами которого стали те же, кто разработал и отстоял принятый союзный Закон о печати, – М.А. Федотов, Ю.М. Батурин и В.Л. Энтин.

Авторы уточнили, что проект не противоречит союзному закону, а развивает и дополняет его положения. Так, если раньше о цензуре в 1-й статье была лишь одна фраза, то в проект была включена специальная статья: «НЕДОПУСТИМОСТЬ ЦЕНЗУРЫ».

Цензура массовой информации, говорится в ней, то есть требование от редакции средства массовой информации со стороны должностных лиц государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно согласовать сообщения и материалы (кроме случаев, когда должностное лицо является автором или интервьюируемым), а равно наложение запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей, — не допускается. Создание и финансирование органов, организаций или учреждений, назначение должностных лиц, в задачи либо функции которых входит осуществление цензуры массовой информации, — не допускается.

Любопытное уточнение предлагалось в главе «Организация деятельности средств массовой информации»: в течение двух лет со дня первого выхода в свет продукции средства массовой информации редакция освобождается от платежей в бюджет из прибыли.

Появились новые разделы, связанные с электронными средствами массовой информации. В частности, о порядке формирования и деятельности Федеральной комиссии по массовым коммуникациям, которая будет вырабатывать государственную политику в области лицензирования радио- и телевидения. Вот следующее положение статьи 31 «ЛИЦЕНЗИЯ НА ВЕЩАНИЕ»: «Не принимаются к рассмотрению заявки на лицензию, подаваемые непосредственно либо через дочерние организации политическими партиями, профессиональными союзами, религиозными организациями, иными общественными объединениями». Ясно, что заниматься телерадиовещанием должны профессионалы, предоставляя равные возможности для всех.

В главе «Отношения средств массовой информации с гражданами и организациями» был расширен раздел о праве на получение информации: статьи о запросе информации, отказе и отсрочке в предоставлении информации, о конфиденциальной информации, которые ранее, во время обсуждения союзного Закона, вообще исчезли из текста. Декан факультета журналистики МГУ, профессор Я.Н. Засурский назвал проект российского Закона серьезным вкладом в развитие юридической мысли о СМИ; здесь впервые выдержан принцип правового государства: разрешается все, что не запрещено (вместо традиционного: разрешается все, что разрешается)... Проект Закона РСФСР «О средствах массовой информации» авторы посвятили памяти народного депутата СССР, журналистки из Красноярска Людмилы Батынской, отстаивавшей в союзном парламенте право прессы быть четвертой властью, а не «пылью на ботинках». Текст был опубликован в специальном выпуске газеты «Россия» и в виде отдельной брошюры.

О монополии КПСС на бумагу

А как должно было обстоять дело с собственностью КПСС? Ведь пока в ее руках находились основные полиграфические мощности по выпуску периодики. Газета «Куранты» (16.3.1991) отмечала, что в системе Министерства печати и массовой информации РСФСР имеет только 4 процента всех полиграфических мощностей по выпуску газет РСФСР. Вот что говорил на эту тему министр М.Полторанин («Аргументы и факты», 28.7.1990):

«Когда я познакомился с состоянием дел в этой отрасли – я был в шоке. Почти 60% бум комбинатов эксплуатируются с конца прошлого и начала нынешнего века. 65% оборудования имеет 100-процентный износ. В течение последних 20 лет темпы прироста химической обработки леса снизились в 5 раз. За гроши гоним кругляк за границу. В России самые крупные запасы леса в мире – 73 млрд. кубометров, а производство целлюлозы в 6 раз меньше, чем в США, бумаги – в 8 раз, писчих и печатных видов бумаги – в 15 раз, гигиенических сортов – в 50 раз меньше.

То же с полиграфией. Все, что было лучшее, партия забрала себе, худшее – осталось государству.

В 1975 году самые лучшие типографии были переданы на баланс партии. То, что построено на средства трудящихся, партия экспроприировала, а теперь партocrats заявляют о святости и неприкосновенности партийного имущества.

А там, где типографии и газеты прибыли не давали, их оставляли на дотации госбюджета. Сейчас система Госкомпечати обеспечивает издание 2115 «малых» газет, из которых 80% убыточны. Из бюджета республики выкачивается на их содержание 60 млн. рублей. А командуют этими изданиями парткомы разных уровней. Базы машиностроения для отечественной полиграфии практически нет. Наше машиностроение не выпускает 182 вида оборудования из 362 необходимых наименований. А то, что выпускает, – отстает на пятьдесят лет. За годы перестройки производство оборудования, необходимого для издательского дела, сократилось до 42%. С одной стороны – слова о гласности, с другой – удушение этой самой гласности. Так что начинаем мы даже не с нуля, а с минусовых отметок.

– Министерство много берет на себя. Не боитесь ли вы, что со временем оно превратится в монстра и, борясь с монополизмом, само станет монополистом?

– Не боюсь. Министерство не собирается диктовать свою волю издателям и изданиям. Мы попытаемся объединить усилия всех структур, причастных к печати и массовой информации, чтобы они перешли на саморегулируемую основу и стали эффективнее служить делу возрождения нравственности в России. Мы создаем координационный совет, в который войдут редактора газет, журналов, руководители издательств. Вместе будем выработать предложения для реализации их в Верховном Совете РСФСР и правительстве республики. Мы видим главной задачей оказание правового обеспечения гласности.

Что от нас требует время? Нужно создать разделительную комиссию, которую вошли бы народные депутаты, юристы, экономисты. Пусть они сядут и разберутся: а что, собственно, такое партийная собственность? Откуда она взялась? Каким образом? Почему партийные работники, которые довели до ручки страну, получают пенсии от государства, а не от партии? И сколько они выкачали народных денег? Сколько валюты взяла партия у государства на приобретение полиграфии, медицинского оборудования для привилегированных поликлиник и санаториев, мебели для дачи т.д.? И выставить счет. Тогда окажется, что партия не только ничего не имеет, но и должна народу миллиарды. Верховный Совет может принять решение о национализации имущества и выплате партией долгов народу.

– Все это в будущем. Что сейчас можно сделать?

– Нужно укреплять базу. Сейчас мы договариваемся о приобретении в США университетских типографий для малочисленных народов Севера.

Мы твердо понимаем, что своими силами нам не поднять махину проблем. Будем привлекать иностранный капитал для развития бумажной промышленности, полиграфии, создания мощностей по производству видеотехники. Бизнесмены идут нам навстречу, они хотят войти в наш рынок. Нельзя отказываться и от услуг благотворительности.

– А не распродают ли это России, как любят выражаться консерваторы?

– Они 70 лет выкачивали недра и молчали. Продавали сырье на укрепление мировой системы социализма, на укрепление верхушки – генералитета партии, армии, КГБ, государства. Словом, недра распродавались для поддержки тоталитарных структур. Теперь Россия меняет структуру – они не будут перемалывать иностранный капитал, а направлять его на службу народу. Но нападки, безусловно, будут. Они уже есть: приемы центральной партийной печати известны – побольше намеков, побольше развязанности, поменьше правды и здравого смысла. Раньше на эту приманку клевали, теперь такие методы дают обратный эффект.

– Михаил Никифорович, конкретный вопрос: 1 августа вступает в силу Закон о печати. Предположим, я задумал издавать свою газету. Что я должен сделать?

– Правительство России приняло решение, по которому российские издания регистрирует наше министерство, в автономных республиках и областях и районах – местные советские органы.

Вы получите лицензию и можете издавать газету. А дальше ваша забота – где брать бумагу, где печатать. По идее, мы должны помогать бумагой, полиграфией и будем это делать, но не сейчас, а тогда, когда укрепим базу. Банк вам дает ссуду: найдете типографию – и в добрый час.

– У нас самая пишущая в мире страна. Пишущая инструкции, циркуляры, положения, разъяснения и т.д. И издающая их. Собирается ли министерство навести порядок в бумажной деятельности контор и всерьез заняться распределением бумаги?

– Сейчас мы должны круто действовать. Распределение бумаги – жгучий вопрос. Почему не выходит «Новый мир» и испытывают бумажный голод другие популярные издания и в то же время ЦК КПСС «запускает» новые газеты, журналы?

Почему в партийных издательствах не знают забот и в то же время детские издательства «Малыш», «Детская литература» влачат голодное существование?

Министерство будет выходить в правительство с предложением о перераспределении бумаги. А когда создадим базу гласности, в полную силу заработают СП, заработает рынок, функции министерства будут сужаться...

– ...и вы останетесь без работы.

– Это будет означать, что с порученным делом министерство справилось».

Резюмируем суть того, что сказал российский министр М. Полторанин. Отменить цензуру и разрешить свободную, неограниченную подписку на любое издание, даже на журнал «Америка» или на «Московские новости», оказалось сравнительно простым делом. 73 года была предварительная цензура всей печати и принудительная подписка на все издания КПСС, а сегодня нет. По логике вещей, вся эта «крайне непопулярная у публики продукция (дубовый язык, дезинформация, лживая коммунистическая «пропаганда успехов», обличение капиталистов и других буржуазных эксплуататоров в духе «холодной войны») должна была сразу потерять спрос на рынке и задыхаться на ладан. Ан нет. В условиях резкого уменьшения общего

производства газетно-журнальной бумаги в СССР в 1990 году правительство страны одевало все, чтобы обеспечить безусловными поставками бумаги издания КПСС. Значительная часть бумаги попала на рынок и разошлась по бешеным ценам. То, что раньше творил цензор из Главлита или «ответственный сотрудник» идеологического отдела ЦК КПСС, теперь делает не менее успешно чиновник из союзного правительственного органа, распределяющий газетную бумагу по принципу идеологической благонадежности — строптивым достается бумага в последнюю очередь и по высокой цене. Есть и более простые, эффективные способы давать подножку гласности. Ну, кто мог себе вообразить еще год назад, что полиграфия в СССР встанет из-за отсутствия... типографской краски для цветной печати? Один из необходимых компонентов приходится закупать за границей — и вот, не закупили, сэкономили, сорвали выпуск учебников для школ, детских книг, паспортов и денег. Кто-то из наших плановых и снабженческих организаций в очередной раз хорошо нажился, распродавая втридорога остатки дефицитной краски. Западные поставщики из ФРГ и Швейцарии пошли нам навстречу, срочно отгрузили нам крупные партии необходимых пигментов и добавок для производства полиграфических красок на двух советских заводах. А мы в ответ не стали оплачивать выставленные нам валютные счета. Западные партнеры возмутились и надолго прекратили всякие поставки. А всего-то нужно было тратить ежегодно на эти закупки не более 4 млн. долларов.

В середине января 1991 года выяснилось, что единственный в стране поставщик полиграфического цинка высокой чистоты прекратил свое производство. Этот новый вид дефицита в первую очередь затронул центральные газеты, печатающиеся не только в Москве, но и во всех концах страны, куда оттиски газетных полос передавались по фототелеграфу, а затем превращались в цинковые клише; с этих матриц и печатался тираж. Причина нового дефицита — с начала 1991 года Госплан исключил полиграфический цинк из так называемого государственного заказа, т.е. фактически санкционировал на этот вид продукции свободные, космические цены. Ну, а по разведанным запасам цинка СССР занимает первое место в мире.

4 января 1991 года газета «Известия» опубликовала подборку сообщений своих корреспондентов из различных регионов страны и обширный редакционный комментарий о том, как Министерство связи СССР фактически саботирует под самыми разными предлогами распространение (развозку и разноску) «Известий». Происходила прелюбопытнейшая вещь: одновременно с резким, многократным увеличением тарифов почтовика во много раз уменьшили свое служебное рве-

ние. Но почему это у них выборочно получалось: «Правду», к примеру, почтальоны носят, а «Известия» или «Комсомольскую правду» доставляют с перебоями, от случая к случаю?

А ведь нарождающейся российской печати приходится куда труднее, чем газетам-ветеранам. Подробно на эту тему высказывается на страницах «Аргументов и фактов» (№ 46, 1990) в статье «Россия обретает голос» заместитель министра печати и средств информации РСФСР, народный депутат СССР В. Логунов:

«Безгласие во времена гласности. Закон о печати открыл шлюзы гласности. На 1 ноября в нашем министерстве зарегистрировано около 300 самых разнообразных изданий, выходящих в республике.

Много трудностей у новых газет. Не хватает кадров. Слабо развита полиграфическая база: здесь мы на полвека отстаем от зарубежных стран. Но даже и дополнительного оборудования мало.

Россия не имела ни своего телевидения, ни радио, ни изданий, кроме небезвестной «Советской России», которая, несмотря на официальную принадлежность Верховному Совету РСФСР, ему не принадлежала. А краевые, областные, городские и районные газеты двойного подчинения? Этими совместными изданиями всегда командовали партийные комитеты.

Поэтому министерство, созданное в конце сентября, начало с формирования независимой российской печати.

Что же сделано? Начинает выходить ежедневная парламентская «Российская газета». 3 ноября вышел пробный, 11 ноября – первый номер. До конца года начнет выходить еженедельная правительственная газета. Планируется издание еженедельника, тема которого – суверенитет, федерация, а также общественно-политического журнала, других изданий.

«Принципы или компромисс?» Как же удалось приступить к изданию российских газет? Мы, я бы сказал, по-доброму договорились с ЦК КПСС о возможности издавать российские газеты в издательском комплексе «Московская правда». Кроме того, вместе будем устраивать вторую очередь этой типографии (площадь – 32 тыс. кв. метров), оснащать ее, а потом получим 40% производственных мощностей издательского комплекса и столько же процентов всех прибылей. К концу 1991 г. у нас не должно быть трудностей с изданием своей периодики.

Сейчас говорят о том, что мы «поступились принципами», договариваясь с ЦК КПСС... Но давайте трезво взглянем на вещи: чего бы мы добились, «отняв» «Советскую Россию»? Реально получили бы только фонды бумаги, да еще название издания (не очень-то популярного у большинства читателей). А где печатать – в Туле, Женева? Да и потом, у печатного органа коммунистов России своя история, своя читатель... А новая Россия должна получить новую газету.

В августе мы направили на места письмо, в котором указывалось, что отныне окружные, городские и районные газеты двойного подчинения дотацию из российского бюджета не получают (она в этом году достигла 70 млн. рублей, а в будущем году в связи с ростом цен на бумагу, полиграфические услуги, за распространение – вышла бы за пределы 300 млн. руб.), но могут рассчитывать на 50% требуемого объема бумаги (остальное за счет УД ЦК КПСС). В ответ на местах начался процесс разделения изданий – с титулов снималось традиционное «орган ОК, ГК, РК» (хотя командовать изданиями по-прежнему собирались тоже ОК, ГК, РК).

Никто насильно не заставляет объединяться или разъединяться – процесс должен быть естественным. Вопрос о дотациях решит Верховный Совет России при учреждении госбюджета, а целесообразности изданий – местные Советы, а не парткомы. Мы будем последовательно отстаивать нашу позицию. Ведь судьба местных изданий – это еще и судьба 30 тысяч журналистов...

Бумага – это серьезно. Больше всего нас беспокоит ситуация с бумагой, которой в республике очень мало. То и дело слышишь традиционное (случайное ли?) – «кооператоры виноваты: всю бумагу скупили». Но в общем объеме то, что кооператоры покупают (за 30 номиналов), – капля в море по сравнению с тем, что имеют различные «почтовые ящики» и УД ЦК КПСС. Плановики всегда ждали указаний из Управления делами ЦК, кому и сколько дать бумаги.

Изменилась ли сегодня ситуация? Внешне – да. А по сути дела принцип распределения бумаги остался прежним. Скажем, в прошлом году было произведено около 1 млн. 800 тыс. т газетной бумаги (цифры усредненные). 600 тыс. т – направлено в союзные республики. Около 250 тыс. ушло в дружественные страны, из оставшегося количества – более полумиллиона тонн (половина!) – для ЦК КПСС, 150 тыс. т. потребляют различные ведомства (МО СССР, КГБ, МВД, ВЛКСМ и т.д.). России выделено 60 тыс. т. Это меньше 4% от всей произведенной в республике газетной бумаги! Единственный выход: перераспределение фондов за счет тех потребителей, которые располагают большими ресурсами».

Журналистские перья выдали на тему о материальной базе гласности в СССР сотни статей. У каждого нового возникающего дефицита есть свои объективные причины, главная из которых – борьба административно-командной системы за собственное выживание. Партаппарат и министерства твердо усвоили, что их диктатура может управлять лишь в условиях всеобщего дефицита, бедности и бесправия. «Жрать не получишь! И всего остального тоже!» – истошно вопил (про себя, не вслух) коммунистический аппаратчик и легко добивался успеха в экономической блокаде всего живого.

В ночь с 1 на 2 января 1991 года отряд внутренних войск МВД СССР захватил Дом печати в Риге. Министр МВД СССР Пуго заявил, что он приказа «черным беретам» не отдавал, вмешиваться не будет и надо, мол, искать компромиссный вариант. С кем? С латышской компартией, которая решила таким способом «вернуть собственность КПСС».

Газета «Известия» (9.1.1991) привела мнение Казимира Дундурса, директора рижского Дома печати: «В 1957 году Латвийское газетно-журнальное издательство было безвозмездно передано в собственность компартии. Ежегодно 1,5-2 млн. рублей прибыли от его работы переходило в партийный бюджет. В 1972 году началось строительство новой типографии за 25 млн. рублей. Но мы своим трудом окупили эти затраты во много раз, перечислив в 1976-1990 годах на счет КПСС свыше 90 млн. рублей прибыли. Мы уже год как преобразовали Дом печати в акционерное общество, трудовой коллектив это единодушно одобрил, и сотни рабочих уже купили акции. Причем на учредительном собрании акции были распределены следующим образом: коллективам типографии и редакций – 51%, Латвийской республике – 26%, КПСС – 23%. Законность претензий сторон на Дом печати не устанавливал пока ни суд, ни Госарбитраж».

И вдруг такой пассаж с «черными беретами» от лица КПСС. Коллектив крупнейшего в Латвии издательства (1300 человек, из них – 50 полиграфистов) категорически отказался работать под дулами автоматов. Центральные (московские) газеты в Латвия перестали выходить, республиканская правительственная газета «Диена» стала печататься в одной из других рижских типографий. Действия войск МВД СССР получили очень серьезную поддержку в ЦК КПСС, на Центральном телевидении СССР, в газете «Правда», которые сделали все от них зависящее для нагнетания обстановки, в Риге.

К началу 1991 года в Грузии, Армении, Прибалтике и ряде областей Молдавии и Украины у КПСС практически не осталось собственных изданий. Тамошние газеты лишились своих девизов «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а заодно и партийной опеки, и стали независимыми изданиями. То есть учредителями этих газет стали сами редакционные коллективы.

Но приватизация и в 1992 году еще не коснулась бумажной промышленности и полиграфии. ЦБК – целлюлозно-бумажные комбинаты – работают еще в режиме ГУЛАГа, так как их продолжают обирать почти до нитки вышестоящие инстанции, не разрешающие им почти никакой хозяйственной самостоятельности ни на внешнем рынке, ни на внутреннем, ни на территории самих ЦБК. Так что упоминание ГУЛАГа – главное управление лагерей для заключенных – совсем не преувеличение. Ведь по-прежнему лес для бумажных комбинатов валят осужденные или бывшие ээки, рабочий персонал на этих комбинатах мается от плохого продовольственного снабжения и болезней. Ни одного здорового человека в тех местах просто быть не может, так как вредными выбросами заражены воздух и все окрестные земли и водоемы. Официальная советская статистика свидетельствует, что 80 процентов всех советских выпускников школ – больны. Здоровье остальных 20 процентов весьма условно. Главной причиной является некачественное питание – избыток мучных продуктов, сахара и животных жиров, отравленные нитратами овощи, отсутствие фруктов – и бедственное положение окружающей среды.

Москва на сегодняшний день не в состоянии пока исправить плачевное экономическое состояние в лесной и бумажной промышленности России. На добрых 80 процентов ЦБК укомплектованы импортным оборудованием. Вся продукция лесников и бумажников – экспортная, валютная. Возрождение этих крайне запущенных отраслей возможно, но мешала костенеющая предсмертная хватка центральных монопольных ведомств. Но это пес-

симилистический взгляд на вещи. Есть ведь и хорошие новости. Сталинская модель централизованной экономики еще, оказывается, способна на некоторые достижения. Оказалось, что донельзя изношенное, устаревшее морально и физически оборудование советских целлюлозно-бумажных комбинатов можно эксплуатировать более успешно с помощью новейших западных автоматизированных систем управления технологическими процессами. Американская фирма ABB USSR Business Development Inc. предоставила в августе 1990 года советским ЦКБ кредит на сумму 22,5 млн. долларов сроком на 3 года. Согласно программе, утвержденной Министерством лесной промышленности СССР и Совмином СССР, СП «ПРИС» (совместное предприятие, состоящее из фирмы АВВ и советского научно-производственного объединения «Нефтехимавтоматика») уже в 1990-1991 годах оснастил 10 комбинатов оборудованием, которое позволит поднять их производительность на 5-20 процентов, а качество продукции – до уровня мировых стандартов.

Рынка у нас пока нет, а есть лишь диктат монополистов. Захотим, мод, поставить новейшую систему электронного зажигания (то бишь управления) на все наши автомобильные развалюхи (то бишь ЦКБ) – и поставим, в принудительном порядке. А потом все сдадим в утиль. Зато сколько раз в командировку в США съездят министерские и совминовские чиновники? Много. И принимать их там будут настолько хорошо, что, вернувшись домой, они обязательно изобретут еще один не менее глобальный проект, столь же выгодный», американскому налогоплательщику.

Парадокс заключается еще и в том, что западные фирмы при необходимых гарантиях со стороны своих правительств, а иногда и без всяких гарантий готовы вкладывать свои капиталы в СССР, в проекты, абсолютно безнадежные с экономической точки зрения. Казалось бы, по здравому размышлению, западники должны были бы помочь издателям нарождающейся свободной прессы в СССР точно так же, как они это делали в отношении польской независимой прессы 70-80-х годов. Всеми возможными способами снабжали свободные польские издания бумагой, деньгами, типографской техникой и прочим необходимым оборудованием. В отношении СССР политика другая, диаметрально противоположная. Вот как излагает ее народный депутат СССР Галина Старовойтова в беседе с московским корреспондентом американской радиостанции «Свобода». Выдержка из интервью Г. Старовойтовой Юрию Митюнову приводится по тексту из парижской эмигрантской газеты «Русская мысль» (8.6.1990):

«Мне кажется, Запад больше всего сегодня озабочен одной проблемой: чтобы СССР не стал разваливающейся империей, неким, как говорится, Зимбабве с ядерным оружием. Правда, недавно в Зимбабве побывали наши журналисты, и они говорят, что, если мы будем лет тридцать хорошо работать, тогда, может быть, мы будем жить так, как Зимбабве. Так что эта аналогия не очень правомочна, хотя она часто используется на Западе. И вот Запад готов сегодня пойти на многие уступки, в том числе и на предоставление кредитов. ФРГ уже начала шаги в этом направлении для того, чтобы предотвратить экономический кризис, на пороге которого мы стоим. И Запад искренне в этом заинтересован, потому что распадающаяся империя сегодня опасна для всего земного шара. Запад заинтересован в продлении нашей стагнации и готов дать эти кредиты даже до начала реальных экономических реформ в нашей стране. Но заинтересованы ли мы в продлении этой стагнации и получении кредитов или таких милосердных подаяний от развитых стран без начала реформ? Мне кажется, что эти кредиты уйдут в песок точно так же, как неведомо куда ушла огромная международная помощь Армении после землетрясения. Наша сегодняшняя система не способна эффективно использовать зарубежную помощь. Думаю, что Запад был бы прав, если бы поинтересовался, каким образом будут использованы эти деньги. А еще лучше, если бы он помог нам просто технологиями, менеджментом, специалистами и особенно в создании материально-технической базы независимой прессы, которая могла бы развеять стереотипы, существующие у большинства советского населения и мешающие сегодня развитию нормальной предпринимательской деятельности. В противном случае возможна только оттяжка кризисных явлений, но не их полное предотвращение».

После 70 лет лживой пропаганды особенно важно воссоздать в СССР влиятельную, профессиональную свободную прессу, которая ока еще в пленках у нас барахтается.

Вот и еще одну удавку на независимую советскую прессу изобрели. Наряду с резким повышением цен на бумагу (вдвое-вчетверо, и это по официальным государственным расценкам, а на рынке цена тонны бумаги подскакивала иногда и до 10 раз) и многократным подорожанием типографских услуг Министерство связи СССР подняло цены на распространение и продажу периодики. Пользуясь своей фактической монополией на распространение прессы через киоски «Союзпечати» и почтальонов, Минсвязи СССР запросило (затребовало) с центральных изданий (т.е. издаваемых в Москве всесоюзных газет и журналов) половину их продажной цены (по состоянию на лето 1990 года). С органов печати союзных республик и всех прочих изданий, также претендующих на максимально широкую зону распространения, постановили сдирать «цены по договоренности», т.е. любые.

Абсолютные рекорды цен, по мнению газеты «Известия» (26.1.1991), побили почтовики Казахстана, которые в 16 раз (!) увеличили почтовые тарифы и в 26 раз (!) взвинтили расценки на доставку прессы. Теперь, отдавая 60 процентов дохода Министерству связи, местные издания оказались перед угрозой закрытия.

Чтобы не разориться, все советские периодические издания вынуждены были поднять цены в 1991 году в несколько раз. В 1990 году еще цена за один номер ежедневной или еженедельной центральной газеты не превышала 5-20 копеек. «Неформальные» независимые издания, как правило, не принимаемые ни к распространению, ни к подписке агентством «Союзпечать», продавались с рук уличными разносчиками по цене 1-2 рубля (и это при ничтожно малом объеме данных изданий и крайне убогом их полиграфическом исполнении).

Искусственно взвинтив цены, центральные ведомства, пользуясь своей фактической монополией на производство и распределение бумаги, владение полиграфической базой и редакционными зданиями, сеть по распространению периодической печати, кажется, добились своего. Компартия всеми возможными способами, где принудительно как и в былые времена, а где и по сниженным ценам, а то и бесплатно, усиленно распространяла «Правду», «Советскую Россию» и аналогичные свои издания. А что должна была делать редакция толстого литературного ежемесячного журнала «Новый мир»? В 1990 году из типографии вышла всего половина его номеров из 12.

Конечно, нужно реконструировать бумажные комбинаты и предприятия связи, создавать новые полиграфические мощности. Но где гарантии, что разница между новыми и старыми ценами на бумагу, услуги связи и полиграфии пойдет именно на модернизацию производства, повышение зарплаты и улучшение условий труда и жизни лесорубов, полиграфистов, почтальонов? Как это обычно у нас бывает, вся прибыль или почти вся утечет в бездонный государственный карман.

То, что не удалось раньше делать ограничением на подписку (выписывали на одно-два партийных издания в приказном порядке, а вот один талон на годичную подписку на литературный журнал «Нового мира» разыгрывали на весь тысячный коллектив какого-нибудь института или учреждения), делается сегодня вздуванием цен. Но одного все-таки не учли аппаратчики: выбор-то остается за подписчиком. И вместо 3-4 изданий он возьмет 1-2, действительно нужных. Так что цыплят по осени считают...

Пока у нас голод на информацию. Бедность нашей периодики поразительна даже по сравнению с 1913 годом, дореволюционным, предвоенным временем. В 1988 году в СССР издавалось 1578 журналов различной тематики и назначения. До революции же в России выходило свыше 8 тысяч журналов. А с развитыми странами Запада, пишет журнал «Огонек» (19.5.1990), мы вообще не можем равняться. В ФРГ, стране с численностью населения впятеро меньше, чем в

СССР, выходит 1268 научных журналов, в США же их – 18,5 тысячи! Только по социологии издается американцами 290 изданий (у нас – 2). Всего же в США имеется 59 609 журналов.

Но зато ровно половина всего объема бумаги на издание всех журналов в бывшем СССР уходила на выпуск «общественно-политических» и социально-экономических журналов. Собственно научных журналов среди них было ничтожно мало. Агитационно-пропагандистская продукция, издания различных ведомств и министерств – ими были завалены витрины всех киосков «Союзпечати» от Москвы до Владивостока, библиотечные полки. Этот мертвый, нечитаемый фонд периодики регулярно списывали и, таким способом, выполняли с лихвой государственные планы по заготовкам макулатуры.

Ну кто, спрашивается, находясь в здравом уме, покупал бы на свои деньги или даже читал бесплатно по своему желанию в библиотеке такие журналы, как «Проблемы мира и социализма», «Блокнот агитатора» (издание КПСС в 76 региональных разновидностях и на многих языках народов СССР), «Социалистическое соревнование», «Слово лектора», «Социалистический труд», «Рабоче-крестьянский корреспондент», «Экономика Советской Украины», «Коммунист Грузии» и многие сотни им подобных?

Оказавшись вне системы принудительной подписки, большинство из поименованных «общественно-политических» изданий попросту прекратили свое существование. В целом картина была такова, по словам газеты «Известия» (24.11.1990):

«Подписной тираж всесоюзных газет к 1 января 1991-го по отношению к 1 января 1990 года составляет 64,9 процента, всесоюзных журналов – 45,4 процента.

Среди газет снова, как и в прошлом году, лидирует еженедельник «Аргументы и факты». На него подписалось 22,7 млн. Тираж еженедельника сегодня, напомним, 33,2 млн. экз. У газеты «Труд» разовый тираж в ноябре 1990 года 21,4 млн. экз. Подписались на «Труд» 17 млн. человек. Следом в лидерах – «Комсомольская правда». В 1990 году она считалась рекордсменом среди ежедневных газет, претендовала на «Книгу рекордов Гиннесса» с тиражом в 22 млн. экз. Теперь собрала 16,3 млн. экз.

«Известия» при новой подписной цене – 22,56 рубля на год – тоже, как мы и предполагали, потеряли немало подписчиков. На газету подписалось 3,6 млн. человек. Это, тем не менее, позволило ей быть в пятерке ведущих по тиражу газет страны. У «Сельской жизни», она на пятом месте, тираж теперь 3,5 млн.

Больше всех сбавили подписной тираж среди всесоюзных газет «Литературная газета» (было на 1 января 1990 года 4,5 млн., стало 1 млн.), «Правда» (на нее подписались 2 млн., хотя было 6,8 млн. подписчиков). Среди журналов больше всех подписчиков потеряли «Диалог» (тираж 343 тыс.; 19,6 процента к уровню прошлого года) и «Известия ЦК КПСС» (150 тыс. экземпляров; 22,8 процента). Тираж журнала «Человек и закон» уменьшился на три четверти. И «Огонек», став дороже больше чем вдвое, потерял примерно треть своих читателей. Пока он выходит тиражом в 4,6 млн. экз., а будет – 1,5 млн.»

К осени 1991 года в Советах различных уровней зарегистрировано 20 тысяч периодических изданий, из них около 400 были основаны частными лицами. Всесоюзный каталог подписных изданий на 1992 год включал в себя две с лишним тысячи наименований, из которых около трехсот — совершенно новых. Это в сравнении с каталогом на 1991 год, включающим менее тысячи газет и журналов.

В 1992 году регулярная годовичная подписка на многие газеты, не говоря уже о научных журналах, стала предметом роскоши. «Союзпечать», Министерство связи к Кабинет министров делали все возможное, чтобы выкрутить руки издателям и отыграться на подписчиках. Люди с небольшими доходами стали покупать газеты, как торты, только к празднику.

С районными газетами, где трудилась большая часть советских журналистов, дело обстояло еще сложнее. До недавнего времени самые крупные и прибыльные из них были на партийном бюджете, а более мелкие, убыточные — на советском. Достаточно взять в руки любую районную газету, чтобы понять, что грядущий и нынешний экономический кризис грозит для подобной прессы роковым исходом. Жалко районщиков — как выпускать им газеты без снимков, при сбитых, слепых шрифтах? Еще два-три года назад все советские типографии хоть что-то получали с заводов полиграфического машиностроения ГДР и Чехословакии. А с 1990 года все это добро только на валюту можно купить. Валюты нет, своей полиграфической техники тоже нет. Бумага пока есть, но она давно стала предметом политической игры власть имущих.

И, во-первых, бумажные комбинаты хронически не выполняют планы и вообще снижают общее производство бумаги, во-вторых, они хорошо знают, что за одну тонну их бумаги, пусть даже не очень хорошей, им охотно заплатят по 470 долларов в Китае, Индии или Тайване. В-третьих, некоторые области РСФСР решили резко ограничить вывоз заготовленного леса за пределы своих областей. В-четвертых, 95 процентов газетной бумаги в СССР делалось на трех комбинатах (в Кондопоге, Соликамске и Балахне), т.е. на 22 бумагоделательных машинах, из которых 8 трудятся 50 и более лет, 12 введены в строй 20-30 лет назад, а самые новые 2 отслужили до 8 лет. Все машины зарубежного производства, все оборудование для них и запчасти тоже импортные. А валюты нет.

Газетам «Правда» и «Известия» государство из года в год закупало финскую бумагу для печатания значительной части их тиража. Ежегодно мы покупали до 1991 года у Финляндии по 400 тысяч тонн бумаги всех сортов на общую сумму в 250 млн. долларов. Интересны следу-

ющие цифры производства газетной бумаги в ведущих странах: в Канаде – 9673 тысячи тонн; США – 5300; Японии – 2588; Швеции – 1975; СССР – 1874 тысячи тонн. Ежегодное потребление газетной бумаги на душу населения: а СССР – 6,3 килограмма; Швейцарии – 43; Швеции – 44,5; США – 51,6 кг.

По количеству производимой бумаги Япония занимает второе место в мире после США. В 1987 году в стране было произведено 22,5 миллиона тонн бумаги, что почти в два раза превышало ее производство в Советском Союзе.

Вместе с тем за границей широкое и многоцелевое применение бумаги как в полиграфии, так и в различных сферах производства и быта сочетается с исключительно рациональным и рачительным отношением к использованию отходов. Если, согласно японской статистике, в Англии вторичная переработка старой бумаги составляла в 1987 году 293 процента от общего национального бумажного производства, а в Советском Союзе – лишь 19,1 процента, то в Японии этот показатель достиг 49,1 процента.

О важности этого дела говорить не приходится: на базе вторичной переработки макулатуры в 1987 году в Японии было произведено 81,5 процента всей печатной бумаги, использованной в полиграфическом производстве.

Мы можем снабдить все музеи мира образцами устаревшей, допотопной полиграфической техники. Весь мир, даже Африка, давно уже перешли на электронику, а у нас даже центральная пресса набирается на линотипах.

Исправить это положение обещал М.Ф.Ненашев, глава только что образованного в июле 1991 года Министерства информации и печати СССР. Коммунист Ненашев выгодным образом отличался от многих своих коллег по партии, руководителей средств массовой информации – Кравченко и Ефимова. Отставка Ненашева и замена его Кравченко поставила первого в ряд таких уважаемых деятелей, как Бакатин, Шеварднадзе, Петраков, Яковлев, Шаталин, потерявших свои посты в результате резкого поправения курса к концу 1990 года. Но что мог Ненашев?

Кстати, может ли быть объяснена бурная активность М. Полторанина тем, что он еще в 1990 году вышел из рядов КПСС? Эдуард Сагалаев, например, остался членом КПСС, хоть и уволился из Центрального телевидения. Не захотел каждый день публично врать под дудку Кравченко, а задумал основать свою собственную частную телекомпанию.

Сагалаев из тех, что слов своих на ветер не бросает. За эту репутацию приличного и очень серьезного человека его и избрали председателем правления Союза журналистов СССР на конфедеративной основе. А что это — Союз журналистов СССР? Профессиональный союз журналистов? В том-то и дело, что нет, к сожалению. Но новый председатель Сагалаев обещал со временем такой профсоюз создать.

Почему лгут журналисты

Крепостничество для советских журналистов десятилетия представляло собой стройную многоступенчатую структуру. Процесс поступления на работу занимал для любого журналиста, особенно малоизвестного, месяцы и годы, увольняли же его за 24 часа без права обращения в суд. Пресса была объектом очень эффективного, строжайшего тотального контроля на всех уровнях иерархии. Любая районная газета тиражом несколько тысяч экземпляров постоянно контролировалась всеми вышестоящими партийными комитетами вплоть до ЦК КПСС, соответствующий отдел которого исполнял функции ныне образованного Министерства информации и печати. Каждый номер мелкой районной газеты под микроскопом изучали цензоры и кагэбэшники, партийные, финансовые и плановые работники. Какая-нибудь трикотажная фабрика могла годами гнать на рынок до 90 процентов никем не учтенной «левой» продукции из фактически ворованного сырья, но за идеологической продукцией следили свято и строго, государственные и партийные цензоры взяток не брали. А чтобы кто-нибудь из журналистов попытался возразить своим шефам или, того хуже, высказать публично какую-нибудь крамолу (то есть любое негодное верхам мнение) по самому незначительному, даже неполитическому поводу? Если такое случалось, то место журналиста сразу оказывалось вакантным, а на улице одним безработным становилось больше. У наших журналистов фактически никогда не было защиты ни в виде профсоюза, ни в лице творческого Союза журналистов СССР, ни даже в виде суда. Провинившийся превращался в изгоя и не мог надеяться хотя бы на тот слабый уровень социальной защищенности, которой пользовался каждый рядовой советский труженик от сохи или от станка, служащий или учитель. Идеологически советский журналист, как и минер, мог ошибиться лишь один раз. И мы уже говорили о том, что система эта фактически оставалась нетронутой вплоть до конца 1990 года.

Одно правление Союза журналистов СССР чего стоило, чье штатное руководство десятилетиями пополнялось за счет списанных, самых бестолковых работников ЦК КПСС и КГБ СССР. В партаппарате и в политической полиции надо было демонстрировать какие-то результаты, а служба в роскошных апартаментах СЖ СССР была всегда хорошо оплачиваемой синекурой.

Аппарат союза на местах пополнялся в основном партийными работниками. Его секретарями всегда были руководители партийных изданий, занимавших первые места в иерархических списках печати от Москвы до областных центров. Председательское место в правлении СЖ СССР многие годы являлось довеском к должности главного редактора «Правды», заместителями председателя становились руководители ТАСС, «Известий» Гостелерадио, АПН и т.д. Уходил один генеральный директор, допустим, ТАСС, приходил новый – место за столом правления его уже ждало, дело было лишь в сроках очередного пленума.

5 февраля 1991 года в Москве открылся VII съезд Союза журналистов СССР. Большая часть его делегатов была старше пятидесяти лет. Они и отстояли Леонида Кравченко, когда на съезде началось долгое обсуждение вопроса об отзыве этого народного депутата СССР, получившего в свое время мандат от СЖ СССР как общественной организации. Несмотря на стремление председательствующего на тот момент в президиуме съезда, исполняющего обязанности председателя СЖ СССР Ивана Зубкова замять вопрос, делегаты настояли, чтобы в повестку дня был внесен отчет Кравченко в связи с последними событиями на Гостелерадио СССР, где, образно говоря, с его приходом началось мощное наступление на гласность.

Немногим позже Л. Кравченко исключили-таки из Союза журналистов СССР на заседании президиума Союза журналистов Москвы. А на седьмом съезде СЖ СССР прежний союз умер. Так решил съезд, одновременно провозгласив образование... опять же Союза журналистов СССР, но уже на конфедеративной основе. Тем самым подчеркивалось равноправие и суверенитет всех организаций-участниц, объединенных на договорной основе. Новый союз – самоуправляемая, неправительственная, независимая от политических партий организация. Новый союз должен отстаивать авторитет и права работников средств массовой информации. И право зрителя и читателя на правдивую, взвешенную информацию.

Съезд журналистов только закончил свою работу, когда был опубликован Указ Президента СССР «О первоочередных мерах по социально-экономической защите деятелей литературы и искусства в усло-

виях перехода к рыночным отношениям». Новая газета Союза журналистов СССР «Голос» (№ 8, февраль 1991 г.) незамедлительно откликнулась на это важное событие («Издания Союза журналистов освобождаются от налогов»), поместив интервью заместителя министра печати России М.Федотова под заголовком «Может ли пресса быть четвертой властью, когда она является чьим-то органом?».

« – Прочитав этот Указ, я подумал, что мы совсем недавно, в дни работы VII съезда Союза журналистов СССР, принимали обращение, в том числе и к Президенту СССР, в котором, в частности, предлагали «освободить от налогообложения доходы редакций и журналистских союзов, обеспечив тем самым выживание средств массовой информации в новых экономических условиях». Помните?

– Конечно. Мы опубликовали его в седьмом номере «Голоса». Но к чему это предисловие?

– В этом я вижу быстрый отклик на поставленную нами проблему.

– Михаил Александрович, неужели вы считаете, что Президенту, чтобы издать данный Указ, не хватало только нашего обращения к нему?

– Видите ли, что стало последней каплей для принятия данного решения – трудно сказать. Но, может быть, и обращение съезда СЖ. Правда, там вопрос ставился шире – отменить налог со всех средств массовой информации. Ибо в условиях, когда растут цены на бумагу, на полиграфические и услуги связи, газеты и журналы, ранее получавшие огромные прибыли (куда они уходили – вопрос другой), теперь начинают терпеть огромные убытки. И это очень важный шаг Президента. Иначе где-нибудь через полгода максимум окажемся в обществе, лишенном средств массовой информации. Выживут только чисто коммерческие издания, которые подпитываются рекламой. И – порнография.

– То есть для газет и журналов останутся лишь две эти движущие силы?

– Да, действительно так.

– Ныне редакции газет и журналов, как и любое иное предприятие, платят налог 45 процентов?

– Это по союзному закону, а у нас в России, – 38 процентов. Плюс к этому 50,6 процентов забирают связисты. Плюс к этому стоимость бумаги. Мы с вами знаем, что установленную госцену – 880 рублей за тонну – бумажники просто-напросто игнорируют: берут и 1200, и 1500, и больше... Разве при таком грабеже газета может выжить!

А вот Указ Президента, освободив Союз журналистов, его предприятия, объединения и организации от налога, создает у средств массовой информации новую ситуацию. Отныне редакции тех газет и журналов, которые перейдут под эгиду СЖ, будут освобождены от налогов.

– Вы хотите сказать, что те газеты, которые останутся органами партийных комитетов или Советов, коммерческие, по-прежнему будут платить свой налог в 45 или 38 процентов?

– Совершенно верно. Но если такая газета переменит своего учредителя и станет изданием, скажем, областной, городской или районной организации СЖ, то согласно Указу будет освобождена от налога.

Думаю, в этом заложен и определенный политический смысл. Ведь ни в одной другой стране мира (имею в виду страны подлинной демократии) нет газет – органов государственной власти. Как нет такого огромного количества партийных газет. Везде пресса – это подлинно четвертая власть. А четвертая власть, согласитесь, не может и не должна быть органом первой, второй или третьей власти. Иначе какая же она четвертая власть, если она чей-то орган!

И я в этом Указе вижу вот этот новый неожиданный эффект: все средства массовой информации начнут уходить под опеку Союза журналистов. Тем более что СЖ, как было отмечено на VII съезде, должен быть не коммерческой, а исключительно профессионально-творческой организацией.

— *Значит, наш «Голос» будет одним из первых, с кого снимут налог: наш соучредитель — Союз журналистов СССР, а как поменять учредителя другим: просто получить согласие организации СЖ или надо регистрировать себя в качестве нового издания?*

— Только последнее. Газета может взять новое название или оставить старое, но обязательно должна прекратить свое существование и зарегистрироваться уже в качестве нового издания.

— *Михаил Александрович, вы говорите, что только Указ Президента освободит издания СЖ от налогов. Но, насколько известно, ведь и раньше многие издания не облагались налогами.*

— Верно, были такие издания, и их доходы изымались в пользу СЖ. Но как это происходило? СЖ требовал: либо вы нам перечисляете весь свой доход, либо государство заберет его у вас в качестве налогов. И в любом случае редакции оставались обобранными до нитки. А теперь они будут освобождаться от налога на законных основаниях.

— *Плюс к этому могут поправить свое благосостояние еще и рекламой. Ведь зарубежная пресса основной доход получает не от реализации издания, а от рекламы.*

— К сожалению, наши газеты на рекламе держаться пока не могут. Ведь чтобы пошла реклама стабильно, нужен спрос на нее. А спрос рождается при избытке того, что надо рекламировать — предметов ширпотреба. Поэтому наша газетная реклама — это скорее самореклама руководителей предприятий, у которых нашлось немного лишних средств, и больше ничего. Поэтому стабильным источником дохода она стать пока не может.

— *В Указе есть запись, что вновь создаваемые предприятия творческих союзов могут быть освобождены от налогов Минфином по согласованию с Министерством культуры СССР. Как вы, Михаил Александрович, считаете, какое дело Минкульту до вновь создаваемых, скажем, газет?*

— Мне кажется, что здесь может быть создан определенный механизм. Когда в руках Министерства культуры может оказаться палка-погонялка против творческих союзов.

— *То есть Минкульт сможет предъявить свои требования новым изданиям СЖ?*

— А почему бы и нет? Минкульт может заявить, что эту газету он от налога освобождает, а вот ту — нет. И в таком случае может возникнуть дополнительный и опасный механизм идеологического контроля.

— *Но ведь, кроме идеологического контроля, в этом случае может возникнуть и ситуация для взятки?*

— И это не исключено. Однако в Указе записано, что вновь создаваемые предприятия и организации освобождаются от налогов Минфином. Значит, мы это так и будем толковать: Минфин обязан освободить их от налога.

Хоть и трудно все это пока объяснить, я склонен думать, что, внося эту норму, составители Указа подразумевали, что если творческие союзы начнут вдруг создавать предприятия, не имеющие отношения к их профилю (автосборку, радиотехнику...), то в согласовании с Минкульт сработает как бы своеобразный автостоп — остановит незаконное деяние.

— *Однако, для Союза журналистов, профильными могут быть не только газеты и журналы, но и свое бумажное производство...*

– Думаю, что это было бы весьма правильным. В первую очередь союзу сейчас надо озаботиться тем, чтобы создать материальную базу свободе слова. Ибо без материальной базы свобода печати – блеф. Нет бумаги, нет полиграфической базы – нет и свободной печати, свободного слова.

Надеюсь, что данный Указ – это первый шаг Президента в реализации тех социально-экономических проблем, которые обсуждались на VII съезде СЖ и о которых говорилось в обращении съезда к Президенту СССР.

В Союзе журналистов СССР в мае 1991 года образовали Комитет о защите свободы слова и прав журналистов и председателем его избрали еще одного безработного журналиста – Павла Гутионтова, вынужденного распрощаться с «Известиями», где он был ведущим, самым популярным обозревателем по внутривластным проблемам. Гутионтов столкнулся с очень сложными вопросами. Кого он должен был защищать?

Те, кто у нас раньше обкладывал матом иностранных буржуев и исправно получал за это гонорары и зарубежные командировки, сами ни на йоту не верили в то, что писали. Не имея ясного представления о делах в республиках, эти же люди с имперской небрежностью публично клеили ярлыки «националист», «фашист» и т.д. руководящим деятелям Литвы; в Узбекистане усилиями МВД СССР негодных Москве руководителей республики просто упекли за решетку, в Баку строптивых перестреляли десантники, а посланцы Кремля полностью заменили руководителей республики; всей Армении организовали войну и экономическую блокаду; турок месхетинцев, осетин и абхазов натравили на независимое грузинское правительство. Все эти безобразия творились центром при активном их журналистском обеспечении. Профессиональных лжецов у вас еще пока избыток.

О каком уважении людей к журналистам и к журналистской профессии можно после этого говорить? Таких деятелей можно только бояться, как нормальный человек избегает в своей жизни иметь дело со следователем, милиционером или сотрудником КГБ. Обо всем этом хорошо сказал М. Полторанин (международная газета «Русский курьер», № 16, июнь 1991):

«Сейчас, конечно, не так, как в восемьдесят восьмом – восемьдесят девятом годах, когда нас со всех трибун проклинали. Журналистов не любит общество, потому что это большое общество. Нормальная журналистика показывает его недостатки, болезни, изнанку. То, что оно привыкло прятать далеко и надежно. Несозревшее, недемократическое общество содрогнулось оттого, что обнажилось, насколько плохо оно воспитано, насколько плохо живет, насколько плохо одето... Но вместо того, чтобы лечить себя, стало пенять на зеркало и даже пыталось его разбить.

Вторая волна нелюбви к журналистике пошла, когда вся эта публика, которую мы называем парткратией, снова почти полностью прибрала к рукам средства массовой информации. А малую толику изданий, которые выпирали еще острым уг-

лом из этого благополучия, стало подвергать остракизму. Но с августа 1990 года, когда в силу Закона о печати стали появляться газеты совершенно независимые, неподконтрольные никакой олигархии, и опять стали писать о том, о чем другие газеты молчали, – снова пошла реакция: не смеет, не трогать.

С другой стороны, сейчас в неуважении к журналистам во многом виноваты и сами журналисты. Мы первыми перешли на рыночные условия. И теперь просто подтверждается, что и многие журналисты – из привыкших жить под чьей-то крышей, выполнять чьи-то указания – не в состоянии принять лично для себя условия, в которых уже реально работает журналистика независимая, демократическая. Тем более, когда партийные комитеты КПСС, так сказать, одумались. Всегда прежде принимая журналистов, считая их холопами, бросая с барского стола им лишь обглоданные кости, теперь партократы стали срочно подкармливать тех журналистов, которые еще остались в партийной прессе. На Центральном телевидении, в «Правде», в «Советской России», в «Сельской жизни», в «Рабочей трибуне», в «Московской правде». Стали создавать им условия, чтобы они, как говорили, жили на зависть тем, кто работает в независимой прессе и кого они называют писателями. А особо обласканные начальством стали выполнять любые его команды.

Взять, к примеру, того же Игоря Фесуненко, который вел передачи с кандидатами в президенты России. Насколько выборочные у него вопросы – к Бакатину, к Рыжкову. Насколько приятная тут у него улыбка. А когда он разговаривает в Горбачевым! Здесь не просто приятная улыбка, здесь полнейшее подобострастие, сплошное придыхание, само послушание. Даже вся фигура при этом изогнута в просительный знак.

И тот же И. Фесуненко – как по-барски развалился перед Б.Ельциным, как похамски... А когда Ельцин снял пиджак (от юпитеров в студии ведь жарится), сказал: «Надеюсь, вы ограничитесь этим». Думаю, что в порядочном обществе подобный журналист больше бы не имел права появиться на телеэкране. Когда люди смотрят на таких журналистов, они, естественно, испытывают неуважение к ним. А через них, что тоже очень естественно, проецируют негативное отношение и на других представителей нашей профессии.

Меня беспокоит, что мы, журналисты, тоже раскалываемся. Одни, скажем так, идут резко направо, другие – резко налево. Хотя журналист не имеет права позволять себе служить какой-либо группировке, потому что его долг – представлять четвертую власть, власть общественного мнения. А общественное мнение всегда между столкновениями и имеет тенденцию к объективности. Оно всегда за согласие, за гражданский мир. И журналист ни при каких условиях не имеет права забывать того, иначе он совершает нечто подобное клятвopоступлению. Считаю, что для журналистов, начиная со студенчества, надо вводить своеобразную клятву – типа клятвы Гиппократова. Необъективности, на верность общечеловеческим ценностям, христианским идеалам, состраданию к человеку, служению обществу, всему тому, что называется словом гражданственность. Все это было в российской журналистике. И постепенно нам надо перейти от принципов партийной журналистики к журналистике гражданского общества».

Таких слов Система не прощает. Газета «Гласность» (учредитель – ЦК КПСС) 20 сентября 1990 года обвинила М. Полторанина в том, что в своем выступлении по ЦТ он «позволил себе угрозы в адрес многих тысяч советских журналистов». К этой теме еженедельник возвращался в восьми номерах подряд, ставя перед Председателем ВС РСФСР Б. Ельциным, Генеральным прокурором СССР А.Сухаревым и Председателем ВС СССР А. Лукьяновым вопрос о соответствии Полторанина должности министра и депутата. Что же такое ска-

зал Полторанин 16 октября 1990 г. с экрана ЦТ? Цитируем весь отрывок из фонограммы, приведенной в газете «Советская Россия» (10.7.1991):

«И каждый человек, кто сегодня, так или иначе, прислуживает этому партийному аппарату, прислуживает этой партократии, гнется перед этой партократией, должен осознать, что здесь не будет, как говорится, правых и виноватых. Так вот, все люди, кто сегодня так или иначе прислуживает – особенно есть журналисты у нас партийные, которые сделали свой выбор, да не только журналисты, – они должны осознать, что они играют с огнем. И они не думают о будущем не только своей семьи, но и будущих поколений».

Полторанин терпел нападки «Гласности», «Правды», обозревателя ТАСС В. Петруни в свой адрес полгода и подал, наконец, в суд.

В мае 1991 года Союз журналистов СССР обратился с публичным заявлением в поддержку сотен литовских журналистов, в котором выразил официальный протест против военного присутствия в зданиях республиканского телевидения и вильнюсского Дома печати в Литве. А что толку? Чтобы стать действенным, союз должен быть преобразован в профсоюз, отстаивающий интересы своих членов перед работодателем, говорит Э.Сагалаев. Но это, наверное, процесс нескороый.

В начале мая 1991 года, на второй день работы съезда Союза журналистов СССР, был обсужден и принят Кодекс профессиональной этики журналиста. Написан он был М.А.Федотовым в соавторстве с Д.С. Авраамовым давно, три с лишним года назад опубликовал в журнале «Журналист», переведен на многие языки и признан одним из лучших в Европе.

В июне 1991 года состоялась официальная регистрация Фонда защиты гласности, инициатором создания которого был Союз кинематографистов СССР. Были положены на счет Фонда первые сто тысяч рублей в коммерческом Нефтегазстройбанке. Фонд должен был материально и юридически поддерживать журналистов, документалистов, работников телевидения, на которых оказывается давление, помогать семьям уволенных или погибших, поддерживать независимые издания, новые телестудии. Фонд объединил в себе и был создан усилиями редакционных коллективов «Московских новостей», «Аргументов и фактов», «Огонька», «Московского комсомольца», «Мегаполис-экспресс». Выступивший на встрече учредителей новорожденного фонда министр печати РСФСР Михаил Полторанин предупредил, что относительно благоприятный для демократической печати период заканчивается:

«Теперь, когда средства массовой информации добрались до основ режима, режим в ответ готовит пушки. Мы можем называться свободными, независимыми, демократическими, но издаемся-то по-прежнему на партийной базе. И бумага, и вся полиграфия до сих пор остаются собственностью государства. А ему проще просто перекрыть демократическим изданиям кислород (новым видом цензуры – экономической). В руках государства также находится «Союзпечать» – и вот уже многие средства массовой информации в разных городах она отказывается распространять, объясняя это нераскупаемостью новых изданий. Создание неза висимой экономической базы для оппозиционных газет и журналов – главные на сегодняшний день задачи фонда. Не меньше, чем свобода слова, в защите нужна ется свобода это слово услышать. Многие республики под флагом суверенитета закрывают дверь перед информацией. Пример этого – освещение событий в Нагорном Карабахе. Военных в Карабахе принуждают к насилию, а дезертирство и голодовки протеста среди солдат утаиваются».

Неожиданное и многозначительное совпадение: презентация фонда состоялась именно в тот день, когда в 1922 году был принят декрет об официальном учреждении Главлита. День рождения советской цензуры стал одновременно днем рождения движения по борьбе с ней, по борьбе за свободу слова.

Как писали «Известия» (10.6.1991), время романтизма для гласности кончилось:

«Наступило время поисков механизмов защиты гласности. И методы этой борьбы уже отработываются: в России открыты 35 региональных, независимых от партийных органов и местных Советов газет, тираж – около трех миллионов экземпляров, учреждены они самими трудовыми коллективами и Министерством печати и информации России. В Ленинграде действует альтернативная «Союзпечати» система распространения средств печати».

19 августа 1991 года Эдуард Сагалаев в первые же часы путча дал на фоне танков интервью японскому телевидению, подписал заявление от имени руководства СЖ СССР и все три дня находился рядом с защитниками Белого дома, парламента России. Точно такую позицию занял и Союз журналистов Москвы во главе с Павлом Гусевым, главным редактором газеты «Московский комсомолец». 22 августа СЖМ учредил специальные премии столичным журналистам, честно выполнившим свой профессиональный долг в дни государственного переворота. Дипломами и денежными премиями по тысяче рублей секретариат Союза журналистов Москвы наградил журналистские коллективы редакций газет «Аргументы и факты», «Вечерняя Москва», «Комсомольская правда», «Коммерсантъ», «Куранты», «Мегаполис-Экспресс», «Московский комсомолец», «Московские новости», «Независимая газета», «Пролог», «Россия», «Российские вести», «Российская газета», «Собеседник»; редакций журналов «Искусство кино», «Столица»; Российского информационного агентства, Агентства новостей и информации, радио «Эхо Москвы», «Российского радио».

Секретариат СЖМ также постановил: «На основании Устава Союза журналистов Москвы руководителей коммунистических газет, запятнавших себя участием в политических акциях и преступном сотрудничестве с путчистами, — первого заместителя главного редактора газеты «Правда» Селезнева Г.Н., главных редакторов газет «Советская Россия» Чикина В.В., «Рабочая трибуна» Юркова А.П., «Сельская жизнь» Харламова А.П., «Московская правда» Лысенко В.П., а также первого заместителя генерального директора ТАСС Шишкина Т.А. — исключить из Союза журналистов. Отметить, что председатель Гостелерадиокомпании СССР Кравченко Л.П. ранее уже исключен из Союза журналистов».

ГЛАВА II

ТАСС, ИАН, «ИНТЕРФАКС» и другие

Министерство информации под личиной ТАСС

Советская власть всегда крепко держала в узде журналистов, до тошно контролировала и направляла производство общественно-политической информации, будь то стенная газета или сообщение о приёме в Кремле.

А что такое стенная газета? Эти написанные от руки или на пишущей машинке несколько заметок, наклеенные на ватман, с парой рисунков, фотографий, каждый месяц вывешивались в коридорах всех советских учреждений, заводов и школ — везде, где были ячейки КПСС, а были они везде. Упразднение цензуры и повсеместное ослабление диктата КПСС к 1990 году изменило технологию этих «дацзыбао»: появилась хотя бы теоретическая возможность напечатать что-либо, размножить текст и раздать его всем желающим.

Только в очень крупных многотысячных трудовых коллективах издавна выходили так называемые многотиражные газеты: две-четыре малоформатные газетные полосы, печатаемые в типографии тиражом несколько сотен экземпляров. Только такого рода издания не были обязаны перепечатывать официальные сообщения ТАСС, Телеграфного агентства Советского Союза, десятилетия выполнявшего в стране функции министерства информации. Точнее, диспетчера при отделе агитации и пропаганды ЦК КПСС. Районные, областные, республиканские и центральные газеты ежедневно получали по телетайпу тексты официозов с детальными указаниями о месте и времени их публикации. Никакой отсебятины, вольностей; вот и получалось, что, открывая ежедневные газеты — «Правду», «Известия», грузинскую республиканскую «Зарю Востока», очень часто можно было видеть перед собой одну-две совершенно одинаковые полосы, с одними и теми же вариациями сообщений из Кремля.

ТАСС и в 1990 году рассылал на места свои указания. Только вот реакция на них у получателей стала другая. Осмелели те, кто еще недавно брал под козырек и делал все, что укажут из Москвы, по принципу «чего изволите-с?» И до чего дошли! Мало того, что игнорировали высокое мнение. Так еще брали эти телетайпные инструкции и факси-

мильно воспроизводили их на всеобщее обозрение – ну именно так, как это сделала республиканская русскоязычная газета «Заря Востока» (6.11.1990) в канун праздника Великого Октября, благополучно отменного в Грузии:

«К СВЕДЕНИЮ РЕДАКЦИЙ.

ПРЕДЛАГАЕТСЯ СЛЕДУЮЩИЙ РЕКОМЕНДОВАННЫЙ ПОРЯДОК ВЫХОДА ЕЖЕДНЕВНЫХ ЦЕНТРАЛЬНЫХ, РЕСПУБЛИКАНСКИХ, КРАЕВЫХ, ОБЛАСТНЫХ ПАРТИЙНЫХ ГАЗЕТ В ПРЕДПРАЗДНИЧНЫЕ И ПРАЗДНИЧНЫЕ ДНИ:

6 НОЯБРЯ ВСЕ ГАЗЕТЫ ВЫХОДЯТ ПО ОБЫЧНОМУ ГРАФИКУ.

7 НОЯБРЯ ГАЗЕТЫ ПУБЛИКУЮТ ПРИВЕТСТВЕННУЮ РЕЧЬ М.С.ГОРБАЧЕВА ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ТОРЖЕСТВЕННОГО ЗАСЕДАНИЯ, ПОСВЯЩЕННОГО 73-Й ГОДОВЩИНЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

8 НОЯБРЯ ГАЗЕТЫ ПУБЛИКУЮТ ОТЧЕТ С ДЕМОНСТРАЦИИ И ВОЕННОГО ПАРАДА НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ 7 НОЯБРЯ.

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ВЫХОДА ГАЗЕТ НА 9 НОЯБРЯ РЕШАЕТСЯ РЕДАКЦИЯМИ И МЕСТНЫМИ ОРГАНАМИ (ТАСС)

Необходимое пояснение. ТАСС издал приказ. Такие приказы, в частности, и мы, заринцы, получали годами к каждому празднику или памяtnому дню. Кто издает эти приказы, почему они передаются от имени информационного агентства и без подписи приказывающего, какого рода ответственность может наступить за непослушание – этого мы не знаем. Знаем только, что выполнение их предполагается неукоснительное.

Сегодня принят Закон о печати в СССР. Мы пока не имеем республиканского законодательства на этот счет и поэтому обратились к общесоюзному. Как мы ни листали Закон о печати – указания о руководящей и направляющей роли ТАСС, о его праве рекомендовать что-либо или устанавливать какие-либо порядки для газет, – ничего подобного мы так и не нашли.

Не будем кривить душой – инициативе рассылки по всем городам и весям инструктажа принадлежит, конечно, не журналистам агентства, а тому, кто привык, сидя в московском кабинете, руководить умами и сердцами одной шестой планеты. Возможно, привычка безропотно подчиняться анонимным рекомендациям оказалась бы не менее сильной, если бы не упоминание о необходимости печатать репортажи о военном московском параде. В самом деле, разве наш читатель стосковался по панорамным снимкам танковой колонны!»

Многие филиалы ТАСС в республиках СССР поменяли свои названия и политическую ориентацию. Но штаб-квартира ТАСС в Москве ни духа, ни букв своих не изменила. Один из официальных символов советской власти всегда была фраза, венчающая иногда наиболее весомые суждения Кремля: «ТАСС уполномочен заявить...». «Тассовки» (отнюдь не только протокольного содержания) часто сопровождалась пометкой «для обязательной публикации» и указанием, на какой полосе и в каком именно издании ее следует осуществить. Газетчики помнят: любое расхождение в оценках с ТАСС категорически пресекалось.

Информация, пройдя по каналам ТАСС, будто бы приобретала сертификат качества. Слухи, догадки, домыслы, попав на телетайпную

ленту, легализуются — и уже не зазорно использовать их как достоверную информацию (не случайно даже бюро проверки в газетах не перепроверяют материалы ТАСС).

«С престижем ТАСС все в порядке!» — под таким оптимистическим заголовком газета «Московский комсомолец» (73.1991) поместила нижеследующую заметку:

«16 января «Московский комсомолец» опубликовал заявление президиума Союза журналистов Москвы о событиях в Литве с оценкой деятельности ТАСС по освещению конфликта. Возмущенные ею руководители славного агентства ответили так:

«В своем заявлении о событиях в Литве президиум Союза журналистов Москвы дал оценку деятельности ТАСС, обвинив агентство в «откровенно тенденциозной подаче информации» о событиях в Литве, и делает вывод, что передаваемая корреспондентами информация «не способствует урегулированию конфликта, а лишь ведет к его углублению и разжиганию национальной розни».

С подобной оценкой деятельности ТАСС не может согласиться, так как о событиях в Литве, происходивших в период с 12 по 15 января 1991 года, агентство распространяло разнообразную информацию, которая представляла события в их динамике, отражала мнения очевидцев и показывала различные подходы в оценке происшедшего.

В этом можно легко убедиться, если непредвзято проанализировать весь поток информации на союзной, зарубежной и мировой лентах ТАСС, а также материалы Фотохроники ТАСС и журнала «Эхо планеты».

И не вина ТАСС, что отдельные средства массовой информации из общего объема передаваемой агентством информации выбирают только ту, которая соответствует их видению событий или политическим взглядам.

Заявление президиума Союза журналистов Москвы направлено на подрыв престижа ТАСС как одного из мировых информационных агентств и ведет к ущемлению его прав и законных интересов. «По поручению коллегии ТАСС заместитель генерального директора ТАСС В.Г.Таланов».

От редакции.

Конечно же, «не вина ТАСС, что отдельные средства массовой информации из общего объема передаваемой агентством информации выбирают только ту, которая соответствует их видению событий и политическим взглядам». Обидно только, что «Правде», «Советской России» и «Гласности» есть из чего выбрать, а нам, «Московским новостям» или «Независимой газете» — нет. Хотя мы, честное слово, каждый день, как вы советуете, непредвзято анализируем несущийся от вашего агентства поток информации...

Но, право, коллеги, стоит ли вообще обижаться? Ведь у вас судьба такая — быть не какой-нибудь мелкой частной фирмой, а Телеграфным агентством Советского Союза! А значит, ваше предназначение — делать все во имя и во благо нашей великой державы. А что идет ей во благо, ясное дело, кому виднее.

И потому, что вы, высоко подняв голову, несете свой крест, вас ценят и создают все условия для продуктивной работы. И потому взращенные и закаленные в ваших стенах кадры становятся самыми популярными людьми в стране. И правительство, по достоинству оценив их, бросает тассовских предводителей вытаскивать из бездны самые ответственные участки информационной индустрии. И ведь посмотрите, как в считанные дни преобразилось Центральное телевидение!

А насчет того, что заявление президиума Союза журналистов Москвы подрывает престиж ТАСС, вы, коллеги, не волнуйтесь: престиж ТАСС останется на уровне. На том же, что и всегда».

Выпаду «Московского комсомольца» в адрес ТАСС удивляться не стоит, не случайно ведь в этом агентстве главную редакцию союзной информации возглавляет В. Петруня, журналист не бесталанный, но слишком уж ориентированный на политические вкусы газет типа «Гласность» (ЦК КПСС), «Советская Россия», «Правда», «Красная звезда», телепрограммы «Время». На В. Петруню за его слишком уж беспардонные публичные наскоки подавали в суд народные депутаты СССР Г. Старовойтова (и она выиграла дело в суде Свердловского района г. Москвы в феврале 1991 года) и М. Полторанин (дело в суде тоже выиграл). А в какой, скажите на милость, суд обращаться тем чехам, которым довелось услышать, как ТАСС искажало факты об освобождении Праги. Американская газета «Новое русское слово» (12.2.1991) так излагала суть дела:

«Выступая сегодня на брифинге, начальник управления информации советского МИДа Виталий Чуркин обрушился с критикой на Чехословакию за то, что в пражском районе Смихов будет демонтирован памятник в честь Красной армии – стоящий на обелиске танк Т-34.

«Следуя той или иной конъюнктуре или поддаваясь мелким политическим страстям, можно попытаться переписать историю, но переделать ее нельзя, – говорил Чуркин. – Мы убеждены, что майские дни 1945 года останутся яркой страницей в истории отношений дружественных народов Советского Союза и Чехословакии, и никому не удастся вытравить их из памяти поколений».

Чуркин не пожелал, разумеется, вспомнить, что у граждан Чехословакии советский танк ассоциируется не только с 1945 годом, но и с более свежими событиями 1968 года, когда советские войска и части Варшавского договора оккупировали страну, положив конец демократическим реформам.

В связи с выступлением Чуркина корреспонденты ТАСС А. Канищев, И. Песков и Л. Тимофеев пишут: «На заключительном этапе (Второй мировой. – Ред.) войны, откликнувшись на призывы восставшей Праги, советские танкисты с боями совершили беспримерный бросок через горные массивы и избавили город от неизбежных разрушений. На пьедестал был водружен один из первых прорвавшихся в столицу танков».

ТАСС в очередной раз пытается переписать историю. Прагу освобождали не советские танкисты. Прага была освобождена от фашистов дивизией под командованием полковника Буняченко, которая входила в армию генерала Власова. Когда «доблестные советские танкисты» ворвались в Прагу, столица Чехословакии уже не нуждалась в их помощи».

А со вторым по счету указом Президента России в июле 1991 года что вышло? Подписанный Борисом Ельциным Указ о департизации государственных учреждений и организаций в России произвел на официальные инстанции не меньший эффект, чем в свое время заявление самого Ельцина о выходе из КПСС. Руководству ТАСС потребовалось несколько часов, чтобы получить высочайшее «добро» на публикацию документа с текстом указа, а программа «Время» позорно вышла в эфир без новости дня.

ТАСС представляет собой огромный информационный концерн с сотнями отделений в СССР и за его пределами. В Грузии, к примеру,

на него работали несколько сотен человек, но они, как и их коллеги в Прибалтике, первые решили заявить о своей независимости от ТАСС, разделе имущества и переходе на сугубо равноправные, договорные отношения. Во главе ТАСС всегда находились деятели, занимавшие в журналистской иерархии второе место (после газеты «Правда»). Леонид Замятин после руководства коллективом ТАСС перешел на работу в аппарат ЦК КПСС и добрый десяток «застойных» лет во главе отдела международной информации командовал всем процессом восхваления на Западе политики Л.И.Брежнева, а затем стал послом СССР в Лондоне. Заместителем Л. Замятина по отделу ЦК был В. Игнатенко, впоследствии ставший на один год главным в аппарате президента СССР по связям с прессой. У нас так – лучшие люди «застойной эпохи» плавно вошли в авангардные ряды деятелей перестройки.

Л. Замятин интервью свои не раздает, В.Игнатенко, как человек вторых ролей, не интересен. Тем более полезно вчитаться в строки, которые посвящены деятельности ТАСС и рисуют портрет генерального директора ТАСС Леонида Кравченко (с 14 ноября 1990 года Указом Президента СССР без утверждения Верховным Советом СССР назначен председателем Гостелерадио СССР). Вот интервью с ним газеты «Московская правда»(5.5.1990); в котором сквозь частокол партийных языковых лексических штампов проглядывает некоторый оттенок сожаления (легкого, почти неуловимого) существующим в КПСС порядком вещей:

«– Так получилось, Леонид Петрович, что в наши дни средства массовой информации – главная дискуссионная трибуна перестройки – сами стали объектом жесткой, неуступчивой дискуссии. Разброс мнений огромен: от утверждения, что где пресса едва ли не мотор перестройки, до обвинения наших коллег во всех ее неувязках и пробуксовках. И столь неоднозначное восприятие потока информации, буквально хлынувшего на нашего читателя и слушателя, не перестает удивлять.

– Меня лично удивило бы иное: единодушный восторг по поводу информационного бума. Слишком долго общество пребывало на старательно дозированном информационном пайке, чтобы безболезненно освоить обрушившееся на него «изобилие». Полагаю, что и мы, журналисты, не были по-настоящему готовы к столь резкому устранению ограничительных рогаток. Во всяком случае смею утверждать, что свою аудиторию мы знаем далеко не до конца. А прогнозировать ее реакцию лишь учимся. Оставим а стороне ортодоксов, которым правдивое слово поперек горла. Обратимся к основной массе тех, для кого мы работаем, – людям честным и искренним. Далеко не все они пребывают в эйфории от того, что в поисках новостей им теперь совсем не обязательно ловить по ночам голоса, так сказать, «из-за бугра». Достаточно раскрыть газетную страницу.

– Я бы сказал, «дымящуюся страницу»...

– Вот-вот. И дымится она от новостей, далеко не всегда радостных. И к этому надо привыкать. Ведь выучка у людей, особенно старшего поколения, иная. Ревнители казенного оптимизма вопреки желанию приучили читателя видеть за тревожной строкой нечто большее, нежели там сказано. Упоминаются, допустим, отдельные недоработки, значит, все из рук вон плохо. А тут черным по белому – ситуация критическая. Кстати, горький урок Чернобыля заключается и в том, что освещение

этой трагедии стало, хочется верить, одним из последних рецидивов той полуправды, что похуже иной лжи.

– Но если бы суть нашей работы сводилась лишь к регистрации точных фактов, думаю, и сам разговор о влиянии средств массовой информации на общественные процессы выглядел бы несерьезным...

– Естественно. Мало констатировать то или иное событие. Бесстрастная констатация может сыграть и деструктивную роль. Допустим, вы без конца напоминаете человеку о его физическом недуге. Это ведь тоже будет правдой. Правдой, которая отнюдь не прибавит несчастному бодрости. Иное дело, если вы поведаете ему, как нашел свое место в жизни его товарищ по беде. Истина – стержень нашего ремесла, главное орудие нашего производства. И оно должно быть орудием созидания, но не разрушения.

– К слову, Леонид Петрович, выбор сегодняшнего собеседника читателей «Московской правды» продиктован не только тем, что вы руководитель крупнейшего информационного агентства мира. В «Строительной газете» вы проделали путь от рядового сотрудника до главного редактора. В первой половине восьмидесятых руководили «Трудом», потом были заместителем председателя Гостелерадио СССР, и, убежден, ваше пребывание в этих средствах массовой информации не случайно совпадает с их заметными шагами навстречу читателю, зрителю, слушателю. Не будем останавливаться на работе в Гостелерадио (хотя она знаменательна появлением ряда телепередач, без которых сегодня немыслим голубой экран). Не будем лишь потому, что это было время обновления, о котором мечтали поколения журналистов. Но вот – «Труд», 1980-1985 годы. Суховатый орган ВЦСПС вдруг становится самой читаемой газетой. Его тираж взлетел с 9 до 19 миллионов. А как дела в ТАСС? ТАСС – поставщик официоза...

– ...который вынуждены дублировать издания от центрального до районного. Сводить все функции ТАСС лишь к тиражированию правительственных сообщений – анахронизм. Если бы было так, то вряд ли наше агентство пользовалось бы таким авторитетом за рубежом. Информация ТАСС распространяется на восьми языках. Ее постоянно получают в ста тридцати странах. Если суммировать ежедневную тассовскую продукцию, то получится семьсот пятьдесят газетных полос. Разве правительство даже такой огромной и богатой событиями страны, как наша, способно быть единственным источником столь мощной лавины новостей? Этот информационный конвейер образует как бы два потока – из СССР на зарубеж и нашу страну и из-за рубежа на СССР.

– Уже из сказанного вами ясно, что за всем этим стоит колоссальный труд большого отряда журналистов. И тем не менее, когда в газете появляется информация с пометкой «ТАСС», читатель воспринимает ее как официальное мнение властей.

– К сожалению, такая оценка сопутствует и материалам, которые по своему содержанию никак не могут быть правительственными. Да и когда употребляется расхожая формула «ТАСС уполномочен заявить», автором такой информации далеко не всегда является правительство в целом. И отнюдь не ТАСС. Агентство здесь – лишь посредник. И уж совсем нелепо, на мой взгляд, когда наш корреспондент с информацией, скажем, о культурной жизни выступает от имени всего агентства. Кстати, так происходит нередко по вине газетчиков, которые, оставляя гриф «ТАСС», почему-то вычеркивают фамилию автора. Я категорически против такой обезлички, да и не вижу никаких причин скрывать авторство органом и ведомством, передающим информацию. ТАСС действительно бывает нередко уполномочен делать то или иное заявление. Так почему бы прямо не оповестить о том, кто именно уполномочил ТАСС на это?

– Вернемся, однако, к официальным сообщениям. Ведь и сегодня еще нередко благодаря им наши газеты выглядят близнецами.

– Скажу сразу: я убежденный противник всякого рода газетной «обязаловки». Но справедливости ради замечу, что характер иных передаваемых по нашим каналам новостей таков, что, на мой взгляд, уважающее себя издание не может не поместить их. Однако, повторюсь, я за полную раскрепощенность в этом вопросе. Редакторат

должен иметь право конечного суждения. И как постоянный читатель «Московской правды» я приветствую решения газеты не публиковать официальные сообщения, поступившие так поздно, что ставят под угрозу график выхода номера: Наш же долг — не только своевременно передать информацию, но и сделать все, чтобы она становилась обязательной и без специальной пометки.

— Что вы хотите сами себе пожелать в день нашего профессионального праздника, о чем мечтаете?

— О чем можно мечтать в день профессионального праздника, как не о здоровье вверенного тебе дела? В последнее время ТАСС добротнo оснастился и продолжает оснащаться самым современным оборудованием. Причем речь идет не о «латании дыр» и даже не о модернизации. Речь о принципиально новом техническом уровне нашей службы. Не стану утомлять читателя перечнем наших приобретений, скажу лишь об их стратегической цели. Мы хотим создать электронный банк ТАСС — невиданное до сих пор хранилище самой богатой и самой разнообразной информации практически по всем важнейшим отраслям знаний.

— Но ведь «банк» — понятие коммерческое...

— Конечно, коммерческое. Пора бы в наше время хозрасчета перестать шараться от этого слова. Разумеется, содержимое банка не останется в монопольном пользовании ТАСС. Именно на коммерческой основе оно будет предоставляться тем, кто обратится к нам.

— Предвижу упрек: «Правительственное агентство становится монополистом информации. И это — в условиях многопартийности».

— Мы не собираемся делать никаких предварительных ограничений для наших потенциальных партнеров. Ни для предприятий, ни для организаций, ни для политических партий. В конце концов, точные сведения, истина — то, чего никогда не стоит бояться, если убежден в правоте своего дела».

В декабре 1990 года новым генеральным директором ТАСС стал Лев Спиридонов. 59 лет, кандидат философских наук. Был на комсомольской работе, затем в системе МИД СССР, был редактором газеты «Московская правда», заведующим сектором ЦК КПСС, секретарем МГК КПСС, а последнее время — первым заместителем главного редактора газеты «Правда». Как журналист — советской публике практически не известен, занял место в ряду новых выдвиженцев Президента (Пуго, Громов, Кравченко и т.д.).

Деятельность самых крупных советских ведомств, будь то военных, промышленных или идеологических, всегда была скрыта от общест-венности; во всяком случае советской. Мы всегда узнавали о себе самих все в последнюю очередь.

Специалисты, конечно же, знали, чем занимается, скажем, между-народная служба ТАСС, и с нетерпением ожидали радикальных пере-мен. «Наконец-то!», — не случайно именно под такой редакционной рубрикой еженедельник «Аргументы и факты» (№ 16, апрель 1991) поместил заметку заместителя главного редактора ИноТАСС В.Головина под заголовком «И для вас — секретный ТАСС»:

«Есть ли, по-вашему, у нас рынок информации? Я имею в виду не наличие в ки-осках даже самых независимых газет, а возможность при желании оперативно уз-нать, допустим, об отношении властей Сингапура к созданию совместных предпри-ятий или регулярно получать сведения о Польше, с которой мог бы завязать дело-вые контакты ваш райисполком. Увы, такого рынка у нас не существует, а инфор-

мация в значительной мере распределяется по старым номенклатурно-лимитным каналам.

Однако в конце прошлого года ТАСС, вернее, его Главная редакция иностранной информации (ИноТАСС), сделала собственный шаг к формированию рынка новостей. Не спрашивая особого разрешения, мы сняли грифы «для служебного пользования» со всех «закрытых» своих бюллетеней и вестников, которые поставлялись на столы чиновников Старой площади, МИД, КГБ и других ведомств, однако были недоступны «простым советским людям». Впервые в советской истории ИноТАСС предлагает свободную подписку на все эти вестники.

Например, на ежедневный бюллетень «Мир и СССР», этот прямой преемник засекреченного «Белого ТАСС», который считался «клубничкой» в руководящих кругах. Вестник предлагает переводы самих глубоких и острых зарубежных публикаций по всем аспектам жизни в СССР – от внешней политики до культуры.

Профессионалам в области бизнеса и международных связей, активистам политических партий и рабочего движения мы адресуем 7 ежедневных региональных вестников по проблемам Америки, Западной и Восточной Европы, Азии, Африки, Ближнего Востока. В частности, они знакомят с новейшим экономическим опытом, биржевой статистикой, организацией работы госслужб, органов местного самоуправления, дают «наводки» на налаживание деловых контактов с зарубежными партнерами.

Аналитические материалы на зарубежную тематику – от экономики до экологии – публикуются в выходящем 5 раз в неделю бюллетене «Досье международных проблем». Кстати, именно туда влился бывший закрытый вестник для высшего руководства, печатавшийся всего в 205 экземплярах.

Но, конечно, самый оперативный источник информации – это лента иностранных новостей, которую ИноТАСС с 1 января 1991 г. выпускает круглосуточно, в режиме «реального времени». Пока ее главный потребитель – это газеты, ТВ и радио. Однако они успевают переваривать лишь ничтожную долю имеющихся там сведений – от последних решений Белого дома до рекомендаций экспертов Общего рынка по конвертируемости рубля.

Мы предлагаем эту ленту новостей и в деловом варианте – только «серьезные» сообщения плюс ежедневные обзоры печати и теленовостей из крупнейших городов мира (разумеется, без «политической» правки). Готовится и более короткая «выжимка» наиболее острых и существенных материалов (т.н. служба «Планета»), дающих полное представление о ситуации в мире за истекшие сутки, которую сейчас получают в основном обкомы КПСС.

Короче говоря, огромный набор информации отныне выходит из закрытых досье и выносятся на свободный рынок. Предупреждаем только, что наши вестники рассчитаны на профессионалов и стоят в год от нескольких сотен рублей и выше».

В 1989 году исполнилось 25 лет со дня выхода на международный и советский рынки экономической информации ЭкоТАСС. Данная служба выпускает ряд изданий исключительно для экспертов экономики, банковского дела, внешней торговли. Для них публикуется информация о состоявшихся и проходящих у нас и за рубежом коммерческих переговорах, о заключенных советскими организациями экспортных и импортных контрактах с иностранными фирмами, некоторые данные по конъюнктуре рынков, сведения о курсах иностранных валют и т.д. В рубрике «Бизнес-диалог: ищем партнеров» публикуются платные объявления зарубежных фирм и отечественных организаций и предприятий о намерениях установить деловые контакты.

Все очень мило в ТАСС для непосвященного: сотни комнат, тысячи сотрудников, миллионы слов каждые сутки.

Главного только нет — доверия к тассовской информации. ТАСС занимался ПОДТАСОВКОЙ новостей десятилетиями, лгал при Сталине и при Горбачеве, во время августовского путча и после него. Да, да! Ведь указом Президента СССР от 28 августа 1991 года на пост генерального директора ТАСС был назначен пресс-секретарь Президента СССР В.Игнатенко, который исправно дезинформировал журналистов в январские дни 1991 года о событиях, в Литве. Разве позиция В.Игнатенко хоть в чем-нибудь разнилась от взглядов руководящей троицы Крючкова-Пуго-Язова? И разве моральный авторитет В.Игнатенко столь высок, чтобы успешно завершить декларированную им реформу? Превратить колосс на дотации, кремлевское министерство информации под названием ТАСС (последний готовил и распределял информацию, а сотни людей из отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС контролировали то, как пресса на местах исполняет тассовские команды) в экономически и политически независимый информационный концерн? Трудное дело. Недаром осенние 1991 года заголовки московской прессы можно свести к одному выводу, прозвучавшему в программе «Вести» Российского телевидения, — «Революция в ТАСС не состоялась».

Что у нас вечерами на телеэкранах дикторы читаю? Сообщения ТАСС. Уступив телевидение, Горбачев сумел оставить за собой не менее важную информационную цитадель в лице Телеграфного агентства Советского Союза.

СССР уже нет, а ТАСС есть. В сентябре 1991 года выяснилось, что у ТАСС есть три огромных передающих центра. Один, который знают все, — у Никитских ворот, второй — под одним из московских вокзалов, третий — в деревне под Москвой. Один центр основной и два резервных. В последних поддерживаются системы жизнеобеспечения, нормально функционируют 336 телеграфных и 180 телефонных каналов связи, соединяющих ТАСС со страной и со всем миром. Подземный тассовский центр в Москве двойного подчинения — ТАСС и Министерства связи СССР — был открыт в 1959 году. Представьте себе 53-метровый колодец для лифта и различных коммуникаций, а также 100-метровый горизонтальный тоннель для редакционных комнат и залов связи — по всем правилам оборонительных сооружений.

Линии компьютерной и спутниковой связи ТАСС — предмет вождения всех нарождающихся новых рыночных структур в СССР-СНГ. Вполне возможно, что в самом недалеком будущем ТАСС реализует свою идею «сдачи в аренду» Московской товарной бирже не только собственных технических систем связи, но и активного использования тассовских корреспондентских сетей внутри СССР и за рубежом.

Искать заработок на стороне вынуждены теперь не только тассовцы. Агентство «Новости», в условиях надвигающегося рынка и серьезных экономических трудностей, просто сдавало свои помещения всем желающим за твердую валюту, конечно, мотивируя это необходимостью более тесного сотрудничества с отечественными и зарубежными фирмами маркетинга, рекламы, туризма и массовой коммуникации.

Под крышей АПН

Масштабы у АПН-ИАН впечатляющи. Здесь и огромное книжное издательство в Москве, и одно из самых крупных зданий в столице для редакций агентства, собственная телеслужба, корреспондентская сеть в 120 странах мера; и в СССР было до 20 корпунктов.

Известный наш телевизионный обозреватель Владимир Цветов заметил на страницах августовского (еще допутчевого) номера журнала «Журналист» за 1991 год:

« Да вся наша международная журналистика на вранье была замешена. А я продукт той эпохи, это естественно. Я в 1957 году после окончания Института восточных языков при МГУ попал в Совиинформбюро, которое вскоре стаяв называться АПН. Начал с должности референта, потом «дорос» до редактора журнала, который издавался в Японии. Тогда я понял, что АПН – это большая панама, с помощью которой идет очковтирательство в мировом масштабе. Поскольку всю ту макулатуру, которая сочинялась в АПН и пропагандировала советский образ жизни и наши великие достижения, никто никогда не публиковал и не хотел публиковать, то, чтобы оправдать свое существование за рубежом, все занимались обычным очковтирательством. И я тоже. В Японии, например, существует масса всяких служебных бюллетеней, им все равно надо что-то печатать, иногда они брали наши материалы. Ну, например, один калининский корреспондент схохмил и прислал информацию, что на Калининской обойной фабрике придумали греющие обои и теперь радиаторы не нужны. И маленький бюллетень в 200 экземпляров, специализирующийся как раз на обойном деле, эту информацию опубликовал. А из названия непонятно, что это обойный бюллетень. И вот составляешь отчет, потом все наши отчеты суммируются и идут в ЦК: «АПН за месяц продвинул в зарубежную печать 5 тысяч своих пропагандистских материалов!» И все знали, что это вранье. Но было такое время».

Цветов покинул АПН в 1964 году, но порядки в этой конторе не менялись никогда. После краха путча власти России приступили к давно назревшей реорганизации этого пропагандистского придатка ЦК КПСС. Недаром его возглавляли в последние годы такие партийные функционеры, как Валентин Фалин и Альберт Власов, а всемогущими замами у них были генералы КГБ Федяшин и Бабушкин. Одна из главных редакций АПН – спецпропаганды – практически целиком состояла из гэбистов. Ими же наводнены и зарубежные представительства агентства.

В дни путча 20 августа 1991 года по каналам агентства практически во все государства мира был передан комментарий ведущего политического обозревателя ИАН Владимира Симонова. Это хотя и не явный панегирик хунте, но четкая попытка придать ей видимость легитимности в глазах мирового сообщества. В частности, там был следующий пассаж: «Геннадий Янаев и его коллеги по ГКЧП добровольно пошли на большую жертву — они возложили на свои плечи невероятное бремя проблем, которое нес Горбачев». Прочитав такой комментарий, один из переводчиков отказался работать с текстом, за что начальство пригрозило ему расторжением трудового соглашения.

19 августа руководство информационного агентства «Новости», подпав под обаяние ГКЧП, запретило выход книг Александра Яковлева и Раисы Горбачевой, хотя тираж этих книг к тому дню был уже отпечатан.

29 августа на совете директоров ИАН министр печати и массовой информации России М. Полторанин представил нового генерального директора ИАН Андрея Виноградова. Это агентство, прежде бывшее союзным, перешло под юрисдикцию России. До нынешнего назначения А. Виноградов возглавлял Российское информационное агентство, куда пришел в прошлом году именно из ИАН. В Информационном агентстве «Новости» Андрей Виноградов работал долго — был собкором ИАН (тогда еще АПН) в Чехословакии, потом по возвращении в Москву руководил Главной редакцией европейских стран.

Помимо ТАСС, только еще одно советское информационное агентство — АПН, имеет подобную же чрезвычайно разветвленную сеть корреспондентов и прочих представителей в СССР и за границей. Летом 1991 года название АПН-ИАН замелькало на страницах мировой печати и в демократических советских изданиях в связи со скандальным поведением руководителей агентства в отношении своего фотокорреспондента Вардана Оганесяна. 23-летнего корреспондента Оганесяна арестовал азербайджанский ОМОН в армянском селе Геташен на территории Азербайджана, изъял у него фотопленки и журналистское удостоверение и оставил за решеткой. Узнав о случившемся, руководство АПН в Москве телеграфно известило азербайджанские власти о разрыве контракта с этим нештатным журналистом. Оганесян, как нежелательный свидетель бесчинств МВД Азербайджана против местных армян, вряд ли бы когда-либо вышел на свободу, если бы не очень активное заступничество и шум в московской и зарубежной прессе, поднятый болгарской телевизионной журналисткой Цветаной Паскалевой, случайно оказавшейся тогда же, в мае, в Азербайджане и узнавшей, тоже случайно, о всей этой истории. С подачи Паскалевой в защиту журналиста вступились только что созданные Комитет защиты гласности при Союзе журналистов СССР и Фонд защиты гласности.

Случайно ли АПН-ИАН предало своего журналиста, отступилось от него, отдав пленного на верную гибель в зоне боевых действий?

Может быть, его работодатели слишком хорошо помнили, что когда в январе 1991 года в Прибалтике полилась кровь, их фотожурналист Оганесян сразу же вылетел в Ригу, где работал в съемочной группе Подниекса и Слапиньша? В июле 1991 года Оганесяна освободили, и он выступил на пресс-конференции в постпредстве Армении в Москве.

Светская хроника из агентства «Новости» потрясала подчас и сообщениями более приятного свойства. В начале 1991 года заместителем председателя ИАН стал Валерий Алексеевич Кузнецов, пришедший на этот пост с должности помощника А.Н. Яковлева. Журналисты, писатели и издатели помнят В.А. Кузнецова как одного из наиболее либеральных деятелей советской цензуры, когда в начале 80-х годов тот занимал пост заместителя начальника Главлита СССР. А еще Кузнецов, работая в соответствующем секторе ЦК КПСС, был куратором газеты «Аргументы и факты» и позволил этому изданию стать самым популярным в СССР. Но подобный послужной список для руководителей агентства «Новости» совершенно нетипичен.

Хотя, работал же в АПН всем известный ныне М.Полторанин. И даже нынешний как бы пресс-атташе литовского правительства, блестящий мастер слова и пера Альгимантас Чекуолис, который за словом в карман не лезет ни по-литовски, ни по-русски, ни английски. Бывший до самого недавнего времени официальным представителем Кремля по связям с прессой, апезновец Геннадий Герасимов также считался великолепным журналистом, хотя и менее демократичным и либеральным, чем его вышеназванные коллеги.

Айсбергом с маленькой надводной, видимой частью предстает перед советским налогоплательщиком деятельность организации, известной за последние полвека под названиями «Советское информационное бюро – Агентство печати «Новости» – Информационное агентство «Новости». За границей это агентство использовало наемных работников, пожалуй, больше, чем МИД СССР. Чего только не издавалось таким образом для зарубежного читателя, причем в основном бесплатно? Можно смело ответить – мало чего стоящего, если судить по тем брошюрам на иностранных языках, которыми были завалены стенды во всех специальных вокзальных помещениях в СССР, предназначенных для обслуживания иностранцев. Таковую продукцию и бесплатно не берут. А журнальчики о прелестях советской действительности, которые печатались для иностранных граждан в их собственных странах и на их родных языках? Не было на них реального спроса никогда ни в Софии, ни в Париже по причине крайне вопиющей лакировки содержания. Если у нас вполне хватало средств на финансовые инъекции всем коммунистическим партиям мира (тиражи их книжек и газет закупали за ва-

люту, кадры их обучали, руководство лечили и холили на наших курортах и в кремлевских спецбольницах, оружие давали, к власти приводили, берегли и охраняли), то, конечно, не было и проблем с тем, чтобы содержать несколько десятков (сотен) иностранных журналистов, охотно готовых печатно поддержать любую советскую акцию, конечно же, не бескорыстно. А как принимали многочисленных «друзей СССР» в стенах АПН, охотно и часто приезжавших в нашу страну за советский, разумеется, счет и имевших возможность тратить щедрые агентские гонорары в специальных магазинах с роскошным ассортиментом самых лучших западных товаров. Этим господ настолько берегли, что даже не просили расписаться в платежных бухгалтерских ведомостях – за них это полагалось делать сопровождающим советским журналистам. А потом поездки этих иностранцев по нашей стране со всеми их чадами и домочадцами. Да никакая западная туристская фирма не предоставляет такого богатейшего набора услуг. Теперь многое уже в прошлом. Не все, конечно. В правлении АПН-ИАН уже много лет все те же люди, по существу мало что изменилось.

Вот как отозвался об этой организации очень компетентный человек, бывший политический обозреватель АПН, министр печати и информации РСФСР М.Н.Полторанин (цитируем по московской газете «Менеджер», № 11 за 1990 год):

«Очень сложным оказался вопрос о создании российского информационного агентства. Правительство РСФСР предполагало, что его можно организовать на базе АПН. Не знаем, насколько это законно с юридической точки зрения. Но смысл в этой идее безусловно есть. Достаточно вспомнить, что АПН создавалось в самые глухие годы «холодной войны» с целью противостоять западной пропаганде. Сегодня эта цель не просто исчезла, ничего подобного и представить себе уже нельзя. Почему бы, действительно, этому полуофициальному ведомству КГБ не начать выполнять свои прямые функции – стать настоящим ИНФОРМАЦИОННЫМ агентством? Но, видимо, данную точку зрения не разделяет Президент СССР, который издает указ о преобразовании АПН в государственное информационное агентство «Новости». Указ не очень согласуется с правовыми нормами, так как официально АПН считается общественной организацией и превращать ее в государственную одним росчерком пера равнозначно превращению какой-либо новой партии, например, в государственное министерство. Вопрос об информационном агентстве, так же как о российском телевидении, пока остается открытым. В печати же положение лучше – сегодня регистрируют все новые издания».

С момента своего создания в 1961 г. Агентство рекламировалось как «общественная» организация, созданная такими в свою очередь тоже «общественными» организациями, как Союз журналистов СССР, Союз писателей СССР, Всесоюзное общество «Знание», Комитет советских женщин, Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами и др. Но все эти учредители были лишь формальной «крышей», или «зонтиком», как мягко выразился многолетний бессменный хозяин АПН Альберт Иванович Власов. Почти чет-

верть века этот человек занимал попеременно руководящие кресла то в самом АПН, то в специальном крупном подразделении штатных сотрудников ЦК КПСС, осуществлявших до 1990 года координацию деятельности АПН с другими столь же весомыми ведомствами – МИД, КГБ, Министерство обороны. О закулисной, сугубо неофициальной деятельности многих сотрудников АПН за границей написаны на Западе горы статей и даже книг.

Если бы А. Власову пришлось проходить переутверждение в должности в депутатских комиссиях российского или союзного парламентов, то, по всей вероятности, результат был бы по его кандидатуре отрицательным. И дело отнюдь не в личности; на посту председателя АПН и Б.Бурков, и Л.Толкунов, и В.Фалин, и А. Власов проявили себя как достаточно яркие личности. Только вот агентство, которым им пришлось руководить, занималось множеством дел, далеких от журналистской профессии.

С 27 июля 1990 г. указом президента оно стало ИАН – Информационным агентством «Новости», теперь уже государственной организацией, а А. Власов этим же указом назначался председателем ИАН. Перестройкой в действии можно назвать вывод АПН-ИАН из-под опеки ЦК КПСС и передачу его в сферу влияния Президентского совета. С теми же руководящими кадрами и с теми же оперативными функциями? Похоже, что так. Во всяком случае, в паре-другой очень коротких интервью, которые А. Власов был вынужден дать органам центральной советской прессы, о сожалении (какое уж там покаяние) по поводу прежних грехов речь не идет. Вот что заявил Альберт Власов («Известия», 1.8.1990):

«Сейчас к традиционной издательской деятельности (выпуск газет и журналов на многих языках мира) добавляется передача информации с помощью видео-, радио-, телеканалов, систем мировой компьютерной связи, притом для конкретного заказчика. Скажем, телевизионная группа Станислава Ползикова снимает свои сюжеты практически во всех «горячих» точках страны специально для телекомпаний США, ФРГ, Японии. Италии. Наши фотожурналисты имеют возможность из любой точки СССР, используя спутниковую компьютерную связь, за 17 минут передать цветной снимок в любую газету мира. В здании ИАН в Москве имеется радиостанция, выходящая на крупнейшие зарубежные радиостанции (кстати, во время XXVIII съезда КПСС через этот канал передано больше ста передач на другие страны)

Наш бюджет, утвержденный Верховным Советом СССР, – около 160 миллионов рублей в год. Много? Да, если учесть затраты в прошлом на малоэффективные идеологические кампании. Но сегодня мы не просим лишнего. Информация во всем мире – весьма дорогой товар. Некоторые наши редакции, например стран Западной Европы, уже сами зарабатывают деньги, в том числе и валюту. Неплохо оплачивается и помощь в работе иностранных журналистов, приезжающих и аккредитованных в СССР (а их за год было больше четырех тысяч)».

Нынешняя официальная точка зрения А. Власова и его соратников по аппарату ЦК КПСС и КГБ СССР, неоднократно высказываемая ими публично, – это тезис о равновеликой степени вины Запада и Вос-

тока в развязывании и ведении «холодной войны» вплоть до 1990 года. Года три-четыре тому назад эти же люди всю вину сваливали на агрессивную политику Запада. Конечно, выйдя на пенсию, в своих мемуарах или беседах с журналистами они сквозь зубы вынуждены будут признать, что основная оценка западных политиков коммунистической теории и практики за последние полвека оставалась практически неизменной. Это мы, а не они, на Западе, стояли на голове 70 лет. Мы к началу 90-х годов стали потихоньку переходить от опасной утопии к реализму в политике.

АПН-ИАН занимает многие сотни комнат в нескольких крупных зданиях, главное из которых громадой нависает над одной из центральных московских улиц. Этот дом на Садовом кольце знают все иностранные журналисты, так как здесь также находится и пресс-центр МИД СССР, место проведения большинства встреч с прессой самых известных советских и зарубежных политических деятелей, в том числе и глав государств.

Невысокий профессиональный уровень большинства продукции АПН объясняется множеством причин. Лучшие журналистские перья агентства в нем не задерживались, не желая быть безвестными чиновниками и организаторами чужих печатных материалов, рассылаемых за границу, где большая часть такой пропаганды и бесплатно никому не нужна. Нет в АПН и современных библиотечной, архивной, аналитической, информационно-справочной служб. Иа все АПН выписывается не более 3-5 десятков издания зарубежной периодики. Причем некоторые, типа парижской «Русской мысли» и американского «Нового русского слова», предназначены только для председателя или его заместителей. А из двух получаемых на все АПН экземпляров «Тайм», «Пари-матч», «Ньюсуик» и т.д. во времена Брежнева-Андропова предварительно выдиралось все, что имело отношение к политике и личностям этих генсеков, равно как и все упоминания о КГБ СССР, о советских диссидентах и о деятелях русской и советской эмиграции на Западе. В таком резано-рваном, кастрированном виде эти «образчики империалистической тлетворной идеологии» могли попасться на глаза особо любознательным сотрудникам АПН...

Слава богу, в Москве теперь помимо ТАСС и АПН-ИАН появились и другие информационные агентства. Большинство из них не то, что о 100 миллионах иановского бюджета, о рубле одном из государственного кармана не мечтают. Лишь бы просто не мешали. В 1990 году советские газеты начали широко использовать короткие новости малых информационных агентств — «Интерфакса», «Постфактума», СиБИА, КАС-КОРа, информслужбы «Для всех», — позволяющих более широко и нетрадиционно информировать читателей о событиях, происходящих в стране.

Непотопляемые

На сообщения «Интерфакса», все службы которого первое время размещались в нескольких небольших помещениях Московского радио, все чаще ссылаются крупнейшие средства массовой информации. Поначалу ТАСС демонстративно не замечал своего потенциального конкурента, затем предпринял попытки одернуть, позже предложил скупать подготовленную независимым агентством информацию за валюту, а, получив отказ, перешел к опровержениям отдельных сообщений «Интерфакса». Похоже, это лишь прибавило новому агентству популярности — в полном соответствии с законами конкуренции.

В агентстве считают, что полученную информацию следует обнаруживать максимально оперативно. И при этом никаких комментариев — пусть читатель сам составит мнение. Новая служба была создана в сентябре 1989 г. Московским радио и вложившим в нее первоначальный капитал советско-франко-итальянским предприятием «Интерквадро». Сначала «Интерфакс» ориентировался «на аккредитованных в Москве зарубежных корреспондентов, ежедневно передавая по телефонной связи несколько оперативных обзоров новостей на русском, английском и испанском языках, готовя 3 тематических еженедельника по важнейшим событиям в СССР и эксклюзивные интервью с видными государственными и общественными деятелями. Цензура в стране еще не была отменена, но «Интерфакс» сразу же отказался от предварительного визирования своих материалов.

Круг подписчиков агентства постоянно растет. «Охотно используем информацию «Интерфакса». Его работа соответствует мировым стандартам», — сказал сотрудник Би-Би-Си Алексей Майоров.

Вот что рассказал о новом агентстве «Интерфакс» его главный редактор с не очень созвучной сегодняшнему времени фамилией М. Комиссар в интервью еженедельной газете «Аргументы и факты» (№ 30, 1990):

«— Михаил Витальевич, создание «Интерфакса» по сути бросило вызов таким привычным для нас информационным агентствам, как ТАСС и АПН. Для того чтобы решиться конкурировать на коммерческой основе с такими крупными монополиями, нужна большая уверенность в успехе.

— Идея «Интерфакса» возникла оттого, что иностранные дипломаты и специалисты постоянно жаловались на нехватку достоверной информации о том, что происходит в СССР. Их не устраивала информация ТАСС из-за ее тенденциозности, политизированности, неоперативности и т.п. Сходными недостатками обладали и материалы АПН. Поэтому мы решили создать новое агентство для оперативного и объективного отражения событий в Советском Союзе.

— *Первые сообщения «Интерфакс» появились в сентябре прошлого года...*

— Буквально в течение первых двух месяцев мы окупили все начальные затраты и сейчас, по существу, работаем на самофинансировании. У нас более 100 корреспондентов в различных городах Советского Союза. Мы пользуемся факсимиль-

ной связью, что позволяет оперативно передавать нашим подписчикам большой поток информации.

– *Но уже приходилось читать или слышать опровержения ваших сообщений...*

– Мы всегда перепроверяем новости, которые вызывают сомнения, – либо при помощи других корреспондентов, либо обращаясь в официальные инстанции. И практически каждый день отказываемся от нескольких сообщений, не поддающихся проверке.

Что касается опровержений, то их было всего два, и оба они прошли по каналам ТАСС. Методы работы ТАСС нас несколько удивили. Его сотрудники не обратились к нам, не выяснили, какими фактами мы располагаем. Между тем по крайней мере в одном случае мы имели неопровержимые доказательства своей правоты. Однако мы решили не открывать полемику и не давать «опровержение на опровержение».

Кстати, в международной практике одно средство массовой информации не опровергает другое, а просто дает собственную информацию о событии: есть своя этика отношений.

– *Надо отдать вам должное, новости внутрисоюзной жизни вы, как правило, передаете даже раньше западных «радиоголосов»...*

– Но ведь в принципе так и должно быть. Советские журналисты должны первыми знать о событиях в своей стране, американские – в своей, а немецкие – в своей. То, что в прошлом у нас было не так, – следствие нашей деформированной системы. Мне кажется, работа «Интерфакса» просто все поставила на свои места».

11 января 1991 года руководство Гостелерадио СССР во главе с председателем Леонидом Кравченко приняло решение о прекращении деятельности агентства «Интерфакс» в помещениях здания Гостелерадио. Л. Кравченко распорядился арестовать все юридически принадлежащее «Интерфаксу» имущество, которое находилось в здании Гостелерадио. В тот же день агентству предоставили помещения в зданиях Верховного Совета РСФСР и Научно-промышленного союза СССР. Руководство Гостелерадио СССР и не скрывало, что информация «Интерфакса» не отвечает его политической концепции. Конфликт Гостелерадио – «Интерфакс» обошел во всех подробностях всю советскую прессу и превратился для последнего в мощную и бесплатную рекламную кампанию.

Московские корреспонденты американской газеты «Новое русское слово» (15.1.1991) Олег Куприянов и Александр Кан так характеризовали положение с «Интерфаксом»:

«11 января утренний блок информации агентства «Интерфакс» был посвящен положению в Литве и других прибалтийских республиках. Как всегда, информация агентства резко отличалась от версий событий, излагаемых советскими официальными источниками – ТАСС, телевидением и радио, партийной печатью.

В этот день утреннее заседание сессии Верховного Совета СССР началось с замечания А Лукьянова о том, что, несмотря на закрытый характер работы сессии последние дни, информация просачивается, в частности через агентство «Интерфакс».

Тем же утром начала заседать коллегия Госкомитета по телевидению и радиовещанию, на которой должен был рассматриваться вопрос об «Интерфаксе» И уже к четырем часам дня сотрудники независимого агентства стали спешно спасать свое имущество, вынося его из занимаемых ими комнат в помещении Гостелера-

дио на Пятницкой улице. По постановлению коллегии Госкомитета, возглавленного недавно Леонидом Кравченко, деятельность агентства прекращена, на имущество «Интерфакса», находящееся в здании Госкомитета, наложен арест.

Уже через два часа после решения коллегии в помещении агентства были отключены телефоны и телефаксы. Сняв выпуск очередного блока информации, «Интерфакс» успел передать, своим подписчикам: SOS! «Мы убеждены, – передало агентство, – что причинами сегодняшнего конфликта с Гостелерадио являются не финансовые и имущественные претензии. «Интерфакс» рассматривает эту акцию руководства Гостелерадио СССР как логическое развитие взятого Леонидом Кравченко курса на ликвидацию независимых информационных структур. Недавнее запрещение популярнейшей советской телепрограммы «Взгляд», исчезновение с экранов остропублицистических передач «Авторского телевидения» – звенья той же цепи. Руководство Гостелерадио не скрывает, что информация «Интерфакса» не отвечает его политической концепции... Помешать осуществлению намеченной акции может только тот, кто назначил Л.Кравченко на его пост, – президент СССР М. Горбачев».

В блоке новостей из Советского Союза новость о закрытии «Интерфакса» передавалась ведущими информационными агентствами на втором месте после информации о положении в Литве. Кстати, именно сообщения «Интерфакса» о положении в Прибалтике брали за основу многие зарубежные средства массовой информации. По сведениям, полученным от одного из сотрудников «Интерфакса», формальным поводом для закрытия агентства послужила передача им информации о том, что министр культуры Латвии Раймонд Паулс охарактеризовал освещение центральным телевидением событий в этой республике как далекое от действительности.

Руководитель «Интерфакса» Михаил Комиссар был более дипломатичен в оценке. В интервью, данном корреспондентам «Нового русского слова» сразу после решения коллегии Госкомитета, он указал на две причины конфликта. Во-первых, это борьба группировок внутри Гостелерадио, где на фоне и без того довольно консервативного руководства появился теперь крайне правый Кравченко, во-вторых, личная неприязнь Кравченко к «Интерфаксу». Ведь до недавнего назначения на пост руководителя Гостелерадио он возглавлял ТАСС: агентство, которое не чета «Интерфаксу» по своему статусу и возможностям, масштабам, но не может соперничать с ним по профессиональным качествам – объективности, оперативности, независимости.

Однако в целом Михаил Комиссар оценивает ситуацию оптимистично. «Мы снова начнем работу, надеемся, через несколько дней, когда переедем в ремонтируемое сейчас помещение, выделенное агентству Моссоветом», – сказал он. Сотрудники «Интерфакса», несколько оправившиеся от естественного шока, тоже не склонны драматизировать ситуацию. Члены комиссии, назначенной коллегией Госкомитета для надзора за выселением, отнюдь не напоминая чекистов времен репрессий, а даже по-товарищески помогали коллегам вытаскивать вещи из комнат. Журналисты шутили, что их переселяют «то ли в Бутырки, то ли в Лефортово», рано или поздно, мол, разрыв с Гостелерадио был неизбежен, – зато «теперь мы будем независимы и самостоятельны».

Однако практика последнего времени показывает, что на каждую мышку находится своя кошка. События с «Интерфаксом» явно вписываются в общую кампанию репрессий в отношении независимых средств информации в СССР. Источник вольнодумия удален из помещения Госкомитета. В запасе у властей, конечно, еще много средств и приемов».

Краткая, на наших глазах, история становления «Интерфакса» впечатляет. Значит, еще в цене честность и профессионализм журналистов. В октябре 1991 года московские социологи из ВЦИОМ опросили полторы сотни иностранных журналистов в Москве и выяснили,

что именно информация «Интерфакса» наиболее предпочитаема и пользуется наибольшим доверием у этих журналистов, которые значительно ниже оценивают продукцию всех остальных советских агентств.

Феномен «Интерфакса» понятен после всего, что мы знаем о его бесчестных коллеггах-гигантах ТАСС-АПН. И тем не менее очень интересна статья М. Бергера в «Известиях» (31.8.1991):

«В помещение «Интерфакса» проникли вооруженные люди. По не зависящим от нас причинам мы прекращаем работу на неопределенное время».

Это сообщение было подготовлено в первые же часы захвата власти ГКЧП, и сотрудник «Интерфакса» буквально держал палец на кнопке, чтобы в любую секунду отправить последнюю информацию, если бы агентство стали арестовывать. С западными получателями информации успели даже договориться о специальном коде, показывающем, что ИФ работает под контролем на случай, если их не закроют, но будут заставлять передавать навязанную информацию. К счастью, ничего этого не понадобилось, и ИФ наряду с радио России, радиостанцией «Эхо Москвы». агентством «Постфактум» передавал все это время объективную информацию о том, что происходит, и о том, как на происходящее реагируют в стране и за рубежом. Можно, конечно, только гадать, почему «советское руководство» не закрыло независимые информационные агентства, так же, как неясно, почему, закрыв неудобные газеты, хунта не блокировала их помещения. Как бы там ни было, но это ротозейство позволяло одним широко распространять свою информацию, а другим – использовать ее в подпольных выпусках и листовках.

Постоянно на связи с ИФ был «Белый дом», защитникам которого передаваемые сообщения помогали ориентироваться, принимать решения. Героическое «Эхо Москвы», которое выходило в эфир, несмотря на закрытие, постоянно транслировало материалы ИФ.

В том, что мир с первых же часов знал о том, что действительно происходит у нас, немалая заслуга ИФ. Практически все западные информационные агентства и другие средства массовой информации – подписчики «Интерфакса». В сорока странах мира получают информационную продукцию ИФ. А когда в понедельник, 19 августа, все каналы связи оказались перегруженными и редакции не могли поддерживать устойчивую связь с Москвой, журналисты американской Эн-Би-Си приехали к представителю «Интерфакса» в США и прямо с листа передавали в эфир сообщения из Москвы

Нет смысла пересказывать те или иные сообщения ИФ периода путча – мы слышали или читали в те дни. ИФ за свою деятельность получил немало писем с благодарностью от западных коллег. Но самым дорогим генеральный директор агентства М.Комиссар считает послание Центра общественных связей МВД СССР. В нем говорится, что благодаря ИФ, которому сотрудники центра полностью доверяют, они не были оболванены той информацией, которую «доводило» до них бывшее руководство.

Ровно два года назад, в сентябре 1989 года, в московские редакции по факсимильной связи стали приходить короткие сообщения никому тогда не известного независимого агентства «Интерфакс». Можно было с подозрением относиться к независимости агентства, рожденного в недрах Гостелерадио, и такое подозрение действительно существовало. Но качество информации, умение опередить всех, в том числе и монополиста – ТАСС, – с самого начала привлекли внимание к ИФ. «Известия», кстати, были первой официальной газетой, которая стала публиковать сообщения ИФ на своих страницах.

Очень быстро ИФ завоевал признание. А то, с какой настойчивостью бывший глава Гостелерадиокомпании Л Кравченко поспешил в числе первых дел на новом

месте разделаться с «Интерфаксом», изгнав их из своих владений, только добавило доверия к агентству. ИФ спасли тогда российские власти и Научно-промышленный союз, и он стал работать еще более интересно. Он стал универсальным, сообщая не только политические, но и деловые новости. ИФ первым наладил регулярный выход биржевых новостей. Оперативность его иногда обгоняет сами события. За пять часов до официального заявления ИФ сообщил о том, что М.Горбачев слагает с себя обязанности Генсека.

Развитие событий в дни путча показало, что общество не может жить без независимых средств массовой информации. Сегодня многие из них по-настоящему свободны. А те, что были свободны и до переворота, помогли остановить путч».

В числе тех, кто полностью и безоговорочно поддержал демократов и законную власть во время августовского путча, были и все сотрудники Российского информационного агентства. Именно сюда пришел с заявлением Союза журналистов СССР Эдуард Сагалаев (в этом обращении были слова: «Среди нас могут быть люди разных убеждений и политических воззрений, но среди нас не может быть места лгуну и подлецу»). Родившееся в 1991 году РИА занимало, в отличие от ТАСС или ИАН, несколько комнат, передавало ежедневно 10 страниц текста. В дни путча — до 28-30 страниц в сутки. В сентябре 1991 года статус РИА изменился — агентство завяло этаж в помещении ИАН и практически слилось с ним.

Агентство «Постфактум», упоминания о котором все чаще мелькают теперь на страницах советской периодики, также представляет собой детище перестройки. Вот что сообщает само о себе это агентство (информация взята из газеты «Труд» от 18.9.1990):

«Мы — первое независимое агентство в стране, оно выражает не официальную, а собственную точку зрения на события. «Постфактум» учрежден около года назад. Ежедневно, включая и выходные, в 12,18 и 24 часа по телефонам, телексам и теле-тайпам агентство отправляет абонентам сводку актуальных новостей «СССР сегодня. Новости включают в себя сообщения с мест собственных корреспондентов агентства и обзоры официальной (центральной и местной) и альтернативной прессы.

Сводки «Постфактума» используют в работе органы государственной власти страны и республик, телевидение и радио, газеты, иностранные корреспонденты, посольства, представительства инофирм. Информация агентства распространяется через телекоммуникационные сети Европы и США. Кроме того, «Постфактум» выпускает еженедельный сборник аналитических и экспертных статей по основным вопросам экономики и политики СССР. Материалы вестника содержат данные, результаты исследований, информационные материалы, ранее нигде не публиковавшиеся».

Мужество частной журналистики

И вот уже — в заключение раздела об агентствах печати — совсем необычный феномен нашей современной политической жизни: подробное описание деятельности независимого Сибирского информационного агентства (СибИА) усилиями редакции ежемесячного органа СЖ

СССР журнала «Журналист» (№ 9, 1990) и главного редактора названного агентства, народного депутата РСФСР Алексея Мананникова. Думаю, что если бы Сергей Григорьянц, знаменитый редактор самого знаменитого в СССР самиздатовского, диссидентского издания — газеты «Гласность», стал депутатом российского или союзного парламента, то интервью с ним печатали бы не только зарубежные, но и советские газеты. Мало кому доселе известный А. Мананников легализовался полностью. Ниже следует текст его беседы с корреспондентом «Журналиста» Еленой Корольковой, опубликованный под заголовком «Не верь, не бойся, не проси»:

— *Алексей Петрович! «Советская Россия» в статье «Оседлав свободомыслие» назвала вас «просто-таки идиолом» неформалов и радикалов и причислила к членам Демократического Союза. Так оно и есть?*

— Чепуха. Я стараюсь быть принципиально беспартийным, не присоединяться ни к кому, во всяком случае, формально. Ни один из сотрудников нашей редакции не состоит в ДС. Мы даже дали несколько публикаций антидээзовских, после чего ребята из Союза категорически отказались распространять издания СиБИА. Вообще приписывание дээзовских позиций оппонентам — штамп официальной прессы, особенно в провинции все, что не устраивает правящих идеологов, идет под этой маркой.

— *Положение ваше — независимого редактора и одновременно представителя высшей власти республики — мне лично кажется не совсем естественным. Неформал в более чем формальной структуре... Как оказались вы в таком положении!*

— Сначала о том, как я оказался в журналистике, потому что участие в прессе способствовало моему избранию в Верховный Совет. А в журналистику я пришел достаточно вынужденно. По образованию я экономист, преподавал политэкономии, учился в аспирантуре. Но после ареста в 1982 году и трехлетней отсидки от основной профессии был отлучен.

— *За что вас осудили?*

— По статье 190-1 УК РСФСР: «За распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Конкретно — за сочувственные высказывания о польской «Солидарности». Инкриминировались, в частности, такие выражения, как и мой, заняты конкретным делом. Не добавляются чего-то для себя, а вот обнаружили такую нишу в обществе, как независимая печать. И я начал сотрудничать с журналом, потом вел в «Гласности» раздел «Хроника». В начале прошлого года вернулся в Новосибирск и попытался организовать информационное агентство.

Довольно долго пришлось мне работать где придется — стропальщиком, грузчиком, кочегаром. Когда уже настойчиво задули ветры перемен, попробовал добиться реабилитации. Получив отказ, решил в знак протеста устроить голодовку. Возникла необходимость обратиться к средствам массовой информации. Наткнулся на журнал «Гласность», там меня поддержали. А в итоге я понял: люди, прошедшие прилизительно такой же путь, как и мой, заняты конкретным делом. Не добавляются чего-то для себя, а вот обнаружили такую нишу в обществе, как независимая печать. И я начал сотрудничать с журналом, потом вел в «Гласности» раздел «Хроника». В начале прошлого года вернулся в Новосибирск и попытался организовать информационное агентство.

— *Почему именно агентство?*

— Хотелось охватить весь регион. Я всегда исходил из идеи сибирской самостоятельности. Она не нова, эта идея, ее задолго до революции отстаивали тогдашние «областники», одно время, кстати, бывшие депутатами Государственной думы. В тридцатые годы сторонников сибирского областничества физически уничтожили как

врагов революции. С ними канули и общесибирские издания, а их до семнадцатого года да и в двадцатые существовало довольно много. Потом регион представлял единственный журнал – «Сибирские огни», и тот ежемесячник. Образовался громадный информационный вакуум, мы его постарались заполнить. Благодаря связям, установленным при сотрудничестве с «Гласностью» и «Экспресс-Хроникой», удалось сразу же создать редакцию, образовать сеть информаторов. К СибИА подключились все краевые, областные центры. Другие крупные города, всего около двух десятков. Из оперативных сообщений формируем еженедельный пресс-бюллетень, «первое общесибирское информационное издание», как написано на обложке. Прежде писали «единственное», но недавно – обратите внимание, после нас – появились «Сибирская газета» и Новосибирское радио, тоже рассчитанные на регион, именуемый Сибирью. Выпускаем также «Северный телеграф» – это журнал независимых мнений типа «Референдума» Туда включаем все, что не влезает в бюллетень. Вышло пять номеров, но несколько месяцев длится пауза: чтобы печатать крупные вещи, нужны большие деньги, а это дорого обходится потребителю.

– *В самиздатском библиографическом справочнике зафиксирован машинописный бюллетень «Свободное общество», орган Иркутской организации ДС и отделения СибИА.*

– Впервые о нем слышу А вот с радиостанцией «Свобода» поддерживаем связь постоянную, передаем туда самую свежую информацию. «Свобода» и редакция «Русской мысли» получают по телефону полный текст бюллетеня. Эпизодические контакты возникают у нас с «Голосом Америки», Би-Би-Си.

– *Будем считать, что обстоятельства привели вас к СибИА, но как же все-таки вы стали депутатом?*

– А вот благодаря во многом журналистской этой деятельности меня знают в Сибири и по передачам «Свободы», и по нашим публикациям. Это с одной стороны. С другой – очень помогла мне жесткая позиция партийных органов. Вся предвыборная кампания обернулась прямой конфронтацией: с одной стороны Новосибирский обком КПСС, с другой – Мананников. Тот самый случай, когда «против» означает «за».

– *Очертите, пожалуйста, более четко свою позицию.*

– Сводилась моя программа к двум тезисам: выполнение политического завещания Сахарова и деколонизация Сибири, а как шаг к ней – изменение политического и экономического порядка в стране. Как экономисту, мне близки воззрения так называемых правых в западном политическом спектре – республиканцев в Штатах, консерваторов в Великобритании, христианских демократов в ФРГ, либеральных в Японии. Россия пока ничего подобного не имеет, нет свободных людей там, где все зависит от государства

– *Вы упомянули радиостанцию «Свобода». Она помогла в становлении СибИА?*

– Она нам платит только как авторам, на ноги мы встали самостоятельно. «Свобода» в принципе не берет на работу советских граждан, таково требование ее устава. К тому же там происходит сильная дискриминация по отношению к нашим корреспондентам. Минута эфира, насколько я знаю, – это 12-13 марок для советских, а для западных журналистов – не менее 30. Так что свобода свободой, а насчет справедливости там не очень... Все, что мы передаем, – это добровольные подарки, своего рода благотворительность. Просто не можем со всем миром не поделиться. Но в основном пресс-бюллетень СибИА распространяется в Новосибирске и других городах России. Имеем постоянных подписчиков, около 500, в Москве и Ленинграде, во всех практически крупных библиотеках, включая «Ленинку», в редакциях многих газет, таких, как «Атмода», например, в неформальных изданиях. Перепечатки из бюллетеня появляются в молодежках Сибири, в прибалтийской и молдавской прессе. Партийная тоже использует наши тексты, но довольно своеобразно на нас ссылаются и цитируют нас только в порядке критики. Таким газетам,

как «Алтайская правда» или «Красноярский рабочий», надо отдать должное. Они больше других сделали для нашей рекламы.

– *Считаете ли по-прежнему советскую прессу лживой?*

– Нет, теперь – нет. Появились издания с разными позициями, пишут сейчас обо всем и неодинаково. Я вот, скажем, открываю «Аргументы и факты» или «Комсомолку» и нахожу массу такого, чему хочется верить. Однако где гарантии, что при той структуре средств массовой информации, которую мы сейчас имеем, подобное положение сохранится? В этом смысле нельзя все-таки отрицать заслуги неформальной печати, она первой раскрыла многое «закрытые» прежде темы, заставляя официальную печать идти следом. Основным достижением нашего агентства считаю прорыв информационной блокады вокруг кузбасских забастовок. Центральные газеты, Центральное ТВ рассказали о них спустя неделю; местные, даже в соседних с Кузбассом областях, молчали аж до сентября-октября. Мы же заговорили буквально с первого дня событий – через западные радиостанции. Первый видеорепортаж из Кузбасса поступил в телекомпанию Си-Би-Эс от нас, мы его сняли в Прокопьевске и Новокузнецке.

– *Большая у вас редакция?*

– Пять человек.

– *Всего-то?*

– Всего. Для самиздата типично.

– *Ну, значит, в агентстве и впрямь подобрались «киты». «Советская Россия» нечаянно подарила вам комплимент. Цитирую: «Нет оснований сомневаться в профессионализме людей, работающих в СибИА».*

– Опять промах! в редакции ни одного профессионала. Просто единомышленники создали организационное ядро, вокруг которого все завертелось. Трое из нас «перья», двое заняты техническими проблемами. Вот среди информаторов журналисты-профессионалы встречаются. Допустим, наша давняя сотрудница Марина Сальникова работает в «Тюменском комсомольце», но дает материалы еще и нам. Практически редактор как бюллетеня, так и «Северного телеграфа» – Саша Лаврова, она филолог. Но вообще-то у нас слабо с формальным делением по постам. К тому же состав редакции постоянно меняется, происходит естественная ротация кадров.

– *Все это не огорчает?*

– В последние месяцы не меняется, и это меня огорчает. Нет притока свежих людей.

– *Расскажите о материальной базе, финансовых возможностях агентства.*

– У нас один-единственный компьютер, который грозит сломаться. Первые два бюллетеня были машинописными, размножались на ксероксе и раздавались. Но нам повезло, почти сразу удалось договориться с одной прибалтийской типографией, пресс-бюллетень вышел приличным тиражом, и мы впервые продали свои выпуски. По 50 копеек. Стабильно поддерживаем первоначальную цену, хотя для независимого издания она невелика и возникают проблемы с распространением: другие за это платят дороже. Сейчас у нас тираж 15 тысяч экземпляров, есть возможность содержать редакцию. Сотрудники получают 50 рублей в неделю, на гонорар пока хватает только художникам. Когда отпечатали 12-й номер, а это был первый выпуск большим тиражом и нам пришлось поднатужиться, занять под него кое-какие суммы, произошло ЧП. Тираж конфисковали еще в аэропорту. Распространители наши объявили по этому поводу голодовку, главным голодающим был курьер, который не довез бюллетень из Вильнюса. Сидели ребята у памятника Ленину, вокруг собралась толпа. Сидели они с шапкой и собрали тысячу рублей, как раз на тираж.

– *И часто ваше издание подвергается репрессиям?*

– В минувшем декабре в очередной квартире, где помещалась редакция, произвели обыск, пытались обнаружить наркотики. Их не нашли, но нашли баллончики со слезоточивым газом, нормальные такие штучки, в Западной Германии свободно продаются – хорошая защита от бандитов. Хозяину квартиры – трое суток. Но наркотики и баллончики, конечно, только предлог. На деле акция была вполне ожидаемой: как раз накануне появился специальный выпуск бюллетеня, посвященный местным правоохранительным органам, под шапкой «Мафия на страже закона».

– Но к Закону о печати вы, насколько я понимаю, относитесь положительно, однако и он диктует правила и нормы, которым вам, пока еще неформалам, придется следовать. Несмотря на отмену цензуры.

– А вот цензура нас до сих пор не волновала. Нас волнует совсем другое: доступ к типографской базе. Закон о печати должен вступить в действие одновременно с рыночным механизмом. Если мы получим реальную возможность искать бумагу по рыночным ценам, а хозяин партийной типографии по-прежнему станет смотреть, а что они там печатают? – то на деле никакой свободы печати не будет. Я исхожу из триединой арестантской формулы: не верь, не бойся, не проси».

В первых числах января 1991 года в Москве начало работать только что созданное Христианское информационное агентство (ХИАГ) с информационным бюллетенем «Христианские новости» и периодическим сборником «Христианский архив». ХИАГ образовалось на базе независимого издательства евангельских христиан-баптистов «Протестант», уже распространяющее через «Союзпечать» свою одноименную газету, а также журнал «Христианин», возрожденный после почти 70-летнего перерыва.

ГЛАВА III

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ-ВETERАНЫ

Чем была интересна «Правда»

«Правда», «Известия», «Рабочая трибуна», «Комсомольская правда», «Труд», «Красная звезда», «Сельская жизнь», «Гудок» — именно эти восемь газет кабинет министров СССР финансировал 28 марта 1991 года твердой валютой к оперативной их отправке по воздуху зарубежным подписчикам. Таковых вобралось 17 тысяч. Иностранцы подписчики других советских изданий, число которых (подписчиков) во много раз больше — должны были довольствоваться тем, что часть номеров они в 1990-1991 годах получали поездом (Европа) или морем. А большую часть номеров вообще не получали.

Путчисты в августе 1991 года объявили о прекращении выпуска всех московских газет и журналов, за исключением все тех же восьми, вышеприведенных (только в списке ГКЧП газеты «Гудок» и «Комсомольская правда» были заменены на «Гласность» ЦК КПСС).

«Будет ли «Правда»-91?». Под таким заголовком еженедельник «Аргументы и факты» (№ 41, 1990) поместил заметку с изложением ситуации, сложившейся в редакции центрального органа ЦК КПСС газете «Правда», со слов заместителя секретаря партийного бюро газеты В. Егорова:

«Ситуация действительно чрезвычайная. Именно поэтому повесткой открытого партсоборания редакции стал вопрос «Будет ли «Правда»-91»? Уже сама его постановка показывает, насколько серьезен кризис, поразивший газету. Она теряет авторитет и поддержку читателей, запоздало реагируя на острейшие события, порой неумело ведя дискуссии с политическими оппонентами, обходя или замалчивая явления, требующие оперативного отклика или анализа.

Большинство наших журналистов все это ясно сознают, но бюрократическая иерархия, сохраняющаяся в коллективе, мешает полному проявлению творческого потенциала редакции, вносит атмосферу нервозности, разобщения. Возникший у нас конфликт никак нельзя сводить к каким-то личностным противостояниям и отношениям. Вопрос о том, что нынешнее руководство «Правды» (редколлегия и главный редактор) не способно вывести газету из кризисной ситуации, был одним из ключевых на партийном собрании. И если пункта «о недоверии» не оказалось в постановлении собрания, то лишь благодаря заявлению главного редактора: «В ближайшие же дни я поставлю перед Центральным Комитетом и Политбюро вопрос о том, что я не могу и не хочу здесь работать».

Если сохранится прежнее положение вещей, газета просто погибнет. Для примера – некоторые из последних (на 1 октября) данных о ходе подписки на «Правду»: по всей Украине – всего 92 тыс. человек (на тот же период прошлого года только в Днепропетровске было 140 тыс.). Есть регионы, где подписчиков просто единицы».

Внутренняя кухня взаимоотношений номенклатуры КПСС с принадлежащей ей прессой всегда была у нас темой табу за семью печатями. Даже большинство сотрудников партийного издания представляли себе лишь в самых общих чертах механизм осуществления пропагандистских кампаний, начинаемых где-то в недрах высокой инстанции (КПСС или КГБ, Минобороны или МИД) и претворяемых в жизнь на газетных страницах.

Газета «Куранты» (1.11.1990) поместила откровения журналиста «Правды» Владимира Сомова. У его статьи предлинный редакционный заголовок – «Долгие годы журналистика была орудием в руках тоталитарной системы. Большинство газетчиков, сами того не подозревая, занимались идеологическим оболваниванием народа. И сегодня один из них выступает с покаянием, горько сознавая, что у всех у нас УКРАЛИ ЖИЗНЬ»:

«Мы часто теперь смеемся сквозь слезы. Потому что смеемся над собой. Вот и эта история, что поведал приятель, поначалу нас обоих повеселила. Но уже через минуту мы, сидели, приулюкнув, тяжело вздыхая и думая каждый о своем. А суть вот в чем. Соседка приятеля по коммунальной квартире на неделю отпривалилась к подруге в ФРГ. Первый раз на растленный Запад. Вернулась угрюмая, замкнутая. На все вопросы отвечает отрешенно: «Украли жизнь!» Проходят недели, месяцы, а она твердит только одно. «Украли жизнь!»

Практически каждый советский человек, попадающий за кордон, испытывает глубочайший шок. Изобилие продуктов и тряпок, их поразительная дешевизна и всеобщая доступность, доброжелательность сферы услуг и дружелюбие людей – все эти будничные реалии нормальной жизни могут свести с ума даже человека с крепкими нервами. Абсурдность и античеловечность большевистского эксперимента сейчас очевидна, пожалуй, всем. Кроме самих большевиков, которым и ныне не дает покоя авангардная роль партии. Жизнь украли у сотен миллионов человек. У нескольких поколений. В том числе их будущих, поскольку мы еще очень не скоро придем в чувство.

Жизнь украли не только у тех, кто сгинул в лубянских подвалах, чьими костями вымощены дно Беломорканала и окрестности других великих строек коммунизма. Ее украли у каждого, кто простаивает в бесконечных очередях, сжимая в потной ладони талоны на сахар или на мыло. Украли жизнь у моей восьмидесятилетней матери, которой родное государство платит 39 рублей пенсии. Украли жизнь у моего одиннадцатилетнего сына, несколько месяцев не видевшего конфет, мечтающего о собственном футбольном мяче, которого не купить во всей белокаменной.

Украли жизнь у меня. Не буду сетовать на скудное житье-бытье, хотя по всем цивилизованным меркам я, как и абсолютное большинство моих сограждан, нищий. Моя месячная зарплата, если перевести ее в доллары по обменному курсу, меньше дневного заработка негра мусорщика. Правда, по нашим меркам, самое необходимое у меня вроде бы есть. Сорокаметровый трехкомнатный закуток в бетонных джунглях московского Бибирева, пара поношенных костюмов. И должностью престижной не обижен, многие годы был заместителем редактора газеты «Правда».

Но бог с ней, с меркантильной стороной жизни! Нам с пеленок внушали, что это не самое главное. И внушили-таки. И говоря, что у меня украли жизнь, я имею в виду совсем другое.

Тоталитарное государство никому «не позволяло жить так, как хотел человек, ученый, инженер, артист, столяр-краснодеревщик, крестьянин – разве могли они максимально реализовать себя, свой потенциал? Конечно, нет. Потому до сих пор словно полудохлая кляча тащится наша экономика, чуть жива и дышит на ладан культура.

Будем оптимистами. Обретут люди собственность, а с ней и свободу, станут жить по-человечески. Над ними не будет нависать комплекс вины за прошлое. А каково мне, журналисту, который не просто был задавлен, задушен идеологическими догмами, но и делал все, чтобы эти догмы расцветали буйным цветом?

Согласитесь, нелегко даже самому себе признаться на сорок пятом году жизни, что прожита она абсолютно напрасно. Двадцать пять лет я работал в партийной печати, верой и правдой служа коммунистическому идолу, низвергаемому сегодня народом с пьедестала. Четверть века я был орудием в руках административно-тоталитарной системы и, как принято говорить сегодня, пудрил мозги народу, вешал ему лапшу на уши. Извините за этот кухонный лексикон, но, право же, такая оценка журналистской деятельности недалеко от истины.

Конечно, «лапшу вешал» не умышленно, чем и могу себя утешить. Легче всего сейчас изобразить из себя жертву. Но в то же самое время, когда я усердствовал в показе энтузиазма советских тружеников, вставших на вахту в честь определяющего, решающего или завершающего года очередной пятилетию, истинные патриоты за правду о развитии социализме отправлялись по этапу или выслапались из Отчизны.

Мог ли я тогда стать участником правозащитного движения? Парадокс в том, что всегда весьма критически относился к режиму, не скрывая своих взглядов в кругу друзей, знакомых, но до осознания организованной борьбы с Системой так и не созрел. К диссидентам относился сочувственно, считая их несчастными людьми, не понимающими, что бьются лбом в непробиваемую стену. Выходит, заблуждался.

Коммунизм – это весьма удачная попытка массового гипноза. Сегодня уже достоверно установлено, что те, в чьих интересах она осуществлялась, были властолюбивыми, вздорными маньяками, прикрывавшими свои устремления фиговыми листочками диктатуры пролетариата. Гипнотизером удалось внушить народу (причем самыми изуверскими приемами), что советская власть крепка, как гранит и сталь.

И я верил в коммунизм из учебника. Искренне верил, что нынешнее поколение советских людей запросто войдет в светлое завтра.

Когда восемнадцатилетним парнем оказался в штате районной газеты, то ничуть не кривил душой, самозабвенно готова каждый день заметки, репортажи в очередной номер.

И тогда, и позже, работая в областной газете, чуть ли не ежедневно бывал в цехах, на полях, фермах. Редакционное начальство любило критику, и я ее привозил, не задумываясь, не оглядываясь громил тех, кто приподнял с севом, сенокосом, замешкался с закладкой сенажа или обронил на стерне пригоршню колосьев. Очень скоро я уверовал, что разбираюсь в деревенских делах почище любого агронома или зоотехника. И (теперь стыдно вспоминать) учил их работать. Как завправский инструктор райкома или инспектор народного контроля, а их пример постоянно был перед глазами, я распекал председателя, специалиста за промахи, бесхозяйственность. И они, представьте, покорно все сносили.

Один мой старший товарищ, светлая душа Володя Полянчев, не раз с иронией говаривал: «Ты все саблей машешь?». Я отвечал утвердительно, с достоинством. Со временем даже стал чувствовать себя пусть небольшим, но начальником районного, а потом областного масштаба. На критические заметки приходили ответы о наказании виновных, порой даже о снятии с работы. В газетных кругах это самая большая доблесть – кого-то с должности скосырнуть.

Попробуйте представить себе жителей любой из «загнивающих» стран. Нелегко, но все же попробуйте. А теперь посмотрите в нашу сторону. И вы увидите...

концлагерь. До сих пор он обнесен рядами колючей проволоки. До сих пор каждый приписан к своему барaku. Нищие, возвращаясь на ночлег со скудной добычей, начинают делить ее, устраивая кровавые потасовки Карабах, Сумгаит, Фергана, Ош. Несколько упрощая ситуацию в этих регионах, я ничуть не хочу задеть чьи-то национальные чувства

Для чего я все это говорю? Чтобы показать: в концлагере нет и не может быть свободной прессы. Дело не только в официальной цензуре, которая сейчас приспосабливается к новым условиям. Но есть еще и внутренний цензор, которого партия поселила в каждую журналистскую душу. Чего можно и чего нельзя – газетчики усваивают очень быстро. Ругай дворника даже домоуправа, критикуй партийного начальника, если его критикуют вышестоящие боссы. Но упаси бог было тронуть того, кто в фаворе, и никогда, ни при каких обстоятельствах не задевай устои, основы Системы. Таких правил писанных не существовало, но их знал на зубок каждый журналист и следовал им. Витало над всеми нами некое убеждение, что так надо во имя высших интересов партии.

Внутренний цензор страшнее официального. С официальным можно спорить, доказывать, пойти на компромисс, пожаловаться его начальству. Хотя все эти меры обычно не давали результата. Внутренний цензор – твои собственные убеждения, воспитанные самой Системой. Приведу только один пример, хотя почти все двадцать пять лет работал я под неусыпным оком внутреннего цензора. Да так успешно работал, что не помню случая, чтобы пришлось вмешиваться Главлиту.

Итак, один пример. Весной 1982 года в качестве специального корреспондента «Правды» я отправился в Узбекистан сразу же после визита туда Брежнева. Мне предстояло рассказать, как с утроенной энергией бросились хлопкоробы выполнять указания Леонида Ильича. От тогдашних собкоров «Правды» Мукимова и Гладкова я узнал подробности поездки «вождя». Живую мумию возили по Ташкенту очень осторожно. Доставили, скажем, до порога лимонария – и тут же в резиденцию. Следующий раз повезли на авиазавод, но под тяжестью зевак рухнули в одном из цехов леса, и насмерть перепуганного генсека поскорее отправили в Москву. Но ведь у меня тогда не шевельнулось даже мысли как-то использовать эти факты в будущей корреспонденции.

Может быть, я все-таки более или менее объективно показал положение дел в хлопководческой отрасли? Скажем, о рабском труде и бесправии дехканина? Ничего подобного я и не помышлял. За неделю мне удалось лишь один раз подъехать к одному полю и в течение одной-двух минут поговорить с механизаторами. И то только благодаря моей настойчивости. Сопровождающие делали все, чтобы корреспондент не смог пообщаться с людьми. От застолья к застолью (слава богу, что я практически непьющий), от одной обкомовской дачи к другой. А для любой корреспонденции нужны цифры, факты, фамилии. Добывать все это в условиях той «экскурсию было делом крайне сложным. И когда материал увидел свет, я был горд в душе за себя, свой «профессионализм», поскольку все-таки преодолел «трудности» и подготовил такие заметки, которые были нужны редакции, – об энтузиазме хлопкоробов.

Конечно же, я понимал, что попал в средневековое байство, где партийная верхушка утопала в роскоши, а простой люд ютился в саманных развалинах. Встречи с Рашидовым, двумя Каримовыми – первыми секретарями Бухарского и Сурхандарьинского обкомов, Гаиповым – первым секретарем Кашкардарьинского обкома – не оставили у меня сомнения в существовании хорошо организованной мафии, о которой я лишь догадывался. На обкомовских дачах-дворцах (резиденция бухарского эмира была скромнее) устраивались пьяные оргии. Столы ломились от напитков и деликатесов. Произносились тосты, напыщенные речи. За столом – весь высший актив области.

О подробностях этого яркого путешествия я в деталях рассказывал друзьям, знакомым, коллегам. Но, разумеется, хоть как-то отразить их на страницах «Правды» не собирался. Внутренний цензор был прав: такой материал никто бы не опубликовал. Даже после того, как оба Каримова благополучно «сели», чтобы остаток

жизни провести за решеткой, а Гаипов покончил с собой, когда пришли его брать. Но как нужно облованить журналиста, чтобы он мирился с внутренним цензором считал его вторым «я»...

73 года народу подстригали мозги. Причем вокруг примитивной коммунистической демагогии создавался ореол многозначительности, мудрости, неопишуемой глубины. Вспомни хотя бы полуграмотные, но произнесенные с толком, с чувством, с расстановкой речи Сталина. Или взять передовые «Правды». Аппаратчики зачитывали их до дыр, полагая, что это указания руководства к действию, идущие от самых верхов.

Мне, написавшему десятков семь-восемь правдинских передовых, было смешно, как серьезно на местах воспринимали эти ценные партийные указания. Передовые писались практически всеми сотрудниками по очереди. Иногда в соавторстве с рядовыми аппаратчиками из ЦК, которые, кстати, почему-то не очень-то афишировали перед своим начальством причастность к авторству передовых.

Многозначительность достигалась шаблонностью и стереотипностью изложения очередных цековских постановлений. Набить руку на передовых было делом не хитрым. Я не застал в живых одного сотрудника, о котором и по сей день ходят в редакции легенды. Он писал передовую за два часа. Но обязательно, говорят, должен был принять изрядную дозу «бормотухи». Судьба жестоко обошлась с ним. Его нашли мертвым у початой бутылки дешевого вина за столом, на котором лежала неоконченная передовая.

Но для меня освоить этот жанр оказалось делом непростым. Первую передовую, в которую я пытался вложить мысли, какие-то идеи, мне вернули с многочисленными пометками на полях. Учел замечания. Снова вернули. Приятель, видя мои «творческие» муки, прочитал написанное и рассмеялся.

– Старик, твои «художества» никому не нужны. Существует стереотип. В передовой «Правде» – одиннадцать абзацев. Конечно, могут быть и исключения. Первый абзац – вступление к теме, второй – обязательно цитата вождя. Раньше Сталина цитировали. Говорят, он сам распорядился во втором абзаце приводить его мудрые афоризмы. Теперь надо цитировать Брежнева. Один абзац, желательно предпоследний – о роли партийных организаций.

Последовав совету друга, я тут же встал в сплоченные ряды «передовиков» (так звали в шутку авторов передовых статей). Сегодня от всего этого становится жутко. Но ведь еще совсем недавно, уже в годы так называемой перестройки, едва «Правда» перестала публиковать передовые, как на пленумах ЦК высокопоставленные аппаратчики, обкомовские начальники ностальгически запричитали: как тяжело им без указующих передовиц. И при Афанасьеве на какое-то время их восстановили.

Сладострастным соловьем не был. Об опыте почти не писал. Большинство статей – проблемные, критические, даже очень критические. Другое дело, что до корней пороков не доходил, ибо подвергать сомнению истинность марксистского учения или пропагандировать частную собственность было равносильно сумасшествию. Это сегодня стало очевидно, что ничейность заводов, полей и ферм ввергла страну в пучину экономического краха. А еще лет пять-десять назад мы искали конкретных виновников – тех, кто не сумел мобилизовать, организовать трудовые коллективы на славные дела.

По мелочам можно было критиковать почти любого начальника. Критика такая в условиях тоталитарной системы – не что иное, как игра в видимость демократии. На серьезные критические статьи нужна «лицензия» ЦК. Так, в 1983 году мы выдали ее для «разгрома» Воронежского обкома партии. Чьим было указание, не знаю, но редактор отдела возил какому-то цековскому начальнику гранки, и тот попросил некоторые места даже усилить. Критика по тем временам была зубодробительной и с позиции сегодняшнего дня во многом справедливая. Но с выводами статьи «Непочтение к экономике» я сейчас и сам не могу согласиться: обком и его секретари упрекались за недостаточное вмешательство в сельские дела.

«Лицензии» выдавались на самом высоком уровне. Это льстило, щекотало самолюбие. Мне говорили: «Горбачев (тогда – член Политбюро) просил». Или «Лигачев поручил». И я, не задумываясь, бросался выполнять «ценные» указания.

А если без «лицензии»? Тогда во всей красе предстает свобода печати и гласность по-партийному. Для меня, например, так и осталось тайной, по чьему заданию я летал в Волгоград в 1986 году, когда в статье «Иллюзия ускорения» воздал должное методам руководства Калашникова. Как сейчас догадываюсь, «лицензии» не было, а материал готовился, видимо, по инициативе главного редактора Афанасьева. Не странно ли: даже автор не знает, чью волю он исполнял? В «Правде» многие вещи окружались дымом тайны.

Статья пошла в воскресенье, а в понедельник утром, едва я открыл кабинет, позвонил помощник главного и пригласил на ковер к Афанасьеву. Тот сказал, что уже дважды звонил крайне недовольный генсек и распекал за статью. «А как же гласность и ликвидация зон, закрытых для критики?» – наивно спросил я Афанасьева. Тот кисло усмехнулся над простачком, махнул рукой, давая понять, аудиенция окончена.

Калашников прежде в Ставрополе работал под началом Горбачева. Вся редакция замерла в те дни, ожидая, чем кончится это одно из первых перестроечных испытаний для Горбачева. Защитит он «родного» человека или действительно подтвердит, что зон, закрытых для критики, нет. На пленум Волгоградского обкома отправился секретарь ЦК Никонов. С его, надо понимать, благословения выступление «Правды» заклеили позором. Но, по сути, не опровергли ни одного факта. Да и сделать это было невозможно: вся цифирь была взята из данных статистики.

Я ждал отмщения. Но потрепали нервы, в основном, соавтору – собору по Волгограду В.Степанову. Меня не тронули. Но несколько лет Волгоградская область вычеркивалась из передовых и обзоров. Калашников торжествовал: никогда еще ни один секретарь обкома не одерживал столь убедительной победы над «Правдой». Торжествовал до тех пор, пока народ за развал экономики не добился его отставки. Но очень мил и люб был товарищ Калашников высшему руководству страны, если до последнего часа его прочили впервые заместители Председателя Совета Министров СССР. И только благоразумие парламента помешало этой акции.

Новые времена? Да и стоит ли вспоминать все это? Но куда мне деть свою напрасно прожитую жизнь? Что делать с четвертью века обмана и самообмана? А может, именно в этом покаянии я и найду утешение, чтобы теперь начать с нуля?

Новые времена для советской печати по-настоящему не настали. Партийная монополия на прессу лишь чуть пошатнулась, но сохраняется. Издания неформалов непрофессиональны и примитивны, да и мизерны по тиражам. Бумага, полиграфия – все пока у авангардной партии. Какие-то косметические перемены на полосах не коснулись существа, дела: центральные газеты, в том числе и «непартийные», такие, как «Труд», «Известия», остаются пропагандистами и агитаторами коммунистической идеологии.

Но на наших глазах рождается и новая свободная пресса. Рождается в муках, в яростной борьбе с демагогией. Однако, журналистика до сих пор не понесла покаяния, не раскаялась перед народом. И думаю, не скоро это сделает».

Московская газета «Куранты» продолжила серию публикаций с покаяниями ряда журналистов центральных советских газет на тему о их былой деятельности на посту собственных и специальных корреспондентов. 20 декабря 1990 года рассказывал о перипетиях своего конфликта с властью имущими, точнее с партийным руководством Донецкой области, корреспондент московской профсоюзной газеты «Труд» (шел тогда 1975 год) Вячеслав Гончаров. Какая там Агата Кристи или сицилийская мафия? Автор рассказывает, что по стечению обстоя-

тельств в высших канцеляриях Киева и Москвы ему удалось снять с поста первого секретаря областного комитета партии. Точнее, кто-то сверху это охотно сделал, сославшись на труд этого борзописца, «разгребателя грязи». В 99 процентах случаев таких смельчаков из числа журналистов ожидала пуля наемного убийцы, инсценированная автокатастрофа, тюрьма, психушка или, в лучшем случае, увольнение с работы. 1 февраля 1991 г. с аналогичными воспоминаниями в «Курантах» выступил знаменитый советский журналист-сатирик Илья Шатуновский – как во времена главного партийного идеолога Суслова ему, молодому стажеру в «Правде» пришлось написать статью за одного из соратников великого прохвоста и бандита академика Т. Лысенко, а затем обсуждать с руководством редакции список возможных авторов, кто по своей благонадежности мог бы подписать уже готовую статью.

А как с внешнеполитической тематикой? У меня всегда было впечатление, что редактора «Правды», ТАСС, АПН и пятерки других центральных московских Изданий оказывали на деятельность своих собственных корреспондентов за рубежом минимальное влияние. Назначением этих корреспондентов ведал соответствующий сектор в агитпропе ЦК КПСС, содержание посылаемых в Москву сообщений всегда согласовывалось с точкой зрения советского посольства. А в посольстве делами заправляли, как известно, разные ведомства – ЦК КПСС, КГБ, ГРУ, МИД и прочие, среди которых КГБ был главным и самым жестким паханом.

Вот что об этом писала издающаяся в Нью-Йорке газета «Новое русское слово» (2.2.1991), опубликовав полный текст направленного в ее адрес письма десятка молодых советских сотрудников Секретариата ООН, где, в частности, говорилось:

«То, что Калугин сказал о противозаконной деятельности КГБ, еще не все – он мог бы, а теперь просто должен сказать всю правду об этом! Он ведь, как он сказал, работал в Нью-Йорке корреспондентом и должен знать, что большая часть советских журналистов в Нью-Йорке (и конечно Вашингтоне) – это штатные сотрудники КГБ. Эти разведчики в маске журналистов фактически стали бесплатным для КГБ дополнением к тем постоянным гебистам, которые работают в совмиссии при ООН. Другими словами, противоправные услуги оплачивают для КГБ из нашего народного бюджета советские газеты и журналы.

Из-за таких вот псевдожурналистов, понятно, читателям советских газет и журналов так не хватает живого взгляда на Америку – путь ему решительно преграждают те самые угрюмые и бдительные гебисты, соратники которых стремятся поставить генерала Калугина – и правду – на колени!

Если верить тому, о чем говорят в нашей колонии, то профессиональные сотрудники КГБ среди журналистов – это работники ооновского ТАСС Маслов и Менкес, корреспондент журнала «Новое время» Андрианов, корреспондент «Московских новостей» Лукашевичус, корреспондент «Комсомольской правды» Овчаренко, корреспонденты ТАСС Кикило, Билорусов, Титов, Макурин и Бабичев, корреспонденты телевидения Левской и Герасичев, корреспонденты «Литгазеты» Симонов и Огнев, корреспондент «Известий» Шальнев, корреспондент «Правды» Сухой. Все без исключения остальные – это платные агенты КГБ».

Разве это такое уж откровение, о котором ваш советский обыватель не знал и не догадывался?

А чьими агентами являются собственные корреспонденты центральных газет? Десятилетия они представляли интересы партаппарата на местах или, в крайнем случае, точку зрения ЦК КПСС. Собственный корреспондент «Правды» всегда почти по традиции был так сказать «дуайеном» соборов в том или ином республиканском или областном центре, и он же единственным из них входил в узкий круг местного бюро ЦК, ОК и т.д. В номенклатуре партийных должностей должность собкора центрального издания всегда была для местных журналистов очень желанной, и раздавалась она только особо проверенным и послушным людям. Соборы «Правды», «Труда», «Рабочей газеты», «Сельской жизни», «Советской культуры», «Учительской газеты» получали от местных партийных властей квартиры и правительственные телефоны, дачи и пайки, «Волги» и престижные офисы. И разве кто-нибудь из них желал когда-нибудь написать правду о положении дел во вверенном ему регионе? Да никогда в жизни — его в 24 часа сняли бы с поста по первому же звонку от местных партийных инстанций. Многого изменилось, конечно, но вот в Узбекистане, Азербайджане, Татарии и Башкирии вся эта практика «партийного руководства прессой» продолжалась и до сентября 1991 года.

Чтение в годы перестройки шести полос (по воскресеньям восьми) газеты «Правды» всегда наводило на мысль — на кого же все-таки рассчитана эта пропаганда, ни уму, ни сердцу, что говорится. Очень низкий профессиональный уровень журналистов «Правды» сочетается с постоянными потугами, как бы не сказать чего лишнего. Все прямо как и в старые недобрые сталинско-брежневские времена. Хотя в 20-х и в самом начале 30-х годов советские газеты были очень интересными, их можно было читать «от корки до корки», потому что делались они талантливыми, образованными людьми, а не только партийными работниками.

Манипулятивный характер партийной пропаганды, образцом которого всегда была «Правда», не мешал, однако, этой прессе иметь миллионы подписчиков. Умные все же были наши коммунистические лидеры. Подписку придумали и организовали — в поголовном и принудительном порядке. Раз в год, осенью, подходил к рядовому члену КПСС общественный распространитель от местной партийной ячейки на предприятии (учреждении, воинской части, в колхозе и т.д.) и предлагал (требовал) подписаться на следующий год на «Правду» и еще на какое-нибудь партийное издание, местную «Тьму-тараканскую правду» или журнал типа «Партийное самообразование». И попробуй не подпишись, когда любой отказ неминуемо отразится на твоей служебной карьере. Еще недавно ни один советский «ком» — райком, горком, обком, ни одно партийное бюро не испытывало затруд-

нений в организации и проведении подписной кампании на партийные издания.

Подписка — это ведь раз в год. А если советскую прессу продавали бы в основном в розницу, как во всем цивилизованном мире? Тогда неприглядная картинка повторялась бы ежедневно, целый год и в каждом газетном киоске. Партийные издания раскупали в последнюю очередь, часто для использования вместо дефицитной туалетной, оберточной бумаги, а также брали в виде принудительного ассортимента (вкупе, скажем, с дефицитным мылом или не менее редкими «Московскими новостями»). Конечно, все советские начальники любого ранга подписывались еще недавно на «Правду», желая вычитать в ней, иногда даже между строк, какую-либо полезную для карьеры информацию о грядущих веяниях и переменах.

Летом 1991г. еще усердствовали по привычке некоторые обкомы КПСС, заставляя предприятия и партийные комитеты субсидировать, т.е. попросту оплачивать подписку на «Правду» всем, кто пожелает бесплатно иметь эту газету. «Правда» стала первой в СССР бесплатной газетой. Такое вполне можно утверждать, если вспомнить, как еще вчера бесплатно предлагали эту газету авиапассажирам, постояльцам гостиниц, членам КПСС, простым беспартийным труженикам.

Главный редактор «Правды» академик И.Фролов (до него тоже был академик — В. Афанасьев, у нас большая часть идеологического начальства были академиками) не раз призывал своих коллег начать, наконец, ловить мышей, делать интересную газету, иначе банкротство и голодная безработица для правдивистов неминуемы. Не все же в «Правде» академики и доктора наук. «Правда» угасала сама, естественным, так сказать, путем. Большинство изданий КПСС претерпевали другого рода изменения — переходили из ведения партийных комитетов под юрисдикцию Советов, меняли слишком «коммунистические» названия на более благозвучные, становились «независимыми», сливались между собой или сбивались в ассоциации, искали по всему миру спонсоров и рекламодателей.

Время шло, а серьезных перемен в партийной прессе не было. В стране родилась, заявила о себе новая — еще вчера «неформальная» — пресса. Закон о печати легализовал ее, создал серьезные предпосылки для возникновения настоящего газетного рынка. Конкуренентоспособность центральных изданий КПСС — и не только центральных, — как и политическая конкурентоспособность самой партии подлежала серьезной и, увы, беспощадной проверке.

Еще, кажется, никто не анализировал всерьез последствия, которые имела отмена 6-й статьи Конституции СССР для судьбы партийной — коммунистической — прессы в нашей стране. В резолюции XXVIII партсъезда о средствах массовой информации КПСС недостаточно, думаю, учтено то обстоятельство, что партийная

пресса была, прежде всего, директивной. Как ни парадоксально, но именно этим она была интересна. Люди хотели знать, что от них сегодня требует «начальство», и предпочитали получать эту информацию из первых, так сказать, рук. «Правда» была нужна и тем, кто рьяно служил авторитарной власти, и тем, кто тайно или явно сопротивлялся ей.

Вместе с тем складывалось впечатление, что «Правда» все более откровенно становится в оппозицию к демократическим структурам власти, особенно российским. Эта оппозиция могла стать новой главой в истории партийной прессы — логическим продолжением в новых условиях ее прежнего директивного, властного положения в обществе. «Правда», похоже, конструировала модель поведения для средств массовой информации КПСС, а значит, и для всей партии.

В этой газете сотрудничали — за честь почитали — лучшие журналистские и писательские силы страны. Из тех, разумеется, что считали для себя возможным соблюдать правила игры, устанавливаемые Кремлем. К. Симонов, Е. Евтушенко, Г. Ратиани, В. Овчинников, В. Губарев, Ю. Черниченко, М. Полторанин — список бывших и нынешних наших знаменитостей, тесно сотрудничавших с «Правдой», можно продолжить. Но в 1990 году звонких имен в редакции уже не осталось. На страницах этой газеты правда жизни никогда не ночевала. Разница лишь в том, что в бывлые времена дезинформационная деятельность в «Правде» высоко оплачивалась и соответственно делалась куда на более высоком уровне, чем в годы перестройки.

Коллектив «Правды» сделал в последние годы все зависящее от него, чтобы окончательно дискредитировать КПСС и выставить ее на посмешище. Но и в сфере деструктивной работы газета эта всегда оказывалась на втором месте после оголтелой «Советской России» во главе с В. Чикиным. Владимир Волин, журналист, ветеран войны и труда, член КПСС с 1944 года, так описывал в журнале «Огонек» (№ 42, 1991) свое «Прощание с «Правдой» (исповедь подписчика):

«Итак, решено: с 1992 год» я выбываю из стройных рядов подписчиков газеты «Правда», в коих состоял свыше полувека (с естественным перерывом на войну). Пять десятков лет я привык каждое утро вынимать из почтового ящика газету — орган Центрального Комитета партии, в которой состою также без малого полвека. Отлично понимаю, что в наше бурное и непредсказуемое время мое решение не будет иметь судьбоносного характера. Как говорил чеховский доктор Чебутыкин, «одним бараном больше, одним меньше, — не все ли равно?».

Взялся же и за эти «сердца горестные заметы» в надежде, что, может быть, ставлю уважаемых правдивистов кое о чем задуматься (пусть не покажется это нескромным).

Умолчу о тех годах, когда ложь была нормальной практикой всей нашей печати, когда подличали все, когда врал о космополитах и врачах-убийцах, о Сахарове и диссидентах, о Солженицыне и Пастернаке. Здесь «Правда» была лишь флагманом в океане дезинформации, «первым учеником» (по Евг. Шварцу). «Время было такое...».

Но вот в последние годы, когда вроде бы подличать было уже не обязательно, одна за другой стали появляться в «Правде» публикации, ложившиеся горькими зубринами на сердце убежденного подписчика.

Началось это, наверное, со статьи дирижера Альгирдаса Жюрайтиса о зарубежной постановке оперы Чайковского «Пиковая дама». Грубо и недостойно автор обрушился на художников с мировым именем – режиссера Юрия Любимова, дирижера Геннадия Рождественского и композитора Альфреда Шнитке. Последнего он, не стесняясь, назвал «композиторишка». Жюрайтис назвал. А «Правда» – напечатала! И это о человеке, чье имя стало гордостью советской культуры, кто давно уже во всем мире признан гением современной музыки!

За этим огорчением последовали другие. Три писателя – Юрий Бондарев, Василий Белов и Валентин Распутин – в лучших традициях 1946 – 1948 годов излили в «Правде» свой гнев на рок-музыку и ее исполнителей.

А потом было еще одно письмо в «Правду» – о журнале «Огонек», за подписями М.Алексеева, В.Астафьева, В.Белова, С.Бондарчука, С.Викулова, П.Арсуркина и В.Распутина, ставшее известным как «письмо семерых» (к чести В.Астафьева и к радости поклонников его таланта, он впоследствии «выпал» из этой sacramентальной обоймы, чем вызвал гнев «патриотов»). В былые годы подобная публикация в ведущей партийной газете стала бы поводом для разгона «Огонька», как это было раньше с журналами «Звезда» и «Ленинград», а потом – с редакцией «Нового мира». «Беспрецедентное извращение истории», «ревизуются социальные достижения народа», «в русле оплевывания наших духовных ценностей» – знакомый набор ярлыков, типичный язык политических доносов. Зачем надо было «Правде» печатать эту явно несправедливую клевету «семерых разгневанных мужчин»?

Никогда раньше не замечала «Правда» тележурналиста Александра Невзорова. Это и понятно: его резкие, порой на грани фола, высказывания о партийной номенклатуре были газете не по вкусу. Но стоило ему в январских передачах «600 секунд» дать свои одиозные репортажи из Литвы, признанные профессионалами-кинематографистами грубой инсценировкой, видной невооруженным глазом, как тут же «Правда» печатает панегирик на целую колонку под барабанным заголовком «Правда из-под пуль» с восторженными комплиментами: «Речь идет о блестящем профессионале и бесстрашном человеке – телекомментаторе ленинградской программы «600 секунд» Александре Невзорове. Снова он полез в самое пекло, чтобы исполнить свой долг – дать нам всем объективную информацию...». Ах, если бы так! Все простили «блудному сыну эфира»: и бескомпромиссную критику партии и строя («жалкая, жестокая и бездарная власть»), и лихие разоблачения «из жизни шишек» (сделанные, кстати, по-журналистски талантливо и правдиво).

Не хочется говорить о напечатанных в «Правде» статьях историка Роя Медведева, посвященных трехтомнику «Архипелаг ГУЛАГ». Не ему бы, чей облик с такой полнотой высветился перед всей страной благодаря передачам ЦТ со съездов и сессий, – не ему бы писать о Солженицыне. Как и не ему бы «защищать» Сахарова от демократов (в «Советской России»), о чем, впрочем, уже убедительно сказала Елена Бонэр в «Демократической России».

О самой позорной публикации последних лет – перепечатке «Правдой» статьи о Ельцине из итальянской газеты «Република» – сказано и написано уже так много, что не буду повторяться. Газете оказалась на этот раз не просто в луже, а прямо-таки в непролазном болоте, далеко не благоухающем.

Надо признать, что после этого грандиозного конфуза самые оголтелые фальшивки «Правда» все же перестала печатать, передоверив их своей «младшей сестренке» – «Советской России». Бредовый материал о связях Ельцина с итальянской мафией был опубликован накануне выборов именно там.

* * *

...И вот – новая «Правда». Если раньше у нее по крайней мере было какое-то свое лицо, пусть и не очень привлекательное, то теперь это – аморфное, бесхре-

бетное, всеядное издание. Слишком резко? Может быть. Но достаточно сравнить нынешнюю «Правду» хотя бы с «Независимой газетой» – и сразу обнаружится резкая пропасть. Потому что и с грифом «Без гнева и пристрастия» можно иметь вполне четкую и определенную позицию. А «Правда»?..

При ее «послужном списке», приведенном выше, трудно ей будет завоевать подлинный авторитет у читателей».

В дни путча августа 1991 года деятельность газет ЦК КПСС «Правда», «Советская Россия», «Гласность», «Рабочая трибуна», «Московская правда» и «Ленинское знамя», а также ТАСС и ИАН была впечатляюща. Эти многотысячные армии журналистов внезапно заболели амнезией памяти, повыкидывали из кабинетов портреты Горбачева, и не единым публичным словом не вспомнили о своем генеральном секретаре КПСС. Вернувшись из заточения в Форосе, генсек очень осерчал и не мог уже противиться тому, что Борис Ельцин 22 августа 1991 года опечатал все здания КПСС в Москве и прекратил выпуск всех вышеназванных партийных газет. Но денацификации, простите, десталинизации или департизации не получилось. Возопили коммунисты – как же так, без суда и следствия, это же прямо необольшевизм, – и власти России вынуждены были отменить 11 сентября свое решение и организовать угасание коммунистической печати другим, естественным и более медленным путем. Все бумажные коллаборационисты вернулись к жизни, одиозные эти газеты вновь появились в киосках.

Необратимых изменений у коммунистической прессы не наблюдается. Произошли лишь легкие косметические изменения. В полном соответствии с партийной традицией (нашкодил – покаяйся), вернувшиеся с того света газеты извинились перед читателями и заверили их в своей лояльности к закону и законно избранной власти. «Правда» пообещала «стать газетой гражданского согласия», а «Рабочая трибуна» – «подлинно всенародной трибуной». Как бы в подтверждение своих благих намерений эти газеты перестали призывать «пролетариев всех стран соединяться» и спешно открестились от отца родного – ЦК КПСС.

«Правда», как всегда, в авангарде обновления: газета стала чуть дороже, журналистский коллектив поменял своего главного редактора, снял с первой полосы профиль В.И.Ленина и в первом же вышедшем в свет номере обругали Верховный Совет СССР «послушным лукьяновским органом». Руководить «Правдой» и оправдываться за грехи прошлого руководства правдисты доверили Геннадии Селезневой, члену бывшего ЦК КПСС, бывшему главному редактору «Учительской газеты», бывшему первому заместителю главного редактора «Правды». Судя по его первой публикации, хозяйство он принял настолько в плачевном состоянии, что даже Бога призвав на помощь, попросив у него «сил и мудрости».

Бывшая партийная пресса в одночасье превратилась в скопище «независимых изданий» без собственности, которая, будучи партий-

ной, была национализирована де-факто. Еще 22 августа 1991 года у «правдивостов», к примеру, отобрали уже почти выстроенные для них два жилых дома, лишили закрепленных за ними баз отдыха; а в занимаемом ими роскошном здании на улице «Правда» предстояла большая утриска. Оказавшись без дотаций КПСС, газете предстояло на 80 процентов ужаться по числу сотрудников.

Да и то сказать — зачем «Правде» такое здание, которое она занимала последние годы? На 12 этажах огромного, длиннющего билдинга можно было бы разместить все московские редакции демократических изданий, и еще место бы осталось. Не случайно ведь, что явный избыток редакционных площадей надоумил прежнее руководство «Правды» использовать ряд редакционных помещений в очень выгодных целях, но никоим образом не связанных с журналистикой. Практически у каждого журналиста-правдиста был свой рабочий кабинет. Были библиотеки и комнаты отдыха, бассейн и столовые, буфеты и даже мастерская по обработке (огранке) алмазов. Ну а почему нет, оказалась ведь в стенах ЦК КПСС лаборатория по изготовлению фальшивых документов, подчиненная непосредственно международному отделу ЦК.

У нас ведь, при развитии социализме, как было? Хотят, к примеру, на металлургическом комбинате свининку иметь, надо было самим создавать собственное (подсобное) свинооткормочное отделение. Так и чекистам к чекистам за лишней фальшивой печатью в фальшивом «польском» или «американском» паспорте бегать не хотелось. А Виктор Афанасьев, академик, главный редактор «Правды» до 1989 года, в течение семи лет возглавлял коллектив энтузиастов, которые решил создать центр огранки отечественных алмазов, а не сдавать их по контракту за бесценок южноафриканской фирме «Де Бирс». Статьи о комнате № 626 в здании «Правды» обошли всю мировую прессу. Первыми об этой секретной комнате, которую посещали члены Политбюро ЦК КПСС Е.К. Лигачев и Л.Н.Зайков, заговорили в газете «Московский комсомолец» (26.10.1991) под заголовком «Секретная лаборатория в цитадели партийной печати. Бриллианты для диктатуры номенклатуры». Виктор Афанасьев ответил в «Правде» (28.10.1991) статьей «Бриллианты комнаты № 626. Они предназначались для народа, а не для номенклатуры». Афанасьев писал, что ему удалось собрать в Москве, под свое крыло, десять лучших советских огранщиков алмазов, но после семи лет работы лаборатория прекратила существование в 1989 году и что алмазы в бриллианты они так и не стали превращать. Чем же тогда семь лет занимались? Обширная статья Афанасьева написана неплохо, но мало правдоподобна. Как и все, о чем писала «Правда».

Газета эта хочет оставаться со своим «социалистическим выбором», а также, как КПСС, хочет без всякого покаяния отряхнуть с себя пепел де-

сятков миллионов жертв коммунизма. Антология выступления «Правды», ее годовые подшивки останутся навеки в истории человечества, их будут изучать многие поколения — как образец тотальной, бесстыдной лжи. Куда там Гитлеру и его борзописцам до нашей «Правды».

Последний, послепутчевый, так сказать, идеологический ориентир «Правды» (8.10.1991) — это «решительное очищение имени Ленина от прочно прилипших к нему сталинских плевел». Кремлевские бандиты в мохнатой пятерне более полувека весь мир держали с помощью армий наемных террористов, коммунистических функционеров и сенаторов. Но еще не вечер, мы скоро увидим на московских экранах и книжных прилавках настоящего, а не сусального Ленина. «Дедушка умер, а дело живет, лучше бы было наоборот». Но есть у нас кое-что и похуже «Правды».

Есть ведь и открыто фашистские, простите, сталинистские издания типа газет «Советская Россия», «День», «Гласность» и другие. И разве можно себе представить, что на эти издания когда-нибудь будет не хватать денег у тех, кто заинтересован в их выходе? Даже если Горбачев на очередном политическом процессе скажет судьям и миру все, что он знает (а он никогда всего не скажет и даже предупредил журналистов об этом, вернувшись из Фороса), — всегда останется на плаву десяток-другой подставных компаний, уже успевших отмыть добела в СССР или за границей крупные деньги, украденные у членов партии и советского государства. Даже в 1989-91 годах, когда платить Внешэкономбанку СССР было уже нечем, генсек Горбачев добивался, чтобы «фирмы друзей» получали то, что им якобы причиталось. Единственная надежда на то, что эпоха принудительной подписки кончилась и что теперь «Советская Россия» и ей подобные не найдут подписчиков не только среди бывших коммунистов, но и среди военных, крестьян и прочих подневольных категорий населения.

Можно смело утверждать, что газета «Советская Россия» служила идеологическим штабом путча КГБ-КПСС в августе 1991 года. Этот рупор консервативных, сталинистских сил в СССР печатал пространные выдержки из речей Крючкова-Пуго-Язова, стал выразителем мнений фашиствующего В. Жириновского. После краха путча газета, которая не один год была последовательным к бескомпромиссным противником частной собственности, вдруг «отдалась» самому, что ни на есть, частнику: фирма «Завидия», наряду с профсоюзной организацией «Советской России», стала соучредителем издания. Андрей Федорович Завидия, — мультимиллионер, коммунист, выступал в паре с В. Жириновским в качестве кандидата в вице-президенты России — говорит о себе просто: «Я — будущий кандидат в «президенты СССР...». Пока я не вложил в «Советскую Россию» ни копейки. Я не вложу ничего, если увижу, что прибыли не будет... Я на стороне проигравших. Буду опираться также на миллионы рядовых коммунистов, на беспар-

тийных, на казачество, на частный сектор... Я на стороне военно-промышленного комплекса, на стороне КГБ, на стороне милиции. Коротче, я на стороне всех тех, кому сейчас плохо живется... По моему мнению, если большинство кооперативов, частных фирм, совместных предприятий возглавят коммунисты, положение улучшится». Эти перлы — из «Комсомольской правды» (28.9.1991).

Как писала «Независимая газета» (31.8.1991), «сотрудники право-консервативного органа (т.е. «Советской России» — Г.В.) не сомневаются, что благородный порыв коммерсанта объясняется просто: бывшие хозяева газеты успели перекачать на фирму Завидия часть своих средств, строго указав, на что именно их использовать».

Завидия стал учредителем не только «Советской России», но и газеты аналогичного толка «День». Редакция этого органа Союза писателей РСФСР образовалась в 1991 году и до путча размещалась... на территории воинской части. Главным редактором этой многополосной, как и «ЛГ», газеты стал Александр Проханов; тираж этого издания, как и «Советской России», выше 100 тыс.экз. ни до, ни после августа 1991 года не поднимался.

Когда я вспоминаю эти фамилии — В.Чикин, А.Проханов, Ю.Бондарев и их менее грамотных единомышленников типа Язова и Завидия, мне приходит на ум еще одна достойная личность, которую все только что поименованные товарищи очень уважали. Саддам Хусейн! Друг Советского Союза! И тоже ведь очень интересный человек. О нем наши патриоты много писали и говорили перед и после январских событий 1991 года в Литве. Ведь если бы Буш не вышвырнул Хусейна из Кувейта, национально-освободительное движение в Литве было бы неминуемо потоплено в крови Советской Армией.

Газета «Советская Россия» записала себя в число твердых сторонников... Саддама Хусейна, палестинцев и тому подобных борцов за свободу и справедливость.

До 19 августа 1991 года КПСС владела подавляющим количеством полиграфических мощностей по выпуску газет и журналов (за исключением научно-технических). Но все менялось. Комсомол распался на глазах, организовались независимые профсоюзы и стачечные комитеты, многие редакции газет потихоньку перестали печатать на первой полосе былой общеобязательный девиз «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Дежурной темой светской и судебной хроники в советской прессе стали сообщения о том, как те или иные редакционные коллективы небольших партийных газет на местах воюют за независимость от своих учредителей — партийных комитетов.

22 августа 1991 г. кошмар 1917 года кончился. По результатам путча, когда пленум ЦК КПСС три дня думал, стоит ли ему публично реагировать на захват в Крыму генерального секретаря, силы демократи-

ческой России во главе с президентом Б.Ельциным приостановили деятельность КПСС на территории РСФСР и национализировали всю собственность КПСС. А собственность эта огромна – сотни зданий и издательских комплексов. Денацификация в Германии и Италии, изгнание коллаборационистов во Франции прошли в течение считанных месяцев. У нас же десталинизация заняла десятилетия. Борис Ельцин в течение суток-друтих сделал для перестройки не меньше, чем Горбачев за шесть лет.

Пропагандистская империя лжи на дотации КПСС практически перестала существовать 22 августа 1991 года и уже отошла в историю точно так же, как и аппарат тотальной пропаганды Геббельса.

В Москве есть три крупных полиграфических газетно-журнальных комбината: «Правда», «Московская правда» и «Известия», в которых печатались не только одноименные крупные газеты ЦК КПСС, МГК КПСС и Верховного Совета, но и множество прочих периодических изданий самого разного ведомственного подчинения. Свои собственные, очень небольшие, типографии в Москве имеют «Литературная газета», «Красная звезда», т.е. единицы. Подавляющее большинство периодических изданий печаталось на «чужой», заемной полиграфической базе, которая до 22 августа 1991 г. практически вся юридически принадлежала Управлению делами ЦК КПСС. Комбинат «Известия» – исключение, формально он принадлежал Верховному Совету СССР.

От Алексея Аджубея до Игоря Голембиовского

Газете «Известия» везло на главных редакторов – А. Аджубей, Л.Толкунов, И. Лаптев были известны в советском общественном мнении как личности, стремившиеся соблюдать некоторые приличия, и уж, во всяком случае, им удавалось при всех режимах делать газету достаточно интересной (по сравнению с «Правдой»). Известинцы, будучи сотрудниками главного печатного органа Верховного Совета СССР, до недавнего времени получали указания из идеологических отделов ЦК КПСС. Но и при этом они уважали своего читателя, так же как это пытались делать «Комсомольская правда», «Труд», «Московский комсомолец».

29 января 1991 года первый заместитель главного редактора «Известий» Игорь Голембиовский был вызван к Председателю Верховного Совета СССР А. Лукьянову, который предложил ему оставить свой пост и отправиться собственным корреспондентом газеты в Испанию. С именем Голембиовского связаны, без преувеличения, все демократические традиции и начинания «Известий» последних лет. По мнению «Независимой газеты» (31.1.1991), «попытку снять его с должности следует рассматривать в контексте общего наступления на глас-

ность, начатого в нашей стране с официальных средств массовой информации. Кроме того, Голембиовский является одним из авторов письма учредителей газеты «Московские новости», в котором нынешний режим прямо обвиняется в преступлении против народа Литвы».

30 января на общем собрании коллективов газеты «Известия» и ее еженедельных приложений «Неделя» и «Союз» журналисты выразили решимость отстоять своего «первого зама» вплоть до объявления забастовки. Резко усилилась конфронтация между коллективом газеты и ее главным редактором, назначенным в 1990 году Президиумом Верховного Совета СССР вопреки мнению коллектива «Известия», единогласно выдвинувшего тогда кандидатуру И.Голембиовского. Сравнительно молодой журналист Н. Ефимов занимал высокие посты в течение последних 10-15 лет, был заместителем председателя правления агентства печати «Новости», главным редактором «Московских новостей», председателем Государственного комитета СССР по делам печати и книжных издательств и везде проявлял себя в качестве послушного верхам чиновника и добросовестного цензора. Бывший до Ефимова главным редактором «Известий», Председатель Совета Союза ВС СССР Иван Лаптев в открытом письме выразил свое несогласие с отставкой И. Голембиовского. Политическая правка материалов «Известий», снятие острых материалов из номеров Ефимовым особенно участились после январских событий 1991 года в Прибалтике.

Не было газеты в СССР, да и, пожалуй, в мире (из крупных), которая не высказалась бы на тему о конфликте в «Известиях» первой половины 1991 года. Дело, конечно, не в личности Николая Ефимова. По мнению его коллег, было ясно, что он не жилец в газете, где когда-то, много лет назад занимал пост заместителя главного редактора, а впоследствии сам стал главным. Что ни сделает, какую кадровую перестановку ни изобретет – все со скандалом на всю страну, хотя его новые первые замы Мамлеев и Севрук прошли утверждение на свои посты через Лукьянова и Горбачева, но в обход редколлегии газеты. «Ефимов хозяина подводит, найдут другого слугу, умнее. Для газеты это еще хуже», – писал в «Литературной газете» (17.7.1991) спец.корр. «Известий» Эд. Поляновский. Репутацию (престиж, авторитет, доверие) «Правды», «Советской Россия», ТАСС и ЦТ власть провалила настолько, что всеми руками держалась теперь за «Известия» – «последний полудемократический плацдарм в официальной пропаганде» (по словам того же Поляновского).

Эту же мысль подтвердил в «Огоньке» (27, июль 1991) Илья Мальштейн:

«Газета «Известия» гибнет. Давно махнули рукой на «Московские новости», «Огоньки». «Знамена» и «Коммерсанты» – пусть себе печатают, что хотят. В любой день можно прихлопнуть, да просто бумаги не дать! «Известия» даже на сутки выпускать из рук страшно! Это ведь единственная ежедневная всесоюзная газета

центристского направления, и любой, даже самый робкий шаг ее влево (таких шагов, и неробких, известинцами совершенно уже предостаточно) угрожает власти. Существуют разные степени приближения к настоящей свободе. Известинцы тут добились немалого».

Самое главное — эта газета, как в принципе и любое из советских традиционных изданий, в общем-то мало зависела от личных мнений, честности и компетентности своих сотрудников. Последние, обладая они всеми вышеназванными добродетелями, и дня не задержались бы в редакции. Вот смотрите, ушел Шеварднадзе, политика СССР в американско-иракском кризисе претерпела к середине февраля 1991 года значительные изменения. Горбачев заявил, что, по его мнению, США в своих действиях выходят за рамки полномочий, предоставленных им Советом Безопасности ООН. И как же на это откликнулись известинцы? Так же, как и большинство ортодоксальных и даже перестроечных изданий, вся советская пресса дружно заголосила о том, что американцы ведут в Ираке очередную империалистическую войну, не брезгуя нанесением ударов по гражданским объектам.

Политический обозреватель газеты «Известия» Станислав Кондрашов черным по белому писал тогда, что американская операция на Ближнем Востоке «должна именоваться не бурей, но убийством в пустыне. Наша совесть не может примириться с тем, что в этой войне мы приняли сторону убийц, действующих под благородным мотивом стремления остановить агрессию». Кондрашов даже сравнил действия американской авиации в Ираке с атомной бомбардировкой Хиросимы, добавив, что США всегда склонны применять оружие массового поражения для того, чтобы обезопасить жизнь собственных солдат.

Другой политический обозреватель «Известий» Максим Юзин также был на стороне Саддама Иванаыча (свой ведь, родной, спустя полгода даже с пугчем Янаева поздравил; только Хусейн и Каддафи откликнулись, Арафат, вероятно, в отпуске был, не успел). «Чем бы, в чисто военном плане, ни завершился нынешний кризис, — писал Юзин, — мы можем уже сейчас предсказать ухудшение американо-арабских отношений... В сложившейся ситуации мы можем усилить собственное влияние в стратегически важном районе, а поэтому в самый разгар войны мы не должны прекращать связи с Багдадом и держаться на расстоянии от акций, предпринимаемых Вашингтоном».

Я регулярно читаю «Известия». Но зачем мне углубляться в статью на малоизвестную мне тему в номере от 2 августа 1991 года «Западная Украина: новые люди у власти», если у меня нет гарантии качества ни этого материала, ни вообще любой публикации в данной газете. Куратор Н. Ефимова по ЦК КПСС вдруг... попал к нему не в первые заместители, редактором известинского приложения «Неделя». Портрет

бывшего крупного чиновника написал очень ехидный и даже злой Андрей Нуйкин в «Московских новостях» (30.6.1991):

«Слухи о том, что Владимир Севрук снова «пошел в гору», подтвердились Решением высших инстанций (Президиум ВС СССР и лично Лукьянов – куда уж выше?) ему отдана во владение «Неделя».

Ну, отдана, так отдана – чего тут сенсационного? При развитом феодализме воеводства всегда так раздавались и раздаются. Что журналисты так уж разволновались?

Подумаешь, событие – назначение какого-то Севрука куда-то редактором, хотя бы даже и главным! Однако в том и дело, что не куда-то, а в одно из самых массовых и уважаемых в глубинке изданий, и не какого-то, а хорошо известного всем, кому приходилось в годы затхлости пробывать свежие мысли, кому выламывала зубы самая гуманная в мире цензура.

Севрук не чиновник из ведомства, он вестник иных миров – сумрачных, пропащих серой и чернилами. Возьмите Суслова. Тоже ведь порождение сталинско-брежневской системы, но в нем не было никакой загадки! Прост и ясен, как те галоши, которые, говорят, но зачем-то положил в холодильник незадолго до смерти. Невежественный догматик, каким-то завихрением вынесенный случайно в верхние слои партийного болота. Севрук не невежда (кандидат филологических наук!) и не догматик, а человек, исполненный канцелярской романтики и чиновничьей мистики.

Каюсь, я с группой аспирантов АОН при ЦК КПСС тоже приложил руку к его карьере. Мы оказались свидетелями, как наш однокашник сначала добрый месяц выражал восторг по поводу повести своего земляка Василя Быкова «Мертвым не больно», а потом вдруг опубликовал в «Правде» идеологически-обличительный пасквиль на нее же. Мы тогда, созвав партийное собрание, обрушились на Севрука за лицемерие и двуличие, имея главной целью не позволить такому человеку попасть в штат аппарата ЦК. Наивные люди! Похоже, мы создали своими обличениями ему такую рекламу, что ЦК ухватил Севрука двумя руками. Услуги этой он, однако, не оценил и добрых двадцать лет всеми доступными ему средствами «перекрывал кислород» тем, кто, хоть и не желая того, помог ему сделать карьеру. А возможности в смысле кислорода в ЦК были безграничные. Даже у рядового инструктора, не говоря уж о первом замае идеологического отдела.

В чем, по-вашему, главное аппаратное гурманство? В том, чтобы не допускать никакого шума, рукоприкладства, ругани. Тихо по телефону слово скажешь кому надо – и все. Кто-то где-то синееет от удущья, ничего не понимая. И никаких тебе отпечатков пальцев, никаких улик! Очень любил он такой прием, например попросить чью-нибудь статью прислать из журнала и погрузиться в неотложную работу. Месяц терпеливо ждет редакция, второй, третий... На шестой все начинают понимать как надо – не по поводу статьи, а по поводу автора. А вот сам автор до конца дней своих так и не поймет, почему к нему вдруг охладели

Иди такой прием. Выждать, когда книга намеченной жертвы уже набрана и сверстана. И в этот момент телефончик тихо «динь-динь». В одной моей книжке Севрук обязал (по телефону, разумеется, не письменно) издательство произвести «выдирку» в тираже 100 000 экз. за то, что в ней содержалось упоминание о (безымянном!) карьеристе, работавшем помощником у областного деятеля. «А вы знаете, – сказал директору издательства Севрук сурово, – что помощники в областях положены только первым секретарям обкома партии?» «Выдирку» производили вручную. Больше я в этом издательстве не печатался.

Аналогичная история произошла и с послесловием В. Оскоцкого к тому прозы В. Быкова. Из-за упоминания в ней повести «Мертвым не больно», осужденной в «Правде» (самим Севруком!). Тираж тоже был 100 000 экз. А саму повесть в белорусском издательстве, по его же указанию, пришлось выкидывать из уже набранного тома собрания сочинений. И опять ни ножа, ни удавки, ни кистеня не потребовалось. Только звоночки и намеки. Воля партии осуществлена, авторитет ее поднят еще выше.

Алесь Адамович от лица пишущей братии не раз говорил Михаилу Сергеевичу: «Пока у нас идеологией заправляет в стране Севрук, ни один серьезный человек не поверит, что перестройка действительно началась». Серьезным людям тогда решили дать основание поверить в начало перестройки...

Теперь многие ведут речь о ее конце. Я и сам так не раз говорил, но все мне не хватало какой-то точки. И вот точка поставлена?

Будет поставлена, можно не сомневаться, если мы все сообща не переправим ее на запятую».

Справедливость для редакции «Известий» и для всех ее читателей восторжествовала 23 августа 1991 года, когда после увольнения Н. Ефимова главным редактором «Известий» был избран Игорь Голембиовский. Учредителем газеты стал ее журналистский коллектив вместо прежнего учредителя в лице Президиума Верховного Совета СССР. Хэппи-энд? Как бы не так. На совести известинцев грехов не меньше, чем у правдивов. Последним-то верили читатели намного меньше, чем первым. Потому и эффективность отравляющего слова дезинформации со страниц «Известий» была всегда многократно выше, чем у остальной партийной печати.

Впрочем, будем справедливы. Ни один номер «Известий» трех дней путча в августе не вышел без информации о деятельности Б.Ельцина и А.Собчака и многих тысяч их сторонников в Москве и Ленинграде; газета в московском выпуске («Известия», № 198, вечерний выпуск, 20.8.1991) дала на первой полосе два огромных снимка демонстраций протеста против диктатуры, сделанных вечером 19 августа у Белого дома, затем еще один аналогичный снимок из Ленинграда. Накануне, в № 197, целиком занятом официальными материалами ГКЧП и пресс-конференции Янаева и его коллег, тем не менее, нашлось место и для парочки материалов, из которых было ясно, что Б. Ельцин не только не стал гэкачепистом, а совсем даже наоборот, призвал к борьбе с диктатурой и самозванцами. Один из наиболее честных (всегда и во все времена) сотрудников «Известий» (22.8.1991) И.Овчинникова описывала ситуацию в редакции, вспоминая, как уходил из газеты после октябрьского переворота и снятия Н.С. Хрущева самый знаменитый (самый лучший) из всех советских главных редакторов центральных газет Аджубей (зять Хрущева, он имел право на собственную точку зрения и к тому же был очень талантливым человеком), сравнивая это прошлое с тремя днями августа 1991 года:

«В эти дни все мы вместе и каждый в отдельности прошли такую проверку на меру журналистской ответственности, какой молодые не проходили никогда, а те, кто постарше... А кто постарше, в их числе автор этих строк, вспоминали бесконечно длинный день в октябре 64-го, когда вниз по известинской мраморной лестнице, медленно, минуя этаж за этажом, спускался такой чтимый и уважаемый всеми главный – Алексей Иванович Аджубей. Мы провожали его, стиснув кулаки и не

скрывая слез, но вечером этого же дня выпустили газету, ничуть не похожую на ту, что делали вместе с ним еще вчера.

Как же были уверены те, кто вознамерился удержать в грязных лапах власть над необъятной страной, что все пройдет как по маслу по тому же безотказному сценарию. И как же они просчитались, не положив на чашу исторических весов человеческую совесть, пробужденную минувшими шестью годами. Могло ли кому-нибудь из них прийти в голову, что, к примеру, известинские типографские рабочие, наборщики и верстальщики, печатники и стереотиперы ровно в 13 часов 19 августа заявят со всей определенностью: газета не выйдет без обращения к народу Президента России Бориса Ельцина. В 15 часов редколлегия во главе с исполняющим обязанности главного редактора Д. Мамлеевым единогласно постановила – печатать этот текст. В 15.40, когда полосы были полностью готовы, и газета могла выйти, неожиданно приехал находившийся в отпуске главный редактор Н. Ефимов, приказавший снять из номера обращение.

Что произошло бы еще пять лет назад? А ничего. Снимать, так снимать: наше дело телячье. Так было бы – так больше не будет никогда. Не бессловесное быдло, а вот уж впрямь его величество рабочий класс предстал перед теми из нас, кто волею случая или по собственной воле оказался в тот миг рядом с рабочими наборного цеха. Они стояли у готовых полос в полном смысле слова насмерть. И выстояли.

Как только их не ломали и не уламывали, чем только не угрожали, на какие больные места не нажимали! И квартиры пошли в ход, и зарплаты. И увещевания: дескать, содержание – не ваша забота, ваше дело – производство. А они свое – выйдем с обращением или не выйдем вовсе.

И ведь не вышли! Добились своего! Точнее, вышли, но не вечером, а утром и пусть не полностью, пусть с небольшими сокращениями, но напечатали обращение, которое в тот же день прочитала вся страна. А еще раньше вручную прокатили текст на станке, и, через несколько минут, москвичи, проходившие по Пушкинской, могли видеть листки с текстом в руках солдат, сидевших на броне бэтээров, а чуть позднее – наклеенными на эту же броню. И люди читали, люди осмысливали прочитанное и решали для себя, как и с кем им быть дальше. И никто из них не знал – не ведал, какая драма стоит за свеженабранными строками, которые на наших глазах становились материальной силой».

В газете «Известия», просторно расположившейся в комплексе роскошных зданий (целый квартал) на Пушкинской площади, на самой центральной улице столицы, трудятся сотни журналистов. Легион черных лимузинов и милицейская охрана во всех подъездах, длинные редакционные коридоры, роскошные кабинеты многочисленного начальства, флер престижа и власти самой главной на сегодня ежедневной газеты страны. И вдруг такое признание И. Овчинниковой, горькие, в общем-то, слова о том, что «Известия» сумели спасти лицо (хоть как-то) лишь благодаря безымянным и самоотверженным людям из собственной типографии. Теперь, после путча, есть на кого все сваливать, на не очень гибкого Н. Ефимова. А остальные, А. Бовин с С. Кондрашовым, А. Иллеш с А. Шальневым, это что – свободные журналисты? (Я назвал лучшие перья в «Известиях».) Да полноте, хранившие свои партийные билеты, как их родители берегли в войну хлебные карточки.

Заговор молчания

В начале 1991 года, увядшая было пресса КПСС словно обрела второе дыхание. Ее стали покупать, так же как другие традиционные официальные издания-ветераны. Рекордсменом января стала «Комсомольская правда». В киосках моментально уходили «с колес» «Московский комсомолец», «Вечерняя Москва», «Московская правда». Неплохо расходились «Известия» и «Труд». Любопытно, что гораздо лучше стала продаваться «Правда». Как считали киоскеры, повышение интереса к «бывшим» объяснялось в основном их доступной стоимостью, хотя и возросшей по сравнению с 1990 годом с 3-5 до 10-12 копеек. Скачок популярности вызван, кроме того, стремлением читателей узнавать новости ежедневно, чего большинство альтернативных изданий (еженедельники и ежемесячники) обеспечить не могли. Рост интереса к рознице традиционных изданий объясняется и постоянно ухудшающейся в СССР работой почты.

В нашей стране к осени 1990 года, с вступлением в силу Закона о печати, создалась, прямо скажем, необычная ситуация. Охочий до денег ловкий человек не имел права сам, без всяких ухищрений (справка из колхоза и т.д.) закупить грузовик мандаринов на юге СССР и поехать с ними не только что в Польшу, но даже и в Сибирь. А вот газету (журнал, радиостанцию) открыть он мог; сам, без всяких бюрократических проволочек — зарегистрируй свое издание, уплати несколько сотен рублей и издавай. Но кремлевская верхушка легко изыскала противоядие этому разгулу гласности.

Неплохой Закон СССР о печати появился в августе 1990 года. А бумага газетная стала исчезать. Не выходили по многим дням центральные газеты во многих городах СССР, где их тираж печатался в местных типографиях. Газеты регулярно публиковали извинения читателям тех или иных регионов страны; денег за подписку, правда, не возвращали. Только одна «Правда» регулярно выходила, на ней дефицит бумаги не отражался. Наоборот, для изданий КПСС — был избыток бумаги. Даже новые издания появились: еженедельник «Гласность».

Не пугать с журналом «Гласность» (общий тираж в Москве и в Париже — 30 тыс. экземпляров) известного правозащитника Сергея Григорьянца (при Брежневе 9 лет провел в тюрьмах и лагерях). Таким вот мало приличным способом попытались власть имущие хоть как-то заткнуть рот самому известному уже много лет в стране диссидентскому изданию, никак не подконтрольному правительству, хотя «Гласность» и «Ежедневная гласность» (издается в Москве) были к тому времени

официально зарегистрированы в Октябрьском райисполкоме столицы. Может быть, С. Григорьянца, бывшего выпускника факультета журналистики Московского университета, плохо знали в Госкомпечати СССР, где регистрировали новорожденную цэковскую «Гласность», или в Кремле?

Могли ли мы думать, что доживем до того времени, когда не станет хватать бумаги на издание «Правды» или нового, недавно учрежденного ежемесячного журнала «Известия ЦК КПСС»? А с Лубянки уберут памятник палачу? 5 сентября 1990 года в Госкомпечати СССР, согласно требованиям Закона о печати, о всеобщей регистрации и сборе небольшого символического единовременного налога, были выданы регистрационные свидетельства на центральные издания ЦК КПСС. Внушительный перечень: газеты «Правда», «Рабочая трибуна», «Сельская жизнь», «Экономика и жизнь», «Советская культура», «Учительская газета», журналы «Известия ЦК КПСС», «Коммунист», «Партийная жизнь», «Вопросы истории КПСС», «Диалог», еженедельники «Гласность» и «Воскресенье». Иногда начинало казаться, что весь этот сонм малочитаемых и малолюбимых публикой изданий существует только для того, чтобы на их фоне казались более презентабельными такие издания, как «Известия», «Литературная газета», «Московские новости», «Комсомольская правда», «Труд», журналы «Работница» и «Крестьянка».

Такая вот аналогия: на фоне ленинградской сталинистки, скромной вузовской преподавательницы Нины Андреевой выгодней смотрелись оба «Кузьмича» — член Политбюро Егор Лигачев и глава ЦК РКП Иван Полозков. По сравнению с этими мужчинами либералом получался М.С. Горбачев. А нерешительность и топтание на месте последнего придавали фигуре Б. Ельцина ореол народного заступника и чуть ли не диссидента. После чтения нескольких номеров «Правды» ясный стиль и информационная насыщенность газеты «Известия» воспринимаются особенно удачно. Вот она, наша советская «Монд» или «Таймс», хотя на самом деле «Известия» строго соблюдали утвержденные наверху пределы гласности. До свободы печати был еще долг наш путь.

Читатель грузинских или центральных газет, живя в столице Грузии Тбилиси, практически ничего не знал, что творится у него под боком, в соседних республиках, Армении и Азербайджане. Парижские газеты «Монд» и «Русская мысль», мюнхенская радиостанция «Свобода» и московские диссидентские в недалеком прошлом, а потом просто независимые и очень нелюбимые официальными властями «Экспресс-хроника» и «Гласность» давали о событиях во всех республиках СССР в общем-то достаточно полную ин-

формацию. Газеты союзных республик, даже самые крупные, еще вчера издаваемые КПСС, за пределами своих республик никогда практически в СССР не продавались.

По подписке москвич может получать грузинскую официальную газету. В розничной продаже лета 1991 года он мог встретить уйму наукообразных журнальчиков и еженедельников. Здесь и еженедельный дайджест тщательно препарированных переводов из иностранной прессы «За рубежом», и чуть менее вымученный еженедельник «Новое время», и написанный деревянным языком ежемесячный журнал «Международные отношения», и потерявшие на фоне общего стремительного духа гласности свою былую притягательность в глазах интеллигенции еженедельники «Литературная газета» и «Неделя».

Но о событиях в Грузии и в Армении москвичу не рассказывали внятно и с толком ни «Правда» с «Известиями», ни центральное телевидение, ни «Литгазета», хотя все они имели своих постоянных корреспондентов (с корпунктами, средствами связи, автомобилями, немалым бюджетом, штатом пишущих и технических сотрудников) и в Тбилиси, и в Ереване. Из всех традиционных центральных изданий только «Московским новостям» удавалось во все годы перестройки писать о событиях в Тбилиси (Ереване, Риге, Таллинне) так, что это не всегда вызывало в названных столицах республик бурю негодования. Миллионы советских читателей газет и журналов были информированы куда полнее о том, что творилось в Белом доме в Вашингтоне, чем в президиумах Верховных Советов союзных республик; интервью с Дж. Бушем или Ф. Миттераном встречались в официальной советской прессе.

И эта же пресса КПСС свято соблюдала заговор молчания вокруг политических высказываний таких бывших советских политических заключенных, а затем первых лиц, как З. Гамсахурдия, Л. Тер-Петросян, В. Новодворская, П. Айримян. А ведь информация из первых уст бывает очень интересной. Самое потрясающее здесь в том, что названным политическим деятелям было что сказать. И если бы они имели открытую трибуну в союзной печати, а не мегафоны в руках на уличных митингах или публикации в местных малотиражных изданиях, меньше крови пролилось бы в Закавказье, в Москве было бы меньше беженцев, и не возникала бы в СССР угроза гражданской войны.

«Холодная война» из формы международной политики СССР превратилась в его внутреннюю политику. КПСС давно дала понять, что, когда нам уже станет невмоготу от голода, холода и крови, тогда нам вновь дадут по куску хлеба, установят палочную дисциплину и заставят выполнять нормы коммунистического труда. По вечерам

мы, как и прежде, будем читать газету «Правда» и смотреть телевизионную программу «Время». Это, конечно, одна из крайне пессимистических точек зрения. Может быть и хуже, если погрязнем в хаосе гражданской войны и разрухи. Возможен и менее пессимистический прогноз. Партаппарат и генералитет частью займутся легальным частным бизнесом, частью пересядут в кресла государственных управленцев, разрешат частную собственность на землю и на малые и средние средства производства и таким образом вырвутся из тисков экономического кризиса, оставив нетронутым ядро своей власти и основной кадровый состав. Писатель Юрий Нагибин и политический деятель Валерия Новодворская считали, что при таком сценарии внутренняя политика Кремля будет больше напоминать не сталинско-брежневский социализм, а... гитлеровский национал-социализм. То же интересная точка зрения.

На необъятных просторах России и Советского Союза местные газеты все же двигались к независимости. Партийные комитеты сами (!) выступали инициаторами отказа от владения газетами и передавали их полностью в ведение местных Советов — органов законной, выборной власти. ЦК КПСС уже больше не хотел (не мог) выделять бумагу на экономически убыточные периодические издания.

Воспоминания о комсомоле

Издателями в коммунистической системе были компартия и ее доверенные лица — профсоюзы, комсомол, армия, творческие союзы. «Компартия и комсомол готовы поступиться принципами. Но только за хорошую цену», — эти иронические слова председателя подкомиссии Моссовета по свободе слова и печати Александра Попова столичная газета «Мегаполис-экспресс» (30.8.1990) вынесла в заголовок одной интересной статьи:

«Вожаков столичной комсомолки многому научил печальный опыт их ленинградских коллег, которым недавно пришлось пережить довольно болезненную для самолюбия операцию, связанную с удалением у них органа. Журналисты питерской «Смены» сказали последнее «прости» своим комсомольским хозяевам и зарегистрировались в качестве независимого издания. Узнав об этом, в МК и МГК ВЛКСМ поняли: медлить нельзя. Поэтому, не дожидаясь того, какой фортель выкинет их собственный орган — «Московский комсомолец», там решили помочь журналистам во всех этих нелегких хлопотах с юридическими документами и самостоятельно выступить в качестве полновластных учредителей газеты. Естественно, оставив за собой право на контрольный пакет акций издания. Известие об этом вызвало бурную реакцию у сотрудников «Московского комсомольца».

— Сохраняя власть ВЛКСМ над своей газетой, мы тем самым способствуем финансовому укреплению разваливающихся партийных и комсомольских структур, —

утверждает корреспондент «МК», народный депутат, председатель подкомиссии Моссовета по свободе слова и печати Александр Попов. – Власть идеологических догм сходит на нет, но при этом власть денег остается властью. Сейчас происходит любопытный процесс: КПСС и ВЛКСМ все усилия направляют на глубокую коммерциализацию своей деятельности. Наплевав на идеалы, которых, я убежден, многие из функционеров никогда и не имели, они стремятся выгодно вложить деньги, чтобы выжить и сохранить свою власть в новых условиях. Отказываясь от функций идеологического контролера газеты, наши партийные хозяева собираются просто качать и качать из нас деньги.

Парадоксальная ситуация! Ну, кто из подписчиков «Московского комсомольца» задумывался о том, что рубли, которые они выкладывали за возможность читать довольно острые публикации этой газеты, шли на укрепление финансового могущества КПСС? Той самой партии, критикой в адрес которой «МК», по сути, и завоевал себе такую популярность.

– Насколько мне известно, ежегодная прибыль от издания «МК» измеряется в миллионных рублей, – говорит Александр Попов. – И львиная ее часть оседала не в комсомольских структурах и даже не в кассе горкома партии, а шла напрямик в Управление делами ЦК КПСС. Ведь наша газета выпускается в партийном издательстве – в «Московской правде». Теперь же прибыль с нас мечтает стричь комсомол. Точнее, представители его аппарата.

Что ж, с учетом всего этого становится понятно, почему для МК и МГК ВЛКСМ так важно сохранить за собой свой орган. Пусть и не очень идеологически выдержанный, но популярный у читателей, а значит, прибыльный. С одной стороны, публикации «Московского комсомольца», конечно, не могут не смущать политически целомудренных аппаратчиков. Но, с другой – принципами ведь можно и поступиться. Особенно если это самое «поступление» принципами будет подкреплено солидными финансовыми поступлениями на банковские счета комсомола.

Любопытно, что ссылки Александра Попова на стремительную коммерциализацию традиционно идеологических структур Советского Союза подтверждаются в последнее время не только в отношении средств массовой информации, но и в других, более серьезных областях деятельности. В газетах уже сообщалось, что 16 августа в Госбанк СССР поданы на регистрацию документы коммерческого «Компартбанка» – третьего по счету банка, в состав учредителей или крупных пайщиков которого входит КПСС. Генералиссимус партийных изданий – газета «Правда» – во всеуслышание объявляет о своей готовности публиковать рекламу, причем не без гордости уведомляя, что это будет самая дорогая реклама в советских газетах. Что же касается комсомола, то он уже просто-таки с головой ушел в бизнес. Похоже, что нынешний партийно-идеологический нэп – это всерьез и надолго».

Собственный портрет и волнующее обращение к читателям опубликовал Павел Гусев, главный редактор самой популярной в Москве газеты «Московский комсомолец» (3.1.1991). Эта газета давно уже стремится быть максимально честной, а ее редактор известен в столице как в высшей степени приличный человек, в 1990 году стал председателем Союза журналистов Москвы (его выбрали на этот пост, а не назначили сверху).

И в 50-е, и в 70-е годы «МК» был смелой, а, следовательно, и любимой читателями газетой. Сегодня «Московский комсомолец» раскупают мгновенно не только за публикацию там снимков ее главного редактора с гармошкой в руках на празднике газеты на стадионе в Луж-

никах, фотографий обнаженных красоток с роскошным бюстом и очень красивыми ногами.

19 августа 1991 года «МК» был запрещен точно так же, как и вся московская и центральная пресса. Образованный в тот день «государственный комитет по чрезвычайному положению» (ГКЧП) своим постановлением № 2 «временно ограничил» перечень выпускаемой в Москве общественно-политической периодики следующими газетами: «Труд», «Рабочая трибуна», «Известия», «Правда», «Красная звезда», «Советская Россия», «Московская правда», «Ленинское знамя», «Сельская жизнь».

Надежд новоявленного «и.о. президента СССР» Янаева и всей его клики не оправдали многие из перечисленных изданий. «Труд» ни в одном собственном материале не поддержал переворот: тревожные фотографии, протест российских профсоюзов, репортажи из самых напряженных мест... «Московская правда», орган МГК КПСС, не смогла отказать своим издателям, но у ее редколлегии хватило хотя бы смелости заявить: она не во всем согласна с превентивными мерами Комитета по ЧП. Как писал Виктор Лошак в «Московских новостях» (22.8.1991), «такое мы уже проходили: иллюзия личной чистоты при мерзости служебных обязанностей». Ну и, конечно же, пьянея от восторга, первыми бросились в объятия хунты «Советская Россия» и «Правда» — органы «чести, ума и совести нашей эпохи».

А ведь многие в те дни сумели сделать свой нравственный выбор. В том числе и журналисты газеты с очень неприличным названием — «Московский комсомолец» (представьте себе газету с названием типа «Берлинский гитлерюгенд»; немыслимо сегодня?). Запрещенный хунтой «МК» не прекращал работу три дня и три ночи. Несколько раз в сутки готовили на ксероксах «чрезвычайный выпуск запрещенной газеты», в котором печатали хронику московского Сопротивления и указы, обращения президента России Б. Ельцина, документы российского правительства, выступления Ельцина, Собчака, Попова, Шеварднадзе, отчеты с митингов.

Благодаря инициативе газеты «Российские вести» (№ 19, 1991), опросившей в сентябре одиннадцать главных редакторов демократической прессы в Москве, мы имеем возможность привести ответы главного редактора «МК» Павла Гусева на основополагающие вопросы о путях демократии, прессы и власти сегодня — в посткоммунистической России:

«1. Советская демократия — это довольно скверное словосочетание. Тоталитарный режим долгие годы вживался в сознание людей и любого человека так или иначе трансформировал. Я глубоко убежден, что на сегодняшний день абсолютное

большинство «советских демократов», к сожалению, могут претендовать и на вторую роль – большевистских диктаторов, которые исторически воспитаны для уничтожения любого своего противника не законными, конституционными, методами, а путем насилия. К стати говоря, это показали многие последние события: и низвержение памятников силовыми методами, и поиски любого виноватого после путча.

Советская демократия, выросшая на тоталитарном режиме, может привести на сегодняшний день, к сожалению, к диктатуре демократии. И это очень тревожно.

Особых экономических перемен вряд ли следует ожидать, никто – ни Америка, ни Европа – ни с того ни с сего не будут кормить Россию. Не возьмут на себя такое бремя – кормить нас из года в год, посылая сюда продукты питания со всего мира.

За 70 лет просто разучились работать, не хотят понимать того, что труд может приносить ту выгоду, в результате которой они будут жить свободно и счастливо.

2. Я категорически не приемлю слова «гласность». Это слово, выдуманное Горбачевым, КПСС для того, чтобы убедить мировое сообщество в том, что у нас что-то делается, а в принципе гласность – это то, что хочет слышать Горбачев. Я только за свободу слова в рамках закона, который существует в государстве. Свобода слова – это то, чем живет весь цивилизованный мир. Еще до путча было ясно, что наше общество информировано изолировано, оно руководилось жесткой партийной рукой, кому и что нужно слышать, видеть. В результате «глубинка», по сути, ничего не поняла. Ничего не знала и лишь чувствовала, что что-то происходит. И только потом машина начала потихоньку работать. Информационный голод, неналаженная система распространения информации – все это нужно полностью ломать. То, что делалось Министерством связи и КПСС по выдаче дозированной и искаженной информации, – это просто преступление. И сегодня нужно начинать с Министерства связи, ломать всю машину, которая занимается распространением информации.

3. Мы на пороге очень сложных выборных кампаний. И здесь не исключено, что различными способами могут опять придти к борьбе те партии и группы, которые представляют интересы отнюдь не демократической общественности и не выражают мнения людей, которые защищали «Белый дом». Демократические силы должны объединиться, чтобы добиться победы на выборах».

Комсомольские аппаратчики перестроились куда быстрее, чем их старшие коллеги и наставники из КПСС. Журнал «Молодой коммунист» еще с середины 1990 года стал выходить как... «Перспективы». Сугубо ведомственное скучнейшее издание «Комсомольская жизнь» рекламирует себя отныне под названием... «Пульс». Советская комсомольская печать с самого начала перестройки проявила куда больше здравого смысла, чем пресса КПСС.

Самую крупную в мире по тиражу среди ежедневных газет «Комсомольскую правду» любят в СССР намного больше, чем «Правду»; даже «зэки» любят «Комсомолку» больше остальных изданий и отдают на нее свои кровные, тяжелым рабским трудом заработанные в колониях рубли. Как отмечают заключенные всех режимных зон в Советском Забайкалье, в этой газете они больше всего ценят правдивость, своеобразный язык, внимание к правам миллионов обитателей мест заключения и... оперативную информацию о деяниях их «коллег» на свободе.

Растущую конкуренцию на рынке советской прессы с успехом выдерживают и «Комсомолка», и еженедельная иллюстрированная газе-

та «Собеседник», которая с октября 1990 года перестала выходить как приложение к «Комсомольской правде», а стала самостоятельным изданием. Относительная степень этой независимости – тема пространной беседы на страницах «Собеседника» (№ 41, 1990) с его бывшим главным редактором Владиславом Фрониным, только что назначенным руководить «Комсомольской правдой»:

«Встретились мы через несколько часов после того, как Владислав Фронин перестал быть нашим начальником. Да иначе и разговор этот, скорее всего не состоялся бы. Согласитесь, есть какая-то неловкость в том, что главный редактор дает интервью своему корреспонденту на страницах своей же газеты или приложения к ней. Но на прошлой неделе в биографии «Собеседника» произошло действительно знаменательное событие. Наш еженедельник перестал быть приложением к «Комсомолке», а стал самостоятельным изданием.

– С чем вас и поздравляю! – сказал Фронин.

– И вас тоже!

– Да, и нас. Завершился несколько искусственный «приложенческий» период в жизни «Собеседника». Ведь в экономическом плане с самого начала он был изданием, независимым от «Комсомолки». Затем, встав на ноги, приобрел и творческую самостоятельность. Теперь все стало на свои места. И у «Собеседника» два учредителя. Не хозяина, подчеркну, а именно учредителя. Вы проголосовали за то, чтобы ими были газета «Комсомольская правда» и трудовой коллектив вашей редакции. Мы согласились. Хотя и странно, что свидетельство о рождении «Комсомолка» получит на 65-м году своего существования, а «Собеседник» – на седьмом. Но уж такие времена...

Кстати, я 17-й по счету главный редактор «Комсомолки», но, пожалуй, единственный, не утверждавшийся на Секретариате ЦК КПСС. Впрочем, произошло это вот почему. Только меня назначили, и сразу же одна из публикаций в нашей газете кому-то сильно не понравилась на Старой площади.

– *И какая же?*

– Если сейчас вспоминать, скажут, что занимаюсь популизмом. Хотя, впрочем... Речь шла об интервью с опальным тогда Б.Н.Ельциным. Подготовили его сотрудники газеты до моего прихода. И вот я, только сев в кресло главного редактора, стал бы снимать это интервью из номера? Да и в любом случае этого нельзя было делать. На следующий день звонок ответственного товарища. «Ладно, – говорит, – портить тебе настроение перед Новым годом не будем, а второго января заходи, побеседуем...» Потом еще был ряд острых публикаций – «Новочеркасск. 1962», интервью с О.Калугиным, брошюра А.Солженицына. А на одном из совещаний Вадим Андреевич Медведев бросил: «Вы коммунист, а работаете фактически против партии». Бюро ЦК комсомола было дано, видимо, поручение рассмотреть вопрос о «Комсомольской правде». К чести и тогдашнего первого секретаря В.Мироненко, и моих товарищей по бюро, они такому нажиму не поддались.

Но и тут надо подходить диалектически. Были в истории «Комсомолки» времена, когда и в ЦК партии защищали газету от особо ретивых комсомольских лидеров.

...Первый раз главным редактором «Комсомолки» Владислав Фронин был «объявлен» 24 мая 1975 года. Праздновали 50-летие газеты, пришли почти все бывшие главные редакторы. И стажера отдела рабочей молодежи подвели к одному из них – Борису Дмитриевичу Панкину. «Вот он, – сказали, – будущий главный». «Ну и хорошо», – ответил Панкин. А как еще отвечать на шутки? Тем более что и сам Панкин когда-то начинал стажером. (Б.Панкин, став послом СССР в Праге, в начале августа 1991 года был одним из немногих высших чинов МИД СССР, достойно отреагировавших на узурпацию власти в Москве и арест Горбачева. – Прим. Г.В.).

— Владислав, мы пока говорим хоть и о недавнем, но все-таки уже прошлом. А как сейчас складываются отношения с ЦК комсомола!

— По-новому. Из нашего лексикона должны уходить слова «орган», «руководство газетой», а главным должно стать слово «взаимовыгодно». Мне кажется, и Владимир Зюкин, первый секретарь, и члены бюро ЦК ВЛКСМ это понимают. Но где гарантия, что завтра к руководству молодежным союзом не придет какой-нибудь молодой доцент из Горького со своей прямолинейной «коммунистической инициативой» и не поменяет не только главного редактора «Комсомолки», но всю редколлегия, весь коллектив? Напора, судя по многим выступлениям на учредительном съезде КП РСФСР, хватит. Поэтому и у нас, и у молодежи, читающей «Комсомолку», должны быть гарантии, что при любом повороте событий мы останемся «Комсомолкой».

— А зачем же тогда ЦК комсомола — в учредителях? Не логичней ли объявить себя «независимой молодежной газетой»?

— У меня вообще к моде объявлять себя «независимой газетой», да еще буквами покрупнее — свое отношение. Если на этикетке написать «хороший коньяк», разве качество напитка от этого изменится? Не знаю, когда появятся по-настоящему независимые газеты, но прежде должны появиться независимые журналисты. Кстати, и в «Комсомолке» таких не хватает. Правдивой газетой, смею надеяться, мы, наконец, стали. А вот дальше... Наша газета во многом самостоятельна, прежде всего, в линии и позиции, но исторически связана с молодежным союзом. Вот мы и предлагаем соучредительство.

— Это значит — все пополам?

— Получим по миллиону и разбежимся. Не надо улыбаться. Есть среди комсомольских работников те, кто именно так и думает. Слово мы не серьезная, с традициями газета, а какой-то липовый кооператив. Да может, мы и оклады журналистам не будем увеличивать. Доходы сотрудников — да. Ведь до смешного доходит. В каком-нибудь новом издании тиражом в несколько десятков тысяч гонорар — пятьдесят рублей за страничку машинописного текста, у нас — всего шесть. И это при тираже 22 миллиона экземпляров.

Средства нужны газете, прежде всего, для того, чтобы развиваться. Устарела полиграфическая база, крупнейшая ежедневная газета в мире издается в допотопных условиях. Мы остаемся своими в системе партийного издательства и должны вкладывать в свою полиграфическую базу свои прибыли. И потом, теперь же за все надо платить за своего кармана. И за содержание корпунктов, и издательству.

— Но ведь молодежные газеты убыточны? И потом, для чего нам столько провинциальных молодежных газет?

— Что значит убыточны? Это миф. В стране 269 молодежных и детских изданий, 160 из них печатаются в партийных издательствах. Около 62 процентов приносят убытки. Но это 6 миллионов рублей в год. Прибыль же только одной «Комсомолки» больше чем в десять раз покрывала эти убытки. А теперь о провинциальных газетах. Можно ли назвать провинциальной рижскую «Советскую молодежь»? Я вот был в Набережных Челнах — там эта газета на равных конкурирует по популярности с нами. А «Московский комсомолец»? А ленинградская «Смена»? Речь о другом. Почему центральные газеты имеют больше прав, чем местные? Для чего такое ранжирование, когда «Комсомолке» положено иметь собора в Казани, а татарской молодежи в Москве почему-то нет? Газеты должны быть равноправны. Тогда и степень их популярности будет определяться только профессиональными качествами коллектива, делающего газету.

— И последний вопрос. Владислав: а почему Вы не стали народным депутатом? Ведь среди главных редакторов центральных изданий их немало. Тем более, что авторитет «Комсомолки» — это же наверняка и авторитет главного редактора.

– Я, очевидно, не оратор, не парламентарий, а газетчик. Мне это дело интересно. Да и меня ведь мало знают.

... И правда. По телевизору Фронина показывают редко. Интервью он практически не дает. Делает газету. На это и уходит все время».

5 января 1991 года часовую предупредительную забастовку объявили сотрудники газеты «Комсомольская правда», которым издательство «Правда» из-за «отсутствия бумаги» объявило о сокращении периодичности выхода газеты – пять раз в неделю вместо традиционных и оплаченных подписчиками шести. Кто только затем не выступил на страницах «Комсомольской правды» с успокоительными заверениями о том, что волнения излишни, все будет хорошо: и заместители Председателя Совета Министров СССР, и сам Президент СССР. С единственной в стране, крупнейшей молодежной газетой ссориться в общем-то никто не хочет.

Была многие годы эта газета брежневской, а с новым редактором Владиславом Фрониным как будто бы стала более прогрессивной, т.е. демократической, и в то же время продолжала быть очень влиятельной во всех кругах верховной власти в СССР. Редколлегия какой еще газеты могла позволить себе встретиться в полном составе с председателем КГБ СССР В.Крючковым, а затем и с министром обороны СССР Д. Язовым? («Комсомольская правда», «Правда», «Известия» – лишь эти три советские газеты, а также ТАСС и ИАН (АПН) имеют разветвленную сеть собственных корреспондентов за рубежом. О том, что немалый процент этих собкоров составляют сотрудники КГБ СССР и Главного разведывательного управления Министерства обороны СССР, ни дня до своего заграничного назначения не проработавшие в штате редакции, – разговор особый.).

В дни, когда Центральное телевидение отказалось предоставить прямой эфир Ельцину, «Комсомольская правда» объявила читателям о возможности позвонить в определенный час в редакцию и задать лично вопросы Б.Н. Ельцину. Ответы и вопросы на них были тут же опубликованы 14 марта 1991 года на целой полосе. И это было, учитывая тираж газеты, значительной акцией. Ельцин ведь ответил на все вопросы четко и ясно, коротко и понятно, честно и компетентно. А не в духе бесконечных и пустых словопрений, недомолвок и отговорок, намеков и инсинуаций, лжи и клеветы, которыми так отличались публичные выступления Горбачева и Лукьянова, Пуго и Крюкова, Язова и Павлова, Варенникова и Родионова. Жаль, конечно, что «Комсомолка» не была трибуной опальных Яковлева и Шеварднадзе, Бакатина и Ельцина, Боннэр и Сахарова, Попова и Собчака. Нет, нет, куда с большей симпатией предоставляли место для вы-

ступления на страницах «Комсомолки» Рою Медведеву, Эдуарду Лимонову, Валерию Чалидзе, чьи писания казались составленными от первого до последнего слова борзописцами с Лубянки, где существует десятилетия огромный отдел дезинформации со своими филиалами (к примеру, в АПН-ИАН) и сотнями платных агентов внутри страны и за границей.

Опять же «Комсомолка» сумела напялить на себя либеральные одежды и стала смотреться — издали, если не очень пристально глядясь, — ну совсем как некоммунистическая газета. Врать комсомольцы стали меньше, чем правдисты. Вот, к примеру, 4 июля 1991 года обе газеты поместили почти идентичное сообщение Российского информационного агентства о сборе в Вильнюсе подписей в защиту литовского ОМОНа. И только «Комсомолка» в отличие от «Правды» оставила в конце сообщения ключевую фразу о том, что за два дня было собрано всего сто подписей. «Правда» и здесь смолчала, а значит, крупно солгала.

Владислав Фронин, главный редактор «КП», так отвечал в сентябре 1991 года газете «Российские вести». Вопросы касались трех тем: (1) ситуация в стране, судьба демократии, ее перспективы; (2) место нарождающейся «четвертой власти» — власти информации, свободы слова в жизни общества; (3) ваше послание народу и тем, кто сегодня стоит у власти.

Вот мнения главного редактора «Комсомольской правды»:

«1. В трудный момент демократические силы и демократические газеты объединились, и меня беспокоит, что сейчас, после победы, в самих демократических силах начинаются ненужные, мне кажется, трения. В том числе и между газетами.

Мы очень рассчитывали на то, что писатели поймут, что нельзя в трудную минуту выяснять свои отношения и заниматься мелкими кадровыми смещениями. Поэтому очень важно сейчас понять, что демократия вроде и победила, но ей сейчас предстоят самые серьезные испытания. Если не будет единства демократических сил, то мы можем получить еще худшее, чем то, что было 19-21 августа. Может быть, югославский вариант — самый страшный из всех!

Свои надежды я прежде всего связываю с российским правительством, его энергичными действиями и с тем, что оно может объединить вокруг серьезных, мыслящих, деловых профессионалов.

Я не большой специалист с точки зрения конкретных экономических реформ, но реформы должны быть.

2. Думаю, что еще очень далеко. Мы не имеем свободной и независимой прессы, мы имеем очень много независимых газет, но я не думаю, что они такие уж независимые. Мы, кстати, в издательстве «Правда», наверное, единственное издание, которое еще зависимо и издается вместе с комсомолом и не сняло свои орден и не сменило имени. Дело все-таки не в названиях, мы любим быстро переименовать города, присваивать какие-то эпитеты своим газетам, а дело прежде всего в экономической независимости, ее у наших редакций нет. Экономической независимости от кого бы то ни было.

3. Сейчас, при новых выборах, народ должен не допустить тех ошибок, которые он допустил в предыдущих выборах. Именно этими ошибками отчасти и объясняются все эти сложности, эти трудные дни, которые были в августе. Мы очень легко хотим все свалить на Президента, не только Президент избирал, мы сами избрали народных депутатов, они послушно и утверждали людей, которые окружали Горбачева, а потом предали Президента.

Наша обязанность – выражать общественное мнение. Если президенты будут допускать ошибки, мы будем критиковать обоих. Это, естественно, не самоцель, но «четвертая власть» должна находиться в какой-то оппозиции, мы будем оставаться в этой оппозиции, независимо от того, кто пришел к власти: демократы или недемократы».

Обзор основных названий советской периодики, проведенный во вполне доброжелательном духе, не может скрыть главного – советская пресса и в начале 1991 года, с переходом на рыночные отношения, все еще остается детищем военно-идеологической экономики. Это донельзя точное определение употребил в статье в газете ЦК КПСС «Советская культура» (25.8.1990) академик Юрий Рыжов, народный депутат СССР, ректор Московского авиационного института.

Несмотря на воодушевляющий всех прорыв этой прессы к гласности, наши массовые газеты и журналы в подавляющем большинстве своем пребывают в том же состоянии, в каком находилась в СССР 70 лет вся интеллигенция, особенно гуманитарная ее часть. Наши журналисты были такими же, как и наши историки, философы, юристы, экономисты, филологи, – т.е. людьми третьего сорта. Классом-гегемоном объявлялся нещадно эксплуатируемый (больше чем при царизме) рабочий класс, его союзником партия коммунистов объявляла полузадушенное и почти вконец уничтоженное крестьянство, на третьем, последнем месте оказывались люди в очках и с образованием. Техническая интеллигенция нужна была верхам для работы в военной промышленности и в науке, которую также финансировали военные. Весь прочий интеллектуальный слой в СССР был планомерно уничтожен. В остатке на сегодня оказались жалкие крохи; до сегодняшнего дня режим буквально претворял в жизнь известный ленинский лозунг о том, что каждая кухарка должна управлять государством. Вот и сводилось такое управление к репрессиям и к лозунгам типа «За работу, товарищи!» Откуда же возьмутся у нас сегодня так необходимые обществу грамотные парламентарии, высококвалифицированные школьные учителя, классные журналисты?

А профессиональные журналисты ох как нужны. Цена их на сегодняшнем рынке возрастает, тогда как котировка партийных аппаратчиков стремительно падала. Здравый смысл подсказал КПСС уступить толстые журналы и не очень тиражные газеты, многие из которых теряли доходы (того и гляди, придется за них доплачивать), но мертвой

хваткой вцепиться за приносящий миллионные доходы ежемесячный журнал «Человек и закон», пользующийся устойчивым спросом как среди законопослушных граждан, так и у остальной части населения. Отрадно, конечно, видеть повышение престижности журналистской профессии.

ГЛАВА IV

ПОЛУЧИВШИЕ НЕЗАВИСИМОСТЬ

Королевские шуты эпохи перестройки

Были, конечно, издания, которые идеологический отдел ЦК КПСС ну не при каких обстоятельствах из рук выпускать не хотел. Но пришлось, так как авторитет их за рубежом — и конечно же у нас — был очень велик.

Кто был больше известен — главный редактор газеты «Московские новости» Егор Яковлев или председатель правления Агентства печати «Новости» (АПН с октября 1990 года переименовано в Информационное агентство новостей ИАН) Альберт Власов? АПН пользовалось услугами многих тысяч человек персонала. До сентября 1990 года АПН было учредителем и издателем газеты «Московские новости» со штатом творческих сотрудников в несколько десятков человек. Теперь «МН» независимы и выше убеждений журналистского коллектива редакции для газеты стоят лишь закон и воля учредителей — представителей демократической общественности страны, объединившихся в общество «МН» — народная газета».

Издающиеся на многих западноевропейских языках «Московские новости» еще 10 лет назад были мало кому интересным пропагандистским изданием, которое за границей распространяли в основном бесплатно, а у нас за неимением иностранной периодики покупали те, кто учил французский, английский, испанский или арабский... На русском языке в догорбачевский период эту газету не издавали. С приходом к власти М.С. Горбачева в 1985 и до 1989 года «МН» были единственным неподпольно издающимся советским периодическим изданием, позволявшим себе иметь (т.е. высказывать вслух) точку зрения, значительно чаще приближенную к правде, чем у остальных советских органов печати. Конечно, все знали, что королевскому шуту, к примеру, разрешается произносить такие сакраментальные фразы, за которые любому другому подданному сняли бы голову.

Недоступные широкому советскому читателю «Московские новости» («эрзац-газета», как презрительно называли это издание такие члены Политбюро ЦК, как В.Медведев и Е.Лигачев) должны были служить для Запада мерилom нарождающейся гласности в СССР. Трудно сказать, что думали иностранные политики и советологи об этих уловках игры в демократию, но умудренный печальным жизнен-

ным опытом элитный советский читатель (других у «МН» в СССР просто не было) после каждой статьи газеты на острую тему с интересом ждал следующего номера, чтобы узнать, сняли или нет главного редактора «МН». В течение 4-5 первых лет перестройки за Егора Яковлева болела вся советская демократически настроенная интеллигенция, которая не без основания считала – если снимут Е. Яковлева, значит, перестройка захлебнулась и все в нашей политике вернулось на круги своя. И в 1990 году открытость (откровенность, честность) всех советских центральных газет, вместе взятых, уступала тому, что могли позволить себе «МН» еще в 1986 году. Хотя, конечно же, «МН» активно участвовали в противоборстве на советской политической арене и уже только поэтому придерживались неписанных, но твердо соблюдаемых ими норм (пределов) гласности.

Газета «Известия» (13.9.1990) поздравила своих коллег из «Московских новостей» с юбилеем и поместила по этому случаю беседу с Е.Яковлевым:

«— Тремя главными для себя понятиями будет и впредь руководствоваться коллектив редакции – совесть, здравый смысл, запросы читателей. Время сегодня, разумеется, другое, чем четыре года назад, когда мы решили, что нет и не может быть запретных тем. Теперь такое отношение к жизни – достояние многих газет. Да, мы рады регистрации, рады тому, что издание стало независимым, не связанным никакими партийными пристрастиями Я, к примеру, 35 лет занимаюсь журналистикой и думал не дождусь Закона о печати, который еще Ленин обещал сразу после революции. Мы рады и тому, что открыта подписка на русское издание газеты. Согласитесь, это был нонсенс – знать, что есть газета, которую надо доставать всеми правдами и неправдами

Многое уходит в прошлое. Но жизнь лучше не стала. Хватает, к сожалению, нетерпимости, вражды. Не только в ретроградах, но и в тех, кто полагает, что служит демократии. Мы хотим показывать, как могут разрешаться конфликты во всех сферах жизни, будь то экономика или политика. Мы хотим утверждать права и достоинства человека. Хотим помочь возрождению свободного, процветающего, цивилизованного государства. И если это удастся, то газета станет газетой демократического согласия, демократического понимания, на что и наеемся.

— *Символично, что обновление газеты совпало с новым для вас десятилетием. В октябре «Московским новостям» — 60 лет...*

— Выходит, так.

— *Вы знаете своего читателя?*

— Когда меня еще недавно спрашивали об этом, я отвечал, наш читатель тот, кто рано встает. Он был у киосков уже в шесть утра, когда привозят газеты. Советским читателям доставалось всего 350 тысяч экземпляров на русском языке. Теперь, конечно, о читателях можно будет судить точнее. По сути, подписка – первый замер нашей популярности. Результаты пока радуют. Но если число подписчиков будет очень велико, нам придется приостановить подписку. В новых хозяйственных условиях после ухода из АПН у нас множество проблем, связанных в том числе и с бумагой.

— *Как намерены справляться с трудностями? Их же станет не меньше, а больше при переходе к рыночной экономике...*

— Да, пока мы в положении воробья на ветке – ничего у нас нет. Связываемся с типографиями. Хотим перевести газету на акционерные начала, выпустить акции

на 25 миллионов рублей. Их готовы купить и некоторые деловые люди Запада, хотя дивиденды они получат только в рублях. Создаем наконец концерн «МН»: ведем переговоры с французами о создании своей радиостанции, с Моссветом – о международном информационном центре «МН», малом книжном издательстве. Такие вот планы. Надеемся, не пропадем».

Номер независимой газеты «Московские новости» от 20 января 1991 года вышел в траурной рамке. Трагедии в Вильнюсе было посвящено 8 из 16 полос еженедельника. Это была честная журналистика – т.е. диаметрально противоположность того, что давали в те дни газеты «Правда», «Советская Россия» и «Красная звезда», а также ежедневный выпуск телевизионных новостей в программе «Время». 30 членов учредительного совета «Московских новостей», фамилии которых знакомы всей стране, подписали заявление – «Преступление режима, который не хочет сходить со сцены» – с детальным описанием роковых ошибок Горбачева.

А.Собчак не успел подписать письмо учредителей, так как был в отъезде, и посему высказался отдельно на страницах «МН» (27.1.1991):

«Самой трагической ошибкой (ошибкой ли?) Михаила Горбачева стало его участие в попытке сохранить единство Союза применением военной силы в Прибалтике. А самым постыдным для меня был отказ президента – уже в который раз! – от признания своей причастности к подобным методам «политического диалога». После кровавой ночи в Вильнюсе, после штурма десантниками и сотрудниками КГБ литовского телевидения президент заявил, что лично он ничего не знал, ни о чем не ведал. Это его заявление вкуче с аналогичными заявлениями министра обороны и министра внутренних дел – добавим сюда и телевыступление председателя КГБ, тоже оправдывавшего расстрел мирных граждан, – произвело на весь мир самое тягостное впечатление.

Президент обязан был найти мужество и принять на себя груз ответственности за происшедшее. Это оттолкнуло не только демократов, но и многих военных, его президентской волей брошенных на усмирение независимых республик Прибалтики, а наутро узнавших, что они-де совершили это по собственной инициативе.

Для политического деятеля утрата доверия – самое страшное. Но утрата может быть разной: политик может потерять доверие в народе, но сохранить власть, если ему верит его окружение, верят те, на кого он опирается (чиновники, полиция, армия и т.д.). Но если утрачивается и то, и другое – шаг до беды.

Президент так и не сумел стать настоящим президентом своего народа, а остался генеральным секретарем. Что бы ни произошло с нами дальше, народам нашей страны уже не забыть ни Тбилиси 1989 года, ни Баку 1990-го, ни Вильнюса 1991 года.

Как установила комиссия Съезда народных депутатов СССР, Горбачев не был причастен к боине перед Домом правительства в Тбилиси. Но он ничего не сделал, чтобы виновные в той страшной ночи были наказаны. До сих пор не показан по телевидению фильм, снятый операторами КГБ. Хотя решение о таком показе принято Съездом народных депутатов СССР – высшим законодательным органом страны. Но если тогда, в апреле восемьдесят девятого, этот человек, по-видимому, был объектом заговора реакции, то в дальнейшем ситуация стала меняться. В Баку войска бездействовали, когда шли погромы армян, и лишь после прекращения погромов, когда бежал из города первый секретарь Азербайджана и фактически власть перешла к Народному фронту, танки – тоже ночью – штурмовали столицу республики. Акция проводилась по указу Председателя Верховного Совет СССР, ну а те, кто ее исполнял, сделали все, чтобы крови было больше. Еще через год президент стал

полностью послушен силам прошлой эпохи, силам, которые сумели перетянуть его на свою сторону. Он перестал быть прежним демократом и реформатором. Генсек победил президента.

Тбилиси, Баку и Прибалтика. Эти три вехи определили личную драму Михаила Горбачева, и судьбу перестройки, столь блистательно им начатой в середине восьмидесятых».

«Московские новости» всегда были интересным изданием, но своеобразным, в котором преобладали, пожалуй, больше мнения, чем собственно новости. Историю любого органа печати можно давать по-разному. Анализ редакционной кухни «Московских новостей» предложила радиостанция «Свобода», передавшая в начале марта 1991 года нижеследующий рассказ бывшего сотрудника «МН» Андрея Васильева (текст радиопередачи цитируется по газете Демократической партии России от 17 марта 1991 года):

«В середине января, когда эхо от танковых моторов в России неожиданно громко прозвучало набранное петитом сообщение в «Московских новостях» партию коммунистов покинул главный редактор газеты Егор Яковлев.

Вообще-то, к этому времени такая акция стала настолько обыденной, что ею стало неудобно хвастаться даже перед домашними.

Допускаю, что читатели «МН» удивились, узнав из заметки, что Егор до сих пор оставался членом КПСС.

Но знавшие его лично – а их, думаю, по России и зарубежью наберется не один десяток (тысяч, разумеется) – получили шок совсем иного свойства.

Очень многие знали – Егор Владимирович Яковлев был убежденным большевиком ленинской школы.

И эта характеристика еще пять лет назад однозначно давала образ бунтаря. Почти диссидента.

А чуть раньше, в 56-м, Яковлев почувствовал себя диссидентом (по крайней мере, внутренним), когда, услышав доклад XX съезда, не поверил самому Хрущеву. Для секретаря райкома комсомола это был – поступок.

Еще одна веха. Последним оттепельным изданием принято считать «Новый мир». А ведь был еще журнал «Журналист», переделанный Яковлевым из ведомственного боевого листка «Советская печать». Ему удалось выпустить 15 номеров до рокового вызова в ЦК. «На ковре» Егор повел себя по-борцовски. Обвиненный в неподчинении партийному руководству печати, заявил: в этой стране нет партийного руководства печатью – в ленинском понимании.

Думаю, Ленин в то время был довольно скользким авторитетом. Не случайно ведь яковлевскую многосерийную телелениниану арестовали в 70-м на целых 15 лет.

Ну, и «Журналиста», естественно, отняли, сослав рядовым в «Известия». «Известинский» период я пропускаю, поскольку легенды о нем не очень интересны, а личных впечатлений я, по молодости, не имею.

В «МН» я попал в 86-м, недели через две после Егора Владимировича, о котором ничто не знал. Попал, надо сказать, по блату – по рекомендации его сына – и сразу понял, что такого Главного советская власть еще не рождала.

Он показал сверстанную полосу. Подробное изложение встречи журналистов с 1-м секретарем МГК КПСС, кандидатом в члены Политбюро Борисом Ельциным. Обычно о таких мероприятиях коротенько, строк на 40, сообщал ТАСС. А тут – целая полоса журналистских, понимаете ли, рассуждений.

– Кто вам разрешил?

– Никто бы и не разрешил. Только я ни у кого и не спрашивал. Он же с журналистами встречался, не с партработниками. Значит, «для печати».

Номер с этой статьей был первым, который в Москве раскупили на русском. До того «Москву нюс» (на английском) брали только ученики спецшкол А недели через три газета вообще исчезла с прилавков.

Она стала престижной.

Я был в «МН», кажется, пятым в «команде Егора». До него редакция представляла собой подобие отдела МИДа для почетной ссылки разоблаченных шпионов и неудавшихся дипломатов. «Свежая» струя их здорово напугала. Команда Яковлева была в самом деле экзотической. Он взял политобозревателя без высшего образования, еврея без прописки, погоревшего международника, репортера с уголовным прошлым... Ну, а ко мне относились, видимо, как к нераскаявшемуся хиппи.

Егор тоже в первое время пытался переодеть меня в костюм – хоть на один день в неделю.

Но в результате с моими возражениями (что именно в этот день я и попаду в вытрезвитель) тоже согласился. В партию, правда, звал – но не очень настойчиво. И на поездках за границу тоже не настаивал. А я, в свою очередь, восторженно рассказывал друзьям о Главном, который может прийти на работу в джинсовой куртке и сам водит служебную машину.

Кстати, кадровую политику Яковлев, с присущим ему блеском, изложил на творческой встрече в ЦДП. На вопрос, почему на страницах «МН» полно еврейских фамилий, он ответил: «Я, когда беру людей на работу, не заставляю их расстегивать штаны».

Однако не только беспартийными евреями пополнялись «Московские новости». Шел поток проверенных апээновских кадров – к ним Егор питал непонятный нам, простым журналистам, пиетет. Ну, и третий живительный источник – перестройщики-шестидесятники Шмелев, Нуйкин, Афанасьев, Попов, Бунич, Бовин – ну, в общем, полный джентльменский набор. Могучие авторы укрепляли «МН» как трибуну и убивали как газету. Впрочем, и социальный заказ был – на трибуну. Потому-то редакция представляла тонкую прослойку журналистов между двумя толстыми пластами раскрытых шпионов (их ему почти не удалось поувольнять) и реабилитированных диссидентов. Хотя и это все был только гарнир.

Газету делал один человек – с утра до ночи и без выходных. Особенно это чувствовалось во время его заграничных вояжей – газету противно было брать в руки, все спорные материалы откладывались замами «вот приедет барин – барин нас рассудит».

Барин приезжал по понедельникам, ставил всех на уши, переверстывал номер, кричал, вызывал на ковер, выгонял за дверь – в общем, осуществлял партийный стиль руководства.

Ему это прощали и сотрудники, понимавшие, что без Егора все «Московские новости» – пшик. Он взял на себя риск перепечатать из «Фигаро» письмо десяти эмигрантов «Пусть Горбачев представит нам доказательства», подняв газету на пик славы, и тут же, на собственных страницах, начал топтать «подписантов». Видимо, по-другому было нельзя.

Во время травли Ельцина он долго искал авторитетного автора для комментария о «политическом авангардисте». Нашел Гавриила Попова, тогда еще – профессора МГУ.

В результате на лекции Попова перестали ходить студенты.

Это была борьба. В ней были и отступления (когда председатель АПН Валентин Фалин читал полосы газеты перед выходом – причем, не только читал, но и правил, и заворачивал).

В ней были и генеральные сражения. Когда Егор бросал на стол Лигачеву заявление об уходе, а их мирил сам Горбачев, письмо которого зачитывалось сотрудниками редакции.

В ней были и победы, когда из АПН убрали с повышением Фалина, а из идеологии – Лигачева.

Яковлев с цитатником Ленина в одной руке и с письмом Горбачева в другой двигал перестройку и никому из подчиненных не позволял себе помогать. И выдвинул ее так далеко, что сам оказался позади нее.

Приверженность Ленину и Горбачеву, выглядевшая в яковлевских интервью изысканным (и даже объяснимым) комплексом великого человека, стала как бы профессиональной болезнью всех сотрудников «МН». Коллективный комплекс не может быть ни изысканным, ни объяснимым

Тем более на фоне зарождавшейся новой прессы, вообще лишенной комплексов. Ее, словно в насмешку, продавали деклассированные элементы на пятачке у входа в редакцию и там же горячо обсуждала круглосуточная политтусовка – герой всех московских телерепортажей.

Тусовку эту, кстати, Егор, считающий себя солидным политиком, не любил и неоднократно приказывал хозяйственнику ее разогнать. Но выгнал в результате самого не справившегося с народной стихией хозяйственника.

Газету уже называли органом левого крыла ЦК КПСС. И тогда случайное совпадение «правого» имени Егор с «левой» фамилией Яковлев стало навевать грустные мысли. Из «МН» стали уходить журналисты. Редактору удобнее всего было представлять дело так, будто перебежчики гоняются за высокими зарплатами.

Интересно, что Яковлев, прославивший частное предпринимательство на страницах своей газеты, сам лично к нему оказался не готов. В одном из интервью на вопрос о газете его сына «Коммерсант» он ответил, что не может принять сверхвысоких зарплаток в конкурирующей фирме. Интересно, что в то же время примерно то же самое сказал в «Правде» Иван Кузьмич Полозков.

Между тем коммерческие дела газеты тоже не блистали. Хотя заметно это было только изнутри. Первая для «МН» подписная кампания (до недавнего времени Егор верноподданнически выбивал разрешение на подписку в ЦК) дала 2 с лишним миллиона подписчиков – сработал эффект дефицита. Розница раскупалась – если не в первые несколько часов, как раньше, то в течение недели.

Но – отказался от сотрудничества английский издатель Максвелл, стали прогнать другие иноиздания.

Яковлев понимал, но не мог смириться с тем, что социальный заказ изменился. Читателям нужна не гласность, а информация. Публицистам-перестройщикам пора писать книги, а не заметки.

Косметический ремонт – слово «независимая» на вывеске, совет учредителей – положения не спас. На одной из редколлегий, на них теперь собирается вся редакция, он заявил коллективу, что не намерен с ним сотрудничать и покинул помещение. Коллектив не понял, он ведь никогда и не сотрудничал с Главным – просто подчинялся.

Была у Яковлева и другая крайность. Он заявил, что будет делать газету для уходящего поколения, для тех, кто привык к старой журналистике и воспринимает перестройку как ее порыв. Эта красивая идея вела к резкому падению тиража и потому так идей и осталась.

Егор взял молодежь из «Московского комсомольца» и зама из «Комсомольской правды». И опять ошибся. Молодежь тут же перестроилась и посolidнела до необходимой «Новостям» кондиции, а зам – не перестроился и потому пользуется в редакции славой «местного дурачка».

Не создав своей новой команды, Яковлев сам стал неуютно чувствовать себя в команде Горбачева. Первый симптом – на последнем съезде КПСС запретили его съездовскую многотиражку «13-й микрофон». Я писал об этом в «Коммерсанте», но сочувствия к своему бывшему Главному, ей-богу, не испытывал – не связываясь с большевиками.

Уход из Президентского совета Александра Яковлева и отставка Шеварднадзе Егора Владимировича окончательно подкосили. Он этого Горбачеву, думаю, не простит. Хотя Горбачев его в очередной раз выручил танками в Литве.

Ночь с 11 на 12 января предполагала не только события в Вильнюсе, но и веселый раут в Доме кино, посвященный 60-летию «Московских новостей». За день до этого состоялось узкое совещание доверенных лиц Яковлева проводить – не проводить.

Егор в который раз взял ответственность на себя. Полторы тысячи гостей, прежде чем налечь на бесплатное шампанское и закуски, услышали краткую и блестящую речь.

Гулять, конечно, не время. Но, как знать, может мы все гуляем последний раз (аплодисменты).

А наутро началась работа над специальным пролитовским выпуском, который «Новости» сделали чисто по-журналистски, причем интереснее и профессиональнее всех остальных.

На следующий день Горбачев, представляя коллегии МИДа нового министра иностранных дел, размахивал «Московскими новостями» и обиженно говорил, что его «кое-кто» считает преступником, имея в виду письмо учредителей «МН», где сказано. «Мы все стали жертвами преступного режима». Над этим письмом учредители работали чуть ли не сутки, причем некоторые отказались от подписи.

Например, Афанасьев – ему заявление показалось недостаточно резким. .

И Станислав Кондрашов – из-за излишней резкости заявления.

В том же номере появилось сообщение о выходе из КПСС остатков редакционной парторганизации. Когда на эту тему зашел разговор, Яковлев просто сказал «Чего вы на меня смотрите? Я выхожу, а вы как хотите».

«МН» снова пропали из киосков. Яковлев перестал кричать и дергаться, увеличил оклады и гонорары и начал довольно толково укреплять производственную дисциплину.

Такое впечатление, что, освободившись от партийного груза, он ожил и даже прозрел.

Потому что недавно сказал одному из приближенных: «Мне кажется, что я мешаю газете».

Западные общественные организации внимательно наблюдают за развитием событий в СССР и аплодируют особо упорным и мужественным журналистам. Ежегодно в Италии распределяют десятки различных литературных и журналистских наград. Одна из наиболее престижных, учрежденная в Милане тридцать лет назад, премия «Журналист Европы» в 1990 году впервые была присуждена иностранцу. Ее удостоился главный редактор «Московских новостей», Е. Яковлев. После известных августовских 1991 года событий Е. Яковлев был рекомендован на пост председателя Всесоюзной телерадиокомпании.

Запрещенные хунтой «Московские новости» продолжали выходить в дни путча. Готовили номера спецвыпусков в московской редакции, а основной (очередной) свой еженедельный номер от 21 августа 3 991 года печатали в Таллинне (на русском языке для Москвы и всей страны), в Кельне (на немецком языке для ФРГ, Австрии и Швейцарии), в Париже (на французском языке). Все эти акции в перечисленных странах были спонтанными, потребовали самоотверженного, в круглосуточном режиме, труда переводчиков и полиграфистов. Французское правительство в те дни успело принять решение и начало срочно готовить команды специалистов для издания в Париже на постоянной основе на русском и на французском языках самых известных демократических изданий – «Московские новости», «Огонек», «Независимая газета». Слава Богу, не понадобилось.

261-й номер «Московских новостей» (8.9.1991) был подписан Е. Яковлевым. Газета сообщила, что это «ПОСЛЕДНИЙ НОМЕР ЕГО-РА», и под этим заголовком на первой полосе опубликовала следующие неподписанные заметки:

«Именно опыт общения с этим человеком – даже не очень долгий, а тем более многолетний – может привести к убеждению: та, развалившаяся жизнь безошибочно выбраковывала лучшие экземпляры Егор Яковлев трижды становился начальником благодаря честным и энергичным попыткам улучшить систему. Трижды его вычеркивали из номенклатуры за то, что попытки были слишком талантливы.

Есть такая байка про гениального советского редактора: он безошибочно находил в материале лучшую строчку и вычеркивал ее. Егор был лучшей строчкой журналистики, когда другой в нашей стране еще не было. В четвертый раз он стал начальником в редакции, которая первой начала переход из «агитаторов, пропагандистов и организаторов» в средства массовой информации. И он провел «Московские новости» за пять лет по этому пути, превратив агитационно-рекламное издание под девизом «Добро пожаловать в советский рай» в символ гласности – свободы печати по-советски.

Как внутри тоталитарного чудовища появляется Егор Яковлев?

Вопрос из разряда пока неразрешимых, вроде того, как из неорганического мира может возникнуть живая жизнь. Из тех же тоталитарных мертвых молекул собирается нечто совершенно противоположное – и начинает двигаться, дергаться, разрывая, ломая окружающий монолит.

При этом продолжало сказываться, из каких молекул был сложен. Тоталитарная перевооснова, преобразованная талантом, облагородилась до уровня авторитарности. Вероятно, только такой организм и мог противостоять власти. Разрушить стену может только таран – предмет тоже достаточно твердый.

Мы те, кто прилетел на огонь этого таланта в «МН», чувствовали эту твердость каждый день. И мирились с ней, потому что нет ничего привлекательнее для нормальных людей, чем талант. Кстати, и он сам умеет высоко и бескорыстно ценить чужой дар. Стоит ли удивляться, что от него не хотелось уходить в поисках чего-нибудь более мягкого?

Потом брешь была пробита, и в нее хлынули новые люди. Они уже изначально были другие, и, вероятно, им кажется, что они родились свободными. На самом деле они стали свободными под грохот проламываемой стены – под этот шумок легко формируется новая психология».

С новым назначением Е. Яковлева – на ЦТ СССР – в «Московских новостях» произошли кадровые перестановки. Я специально привожу ниже интервью с Леном Карпинским в газете «Московский комсомолец» (17.10.1991), чтобы читатель мог понять класс одного из тех, кто руководил советской журналистикой:

«28 августа 1991 года политический обозреватель «Московских новостей» Лен Карпинский решением коллектива был единодушно избран на пост главного редактора еженедельника.

– *Изменится ли общая концепция еженедельника в связи со сменой главного редактора?*

– Дело не в том, что ушел Яковлев Августовские события, на мой взгляд, поставили общество в качественно новую позицию. Это не значит, что оно стало другим – оно еще как бы посттоталитарное. И еще долгое время мы будем расчищать грязь и заново выстраивать демократию для России. Но ввиду победы демократически

ориентированных сил перед обществом появились новые задачи. В процессе этих изменений должны обновляться и мы.

– *Сейчас много говорится о кризисе средств массовой информации. Какой должна быть газета, чтобы ее читали?*

– Сложный вопрос. Считаю, что все газеты должны быть разными. У читателей широчайший круг интересов. И потому идея общего знаменателя, естественно, опадает. Любая газета должна иметь свое лицо.

Мы, например, постараемся поддерживать свои материалы на максимально возможном аналитическом, интеллектуальном уровне. Гоняться за оперативной информацией мы не можем – газета не ежедневная. Однако предоставлять политологическую, философскую, психологическую интерпретацию происходящих событий – наша главная задача. В этом плане меня очень интересует возвращение некоторых прежних авторов, так называемых «шестидесятников», а основное – привлечение молодых интеллектов, мыслящих в другом измерении. Нам необходимы не только отдельные свежие мысли, но и мозги, которые их постоянно производят.

– *Если я правильно понял, газета будет несколько элитарной?*

– Я не очень люблю это слово. У нас в стране сорок миллионов, как говорит Солженицын, образованцев. И если эти образованцы (люди, имеющие институтский диплом) захотят, из них вполне могут выйти интеллигенты. Кроме того, существует множество людей без высшего образования, готовых к умственным занятиям. В общем, мы рассчитываем на тот слой, который собирается думать, сбрасывать пропагандистские штампы прошлого. На людей, стремящихся ощутить суверенность своей мысли.

– *Лен Вячеславович, знаю, что раньше вы много работали «в стол», считались даже диссидентом. Случались у вас стычки с КГБ?*

– Да, бывали. Вспоминается случай, связанный с Филиппом Денисовичем Бобковым, до недавнего прошлого первым заместителем Крючкова. До путча он не дотянул – ушел на пенсию. Кстати, может, поэтому и поторопился. Высококвалифицированный был профессионал, грамотный человек, хотя, конечно, целиком ангажированный КГБ. Занимался он в основном подавлением инакомыслия.

После двадцатого съезда, в бытность мою секретарем ЦК ВЛКСМ, он частенько навещался в гости и за чашкой чая высказывал свои соображения о первых смутных годах того времени. Доставалось чаще всего поэтам, особенно жаловался он почему-то на Евтушенко...

По прошествии лет, в семьдесят пятом году, мы увиделись вновь. Я вынужден был посетить его кабинет и давать объяснения. Сидели долго, чая не было – помнится, это обстоятельство обидело больше всего. В ту пору я начал собирать так называемую библиотеку неопубликованных рукописей. По сути, это был даже не самиздат, а просто скопление взрывного интеллектуального материала, КГБ пронохал о моих намерениях, и мне сделали строгое внушение.

Разные случались «штучки». Психологическое наружное наблюдение – это когда за тобой шпионят не скрываясь. Для давления. Но диссидентом я себя не считал. Не дорос. Ни в каких открытых деяниях участия не принимал – боялся. Так что мое диссидентство носило весьма отвлеченный характер.

– *Но все же, как могла произойти подобная метаморфоза: с самых верхов ЦК ВЛКСМ до отвлеченного диссидентства?*

– Начну с общей предпосылки, если бы тоталитарный монолит был действительно монолитом в лице аппарата – никакой так называемой перестройки так бы и не началось. Даже на той фазе, на которой она находилась до сих пор. Дело затеяно сверху и явно свидетельствует о том, что внутри аппарата существовало и развивалось два полюса. Полюс приспособленческого, конформистского сознания и полюс сознания критического. Мотивы бывали разными. Это зависело от индивидуума. Но в ситуации этого абсурда кое-кто понимал, что жизнь проплывает мимо, тра-

тится на какую-то комедийную постановку. И таких людей, поверьте, было немало. Горбачев, собственно, из той же команды. В общем, он шел параллельным путем, только был более номенклатурным человеком. Рос по партийной прямой. А так – вспоминаю наши разговоры, то, о чем он думал лет в двадцать шесть... Он уже тогда видел нелепость существующего механизма. Не в полной мере, но частично.

– *Вы довольно часто общались с Горбачевым. Вспомните наиболее яркий эпизод, разговор.*

– Из комсомола он перешел на сельское хозяйство в Ставрополь. Стал секретарем парткома управления. Я в то время уже работал в «Правде». Как-то мы беседовали с ним чуть ли не два часа. Горбачев с возмущением рассказывал о показателях, которым должен следовать колхозник, когда оплата строилась «от колеса, а не «от продукта». Мне кажется, идея рыночной стоимости овладела им еще тогда ... Вот на этой самой почве и развивался полус протеста.

– *В таком случае мне не понятна его фанатическая преданность компартии, которой он следовал буквально до последнего времени. Пытался крепить ряды даже после Фороса...*

– Дело не в партии. К политической партии КПСС имела отношение лишь на заре туманной юности. Потом она стала просто священным союзом всего начальства, в том числе работающего в области хозяйства. Властная структура, сцементированная идеологией и организацией аппарата КПСС. Это не партия. Это господствующий класс».

В «Книгу рекордов Гиннеса» занесен рекордный тираж советского еженедельника «Аргументы и факты» (33.392.200 экземпляров). А в марте 1990 года в Лондоне главный редактор «АиФ» В. Старков принимал из рук спикера британской палаты общин на традиционной ежегодной церемонии, собравшей весь цвет английской журналистики, премию «Газета года», которой был удостоен еженедельник «Аргументы и факты». Советская газета стала первым иностранным изданием за 33 года существования этой премии телекомпании Би-Би-Си.

Имя Владислава Старкова прошумело в конце 1989 года на страницах мировой прессы в связи с развязыванием в СССР ожесточенной кампании с целью убрать Старкова с поста редактора основанной им газеты «Аргументы и факты», исключительно популярного еженедельника, который, быть может, больше, чем любое другое печатное издание, выражало перестройку в печати. Чтобы добиться независимости от коварных плановых органов и государственных производителей бумаги, редакция «АиФ» бросила клич о сборе средств на создание «Народного предприятия по переработке макулатуры», объявило свой номер расчетного счета в банке. И потекли денежки от читателей, тем более что редакция обещала возместить людям их взносы из прибыли будущего предприятия.

Журналистский коллектив «Аргументов и фактов» еще в 1990 году объявил о роспуске в редакции партийной коммунистической ячейки (отныне журналисты «АиФ», члены партии, могли стоять на учете в КПСС по месту жительства), сумев освободиться таким образом от идеологического диктата сразу двух коммунистических партий – СССР и РСФСР, М. Горбачева и И. Полозкова.

«Мы хотели бы проинформировать читателей о том, — писали «Аргументы и факты» (30.6.1990), — что в последние месяцы число «ценных указаний» из ЦК КПСС резко сократилось. Правда, поступают просьбы, которые не носят обязательного характера. Иногда спецмашины с фельдъегерями привозят «секретные» пакеты, в которых, как это обычно бывает, фактически ничего секретного нет. Совсем прекратились вызовы «на ковер» на Старую площадь (местопребывание аппарата ЦК КПСС. — Г.В.), что, как нашим читателям известно, было особенно характерно для эпохи ранней перестройки».

С конца 1990 года еженедельник «Аргументы и факты» перестал быть ведомственным изданием идеологической пропагандистской организации «Знание» и стал полностью независимой газетой. Правда, как и прежде, без собственной типографии, без нормальных редакционных помещений, без гарантированных поставок бумаги, один на один в ожесточенной борьбе за выживание против теперь уже экономического, а не идеологического, как прежде, диктата тех, у кого в руках и бумага, и типографии, и почта, и банки, и помещения, и даже информация.

Прошел месяц после августовского путча, и газета «Российские вести» (№ 19, 1991) предложила главному редактору «АиФ» В. Старкову изложить свою точку зрения на проблемы демократии, прессы и власти в современных условиях:

«1. По крайней мере у нас в газете стало жить труднее. Если до путча мы знали, о чем мы писать не могли, и существовала даже какая-то внутренняя цензура, то теперь совершенно очевидно, что мы можем писать как бы обо всем и как газета конкурировать с радио и ТВ, которые стали намного серьезней и информативнее».

А в стране? Сегодня мы имеем не гражданский мир, а, пожалуй, гражданскую войну, которая происходит на периферии России, в республиках, граничащих с нами. Общество, понятно, не может развиваться по какой-то прямой линии, и поэтому я думаю, что ближайшее время — это время воцарения демократических основ на всей территории бывшего Советского Союза. Я верю, что это будет.

История покатила в сторону демократизации, хуже у нас с экономикой. Здесь пока ответов и отмычек нет. Может, они будут завтра или послезавтра. Обвала экономической свободы даже в Москве, даже в России еще не произошло. А это действительно нужно решать обвалом. Я думаю, это объясняется, скорее всего, консерватизмом мышления. 74 года люди были замордованы социалистическими и коммунистическими идеалами, и это нельзя просто так пережить за один август. Проблема в нас самих. Экономический обвал нужен, но как сделать, чтобы с этим обвалом не рухнуть и всем нам вместе — мне кажется, здесь нужно проявить чудеса политического лавирования, по сравнению с которым все лавирование Горбачева покажется детской игрой.

2. Эта «четвертая власть» уже реально есть. В дни путча безгласие боролось с гласностью, и общество, погруженное в гласность, не дало путчу никаких шансов на победу. В этом громадная заслуга прессы.

3. Если выражаться высоким штилем, то можно было бы сказать, что народу надо быть бдительным, ни в коем случае нельзя прерывать демократические процессы, которые у нас начались. Нужно довести дело революции до логического конца.

И второе. Очень важно, чтобы к власти во все структуры пришла молодежь. Пока я не вижу, чтобы этот процесс уж так сильно развивался. Сейчас особенно важ-

но принимать какие-то коллективные решения, разумные, проанализированные окружением и командой, которая должна отбираться не по принципу личной преданности, а по принципу ума, особой аналитичности, критичности».

Век «толстых» литературных журналов окончился

В 1990 году с боем, после многомесячных дебатов в канцеляриях всевозможных государственных учреждений (учредителей) получили право на выход из крепостной зависимости коллективы десятка-другого крупных московских изданий. Кто же и от кого освободился? «Огонек», «Знамя», «Литературная газета» — избавились от железных объятий ЦК КПСС и его ближайшего родственника в лице надсматривающей за литераторами аппаратной верхушки Союза писателей СССР. Вся страна следила с интересом за этим захватывающим дух поединком. Неужели такое возможно, возражать всемогущим ведомствам, да и еще по таким фундаментальным вопросам? Да еще совсем недавно за опечатку(!) или неудачное выражение, проскочившие в опубликованном тексте, редактор-исполнитель отправлялся на улицу искать себе работу, а главный редактор получал серию нахлобучек от всей идеологической иерархии в ЦК и СП.

«Битва титанов», «Битва титанов продолжается»: серия статей с подобными заголовками в «Известиях» была типичной. И это при том, что эти издания, возглавляемые такими «звездами» — писателями В.Коротичем, Г.Баклановым, Ф.Бурлацким, уже перестали пользоваться явным спросом подписчиков. Конечно, в киоске такие издания раскупали быстро, но они туда попадали ровно в таком количестве, чтобы оставаться дефицитом и их можно было распространять из-под прилавка знакомым. Газетный киоскер у нас, как и вся советская государственная торговля, сидел на твердом окладе, а не на проценте с выручки от проданного тиража. Поэтому он не столько торговал, сколько искусственно создавал дефицит на все, что мог.

Интересно еще и то, что издания типа «Огонек», «Знамя», «ЛГ» в условиях нормального общества просто не могли бы существовать, а не то чтобы приносить еще и огромную прибыль. «Огонек» — тонкий, полиграфически скромного оформления журнал — делают писатели-репортеры и писатели-историки в Москве, крайне редко выезжающие куда-либо в творческие командировки. Разоблачения злодеяний сталинской эпохи принесли «Огоньку» миллионы читателей. Потихоньку подобрались потом и ко всей ленинско-андроповской эпохе. Но ведь все это уже известно в общих очертаниях, все эти открытия и новости — из прошлого. За неимением у нас нормальных школьных учебников подшивку журнала «Огонек» последних лет можно вполне рекомендовать для чтения старшеклассникам (и их учителям) по истории, социологии и литературе.

«Знамя», «Новый мир», «Москва», «Октябрь», «Дружба народов», «Иностранная литература», «Юность», «Нева», «Огни Сибири», «Простор» и еще с десятков подобных во всех регионах России, а также в союзных республиках – практически не имели зарубежных аналогов. Толстый ежемесячный, на 200 страниц, литературный журнал, распространяющийся по лимитированной подписке, – это чисто советская специфика. Остается добавить, что до октября 1917 года понятия «лимит на подписку» не было. В советское время толстые журналы полностью и безраздельно принадлежали писателям, их центральным и региональным организациям. Кому же это было надо – издавать роман (повесть, стихи и т.д.) сначала в журнальном варианте, а затем уже и отдельной книгой? Не приходит в голову более разумного ответа, что это требовалось самим нашим вечно полуголодным писателям. Они получали, таким образом, двойное вознаграждение. Читателям это тоже приносило пользу – в потоке посредственности попадалось изредка нечто, что по различным причинам могло претендовать на всеобщее внимание. Такая публикация становилась предметом всеобщего внимания в среде интеллигенции, особенно провинциальной, оторванной от каких-либо значительных очагов культурной жизни, в условиях отсутствия в стране нормального книжного рынка. Нетрудно предугадать затухание интереса к толстым литературным журналам. Журналы же, целиком посвященные литературной критике, помогающие ориентироваться в книжном море будущего на полках крупных книжных магазинов, будут появляться и пользоваться бешеным успехом.

Составить впечатление о нашей журнальной периодике позволит знакомство с жестко написанной статьей московского автора Николая Климонтовича «Опасность словесности», напечатанной в американском «Новом русском слове» (29.6.1990):

«Последние семьдесят лет в России кричат «словесность в опасности!». Поводы являлись ежедневно, но парадоксальным образом именно сегодня, когда впервые в большевистской империи принят Закон о печати, крушение русского литературного процесса стало столь вопиющей реальностью. Литература остановилась – и ее как бы не стало.

Такой результат для большинства участников этого самого процесса оказался, видимо, неожиданным. А между тем – уже года три назад было ясно, что главные литературные поезда московских толстых журналов встали на пути, ведущие в пропасть.

Памятен тогдашний отчаянный выкрик со страниц «Правды» писателя-сталинца Петра Проскурина в адрес рьяных издателей Набокова и Пастернака: некрофилы! Даже его единомышленники опустили глаза, а «либеральная жандармерия» мигмом стоптала простака в порошок – его и по сей день не слышно. А ведь нынче это можно трактовать не как малоаппетитный эксцесс, но – прозорливое предупреждение. И уж вовсе разумной мерой кажется теперь предпринятая три года назад попытка ограничить подписку на периодику, но тогда по этому поводу разразилась подлинно народная революция, в которой участвовал «каждый, кому дорога судьба перестройки», во главе с неугасимым «Огоньком». Однако теперь ясно, что под фанфары и дудки, перебранываясь и веселясь, отыскивая все новые иконы и не переста-

вая славить самих себя за смелое ниспровержение ненавистной цензуры, пестрый табор отечественной словесности направился напрямиком не в страну обетованную, но, как всегда, в чевенгурское царство.

Страсть к самообразованию. Одним из первых ее продемонстрировал замшелый Михаил Алексеев, до недавнего времени редактировавший «Москву» (кстати, напечатавший некогда с подачи Симонова «Мастера и Маргариту») и прочитавший года четыре назад роман Набокова «Защита Лужина» – роман довоенный. И сказал, видно: ничего антисоветского, тиснем, – теперь можно «Лужина» тиснули. Это, кажется, и послужило сигналом. Можно лишь догадываться, каким там образом утрамбовались за годы обслуживания брежневского двора мозги всех этих главных редакторов: Ананьева из «Октября», Баруздина из «Дружбы народов», Дементьева из «Юности», Иванова из «Молодой гвардии» или Викулова из «Нашего современника». Известно одно: страницы журналов затопила хлынувшая из всех щелей прекрасная вчерашняя литература.

Мобилизованные им в помощь «либералы» от секретариата СП Бакланов в «Знамени», Залыгин в «Новом мире» энергично включились в гонку. Редакторы рвали друг у друга вдруг прочитанного Набокова.

Дальше – больше. Набоков был лишь пробным камушком. Цензура как воды в рот набрала. А значит – гуляй, ребята! И ребята, как в известной сцене у Войновича у сельского сельпо при объявлении войны, стали расхватывать любой самиздат.

Толстые журналы, добровольно взявшие на себя издательские функции (а ведь все, что они печатали эти годы, было издано за рубежом по-русски в виде книг, и такая тотальная перепечатка книг в журналах – вещь, конечно, совершенно беспрецедентная), без подписчиков не оставались. Более того, подписка на все «некрофильствовавшие» журналы многократно увеличилась.

Аппетиты читателей провоцировали издателей. Взвинчивание тиражей продолжалось. Достаточно сказать, что тираж «Нового мира» перевалил за трехмиллионную отметку, и это дело неслыханное. Добро бы печатались там советы докторов или кулинарные рецепты. Но и сказать, что это именно успех журналов – тоже нельзя. Просто таким образом удовлетворялся книжный голод, и журналы сделали сами себя заложниками книжного дефицита.

Хорошо, журналы приобрели новых читателей и тиражи. А что они потеряли? А потеряли они все остальное, то есть какую бы то ни было перспективу.

В самом деле: традиция российской словесности такова, что литературные силы концентрировались и кристаллизовались вокруг толстых журналов. И из этих кристаллов и образовывался калейдоскоп повседневной литературной действительности.

Все знаменитые в прошлом веке журналы – «Современник», «Отечественные записки» или катковский «Русский вестник» – прежде всего стремились собрать вокруг себя созвездие ярких сотрудников, и когда им удавалось это – они эффективно действовали на полях литературных баталий. Да и у нас не так давно, в шестидесятые годы, от кочетовского «Октября» до катаевской «Юности» журналы, если они стремились быть замеченными, шли именно этим путем. Новые молодые сотрудники-единомышленники, яркие писательские индивидуальности, как бы закрепленные за тем или иным изданием, и создавали ему необходимый нимб в глазах читателя, и за новыми вещами тех или иных авторов читатель охотился на страницах определенного издания. В известном смысле – это и был всегда русский литературный процесс, если прибавить сюда эффективную эстетически полноценную критику и профессионально налаженное издательское дело. И, скажем, Твардовскому много бы легче было, должно быть, заполнить страницы «Нового мира» не начатанными на родине Буниным, Шмелевым или Алдановым, отвоевать у цензуры кое-что из покойных Платонова или Булгакова, чем класть свою голову под топор, связываясь с непредсказуемым автором «Одного дня Ивана Денисовича». Но Твардовский был именно издатель журнала – азартный, хваткий и рискованный, а не получатель дивидендов с архивных публикаций.

Не говоря уж о том, что путь этот архивный – никуда не ведет.

Гибель «Нового мира». Судьба как раз «Нового мира» – детища Твардовского, папаше в бездарные руки, лишняя тому иллюстрация. Ибо «Нового мира» больше нет!

То есть – в списках подписки он значится. И висит на Пушкинской за углом его табличка. И дымит сигаретами редакция. И продолжают обивать ее пороги мрачные затурканые авторы – с бородами и без. И в редакции их продолжают прилежно обманывать: мол, оставьте, мы почитаем (никто читать не будет), окончательное решение еще не принято (оно принято навсегда – печатать здесь никого из них не будут). То есть внешне все, как всегда, но журнала – нет. Физически. Нельзя подержать в руках. Подписчикам пришла лишь половинная порция февральского тиража. Мартовского не было вообще. Как и апрельского, майского. Как не будет июньского и т.д. Что же это за чертовщина? И кто в ней виноват?

Либералы в редакции, разумеется, видят за этим «руку КГБ». Еще бы. В тяжелых боях на самом головокружительном вершине с потрясением партбилетом и угрозами бросить его на стол был выбит главным редактором Залыгиным мандат на личное бессмертие. Это он, будучи включен в делегацию для посещения Китая, прижал Горбачева к китайской стене: даешь Солженицына! Это он героически победил мракобеса Медведева, заведующего партийной пропагандой. Он наслаждался триумфом на секретариате СП, когда Михалков бил себя в грудь и кричал, что он всегда был за публикацию «Архипелага ГУЛАГ», а бывший генерал КГБ секретарь Верченко обещал бумагу для полного собрания сочинения Солженицына. Он рассылал гонимых за океан, и оттуда шли умиленные корреспонденции жанра «у Шолохова в Вешенской». И он стал держателем акций всей русской литературы (а может, бери выше – аж мировой), когда получил исключительные права распоряжаться солженицынским наследием на советской земле. И вот теперь, когда враги повержены, нечисть сметена, а Солженицын разверстан вперед на три года по номерам журнала, теперь для журнала нет бумаги. Знаем – почему. К тому же, в апрельский номер беззаветный борец за правду с позволения начальства, Залыгин ухитрился втиснуть еще и Авторханова: мол, сделаем для России все, что можем, и умир.

А между тем в редакции и невдомек никому, что она сама, собственными руками погубила журнал. И бесконечной перепечаткой давно опубликованных за границей книг, и полным игнорированием реальных нужд текущей словесности. И потаканием книжному аппетиту читателя, которому хочется-таки иметь «Архипелаг» и «В круге первом» на своей полке. И таким образом искусственным завышением тиража до трех миллионов экземпляров.

Что ж, с Солженицына «Новый мир» поднялся, на Солженицыне и надорвался.

Либералы средней руки. Солженицына на всех не досталось. Кой-какие крошки упали с барского стола «Нового мира», но «Юности», «Знамени», «Октябрю», «Волге» пришлось-таки искать другие резервы. Предположение, что они станут обзаводиться собственными авторами, искать новых, короче, строить свои издания заново, смехотворно: у главных редакторов на это просто нет пороку. И направились они путем испытанным: напечатав архив, они стали перепечатывать «самиздат», принадлежащий перу ныне здравствующих авторов. Замелькали на страницах журналов имена Аксенова, Войновича, Саши Соколова, а там и Довлатова. И даже Лимонова. Справедливости ради надо сказать, что вещи двух последних пришлось вполне ко двору: скажем, «Иностранка» Довлатова стала своего рода бестселлером – повесть была неизвестна в стране, да и имя ее автора – лишь по радиоскриптам на «Свободе». Свежо прозвучал и Лимонов. И, конечно же, открываем и приобретаем для российского читателя стал Саша Соколов. Но аксеновская «Золотая железка» и его же «Остров Крым», и даже уморительный «Чонкин» Войновича – все это оставило впечатление разогретого позавчерашнего блюда. То же произошло и с битовским «Пушкинским домом», и с главами «Сандро из Чегема» Искандера – все эти вещи были в свое время напечатаны отдельными книгами за рубежом, все они широчайшим способом обращались в метрополи, и новинками их никак не назовешь. Трудно сказать, на какой эффект рассчитывали журналы, печатая все это с опозданием на десять-пятнадцать лет, – разве что на реноме либераль-

ных изданий и на хоть небольшой скандалчик. Но и скандала не получилось, и все эти выстрелы оказались холостыми.

А между тем и без того заторможенный, замордованный литературный процесс в стране и вовсе остановился. Парадоксальность ситуации усугублялась и тем обстоятельством, что литературная критика тоже ушла со страниц журналов, вытесненная политической публицистикой с экономическим оттенком. Опасность для словесности исходила теперь именно от тех журналов, на которые еще недавно читатель взирал с надеждой. Консервативные литературные вкусы «шестидесятников» вроде Лакшина, который ассистировал Бакланову в «Знамени» (при Твардовском, напомним, это был один из ведущих критиков «Нового мира»), Залыгина или комсомольского поэта Дементьева из «Юности», их полная неспособность к созидательной издательской деятельности и стремление компенсировать свою неспособность публикациями самиздата поры их молодости, резкая политизация этих изданий – все это вместе поставило такую мощную плотину на пути новой, сегодняшней литературы, с какой не могла сравниться никакая брежневская цензура.

Консерваторы в оппозиции. Как ни странно, именно «консервативные», почвенные журналы – «Наш современник» и «Молодая гвардия» – остались на рельсах текущего литературного процесса, стремясь использовать фору, подаренную им «либеральными» журналами В каждом номере – обстоятельные критические разборы в основном – брань по адресу космополитически настроенных левых изданий и славолюбия своим кумирам и пророкам во главе с Василием Беловым и Валентином Распутиным. Не печатая Кестлера или Орузлла, не перепечатывая продукцию американского «Ардиса» или западногерманского «Посева», почвенники вынуждены искать свою собственную поэзию и прозу и таким образом сбивают плотный литературный лагерь искателей патриотических и народных ценностей и разоблачителей «руссофобов». Насколько организационно они преуспели в этом, показал известный пленум писателей России, – вот только качество их литературной продукции, мягко говоря, оставляет желать лучшего. По меткому словцу, пущенному кем-то в ЦДЛ, идет борьба за право писать плохо – и здесь, похоже, авторам этих журналов-«утесов», как любят они именовать себя, нечего опасаться конкуренции, ничего подобного бреду Белова в романе «Все впереди» или маразматической поздней прозе страшно активничавшего в последнее время Бондарева переваривать давно не приходилось даже бывалым советским читателям периодики – со времен романов Кочетова или Ивана Шевцова.

Но будем объективны, среди молодых и последовательных авторов этого крыла отечественной словесности выделяется несколько имен. Без сомнения, хорош Личутин, было несколько примечательных вещей у В. Крупина, возглавившего не так давно журнал «Москва», из более молодых выделяется Петр Паламарчук, автор вести о последних днях Державина – «Един Державин». Да и в квалифицированности литературоведческой – при всем его мракобесии, проявляющемся время от времени, – не откажешь, скажем, Кожинovu.

Главное же – какой-никакой, но литературный процесс на «правом» фланге дышит и теплится, что усугубляет разброд и застой слева.

Прорвать этот «либеральный заговор» толстых журналов против живого сегодняшнего слова удается нечасто и спорадически».

С точки зрения здравого смысла закономерно, что теряла своих читателей и «Литературная газета». Еженедельник «Литгазета» выходил на 16 полосах, первая половина которых посвящалась сугубо внутренним новостям из жизни Союза писателей СССР, издателя и учредителя «ЛГ» до недавнего времени. Внутренняя и международная жизнь освещалась этой газетой не таким дубовым языком, как это делали ежедневные газеты, да и более подробно, с упоминанием большего числа подробностей, имеющих чисто человеческий интерес.

«Огонек», «Знамя» и «ЛГ» цвели в лучах славы на фоне сонма сугубо партийных газет и журналов (хотя, конечно же, до 1989 года получали команды от тех же самых функционеров-кураторов из отдела пропаганды ЦК КПСС). В брежневскую эпоху, да и в первые годы перестройки до 1989 года, существование таких изданий, первым и главным из которых всегда был толстый литературный журнал «Новый мир» (и уж только последние годы – еженедельник «Московские новости»), позволялось режимом только для того, чтобы иметь возможность заявлять зарубежным кругам об успехах «разрядки», «нового мышления», «перестройки» и прочих наших суррогатов демократических свобод.

14 сентября 1990 года редакция журнала «Огонек» получила свидетельство о регистрации, в котором в качестве учредителя был назван коллектив редакции. Матч редакции с полиграфическим гигантом – издательством ЦК КПСС «Правда» (в СССР до 22 августа 1991 года просто не существовало газетно-журнальных полиграфических баз иного подчинения, чем КПСС) был длительным и напряженным даже в его последней фазе. Так, например, 3 сентября в идеологическом отделе ЦК КПСС коллектив журнала заверили в том, что директор издательства «Правда» (не путать с одноименной газетой) В. Леонтьев получил указание забрать из Госкомпечати СССР заявление от имени издательства. Однако вплоть до 11 сентября письменного заявления об отказе издательства от своих претензий на учредительство в Госкомпечать не поступало.

Вследствие этого журнал «Огонек», сообразуясь со ст. 14 Закона о печати, подал во Фрунзенский районный суд исковое заявление к Госкомпечати СССР за несоблюдение им месячного срока регистрации. Фотокопия этого документа была опубликована в номере «Огонька».

12 сентября Вячеслав Леонтьев отправил в Госкомпечать СССР заявление об отказе от учредительства, и 13 сентября «Огонек» был зарегистрирован от имени трудового коллектива редакции.

На обсуждение издательству «Правда», где печатается тираж «Огонька», его редакция представила проект нового договора, составленный независимыми юристами.

Четырьмя бутылками шампанского на сто человек приглашенных отметил журнал «Огонек» долгожданное обретение независимости.

В том же 1990 году премия «Международный редактор года» американского ежемесячного журнала «Уорлд пресс ревью» была вручена в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке главному редактору журнала «Огонек» В.Коротичу.

И разве не анекдот (печальный), что не в Москве, а в Нью-Йорке был вынужден издать на русском языке 180-страничную книгу «Зал ожидания» Виталий Коротич, главный редактор журнала «Огонек»,

известный наш писатель, народный депутат СССР. Книжка оттого, что вышла в американском издательстве «Либерти», хуже не стала – дорогая только получилась и недоступная для нас. Тем более интересен отрывок из нее, который напечатала без всяких сокращений «Независимая газета» (18 5 1991) под заголовком «Я никогда не боялся Горбачева» (этакий очень познавательный очерк нравов советской идеологической жизни).

«Я никогда его не боялся. Даже когда он кричал, потому что крик его никогда не был криком жестокого и всемогущего человека Я всегда пытался понять что стоит за криком, почему ему именно в этот момент по сценарию надо кричать.

Один раз он кричал на меня в своем кабинете. Было это 2 февраля 1988 года с часу дня до трех пополудни в присутствии Фролова, бывшего тогда одним из помощников Горбачева, и Яковлева. О том, как относится ко мне Фролов я не имел понятия и это меня не очень интересовало. Но отношение Яковлева всегда было для меня одним из важнейших ориентиров, потому что ни честь ни ум этого человека не вызывали сомнений. Первое, что я сделал войдя в кабинет к Горбачеву на пятом этаже в первом подъезде ЦК, это взглянул на Яковлева. Но встретиться взглядом не удалось и он и Фролов глядели на Горбачева ожидая что скажет тот Горбачев выругался. Я всегда спокойно воспринимал мужскую ругань Даже виртуозы ругательных лексиконов никогда не волновали меня, я считал что человек волен разряжать собственные эмоции как ему удобнее. Но мне впервые пришлось увидеть главу собственного государства, ругающегося как портовый грузчик. Не то чтобы я оторопел, но вздрогнул и, возможно в этом был смысл вступительного горбачевского монолога – ошарашить. Вдруг – и вполне четко – я ощутил, что этот человек играет грубияна, а на самом деле он добр и разговор со мной часть чего то более значительного чем я могу понять.

Перейдя на речь более общепринятую, Горбачев похлопал ладонью по толстой папке лежавшей на столе перед ним.

– Ты что это городил в Ленинграде на вечере о министре обороны СССР? Вот тут в папке у меня расшифровка, сделали мне. Человек честно работает на труднейшем участке, а ты его атакуешь почему зря.

Два дня назад мы с поэтом Евтушенко вдвоем выступали в огромном Ленинградском дворце «Юбилейный» и на вопрос о моем отношении к заявлению министра обороны Язова, обозвавшего в телепередаче меня и «Огонек» немислимыми словами, я ответил нечто вроде «Надеюсь что уже вскоре наша армия избавится от своих самых больших ракет и самых больших дураков. Это пойдет ей только на пользу». Но ведь застенографировали, расшифровали и доложили главе страны да еще как быстро!

Горбачев почти не делал пауз.

– Ты с кем? Ты в какой команде? Может быть возомнил себя лидером перестройки?

– Ну что вы! В вашей команде, в вашей! – ответил я. Здесь становилось привычнее – первое лицо страны со всеми разговаривает на «ты», вне зависимости от степени знакомства и возраста.

– То-то, – сказал хозяин кабинета – вот Александр тебя защищает, а я не знаю верить ему или нет.

Я не сразу понял что Александр – это Яковлев, а когда понял, взглянул в его сторону и увидел широко улыбающееся умное яковлевское лицо. Значит не так страшно. Фролов сидел рядом со мной с той же левой стороны стола от Горбачева, но он молчал и мне от него не было ни жарко ни холодно. Я поглядел на улыбающегося Яковлева и отвел глаза потому что Горбачев закричал снова.

– Ты что имеешь против Лигачева и Чебрикова? Я работаю с ними, и мне лучше знать, что они за люди Ты учить меня намерен, кто друг мне, а кто враг? Лигачев уже семнадцать лет в ЦК и я в нем уверен. Ты учить меня будешь?

– Нет – сказал я – не буду вас учить.

– То-то, – повторил Горбачев и пододвинул ко мне одно из двух стоящих перед ним блюдец с совершенно коктейльными маленькими бутербродиками с вареной колбасой – даже поест некогда, вот так и ем. Ешь!

Я съел маленький бутербродик. Было невкусно, и к тому же усиливалось ощущение, что все это не взаправду, а я не могу понять, в чем смысл игры. Горбачев разговаривал громко, четко артикулировал, будто шла студийная запись и он сейчас должен был отработать свои монологи, не очень обращая внимание на реплики партнеров по пьесе. После паузы он долго, как умеет это и любит, излагал свои мысли о необходимости преобразований в стране, о том как важно чтобы все, что его поддерживает, не спешили и не совершали необдуманных шагов. Речь его стала вполне литературной даже с этаким ораторским изыском. Не изменилось только лицо – внутренне напряженный добрый, очень усталый человек сосредоточен, но занятый важным делом. Он разговаривал со мной, варьируя разные интонации и разные голоса, вставал, подходил к письменному столу, всякий раз произносил фразы громко и очень четко.

Разговор длился уже довольно долго Мы обсудили проблему раскладки сил в стране, положение интеллигенции, ее трудности. Желая сбить Горбачева с ритма вытолкнуть его из колеи а заодно четче понять происходящее, я сказал:

– Интеллигенция признает вас лидером. Даже анекдотов обидных про вас нет.

А кто выдумывает анекдоты? Исключительно злые интеллигенты...

– Не ври – четко артикулируя сказал Горбачев – хочешь, расскажу? Стоит очередь за водкой, и последний в очереди говорит «Надоело ждать что это за безобразие устроили! Пойду-ка набыть Горбачеву морду за такие порядки» Нет этого человека и нет, наконец возвращается. «Ну как, – бросились к нему друзья из очереди – набил?» – «Там очередь еще больше...»

– Кто вам все это рассказывает? – спросил я

– Рассказывают! – протянул Горбачев и вдруг совершенно неузнаваемо взвился, вскричал, возвращая себе прежний из начала беседы, темперамент и лексикон:

– Тебе кажется, что все кто раньше был у власти – враги? Ты вот Лигачева и Чебрикова терпеть не можешь, а ведь все мы вместе жопу лизали Брежневу. Все! Это было, а сегодня надо объединять всех кто с нами в перестройке. Ты не забывай что мы товарищи в партии и каждый, кто с нами сегодня, должен остаться с нами!

Я съел еще один бутербродик с вареной колбасой, встал, поблагодарил.

– Александр проводит тебя, – сказал хозяин кабинета, и Яковлев прихрамывая пошел со мной. Фролов так же молча, как просидел всю встречу кивнул на прощание.

– Вы поняли как он вас защищал? – сказал мне Яковлев в тамбурике между первой и второй кабинетной дверью – Вы поняли?

Ничего я не понял, а затем просто боялся признаться себе, что глава государства человек, которого я искренне и глубоко уважаю, вынужден был декламировать нечто на запись, для успокоения своих могущественных оппонентов, для демонстрации того что он всех этих поганых либералов держит в горсти.

Только не это.

Впрочем, я мог все это и напридумать, навоображать. Думаю, что все было иначе. Просто так разговор сложился.

Но, тем не менее я никогда не принимал и не принимаю поступки этого человека прямолинейно, постоянно удивляясь точности разыгрываемых им комбинаций, просчитанных, как правило, по-гроссмейстерски на многие ходы вперед и совершающихся на грани возможного Он платит и еще заплатит собственной бессмертной душой за многое, но мы так далеко продвинулись, а Восточная Европа освободилась именно потому, что он оказался хорошим и трезвым стратегом в обществе, не приученном к реалистическому мышлению. Обаженный со всех сторон старой

партийной гвардией, стукачами и солдафонами, он постоянно решал немислимую задачу, как продвинуться вперед, не доводя их до крайности, даже демонстрируя им, что вот он здесь, а все эти щелкоперы – реформаторы – бумагомараки у него в партийном кулаке.

Мне очень запомнилась встреча в ЦК, на том же пятом этаже, где кабинет Горбачева; достаточно загадочная, начавшаяся ровно в полдень, когда он снова кричал на меня, и не только на меня, а мне снова не было страшно. Никому не было страшно, а он обозначал собой образ ужасно строгого руководителя, меня не покидало ощущение ненатуральности происходящего и некий дальний, непонятный мне сразу расчет Горбачева.

Начнем с того, что уже сначала он был не очень похож на себя. Угрюмый, со сдвинутыми бровями, начавший со слов о том, насколько всем нам необходима сверка часов в борьбе за общее дело.

Уж это общее дело. Не поверю, чтобы Горбачев не в состоянии был понять, что у него и его противников никакого общего дела нет. Но он говорил об этом снова и снова, а я, как на хорошей пьесе, ощущал затаенность второго, глубинного смыслового ряда за верхним слоем аккуратных до банальности тезисов.

Не то чтобы с каждым годом – даже с каждым месяцем пребывания у власти из него уходила молодая комсомольская плюшевость, нарочитость экзальтации, но боль его подымалась изнутри, постепенно делая Горбачева все более жестким и самозабвенным. Он, мне кажется, испытывал удовольствие большого спортсмена, продумывая, как дойти как можно дальше. Так нападающий в американском футболе мчится, зная, что его остановят, и больно мощный защитник, уже напрягшийся на пути. Но следующая схватка будет уже ближе к чужой линии, по пути к ней его, наверное, не раз еще сшибут.

Тогда, 13 октября, Горбачев кричал на нас. Вначале на многих сразу, обвиняя прессу в безответственности, левацких загибах и плохом служении партийному делу. Затем он выкричал в зале Старкова, редактора популярной, но не знаменитой еще газеты под названием «Аргументы и факты». Я помню звенящую тишину, в которой Горбачев тыкал пальцем в Старкова и кричал, сверкая неизменными своими очками в тонкой оправе, что на месте его, Старкова, он бы подал в отставку и ушел из газеты. А ведь все дело было в малом – в статистике, обнародованной газетой. Согласно этой статистике, он, Горбачев, не всегда был на первом месте по популярности в стране, а Лигачев и вовсе был где-то в конце списка. Горбачев лютвал на редактора, будто тот разгласил секрет изготовления немислимой бомбы или еще чего-то, на чем зиждется мощь.

Он кричал, и было не страшно, и жаль было кричащего лидера. Еще я глядел на Яковлева, с которым у меня были хорошие отношения, и на Медведева, с которым мы друг друга терпеть не могли. Секретари ЦК были спокойны. Будто глядели по телевизору запись матча, результат которого был им уже известен.

Горбачев говорил долго. Он посокрушался, что американский госсекретарь Бейкер по отношению к перестройке более оптимистичен, чем советский экономист Шмелев. Затем он поругал еще одного экономиста – Попова, велел, чтобы редакторы строже блюли партийную линию – и все это непримиримым тоном учителя, только что получившего самый невоспитанный класс в школе. Члены политбюро сидели, окаменев.

Оборвав речь на совершенно хрущевских интонациях, близкий к обещанию лидера прежней перестройки показать кузькину мать, Горбачев поднялся – такой же неулыбчивый, даже угрюмый. Я подошел к нему. Мы встретились взглядами, и вдруг я увидел не его. Этот другой человек, внешне похожий на Горбачева, вдруг как-то странно, по-крабьи, боком двинулся к выходу из президиума, тыча в меня пальцем и буквально крича.

– Не сдержал слова! Не сдержал слова! Продолжаешь разводить литературные споры! Не сдержал слова! Ввязался в перепалки!

Совсем странно. Я действительно продолжал переругиваться с шовинистическими ежemesячниками вроде «Молодой гвардии» или «Нашего современника», но

делал это, защищая от атак его же, Горбачева, и тезисы, которые время от времени он вдохновенно провозглашал. Это ведь не только и не столько меня, а его топтали шовинисты, визжа, что руководители продают страну (в основном евреям) и социализм (а кто его такой купит?). Впрочем, такую точку зрения, захлестывающую ура патриотические издания, секретарь ЦК Медведев называл плюралистической, а попытки воспротивиться ей – разжиганием страстей в обществе. Другой секретарь ЦК, Лигачев, следил за тем, чтобы суперпатриоты регулярно получали высшие ордена и медали от благодарного отечества. Но Горбачеву-то зачем их защищать?

Последним впечатлением от октябрьского совещания в ЦК (оно стало последним, избравшись президентом, Горбачев прекратил встречи такого типа) был уходящий боком в дверь лидер перестройки, гневно тычущий в меня пальцем.

Я огляделся в зале. Никогда я еще не видел таких счастливых рож у старой редакторской гвардии, у этих Алексеевых, Грибачевых – имя им легион. Все они улыбались до ушей, расправляли плечи, а кто-то и взглянул на меня с такой победоносностью, что я не нашел сил ответить. Даже взглядом.

С редактором сатирического журнала «Крокодил» Пьяновым мы пошли победить и долго угадывали, в чем дело, откуда этот сосредоточенный залп по своим. А может быть, для Горбачева сменились понятия «свои» и «чужие»? Никто в это не верил, но – тем не менее.

Наутро я ожидал вызова в ЦК. Все в СССР имеет свои ритуалы, и ЦК существует для разъяснения нам, грешным, мимолетом изреченных высоких мыслей вождей. Всегда назавтра после начальственной речи клерки помельче принимались нам её растолковывать. Я косил глазом на телефон правительственной связи с гербом на диске, но телефон молчал. Позже редактор «Аргументов и фактов» Старков сказал мне, что ожидал звонка еще более напряженно, а когда дождался, то это был звонок от одного из высоких партийных начальников, который велел ему, Старкову, не волноваться и спокойно работать. Напряженный редактор вовсе не этого ожидал.

Зазвонил и мой телефон – сразу после полудня. Мой приятель из «Правды» прямо-таки повизгивал от восторга. «Сняли нашего главного – Афанасьева!» – захлебываясь, сообщил он. Через сутки ушел в отставку восточногерманский диктатор Хонеккер.

Разъяснительное совещание в ЦК так и не состоялось. Совещания вообще прекратились с тех пор. Лишь вызывали время от времени – в индивидуальном порядке. Меня пригласил Медведев, и я ахнул, увидев у него в кабинете на столе для совещаний печенье, кофейник и маленькие кофейные чашечки.

– Угощайтесь, – предложил секретарь ЦК. И после паузы, пролистав последний номер «Огонька», заметил. – Читая ваш журнал, люди перестают верить в социализм, Виталий Алексеевич.

Я разжевал вкусное печенье, отхлебнул кофе и ответил.

– Посещая ваши магазины, люди перестают верить в социализм.

– Так мы ни до чего не договоримся, – сказал Медведев. У меня было точно такое же ощущение».

28 августа 1991 года «Известия» сообщили, что Виталий Коротич больше не является главным редактором журнала «Огонек». Его место после выборов в журналистском коллективе редакции занял бывший первым заместителем Лев Гушин. Накануне Коротич прислал из Нью-Йорка по факсу письмо с просьбой об отставке. Причины этого решения – в не очень хорошем здоровье и желании посвятить себя преподавательской работе в университетах США. Как заявил Лев Гушин на собрании коллектива «Огонька», журнал будет по-прежнему держать линию левее центра.

Гущин еще нет, но Виталий Коротич уже вошел в нашу историю одним из активных разрушителей цитадели сталинизма и ГУЛАГа. Этого бывшего киевлянина, сделавшего фактическую карьеру в Москве, хорошо знают и за океаном. И, соответственно, охотно тычат ему в нос не только букеты цветов во время публичных выступлений. В эмигрантской нью-йоркской газете «Новое русское слово» дважды (7.4.1991 и 2.6.1991) приводились слова Коротича о Горбачеве, на котором нет других грехов, кроме как «изучение произведений Брежнева». А тогдашнее руководство госбезопасности, по Коротичу, тоже заслуживало доверия и поддержки, потому что руководитель КГБ Крюков – «человек очень верящий в Горбачева и поддерживающий его».

Чтобы понять феномен Коротича, советской демократической прессы и всей нашей политической жизни, стоит еще раз посмотреть, что говорит бывший шеф «Огонька», – ниже следует его интервью журналисту Е. Додолеву, которое поместил «Московский комсомолец» (21.9.1991) под заголовком «Грустные попытки Виталия Коротича. Реквием по «шестидесятникам»:

«Время от времени у каждого нормального человека должно появляться желание менять свою жизнь кардинально, – едва уловимо улыбается Виталий Алексеевич. – Несколько раз в своей жизни я сознательно и очень резко менял род деятельности. В шестьдесят пятом году (после шести лет работы врачом) ушел в профессиональные писатели, бросив к черту написанную уже диссертацию. Я был свободным художником, редактировал... Очередным сломом моей биографии стал «Огонек». И с самого начала этой работы я отчетливо видел ее грядущие пределы. Последние годы это, на мой взгляд, конец эпохи «шестидесятников», финишная прямая той дистанции, на которую мое поколение вышло тридцать лет назад. И мне смешно, что оно, мое поколение, до сих пор мнит себя солью земли, пупом вселенной в одну шестую часть суши. И продолжает держать на своих плечах, подобно измученным атлантам, все это дело, называемое Перестройкой. Но когда в прошлом году мне предложили хороший контракт в США, я долго раздумывал.

Но я не уезжаю насовсем. В декабре я хочу провести здесь, в Москве, конференцию под условным названием «Конец эпохи ненависти». Эпоха ненависти, порождаемая идеологией коммунизма, закончилась. Наступила другая эпоха ненависти – индуцированная национализмом и религиозными распряями.

– *Вы, очевидно, знакомы с теорией Лефевра: западное общество основано на идее компромисса, советское – на идее конфронтации. Здесь же выгодно быть в противостоянии. Ельцин, «Взгляд» и «Огонек» набрали – образно говоря – висты именно на конфронтации...*

– Наша страна, рожденная из Ненависти, после того как с нее были сняты дисциплинирующие ограничения, сама разродилась невероятными потоками ненависти. Это подтверждает известную теорию о том, что за последние сто лет на земле образовались три тоталитарные империи – Германия, Япония, Россия. Эти структуры представляли собой серьезную угрозу человечеству. И две из них удалось реформировать с помощью иностранных инвестиций.

– *Так декабрьская конференция выльется в еще одну попытку выбить из Запада капиталы для нашей задыхающейся экономики?*

– Если Россия не откажется от попыток провести преобразование собственными силами – она обречена. Я договорился с Генри Киссинджером и Гельмутом

Шмидтом, что с 15 по 17 декабря в Москве во что бы то ни стало пройдет эта конференция. С нашей стороны я обговаривал этот вопрос с Собчаком, Поповым и Яковлевым.

— *А вам не кажется, что вы могли бы заниматься тем же самым, оставаясь в Союзе?*

— Здесь никто не предлагал абсолютно ничего. Перестройка, по-моему, это грустная попытка Советского Союза возвратиться к норме. То, что делаю я, — это всего лишь грустная попытка жить нормально. Это, как правило, сталкивается с непониманием. Совершенно нормально было то, что я бросил профессию врача, хотя и был, как мне представляется, квалифицированным специалистом. Сейчас — ситуация аналогичная. Казалось бы я возглавлял уважаемый журнал, от добра добра не ищут. Когда я был главным редактором, меня все время раздраженно спрашивали: «Ну что тебе надо? Чего ты выпендриваешься?». Сейчас говорят: «Зачем уходишь?». А я ухожу для того, чтобы работать в нормальных условиях. В нашей стране никому ничего не надо. Вот моя книжка, например. Ни одно издательство мне не предложило издать ее здесь (какие-то кооператоры взялись было, но потом передумали, хотя и заплатили даже какие-то деньги). Американцы ее уже издали! Что вы мне предлагаете: обзывать советские университеты, предлагать свои услуги, памятуя о том, что я представитель «второй древнейшей»? Для чего? Когда факс в «Огоньке» в течение года раскалялся заокеанскими предложениями...

— *На устных выпусках журнала вам часто приходилось выступать и перед молодежью тоже. Что вы можете сказать о разнице между американской и советской аудиторией?*

— Наши мне кажутся большими реалистами. Недавно довелось выступать в колледже «Аберлин», и я там нарвался на вопросы такого рода: «Как вы можете отказаться от замечательных идей марксизма-ленинизма? Как вы смеее отворачиваться от ленинского наследия? Почему ваша страна разрушает созданную поколениями могучую систему?». Вот этим всем интересуются сытые, упакованные американские студенты, системы этой не попробовавшие. Конечно, может быть, было бы уместно мне выступать перед нашими студентами. Но! Возможно, я ошибаюсь, однако у меня впечатление, что советские студенты сейчас менее политизированы, нежели американские; они утомлены и не производят впечатления студентов эпохи великих потрясений.

— *Наша страна — образец общества без понятий. У нас нет никакой системы координат — ни религиозной, ни привнесенной государством. Ощущаете ли вы этот провал, общаясь с молодежью?*

— Да, молодежь у нас диковата. Они знают, быть может, наизусть даты партийных съездов, но не знают элементарных вещей. Все нынешние попытки вернуться к религии напоминают кликушество. На Украине молодежь спорит, кем им стать: католиками или православными, до того как стать просто-напросто христианами. Но тем не менее я верю в нашу молодежь. Все-таки они не впитали в себя долбестные примеры Павлика Морозова. Когда я пришел в «Огонек», там в основном работали люди пожилого возраста. Даже старше меня. Моей тактикой было: подбирать молодых. Я набрал тех, кто помоложе. И одна из причин моего ухода: боюсь стать тормозом для новой «огоньковской» волны. Недавно я давал интервью московской корреспондентке «Лос-Анджелес таймс». Ей лет тридцать. Можно ли представить советского корреспондента ее лет в столице крупнейшего западного государства? Вопрос риторический. Во время путча закончилось время моего поколения. Теперь слово молодым. «Шестидесятники» могут остаться наставниками, но быть паровозом этого движения вперед они уже не сумеют. То же самое с «Огоньком», нужно делать новый журнал.

— *Тогда вы напоминаете капитана, который уходит с тонущего корабля в нарушение традиций — первым.*

– Нет-нет, «Огонек» остается на плаву. Просто ему надо менять курс. Мы начинали с борьбы за общедемократические тезисы. Сегодня, напечатая я материал о том, что генерал строит себе дачу на армейские деньги, а на верхних этажах ЦК царит матерая коррупция, –я потеряю читателя. Это, во-первых. А во-вторых, сегодня уже нет такого понятия, как всесоюзный читатель. Ушла Прибалтика. Уходит Закавказье. Сегодня журнал должен быть национально русским.

– *Ваш уход из «Огонька» представляется мне странным и потому, что у нас в стране не принято добровольно покидать руководящие посты, не так ли?*

– Да, действительно, это так. Из Кремля так вообще выход был только один – ногами вперед. Кроме свергнутого Хрущева, все остальные наши лидеры покидали руководящее кресло, уходя в лучший из миров. Но я решил уйти из «Огонька», потому что понял, что через пару лет меня... будут любить меньше, скажем так. Меня в прошлом году очень порадовал мексиканский президент, рассказавший, что у них в Мексике президентом можно быть не более шести лет. То же самое в США: лимит – два президентских срока по четыре года. Все медицинские постулаты утверждают, что шесть-семь лет работы на износ – это предел человеческих возможностей. Это во-первых, а во-вторых: за шесть примерно лет человек как бы становится на накатанные рельсы, оказывается во власти стереотипов и, стало быть, перестает быть гибким руководителем.

– *Говоря о шестилетнем лимите, вы намекаете на Горбачева? Ведь он у власти с апреля 85-го.*

– Да. Я считаю, что должны уйти все: Горбачев, Ельцин, Шеварднадзе, Яковлев. Они должны остаться, но не в статусе первых лиц.

– *Когда вы в последний раз беседовали с президентом?*

– Давно. Когда умер Сахаров. После этого Горбачев стал отдаляться от всех. Политический ресурс Горбачева исчерпан. Я мало знаю людей, с которыми Горбачев разговаривал бы в последнее время. Он был отрезан от мира своим окружением.

– *С кем из членов ГКЧП вы были знакомы достаточно близко?*

– У меня была светлая мечта: взять одновременно интервью у директора ЦРУ Вестера и у председателя КГБ Крючкова. Я их бомбил письмами. Но никак не получалось добиться согласия обоих в одно и то же время. Но с Крючковым мне, тем не менее, встречаться доводилось. Два раза он меня весьма свирепо отчитывал. Он меня вызывал к себе и говорил, что разговаривает по поручению Михаила Сергеевича. Первый раз мне были предъявлены претензии: я слишком много общаюсь с зарубежными дипломатами. Я пытался возражать: я же не знаю государственных секретов. Крючков настаивал, объясняя, какие все эти послы – бяки. В том разговоре он произнес одну сакраментальную фразу. Скажите, воскликнул глава нашей тайной полиции, отчего либеральная интеллигенция не хочет с нами работать, почему у нас с американской разведкой лучшие отношения, чем с собственной интеллигенцией. Еще одна стычка с ним была не такая смешная. Он сказал мне, глядя на меня очень внимательно: «Вы понимаете, что вы толкаете страну к такой ситуации, в которой пострадает больше людей, чем пострадало во время репрессий 20-х годов?». То есть намекал на то, что нас всех ждут лагеря. Ну я не говорю уже о разборках по поводу дела Гдяна-Иванова. «Огонек», как вы помните, выступил в свое время в поддержку этих следователей. И мне, конечно же, от Крючкова крупно тогда досталось.

– *А что с Янаевым?*

– Вообще я веду себя в Верховном Совете предельно тихо. Но декабрь прошлого года был исключением. Ушел Шеварднадзе, закрыли «Взгляд» – явно что-то надвигалось. Когда предложили Янаева в вице-президенты, я просто, знаете ли, визжал. Я бегал, собирал подписи против него. Помню, когда я подошел голосовать, стоял возле столика, где выдавали бюллетени, сам Яна-

ев. И я – честное слово! – вычеркнул жирным фломастером его фамилию прямо там же.

– В одном из интервью Олег Данилович Калугин сказал мне, что вы отказались печатать его первые разоблачительные публикации. И сделали это под нажимом Яковлева. Это правда?

– Видите ли, в чем дело: Яковлев и Калугин сокурсники. Они вместе стажировались в Колумбийском университете в конце 50-х. В начале аферы Калугина многие воспринимали его выступление как проделки Яковлева. На Александра Николаевича катили бочки: что ж ты подговорил своего старинного приятеля подвести мину под КГБ. В то время на верхних этажах власти было достаточно много людей, которые желали скомпрометировать Яковлева. Меня считали лицом в какой-то степени близким к нему. И я боялся подставить Александра Николаевича калугинскими публикациями. Генерал-майор не очень охотно открывал тайны мадридского двора на Лубянке. Если бы Олег Данилович метнул мне на стол какие-то немыслимые доказательства злодейств КГБ, я бы уболтал Александра Николаевича, и «Огонек» предоставил бы слово Калугину. Но тот ограничился лишь общими обвинениями в адрес организации, которая даровала ему в свое время генеральское звание. Помнится, я всегда выводил из себя Юлиана Семенова, спрашивал его: «Что ж такого должен был сделать относительно молодой Штирлиц, чтобы получить звание полковника СД? Какие-такие свинства?» То же самое можно спросить и у Калугина: за что он так рано получил столь высокое звание?

– Ну это, быть может, государственная тайна. Олег Данилович, насколько знаю, и так головную боль поимел за «разглашение секретов». То, что вы старались явно не приближаться к Яковлеву, чтобы отвести от него возможные удары, – понятно. Но ведь и он платил вам покровительством за ваш такт и понимание ситуации?

– Он помогал журналу. Благодаря его помощи «Огоньку» часто удавалось сохранять нейтралитет, лавируя между жерновами. Когда нас пытались втянуть в антиельцинскую кампанию, мы отбились. С другой стороны, когда наш зав. отделом писем Юмашев писал книгу Ельцина, я не стал публиковать антигорбачевские фрагменты. Не уверен, что сейчас журнал сможет сохранить ту же самую линию – посередине».

Журнал «Огонек» публиковал множество интереснейших сюжетов, камня на камне не оставлявших от наших ленинцев, милитаристов, чекистов и прочей опаснейшей публики. Одно интервью с бывшим диссидентом Владимиром Буковским в «Огоньке» (№ 18, апрель 1991) чего стоило. В СССР этот человек 12 лет сидел в психушках, тюрьмах и лагерях. Там бы он и умер, если бы Пиночету и Брежневу не подсказали обменять этого «психа» на Луиса Корвалана, большого друга СССР, генсека компартии Чили. С той поры прошло 14 лет, но приговоры по делам Буковского не отменялись, вздорные обвинения не опровергались, советское гражданство ему так и не вернули. Но Ельцин настоял в МИД СССР, английское правительство тоже. Буковского со скрипом впустили в СССР на 5 дней. Интервью с ним, с человеком, с которым знакомились и беседовали главы практически всех ведущих стран мира, «Огонек» озаглавил одной фразой Буковского – «Пока у вас нет мужества, колбасы не будет». Всеобщая забастовка как единственный шанс избежать голода и крови, полный демонтаж власти КПСС и КГБ

и гарантия для всех мирной жизни, добровольный отказ от «лишних» территорий империи — таков был перечень советов известного нейрофизиолога и общественного деятеля, убежденного антикоммуниста. В августе 1991 года ведь так и получилось: вышли москвичи на улицы и опечатали здания КПСС, чекистов потревожили.

С такими авторами и таким главным редактором «Огонек» был обречен на самостоятельное, независимое от КПСС существование.

Хэппи-энд, как известно, восторжествовал и в истории с «Огоньком», и с «ЛГ», и с журналом «Знамя», и со многими другими. Но ведь этого никто не знал в августе 1990 года.

Конфликт намечался и вокруг регистрации журналов «Юность», «Нева», на которых претендовал все тот же аппарат Союза писателей СССР. Его штатных секретарей никто и никогда не смог бы обвинить в либерализме. Классиками среди них никто, конечно, не стал, но по тиражам опубликованных собственных жвачно-скучных и идеологически правильных (в сталинско-брежневском духе) многотомных сочинений они переплюнули всех зарубежных классиков мировой литературы XX века, вместе взятых. Соответственно, секретарям было что терять, и поэтому хватка их костенеющих рук была мертвой. Тем более, что у них не было недостатка в высокоих покровителях, которые вели игру на затягивание конфликта, что было им выгодно по множеству причин. Так просто-напросто срывалась надвигающаяся подписка. Кто же из читателей заплатит вперед деньги (по новым, завышенным вдвое-втрое ставкам) за издание, которое, может, и выходить вообще не будет?

«Секретарская» литература — ею и только ею завалены книжные полки квартир и магазинов, книжные склады и издательства. В толстых журналах славословие в адрес руководящих и приближенных к ним литераторов было не очень заметно на фоне обширных публикаций тех или иных новых произведений, в том числе и талантливых.

9 января 1991г. «Литературная газета» заголовком одной из своих статей подтвердила очевидное — «Журнальный бум кончился». Имеются в виду, конечно, наши толстые литературные журналы. Они стали очень дорогими, да и почта их носит подписчикам нерегулярно, очень часто и типографии их не желают печатать. Всем ясно, что принудительный ассортимент в литературе уже отходит в прошлое. Публицистика должна переходить и уже перешла в солидные, независимые (отчасти) газеты, а литературные произведения — если они того стоят — должны выходить отдельной книгой, за которую покупатель, возможно, и проголосует рублем, т.е. купит и прочтет. Ну зачем, спрашивается, я должен покупать номер журнала в киоске или даже выписывать годовой комплект журнала только ради того, чтобы иметь удовольствие прочесть то немногое, что стоит прочесть, или то, что мне хочется прочесть.

Юридически и еженедельная газета «ЛГ», и толстые литературные журналы «Знамя», «Новый мир», «Юность», «Дружба народов», «Октябрь», «Иностранная литература», перестали быть всесоюзными и стали лишь российскими изданиями. Все они были зарегистрированы осенью 1990 года Министерством печати и массовой информации РСФСР на правах изданий, независимых от Союза писателей СССР.

ЦК КПСС, защищая свое право учредителя ряда литовских газет, использовал армейские части для удержания в руках партийной газетно-журнальной полиграфической базы. СП СССР своей вооруженной гвардии не имел, а потому подал в суд на ответчиков — журнал «Знамя», Госкомпечать СССР и Министерство печати и массовой информации РСФСР. Истец — первый секретарь правления Союза писателей СССР В.Карпов требовал: во-первых, признать недействительной регистрацию журнала как независимого издания в российском министерстве; во-вторых, обязать Госкомпечать СССР зарегистрировать «Знамя» как орган СП СССР; в-третьих, «в стадии досудебной подготовки до разрешения спора по существу наложить арест на счета, которые открыты журналом «Знамя».

Мое личное мнение в какой-то фазе совпадает с требованием В.Карпова закрыть журнал «Знамя». Что у нас лишней бумаги много? Стотысячный (или миллионный) тираж, фиксированный на протяжении целого года (план!), уравнивает таким образом степень публицити для всех авторов толстенного ежемесячного литературного журнала. Ну где вы видели человека, читающего все десять названий наших толстых журналов, от корки до корки, ежемесячно?

Журнал «Октябрь» выписали в 1991 году из-за мемуаров генерала А. Деникина, потому что на черном рынке отдельная книга того же автора будет продаваться чуть дешевле всей годовой подписки на «Октябрь». А ведь мемуары одного из знаменитых полководцев русской «белой армии» — это лишь ничтожный процент годового объема данного журнала. В 1990 году журнал печатал пространные отрывки из «Исповеди на заданную тему» Бориса Ельцина рядом с десятками других неинтересных для меня авторов.

...Конечно же, лучше читать свободные «ЛГ» и «Октябрь», «Юность» и «Иностранную литературу», восхищаться публикациями «Нового мира», чем вообще ничего не иметь, кроме «Правды», «Известий», и пользоваться услугами уличных книжных спекулянтов. Глядишь, и журнал «Литературная учеба» захочется приобрести из-за публикации в нем текста Евангелия. Вот и вздули тираж журнальчика с 25 до 900 тысяч экземпляров ежемесячно.

Как угасала «Литературная газета»

У изрядно поблекшей за годы перестройки дважды зависимой «Литературной газеты» не было иного способа выжить, как избавиться от диктата идеологического отдела ЦК КПСС и секретарей правления Союза писателей. Безуспешно пытаясь пробить стену обороны в виде отделов Госкомпечати СССР, редакция сумела в сентябре 1990 года выиграть бой, зарегистрировать свое издание. Но... в другой, не союзной, а более низшей инстанции — в российском правительстве, что было под крылышком не Горбачева-Рыжкова, а Ельцина-Силаева.

Коллектив редакции, оставшись без главного редактора, решил в 1990 году сам найти подходящую кандидатуру — в нарушение традиций номенклатурных игр секретариатов ЦК КПСС и Союза писателей СССР. Последние были вынуждены согласиться и утвердить мнение 240 сотрудников редакции. Выбор пал на политического обозревателя «ЛГ», народного депутата СССР Федора Михайловича Бурлацкого. Он возглавил редакцию газеты, которая в годы правления Брежнева выполняла важную роль отдушины, форточки, в какую вырывалось недовольство интеллигенции, для которой эта газета была настольной. В 1990 году, шестом от начала перестройки, число ее подписчиков сократилось на полтора миллиона. Осталось еще, правда, около пяти (в 1991 году произошло еще более резкое падение тиража), но то, что Ф.Бурлацкий принял газету далеко не в лучшие для нее времена, было очевидно всем — и журналистам, и читателям. Резко недовольны изданием были и те, чьим органом она является, — писатели.

«Золотой век» этого еженедельника позади, он не выдержал конкуренции в условиях гласности. Центристская позиция газеты уже не устраивала читателей, ни тех, кто исповедует позиции высшего генералитета и закоренелых аппаратчиков, ни реформаторов. С западной точки зрения, эта вроде бы «качественная» газета непрофессиональна, прежней степени ее честности и компетентности уже недостаточно. Но не стал же главным редактором «Литгазеты» человек уровня Андрея Сахарова, Сергея Григорьянца или Елены Боннэр. Я не случайно перечислил именно эти имена — самых известных наших правозащитников. Напекаю при этом на то, что Бурлацкий в нашей стране много лет являлся самым главным из официальных борцов за права человека, председателем и членом сонма соответствующих национальных и международных комиссий. Но свою последнюю рубашку ссыльным он не давал и на судебные политические расправы защитником не ходил.

Диссиденты и их единомышленники пришли к власти в Прибалтике, Армении, Грузии, а также в ряде стран Восточной Европы. В Москве на авансцену выдвинулись именно деятели КПСС, которые по сво-

им моральным и интеллектуальным качествам шли всегда на шаг впереди своих коллег-аппаратчиков и всеми считались поэтому достаточно прогрессивными, фрондерствующими людьми. Вина этих деятелей лишь в том, что они в общем-то умели ладить с любым режимом. Ф.Бурлацкий был из их числа.

Газета «Московские новости» (15.4.1990) так рисует его портрет:

«Ему шестьдесят три года, он один из самых известных советских публицистов, доктор философии, двойной тезка Достоевского, бывший советник Хрущева и автор воспоминаний о нем. Его лицо знакомо телезрителям – он член советского парламента, председатель депутатского клуба и подкомитета по гуманитарным, культурным и научным связям. Любит подчеркивать свои антисталинские убеждения. В Союз писателей СССР был принят уже давно – за книги о Макиавелли, Мао Цзэду-не, Гитлере, Франко, а также за пьесу «Советник Государя» и иные сценарные работы. Начиная с 1967 года три раза терял должность – за «не те» публикации. «Не примыкает ни к одной из существующих группировок», – сказано о нем в письме коллектива редакции «Литературки». «Меня всегда интересовали проблемы авторитарной и тоталитарной власти», – говорит о себе сам. В свое время Бурлацкий добровольно, но только после падения Хрущева оставил пост заведующего подотделом ЦК КПСС, весьма значительный в то время, и дал себе слово не принадлежать больше к структурам власти. «Вы сознавали опасность своей тогдашней близости к верхнему этажу власти?» – «Мы ощущали ее на себе постоянно». Мы – это Георгий Шахназаров, Александр Бовин, Георгий Арбатов, Олег Богомолов, Федор Петренко – те люди, которых он собрал, среди которых работал и с которыми дружит по сей день».

Среди штатных сотрудников «Литгазеты» есть и такая знаменитость, как Юрий Рост. В Грузии, например, он стал национальным героем, так как единственный из профессиональных фоторепортеров сумел – несмотря на избиения, обыски и преследования со стороны офицеров армии и КГБ – заснять и передать в прессу снимки трагического, кровавого разгона «спецназом» (20 убитых от применения саперных лопаток и боевых отравляющих веществ) мирной демонстрации в Тбилиси 9 апреля 1989 года. Редакция «Литгазеты» отказалась опубликовать снимки и материал своего спецкора. Единственное печатное издание, которое согласилось напечатать свидетельство Ю.Роста, была тбилисская газета «Молодежь Грузии». В ответ на подобную дерзость военные конфисковали и уничтожили большую часть тиража данного номера газеты... Два месяца спустя Союз журналистов Грузии присудил репортеру Юрию Росту специальную премию за проявленные им журналистскую смелость, гражданское мужество, оперативность и талант.

Итак, изменилась ли газета за последние два года? Внешне да, но отмена цензуры на ней не очень отразилась. Видно, у настоящих коммунистов внутренние тормоза крепче оков былого главлита.

Вот очень интересное и очень компетентное суждение московского писателя, главного редактора одного из самых наших популярных новых изданий «Столица» Андрея Мальгина. Его статья «О «Литератур-

ной газете» и не только о ней» взята из американской газеты «Новое русское слово» (12.4.1991):

«В левой прессе произошел раскол. То есть внешне все тихо-мирно. Никаких вам окопов или колючей проволоки нет. Но вот стоят рядом два дома, то есть две редакции; в одной работают хорошие, честные люди, всеми фибрами своей души ненавидящие окружающий их порядок вещей, и в другой работают точно такие же люди. Но они – из разных государств. Между ними граница. Этическая, политическая, какая угодно, – граница. Объясняю.

Вот наш президент обмолвился о желании прикрыть Закон о печати. Слово не воробей – вылетело, не поймаешь. В воздухе запахло керосином. Что сделал главный редактор одного перестроечного журнала? Посбрасывал из текущего номера самые острые, самые интересные материалы. Что сделал редактор одной перестроечной газеты? Наоборот, посвятил целый разворот этой зловещей оговорке – и воздал президенту по заслугам. Вот вам и разница. На одной неделе вышли два дружественных издания. В одном – стон вселенский, в другом – тишь да гладь да Божья благодать...

Если вы пишете «Московские новости» (и если они до вас доходят), вы наверняка заметили, как изменилась эта газета после событий в Литве. Человек глубоко порядочный, Егор Яковлев словно развязал путы, которые мешали ему и его газете, и с ее страниц полилась правда, прорвав плотину предрассудков и глупых интеллигентских надежд на доброго царя-батюшку. Прекрасно помню времена не столь давние, когда тот же Егор Владимирович берег Михаила Сергеевича, не давал молодым да зубастым своим сотрудникам гладить его против шерсти. А нынче... И газета обрела второе дыхание, которое особо ощущается читателями сегодня, на фоне безжалостного и наглого наступления на гласность. Хорошо, что Егор Владимирович не стал дожидаться момента, когда на него, как на Старкова, редактора «Аргументов и фактов», Михаил Сергеевич наорет и ногами затопает. Но то, что между ними все кончено, это совершенно ясно.

Что же главные редакторы некоторых других перестроечных изданий – ой, как не хочется называть фамилии? В кусты? В кусты! Застонали журналисты, и потянулись клиньями по десять-двенадцать человек, из самых престижных учреждений. И из «Огонька», и из «Литературной газеты», я уже не говорю о радио и телевидении. Душно, говорят, работать невозможно, совсем начальство заело, планку опустило, каждую фразу на свет разглядывает.

И тут я хочу отдельно сказать о «Литературной газете», в которой я в свое время проработал четыре года и от суждений о которой старался все последующие годы уклоняться. Теперь не уклонюсь, скажу, благо есть повод.

Все наши руководители, начиная, может быть, даже со Сталина, использовали эту газету для одной простой вещи – для выпуска пара. Уж какая у нее была замечательная репутация вплоть до начала перестройки, уж какие смелые судебные очерки она печатала, уж как она люто обрушивалась на власти, не умеющие справиться с гололедом, какие замечательные репортажи из будуара Бриджит Бардо помещала! Министерства и ведомства трепетали, а самому большому начальству жилось спокойно – его не трогали.

И невдомек было простому советскому читателю, что каждую такую смелую статью смелые руководители газеты по десять раз возили в ЦК и в КГБ визировать, а там в каждом отдельном случае каждую строку обсасывали и обмеряли – какой процент правды можно, а какой нельзя пропустить. «Литературной газете» разрешалось многое, но не все, и она не рыпалась – она точно знала свое место.

Так, как истязали мои статьи в «Литературной газете», их нигде не истязали. Если затронешь правого писателя, требовали «для равновесия» обязательно тронуть левого. Если упоминался армянин, рядом следовало поставить азербайджанца. Ну и так далее – таким образом достигалась «объективность». «Особенно славились борьбой за «объективность», «взвешенность» Евгений Алексеевич Кривиц-

кий и Юрий Петрович Изюмов (последний ныне возглавляет оголтелую цыковскую газету «Гласность» и о «борьбе за объективность» уже не вспоминает).

Потом я перешел работать в «Неделю» и писал в альмамадер все реже и реже. Изредка встречался с бывшими коллегами по работе, и те каждый раз рассказывали, как они боролись за тот или иной абзац. Наступила перестройка – они продолжали бороться. Возникли новые независимые издания, расцвели, подобно забору весной, старые, а журналисты «Литгазеты» все боролись. И борются до сих пор. Все те же специалисты по вымарыванию и вырубанию, по взвешиванию и обмериванию продолжают в этой уникальной редакции свой кропотливый труд. И совершенно непонятно, почему журналисты, некогда слывшие лучшими, так долго не решились покинуть этот тонущий корабль.

А теперь о поводе, вызвавшем на границе Швейцарии и Франции эти грустные размышления. Перед самым отъездом в ленинское государство.

Взбрело мне в голову поместить рекламу еженедельника «Столица» на страницах «Литературной газеты». Мне заломили цену: 8 тысяч рублей, я согласился, подмахнул гарантийное письмо, условившись, в каком номере реклама будет напечатана, и я вернулся к себе в редакцию. Стали мы в «Столице» думать, какие темы из ближайших номеров проанонсировать в рекламном объявлении. Решили, что такие: 1) Ленин выполнял задания германского правительства не только до революции, но и после нее. Интересно? По-моему, да. 2) Сотрудничал ли М.С.Горбачев с госбезопасностью на студенческой скамье? (тут, естественно, был вопросительный знак, хотя в статье, которую мы готовили к печати, все изложено уж куда как определенно). И, наконец, 3) сценарии межнациональных конфликтов пишутся на Старой площади (т.е. в здании ЦК КПСС). Насчет последнего мнения у нас в редакции разошлись. Надо ли это утверждение выносить в анонс? Уж слишком оно бесспорное, и так все знают, что в разжигании межнациональных конфликтов никто, кроме коммунистов, не заинтересован. Но все-таки решили эту фразу оставить. А далее обычный текст: наш индекс такой-то, подписка принимается во всех отделениях связи, цена такая-то, еще не поздно подписаться на второй квартал. Расположили красиво с художниками на бумажке, отправили в «Литгазету».

Боже, что тут началось! Звонили начальники, большие и маленькие, – одни просили после Ленина поставить такой же вопросительный знак, как после Горбачева, другие настаивали на том, чтобы госбезопасность не упоминалась, третьи переделывали настоящее время глаголов на прошедшее – в общем началась обычная для «Литгазеты» канитель, от которой я как-то успел отвыкнуть. Тогда я плюнул и пошел к лицу, которое в те дни исполняло обязанности главного редактора, и сказал этому лицу: «Уважаемый товарищ! Я купил в вашей газете рекламную площадь, и в принципе волен распоряжаться ею по своему усмотрению. Вы за это ответственности не несете. Даже если там появится изображение задницы».

«Задницу – пожалуйста, – цинично ответило руководящее лицо, – задницу – это сколько угодно, а вот Горбачева попрошу не упоминать». И тут лицо засыпало меня комплиментами, залило до ушей вкусным кофе, и мы сообща создали некий компромисс. Пожали друг другу руки и разошлись. Наутро все началось сначала – уговоры, редактора, внедрение вопросительных знаков и вычеркивание фамилий.

На этом всякие отношения с этой газетой я прервал. Горбачего только могла исправить. Их не переделаешь. Очень, правда, хотелось задать сакраментальный вопрос: «С кем вы, мастера культуры?»

Интересующимся могу сообщить, что вел со мной переговоры первый заместитель главного редактора Юрий Дмитриевич Поройков, сменивший ушедшего в «Гласность» (не путать с григорьяновской!) Изюмова, а до «Литературной газеты» работавший главным редактором журнала «Молодой коммунист». Кстати, легкость, с какой наши либералы путешествуют в коммунистические издания и обратно, тоже весьма характерна. Уверен, что если бы на месте Поройкова оказался путешествовавший в то время по Соединенным Штатам Бурлацкий (главный редактор «ЛГ»), итог оказался бы тем же самым».

Конечно же, немало интересных и актуальных вещей появляется в «ЛГ», но подобные острые выступления касаются тем, молчать по которым просто невозможно (если о них кричит почти вся московская и центральная пресса). Да и печатаются в таких случаях авторы «из левых», отказать которым очень трудно. К примеру, А.Собчак в самом начале апреля, а Ю. Щекочихин в начале июля 1991 года поведали миру со страниц «ЛГ» о форменных беззакониях, творимых по инициативе лично генерального прокурора СССР, лично председателя КГБ СССР, лично министра обороны СССР, лично генерального секретаря ЦК КПСС, лично министра внутренних дел СССР.

Все пятеро сделали все возможное, чтобы утопить в крови национально-освободительное движение в Грузии и оправдать палачей апреля 1989 года в Тбилиси (против этого протестовал народный депутат СССР Собчак). Действия той же пятерки в Литве в январе 1991 года с документами в руках разоблачил народный депутат СССР Ю.Щекочихин. У Собчака тоже были серьезные документы, так как он был главой комиссии народных депутатов СССР, уполномоченных съездом на расследование тбилисских событий. Конечно же, и Бурлацкий, и Собчак, и Щекочихин понимают, что ультраправые, пробившись к власти, лично их интернируют в первую очередь.

Но вот в чем беда: в дни путча мэр Собчак не только понял, что надо делать, но и блестяще реализовал свой замысел, организовав в своем городе масштабное, тотальное сопротивление — ни один из замыслов хунты на Неве не прошел. Сотрудник «ЛГ» Щекочихин без разрешения своего редакционного руководства (так пишет Ф.Бурлацкий в «Независимой газете», 19.9.1991) пригласил на утро 21 августа в редакцию представителей всей демократической прессы Москвы на митинг. Тот же Щекочихин выступал публично 20 августа перед Белым домом. А Бурлацкий, как сам пишет в «НГ» (19.9.1991), звонил 19-21 августа в родную редакцию из санатория в Крыму и «многократно обращался к администрации санатория с просьбами о билетах в Москву».

Вы, читатель, скажете, что это бред, в подобных случаях нормальный человек просто садится в любую машину, едет в аэропорт и улетает. В редакции «ЛГ» тоже так решили. А ознакомившись с текстом заявления, который сделал 21 августа (когда судьба путча уже была ясна практически всем) Бурлацкий, редакционный коллектив выразил ему свое недоверие и... снял с поста главного. Месяц кабинет руководителя «ЛГ» пустовал, а затем 23 сентября 1991 года главным редактором коллектив газеты избрал бывшего заместителя Бурлацкого — Аркадия Удальцова.

ГЛАВА V

ПРЕССА, КОТОРОЙ РАНЬШЕ НЕ БЫЛО

Виталий Третьяков, друг М.С.Горбачева

В 1991 году у жителей прежней и нынешней столиц России в дни очередных тяжелых испытаний (а у нас всегда только такие дни) вошло в привычку хвататься за радиоприемник с «вражьими голосами» или за «Независимую газету». Лучшая советская (т.е. отечественная) информация, безусловно, содержалась отныне в этой новой газете, распространение которой в СССР было ограничено всеобщим разгильдяйством почты и упорным тихим сопротивлением всех партократических инстанций в провинции. Подписаться на эту газету я смог впервые лишь на 1992 год.

24 августа 1991 года. Покупаю «НГ» в киоске. На первой полосе заголовков на всю ширь:

«РАЗГРОМ ПУТЧА – ЭТО ЕЩЕ НЕ ПОБЕДА.

ТОЛЬКО ЛИЧНО ПЕРЕЖИВ ТРАГЕДИЮ, МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ ПОНЯЛ ТО, ЧТО ДЕСЯТКИ МИЛЛИОНОВ ЗНАЛИ, О ЧЕМ ДАВНО ПИСАЛА ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПРЕССА, КОТОРУЮ ОСВОБОЖДЕННЫЙ ДЕМОКРАТАМИ ПРЕЗИДЕНТ СССР КРИТИКОВАЛ НА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ В МОСКВЕ. ПРЕСС-СЕКРЕТАРЬ ПРЕЗИДЕНТА ИГНАТЕНКО НЕ ПРЕДОСТАВИЛ НА ЭТОЙ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРАВО ЗАДАТЬ ВОПРОС НИ ОДНОМУ ЖУРНАЛИСТУ ИЗ ЗАПРЕЩЕННЫХ ХУНТОЙ ИЗДАНИЙ».

Вам, читатель, все ясно? Главный редактор «НГ» В.Третьяков далее продолжает в газетной колонке на фоне снимка с висящим на тросах в воздухе железным Феликсом Эдмундовичем (но дело, конечно, не в палаче Дзержинском — у нас сегодня и живых чекистов пруд пруди):

«Мне тоже бы хотелось воспевать сейчас очередную победу перестройки. И присоединиться к аплодисментам западных журналистов, звучавшим во время первого появления президента СССР на публике. Не перед народом — перед журналистами, главным образом западными. Именно им по какой-то явно продуманной интриге этого выхода к миру чуть было не свергнутого президента его пресс-секретарь Игнатенко, исчезнувший на три дня, предоставлял слово. Рук журналистов из запрещенных хунтой советских газет, включая руки корреспондентов «НГ», Игнатенко не замечал. Хотя именно журналистка «НГ» Татьяна Малкина единственная и из советских, и из зарубежных корреспондентов в лоб перед телекамерами спросила 19 августа марионеточного диктатора Янаева: «Вы понимаете, что совершили государственный переворот?» А ведь и Горбачев, и Игнатенко продемонстрировали прекрасное знание того, кто какие вопросы задавал и кто как отвечал на той янаевско-пуго-стародубцевской пресс-конференции. Горбачев похвалил, например, корреспон-

дента итальянской газеты «Стампа», вспомнил дрожащие руки «друга Горбачева» и т.п. А какая реклама Би-би-си! Конечно, хорошая радиостанция – когда припрут к стене, то и ее начнешь слушать. Но зачем же так суетливо искать в зале ее корреспондента, обходя невидящим взором корреспондентов советских?

Шок Горбачева или шок от Горбачева?

Разумеется, дали задать вопрос телекомментатору запрещенных российских «Вестей». Еще бы не дать, все-таки Горбачева спас Ельцин. И тут же бисирование благодарности – корреспондентке журнала ВС РСФСР «Родина». Но здесь произошла накладка: никто, включая Горбачева, не понял вопроса о таинственных спутниках, да и сама журналистка, видимо, не очень понимала, о чем и для чего спрашивала. Затем – о чудо! – дают задать вопрос корреспонденту Центрального телевидения Виктору Любозвеву. А ведь это именно ЦТ вместе с газетами ЦК КПСС 2,5 дня и ночи напролет протитировало с путчистами, тиражируя информационные экскременты хунты!

Но, может быть, здесь сказались лишь личные вкусы президентского пресс-секретаря? Тогда почему Михаил Горбачев в такой день, воспевав главным образом западную прессу, сказав (отметим и это) две-три фразы о большой роли советской демократической прессы, тут же начал ее критиковать? Чуть ли не из-за ее неприемлимой позиции правые пошли на переворот. И это о прессе, которая все эти дни, будучи запрещенной, защищала его – Горбачева! И это о той прессе, которая много раз поднимала вопрос, старательно замазаят самим Горбачевым и Лукьяновым, о фальсификациях при выборах Янаева вице-президентом! О прессе, которая много раз открыто предупреждала Горбачева – внимание, опасность справа: эта опасность – Янаев, Лукьянов, Павлов, Пуго, Крючков!

Да, Михаил Горбачев пережил личную трагедию. Будучи сам приперт к стене, он понял то, о чем тысячу тысяч раз твердили демократы, что уже давно поняли миллионы людей, о чем говорил на пресс-конференции Юрий Карякин, которому за это Михаил Горбачев прочитал нотацию.

В официальном выступлении в программе «Время» Михаил Горбачев, придерживаясь заготовленного текста, сказал все, что нужно было сказать. В выступлении на пресс-конференции, уже не пользуясь текстом, и особенно в ответах на вопросы на этой пресс-конференции Горбачев ничего не сказал о жертвах путча в Москве, покритиковал Александра Яковлева за выход из КПСС, произнес нечто непонятное о Шеварднадзе, наконец – воспел самую КПСС, по каналам которой шло оперативное управление путчем.

Я был шокирован первой президентской пресс-конференцией. Он не потерял чувства юмора, но прямых ответов на прямые вопросы мы не услышали. Конечно, Запад успокоен (думаю, все же, далеко не до конца).

Возникает у многих вопрос – а почему вернувшийся в Москву Горбачев не встретился сразу же с народом? Не пошел к демократам, митингующим на месте своей победы – у Белого дома России? Для меня ответ ясен: он в вопросе – а что бы там услышал Михаил Горбачев? Только ли крики восторга по поводу его освобождения? Или что-то еще? Оказаться рядом со своим спасителем Ельциным – разве не это был бы жест настоящей благодарности? Жест рискованный, неприятный для самолюбия Горбачева, но необходимый. Он не был сделан. Ни разу до сих пор Горбачев не выходил на демократические митинги. Не сделал он это и 22 августа, в день, когда демократическая Москва праздновала у Белого дома победу над хунтой, арестовавшей не только самого Горбачева, но и его семью.

Дело не только в усталости от личных трагических переживаний. Дело в политике. Политическая борьба отнюдь не закончена. Горбачев в ней – по-прежнему представитель Центра. Ельцин – одной из республик. Ельцина защищал в Белом доме народ, не Центр. И народ знает, что сейчас за спину освобожденного Горбачева начнут прятаться более мелкие, не попавшие на очевидной поддержке путчистов фигуры. Если уж президент СССР разом обманулся в своих премьер-министре, вице-президенте, министрах обороны, МВД и КГБ, в своем председателе своего парламента, то где гарантии, что их заместители, помощники, управделами и

прочая мелкая номенклатурная рыбешка не пахнет столь же дурно, как и их шефы, поднявшие руку сразу на двух президентов?

Будем полностью откровенны, пусть это и несколько омрачит эйфорию «всеобщей» победы. Центр находится сейчас как никогда близко к потере своей власти. Центр, а значит, и Горбачев-генсек-президент СССР. Но Центр – это не только Горбачев, а и как раз та «мелкая», но с большими зубами рыбешка. Горбачев для них теперь – единственный потенциальный защитник. Они сплотятся вокруг него, даже ненавидя. А он будет нуждаться в них, чтобы уравновесить резко возросший политический вес суверенной России с ее суверенным президентом».

25 августа в программе «Взгляд» показали некоего народного депутата СССР, сотрудника аппарата Президента, находившегося с ним в Форосе в часы трагедии. Этот пожилой русский человек, с трудом владеющий родной речью, рассказывал телезрителям в прямом эфире, какими злодеями оказались те сотрудники КГБ и ЦК КПСС, которые отвечали за предоставление информации Президенту, подсовывали ему фальсифицированные данные о положении в Прибалтике и Закавказье, тем самым толкая его на принятие самых жестких мер. Ни минуты не сомневаюсь, что так оно и было.

Но что делает в аналогичной ситуации американский президент? Помимо разведывательных сводок он еще смотрит Си-Эн-Эн, другие телепередачи, читает газеты и журналы. Французская газета «Фигаро» о путче в Москве в течение всей августовской недели давала по 8-11 полос в день. Все французские политические еженедельники сделали то же самое. События в Прибалтике (январь 1991 года в Таллинне и Риге) освещались западной прессой в десятки раз более полно и объективно, чем в нашей центральной прессе. Вы скажете, что наш Президент языкам иностранным не обучен, а все службы ТАСС и КГБ. дают лишь неполную, выборочную информацию. В этом случае есть всего один выход – создать независимую, честную и профессиональную отечественную прессу. И тогда все станет на свои места. Сегодня это почти возможно; выполнил ведь В.Третьяков свое обещание с января 1992 года делать ежедневное издание своей «Независимой газеты».

21 января 1991 года в очень престижном московском Доме кино состоялась официальная презентация «Независимой газеты», которую с нового года трижды в неделю на 8 полосах стал издавать очень талантливый и очень молодой Виталий Третьяков, бывший заместитель главного редактора газеты «Московские новости». Как говорил в январе В.Третьяков, интересно делать газету, каждый номер которой может быть последним. Его газета пользовалась поддержкой Моссовета, но не Министерства связи СССР, потому многие месяцы продавалась фактически лишь в Москве. Из официально распространяемых советских новых изданий качество «НГ» ставило ее в один ряд с немногими действительно популярными солидными изданиями, такими как «Коммерсант», «Куранты», «Столица», «Мегаполис-экспресс», издающимися на высоком журналистском уровне. По подписке в 1991 году шел – из вышеназванных – лишь «Коммерсант».

Учредителем «НГ» был Моссовет, он же предоставил беспроцентный кредит в 300 тысяч рублей — в основном для оплаты расходов на выпуск первого, пробного номера газеты, который поступил в розничную продажу 22 декабря 1990 года. Обеспечение из фондов Госплана СССР и льготные (т.е. твердые, государственные) расценки издательства «Известия» позволили, по мнению Третьякова («Коммерсант», 24.12.1990), оплатить выпуск газеты в начале 1991 года за счет прибыли, полученной от реализации первого номера и опубликованной в нем рекламы. Кроме того, французский еженедельник «Курье энтернасьональ» выпустил в Париже дополнительный стотысячный тираж газеты на французском языке, который был распространен в виде бесплатного рекламного приложения к очередному номеру этого издания. И уже тогда, по словам Третьякова, у «Независимой газеты» появился достаточный выбор предложений от крупных рекламодателей и потенциальных партнеров по издательской и коммерческой деятельности. По словам сотрудников редакции, часть прибыли от коммерческой деятельности будет направлена на издание «Независимой газеты», а также на строительство собственной полиграфической базы. В частности, планируется создание коммерческого издательства, ориентированного на выпуск публицистической литературы.

В день начала подписной кампании «НГ» (1.8.1991) объявила, что она придерживается не гласности, а свободы слова. Что эта первая газета из СССР, которая издается в США на русском языке с июня 1991 года (но другим форматом и реже, чем в Москве). Что ни одна партия не контролирует и не будет контролировать «НГ». Что эта газета дает самую полную, честную информацию о том, что происходит в республиках, в СССР и в мире. И это все были не обещания, а реальный итог полугодовой деятельности «НГ».

У «Независимой газеты» с самого почти ее рождения установилось первенство по розничной продаже в Москве. Разовый тираж «НГ» в марте 1991 года был 150 тыс. экз., и весь он продавался в столице. В тот же день в московские киоски «Союзпечати» поступало по 82 тыс. экз. «Правды» и 40 тысяч «Известий». Из девяти столичных межрайонных агентств «Союзпечати» Киевское в феврале возвратило редакции 28 тыс. экз. — у них эта газета «плохо шла». Стоит отметить, что УД ЦК КПСС неплохо организовало деятельность московской «Союзпечати». Если последняя не продавала «Правду», «Известия», «КП», «Рабочую трибуну», «МН» и «Московскую правду», то убытки несли сами распространители; непроданные экземпляры «НГ» оборачивались прямыми убытками редакции.

«Глобальный сюжет «Независимой газеты» — здравомыслящий человек в потоке невменяемости». Очень важные слова, запомни, читатель! Их автор Лев Аннинский («НГ», 13.6.1991) продолжает: «Логика независимости в хаосе непредсказуемости. Под пятами не почва —

хлябь, пропасть, бездна. Попробуй сохрани невозмутимость в ситуации тотального помешательства». Даже демократы и те передрались, с досадой отмечает Аннинский в своих «Портретах новой прессы», характеризуя кредо «НГ».

«НГ» постоянно дает такую информацию, какую не дают другие газеты, — то им текст не нравится, то места нет и т.д. Так, на страницах «НГ» (и только там — из всей московской прессы) была полностью опубликована речь Елены Боннэр на торжественной церемонии открытия в Москве 21 мая 1991 года I Международного конгресса памяти А.Д.Сахарова, произнесенная в присутствии Президента СССР Михаила Горбачева («НГ», 8.6.1991. Второй раз Боннэр и Горбачев выступают с одной трибуны с траурными речами на похоронах трех молодых людей, погибших при защите Белого дома во время августовского путча в Москве). Тема или девиз сахаровского конгресса были — «Мир, прогресс, права человека». Основные средства для его проведения предоставили независимые издания: «АиФ», «Огонек» и «Московские новости». К сожалению, блестящую речь Боннэр поместила только «НГ».

Эта же газета (9.3.1991) была единственной в Москве, кто поместила на целую полосу «Информационную записку» генерального прокурора СССР Н.С.Трубина, розданную народным депутатам СССР, — в этом документе целиком и полностью снималась вина с военнослужащих за кровавые события в Тбилиси в ночь с 8 на 9 апреля 1989 года.

Самый знаменитый интервьюер в СССР Андрей Караулов состоит в штабе «НГ»; 7 марта 1991 года в этой газете была опубликована на целой полосе его беседа со Звиадом Гамсахурдиа. Читателю после внимательного прочтения не куцых отрывков или изложения, а полных текстов Боннэр, Трубина, Гамсахурдиа становится ясно — кто есть кто. Здесь уже и комментарии не нужны.

Аналитики в «НГ», между прочим, тоже не из последних в Москве. Павел Фельгенгауэр отмечает, что по переписи 1926 года в СССР было 194 нации и народности; по переписи 1959 года их осталось всего 109; 1970 — 104; 1979 — 101. Этими цифрами он заканчивает статью «Южная Осетия: исход predetermined? Правила выживания для национальных меньшинств в переходный период». Коммунистическое южноосетинское руководство, бьющееся за сохранение собственных привилегий с помощью войск Центра, забывает или хочет не думать о том, что, когда эти русские войска и осетинские боевики с севера уйдут восвояси, местных осетин вытеснят из Цхинвали на север, за перевал. Это не я сказал, не грузины, а Фельгенгауэр. А что, разве когда-нибудь коммунисты думали о чем-либо ином, кроме своей власти?

Завершить краткий обзор «НГ» лучше вновь с помощью ее шефа В.Третьякова, поместившего на последней, 8-й полосе «НГ» (4.4.1991)

отличный портрет своего детища под заголовком «Независимость – наш стиль. В том числе независимость от глупости, закулисных игр и желания подставить подножку конкуренту»:

«В первом номере «НГ» – именно на этом месте – я как главный редактор позволил себе заявить о некоторых принципах независимой журналистики, которыми собиралась руководствоваться наша газета. С тех пор прошло чуть более трех месяцев. «НГ» вошла в число наиболее популярных советских газет, широко цитируемых как внутри страны, так и за рубежом.

Особенно внимательно мы пытаемся следить за критическими отзывами коллег о нашем издании. И от отсутствия такого внимания не страдаем. Однако не стремимся реагировать на каждое упоминание «НГ». Во-первых, это невозможно. Во-вторых, редакция и на этот счет имеет свои принципы. Главный из них – не вступать первыми в полемику с традиционными изданиями. Я всегда просил журналистов «НГ» помнить о том, что неприлично новой газете пытаться учить других, как писать. Лучше всего – писать самим так, как мы считаем нужным.

Однако мы не давали зарка не отвечать на критику, тем более бездоказательную, когда задается наша профессиональная честь. И время от времени это делали. Предупреждая, впрочем, иные издания, что необходимо крайне осторожно подходить к критическим по отношению к «НГ» публикациям. Ибо доказать свою правоту в абсолютном большинстве случаев тем, кто критикует «НГ», не удавалось, а вот рекламу нашей пока еще вынужденно «малой» по тиражу газете они делают хорошую. И бесплатно для нас. Многие прислушались к этому совету – например, программа «Время», Но многие все еще пытаются рисковать, вступая на эту неблагодарную стезю.

Вот, например, малоизвестная широкой публике газета «Экономика и жизнь». В одном из своих недавних номеров она трижды упомянула «НГ». И, разумеется, весьма недоброжелательно. Здесь спорить не будем: кому нравится попадья, а кому попова дочка. Вот только хотелось бы уточнить один аспект. «Экономика и жизнь» написала: «зависимая «Независимая газета». Каламбур, признаем сразу, изящный, хоть и лежачий на поверхности. Чем он, однако, доказывается? В «Экономике и жизни» – ничем. Стоит и нам сказать несколько слов об этой газете, которая украшена «девизом»: учредитель – ЦК КПСС. Ее достаточно немалый для специализированного издания тираж объясняется тем, что эта газета имеет право «первой ночи» в публикации нормативных экономических документов, выпускаемых в СССР. Ясно, что без таких документов немислима жизнь руководителей многочисленных предприятий, которые (руководители) и вынуждены подписываться на «Экономику и жизнь», чтобы как можно быстрее получить необходимые им для работы документы. Однако возникает вопрос: почему это, не являясь изданием правительства СССР, «Экономика и жизнь» обладает такой привилегией? Весьма выгодной, между прочим, коммерчески. Не есть ли это незаконная монополизация экономико-правовой государственной информации органом, принадлежащим одной партии, а именно – КПСС? И что будет, когда «Экономика и жизнь» такой привилегии лишится? До «Независимой газеты» ли ей будет, или она озаботится тем, чтобы найти иных – кроме правительства СССР – спонсоров для своего издания, которое сразу же будет вынуждено вступить в честную конкурентную борьбу с другими экономическими еженедельниками – например, с «Коммерсантом»?

Или вот еще одна неравнодушная к «НГ» газета – «Рабочая трибуна». Газета социальной защиты трудящихся, как написано на ее первой полосе, и учрежденная тем же ЦК КПСС, как отмечено на последней. Она предпочитает работать против «НГ» в основном репликами, но такими несвязными, бездоказательными и – решусь дать обобщенное определение – глупыми, что отвечать ей в том же духе не позволяет совесть, а спорить серьезно – себя не уважать.

Вообще говоря, в спор с «Независимой газетой» коммунистические (принадлежащие КПСС) газеты вступают как-то странно. Спорят не с газетой, не с тем, что

ее авторы пишут, а главным образом с ее названием. Одни, как «Экономика и жизнь», не поднялись пока выше каламбура «зависимая «Независимая», а другие – все намекают на нашу зависимость от Моссовета. Вот в «Московской правде» доктор философских наук В.Трушков в начале своей статьи пишет правильно: «учрежденная Моссоветом», а в конце почему-то «издание Моссовета». Между тем это вещи разные (загляните в Закон о печати). В уставе «НГ» зафиксирована независимость учрежденной Моссоветом газеты и от самого учредителя. И за все три месяца нашего существования «НГ» не напечатала, если не ошибаюсь, более двух-трех статей депутатов Моссовета. Уж, во всяком случае, до «Московской правды» нам в этом смысле далеко. Например, столь нелюбимый этой газетой председатель Моссовета Г.Попов не выступил в «НГ» ни разу! А вот пространное интервью у руководителя московских коммунистов Ю.Прокофьева «НГ» брала.

«НГ» публикует много мнений, не делая всякий раз бессмысленную оговорку: мнение автора может не совпадать с мнением редакции. А те, кто спорит с «НГ», разумеется, имеют возможность выбрать то, что им удобней для спора. Бывает, впрочем, и прямо противоположное: выбирают понравившееся. Например, одно время «Красная звезда» часто цитировала «НГ» как «так называемую демократическую газету». А когда у нас было опубликовано мнение обозревателя «Коммерсанта» Л.Сигала с критикой демократов в отношении референдума, то «Красная звезда» процитировала это выступление, забыв упомянуть, где работает автор (хотя это и было специально указано в публикации «НГ»).

Многие, очень многие не верят в нашу независимость. Это их право. Убеждать никого ни в чем не намерены. Ибо раб никогда не понимает, что человек может быть свободным, а независимость у многих зависимых людей вызывает в лучшем случае подозрительность, а в худшем – злобу и желание экспроприировать чужую независимость для своего хозяина.

Все это – человеческая глупость. От нее мы стараемся быть независимыми тоже. И лучшая здесь позиция – не вступая в спор с глупцами.

Есть у разговора о позиции «НГ» и другой аспект. Деликатный, ибо касается он положения в лагере уже демократической прессы. Правые газеты не критикуют друг друга – такая у них теперь установка. Полезная установка.

Левые демократические издания тоже бы рады договориться о единстве, да все никак не удается. И не удастся. Ибо, с одной стороны, такое единство было бы крахом демократической левой прессы – она бы перестала быть и левой, и демократической. А с другой стороны, конкуренция не позволяет, реальная конкуренция, в которой при типографском монополизме КПСС живет сегодня наша печать.

Однако и в конкуренции не все средства хороши. Для демократического издания. То, что появление «НГ» не вызвало восторгов среди демократических изданий, понятно. Если не ошибаюсь, лишь «Вечерняя Москва» да еще «Московские новости» приветствовали выход первого номера «Независимой газеты». Но вот по мере того, как «НГ» стала набирать силу и популярность, кое-кого из демократической прессы это стало пугать. Повторюсь: все понятно. Конкуренция. И вот уже «Московский комсомолец» публикует на своих страницах информацию о продаже московских и центральных изданий в Москве. При этом в конце марта приводит данные за январь (первый месяц существования «НГ»), хотя есть как минимум более свежие – за февраль. При этом – завывается процент нераспроданных экземпляров «НГ». При этом – не говорит, что система продажи в розницу в «Союзпечати» для традиционных (в первую очередь партийных) газет, в том числе и демократических «Московских новостей», – льготная. И на «НГ» эти льготы не распространяются. При этом – не указывается периодичность изданий. В результате от читателей «Московского комсомольца» скрывается главное. А именно то, что на момент публикации, а в реальности – уже и за месяц до того «НГ» стала газетой, имеющей самую большую в Москве розницу среди всех продаваемых в киосках «Союзпечати» газет.

Меня несколько не смущает, что «ссорам» в лагере демократической прессы обрадуется правая. Меня их эмоции не волнуют. Я хочу сказать только одно. Никогда и ни

при каких обстоятельствах «Независимая газета» не вступит на путь такой борьбы ни с правыми, ни с левыми. Даже с теми левыми, которые, борясь в свое время за отмену цензуры в СССР, сегодня «на всякий случай» оставили цензоров в своих редакциях.

Мне понятен и раж, с которым многие демократы вступают в борьбу с правыми, с консерваторами, с теми, кто, по их мнению, ограничивает свободу информации в нашей стране. Но если победу одержать не удалось, то хоть вините себя, а не других, не «Независимую газету» в частности.

Честное слово, мне куда больше по душе прямолинейность многих консерваторов. Например, «НГ» опубликовала полторы полосы, посвященные странному, если не сказать больше, связям корпорации «Экспериментальный творческий центр» во главе с Кургиняном с премьер-министром СССР и первым секретарем МГК КПСС, а ни тот, ни другой этого как бы и не заметили, «Московская правда», время от времени поругивающая нашу газету, на сей счет молчит. Молчат и народные депутаты СССР – как правые, так, впрочем, и левые. Это мне понятно. Кургинян уже и в программе «Время» учит нас всех жизни – все молчат. Как молчали и тогда, когда «НГ» предложила журналистам Москвы общую акцию протеста против намерения приостановить действие Закона о печати. А вот многие провинциальные газеты поддержали – вышли, как и «НГ», с белым пятном на первой полосе. Видимо, потому, что не закулисные хитрости считают методом борьбы с политической цензурой.

На днях в одночасье были прерваны все наши переговоры с издателями во многих городах, расположенных за Уралом. Там собирались печатать «НГ» на местной полиграфической базе. И вдруг – передумали. Но нам сообщили, что передумали не сами, а потому, что пришло из Управления делами ЦК КПСС распоряжение – список газет, которые категорически запрещено печатать на полиграфической базе коммунистов (читай: на полиграфической базе всей страны). «НГ» в этом списке, по нашим сведениям, стоит под первым номером. Неприятно, но ничего не поделаешь. Пока Союз журналистов и народные депутаты, ратующие за гласность, будут вести закулисную борьбу против Кравченко, а не открытую борьбу против монопольного владения компартией народным достоянием – типографиями страны, этот список будет посильнее «Фауста». Хотя бы Союз журналистов СССР или его Московскую организацию и возглавлял сам Гете.

А что до «НГ», то мы будем продолжать оставаться независимыми. И цензора себе «на всякий случай» не завели. И льгот партийной печати для распространения не получили. И в загранкомандировки по линии СЖ не ездим. И вообще у нас одна надежда – на собственную честную, ответственную перед читателем независимую работу. Без глупости, закулисных интриг и подножек братьям-демократам.

До встречи у газетного киоска!»

У власти демократов есть собственные газеты

В конце января 1990 года была объявлена подписка на только что начавшую регулярно выходить «Российскую газету» – издание Верховного Совета РСФСР. С ноября 1990 года эта газета появилась в киосках Москвы, в январе тираж дошел до 200 тысяч экземпляров и стал понемногу рассылаться во все республики, края и области Российской Федерации. Это единственное ежедневное издание российского парламента (в отличие от такой же новой еженедельной газеты Президиума Верховного Совета РСФСР «Россия»).

С июня 1991 года «Российскую газету» стали печатать не только в Москве, но и Волгограде, Казани, Краснодаре, Минеральных Водах,

Нижнем Новгороде, Новосибирске, Свердловске. Чуть позже к этим городам прибавились Ленинград, Иркутск, Омск, Саратов. Летом 1991 года разовый тираж ежедневной (5 раз в неделю на 4-8 полосах) «Российской газеты» достиг 560 тысяч экземпляров, и практически все они доходили до читателя в день издания. Хорошая газета чуть менее хорошо настроенного Верховного Совета России. Активно выступала за то, чтобы вильнюсские события не повторились в Москве. Не случайно, что коммунистическое руководство Татарстана, начав печатать «Российскую газету» в Казани, 3 июля 1991 года без особых объяснений разорвало долгосрочный договор и отказало этой всероссийской газете.

Политическая линия «Российской газеты» проступает в ответах ее главного редактор Валентина Логунова на вопросы журналистов о демократии, о прессе и о власти имущих (газета «Российские вести», № 19, сентябрь 1991):

«1. Ситуацию в стране я расцениваю как исключительно критическую. Путч был запрограммирован переходом общества из одного состояния в совершенно иное, противоположное. И у тех сил, которые пытались совершить переворот, огромная социальная база.

К примеру, слой люмпенов. Он есть во всех странах, но в нашем деформированном обществе он особенно многочисленный. Это люди низкой квалификации, низкого общественного сознания, у которых просто не выработаны потребности, – бутылка водки каждый вечер и ливерная колбаса. На мой взгляд, в нашей стране их около 20 миллионов. Помимо этих слоев, которые удерживают общество от развития, есть еще государственный, советский, партийный аппарат. И это тоже очень большой слой, особенно если их брать с их челядью, которая вокруг них крутилась и что-то получала с барского стола. Всего половина страны вольно или невольно противится переменам.

Я не хочу обидеть огульно 1/5 часть населения – всех пенсионеров, но все-таки это люди, которых обидело нынешнее время. Это их объективное состояние. Они десятилетиями вели мучительный образ жизни, и нынешние перемены вызывают в них боль несостоявшейся жизни. Человек жил, работал, ничего не наработал, а рядышком в квартире живет кооператор 25 лет от роду, имеет машину, шампанское, 5 тысяч в месяц...

Общество расколото, и раскол этот будет увеличиваться. Это химера – построить общество, которое было бы настолько социально справедливым, чтобы сразу всех всем обеспечить. Значит, в реформах надо на кого-то опираться. Конечно, на еще очень слабый, еще неразвитый, только нарождающийся средний класс – предпринимателей, фермеров, специалистов, кооператоров. Да, они будут богаче, но часть их прибыли через налоги поможет кому-то прибавить пенсии, пособия и т.д.

2. Если у нас и достигнут где-то реальный прогресс, то это, конечно, все, что касается средств массовой информации. Перед созданием «Российской газеты» мне пришлось около полугода работать заместителем министра печати РСФСР. Наши периферийные газеты, как известно, подчинялись отделу пропаганды обкомов и горкомов. Вся материальная база, практически все типографии также принадлежали КПСС. Стремясь покончить с этой монополией, мы способствовали созданию новых межрегиональных газет, помогали им с бумагой... Это многие десятки газет в разных регионах республики. Мы часто недооцениваем роль районных газет, а их у нас в России более 2000. Они не имеют больших тиражей, но их влияние на местах очень сильное, и это влияние особенно проявилось в дни путча. А Российское

телевидение, «Радио России»! И все это буквально надо было вырывать из пасти партийного монстра!

Я думаю, что все нынешние власти, начиная с Президента Горбачева и кончая местными Советами, считаются с силой этой «четвертой власти». И это огромное завоевание.

3. Мы, россияне, научились терпению жить в перекошенной, вонючей, прогнившей избе. Мы столетиями терпели... Пусть же хватит у нас терпения построить наконец хороший светлый дом. А терпения для этого нужно много. И умения, и настойчивости.

А властям сказал бы так: никогда нельзя недооценивать людей. Я бы даже так сказал: и заигрывать с ним не надо, с народом. Быть совершенно трезвым в своих оценках, пытаться подняться на высоту и видеть всю страну, мудрыми надо быть. И быть честными в отношении с народом. И чтоб сердце болело».

Вышепротитированная газета «Российские вести» — тоже совершенно новое явление нашей жизни. Газета вошла в число запрещенных к выходу путчистами 11 московских изданий, которые объединили свои усилия и выпустили в свет «ОБЩУЮ ГАЗЕТУ». Это совместное издание демократической прессы было даже зарегистрировано (в пику хунте) специальным решением Министерства печати и информации России 20 августа 1991 года за регистрационным номером 1054. В числе издателей-учредителей читатель увидел на первой полосе «Общей газеты» знакомую графику всем известной периодики: «Мегаполис-экспресс», «Московский комсомолец», «Российские вести», «Российская газета», «Столица», «Куранты», «Аргументы и факты», «Независимая газета», «Комсомольская правда», «Коммерсант», «Московские новости».

Путч угас, и газета «Российские вести» решила предложить, теперь уже на своих страницах, встречу 11 ведущих газет и попросила их главных редакторов высказаться на вечные темы: о демократии, о прессе, о власти. Итак, рубрика в «Российских вестях» (№ 19, 1991) — «Клуб одиннадцати». Четвертая власть «в четвертой (русской) — Г.В.) революции». Главные редакторы изданной в дни путча «Общей газеты» на страницах «РВ». Выступление шефа «Российских вестей» Валерия Кучера под заголовком «От гласности — к свободе слова»:

«Историки утверждают, что методы подавления инакомыслия отработаны, они нейтральны, а потому долговечны и с успехом могут быть использованы любой властью. Хотя структурные перемены в обществе идут, однако еще очень многое располагает к централизму, бюрократизации и оцепенению. Газеты, конечно же, — сила огромная, но столь же хрупкая, ибо основа этой «четвертой власти» та же, что и была все эти годы, — государственная собственность. Вероятно, тогда, когда наступит время для выпуска многих и разных «общих» газет, представленных акционированными сообществами журналистских коллективов, — именно тогда и придет час не только для духовного единства, но и экономического братства журналистов, т.е. подлинной свободы слова».

Первый номер еженедельной газеты правительства Российской Федерации «Российские вести» вышел в мае 1991 года. «Российская газета», «Российские вести», «Россия» — таковы три главные демократи-

ческие газеты РСФСР, каждой из которых нет и года. Из них только «Россия» издается на 8 и даже 16 полосах большого формата и ориентирована на зарождающийся средний класс.

Новые (а не традиционные) газеты Москвы – потрясающи. Где и когда можно было в СССР прочесть на русском языке энциклики папы римского? Газета «Россия» (29.6.1991) предоставила своим читателям такую возможность в огромной, на полосу, статье «Человек создан для свободы», предпослав публикации небольшое редакционное предисловие:

«В 1891 году, когда папа Лев XIII опубликовал энциклику, положившую начало социальному учению Церкви, призрак коммунизма делал первые пробные шаги по Европе и был еще достаточно внове. Энциклика так и называлась – «Рерум новарум» («О новых вещах»). Прошло сто лет. Можем ли мы сказать, что маршрут призрака окончен? Нынешний папа Иоанн Павел II в своей энциклике «Центезимус аннус» («Столетие»), написанной по случаю юбилея «Рерум новарум», рекомендует воздержаться от поспешных выводов. Во всяком случае для нас, воспитанных на призрачных принципах, идеи, заложенные в вышеупомянутых папских энцикликах, равно как и само существование социального учения Церкви с его пониманием человеческой сущности и основ государственного устройства, все еще продолжают оставаться абсолютной новостью.

Сегодня мы знакомим вас с фрагментами первой энциклики и печатаем (в сокращении) энциклику «Центезимус аннус».

Ленин и Сталин, Сулов и Федосеев примерно наказали бы тех, кто осмелился бы не то что печатать – вслух на кухне дома произносить то, что написано в этих папских посланиях. А на таких текстах, написанных возвышенным стилем и все равно понятных каждому, нужно было школьников учить. Там не о религии речь, а о нашей многострадальной жизни. Умные люди были папы, один из которых, ПОСЛЕДНИЙ привел-таки свою родину Польшу к свободе. «Заслуживает особого внимания тот факт, – пишет Иоанн Павел II, – что почти всюду низложить господство марксизма удавалось мирным путем, оружием истины и справедливости».

И еще одно, независимое от всех политических партий издание, появилось в Москве – ежедневная газета «Куранты». Ее учредителем выступил Моссовет. У редакции до сих пор нет нормального помещения – 130 квадратных метров на 90 сотрудников. В отличие от музейных линотипов «Правды» и «Известий», набор газеты делается прямо в редакции, на западном компьютерном оборудовании, которое бунтует, не желает дальше терпеть духоту и накопление статического электричества. Потому в тексте случаются подчас опечатки, хорошо еще что не политические ляпы. Хотя цензоров у «Курантов» все равно нет.

Среди новеньких на прилавках московской «Союзпечати» есть не только газеты.

Андрей Мальгин, «критик милостью божьей»

Журнал «Столица» легко завоевал популярность москвичей. Газета «Вечерняя Москва» (1.8.1990) опубликовала интервью с главным редактором нового журнала:

«Одним литературным комментатором с радиостанции «Свобода» он был назван «лидером левой литературной молодежи». А глава советских писателей Владимир Карпов именовал его «критиком милостью божьей». С той поры, однако, Андрей Мальгин выдвинулся больше как критик политический. Он одержал верх на выборах в городской Совет и возглавил новый моссветовский еженедельник «Столица».

– Говорят, вы, Андрей Викторович, намереваетесь каждую неделю выдавать по «бестселлеру», по «бомбе» острейших и сенсационных материалов. Достанет ли у вас таких статей?

– Пока их достаточно. Достаточно и сотрудников, и авторов.

– Нынче, когда новые газеты появляются, словно грибы после дождика, вы, видимо, будете вынуждены искать своего читателя?

– Число газет в самом деле растет. Однако мы – не газета, а журнал, и нас слабо занимает эта конкуренция. Ведь в стране, к сожалению, издается весьма мало еженедельных журналов. Внешне «Столица» будет напоминать американский «Тайм» (то есть цветная обложка, а внутри газетная бумага) или советское «Новое время», но гораздо толще и интереснее, так как большей частью наш еженедельник станет писать о делах не международных, а внутрисоюзных.

– Вы – известный разрушитель недоброго прошлого, разоблачаете «спецконсерваторов» с их привилегиями и плагиаторов вроде Лебедева-Кумача. А вы не боитесь, что когда (и если) ваше движение победит и настанет полоса стабильности, то страсти остынут, упадут тиражи, и вас, литературного критика, уже не изберут в муниципалитет?

– Я надеюсь, что в муниципалитет меня избрали не как литературного критика, а за те общественные взгляды, которые я высказывал на встречах с избирателями и в статьях, далеких от литературы. И я менее всего намерен заниматься в новом издании делами литературными. На то у нас есть отдел искусств.

Думаю даже, что литература и наши литераторы сегодня отнюдь не на острие момента, и потому лично меня не очень-то интересуют.

– А какие люди составили вашу «редкоманду»?

– Мои заместители: Валерий Кичин, работавший обозревателем «Советской культуры», Владислав Старчевский, перешедший к нам из «Недели», и Владимир Цыбульский, который известен читателям «Мегаполис-экспресса» и «Каретного рьяда». Все это – талантливые и опытные журналисты».

Летом 1980 года, когда в разбухенной Польше делала первые шаги «Солидарность», советский студент Варшавского университета Андрей Мальгин был досрочно выслан на родину. За «антисоциалистические высказывания», как объявили ему сотрудники КГБ. Спустя ровно десять лет за те же самые «высказывания» он был избран народным депутатом Моссовета (набрав вдвое больше голосов, чем его соперник, начальник районного КГБ) и возглавил первый моссветовский независимый еженедельник – журнал «Столица». Мальгин имеет за плечами хорошую журналистскую школу – четыре года он работал обозревателем «Литературной газеты» и столько же – заведовал отделом литературы в газете «Неделя». Но если в первые годы журналистской карьеры

Мальгина его статьи можно было прочесть. даже на страницах «Правды», то в последнее время его острые публицистические комментарии гораздо чаще звучали на волнах радиостанции «Свобода». Еще одна заметная метаморфоза: сделав себе имя в качестве литературного критика и издав четыре литературоведческие книги, Андрей Мальгин резко изменил амплуа, занявшись политикой. В телевизионном выступлении он так определил отличительную особенность своего журнала:

«Это журнал, на страницах которого смогут высказаться деятели нового поколения, преодолевшие ограниченность поколения шестидесятников, весь смысл деятельности которых в перестройке сводится к попытке взять реванш за поражения минувших десятилетий. Мы — первое перестроечное издание, у которого нет табу, нет запретных тем, нет нерушимых авторитетов».

Первый номер «Столицы» позволял думать, что еженедельник станет одним из наиболее радикальных советских изданий. В числе членов редколлегии журнала — Галина Старовойтова, Аркадий Мурашев, Сергей Станкевич, Илья Заславский, Александр Ципко, Татьяна Толстая, Владимир Войнович. Правда и то, что у еженедельника своя совершенно четкая позиция. На обложке первого номера цветная фотография народного депутата СССР Юрия Афанасьева и его же текст:

«Перестройка, задуманная партаппаратом, удалась».

Вот с какой репликой пришлось выступать главному редактору «Столицы», народному депутату Моссовета А.Мальгину на страницах еженедельника «Аргументы и факты» (№ 40, 1990):

«Московская «Союзпечать», получив для распространения первый номер еженедельника Моссовета «Столица», повела себя как-то странно. Она давала журнал в продажу маленькими порциями на протяжении месяца (в некоторые киоски журнал поступил уже в эти дни, то есть в октябре). Более того, к нам неоднократно обращались киоскеры с жалобами на то, что, не успев получить журналы, они по приказу руководства вынуждены отсылать его обратно на склад. Так, если 7 сентября Пролетарское межрайонное агентство «Союзпечати» получило со своей центральной базы 15 120 экземпляров «Столицы», то уже 9 сентября вслед пришло указание: всем киоскерам «Союзпечати» изъять из продажи «Столицу», а также целый ряд других изданий. Каких же? Это «Демократическая Россия», «Коммерсант», «Мегаполис-экспресс», «Московские ведомости»...

И, наконец, несколько слов о нашей подписке. Зарегистрировавшись как общесоюзное издание, мы объявили подписку на всей территории страны. Однако Министерство связи «не успело» включить нас в общесоюзный каталог. Я был у зам.министра связи СССР Е.Манякина, и он заверил меня, что информация о подписке на «Столицу» (индекс 73746) ушла во все почтовые отделения. Однако до сих пор до многих городов эта информация так и не дошла».

Для того, чтобы понять смысл (точнее, подвиг) честной издательской деятельности в СССР, достаточно почитать, что сам Мальгин пишет в своем собственном журнале — и это на шестом году перестройки, в условиях отмены цензуры и торжества политики гласности (с

кровавыми слезами). «Да не погаснет надежда» — так называется статья Андрея Мальгина под рубрикой «Страница редактора»:

«У вас в руках первый номер журнала «Столица» за 1991 год. Мы существуем уже полгода, выпустили шесть номеров, а теперь переходим к регулярному еженедельному выпуску «Столицы».

Непростыми были для нашего журнала эти шесть месяцев. Он оказался слишком радикальным для «Московской правды», начавшей наш выпуск, и это издательство МГК КПСС сначала бойкотировало производство первого номера «Столицы», а затем и вовсе отказалось нас печатать. Мы обошли все московские типографии и обнаружили, что крупные типографские мощности, способные выпускать еженедельник, находятся в руках у партии, а все непартийные типографии слишком слабы, оборудованы устаревшей, дышащей на ладан техникой. Парадокс: еженедельник Моссовета не мог печататься в Москве.

Второй номер мы выпустили в Чернигове. Завезли туда бумагу для последующих номеров, но тут директору черниговской типографии позвонили из Киева, из ЦК Компартии Украины, и запретили печатать «Столицу». Нечто подобное произошло в Одессе, но там запрет исходил уже от командования Одесского военного округа. Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Чехов — вот география наших дальнейших мытарств. А если к этому добавить, что наших сотрудников избивали, что по пути терялись вагоны с предназначенной нам бумагой, что московская «Союзпечать» пыталась вдрызг списать свежий тираж «Столицы»... вам станет ясно, почему мы не сумели наладить регулярный выпуск журнала в прошлом году.

К сегодняшнему дню еще не все проблемы решены. Но у нас уже появились подписчики, которые заплатили за журнал деньги вперед и вправе рассчитывать, что он будет поступать к ним регулярно. Мы твердо намерены выполнить свои обязательства, выпустить в этом году все 52 номера журнала. И это несмотря на то, что полиграфия в стране продолжает оставаться в руках у скомпрометировавшей себя партии, что Моссовет по сути лишен реальной власти в городе, что все еще сильна и вездесуща тайная политическая полиция, которая с первого дня существования «Столицы» уделяла ей особенно пристальное внимание. Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы подготовленные нашим коллективом номера еженедельника вовремя вышли в свет. Если же перебои произойдут, мы сообщим читателям о том, кто несет за это ответственность.

О чем вы сможете прочесть в «Столице» в этом году? Главная наша тема — политическое состояние общества. Вы встретитесь на наших страницах с положительными и отрицательными героями дня. Мы будем подробно рассказывать о той роли, которую продолжает играть в стране коммунистическая партия, о всех ее попытках дестабилизировать ситуацию, отбросить общество назад, защитить правящий класс номенклатурщиков и бюрократов. Еще один наш постоянный «антигерой» — Комитет государственной безопасности: мы продолжим публикацию серии материалов об этом все еще наводящем ужас ведомстве. Материалы нашего экономического раздела не только покажут существующее положение вещей (для этого необязательно читать журнал, достаточно заглянуть в ближайший магазин), но и наметят пути выхода из того кризиса, в который мы попали. Мы продолжим публикацию исторических материалов, особенно нас будет интересовать фигура В.И. Ленина, одного из самых крупных авантюристов в мировой истории, сумевшего свергнуть огромную страну в пучину бед и страданий. Документы, свидетельства очевидцев позволят вам яснее представить «этапы большого пути» к несвободе и нищете.

В то же время мы боимся «засерьезнить» наш журнал. Мы хотим, чтобы в нем появлялись публикации, как говорится, «для души». Мы будем печатать литературные произведения, сообщения о новинках искусства, новости городской жизни, даже настоящую светскую хронику. И хотя отдельного юмористического раздела в еженедельнике не будет, вам не раз придется улыбнуться, читая тот или иной наш материал.

Короче, мы надеемся, что наш журнал будет действительно демократическим еженедельником, выражающим интересы широких масс и борющимся за эти интересы.

В заключение же нам хочется поздравить всех вас с наступившим 1991 годом. Это будет трудный год, но пусть он принесет вам хоть немного радости. И да не гаснет надежда на то, что и у нас в стране начнется, наконец, нормальная цивилизованная жизнь».

А.Мальгин — человек самоотверженный, издание его является самым радикальным из всех, что выходят в Москве на широкую публику. Причем, «Столица» — это классная журналистика, профессиональная, отмеченная чувством меры, такта и в то же время исповедующая бескомпромиссный честный антикоммунизм. Преступны Ленин и его учение, и все их последователи — вот кредо журнала, на страницах которого говорится, конечно же, не только о политике и нашей истории.

Понятно, что КПСС делала все, чтобы перекрыть кислород А.Мальгину и К°. И она в итоге достигла бы своей цели. Да вот только сама партия чекистов-коммунистов испустила дух. Но кто же об этом мог знать до августа 1991 года? И тем интереснее сегодня читать интервью А.Мальгина, которое он дал нью-йоркской газете «Новое русское слово» (22.4.1991) под заголовком «Столица» печатается не в столице»:

Вот уже два года статьи и корреспонденции Андрея Мальгина из Москвы появляются на страницах «Нового русского слова». В прошлом году А.Мальгин стал главным редактором нового еженедельного журнала «Столица». Сегодня мы предлагаем вниманию читателей «НР слова» интервью с ним, взятое А.Викторовым.

* * *

А.Викторов: — Андрей, прошлым летом вы были в Нью-Йорке, уже будучи главным редактором еженедельника «Столица», но первый номер журнала тогда еще не вышел. У вас были большие планы. Оправдались ли они?

А.Мальгин: — В общем, да. Хотя наладить регулярный выход журнала удалось значительно позже, чем я предполагал. Первый номер мы подписали в печать 1 августа, то есть в день, когда вступил в действие Закон о печати и была отменена цензура. В начале августа он вышел в свет. И вот тут началось самое трудное...

— *То есть отсутствие цензуры не принесло вам облегчения?*

— Отсутствие цензуры и вообще какого бы то ни было контроля за содержанием со стороны сказалось на общем лице журнала, на глубине и остроте публикуемых материалов. Наш журнал никогда не стеснялся сказать, что коммунистический режим — прогнивший, отживающий свое режим, что коммунистическая идеология имеет ярко выраженный античеловеческий пафос или что КГБ пытается вернуть страну в ее страшное прошлое, сражается со своим собственным народом. Мы заявили обо всем этом еще в своем самом первом номере...

— *А сколько их уже вышло?*

— Шестнадцать. Шесть в прошлом году — по одному в месяц, и десять в этом — еженедельно... Так вот, испытав облегчение в одном, мы ощутили давление на наш журнал с иных сторон.

Бумагу нам стали продавать по 1500 рублей за тонну (в прошлом году — менее 300 руб.). Стоимость аренды здания, где мы располагаемся, была увеличена находящимся под партийным влиянием райсоветом в двадцать с лишним раз и состави-

ла более 70 тысяч рублей в год, вдвое подорожали арендуемые нами автомашины, наша прибыль была обложена дополнительными налогами. Более половины номинала журнала мы отдаем почти за его доставку подписчикам. И ладно бы доставляли вовремя – так нет же, целые города, целые регионы страны сейчас, в конце марта, до сих пор не получили ни одного номера «Столицы». Где-то все это задерживается. Даже в Москве мы никак не можем добиться, чтобы пришедший из типографии номер немедленно отправлялся в киоски и к подписчикам. Почтовики начинают этим заниматься, когда уже выходит в свет следующий номер журнала. Подобные проблемы – и у других «левых» изданий, а партийной прессы все это не коснулось.

– *Ваш журнал, кажется, отличается от других так называемых «перестроенных» изданий...*

– Еще бы! Мы не признаем убудочного горбачевского словечка «гласность». Раз и навсегда для себя решили, что работаем в условиях свободы слова. Может быть, поэтому у журнала есть определенный успех. Наш тираж – 300 тысяч экземпляров, но его явно не хватает... Многие «перестроенные» советские издания делаются силами «шестидесятников», а их жизненная философия, уровень их политического, а уж тем более эстетического мышления весьма и весьма ограничены. Они свое отговорили. Мы делаем наш журнал, опираясь на новые, свежие силы. Это тоже замечает читатель. Например, ни одно из перестроенных изданий не высказывалось настолько резко о Ленине. Но мы не просто «резко» высказываемся, – мы стараемся сказать как можно больше.

В нескольких номерах мы писали о взаимоотношениях Ленина и германской разведки, подробно рассматривали вопросы финансирования большевистской партии, в статье «Красное похмелье» по-иному взглянули на октябрьский переворот 1917 года, переворот, совершенный силами пьяных матросов и солдат.

Что касается тем сегодняшнего дня, то в нашем журнале нашли трибуну самые радикальные деятели, такие, как Юрий Афанасьев, Валерия Новодворская, Илья Заславский, Галина Старовойтова. Мы очень подробно писали о Нагорном Карабахе, о грузинско-осетинском конфликте, о литовских событиях, причем всюду во всех этих случаях наши корреспонденты, к сожалению, выявляли «руку Москвы». Если бы случилось чудо и коммунисты завтра отказались от власти, межнациональные конфликты утихли бы, расцвела бы – пусть и не сразу – экономика, улучшилось бы положение простых людей. Но это – мечты, за их осуществление надо бороться, в том числе и на страницах прессы.

– *Вы сказали, что почта, «Союзпечать» вставляют вам палки в колеса, что типографии отказываются печатать журнал. Не лучше ли в этих условиях создать собственную, альтернативную государственной сети распространения (может быть, объединившись с другими изданиями), а также построить собственную типографию? Все-таки учредитель «Столицы» – Моссовет, неужели он, хозяин в городе, не может построить собственную типографию?*

– О том, является ли Моссовет хозяином в городе, вы можете судить по тому хотя бы, что наш вроде бы «московский» журнал продолжает печататься не в Москве – тираж каждую неделю завозится в столицу грузовиками. В настоящее время завершены переговоры с солидным западным партнером и начато оснащение новой типографии для выпуска изданий Моссовета – «Столицы», а также двух газет – «Курантов» и «Независимой газеты». Там же будет издаваться рекламное приложение к «Столице» (его первый номер выходит на днях).

Альтернативную почтовую связь наладить еще труднее. Для этого к семистам существующим (в Москве. – Ред.) почтовым отделениям надо добавить семьсот новых, «альтернативных». Так что услугами государственной почты нам придется пользоваться и впредь. Что касается самостоятельной продажи в розницу, то это вполне возможно. В начале года мы давали в киоски «Союзпечати» 200 с лишним тысяч экземпляров своего журнала, сейчас – менее 100 тысяч. Остальное прода-

ется силами нескольких десятков частных распространителей. Киоскеры часто прячут наш журнал от читателей, а потом возвращают как неподанный. Им лень работать, ведь их зарплата не зависит от того, сколько чего они продали. «Альтернативщики», напротив, кормятся своим трудом, мы даем им по 15-20 процентов стоимости каждого номера. Они крутятся, как белки в колесе, знают, в какое время дня журнал лучше купить, где лучше его продавать.

Вообще, при любой возможности монопольные структуры надо разрушать. Только так можно добиться подлинной независимости. Приведу только один пример. Распространением советской прессы за границей занимается организация «Международная книга». Все, кто живет за рубежом и выписывает советские газеты и журналы, знают, что, во-первых, это дорого, а во-вторых, пресса сильно задерживается, приходится, когда все материалы уже устарели и читать журнал или газету становится неинтересно. Читатели не знают, а я скажу, что и самим советским изданиям невыгодно иметь дело с этой организацией.

В конце прошлого года «Межкнига» обратилась к нам с предложением организовать подписку на «Столицу» за границей, так как они получили уже первые заказы на журнал – из США, Австралии, Израиля, Европы. Мы попросили прислать проект договора. Они прислали. По условиям договора выходило, что мы обязывались в течение всего 1991 года бесплатно отдавать «Международной книге» столько экземпляров журнала, сколько она закажет, и только в апреле 1992 года произойдет расчет за год 1991-й, причем большую часть выручки мы получили бы не в валюте, а в рублях. Естественно, нас этот договор не удовлетворил, и мы предложили «Международной книге» усовершенствовать его, по крайней мере вступить для этого в переговоры. В ответ услышали: ни буквы в договоре менять не будем, вы обязаны его подписать. Пришлось ответить: ничего мы вам не обязаны, мы не только не собираемся пользоваться вашими услугами, но и запрещаем вам распространять наш журнал.

И что же вы думаете? «Международная книга» все-таки провела подписку, собрала валюту. Выяснилось, что эта организация намеревалась просто выкупать в «Союзпечати» часть нашего тиража и отправлять ее за границу, не ставя нас об этом в известность и, разумеется, не выплачивая ни доллара. И ни рубля.

– Но ведь выхода нет? Получается, что, вступив в конфликт с организацией-монопольстом, «Международной книгой», вы оставили зарубежного читателя без своего журнала...

– Почему нет выхода? Мы рассмотрели предложения западных партнеров, предлагавших нам сотрудничество, остановились на швейцарском агентстве «Эко-ньюс». Теперь оно организует подписку на «Столицу» по всему миру. Читатели довольны: во-первых, это дешевле, чем иметь дело с советскими посредниками (номер журнала по подписке для жителей США стоит, например, менее 3 долларов, причем в эту сумму включена доставка авиапочтой). Во-вторых, сегодня мы, пожалуй, единственный советский журнал, который приходит в любую точку земного шара в тот же день, что и советским подписчикам (на деле даже раньше, чем большинству советских подписчиков, так как почта в СССР – самая медленная в мире).

Весь предназначенный зарубежным подписчикам тираж мы забираем машинами редакции в типографии и, никуда не выезжая, везем в представительство швейцарской авиакомпании в Москве. Через два часа журналы уже летят в Цюрих, где осуществляется их сортировка по адресам подписчиков. И оттуда уже «Столица» рассылается по миру.

– Фантастика!

– Для советского человека действительно фантастика. Но именно так работают с прессой всюду. Пресса – товар скоропортящийся. Кстати, прослышав о нашем опыте, другие советские издания намерены разорвать свои отношения с «Международной книгой» и обратиться к посредничеству западных фирм. Так, отношения с «Межкнигой» прервала газета «Аргументы и факты». А ведь у нее более 50 тысяч

зарубежных подписчиков! Когда я был в Швейцарии, я обратил внимание, что наш партнер ведет переговоры с «Аргументами и фактами» об организации их подписки за границей. Может быть, сегодня эти переговоры уже завершены.

— *Куда же обращаться тем, кто желает выписать «Столицу»?*

— Проще всего — не в редакцию, а непосредственно в агентство: Econews, Box 535, Lausanne 1001, Switzerland.

— *Что вы можете сказать о своих планах на будущее?*

— Мы не изменим своей позиции. В наших планах множество интересных статей и заметок; некоторые из них, я уверен, не могут сегодня появиться в других советских изданиях. Будут и настоящие сенсации. Я умышленно так туманно отвечаю на ваш вопрос: ведь если сенсацию рассекретить, это уже не будет сенсация. Как я уже сказал, приступаем к выпуску рекламной газеты — приложения к «Столице». Она будет называться «Частная жизнь», и там кроме разной занимательной информации будет множество рекламных объявлений. Подчеркиваю: любых объявлений. А то сейчас даже некролог в Москве напечатать трудно. Единственная газета, которая это делает регулярно, — «Вечерняя Москва», но о смерти человека она сообщает, только если есть на то виза райкома партии. Объявления же о свадьбах или платные поздравления с юбилеями вообще не публикуются. Будут в газете печататься и объявления частных врачей, разного рода предпринимателей, будет служба знакомств.

Разумеется, все наши планы, связанные как с журналом, так и с газетой, смогут осуществиться только в условиях движения страны к демократии. Если завтра Горбачев еще более поправеет, это осуществить не удастся. Достаточно сказать, что в последних номерах мы напечатали, мягко говоря, критические статьи о таких людях президента, как Рой Медведев, Вадим Андреевич Медведев, Анатолий Лукьянов, Николай Губенко, Вадим Павлов; а вот заголовки некоторых статей о самом президенте: «А он нас опять обманул», «Президент становится опасен», «Не сжигайте Горбачева». Нам передавали, что нашим журналом верхи раздражены. Так что если гласность будут ограничивать, если начнут закрывать газеты и журналы, мы падем жертвой в первую очередь. Но, кстати говоря, на этот случай мы запасли один вариант, крайне неприятный для властей. О сути не скажу. Короче, журнал в любом случае будет выходить, даже если он будет запрещен.

— *Что ж, хотелось бы разделить ваш оптимизм...*

После краха путча и победы демократов положение журнала «Столица» резко изменилось. И в то же время делать хороший, интересный журнал стало труднее. Обличать, рвать и метать ведь куда легче, чем участвовать в созидательном процессе. Здесь ведь уже совсем другой тон нужен. Свою программу А.Мальгин отчасти изложил в кратком выступлении участников «Клуба одиннадцати» на страницах «Российских вестей» (№ 19, сентябрь 1991), высказываясь о демократии, о прессе и о власти:

«1. Мы только-только очнулись от глубокого летаргического сна, от этого ужаса, в котором находились 70 с лишним лет, и о настоящей демократии говорить еще не приходится. Демократия — это прежде всего защита интересов личности, а личность в нашем государстве как была, так и продолжает быть незащищенной. Когда-нибудь, я надеюсь, мы придем к нормальной демократии западного типа.

Задача номер один для наших демократов сейчас — не потерять доверие народа. Ельцин и его команда получили определенный карт-бланш, на какое-то время — передышку. Сегодня-завтра к ним не подойдут люди и не спросят: где же, собственно говоря, еда и т.д.? Но через полгода придут.

2. Сейчас слово журналистов, публицистов зачастую значит больше, чем слово политиков. «Четвертая власть» складывается, действует и оказывает самое решительное воздействие на все происходящие процессы. В так называемой демократической прессе наблюдается определенное расслоение. Идут ко дну крупные либеральные издания. В то же время возникло много новых изданий – оголтелых, популистских, собственно демократических. Тут есть опасность неомошаризма, о которой сейчас много говорят и которую я целиком разделяю. Есть множество изданий, которые пока никому себя не причисляют, но в самом ближайшем будущем вынуждены будут определиться.

Мы в нашем журнале собираемся проводить ту же политику, что и до путча, мы будем стоять на позиции информирования читателей. Конечно, будут определенные поправки. Поглядим-посмотрим, как будут развиваться события, но мы оставляем за собой право относиться иронически даже к самым серьезным фигурам сегодняшней политической жизни.

3. Тем, кто стоит над народом, не нужно все время демонстрировать, что они победители. Это уже позади. Нужно умело распорядиться властью, которая оказалась в их руках. Это достаточно тривиальные вещи – от ненависти до любви и от любви до ненависти народной – один шаг. Как здесь сбалансировать между желанием сохранить народное доверие и осуществить хоть какие-то реформы, которые повлекут снижение жизненного уровня, я, ей-богу, не знаю. Мы, по крайней мере, обязуемся честно отслеживать эти процессы и рассказывать о них думающим читателям».

Очень небольшой и тоже очень молодой газете Моссовета «Куранты» быть такой же свободной, как журналу «Столица», пока не удастся. Может, не хочет. Вот как отвечал главный редактор «Курантов» Анатолий Панков на те же сакраментальные вопросы тем же «Российским вестям» (№ 19, сентябрь 1991):

«1. Демократия сильна и в то же время слаба. Сильна она своей стихийностью, митинговостью. В этом ее внешняя сила. Но демократия чрезвычайно слаба географически, она раздроблена и не организована. К тому же демократы отчаянно воюют друг с другом.

И в то же время самые разумные люди в демократическом движении не упустили момент и все-таки решили вопрос о всенародно избранной власти. Избрали Советы в крупнейших городах, мэра Москвы, Президента России. Это дает какую-то опору в опасном хаосе власти.

И все-таки я не могу понять, кого же называть демократом. В конце концов мы все выходцы из КПСС. В нас еще сильно большевистское мышление. И есть вопрос в том, как далеко от КПСС и ее лозунгов ушел каждый из нас.

Я думаю, что демократия существующей ныне власти заключается в том, что на нее давят снизу. Наша задача заключается в том, чтобы народ продолжал давить на эту верхушку, какой бы хорошей она сейчас ни казалась.

Это все в полной мере относится и к Ельцину. У меня нет иллюзий и эйфории, но я возлагаю надежды на его правительство. Больше не на кого надеяться, это единственное более или менее демократическое правление. Но я думаю, что Ельцин только в той степени будет действовать в пользу народа, в какой на него народ будет давить. Главное – это давление со стороны народа и независимость прессы.

2. Любому учредителю очень хочется командовать прессой. К примеру, такое воздействие в последнее время я испытываю со стороны отдельных депутатов Моссовета. Мы готовы отражать разные мнения, но мы не будем рупором той или иной группы. Газета должна быть оппонентом любой власти. Мы должны честно рассказывать о существующих мнениях, о деятельности «вождей», только тогда газета будет интересной.

3. Мне думается, надо очень умело сочетать решительность в достижении цели и терпимость. Нынешней власти надо быстрее действовать в сторону рынка. Быст-

рее снимать ограничения на пути частной собственности и предпринимательства, особенно в сельском хозяйстве.

Хватит запугивать нас капитализмом – там живут культурнейшие люди, которые имеют высокий уровень жизни. Когда мне говорят, что наша газета проповедует капитализм, мне хочется сказать – долой идеологию и да здравствует разум!»

В духе «Гласности» Сергея Григорьянца

Мальгину-издателю не позавидуешь. Но тот же журнал «Столица» (№ 17, 1991) поведал нам и другую историю, значительно расширяющую наши познания о журналистском процессе в СССР, опубликовав «Интервью с Сергеем Григорьянцем, редактором настоящей «Гласности». Ну и журнальная рубрика была соответствующая – «Парадоксы гласности»:

«Сергей Иванович, у вас была мирная профессия – литературовед. И работа интересная – литература русской эмиграции все-таки, а не местные классики, творцы широкомасштабного образа положительного героя. Одно время вы работали в приличном по тем временам журнале «Юность». Ваши статьи печатали в «Советской Энциклопедии». И вдруг...

– В первый раз я был арестован в 1975 году. Формально был обвинен в распространении антисоветской литературы по статье 190 прим и в обмене картин из своей коллекции на магнитофон, что было квалифицировано как спекуляция в особо крупных размерах. На самом деле я не занимался никакой политической деятельностью в это время, наивно считая, что литература может стоять в стороне от общественной жизни. Я довольно много переписывался с русскими писателями, жившими в Париже, получал оттуда книги – в конце 60-х годов они еще приходили по почте в Советский Союз. Наконец, у меня дед был довольно известным деятелем эмиграции: до войны – ведущим режиссером «Ла Скала», а после войны – оперным режиссером «Гранд-Опера» в Париже. И КГБ очень хотелось меня использовать. Договаривались до того, что, мол, у них в аппарате довольно много армян... После двухлетних уговоров они решили меня испугать. Они были просто уверены, что когда я окажусь перед выбором (тем более, что я был абсолютно аполитичным человеком) – сидеть или с ними сотрудничать, – то тут уж все станет для меня очевидно. И меня довольно долго продолжали уговаривать уже в тюрьме, чтобы я написал статью в «Литературную газету» о том, кто такой Синявский (в это время уехавший), о том, кто такой Виктор Некрасов... Мне даже предлагали дачу в Красногорске (где тогда жил сам Косыгин), сулили какие-то замечательные заработки с помощью Московской филармонии – репризы для праздничных концертов писать... Вероятно, замечательные предложения, но как-то они меня не заинтересовали, и тогда следствие начало попросту фальсифицировать против меня обвинения. В конце концов дали мне пять лет, хотя и продолжали еще ездить в лагерь...

Сначала поместили меня в лагерь под Москвой, чтобы ездить было удобнее. И уже в это время они предлагали мне работать в Третьяковской галерее. И когда я с интересом спросил: «А что, в Третьяковке все работают по вашей рекомендации?» – мне сказали: «Нет-нет, ну что вы, не все... но вам же так это интересно!». Тем не менее я как-то не соблазнился. Дело кончилось тем, что меня перевели сначала в Чистопольскую тюрьму, потом оказалось, что ее режим для меня недостаточно жесток, и я очутился в одной из самых тяжелых и страшных советских тюрем, в Верхнеуральске, – это известный в русской истории политический централ. В 1980 году, когда срок кончился, я был освобожден.

Они мне важную вещь объяснили: может, ты и хочешь остаться в стороне от политики и намерен считать, что она вредна литературе, но, чтобы ты так и считал, мы тебя просто ткнем носом во всю эту грязь.

В 1982-83 годах я уже был, после арестов сначала Ивана Ковалева, потом Алексея Смирнова и высылки Валерия Тольца, редактором информационного бюллетеня «В», выходившего три раза в месяц, в котором рассказывалось о том, что сейчас называется нарушениями прав человека в Советском Союзе, т.е. об арестах и допросах, о тюрьмах, лагерях, психиатрических больницах и т.д. Жил я в это время в Боровске и арестован был в общем-то случайно где-то года через три после первого моего «срока». Вначале следователи не понимали, чем я занимался. Но потом все выяснилось, и на этот раз я получил уже семь лет плюс три года ссылки по статье 70 – и снова попал в Чистополь...

– *Сергей Иванович, расскажите, как создавался ваш журнал «Гласность»?*

– Первый номер вышел в июне 1987-го. Редакция состояла большей частью из людей, которые издавали бюллетень «В». У всех нас было ощущение, что в новых условиях роль независимой печати возрастает, а не уменьшается. Поскольку в начале 80-х годов мы издавали информационный бюллетень, то первоначально и «Гласность» называли бюллетенем; планировалось выпускать его три раза в месяц. Но очень скоро мы осознали, что необходима более широкая аудитория, более широкий круг авторов и, наконец, освещение проблем не только правозащитных, но и многих других – таких, как экология, положение малых народностей. Выяснилось, что необходимо издание, помещающее не только информационные, но и аналитические материалы. Все большее место в «Гласности» стали занимать серьезные исследовательские статьи – с одной стороны, допустим, Селюнина и Стреляного, с другой стороны – Вселенского, Геллера... Сформировался тип журнала-ежемесячника объемом 20 издательских листов, то есть 300 с лишним страниц, и при этом абсолютно независимого. Во время так называемого партийного бума он таким – независимым – и остался.

С 1988 года мы серьезно начали заниматься также киносъемкой. В условиях, когда демократическое движение, как многим казалось, было инспирировано властью (правительством и КГБ), мы не видели возможности сотрудничать, как мы тогда говорили, с «правительственными демократами». И левая часть советского руководства, и правая вызывали у нас недоверие. Однако сейчас, когда руководители прекратили всякие разговоры о демократии, у нас уже нет основания отгораживаться от этих сотен тысяч и миллионов людей. Происходит довольно заметное движение навстречу друг другу. С этим как раз связана и регистрация журнала и вообще сближение с теми демократическими силами, которые участвовали в официально признаваемых структурах, а сейчас быстро превращаются в оппозиционные силы. С одной стороны, радио «Интернациональ», с другой стороны – «Эхо Москвы», так мы создаем совместную радиостанцию, так – с «Авторским телевидением» и рядом других официальных и неофициальных групп – обдумываем проект кабельного телевидения. Есть и другие направления работы.

– *Не столь давно в Москве появилась газета «Гласность», издаваемая ЦК КПСС. Как вы относитесь к плагиату?*

– Репутация нашей «Гласности» – вполне определенная, на ней пытаются спекулировать, к ней пробуют примазываться.

Популярность нашего журнала в США хотели использовать, создав довольно гнусную газетку «Гласность», первоначально выходившую раз в три месяца, а потом и вовсе захиревшую. То же самое произошло в Англии, еще где-то.

Наконец, этот пиратский прием повторил ЦК КПСС, учредив свою «Гласность» – уже в Москве, столице СССР. Здесь столько же цинизма, сколько и элементарного бандинизма.

В Польше зам.министра культуры с негодованием мне сказала: «Я заплатила большие деньги за подписку, а мне подсовывают какую-то гадость вместо вашего журнала». Из Таганрога недавно я получил письмо, в котором человек требует,

чтобы ему переоформили подписку, потому что он хотел получать журнал «Гласность» Григорьянца – а получает нечто противоположное...

На мой взгляд, газета ЦК обречена и погибнет сама по себе, хотя мы, в чисто педагогических целях, подаем на ЦК КПСС в суд в согласии с Законом 1928 года о фирмах, – и это, кстати говоря, является одной из причин, побудивших нас зарегистрировать журнал. Закон этот предусматривает наказание за кражу фирменных знаков и названий, выплату компенсации за причиненный материальный и моральный ущерб. Для нас является вполне серьезным моральным ущербом то, что кто-то может представить, будто это мы занимаемся таким безобразием, каким занимается газета ЦК КПСС. Само сопоставление с ней – оскорбление.

– *Ваша деятельность во времена так называемой перестройки вызывала неоднократное раздражение советских властей.*

– За годы перестройки меня арестовывали уже три раза. В начале 1988 года редакцию просто разгромили.

Это довольно любопытная и, кстати говоря, характерная для демократии времен перестройки история. Мы наступили на мозоль тогдашнему премьеру Рыжкову, а в какой-то мере – и всему советскому руководству. Н.И.Рыжков разъезжал тогда по Европе и Скандинавии, уверяя правительственные круги и предпринимателей в том, что буквально через два-три месяца Советский Союз вступит в период полного процветания. Мы опубликовали в «Гласности» две статьи, которые с большим удовольствием перепечатали скандинавские газеты. Одна из статей (моя) была посвящена болезненному вопросу о территориальном споре Норвегии и Советского Союза по поводу шельфа Баренцева моря. Поскольку есть основания полагать, что там залежи нефти, этот вопрос не простой и очень опасный. Если бы Советский Союз, с его дикой технологией, начал разработки на больших глубинах, в чудовищных климатических условиях, наверняка было бы загублено все побережье.

Но гораздо более важной оказалась вторая статья – Василия Селюнина, где, анализируя рыжковские экономические планы, автор приходил к выводу, что ни к чему, кроме катастрофы, они привести не могут. И Рыжкова на пресс-конференциях, а может быть, и на каких-то официальных встречах начали довольно часто спрашивать: что же вы уверяете о скорых необыкновенных достижениях Советского Союза, а ваши экономисты и журналисты думают совсем иначе. Как потом мне рассказывали, Рыжков позвонил в Москву Талызину, в то время начальнику Госплана, и потребовал, чтобы статья Селюнина была немедленно опровергнута. Талызин передал это поручение сотрудникам института Госплана. На следующий день они пришли к нему и объяснили, что статью Селюнина научно опровергнуть невозможно.

Тогда было решено опровергнуть ее советскими методами. Как мне передавали, несколько членов Политбюро и секретарей ЦК, обсуждая этот вопрос, пришли к выводу, что Григорьянцу надо объяснить, чтобы вел себя потише. Для этого в Кратово, на дачу, где помещалась в то время редакция, было отправлено 160 милиционеров из Москвы, а кроме них – еще и сотрудники КГБ, прокуратуры, и вообще кого там только не было! И эта несчастная дача была буквально разгромлена. Безо всяких законных оснований, даже без постановления об обыске...

Никакой не было описи имущества, ничего не было! Все было попросту украдено. Это был нормальный советский грабеж, в котором принимал участие прокурор. Украли наши личные вещи, не говоря уже о компьютере, архиве... Четырех сотрудников редакции сразу арестовали, обвинив, кажется, в избиении каких-то старушек. Замечательно, что сообщение ТАСС о нашем аресте появилось до того, как мы были арестованы!..

Но самое страшное было впереди.

Я не берусь утверждать, но, тем не менее, есть существенные подозрения, что разгромом редакции тогда не ограничились. Приблизительно через неделю при странных обстоятельствах утонул человек, который на ксероксе размножал «Гласность».

Я уже говорил, что наш журнал издавался и издается в основном людьми, побывавшими в советских лагерях и тюрьмах. У нас в быту живы некоторые лагерные

традиции, и в частности следующая: никому не надо знать того, что его непосредственно не касается. Я, например, даже не знал, кто печатает журнал, несмотря на то, что был его редактором. И вот человек, печатающий «Гласность», утонул как раз в то время, когда разгромил редакцию. Само по себе это совпадение выглядело бы достаточно подозрительным, но особенно подозрительным оно стало казаться после того, как к его напарнику пришли сотрудники КГБ и велели, чтобы он немедленно убирался с работы, если не хочет очень крупных неприятностей, наемкнув на судьбу его товарища... После этого месяца три или четыре в Москве не находилось человека, который согласился бы печатать «Гласность». Люди, работающие на ксероксах, говорили мне и Андрею Щелкову, что Солженицына печатать не опасно, а «Гласность» опасно – и никто не соглашался... И все-таки время смертельного тотального страха в нашей стране ушло!..

– *А сейчас вы чувствуете «заботу отеческую»?*

– Периодически у меня возникают проблемы с поездками за границу. Около двух лет назад меня первый раз выпустили для получения премии Международной федерации издателей «Золотое перо свободы», и с тех пор я довольно много времени провожу за границей. Выезжать в ряде случаев было не просто: меня высаживали из самолета, заказанные мне билеты из-за ошибки в компьютере оказывались неоплаченными... Самые разнообразные и невероятные ситуации. Например, в конце марта я получил приглашение, отправленное мне в сентябре. Как правило, все приглашения доходят после того, как оканчиваются конференции или съезды, на которые меня приглашают...

Случаются и куда более неприятные вещи. Минувшей осенью зверски избili двух распространителей «Гласности» – они попали в 1-ю Градскую больницу. Оба были избиты милиционерами, сначала один, а через день – другой. Один был избит сотрудниками 2-го отделения милиции, другой – офицерами с Петровки. И первый и второй продавали «Гласность», имея на это официально оформленные разрешения, и стояли среди других распространителей независимой прессы, но милиционеры выбрали именно их. В общем, нельзя пожаловаться на невнимание властей...

– *Каковы, на ваш взгляд, перспективы Гласности – в привычках и без?*

– Перспективы нашего журнала – это действительно перспективы демократического движения в стране. С перспективами журнала посредственно связаны и бронетранспортеры, и ОМОН на улицах, и возможность врваться в любое служебное помещение в полном соответствии с указами президента. В значительной степени мы, к сожалению, возвращаемся к обстановке, в лучшем случае, начала 80-х годов, а в худшем – 30-х, и, соответственно, мы не можем безучастно относиться к тому, что сегодня делают с гласностью в нашей стране, что делают с самой страной. Перспективы, непосредственно относящиеся к работе редакции, заключаются в том, что в ней может произойти смена состава. Один из сотрудников «Гласности» мне недавно сказал, что его родные очень боятся и хотят уехать из страны. Несколько человек, не работающих в журнале, наоборот, звонили и спрашивали: не пришло ли время вернуться или начать работать в «Гласности»?

Они считают, что в такой обстановке (а характер ее сейчас ясен для всех) наш журнал для многих людей является самым естественным местом в общественной жизни. Я повторяю, теперь «Гласность» – это не только журнал, теперь это Фонд, работающий во всех направлениях информации. Пока о результатах этой деятельности судить трудно. Покажет время».

«Время демократической прессы» – так назвала свое интервью с Владимиром Буковским редакция еженедельника «Демократическая Россия» (26.4.1991). Буковский входит в редакционный совет этой популярной в Москве газеты вместе с Юрием Афанасьевым, Еленой Боннэр, Гарри Каспаровым, Львом Копелевым, Василием Селюни-

ным, Владимиром Тихоновым. Главные редакторы 16-полосного малоформатного еженедельника – Юрий Буртин, Игорь Клямкин. В упомянутом интервью Буковский выделил два момента: газета должна способствовать созданию надежных оппозиционных структур в армии и среди молодежи, а также сделать так, чтобы коммунисты во всех тоталитарных структурах не боялись отдать бразды правления.

«Корреспондент говорит Буковскому:

– Для того, чтобы они не боялись, нужно дать им гарантии, что в процессе дальнейшего движения с ними ничего не произойдет. То есть никакого Нюрнберга для коммунистической партии, для ее рядовых членов не будет.

– Понимаете, а la guerre comme a la guerre, на войне – как на войне. Вот началась война в Персидском заливе, первое, что сделали союзники, это разбросали листовки с призывом к курдским, иракским солдатам – «Приходите с этой листовкой к нам – вам ничего не будет». Вот то же самое я и предлагаю: надо сказать – вы приходите, переходите на нашу сторону – вам ничего не будет. Но не более того, понимаете?

– А кто не с нами?

– А тем придется сдаться. Или придется нам всем вместе умереть с голода».

Справедливые слова деятелей из «Демократической России». Ведь известно, что наша – какая ни есть, а перестройка, – забуксовала с падением коммунистических режимов Восточной Европы. Нашим партийным и военным генералам (колхозным, оборонного комплекса и т.д.) совсем расхотелось самим добровольно идти по миру или даже садиться на скамью подсудимых (Живков, Чаушеску, Хонеккер). Нашему обществу было бы выгоднее увеличить вдвое оклады всем тем, от кого мы хотим избавиться, и отправить их с подобной же по сумме пенсией домой. Даже участников августовского путча я бы не стал расстреливать – ни в коем случае.

Проблемы у редакции «Демократической России» те же, что и у «Столицы», «Экспресс-хроники», «Гласности» С. Григорьянца и т.д. «Союзпечать» различных республик, областей, городов, районов или вообще не желает брать эти издания на продажу, или берет мизер. Самое неприятное, конечно, если вначале берет, а потом высылает обратно уже как нераспроданные экземпляры. Вот и приходится всей демократической прессе в СССР с проблемой розницы полагаться больше не на «Союзпечать», а на общественных распространителей, торгующих с рук. Излишне говорить, что на «Демократическую Россию» подписка не объявлялась.

На сегодня Мальгин и Григорьянц, Буртин и Клямкин кажутся русским национал-патриотам куда более опасными, чем даже наши зарубежные соотечественники. В Москве в издательском консорциуме «Аверс» в марте 1991 года стотысячным тиражом вышел 66-й номер – но первый по счету отечественный – журнала «Континент». Этот журнал с 1973 года издавался и издается теперь в Париже Владимиром Максимовым. Раньше, пока был жив Аксель Шпрингер, магнат из ФРГ, которого

мы так любили пинать за его «желтую прессу», он помогал «Континенту». Теперь мы пытаемся спасти недавнего врага (за чтение этой четырехсотстраничной ежеквартальной книжки любознательного могли ожидать и небо в клетку и даже кое-что похуже). В отличие от наших скучных-таки толстых журналов, «Континент» печатает не очень крупные актуальные произведения, никогда до этого не публиковавшиеся.

Как я уже говорил, Мальгин Максимовна помладше и позубастее. Последний призывал мирно покончить с коммунистическим экспериментом, очень ценил Горбачева и считал, что Запад не даст развалить Союз.

Если быть настойчивым, то в большинстве крупных городов СССР можно было купить за немалые деньги как фрукты с юга на базаре, так и прибалтийские русскоязычные газеты с рук на улице. Левая пресса Литвы, Латвии и Эстонии, в отличие от прочих периферийных республик СССР, уверенно вышла на всесоюзную аудиторию. И, соответственно, Кремль сделал, казалось бы, все, чтобы изменить эту тенденцию. Редакция американского «Нового русского слова» (23.2.1991) посвятила целую полосу беседе с главным редактором рижской газеты «Балтийское время» Алексеем Григорьевым, депутатом латвийского парламента. Нью-йоркская редакция предпослала данному интервью заголовок — «Демократия двойной пробы»:

«Спектр сегодняшней латвийской прессы довольно пестр, хотя и политизирован по весьма небогатой палитре идеологических убеждений. Газета «Единство» — орган латвийского «Интерфронта» — после провалившихся в республике ноябрьских торжеств прошлого года из номера в номер публиковала списки «руководителей трудовых коллективов, которые антизаконно хотели лишить своих работников праздника Великого Октября». То ли в назидание нелатвийскому потомству, то ли для удобства будущих арестов и расправ.

Рижская газета «Еще» выходит раз в две недели и считает, что мир спасет секулялизация политики. Вот заголовки статей из ее первого номера за этот год: «Женщины Ильича», «Ночь в кровати Брежнева — только 4000 финских марок», «Она не стала бы спать даже с Ельциным, хотя он лучше других», «Нобелевскому лауреату не чуждо ничто человеческое» (речь в данном случае идет о М.Горбачеве, якобы крутящем на глазах у жены отчаянный роман с 19-летней «Мисс Москвой» Марией Калининой)... В общем, несерьезное, хотя и перспективное издание.

Но вот другие новости и другая редакционная точка зрения.

«На сессии Верховного Совета СССР наконец открыто названа бюджетная сумма расходов на содержание КГБ страны: 4.900.000.000 рублей»... «Последние события в Прибалтике, — сказал Б.Ельцин, — свидетельствуют лишь о том, что Горбачев потерял здравый рассудок. Перестройка закончилась и коммунизм умер»... «К Литве продолжают подтягиваться войска, в частности полки из Ростова и Закавказья, имеющие опыт действий во время комендантского часа»...

Это строки из недавних номеров газеты «Балтийское время» — русскоязычного варианта «Атмоды», органа латвийского Народного фронта. «Балтийское время» начало выходить дважды в неделю с июня прошлого года. Редактор газеты Алексей Григорьев сейчас находится в США по приглашению одного из колледжей, пожелавшего послушать свидетеля и участника недавних событий в Прибалтике. Оказавшись в Нью-Йорке, он зашел в редакцию НР Слова, где и был атакован следующими вопросами.

– *Что из себя представляет ваша газета сегодня? Как отразилось на ее судьбе нынешнее поправление гласности, выраженное Горбачевым чуть ли не законодательно?*

– Законы Горбачева нас особенно не тревожат, потому что мы в Латвии все-таки соблюдаем свои законы, а не союзные. Но вот захват коммунистами рижского Дома печати на нас отразился. В типографию теперь приходится ездить за сотню километров. Тираж нашей газеты не такой уж большой – он не доходит до миллиона экземпляров, как у наших соседей – «Советской молодежи», но чтобы напечатать его, небольшой типографии требуется 8 часов – полная рабочая смена.

Прикиньте заботы со срочным материалом, сложности доставки и транспортировки. В принципе ничего не изменилось, но работать теперь приходится гораздо больше.

– *Только ли ваша это беда? Наверное, от захвата Дома печати пострадали и редакции других независимых изданий?*

– Наша редакция находится не в Доме печати. Редакции других независимых изданий тоже. Беда в том, что захвачена была типография – самая мощная в Латвии. То, что она вышла из строя, отразилось не только на независимых изданиях. Прекратили выходить многие журналы, под угрозой постоянного закрытия большие газеты, которые стало нигде печатать, – отпечатать в небольшой типографии больше 50 тысяч экземпляров практически невозможно. Из независимых тяжело приходится газете «Атмода» – органу Народного фронта, которой пришлось перебраться из рижского Дома печати в Шауляй.

– *Старый рецепт большевистского переворота – первым делом захватить банк, почту, типографию... Чем же был захват омовцами Дома печати – одним из пунктов большого стратегического плана или просто тактическим ходом местных правых властей?*

– Думаю, что это, конечно, входило в стратегический замысел, но захватывать именно Дом печати было совершенно необязательно. Центральные власти явно запланировали ряд провокаций, при помощи которых в республиках Прибалтики создалась бы напряженность. Конечная же цель – то, что сейчас пытаются доказать в Женеве Денисов, глава комиссии Верховного Совета СССР, расследовавшей события в Прибалтике: в Латвии, Литве и Эстонии существует по две примерно равноценные и равносильные экстремистские группировки, они борются между собой, народ этой борьбой недоволен, народ устал, народу работать надо, и пока в дело не вмешается сильная власть центра – никакого порядка не будет.

– *В какой степени это соответствует истинному положению вещей?*

– Чистый вымысел. Это фрагмент из сценария, который сейчас претворяется в жизнь. Чтобы этот вымысел казался правдоподобнее, сначала прозвучала серия взрывов, которые совершили военные. Сначала были взорваны памятники, вернее даже не памятники, а кресты на могилах латышских легионеров...

– *Да и остатки взрывателей, которые находили на местах диверсий, были идентифицированы как армейские, находящиеся на вооружении расположенных в регионе частей советской армии.*

– И это тоже. Министр обороны Язов почему-то признал первые взрывы делом рук своих ребят, а про остальные умолчал. Так что захват Дома печати – один из пунктов в процессе искусственного нагнетания напряженности.

– *Оказавшись в Соединенных Штатах, вы столкнулись с живым интересом американской общественности к событиям в Прибалтике. Как вам кажется, верно ли мы понимаем то, что у вас происходит, или в очередной раз создали некий миф о действительных событиях?*

– До конца вы, конечно, не понимаете. Но сейчас в Штатах картина у нас происходящего гораздо правдоподобнее. Когда я был здесь год назад, американцы находились в угаре горбомании. Это какая-то детская болезнь, вроде кори, которой мир должен был переболеть. Мы столкнулись с Горбачевым и его политическими приемами пораньше и прозрели скорее. Вам это предстоит.

– *Какую из трех прибалтийских республик вы ставите на первое место по стремлению к независимости и какую на первое место по трудностям, которые приходится в этом стремлении преодолевать?*

– По реальным свершениям в борьбе за независимость впереди, конечно, Литва. Но по степени трудности борьбы впереди Латвия. Вернее – в результате этих трудностей позади. Хотя связь между тремя республиками не настолько тесны, как нам того хотелось бы, все же происходят какие-то совместные действия. Обязанности распределены примерно следующим образом: Литва пробивает брешь, Эстония наводит мосты с Западом, а потом они вдвоем подтягивают Латвию.

Все демократические преобразования мы вынуждены проводить с очень большой осторожностью, тщательно продумывая каждый шаг, который предстоит совершить населению Латвии. Дело в том, что подавляющее большинство латышей, литовцев и эстонцев однозначно выступают за независимость от Москвы – независимость любой ценой. Если предложить им на выбор диктатуру Кремля или собственную диктатуру, они без колебаний предпочтут последнюю в надежде со временем нормализовать положение.

Наша газета издается на русском языке и рассчитана на русское население Латвии. Мне кажется, даже хорошо, что нам приходится все делать так постепенно, осторожно, проверяя каждый новый законопроект двойной проверкой – на латышской и русской общинах.

– *Насколько абсолютно Латвия рассталась с коммунистическим мифом о своей «пролетарской надежности» в качестве ландскнехта мировой революции? Я имею в виду историю латышских стрелков, которые якобы то и дело спасали молодое советское государство, а позже комплектовали органы госбезопасности.*

– Я думаю, что миф о латышских стрелках в Латвии умер вместе с последнем стрелком. Сейчас их деятельность толкуется не как предмет национальной гордости, а скорее как комплекс национальной вины. Раньше это замалчивалось, а сейчас широко обсуждается.

– *В ближайшее время в Прибалтику отправляется, пожалуй, самая авторитетная делегация американских законодателей, в их числе сенатор-республиканец от штата Нью-Йорк Альфонс д'Амато, который в прошлом году пытался «контрабандой» проникнуть в Литву из Польши. Что бы вам хотелось увидеть в Прибалтике в качестве результата их поездки?*

– Я отношусь к тем, кто не настаивает на «особых отношениях» американских законодателей с республиканскими властями Прибалтики. Процесс распада советской империи должен привлекать внимание Запада повсеместно и равноценно, будь то Прибалтика, Украина, Белоруссия, Закавказье или Средняя Азия. Хотя, конечно, нельзя упускать то, что почти всем цивилизованным миром наши республики признаются независимыми и незаконно оккупированными.

Я выступаю за самое активное участие западных законодателей в экспертизе наших преобразований. Далеко не все у нас идеально, но ведь наши сегодняшние трудности – трудности демократического процесса. Очень важно, чтобы западные правительства это поняли, ибо наши противники – центральные власти – пытаются с помощью этих трудностей вообще ликвидировать демократический процесс.

– *Недавно мне довелось принять участие во встрече с конгрессменами. Сенатору-демократу от Вирджинии был задан вопрос, почему американские законодатели не рассматривают прибалтийскую проблему в одном ряду с проблемой Кувейта или*

с проблемой палестинцев, проживающих на территориях, контролируемых Израилем. Как вы относитесь к тому, чтобы считать Латвию, Литву и Эстонию столь же незаконно оккупированными землями, как захваченный Саддамом Хусейном Кувейт?

– Так оно и есть. Что же касается палестинской проблемы, то здесь сравнение с Прибалтикой выглядит несколько юридически натянутым, так как территории, оккупированные или контролируемые сейчас Израилем, не представляли собой суверенного государства.

– *Кувейт был захвачен по совершенно советскому сценарию, разыгранному в свое время в Прибалтике, Чехословакии, Афганистане... Сначала вводились войска, а затем появлялись марионеточные правительства и раздавались голоса «всенародной поддержки» новой власти. Ведь сейчас Хусейн, демографически изменив Кувейт, не прочь провести там «всенародный референдум». Почему этот сценарий не оправдал себя в январе этого года в Литве, Латвии и Эстонии? Слишком решительным оказалось сопротивление?*

– Дело решило не наше сопротивление, а наша выдержка. Какое сопротивление? Люди просто встали перед танками, показывая, что они готовы умереть. Никакого другого сопротивления мы оказать не могли. Но резонанс, который вызвала во всем мире эта наша решимость, напугал кремлевское руководство. Теперь оно пытается всячески замечать следы, для чего, в частности, в Женеву и была послана команда Денисова.

– *Как бы вы охарактеризовали этого человека?*

– Денисов – типичный советский политический деятель горбачевской эпохи. Основные черты такого деятеля – еще большая степень лицемерия и лживости, чем у его предшественников. Если дипломатов брежневской эпохи все же волновало, врут ли они два дня подряд одинаково или сами себе противоречат, то сегодня советских лидеров это не тревожит. Они действуют в рамках одной ситуации. Последовательность лжи их не беспокоит.

В свое время Денисов выступил по рижскому телевидению с утверждением, что в Латвии нет никаких оснований для межнациональных конфликтов, а единственным очагом напряженности являются действия омоновцев. Однако вернувшись в Москву и получив соответствующие инструкции, он начал заявлять нечто прямо противоположное. Думаю, что это неудивительно: человек, всю свою научную карьеру доказывавший несостоятельность «буржуазной» теории Эйнштейна, вполне может действовать в том же духе на политическом поприще.

– *Вы упомянули сначала танки, потом омоновцев. Давайте внесем ясность, какие же, собственно, вооруженные силы принимали участие в январской операции «Прибалтика-91». С одной стороны, ОМОН – отряды милиции особого назначения, подчиненные непосредственно городским (или областным) управлениям внутренних дел. С другой – ВВ, или внутренние войска, подчиненные МВД СССР. С третьей, наконец, в Прибалтику приказом Язова были введены десантные части, подчиненные министерству обороны.*

Но, скорее всего, американским корреспондентам на местах некогда было рассматривать эмблемы в петлицах или цвет погонов, а десантные варианты автомата Калашникова у всех советских командос одинаковые.

Кто же именно, например, штурмовал рижский Дом печати?

– В Латвии все время использовался один и тот же рижский отряд милиции особого назначения, который примерно в ноябре прошлого года объявил, что перестает подчиняться не только городским, но и республиканским властям. Фактически он подчиняется Москве, хотя Москва об этом нигде прямо не упоминает.

— *Это что же, бунт? Анархия? Почему восставшее милицейское подразделение не было немедленно расформировано приказом министра МВД Латвии?*

— Такие попытки предпринимались. 20 января вся латвийская милиция была мобилизована, чтобы выбить омонцовцев с их базы в Вецмилгрависе, на окраине Риги. Но тогда Москва предупредила нас, что такие действия могут вызвать нежелательные последствия...

— *Традиционный окрик при игре в демократию: «Не ломайте игрушки!»*

— Нет, степень лживости и двуличия сегодняшнего московского руководства несравненно выше, чем это было прежде. Раньше они говорили: «Не трогайте, это наше», а теперь просто: «Не трогайте». По-моему, очень скоро Москва и рижским омонцовцам объявит, что они «не наши», признает их виновниками всех зол и отдаст под суд. Примерно так же развивались события в Польше, когда был убит сендз Попелушко.

Горбачев пользуется в Прибалтике подручными средствами. В Литве тоже есть подразделение ОМОНа, которое не подчиняется литовскому правительству, но оно слишком малочисленно, поэтому туда пришлось бросить десантников. Характерно, что войска Прибалтийского военного округа, гарнизоны которых разбросаны по всей территории республик, задействованы не были. Положиться на них Горбачев и Язов не могли: как бы ни были раздражены и обозлены местные солдаты и офицеры, они прекрасно понимали, что история про угрозу захвата власти фашистами и националистами — чистая липа.

— *Некоторые считают, что по стратегическому замыслу Горбачева подавление демократического движения в Прибалтике было синхронизировано с началом военных действий американцев и их союзников против Ирака. Гарри Каспаров, например, вообще допускает возможность сговора на этот счет между Горбачевым и Бушем. Что вы думаете об этом?*

— Никакого сговора, конечно, не было. А то, что действия Москвы в Прибалтике были заранее приурочены к войне американцев с Ираком, никакого сомнения не вызывает. Точно так же планировалось и осуществлялось подавление венгерской революции 1956 года, когда мир был увлечен суэцким кризисом.

— *Недавние события в Прибалтике привлекли такое внимание Запада, что иные обозреватели заговорили о «еврорасизме» — явном предпочтении, которое оказывает свободный мир Латвии, Литвы и Эстонии в ущерб другим советским республикам, борьба за независимость в которых обернулась куда большей кровью. Вашу боль считают болью европейского организма, а страдания армян, грузин или молдавских гагаузов — издержками великодержавного византийства.*

— Согласен, что это несправедливо, но это факт. Мы действительно были частью общеевропейского дома, откуда нас насильственно вырвали, а Запад нас забыл и частично предал. Отсюда некий неизбежный комплекс вины в сегодняшних отношениях.

— *Вы имеете в виду предательство моральное?*

— Не только. Скажем, англичане в свое время отдали Косыгину латвийское золото, нашими деньгами урегулировав свои имущественные споры с Советами. Но, конечно, нас всегда поддерживало то, что Запад отказывается признать законной оккупацию Прибалтики.

Немаловажно и то, что мы оказались последними в серии актов государственного насилия Горбачева. Если в случаях с Нагорным Карабахом или Тбилиси еще можно было думать, что Горбачев действительно ничего не знал или вышла какая-то непредусмотренная им неувязка, то в Прибалтике все ясно, как на ладони.

— *Каким вам видится обозримое будущее Прибалтики — лет, скажем, через двадцать?*

– Через двадцать лет мы, скорее всего, будем тремя независимыми государствами, объединенными в какой-то очень тесный балтийский союз и достаточно тесно связанными с нашими сегодняшними товарищами по несчастью – независимой Россией, Белоруссией и другими бывшими советскими республиками».

Побоище в Вильнюсе доконало идею Советского Союза

1-2 февраля 1991 года в Москве прошло Всероссийское совещание редакторов газет, первая в республике встреча представителей советской и независимой печати. Они обсудили проблему – как противостоять информационной блокаде республики, попыткам уничтожения островков демократии и гласности, которые удалось создать за последнее время. На конференции говорилось, как на местах функционеры КПСС разгоняют строптивые коллективы газет: от них скрывается бумага, их здания идут с молотка, типографии передаются третьим лицам. Министр печати и информации РСФСР Михаил Полторанин заявил на совещании о содействии возрождению российской печати в глубинке, во всех мелких и крупных городах; в центре ведь уже выходят три новые республиканские газеты («Россия», «Российские вести» и «Российская газета»), налаживается и надежная обратная связь в лице Российского информационного агентства. Участники совещания потребовали отменить противозаконное решение руководства Гостелерадио СССР о закрытии Российского радиоканала («Радио России») на 1-м и 2-м общесоюзных каналах, потребовали информационного суверенитета России и обратились ко всем журналистам Российской Федерации с призывом поддержать принцип деятельности, сформулированный журналистами газеты «Московские новости»: говорить и писать правду, а если нет такой возможности – молчать, писала газета «Московский комсомолец» (5.2.1991).

1991 год по накалу страстей оказался почти равным 1917 году. Диктатура партии, узурпировавшей власть 74 года назад, вроде бы кончилась, и аппаратные структуры КПСС расформированы. А что было в начале 1991 года – лютый политический мороз грозил сковать только-только начавшуюся оттепель. Похоронным звоном по гласности отозвались в демократической прессе Москвы события в Прибалтике. Ужасы военных действий и кровавой диктатуры в Степанакерте, Цхинвали и Баку воспринимались общественным мнением Москвы очень слабо и в искаженной интерпретации, точно так же как и пятилетние мучения несчастных в пораженных радиацией районах, не пригодных для проживания. Но жертвы Вильнюса и Риги не на шутку всполошили демократические силы в столице империи. Все хотят подольше пожить на этом свете. В редакции «Московских новостей» созвали «круглый стол». Пришли именитые руководители газет, журналов, радио и телепрограмм: первый заместитель главного редактора

«Известий» И. Голембиовский, главные редактора В. Фронин («КП»), В. Старков («АиФ»), В. Коротич («Огонек»), П. Гусев («МК»), В. Третьяков («НГ»), В. Яковлев («Коммерсант»), Н. Чаплина («Час пик»), исполнительный директор газеты «Россия» А. Дроздов, директор телерадиокомпании «Радио России» С. Давыдов, ведущая телепрограммы «Пятое колесо» Б. Куркова, ведущий телепрограммы «До и после полуночи» В. Молчанов, председатель комитета Верховного Совета РСФСР В. Югин, политобозреватель «МН» Л. Карпинский. Вел встречу главный редактор «МН» Е. Яковлев.

Общий тираж ежедневных и еженедельных общественно-политических изданий, выходивших в то время в Москве, был около 87 млн. экз. Тиражи газет и журналов, участников «круглого стола», составлял более 60 процентов от этого количества. Все вышепоименованные издания давно и решительно выступали в защиту идей перестройки. И они же стали подвергаться ожесточенным нападкам мафии КПСС, не желающей продвигаться по пути реформ и терять власть. Все эти редактора — «гранды гласности» — очень умные люди, поэтому их оценки собственного положения интересны. Путч ведь фактически начался не в августе, а с первых дней января 1991 года — шла настоящая информационная война, а на всех окраинах русско-советской империи гибли люди. Ниже идут отрывки из стенограммы той встречи по тексту и с подзаголовками «МН» (10.3.1991):

«Гласность в оппозиции. **Е. Яковлев:** Шум, который был поднят после предложения президента внести изменения в Закон о печати, ничем не кончился. На мой взгляд, сегодняшняя ситуация такова, что гласность в том виде, в каком она существует, ликвидировать можно только вместе с реформами. «Независимую газету» можно закрыть, ликвидировав Моссовет в его настоящем виде с Поповым во главе. «Час пик» перестанет существовать, если разогнать Ленсовет вместе с Собчаком, «Московские новости» — с упразднением Закона о печати. Но мне кажется, что без прямого переворота, который вряд ли возможен, гласность не прикрыть. И пока можно пользоваться теми возможностями, которые есть, для того, чтобы укрепить позиции демократической прессы. Хотя очевидно, что ни о каком режиме благоприятствования уже не может быть речи. Последнее выступление президента говорит о том, что он сделал свой выбор, определив роль демократических сил как оппозиционную.

Павел Гусев: Само понятие «гласность» введено в оборот Горбачевым и его командой. Но гласность уже без их желания преобразовалась в свободу слова. Официальная версия свободу слова не признает. А для нас это главное оружие: «Гласность» — красиво звучит для рекламы курса Горбачева на Западе. И эту гласность будут сохранять, а свободу слова и впредь, видимо, будут зажимать всеми возможными способами.

Игорь Голембиовский: Нельзя все замыкать на президенте, говорить, что он охладил к демократической прессе. Суть глубже. Пришла новая генерация партийных функционеров, которые опоздали к «разделу пирога». В отличие от ушедшего поколения, они будут действовать более энергично и более изощренно. Мы уже ощущаем, как многопланово идет атака на «Известия», заметьте — весьма умеренную газету. Но вместе с тем «Известия» занимают уникальное место в системе нашей печати. Они остаются пока единственным мостком между левой и правой прессой.

И если этот мост свернут в правую сторону, это может сыграть зловещую роль для многих изданий. А нападки со всех сторон – налицо. На сессии Верховного Совета распространяются документы для депутатов, где перечисляются издания эстетистского характера, куда по непонятной мне причине попадают и «Известия». Предлагается конструктивно перестроить «Известия». А в чем эта конструктивность? Печатать как можно больше выступлений народных депутатов...

Владислав Фронин: За последние годы разительно изменились журналисты, причем во всех изданиях. Они почувствовали вкус свободы слова. Но ощутили его и читатели. Поэтому возвращение к безгласности невозможно, хотя попытки вернуться были и, вероятно, будут.

Виталий Коротич: Газеты «Правда» и «Советская Россия» слово «демократ» произносят так, как раньше произносили имя классового врага. Система стремится соединить в массовом сознании понятия «демократия» и «экономические трудности», «свободная печать» и «анархия». Система натравливает народ на саму мысль о реформах, пугая люмпенов перспективами социальной конкуренции, которая придет на смену их социальному иждивенчеству. Происходит опасное смыкание паразитических верхов и воспитанных ими в послушании представителей разложившихся групп в низах. Ни тем, ни другим информация не нужна: можно сказать, одни ее получают, а другие никогда в ней не нуждались, довольствуясь какой-нибудь кравченковской тележвачкой.

Александр Дроздов: Меня настораживает, как слово «гласность» заменяется словом «плюрализм». Абсолютно ясно, что плюрализм в одной газете невозможен – газета не может быть свалкой взглядов. Суть плюрализма в многообразии средств массовой информации. Мне кажется, что для наших оппонентов понятие «плюрализм» заключается прежде всего в сохранении партийного влияния не только на свои газеты, но и издания, изначально не связанные с партией.

Владимир Молчанов: Идею душения гласности поддерживают не только те люди, что сидят в ЦК КПСС, а, увы, и наши с вами коллеги. На Центральном телевидении в последнее время я постоянно находился в атмосфере, когда исполнение профессионального долга входит в противоречие с нравственным выбором. Если сегодняшняя программа «Время» отвечает твоему нравственному выбору, то о каком профессиональном долге можно говорить при таком чудовищном насилии над информацией? Если же ты делаешь другой нравственный выбор, то тебя может ждать судьба «Взгляда». Людей, которые сопрягают свой нравственный выбор с программой «Время», совсем не мало. Официальной цензуры на ЦТ нет. Все цензурируется людьми, руководящими телевидением или какой-то программой. Когда я начинал работать в программе «Время» (а с 14 января я отказался официально работать в ней), у нас не было проблем с «информацией». Без четверти девять звонил Лигачев – давал одно указание, без десяти звонил другой высокопоставленный чиновник – давал другое указание. Потом это прекратилось. Как выясняется, сейчас все возвращается на круги своя, и указания от секретарей и других ответственных работников ЦК КПСС (они же члены Верховного Совета) становятся нормой.

Владислав Старков: В отличие от телевизионщиков я не стал бы драматизировать ситуацию. Мы вступили наконец-то в нормальную фазу политической борьбы. И к ней надо быть готовыми. Бояться цензуры? Я думаю, она никому невыгодна, а Горбачеву в том числе. Как только будет введена цензура, допустим, «Аргументы и факты» прикроют или посадят комиссара, который будет следить за каждым словом, появятся листовки, пресса «андеграунд», будут снова слушать «голоса». Народ без информации не останется...

Дуэль без правил. **Егор Яковлев:** Мне кажется, мы можем перечислить те приемы, с помощью которых пытаются удушить демократическую прессу. Например, один из приемов – постоянно подчеркивать: все, что делает независимая печать, – это, мол, спланировано. Далее – натяжки, мелкие подтасовки. Мы, допустим, написали: «Преступление режима, который не хочет сходить со сцены». Ясно, что имеется в виду непреодоленный сталинский режим, режим карательный, режим, со-

вершивший преступление в Вильнюсе. Наши оппоненты делают небольшую подмену: смотрите, демократическая печать выступает против советской власти, против конституционного режима и так далее...

Лен Карпинский: Не надо забывать о богатом организационном опыте оппонентов демократической печати. Если президент бросил фразу о возможности приостановки Закона о печати и тут же отступил, это вовсе не значит, что не идет колоссальная организационная работа. Полагаю, на места уже разосланы партийные функционеры с конкретным заданием организовать мнения рабочих «за» – «Советскую Россию» и «Красную звезду», «против» – «Комсомолки», «МН» и т.д. и потребовать от Верховного Совета расследования деятельности этих изданий. Уже есть первые публикации, где Верховный Совет ставит перед необходимостью создать комиссии по этим изданиям. Мы все еще думаем, что главный конфликт – гамлетовский: быть или не быть. На самом деле конфликтующие стороны находятся в разном положении: одна – со шпагой, а другая – с крысиным ядом.

Владимир Молчанов: Если говорить о дискредитации средств массовой информации, то больше, чем ЦТ само сделало для этого, сделать нельзя. Я, например, болезненно воспринимаю анонимность, которой стало отличаться телевидение. В последнее время появились анонимные работы, как, например, фильм студии «Абсолют» о Литве. Это образец очень грязной пропаганды пятидесятилетней давности. ЦТ дискредитирует себя отсутствием какой бы то ни было попытки сопоставить факты. В Москве недавно прошли три митинга, но мы по ЦТ видели только один. Попыток дискредитировать «До и после полуночи» практически не было, пока в эфир не вышла январская передача. И тут многое изменилось. Впрямую нас не зажимают, но всячески стараются «указать свое место».

Виталий Коротич: Вот еще примеры. Маршал Язов объявил, что я определенно подкуплен западными спецслужбами. Генерал Филатов объявил, что я личность сомнительная, назначенная на должность американцами. Профессионально «патриотические» газетчики от «Пульса Тушина» до «Литературной России» писали про меня много всякого, главным образом по линии жидо-масонской. Если перечислять все гадости, которые говорились обо мне в запретельной «Молодой гвардии» (есть номера, где мое имя упоминается десятки раз), то после этого придется долго мыться. Главный метод: не спорить по сути, но любыми способами скомпрометировать, обгадить.

Бэлла Куркова: Многие пленумы Ленинградского обкома партии были посвящены средствам массовой информации. «Пятое колесо» там лидировало как первопричина всех бед, обрушившихся на страну. И на последнем недавнем пленуме о нас немало говорилось. А вот в отчетах в прессе эти поношения были изъяты. Видимо, осознали: гонимых у нас жалеют. А потом появляется в «Ленинградском рабочем» большая теоретическая статья секретаря обкома партии Ю.Белова. И там замечательный пассаж насчет интеллигенции, которую нельзя упускать и бросать под «Пятое колесо». Товарищ Белов проводит серию встреч в рабочих коллективах, каждый раз находится оратор, который задает вопрос: до каких пор будет существовать «Пятое колесо»? Ответ один и тот же: скоро «Пятое колесо» крутиться перестанет.

Рубль вместо цензуры. **Наталья Чаплина:** Наступление на газеты идет на наших глазах. «Ленинградский рабочий» сравнительно недавно был хорошей газетой демократического направления, с приличным тиражом. Но когда начался этап учреждения газет, журналисты «Ленинградского рабочего» не смогли объединиться и выдвинуть толкового редактора. Газета, как перезревшая груша, упала в руки обкома. И теперь из умеренно левой стала крайне правой. Назначили редактора, бывшего партийного функционера, – все приличные журналисты ушли в другие издания.

Павел Гусев: Если сложно бороться со свободой слова с помощью идеологической цензуры, в ход идут другие способы давления, организационные и экономические. Прежде всего проблема бумаги. Я не исключаю даже попыток заблокировать

рост производства газетной бумаги. А распространение газет полностью контролирует Министерство связи. Эта монополия может нас просто подкосить: ведь если ежедневная газета приходит к читателю на третий день, интерес к ней пропадает. «Московский комсомолец» испытывает явный экономический зажим. По сути дела, у нас закрыта подписка: типография отказалась печатать общий тираж. С этого года полностью закрыто распространение «МК» в других городах.

Виталий Коротич: Подать свободу информации можно многообразно, повышением цен на бумагу и полиграфические услуги, умышленным дерегулированием «Союзпечати». Способов множество, и мы испытываем их на себе (вернее, их испытывают на нас). Либеральная печать плохо защищена во всех смыслах. Троньте какую-нибудь «Советскую Россию» – вот вой поднимется! А ведь то, что они печатают, не раз и не дважды оскорбляло доброе имя Советской страны, намерения ее руководства (как в случае с публикациями в поддержку Саддама Хусейна и его войны).

Игорь Голембиовский: Не следует упрощенно представлять ситуацию. Пресса раньше других сфер оказалась завязанной на рыночных отношениях. И этот процесс будет развиваться дальше. И надо думать, что предпринять в стратегическом плане. Реальная экономика требует своего. Скажем, с января идет нажим на издательство «Известия», чтобы убрать «Независимую газету». Но ведь издательство объективно заинтересовано в извлечении прибыли со своих мощностей...

Бэлла Куркова: В самом трагическом положении, по-моему, находятся работники телевидения и радио. Ведь нас не защищает даже Закон о печати, потому что применять его к электронным средствам массовой информации почти невозможно. Сейчас подготавливается Закон о телевидении и радио. Особый закон. Положение о Всесоюзной телерадиовещательной компании говорит о том, что создается чудовищная сверхмонополия. Есть в этом документе пункты, которые всех лишат возможности говорить иначе, как с голоса КПСС. Тут надо четко понимать ситуацию. Уже молчит «Взгляд», может замолчать «До и после полуночи». Наш коллектив принял решение о независимом статусе Ленинградского телевидения и радио, где учредителями могли бы стать Ленсовет, обссовет, трудовой коллектив и Министерство печати и массовой информации России. Однако через 3 – 4 дня вышел президентский Указ и все наши попытки были сведены на нет. Не исключено, что завтра Ленинградское телевидение станет управлением центральной телерадиокомпании. Тем более что у нас тоже там не так много людей, готовых работать на демократических началах. А что будет, если и сетка вещания, и передачи будут диктоваться Москвой? Угадать легко.

Сергей Давыдов: В конце прошлого года, наверное, впервые в нашей стране появилось альтернативное радио. Чем его можно задушить? Только техникой. Потому что при том валютном голоде, который испытывает и страна в целом, и Россия тем более, мы полностью зависим от техники Гостелерадио. Как с нами захотят, так и поступят.

Возможности сопротивления. **Игорь Голембиовский:** Речь идет о том, чтобы защитить характер наших изданий. Для этого есть возможности, и на первом месте – Закон о печати. Печально, но наши законодатели этот закон знают плохо. Тем более журналисты должны знать его наизубок, должны быть чистой воды законниками, занудами, уметь отстаивать каждую букву закона. И второе: важно создавать прочную экономическую базу, без нее всем нам конец. Это можно сделать не только за счет собственных прибылей. Недавно Союз кинематографистов принял решение создать фонд защиты гласности. Если поставить дело масштабно, то можно иметь в запасе крупные средства на поддержку изданий, радиостанций, телепрограмм, которые нуждаются в помощи. Далее, есть такая довольно нелепая организация – Союз журналистов. Я не верю, что смена руководства принесет ощутимые результаты. Но ведь каждое издание отчисляет в Союз журналистов процент от своих прибылей. Давайте подумаем, не лучше ли этот процент отчислять в фонд защиты гласности? Ну, а в перспективе нужно создавать независимый Союз журналистов.

Владислав Фронин: Согласен. Самое главное сейчас – защита Закона о печати. Следует очень внимательно смотреть, чтобы в него не вносились разрушительные поправки. Скажем, если будет внесен пункт о защите прав издателей (а издатели у нас – монополисты, да и независимые газеты привязаны к монополюльной издательской базе), тогда прощай свобода слова.

Наталья Чаплина: Фонд защиты гласности нужен не только для поддержки независимых газет, но и официальных изданий, которым в последнее время особенно энергично выкручивают руки. Их душат на законных основаниях их официальные учредители. А возможности маневра нет... Почему, например, «Комсомолка» не может порвать со своим учредителем? У нее нет бумаги, нет полиграфической базы. То есть еще раз: нужен фонд, который может и базу, и бумагу, и средства обеспечить.

Александр Дроздов: Лучше подумать даже не о фонде, а о банке, способном финансировать создание независимой полиграфической базы, радио и телевидения. Создание журналистского профсоюза, подкрепленного банком, могло бы стать прочной основой для независимой демократической прессы. Желательно что-то предпринять максимально быстро, хорошо бы до 17 марта.

Владислав Старков: Премьер-министр Павлов каждый день издает все новые и новые указы, которые даже наше высокорентабельное предприятие «Аргументы и факты» вот-вот разорят. Времени у нас нет. Редакция «АиФ» готова немедленно внести солидный взнос в фонд, о котором идет речь, и, кроме того, мы обязуемся взять шефство над каким-то органом печати, нуждающимся в поддержке, – районной или городской газетой, какой-то теле- или радиопрограммой. Если будут сильно зажимать, поможем бумагой или деньгами... Еще более важно заботиться о том, чтобы у наших изданий был читатель. Будет читатель – будет и прочная экономическая база. Нам вовсе не нужно координировать свои усилия с точки зрения содержания наших изданий. Координация нужна по хозяйственной, по бумажной, по полиграфической линии, по линии «Союзпечати», потому что каждый в одиночку не поднимет этой машины.

Виталий Третьяков: Я полностью за создание банка. И, конечно, за единый профсоюз. Он объединил бы и электронную прессу, и газетчиков. Может быть, нужен единый профсоюз журналистов и типографских рабочих. Интересы у типографских рабочих и журналистов не во всем совпадают, но сегодня иметь единый профсоюз было бы очень важно. Типографские рабочие на нашей стороне. Они всегда были в российском революционном движении передовыми, после булочников. Надо с ними соединиться.

Виктор Югин: Для создания фонда в защиту гласности можно провести также международную лотерею. Мы такую лотерею однажды проводили. Удалось. Часть доходов от этой лотереи можно было бы положить в основание банка развития средств массовой информации России. В создании подобного фонда могли бы принять участие союз арендаторов, предпринимателей, кооператоров – новый сектор экономики.

Владимир Яковлев: Есть две вещи, в которые, на мой взгляд, можно и нужно вкладывать деньги: издательства и система распространения. Особенно второе. Издательств у нас много, можно выбирать. У нас с нашими издателями – а мы издаемся на «Красной звезде» – никаких проблем. Мы по договору платим рабочим премиальные, рабочих это вполне устраивает. С распространением дело обстоит куда хуже, потому что система распространения у нас одна. Думаю, тут надо широко использовать новое предпринимательство. Скажем, в Ленинграде есть фирма «Человек». В нее можно вложить деньги и создать общесоюзную систему распространения. Создавать банки я, честно говоря, не вижу необходимости. Гораздо перспективнее акционерное общество с участием демократических изданий.

Виталий Коротич: Необходимо защищать идеи друг друга, общий демократический пафос перестройки страны. Когда я пишу «наши идеи», то вовсе не имею в виду принцип круговой поруки. Дорожу независимостью каждого из нас, наличием

у каждого собственной позиции. Но если поносят принципы, которые близки и тебе, – заступись, помоги. Думаю, нам надо чаще организовывать общие «круглые столы», другие собрания. Нельзя не отметить, что «Московские новости» подают в этом хороший пример. Собираются ведь руководители неприсоединившихся государств и создают очень сильный союз, не теряя при этом ни одной из своих позиций. Вся консервативная пресса обладает очень сильной поддержкой «сверху». Нас не защищает никто, кроме наших читателей. Давайте объединять их в помощь друг другу.

ГЛАВА VI

ПРЕССА ДЛЯ ДЕЛОВЫХ ЛЮДЕЙ

Крутые ребята из «Коммерсанта»

Скучнейшая пропагандистская «Экономическая газета» да несколько ведомственных журналов по различным отраслям «народного хозяйства» — вот и все, что выходило у нас еще недавно. Хотя вся без исключения советская ежедневная печать на первых своих полосах славилась успехи наших тружеников, мудрость партии и ее грандиозные планы «строек коммунизма». Во всех без исключения вузах изучали «политэкономия социализма» и «политэкономия капитализма». И только сегодня признали, что по «Капиталу» Карла Маркса не стоит изучать современный капитализм, что наш социализм был поздней стадией феодализма, а коммунизм оказался не только мифом, но и очень вредоносной теорией. Что уж тут говорить о политэкономии и об экономической прессе.

Вспомнить школьный анекдот: едут на поезде Ленин и со- товарищи. Вдруг остановились — впереди рельсы кончились. Ленин предложил, давайте, мол, устроим субботник, поднажмем и быстро построим рельсовый путь. Так и сделали.

Тот же поезд, но уже со Сталиным. Рельсы кончились, состав встал. Сталин приказывает: чтобы сейчас же притащили рельсы, а не то всех перестреляю. Помогло, все все исполнили.

Вот Хрущев едет в своем поезде. Встали в чистом поле, впереди пути кто-то разобрал. Хрущев и предложил снять полотно сзади состава и уложить его впереди. Поехали.

Брежнев со свитой мчится. Поезд остановился, дальше пути нет. Адъютанты и помощники выскочили из вагонов и с криками «едем, едем» стали раскачивать из стороны в сторону неподвижно замерший состав.

Вот и перестройка настала, гласность наступила. Поезд Горбачева набрал ход и остановился перед разобранными путями, с которых уже и рельсы и шпалы растащили. Тут Горбачев велел шире открыть окна и двери в вагонах и кричать что есть мочи: рельсов нет, шпал нет.

Вот такие у нас пока были экономические модели социализма.

Но постепенно деловые люди стали выходить на публику из подполья, вслух обсуждать свои проблемы. Для них стали, наконец, появляться газеты и журналы.

На страницах еженедельной газеты «Коммерсант» печатаются котировки западных валют на черных рынках различных городов СССР и советского рубля в столицах Европы. Даются прогнозы стоимости доллара у советских и иностранных валютных спекулянтов. Да за такие операции людей еще вчера хватали на улице и приговаривали если не к расстрелу, то уж к крупным срокам заключения. Статьи уголовного кодекса за незаконные валютные операции в СССР не отменяли, поэтому такого рода очень интересные заметки в «Коммерсанте» никогда не подписывались. Анонимно публикуются. В газете регулярно сообщалась стоимость на черном рынке всех основных видов западной электронной техники и одежды ряда зарубежных фирм (и это отдельно по многим советским городам). Рассказывалось со всеми подробностями о ценах на эти же товары на различных рынках Запада. Настольная книга спекулянта получалась. А ведь в СССР статьи об уголовном преследовании за спекуляцию, т.е. торговлю с рук на всевозможных «блошинных рынках» (т.е. без всякой уплаты налогов государству), не отменялись. СССР только готовился вступить в «дикий капитализм» эпохи первоначально-го накопления капиталов.

С 1989 года в СССР происходило то же самое, что началось в Польше десятью годами ранее. Оппозиция коммунистическому режиму пошла в сферу бизнеса и управления. Самые активные силы в советском обществе пришли к власти в мэриях Москвы и Ленинграда, Львова и Прибалтики, объединились в кооперативы в городе и на селе. При участии иностранного капитала стали организовываться кооперативные и государственные совместные предприятия, газеты, журналы, агентства новостей, банки данных и финансово-кредитные учреждения, посреднические фирмы. Еженедельная газета «Коммерсант» — великолепно исполненная на 24 полосах малого формата, с очень высоким качественным уровнем информации — в считанные месяцы превратилась в лучшую советскую газету. Хотя советским это издание назвать трудно — лжи и пропаганды, наглых замалчиваний наших нескончаемых катаклизмов в «Коммерсанте» не было. Открывая газету, можно было быть уверенным, что парламентский, правительственный, партийный, экономический, военный обозреватели поделятся с тобой о том, что произошло за неделю, и выдадут самые достоверные прогнозы на ближайшее будущее. Подобного человеческого и делового стиля изданий у нас не было с 10 — 20-х годов. И вот они есть. Чуть иронический стиль «Коммерсанта» стали пытаться копировать и другие наши газеты — всем теперь хочется заигрывать с читателем. Можно, да не у всех получается — доверие надо завоевать.

В мае 1991 года еженедельник «Коммерсант» заключил контракт на продажу сорока процентов своих акций компании Eurhexpansion и, та-

ким образом, стал членом организованной Eur expansion европейской сети деловых и финансовых изданий.

Популярный среди наших бизнесменов еженедельник «Коммерсант» с начала октября 1991 года вдвое увеличил свой объем.

Основное внимание «Коммерсанта» по-прежнему сосредоточено на отечественной коммерции. «Этой теме посвящено 70 процентов материалов, — объясняет главный редактор «Коммерсанта» Владимир Яковлев. — Теперь, когда прошел горячечный период становления российского предпринимательства, наши деловые люди стали интересоваться не только информацией, необходимой им для работы, но и всем остальным, что люди обычно ищут в газетах». Теперь солидное место в «Коммерсанте» займут новости зарубежного бизнеса.

Знаменитые отец и сын Яковлевы — Егор и Владимир — после краха путча позволили себе расслабиться и опубликовали свой диалог на страницах «Московских новостей» (8.9.1991). Это был последний номер газеты, подписанный Егором Яковлевым перед уходом на пост главы Всесоюзной телерадиокомпании. Отец в 61 год — играющий тренер, не только руководит, но и пишет часто и всегда к месту, т.е. талантливо. Сын в 32 года — крайне редко дает возможность читающей публике узнать его мысли, он больше бизнесмен и издатель, чем журналист.

Владимир Яковлев переходил из журнала «Работница» в «Собеседник», а оттуда в «Огонек». Вот отрывки из беседы отца и сына:

«Егор Яковлев: И для меня ты как бы заново родился. На пустом месте, имея капитал, если я не ошибаюсь, в пределах полсотни рублей, создал кооператив «Факт», следом газету «Коммерсант», агентство «Постфактум». За пять лет сложил ту структуру, которой теперь руководишь. Сколько людей в ней занято?

Владимир Яковлев: Если судить по ведомостям зарплаты, за полторы тысячи человек.

Е.Я.: Каким капиталом располагает «Факт»?

В.Я.: На это трудно ответить. Думаю, что суммарный капитал всех отделений, включая рыночную стоимость имущества и акций, около 300 миллионов рублей. Не подумай, что я стопроцентный владелец всего этого. Мне просто принадлежит часть акций.

Е.Я.: Ты занялся кооперативом, и все отошло на второй план. Как это произошло?

В.Я.: Случайно. Мой приятель решил заработать деньги и занялся кооперативом, которому предстояло вязать кофточки или что-то в этом роде. Меня же он попросил помочь в регистрации кооператива. Тогда это было бесконечно сложным делом, и мы договорились: как корреспондент «Огонька» я буду проводить нечто вроде эксперимента. В редакции об этом понятия не имели. Я же вел тягужу с Мосгорисполкомом, проводил через канцелярии документы. И понял: мне это нравится. В этом было созидание, возможность делать практическое добро, то есть именно то, чего в последнее время мне не хватало в газете.

Кооператив мы зарегистрировали. Он начал работать. А я после регистрации естественным порядком оказался не у дел. Теперь уже не помню, как родилось желание попробовать что-нибудь свое. Помню другое: когда мы бывали в Мосгорис-

полкоме, там сидело множество людей, которые тоже мечтали о своих кооперативах. Они терпеливо ожидали очереди, чтобы задать те вопросы, на которые мы уже знали ответы. Наш кофточный кооператив был вторым или третьим в Москве. Так и родился «Факт», который отвечал на вопросы будущих кооператоров. Сегодня «Факт» к этим игрушкам не имеет отношения, но начинался с этого.

Е.Я.: Как ты перешел от кооператива «Факт» к газете «Коммерсант»?

В.Я.: Тоже случайно. Кооперативы росли как грибы. И началось движение за создание Союза кооператоров. Частично как ответ на социальное давление, а еще больше как борьба различных групп за влияние на кооператоров. Собрался съезд. И Артем Тарасов сообщил, что на нем присутствует академик Владимир Тихонов – это всех обрадовало: народный депутат СССР, уважаемый академик и вдруг почтил кооператоров своим присутствием. Тогда кооператоры испытывали огромный комплекс социальной неполноценности, это теперь они люди, свободные от комплексов. А когда зашла речь о председателе союза, тот же Тарасов предложил избрать Тихонова. И снова все обрадовались, тут же проголосовали. Мне, признаться, это надоело, и я вернулся в контору. Вскоре ко мне приехал Тарасов – за это время он успел стать вице-президентом и уже принялся решать первоочередные задачи Союза объединенных кооператоров. Главным, по его мнению, было начать выпускать газету. Сделать это решили поручить мне. Сперва я пожал плечами: пустая затея. Но все-таки написали бумагу, и я стал выяснять, каким образом можно зарегистрировать газету.

Оказалось, что летом 88-го года никто этого не знал. В Комитете по печати мне ответили, что не могут зарегистрировать без разрешения ЦК КПСС. А в ЦК сказали, что они газеты не регистрируют, обращайтесь в Комитет по печати. Так я и мотался с Пушкинской площади на Старую. Все-таки уговорил отдел ЦК, который курировал кооперацию. Наврал при этом в три короба, убеждая, что необходимо правильно воспитывать кооператоров. Честно говоря, им просто некуда было деться. Пока они все от себя отпихивали, я демонстративно делал газету, набирал людей, тратил деньги. Между делом мы выпустили два рекламных номера – этого от нас вообще не ожидали. Отправился с ними в Главлит. Тогда уже рекламу можно было выпускать без цензуры. Цензоры говорят: это газета, а не реклама. Я свое: нет, реклама. Они: нет газета. Я: это реклама, она просто очень похожа на газету, потому что это реклама газеты. Вздохнули и согласились. «Коммерсант» зарегистрировали в конце декабря 88-го, за три дня до выхода первого номера».

Дальше у отца с сыном пошли разговоры о Горбачеве, о формах собственности, об отношении к иностранцам, к загранице, к большим деньгам и т.д. Длиннущая беседа, в ходе которой отец не раз восхищался сыном, вспоминал свои родительские переживания. Сын же и словом не обмолвился, что на всех ступенях своего жизненного поприща он всю пользовался тем, что был сыном Егора Яковлева. Горбачеву на Западе крупные кредиты давали «за гласность», т.е. за «Московские новости». Эта газета до советских людей почти и не доходила, зато на Западе, выходя на иностранных языках, она была символом нашей перестройки. В те времена и волос бы не упал с кудрявой головы Владимира Яковлева. Пока папа был в фаворе, сын автоматически пребывал в разряде людей выше закона, неприкасаемых в том смысле, что им можно было практически все. Лет 20 назад, когда я жил в общежитии высотного здания МГУ на Ленинских горах, во главе тамошнего черного рынка (шмотки из Зап. Берлина, валюта) всегда были ино-

странные студенты — дети генсеков зарубежных компартий (отпрыски отечественных вельмож бизнесом тогда не занимались). К детям генсеков милиция и КГБ на пушечный выстрел не подходили.

Бизнесменами эпохи перестройки стали сотни молодых людей, которые в силу мощных родственных связей могли не опасаться того, что любой милиционер потащит их в кутузку. У нас в начале 1992 года (1) многие десятки тысяч эков кормили вшей за хозяйственные преступления, которые в либеральной стране не считаются нарушениями законов, (2) милиция без стука и без ордера (без санкции прокурора) входила в любую дверь, конфисковывала любую хозяйственную документацию у любого человека, (3) приватизация земли и госсобственности фактически не начиналась.

Редактор «Коммерсанта» с завидным оптимизмом молодости писал на страницах «Российских вестей» (№ 19, сентябрь 1991) — в рамках ответов на вопросы журналистского Клуба одиннадцати — о демократии, прессе и власти:

«1. Если говорить о том, что надо делать, то ничего особенного делать не надо — просто жить нормально. Нужно жить. Идет очень хороший процесс нормализации жизни, который начался, собственно, еще до путча, и время политических кампаний, с моей точки зрения, благополучно кончилось.

Реформы? Я не вижу таких трудностей, из-за каких нужны были бы какие-то реформы. Сейчас, как мне кажется, есть нормальный законодательный дух развития частного предпринимательства в стране, есть интерес западных инвесторов, который может быть упрочен только временем, когда они увидят, что ситуация у нас в достаточной мере стабилизировалась. Единственное, что сейчас нужно, это время и нормальная работа без истерик и попыток решить все за полчаса. Импульс экономики уже дан. Свобода уже дана.

Почему не видно перемен? А потому что было 70 лет дичайшего бардака по уничтожению экономики страны. Это реальность. Поэтому единственное решение здесь — время. Время и работа. Те же самые совхозы и колхозы — это, с одной стороны, пережиток, а с другой — принимать государственное решение о том, чтобы завтра их распустить, есть идиотизм: сложившиеся экономические формы нельзя ломать государственным решением, они сами должны перерасти во что-то другое. Государство может и должно создавать для этого условия, чем, в общем-то, оно сейчас в большей степени и занимается. Говорить о правительственных решениях, которые могут исправить экономику сейчас, тоже вещь смешная. Все, что можно было разрешить, оно уже 25 раз разрешило. Все. Осталось только дальше жить и работать.

2. Путь к «четвертой власти» лишь в самом начале лежал через политику, которая разрешает свободу слова. Дальше путь к «четвертой власти» лежит через коммерцию. Людей, которые могут делать газету или телепрограмму, в России довольно много, но тех, кто это может делать так, чтобы это приносило прибыль, чтобы газета существовала как здоровая экономическая структура и могла бы жить без дотации государства и т.д., таких людей, к сожалению, значительно меньше. Для того чтобы создать газету, нужно разрешение министра. Для того чтобы создать газету, которая проводит идеологию своего редактора или своего коллектива, для этого тоже очень много не нужно. А вот для того чтобы сделать газету прибыльной, коммерчески выгодной, нужно, чтобы эта газета соответствовала интересам тех, кто ее покупает. И эту ключевую проблему большинство газет пока не умеет решать. И когда научатся, тогда и будет «четвертая власть».

3. Что бы сказал властям? Не забывать о том, что люди уже не те».

Премьер-министр СССР В.Павлов тоже был журналистом

«Деловой мир», «Деловые люди»... — издания с такими привлекательными и необычными для советского населения названиями появились в наших киосках с лета-осени 1990 года. Вот что писала по поводу газеты «Деловой мир» московская «Неделя» (22.10.1990):

«За полгода удалось добиться многого. Вышли пять номеров газеты «Деловой мир», по качеству материалов и полиграфическому исполнению вполне соответствующей своему названию. С нового года газета будет выходить ежедневно на восьми страницах, по воскресеньям — на 16. Один номер выпущен на армянском языке и распространен в армянской диаспоре по всему миру. Стали выходить два еженедельных приложения — «Радикал» и «Рынок». Практически готово еще одно «Авторевию». А с нового года планируется выпускать (совместно с Госкомприродой) четвертое приложение — «Экологическую газету», а также детский экономический журнал «Начала».

Несмотря на младенческий возраст, консорциум — уже мощная экономическая структура. О его силе говорит такой факт. На Кондопожском бумажном комбинате концерн полностью модернизирует одну бумажную машину, после чего она будет производить бумагу для изданий консорциума. Стоимость оборудования и работ около 100 миллионов фунтов стерлингов, однако пустить машину планируется уже через два года.

Сейчас консорциум — компания со смешанным капиталом, превышающим 15 миллионов рублей. На приеме по случаю презентации журналисты упорно называли цифру на порядок большую. Так ли это, сказать трудно. Заметим сразу, что список членов-учредителей открывает Министерство финансов СССР. Затем идут Госснаб СССР, Госкомитет по науке и технике, Минсвязи СССР, центральное издательство «Воздушный транспорт», объединение «АвтоВАЗ», концерн «Газпром», ВНИИ внешнеэкономических связей, три коммерческих банка, общество «Знание», Союз дизайнеров СССР и даже Издательский отдел Московского патриархата. Кроме них, еще есть 7 ассоциированных членов, среди которых очень солидные, такие как АвтоВАЗтехобслуживание и АвтоВАЗбанк. Последним в списке членов идет ассоциированный член с особыми правами — «Максвелл комьюникейшн корпорейшн». Для непосвященных скажем, что это крупная транснациональная корпорация.

А пост председателя правления консорциума занимает Валентин Сергеевич Павлов — министр финансов СССР.

Как только Павлов стал премьер-министром, его фамилия перестала упоминаться в выходных данных газеты «Деловой мир». Но и министры тоже в цивилизованных странах газет не издают и своим бизнесом тоже не занимаются.

Всеобщим вниманием пользуется журнал «Деловые люди». Пресс-релиз так представил этот респектабельный журнал: независимый советский экономический еженедельник призван играть роль информационного моста между советскими руководителями новой формации и западным деловым миром. По качеству оформления, фотоиллюстрациям журнал ничем не уступает признанным международным изданиям.

Что удивительно и симптоматично. Журнал «Деловые люди» усиленно рекламировала (и от своего имени, а не просто платного объявления) газета «Правда» (22.5.1990), предоставив свои страницы замес-

тителю главного редактора этого международного издания. А ведь такой чести (не думайте, пожалуйста, что сомнительной) не удостоивался даже «Коммерсант». Вот что писалось в «Правде» под заголовком «Для инициативных и предприимчивых»:

«Деловые люди» – так называется новый международный журнал. Его выпуском занимается созданное для этого совместное советско-французское предприятие «Пресс-контакт», учредителями которого стали Московский акционерный инновационный банк, издательство «Прогресс» и французская фирма «Сокпресс».

Многообразие экономических изданий в нашей стране обманчиво. На самом деле сложившееся положение можно сравнить с тем, как если бы единственными пособиями по проблемам семьи были бы бюллетени брачных объявлений и журналы типа «Акушерство и гинекология». Пресса уделяет вполне заслуженное внимание механизму экономической реформы и во много раз меньше – людям, способным этот механизм сконструировать, построить, привести в действие. Между тем обществу необходимо активно поддерживать инициативных и предприимчивых людей, помогать им раскрыть свои способности с пользой для себя и для других. Каждому из нас важно, чтобы у деловых людей было полноценное чувство собственного достоинства. А то ведь пока еще в ходу рожденный в застойные времена жаргон, согласно которому слово «деловой» означает нечто среднее между жуликом и пройдохой. И это не случайно – административно-командная система привыкла осуждать, а то и карать любую инициативу вне заранее предписанных рамок. Самостоятельные и независимые люди для нее – как кость в горле.

«Деловые люди» – это журнал широкого профиля для предпринимателей, руководителей промышленных и сельских предприятий, госучреждений. В журнале будет максимальное разнообразие тем и сюжетов, поданных с экономической точки зрения, воспринятых взглядом делового человека. От проблем финансового обращения – до спорта и досуга. В каждом номере много иллюстраций и рекламы крупнейших фирм буквально со всего света.

«Деловые люди» будут выходить на русском и на английском языках. Журнал будет полностью готовиться редакцией в Москве и лишь печататься в Париже. Отечественная «деловая журналистика» в массе своей пока, к сожалению, отстает от западной. Разница здесь не меньше, чем между «Москвичом» и «Мерседесом. Мы привыкли писать длинно и неэнергично. Сложно найти, даже за повышенный гонорар, броские и выразительные фото».

Инициатором создания журнала «Деловые люди» был Робер Эрсан, президент фирмы «Сокпресс», известный во Франции и во всем мире владелец около 30 журналов и газет в различных странах. Весной 1990 года Эрсан открыл радиостанцию «Малопольска» в Кракове, он издает газеты в Польше, Чехословакии, Румынии. Издавая журнал «Деловые люди», Эрсан создал совместное предприятие, в котором ему как французской стороне принадлежит 55% акций, а советской стороне – остальные.

Большой замах сделали издатели журнала «Деловые люди». Но пока у них многое получается. Тираж расходуется в 40 странах. В Москву поступает по 100 тысяч экземпляров на русском языке. Излишне говорить, что публикация рекламы оплачивается только в свободно конвертируемой валюте.

Журнала «Москоу мэгэзин» и Бурда»

В ежемесячном появившемся в 1990 году журнале «Москоу мэгэзин» (ценой в 7 рублей, тираж — 60 тысяч экземпляров, две трети которых распространяется за границей) одна страница рекламы стоит около 6 тысяч долларов.

Учредителями «Москоу мэгэзин» стали Объединение голландских издательств, Московская организация Союза журналистов СССР и Межотраслевой коммерческий банк развития оптовой торговли.

«Ядром журнала, — сообщалось в пресс-релизе для московской прессы, — будет деловой раздел, содержащий статьи видных западных и советских экономистов, всеобъемлющую деловую информацию и новости, советы иностранным бизнесменам, интервью и очерки о тех из них, кто работает в СССР, а также самую свежую информацию о советском законодательстве в этой области.

Остальная часть журнала даст читателю глубокое представление об общественной, политической и культурной жизни в СССР. Главные темы — текущие события, общественные тенденции, эссе, обзоры книг, рассказы о том, что и где можно посмотреть в Москве, как пользоваться услугами сервиса, и другая важная для иностранцев информация о нашей столице: такси, театры, рестораны...».

100-страничный роскошно иллюстрированный журнал выходит на английском и русском языках. Главный редактор издания с советской стороны — Геннадий Мусаелян, до этого заведовавший международным отделом СЖ СССР, с другой — Дерк Сауэр, голландский журналист, удостоенный в 1989 году у себя дома звания «Редактор года». «Сочетание технических возможностей Запада и таланта советских журналистов» — так обозначил рецепт приготовления нового «блюда» Д.Сауэр.

Журналы, подобные «Москоу мэгэзин», издаются во всех больших городах мира. «Москоу мэгэзин», видно, не очень беден, если мог себе позволять рассылать бесплатно по Советскому Союзу более 4 тысяч экземпляров каждого номера — библиотекам, правительственным учреждениям, министерствам, ведомствам, банкам, совместным предприятиям. В самом престижном (после дворцов Кремля) московском доме приемов, в концертном зале «Совинцентра», Центра международной торговли, первый номер «Москоу мэгэзин» вручали гостям супруга премьер-министра Нидерландов Риа Любберс и заместитель председателя правления концерна «Филипс» Г.Йеллер. Но и с советской стороны были подключены к журналу влиятельнейшие силы. Не подумайте, что какие-нибудь деятели ЦК КПСС или их родственники. Нет, у нас и прежде были учреждения, благосклонности которых добивались не менее упорно. В совместное с голландцами предприятие вошли советские банкиры из ТОКОБАНКА, вышеназванного Межотраслевого коммерческого банка развития оптовой торговли, основанного в 1989 году при участии тогдашних столпов советской системы,

таких как всемогущий Госнаб СССР с его территориальными отделениями, Госстрах СССР, Управление делами ЦК ВЛКСМ, Минморфлот СССР, МГА СССР, Минмонтажспецстрой СССР, Агробанк СССР, Сбербанк СССР, коммерческие банки, множество крупных предприятий и кооперативов.

Еще более весомые, серьезные издатели оказались и у проекта «Мегаполис». Во всесоюзном объединении «Совинцентр» в июле 1990 года прошла презентация, официальное и торжественное знакомство зарубежных журналистов и деловых кругов с теми, кто запустил на орбиту новый журнал «Megapolis International». В числе его учредителей исполком Моссовета, международный НИИ проблем управления, ТАСС и АПН. Журнал ориентировался на советские и зарубежные деловые круги, заинтересованные в информации об экономических, социальных, коммуникационных и культурных проблемах Москвы и других городов-мегаполисов мира. Под знаком «Мегаполис» на русском языке в СССР стала выходить еженедельная, очень популярная газета «Мегаполис-экспресс» и юмористическая газета «Утюг».

3 июля 1991 года в пресс-центре МИД СССР состоялась презентация ежесеместника VIP (Very Important Person – Очень Важная Персона), учредителем которого стал коллектив международного журнала «Megapolis». Цена русской и английской версий 96-страничного журнала была 7 рублей и 6 долларов соответственно. 30-тысячный тираж готовила московская 1-я Образцовая типография. Тематика ежесеместника – материалы о лидерах из СССР и стран бывшего соцлагеря...

С мая 1989 года в советских киосках можно было купить газетный еженедельник «Менеджер» (с подзаголовком – «Независимая газета для деловых людей»), придерживающийся демократических убеждений. Издателем является акционерное общество «Развитие». Под таким же названием «Развитие» (с подзаголовком – «Стройкомплекс. Экономика. Общество») с июня 1991 года стала выходить газета, идейная наследница отошедших в мир иной по решению ЦК КПСС «Строительной газеты» и «Социалистической индустрии». Вместо этих партийных органов, в которых было занято более 400 журналистов, появились еще более хилые, но чуть более независимые, хотя и деловые во всех смыслах, издания – «Карьера», «Инженерная газета».

В июле 1991 года начали выходить московский журнал «Сов-Экон» и сибирский региональный журнал для бизнесменов «Директор». Цена последнего 4,5 рубля за номер, первого – от 50 до 65 рублей за номер (!!). «Сов-Экон» представляет собой по сути два журнала с отдельной подпиской на кварталные обзорные и ежесеместные тематические выпуски. За что московский журнал берет такие огромные деньги? За полезность свою – он будет предоставлять аналитическую деловую информацию прогностического характера из самых престижных московских го-

сударственных учреждений. В общем-то понятно: за очень полезную информацию не то что 50 рублей — и 50 тысяч отдать не жалко. Осталось еще наладить выпуск журнала, который будет работать по заявкам читателей, и свои экономико-технологические разработки печатать только в одном экземпляре — заказчику за очень круглую сумму. И бумагу для такого журнала можно не закупать тоннами, и типографии не надо.

На русском языке издательство «Машиностроение» совместно с немецкой информационной службой «Экономика Востока» начало с апреля 1991 года выпускать для СССР газету «Экономика Запада»; 16 полос дважды в месяц по 1 рублю за номер 50-тысячным тиражом. Основной доход немецкие соиздатели рассчитывают получать от размещения в этой газете рекламы западных фирм (2,5 тыс. марок за полосу). Свою долю рублевой прибыли от продажи «Экономики Запада» немецкий партнер намерен потратить на создание корреспондентской сети в СССР, которая будет поставлять информацию для западноевропейского издания «Экономика Востока».

За 100 долларов в месяц британская фирма «Information Moscow» через созданное ею международное информационное агентство «Data Press Service» передает с апреля 1991 года англоязычным подписчикам ежедневно около 150 сообщений о политико-экономических новостях, сводки по мировым биржам, спорту и погоде на всех континентах. А что остается делать деловым людям, которым пока так и не пришлось дожидаться вразумительной и достоверной информации ни от экономической службы ТАСС (с его тысячами корреспондентов), ни от публикаций БИКИ — выходящем три раза в неделю на русском языке пухлом Бюллетене иностранной коммерческой информации. И хотя тираж БИКИ явно недостаточен, и все 4500 экземпляров, что называется, рвут из рук, составители его следуют узким ведомственным интересам, непонятным для нашей промышленности, внешней торговли, для нашей структуры экспорта и импорта. Вот и приходится иностранцам выкручиваться самим и наших экспортеров лечить от информационного голода. До того доходит, что то же агентство DPS вынуждено готовить свои собственные кадры корреспондентов и держать их — за валюту — в разных точках бывшего СССР.

К середине 1991 года появилась надежда, что крупнейшее и столь необходимое нам независимое Агентство экономических новостей будет создано усилиями Московской центральной фондовой биржи и Российской товарно-сырьевой биржи. Акционерное общество АЭН будет функционировать по образцу английского агентства Рейтер, представители которого обещали оказать методологическую помощь. Российские биржевики — самые серьезные люди в нынешних экономических структурах Москвы — заявили, что предполагаемый уставный фонд агентства будет от 100 до 200 млн. рублей. Как известно, на-

ши биржи РСТБ и МЦФБ ни на журналистов, ни на информацию в целом денег не жалеют. Знают, что окупится сторицей. В апреле 1991 года РСТБ и связанная с ней одна канадская фирма потратили 150 тыс. рублей и 10 тыс. долларов на трехдневный семинар для 100 советских журналистов — ликбез на тему о работе бирж.

2 августа 1991 года «Известия» сообщили о регистрации нового агентства деловых новостей «ПАЛ Информ». До самого последнего времени монополия на внешнеэкономическую информацию принадлежала у нас МВЭС СССР и Торгово-промышленной палате. Под их эгидой выходила масса изданий — от «Внешней торговли» и «Советского экспорта» до таких «фирменных», как «Авиаэкспорт», «Стан-компорт ревью», «Элорт информирует», «Экспокурьер», «Меркурий», «Прямые связи» и др. А издатель вышеупомянутого БИКИ, ведомственный Всесоюзный научно-исследовательский конъюнктурный институт остается и поныне основным информационным центром по вопросам мировой рыночной конъюнктуры и деятельности зарубежных фирм. Но средства накопления и обработки информации во ВНИКИ на допотопном уровне — не хватает ЭВМ, средств связи и оргтехники. Поэтому институт в состоянии обработать лишь 20 процентов поступающей к нему оперативной информации по самым различным аспектам внешней торговли. А ведь коммерческие отделы ВНИКИ есть и в США, Франции, Индии, Японии, Великобритании, ФРГ. Голод на информацию обернулся колоссальными убытками для большинства из 21 тысячи зарегистрированных участников внешнеэкономической деятельности в СССР, пользующихся правом самостоятельного выхода на мировой рынок, но по-прежнему имеющих смутное представление о конъюнктуре мирового рынка. И сдающих свой товар иностранцам за бесценок или покупающих втридорога в чужих государствах.

31 июля 1990 года увидел свет первый номер газеты «Московские ведомости». На первой полосе (а всего их шестнадцать) помещалась декларация учредителей, среди которых акционерное общество «Объединение ЭЛЕКС», издательство «Книга», Московский союз кооперативов, совместное предприятие «Вся Москва» и другие. Из подзаголовка ясно, что «МВ» газета — «общественная, коммерческая, информационно-событийная, политически независимая». Главный редактор — бывший фельетонист «Московского комсомольца» Леонид Краснер. «Московские ведомости» — старейшая после «Санкт-Петербургских ведомостей» — издавалась с 1756 года по 1917-й.

В январе 1991 года в Москве появилось новое издание, газета на английском языке «Московский обозреватель» для иностранных туристов с подборкой городских новостей и множеством полезной информации делового и развлекательного характера. Аналогичного рода англоязычный журнал «Лэнинград ньюс» тиражом 250 тыс. экз. издает

«Аэрофлот», печатает в Стокгольме, а распространяет среди пассажиров международных авиалиний, идущих на Ленинград, а также в турбюро Европы и США.

На фоне такого изобилия новой и старой периодики кто мог утверждать, что в СССР нет бумаги? Во всяком случае у КПСС ее было достаточно и в десять раз дешевле, чем по коммерческим ценам. Журнал «Известия ЦК КПСС», еженедельник «Гласность»..., а вот и еще пополнение — газета «Правда» стала с декабря 1990 года издавать «еженедельную коммерческую газету» под названием «Успех». К 1 января 1990 года еженедельник стал выходить тиражом 200 тысяч экземпляров. В нашей необъятной империи при поддержке агентства «Союзпечать» Министерства связи СССР можно было распространять практически что угодно, и даже гораздо более значительным тиражом. «Успех» печатал фотографии обнаженных красавиц (правда, не в цвете и на газетной бумаге), рекомендации по игре в рулетку и в бридж, зарубежные репортажи корреспондентов газеты «Правда», гороскопы, зарубежные детективы и приключения, рекламу, скучноватые аналитические обзоры по экономике — в целом то, что по тем или иным причинам не пошло на страницах «Правды». «Успех», как и «Правда» образца 1991 года (еще года три назад эту газету можно было причислить к разряду серьезных, так как каждая строчка в ней отражала устоявшееся мнение правящих верхов), рассчитан был на самые малообразованные, самые неприятельные круги населения; отсюда и соответствующий «новый стиль» партийной журналистики — поменьше теории, больше занимательности и иллюстраций, краткие заметки вместо прежних больших статей, навешивание лозунгов и ярлыков без всякой политической аргументации.

К изданиям деловой прессы можно отнести и новые массовые журналы, издающиеся при самом активном участии зарубежных партнеров. Патриархом среди них является западногерманский, журнал «Бурда моден», который на русском языке печатают в ФРГ. На октябрь 1990 года западногерманский партнер печатал русскую «Бурду» в кредит, долг советской стороны составил 9 млн. немецких марок и сам проект под названием «Русская Бурда» был на грани краха. Совместное предприятие «Бурда моден» настойчиво стучалось в двери самых высоких советских учреждений, моля о помощи. А ведь как хорошо все начиналось: презентация первого номера русскоязычной «Бурды» 3 марта 1987 года не где-нибудь, а в Колонном зале Дома Союзов, активная поддержка журналу со стороны Эдуарда Шеварднадзе и Раисы Горбачевой, организация представительств журнала в Риге, Ленинграде, Ростове-на-Дону, Владивостоке, Нижнем Тагиле, открытие на ВДНХ СССР консультационного центра «Бурды», появление своего небольшого экспериментального пошивочного цеха и даже всесоюз-

ного телевизионного журнала «Бурда моден» предлагает», выделение Моссоветом участка под типографию и начало строительных работ, переезд в роскошный офис в нескольких сотнях метрах от Красной площади, на одной из самых престижных улиц столицы, презентация еще одного нового русскоязычного журнала из богатого набора изданий госпожи Энне Бурды.

Журналистка Светлана Булашова рассказывала о зловключениях и успехах «Бурды» в газете «Менеджер» (№ 9, июль 1990) под заголовком «Хочу «Бурду»:

«Зал благоухал ароматом живых цветов. Чудный цветочный ковер из гвоздик, маков и роз спускался с потолка на сцену... Тонкие и грациозные манекенщицы не скрывали, что происходящее действо им доставляет удовольствие – в новом богатом офисе совместного предприятия «Бурда моден» шла демонстрация летних моделей одежды.

И хотя все это происходило не в Оффенбурге, а у нас в Москве: и манекенщицы были наши, и наряды были пошиты у нас – все выглядело «на уровне» и даже лучше. СП «Бурда моден» четко выдерживало стиль альма-матер.

Совместное предприятие уже три года регулярно снабжает советских читательниц русскоязычной «Бурдой» (сначала было 300 тыс. экз. в квартал, теперь 1,5 млн. ежемесячно). Что ни говори, а это уже кое-какой опыт работы в условиях нашего разваливающегося рынка и затягивающегося экономического кризиса. Но что еще более странно. СП и сегодня демонстрирует пример того, как в неподходящих условиях можно преуспевать.

Возникает вопрос, а как западные учредители: издательница Энне Бурда, ее сын Хуберт, директор Торгового дома Феррастааль А.Г господин Маде – отнеслись к русскому «расточительству»?

– Нормально отнеслись, – ответил В.Мелентьев, – все траты мы позволили себе за счет собственных прибылей СП. Из уставного капитала не потрачено ни марки.

И вдобавок посетовал, дескать, там к благополучию относятся хорошо, а вот в собственной стране завистников немало. Пора бы уже привыкать, что жить лучше будет тот, кто в условиях рынка научится лучше работать.

Конечно, сегодня можно спорить, говорить о том, что, получив возможность внешнеторгового посредничества, СП «Бурда моден» оказалось в более благоприятных условиях, чем другие советские предприятия. Не исключаю, что и сама Энне Бурда доходами распорядилась бы иначе. Но, да простит мне читатель, выскажу свою точку зрения потребителя. Мне все равно, будет ли у СП один или три офиса. Еще более безразлично, на каких автомобилях разъезжают его начальники, а вот если 1,5 миллиона советских женщин (на самом деле у «Бурды» гораздо больше русскоязычных читательниц) лишатся в один прекрасный день полюбившегося журнала, будет обидно – и за себя и за них. Вместе с тем успехи СП вселяют надежду, что и у нас в продаже появятся «Анна», «Карина», «Бунте», еще десяток замечательных журналов Энне Бурды... Наверняка, в том же заинтересованы и сотрудники совместного предприятия. И тут интересы посредника и потребителя совпадают».

Русскоязычная «Бурда» кризис свой преодолела, уменьшила тираж до миллиона экземпляров в месяц, печатая его по-прежнему в ФРГ, и – открыла помимо Москвы и в Ташкенте, Орле, Нижнем Тагиле, Владивостоке консультационные центры, в которых конечно, за немалые рубли посетительницы могут купить не только номера журналов мод «Бурда» и «Верена», но и комплекты импортных материалов вместе с

пуговицами, молниями и т.д. Тут же и читальный зал с ксероксами, консультанты по пошиву, по прическам и косметике.

В октябре 1990 года 10-тысячным тиражом разошелся по Москве пробный одноразовый специальный выпуск на 300 страницах на русском языке старейшего американского журнала «Ледис Хоум Джорнел». В США этот журнал выходит ежемесячным тиражом 5 млн. экземпляров, а чтобы предстать перед русским читателем, главному редактору «Ледис...» Мерне Блит понадобилось активнейшее содействие и члена правления Агентства печати «Новости» (АПН-ИАН) Натальи Яковлевой и члена Политбюро ЦК КПСС, народного депутата СССР Галины Семеновой. Женщин такого обаяния, культуры и образования в Политбюро за последние полвека не было. До июля 1990 года Г.Семенова в течение 10 лет была главным редактором женского журнала «Крестьянка» (21 млн. экз. ежемесячно). У нас исконно существовало всего два массовых женских журнала. Второй – не менее популярная «Работница». Сколько себя помню, в газетных киосках этих журналов не встречал – тираж в основном расходуется по подписке, а подписку рвут из рук.

Издатели сферы культуры и милосердия

Вероятно, вторым по значению после «Бурды» западным проектом на журнальном рынке СССР была деятельность Роберта Максвелла. О его крайне удачной филантропической акции тепло писал орган ЦК КПСС газета «Советская культура» (8.9.1990):

«Пожалуй, ни одно издание не вызывало столь бурного интереса к своему рождению, как «Наше наследие». На его презентации три года назад в пресс-центре МИД СССР – журналистов собралось больше, чем по случаю какого-то важнейшего политического события. Сегодня можно сказать, что тогдашние надежды вполне оправдались. Журнал завоевал прочную репутацию, и не только непривычным для нас высоким уровнем полиграфического исполнения, но и глубиной своих публикаций.

Роберт Максвелл, английский издатель «Нашего наследия», считает его лучшим иллюстрированным литературно-художественным журналом не только в своей огромной издательской империи, но и вообще среди подобного рода журналов.

Свобода печати и рынок сулят немало проблем журнально-газетному миру. Во всяком случае обострится борьба за сердца подписчиков. Поэтому наш первый вопрос к главному редактору журнала «Наше наследие» Владимиру Енишерлову не о содержимом «редакционного портфеля», а о том, как он видит место журнала в новой ситуации.

– Для нас ничего не меняется: у журнала свои высокие цели, определяемые понятием «культура», и мы будем продолжать им следовать. Журнал будет сохранять высокое качество литературных публикаций и изобразительного материала. Для нас слово «форма» не пустой звук, не второстепенное понятие. Западногерманская газета «Франкфуртер Альгемайне цайтунг» писала: «Прекрасно издаваемый, ухоженный журнал дает возможность сказать: «Все может быть по-другому!» При этом «Наше наследие» также основательно отличается и от всех западных «журналов-люкс», так как имеет более утонченную культуру».

– Как вы относитесь к возможному появлению конкурирующих изданий?

– У нас так плохи дела с культурой, что эта опасность представляется весьма отдаленной. Д.С.Лихачев, вдохновитель нашего журнала, правильно сказал еще на первом Съезде народных депутатов, что все наши беды – в отсутствии культуры. Эту мысль можно развить, но оспорить невозможно. И чем больше будет высоко-классных газет и журналов, поднимающих проблемы культуры, чем больше будет издаваться книг, создаваться музеев, театров и т.д., тем скорее наша страна выйдет из чудовищного кризиса, в который ее загнали. Я буду рад таким «конкурентам». Мы, то есть Фонд культуры, будем им всячески помогать. Но, увы, я что-то не вижу много желающих издавать новые «культурные» журналы. Все бросились в политику и коммерцию. В большинстве новых изданий я вижу только стремление завоевать рынок любой ценой – от повествований о тайнах КГБ до рассказов о ночной жизни Москвы. Я не вижу лишь того, что Александр Блок называл когда-то «длинной идеей», то есть для чего эти издания возникают, если не считать идеей погоню за деньгами. Культура не может быть на хозрасчете. На ней не зарабатываешь. Культуре надо помогать. Сейчас наш журнал приносит неплохой доход, но я не исключаю возможности, что мы станем убыточными когда-нибудь. И это будет нормально.

– За вами есть одно неоспоримое преимущество – ваш журнал был одним из первенцев совместного предпринимательства в области издательской деятельности.

– У кого-то всегда есть относительное преимущество. И я считаю чрезвычайно удачным, что оно досталось журналу, посвященному культуре, а не бизнесу. Такие сегодня, кстати, появляются один за другим. Но их будущее мне представляется весьма проблематичным в нашей стране. А мы, как говорил тот же Блок, существуем «под соусом вечности».

– Судя по всему, вы уверены в своем читателе?

– Знаю, что потенциальных читателей у нас гораздо больше тех двухсот тысяч, которые мы можем себе позволить иметь по договору с Робертом Максвеллом: он, как вы знаете, издает журнал на благотворительной основе. Кстати, именно Р.Максвелл, дав огромные деньги на наш журнал, показал, как надо относиться к культуре даже другой страны. А наши миллионеры и миллиардеры – крупные предприятия – и не думают становиться меценатами.

– Насколько известно, вы избежали искушения поднять цену на «Наше наследие» в будущем году.

– Тому есть целый ряд причин. Хотя спрос на «Наше наследие» пока устойчиво превышает предложение (об этом можно судить хотя бы по тому, что «с рук» номер идет по десять-пятнадцать рублей), мы отдаем себе отчет в отнюдь не бешеных доходах наших читателей: это в основном работники культуры. Во-вторых, чтобы наш журнал был полностью рентабелен, то есть если отказаться от меценатства Максвелла и прочих льгот, он должен стоить рублей двадцать пять или даже больше. Это вполне соответствует мировым ценам на подобные издания. В Англии, например, подписка на «Наше наследие» стоит 52 фунта, то есть 80 долларов. В-третьих, мы нашли альтернативный способ распространения журнала через «Союзкнигу» и отказываемся от услуг отвратительно работающего Министерства связи. Редакция завалена жалобами на то, что журнал не доставляется подписчикам, пропадает, опаздывает по вине доставки. И это не способно ни на что министерство подняло цену за доставку чуть ли не в три раза».

Трудно переоценить то, что сделали для советских людей Энне Бурда, Тэд Тернер (о нем речь впереди, в главе о телевидении), Роберт Максвелл. Эти люди ввели нас за руку в цивилизованный мир. Так к концу XX столетия у нас начинает появляться, зарождаться нормальная пресса – политическая, деловая, городская, женская, развлекательная, специализированная (по интересам). И мы с каждым месяцем

все больше убеждаемся, что без помощи западных специалистов и их капиталов нам в этом деле не обойтись. Правда, помогать нам могут пока лишь очень богатые личности, способные долго воевать с нашей рутинной и бюрократией, рисковать своими деньгами, терпеть убытки и очень долго терпеливо ждать успеха. Конечного признания добиваются у нас те западники, которые за годы тесных с нами деловых контактов становятся нашими друзьями, в совершенстве разбираются в нашей политико-административной системе, обзаводятся надежными партнерами, покровителями и единомышленниками.

Газеты «Правда» и «МК», «Известия» и «НГ» дружно откликнулись на выход в июле 1991 года в СССР в издательстве «Прогресс» и в 1-й Образцовой московской типографии первого номера на русском языке американского журнала «Ридерс дайджест». За 70 лет этот журнал стал символом США (наряду с «Кока-Колой», «Макдональдом», «Марлборо» или фильмом «Даллас»), он выходит в 15 странах и его читают 100 млн. человек. У нас теперь этот «дайджест» выходит ежемесячно в том же карманном формате, с тем же текстом, даже с теми же рекламными вставками, что и в оригинале. В журнале мало политики, нет идеологии. Как правильно заметила «НГ», «Ридерс дайджест» «делается для пусть бедного, но в любом случае свободного человека, т.е. для человека «частного», неангажированного, стабильного, нормального... А сколько у нас таких? Вот, кстати, заодно и выясним». Многие подпишутся — журнал недорогой, реклама его была бешеная, даже воздушный шар с надписью «Ридерс дайджест» над Москвой висел.

Бывший советский гражданин историк Александр Глезер, ныне живущий между Нью-Йорком и Парижем, сумел начать выпуск в июле 1990 года в типографии «Известий» в Москве своего независимого международного еженедельника «Русский курьер». Помимо 200-тысячного еженедельного тиража на русском языке газета Глезера выходит и на Западе — раз в месяц на английском языке в виде дайджеста собственных материалов. Кроме того, есть ежемесячное приложение по литературе и искусству. На Западе русскоязычный еженедельник предназначен в основном для славистов, политологов и эмигрантов.

В состав редколлегии «Русского курьера» вошли писатель Василий Аксенов и скульптор Эрнст Неизвестный (оба США), писатель Георгий Владимов (Германия), Виталий Коротич, Егор Яковлев, Владислав Старков. Как сообщил Александр Глезер, газета, несмотря на довольно солидный перечень учредителей, печатается преимущественно на его собственные средства.

В 1990 году на советском рынке впервые появилась группа журналов, значение которых трудно переоценить для нашего общества, изуродованного социальными невзгодами и поистине драматическим положением пенсионеров, инвалидов и прочих малоимущих. Вот где нужны

нам спонсоры, меценаты, филантропы, просто приличные кредиторы и менеджеры. В числе новых журналов — ежемесячник «Социальная защита» Госкомтруда СССР. Это единственное, пожалуй, советское периодическое издание, которое обещало не поднимать свою цену в 1991 году. Результат — его просто не желала распространять «Союзпечать».

Журнал обещает быть связующим, контактнм звеном между теми, кому нужна помощь, и теми, кто может ее оказать, — ведь в каждом номере публикуется множество коротких рассказов о конкретных трудных судьбах с призывом прийти на помощь этим людям. В редакции создается банк данных для тех, кто желает покончить с одиночеством. Брачная афиша? Да, а также активная организация помощи обездоленным — женщинам и больным, беженцам и престарелым, многодетным семьям и безработным, сиротам и вдовам. Одновременно это издание будет и постоянным справочным бюро по вопросам трудоустройства, миграции, различным выплатам и компенсациям, пенсионному закону и другим нормативным документам. Под рубрикой «Помоги себе сам» читатели найдут советы психологов, геронтологов, ювенологов, сексологов, специалистов по нетрадиционным методам народной медицины, экстрасенсов и астрологов.

В Госкомпечать СССР поступила заявка на регистрацию журнала «Преодоление» для инвалидов. Газета «Вечерняя Москва» (2.10.1990) дала слово автору заявки — московскому журналисту Владимиру Калининцеву:

«Наше общество многие десятилетия старалось не замечать, что рядом со здоровыми людьми, которые, кстати, тоже чувствуют в нашей системе свою неполноценность, живут такие, которым еще труднее реализовать себя в жизни. Кроме своей незащищенности в государстве они разобщены, утратили возможность общаться друг с другом. В этом драматичность их жизни. Журнал может в какой-то степени защитить и сплотить их, рассказать об их заботах, помочь преодолеть беду, возродиться к активной жизни. Хочется, чтобы журнал стал другом, советчиком и даже трибуной для этих людей. В нашей стране 30 миллионов инвалидов, но они не имеют своего печатного органа. Издававшийся более ста лет в царской России «Русский инвалид» закончил свое существование в... 1917 году.

«Преодоление» рассчитан на широкую аудиторию. Планируем выпускать его для начала раз в два месяца тиражом не менее 300 тысяч. Наш учредитель — центр «Эрудия — Содействие — Просвещение» (ЭСП) Всесоюзного гуманитарного фонда им. А.С.Пушкина».

Московское издательско-полиграфическое объединение «Молодая гвардия» рассылает подписчикам «Советский школьник» — единственный в мире журнал для слепых и слабовидящих детей. Печатается шрифтом Брайля. Повести, рассказы, сказки и стихи, 48 пластинок с записями выступлений звезд советской и зарубежной эстрады, старинные романсы и репортажи с места событий, а также 12 рельефных рисунков на полимерной пленке — все это входит в подписной комплект журнала «Советский школьник».

В сентябре 1990 г. начали выходить шестнадцатиполосная всесоюзная еженедельная газета «Милосердие» и толстый литературно-художественный журнал «Согласие». Традиционный русский символ милосердия — цветок ромашки — стал официальной эмблемой новых изданий.

Еженедельник «Милосердие» — первая продукция редакционно-издательского комплекса, носящего такое же название и созданного по постановлению Совета Министров СССР. Представителен общественный совет комплекса — в него вошли патриарх Московский и Всея Руси Алексей, известные писатели, общественные деятели, журналисты. Их цели ясны и благородны: содействовать снижению социальной напряженности в обществе, защите наиболее ранимых категорий населения страны. Самая первая акция нового издательского центра — восьмикопеечная благотворительная надбавка к вполне умеренной цене газеты — 25 копеек — помогла собрать 1 млн. рублей для строительства дома для одиноких престарелых людей в Талдомском районе Московской области.

Есть и еще одна категория населения, которая наконец получила несколько деполитизированных периодических изданий — впервые наши 14-18-летние подростки могут читать отпечатанный в Финляндии ежемесячный литературно-художественный журнал «Мы». На первые номера этого нового издания Советского детского фонда в 1990 году подписалось 2 млн. человек. И другим 2 млн. более маленьких читателей повезло — они получили свой журнал «Трамвай», тоже на хорошей глянцева бумаге и тоже отпечатанный в Финляндии. 4 раза в год по 200 тыс. экземпляров начал распространяться в СССР с августа 1990 года русский «Микки Маус», журнал комиксов советско-датского предприятия «Эгмонт-ФиС» (тираж печатается в Дании). Конечно, все это траты валюты, которая никогда не окупится продажной ценой в рублях названных трех журналов. Но можно ведь и рекламу печатать.

Неужели мы перестаем экономить на детях, да и вообще на людях? Вот еще одно наше достижение 1990 года. Австралийская фирма стала печатать нам по 200 тыс. ежемесячных журналов советского издательства «Книга», Гостелерадио СССР и Госкомпечати СССР — «Он» и «Она» на русском языке. «Мы объявляем бой психологии нищеты» — эти слова главного редактора журналов Александра Полякова были долгожданны для советских людей.

Перестройка обнажила и обострила для советских людей проблемы политики, духа, морали, уровня и образа жизни. В том же эпохальном для советской прессы 1990 году 15-тысячным (мизерным пока) тиражом стал издаваться на английском, немецком и русском языках первый в СССР журнал охраны окружающей среды — «Экос». Его издатель Информационное агентство «Новости» печатал весь тираж в

Финляндии и привозил его в Москву. Учитывая реальную опасность того, что с экологией в СССР становилось все хуже и что наша страна к тому же в поисках твердой валюты охотно берет на себя роль мировой свалки особо вредных отходов — журнал «Экос» имеет у нас все шансы завоевать широкую публику. Всем ведь интересно узнать о причинах экологического геноцида на полуострове Ямал, о допингах в спорте, о том губительном воздействии, которое оказывает на озоновый слой Земли американский «Шаттл» по сравнению с аналогичными советскими космическими системами. Редакция журнала объявила о своем намерении стать органом независимой общественной экспертизы, получила предложения о сотрудничестве с «Гринпис интернэшнл» и другими международными движениями, научными центрами. «Экос» хочет быть рупором «зеленых». В поисках спонсоров для увеличения тиража редакция сразу объявила, что не примет грязные деньги таких советских ведомств, как Минхимпром или Минводхоз...

В апреле 1991 года в Москве объявили о выходе 150-тысячным тиражом первого в СССР иллюстрированного журнала для мужчин «Андрей». Главному редактору Алексею Вейцлеру было всего 27 лет — бывший журналист, профессиональный актер и хороший фотограф. Американский журнал «Тайм» пространной заметкой откликнулся на это небывалое для Москвы событие и назвал «Андрея» русским братом известного во всем мире мужского журнала из США «Плейбой». Что удивительно — достаточно высокое для отечественной печати качество достигнуто при печатании «Андрея» в Твери. Успех этого вида русской желтой прессы с ее порнографией (Вейцлер настаивает на термине «эротика»), политической и скандальной хроникой, сплетнями и катастрофами вдохновил редакцию на издание «Андрея» для русского зарубежья. Один из проектов русской «клубничной» периодики — распространение «Андрея» в США и в Израиле тиражом не менее 100 тыс. экз. по цене 3-4 доллара.

Люди, которые хорошо знают нас и западные реалии, по поводу будущего нашей прессы говорят однозначно — нашим толстым журналам придется похудеть и даже исчезнуть, газетам уменьшиться в ассортименте и здорово пополнеть. Ну и должны появиться, как грибы после дождя, иллюстрированные массовые еженедельники — политические и специализированные, по интересам. Вот как видит этот процесс «НГ» (12.3.1991), перепечатавшая из «Нового русского слова» (18.1.1991) в сокращении следующую статью нашего соотечественника Михаила Энштейна:

«Иностранца в советской стране всегда поражал изможденный, чахоточный вид газет (как правило, 4-6 страниц) и тучный, почти апоплексический вид журналов (таких, как «Новый мир», — страниц под триста).

На Западе, наоборот, обычная ежедневная газета состоит из пятидесяти разнообразящихся тетрадей («Политика», «Бизнес», «Спорт», «Городские новости», «Стиль

жизни», «Наука» и т.д.) – в общей сложности страниц сто, не меньше. Что касается воскресных газет, то на этот пуд вздымающейся бумаги и взглянуть страшно – такая сокрыта в нем бездна информации, непосильной уму. На этом фоне западные журналы выглядят суховато-подтянутыми: ну восемьдесят, ну сто двадцать, ну, если очень уж специальный, сто восемьдесят страниц.

И это не просто разные объемы – это разные срезы общественного сознания. В СССР история текла утончающейся струйкой, и вполне хватало плоской двухлистной газетки, чтобы наполнить ее поток дозволенных новостей. День ото дня отличался не больше, чем на толщину наших ежедневных газет.

Что касается ежемесячных журналов – о, это совсем другое дело! Журналы подвергали нашу действительность литературно-художественному и общественно-политическому осмыслению. На тонкой подкладке фактов нарастала толстенная шуба мифов.

Журналы изменяются в лице, но преобразуется и их профиль. Раньше было так, что художественные журналы, вроде «Знамени» и «Москвы», считались массовыми. Теоретические журналы, вроде «Вопросов философии», считались специальными и издавались малым тиражом. Вполне по заслугам, потому что в одних процветала беллетристика, в других – схоластика. Искусство для немногих и философия для всех – это было страшнее всего. И никак нельзя было допустить, чтобы философия и психология заговорили на живом, общедоступном языке...

Можно предположить, что теперь художественные журналы начнут специализироваться, искать своего читателя и подпольным тиражом в сто-тысячу экземпляров приобщать его к изощренным словесным и живописным экспериментам. И можно предположить, что возникнут журналы по философии, этике, психологии, социологии, религии, эзотерике, которые будут обращены к десяткам и сотням тысяч, если не миллионам, и будут привлекать теоретическое мышление к насущной жизни и к богатству повседневного языка. Иными словами, возникнут журналы для художественной элиты и мыслящего народа».

ГЛАВА VII

КНИГОИЗДАНИЕ

«Не сжигайте Горбачева»

Достаточно было обойти летом 1991 года с десяток советских книжных магазинов, чтобы понять суть проблемы. Книг по-прежнему не было, если не считать произведений Ленина и Горбачева, прочих таких же скучных изданий, в просторечии именуемых макулатурой, так как покупать их или даже даром брать в библиотеках никто не хотел. А ведь издавать их, особенно в переводе на другие языки, было накладно.

Всю эту прелесть печатали, продавали, хранили и... уничтожали. «Литгазета» (30.1.1991) сообщила, что книготорговое объединение «Москнига» оповестило издательство ЦК КПСС «Политиздат» об уничтожении полсотни изданных им вполне новых книг. Среди них брошюра Горбачева «Активно действовать, не теряя время», его же «Быстрее перестраиваться, действовать по-новому» и его же еще 15 сочинений. А также книги Рыжкова, Слюнькова, Маслюкова, В.Медведева, Разумовского... «Москнига» оповещала издательство с намеком на то, что книги Большого Начальства впредь стоит выпускать куда более скромными тиражами. Знамение перестройки и гласности – в не очень давние времена такие «генеральные чистки» официальной литературы проводились куда реже и уж, во всяком случае, без оповещения в прессе. Умные люди из журнала «Столица» (№ 5, 1991), взывая к экологической совести отечественного чиновничества, требовали не сжигать книги Ленина и его последователей, как того требует инструкция, а отправлять их в макулатуру, на переработку. Да и что понесут букинистам наши дети? Сегодня сочинения Сталина, Хрущева, Троцкого и Суслова стали раритетами и стоят бешеные деньги. «Не сжигайте Горбачева», гласил заголовок в «Столице».

КПСС всегда навязывала народам СССР да и всего мира лживую пропагандистскую литературу, которую кроили прозаики и рифмоплеты, публицисты и представители гуманитарных дисциплин. Лучшие советские книги, а их всегда было ничтожное количество в море серости, в свободную продажу практически не поступали, а шли на валюту и на стол «хозяевам». Большая же часть нормальной литературы – художественной, учебной, познавательной, справочной, иностранной – у нас практически никогда не издавалась. Соотношение здесь

было такое же, как между колбасно-сырным ассортиментом в любом западном универсаме и у нас, пусть даже не в гастрономе, а в спецмагазине для элиты. У них десятки наименований, у нас единицы.

В наших книжных лавках не то что Пастернака и Сахарова, самых обычных книг никогда не было.

В магазинах Тбилиси, к примеру, хронически не бывало поэмы классика грузинской литературы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», не было букваря, самоучителя и прочих учебников грузинского языка, словарей, книг для самых маленьких и т.д. Не было и подавляющего большинства книг, которые выходят в свет в 300 советских издательствах (в Италии их — 1600, в Японии — 4500, в США — 7000).

Почему не было тех книг, которые хотелось бы купить? Часть их шла на черный рынок, наименее ходовые попадали в 300 тысяч школьных и других местных библиотек, часть оседала случайным грузом в сельских магазинах или в городках далекой провинции.

В результате, большинство населения СССР-СНГ не в состоянии приобрести без хлопот практически ни один учебник, ни одно учебное пособие, книгу классика или современного популярного писателя. Чтобы не закрывать школы, государство десятилетиями держит производство учебников под особым контролем и распределяет учебники через школы.

Тиражи книг в СССР десятилетиями определялись не читательским спросом, а указаниями партийных органов. Постановили напечатать какого-нибудь «правовверного» писателя, которого никто и читать-то не хочет, тиражом в сотню-другую тысяч экземпляров. И напечатали. И лежит эта книга месяцами на складах, в магазинах, в публичных библиотеках. И потом идет под нож, списывается. Но авторские гонорары в СССР выплачивались сразу по выходу книги из типографии, а не после реализации. Если автор умирал, то родственникам его ничего не доставалось. Если автор издавался за границей, то Всесоюзное агентство по охране авторских прав (монопольный посредник в отношениях автора с заграницей) выплачивало писателю не более 20% от поступившей из-за границы суммы, да и то в рублях.

Или вот еще одна печальная констатация — в магазинах практически не было книг, изданных за границей, не было магазинов иностранной книги, за исключением двух-трех рекламного характера прилавков в Москве и десятке других крупных городов. Некоторые издаваемые за рубежом книги поступали в СССР в одном-двух экземплярах и оседали в двух-трех крупнейших национальных библиотеках.

До 1989 года только чтение эмигрантской, на русском языке литературы или газет могло кончиться крупными неприятностями. Получить их почитать официально было практически невозможно. Газеты на русском языке типа парижской «Русской мысли» или американского «Нового русского слова» поступали в сейфы не более чем двух-

трех московских учреждений. Некоторые книжные новинки с Запада из разряда особо шумевших политических бестселлеров переводились оперативно на русский язык и издавались типографским способом, но для распространения по заранее утвержденному списку среди не более чем шести сотен самых высоких номенклатурных чинов в стране. И такая практика продолжалась до начала 1991 года. В год издавалось таким способом десятка два-три хороших западных политических книг. Многотомная «История СССР», к примеру, итальянца Джузеппе Боффа. Изучая ее, какой-нибудь партийный бонза мог быть уверен, что читает правдивое исследование, а не мифические утверждения из официального советского учебника. К тому же, если Дж. Боффа кое-где ошибался в фактических данных, то редактор советского перевода в сносках его заботливо поправлял: ошибаетесь, мол, maestro, в таком-то году было расстреляно НКВД не 15 маршалов и генералов СССР, а 14.

В системе Академии наук СССР даже создали лет 20 назад уникальное само по себе учреждение – Институт научной информации по общественным наукам – с целью подготовки для руководящих советских учреждений обзоров и рефератов с ограничительным грифом «Для служебного пользования». Построили шикарное здание из стекла и бетона, организовали неплохую библиотеку иностранных книг, выпускали по несколько сот аннотаций и рефератов книг зарубежных авторов. Оказалось, напрасный труд. Делать правдивый обзор книги не разрешали, да и квалификацию для этого надо иметь – по меньшей мере такую же, как и у автора рецензируемой книги.

Западным людям очень трудно понять, что на восьмом десятке советской власти в этой стране сумели извести вчистую, уничтожить кадры да и сами общественные науки. Реликтами на общем фоне невежества и дезинформации смотрятся те ученые, которых по праву можно считать специалистами в сферах экономики и юриспруденции, истории и философии, филологии и социологии. Исключение составляют некоторые наиболее известные и популярные в народе деятели литературы, театра и кино. Эти научились применению эзоповского языка в меру своих творческих потенций и личной совести. Общественные же науки были успешно провалены, и никакая перестройка здесь не помогла. Нужно время, новые поколения нормально обученных выпускников вузов да и самих вузовских и школьных преподавателей. Вот та область, в которой поддержка Запада нам необходима в первую очередь. Обучите наших детей! Помогите нам в сфере образования и книгоиздания! Да и в библиотечном деле тоже.

99 процентов населения бывшего СССР не находит нужных книг ни в книжном магазине, ни в библиотеке. Ведь и года не проходило,

чтобы в библиотеку (городскую, сельскую, школьную, институтскую, республиканскую, всесоюзную и т.д.) не приходил цензор и не говорил ее директору, какие книги надо изъять с полок и уничтожить. В лучшем случае эти труды передавали в так называемые спецхраны, закрытые для большинства специальные книжные фонды. Вот и получалось по одному экземпляру Троцкого или Бакунина, Ницше или Джиласа на каждую союзную республику. 70 лет в спецхранах находилась почти вся зарубежная современная политическая и художественная литература, то есть то немногое, что все же попадало в СССР по каналам международного библиотечного обмена. В советских библиотеках не было современной зарубежной литературы по религии, религиозно-мистической философии, советологии, бизнесу, маркетингу, сексологии и т.д. Спецхраны всегда держали в тайне не только свои книги, но и каталоги с их названиями.

Никому в СССР никогда не удавалось быть в курсе книжных новинок за рубежом. Для некоторых категорий заинтересованных лиц в верхах иногда готовилась выборочная отрывочная информация. Если быть откровенным, то люди в наших верхах редко что читали и уж зарубежными книжными новинками и вовсе не интересовались. А студент, аспирант, молодой научный работник? Что доставалось и достается сейчас на их долю? Эти категории интеллигенции в лучшем случае могут попасть в научные библиотеки, где подбор даже отечественных книг хуже, чем в таких же библиотеках России начала века. Тогда-то ведь чистки книг не производились, да и о спецхранах ничего не знали. А систем компьютерного хранения и поиска информации не было в библиотеках Москвы и Ленинграда ни раньше, ни сейчас. Библиотеки эти не только застыли в своем развитии, но и деградировали.

В главной библиотеке страны — Государственной библиотеке СССР имени Ленина — спецхран существовал и в 1991 году, а третья часть книг, имеющихся в наличии, не была отражена в читательском каталоге. Об их существовании читатели могли лишь догадываться. Ленинская библиотека не собирала — более того, предпочитала игнорировать — то, что пишут о России («россика») и о Советском Союзе («советика»), не коллекционировала самиздат; вполне возможно, что более или менее полное собрание маленьких независимых и неформальных советских газет, эмигрантской литературы и периодики на русском языке имеется лишь в КГБ, хотя там его собирали отнюдь не для просветительских целей.

Библиотека конгресса США имела на 1990 год 300 млн. долларов, наша Ленинка тогда же располагала всего 11 млн. неконвертируемых рублей. 100 млн. рублей отпустило советское правительство на реконструкцию национальной библиотеки имени Ленина, а французы в это время собираются угрожать в свой проект национальной библиотеки 4

миллиарда франков. В библиотеках всех развитых стран мира в ходу оптические диски, электронные системы связи, компьютерные каталоги, сильные исследовательские службы. А у нас? XIX век в смысле технического обеспечения – с той лишь разницей, что прослойка всесторонне образованных людей в СССР-СНГ на сегодня отсутствует. Институты исследовательские есть, а специалистов не хватает. Доктор Биллингтон, директор библиотеки конгресса США, рассказывал в советской «Литературной газете» (28.2.1990) о работе своего 5-тысячного коллектива и Исследовательской службы конгресса (ИСК): «Во время вашингтонской встречи в верхах Горбачев попросил предоставить ему материалы об СССР, созданные ИСК, а его советник в области вооружений встретился с автором исследований на эту тему из ИСК».

Думается, что библиотека конгресса США, если бы ее хорошенько об этом попросили, взяла бы нашу «Ленинку» на полное содержание, в качестве своего филиала. Абсурд? Вряд ли, если учесть, что наиболее известные у нас книжные собрания (музейные ценности, архивы и т.д.) просто-напросто гибнут от плохих условий хранения. После известного пожара в библиотеке АН СССР в Ленинграде библиотека конгресса США потратила 135 тысяч долларов на оказание помощи – приехавшие американские специалисты принимали участие в восстановлении поврежденных книг, осуществили замораживание более 200 тысяч редких книг в целях приостановления процесса их разрушения.

Тюрьма, приют и библиотека – положение дел в этих заведениях вполне может служить определяющим показателем цивилизованности страны. Сталинские порядки царят у нас сегодня в подобного рода учреждениях. Память наций, населяющих СССР, сохранилась в «Ленинке» ровно настолько, насколько осталось правды на страницах наших учебников по истории. Преувеличение? Вряд ли. В наши «перестроечные» дни «Ленинка» умудрилась уничтожить обширный свой каталог газетных и журнальных статей за многие годы! «Зачем это сделали? – писал А. Рубинов в «Литературной газете» (26.6.1991). – Говорят, что мало места в библиотеке. И потому труд нескольких поколений библиографов, которые каждый день, годами, десятилетиями сначала от руки, потом с помощью пишущей машинки заполняли карточку на каждую публикацию в каждом издании, выбросили на помойку? Может быть, причина другая? Многие склонны думать, что это гнусное дело совершили по инициативе тех, кто боится своего нечистого прошлого...»

«Ленинка» уже много лет находится под угрозой закрытия «на реставрацию». Попасть в нее простому смертному – ниже кандидата наук и без ходатайства с места работы – было практически делом невозможным. Нет, право, стоит подумать и отдать наши библиотеки иностран-

цам, заодно и музеи и архивы. Целее будет, а так все сгниет, истлеет. Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы взяла и предоставила летом 1991 года один из своих читальных залов под первый в СССР Французский культурный центр. Причем бесплатно. За это французское посольство позаботится о пополнении фондов этой московской библиотеки французскими книжными новинками и периодикой, поможет с новейшим оборудованием, организует стажировку сотрудников ВГБИЛ в Париже.

Советский читатель забыл дорогу в массовую библиотеку. Среди молодежи каждый третий «не любит читать». Каждый третий не знает, где взять книгу. Бестселлеры на черном рынке ему не доступны. Мы также лишили книги своих детей, убивая таким образом свое будущее.

Да и выбор авторов для этих книг в СССР всегда был под жестким контролем. Ведь любому автору, исходя из множества имеющихся у нас классификаций и тарифов, можно было заплатить гонорар от 100 до 2000 рублей за один печатный лист (примерно 16 страниц книжного текста). Издатель мог и ничего не платить, мог посчитать текст как публицистику и дать небольшую ставку гонорара, вне зависимости от тиража; благосклонно настроенный издатель мог посчитать тот же текст художественным произведением и дать тогда не только высшую ставку гонорара, но и многократно увеличивающие этот гонорар выплаты за тираж. «Потиражные получил!» — ликовал тогда советский автор и целовал все места тем, кто санкционировал в каждом конкретном случае эту манну небесную. В большинстве случаев книгу никто покупать не будет, но это уже не имеет для автора ровно никакого значения. И даже издательство не пострадает. Книгу или спишут, или по звонку свыше задвинут в библиотечную сеть. В любой другой стране автор зависит меньше от издателя, а успех определяется покупательским спросом. Тамошние авторы получают свои тамошние гонорары не в момент выхода книги из типографии, а после продажи ее в магазинах — в виде 8-12 процентов от реализации.

Авторы научных трудов практически никогда гонораров не получают. Научные издательства у нас немногочисленны и существуют за счет дотаций от государства, влача жалкое, как правило, существование. Научная информация готовится в виде монографий, из которых читатель черпает 10% поступающей к нему научной информации. Научные журналы приносят этому заинтересованному читателю 40% информации. Еще 40% информации научный работник получает из совсем уж малотиражных ведомственных научных отчетов, материалов семинаров и конференций. Оставшиеся 10% приходится на переписку, устные сообщения и другие источники. При этом монографии приносят информацию с опозданием на 5-7 лет, научные журналы на 2-3 года, а тезисы докладов и репринты на полгода-год. С учетом ни-

щенского состояния наших научных библиотек общий результат получается плачевным. По данным Всесоюзного института научной и технической информации ГКНТ СССР (газета «Радикал», 12.4.1991), информированность отечественных ученых в сто (!!!) раз меньше, чем ученых США и других промышленно развитых стран.

Большинство советских книг написаны и изданы так, что ни брать их в руки, ни читать совсем не хочется. «Литература и макулатура. Портрет читателя на фоне книжного развала» — под таким названием одна из новых московских еженедельных газет «Мегаполис-Экспресс» (20.12.1990) опубликовала короткое интервью:

«Что советский народ — самый читающий в мире, мы знали с детства так же твердо, как и то, что наше метро — самое лучшее. А на самом деле — что, как, сколько мы читаем? Как сегодня меняется структура книжного спроса и предложения с переходом на рыночную экономику? Об этом обозреватель «М-Э» беседовала с директором Московского института книги профессором Анатолием Соловьевым.

«М-Э»: Анатолий Иванович, это правда, что мы больше всех читаем?

А.С.: Нет, сегодня это далеко не так. По выпуску печатной продукции на душу населения мы находимся, по одним данным, на 42-м, по другим — на 50-м месте в мире, за нами следуют такие страны, как Бенин и Занзибар. Подчеркиваю, что имеется в виду вся печатная продукция, вся бумага, израсходованная в печатном деле. Вообще определить, сколько читает народ, довольно трудно. Еще несколько лет назад мы считали, что в личных библиотеках советских людей более 50 миллиардов книг, а сегодня, по уточненным данным, оказалось, что их всего около 14 миллиардов. Это очень мало.

«М-Э»: Есть еще показатели, характеризующие количество «потребления» книжной продукции?

А.С.: Конечно. Например, количество книг, выпускающихся в год, на душу населения у нас в стране составляет 8-9 экземпляров. Впрочем, в это число входят и различные брошюры, методички, учебники. Доля художественной литературы составляет примерно одну четверть. Однако в мировой практике принято оценивать книгообеспечение читателя не по количеству книг, а по количеству названий. В СССР в год на один миллион человек приходится 280-290 названий книг и брошюр. Эта цифра показывает наше значительное отставание от других стран Европы, где в среднем издается 700 различных книг на один миллион человек в год.

«М-Э»: Но есть, наверное, и такие, которые совсем не читают книг, предпочитают проводить свое свободное время у экранов телевизоров, в дискотеках?

А.С.: По данным Института книги и Госкомстата СССР, в целом по стране число не читающих равно 13,6%, или около 40 миллионов человек. Если к этому добавить тех, кто книги читает крайне редко (а таких 92 миллиона), то в итоге у нас получается «не читателей» 132 миллиона человек, т.е. почти половина населения страны.

«М-Э»: Какая книга в этом году была самой популярной?

А.С.: Библия. Это понятно и правильно сегодня, когда многие впервые открывают для себя эту вечную книгу. На втором месте по популярности — «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына.

«М-Э»: Значит, согласно читательскому спросу, Солженицын оказался лидером этого года среди писателей?

А.С.: Да. Вместе с Андреем Сахаровым. Здесь, на наш взгляд, свою роль сыграл не только высокий художественный уровень их произведений, но и интерес к этим двум незаурядным личностям, борцам за права человека.

«М-Э»: А мне казалось, что сегодня охотнее всего читают детективы. Интерес к этому жанру сегодня тоже закономерен?

А.С.: Конечно. Я думаю, народ устал от политической драки, от полуголодной, полунищей жизни, от нашей страшной истории и безысходности настоящего. Людям хочется отвлечься.

«М-Э»: Может быть, переход к рыночной экономике избавит нас от книжного голода и приохотит к книге многих людей?

А.С.: Суть проблемы как раз в том и состоит, что рынок (высокие договорные цены) раскалывает общество на читающую элиту и не читающий народ. Он отчуждает от книги 60 миллионов пенсионеров, 30 миллионов инвалидов, 45 миллионов детей и учащихся. Это настоящая трагедия. Она заключается в том, что подрастает целое поколение, оторванное от книжной культуры. Отсюда – и вандализм, и растущая агрессивность в обществе, и неуважение к личности. Конечно, причин подобных явлений много, но одна из них – нехватка книг.

«М-Э»: Неужели рыночная экономика не несет ничего отрадного для читателя?

А.С.: Я этого не говорил. Рынок несет известное насыщение массового спроса. Прежде всего на художественную литературу. Вспомните, еще 5 лет назад невозможно было достать книги Булгакова, Гроссмана, Платонова, а сейчас они издаются ежегодно общими тиражами 10-15 миллионов экземпляров. Цена их на «черном» рынке падает».

У нас все не как у людей, но некоторый прогресс наблюдается. В СССР не было профсоюза журналистов и исследовательского института по проблемам прессы. Правозащитник Сергей Григорьянц создал недавно независимый профсоюз журналистов. Центра изучения проблем средств массовой информации и коммуникации у нас и сегодня нет.

А вот научно-исследовательский институт книги у нас создали, подчинив его Государственному комитету СССР по делам печати. Интервью директора института, вышецитировавшегося доктора философских наук Анатолия Соловьева, представляет интерес как информация из первых рук (газета «Советская культура», 9.6.1990):

«В среде советской интеллигенции нередко встречаются люди, которые не чувствуют необходимости знать и культивировать идеи, принципы, идеалы, рожденные творчеством Гомера и Сократа, Соловьева и Флоренского, Бехтерева и А. Богданова, Платонова и Булгакова, Бухарина и Вавилова, Вернадского... Сегодня журналам и газетам приходится заново открывать для читателей многие имена. Небезынтересно знать, что из 86 лауреатов Нобелевской премии по литературе в центральных издательствах СССР никогда не публиковались (отдельной книгой) 25 человек.

– *Считается, что у нас очень мощные личные и государственные собрания.*

– Можно прозондировать проблему с точки зрения количества названий выпускаемой литературы. Как показывает статистика, количество изданий, как в зеркале, отражает периоды подъема или спада в духовной жизни. Рост приходится на период нэпа – с 1925 до 1931 года (от 32,3 тысячи до 54,6 тысячи) и годы хрущевской оттепели в 1955-1962 годах (от 54,7 тысячи до 79,1 тысячи). А резкий спад числа изданий приходится на годы нарастания сталинских репрессий – от 54,6 тысячи в 1931 году до 37,6 тысячи в 1937 году.

– *А в годы перестройки?*

– В 70-е годы мы в лучшем случае топтались на месте. Был, правда, отмечен и небольшой рост. Но затем книжную политику вплоть до настоящего времени определяло неуклонное медленное сползание. Вот цифры: 1985 г. – 84 тысячи наименований в год, 1986-й – 83,5, 1987-й – 83,0, 1988-й – 81,6.

Я не могу понять того безмятежного спокойствия, с которым общество, почивающее на лаврах «самого читающего», взирает на нищенский рацион и издательскую полиграфическую базу, на которые нас обрекла командно-административная система. Напомню еще раз, что по объему производства бумаги наша великая страна, занимающая 1-е место в мире по территории, обладающая самыми большими лесными массивами, находится лишь где-то в пятом десятке. По некоторым данным, имеющиеся мощности в СССР позволяют перерабатывать лишь 12 процентов заготавливаемой древесины, в то время как в развитых странах Запада – до 50-70 процентов. Планируемые же темпы прироста составляют порядка 5 процентов в год. С этим никак нельзя мириться».

Для представителя советской элиты одним из показателей руководящего положения, одной из вождельных привилегий всегда была возможность регулярного получения «книжного списка». Причем вероятность обладания персональной государственной машиной с водителем или государственной бесплатной квартирой, или бесплатной на всю семью путевкой на курорт зачастую оказывалась выше, чем получение раз в месяц заветного списка книжных новинок. Достаточно было лишь отметить на полях желаемые книги и передать куда следует список с нужной, действительно символической суммой денег – и все в порядке.

До лета 1991 года чуть ли не каждое уважающее себя ведомство имело для своего руководства свой собственный канал снабжения книгами. Один «список книжных новинок» получали сотрудники ЦК КПСС и прочих сугубо партийных учреждений, другой список получали руководители высшего и среднего звена в Совете министров СССР, а также члены коллегий министерств и государственных комитетов СССР, народные депутаты СССР. Независимые ни от кого службы книжного снабжения имели также генералитет Советской армии, Академия наук СССР, Союз писателей СССР, руководящие кланы в областях, округах, союзных и автономных республиках.

Драма заключается в том, что три с лишним сотни тысяч советских библиотек снабжаются новыми книгами по остаточному принципу. Им зачастую перепадает то, что никому не надо.

Обществу нужны книги тысяч, а не десятков наименований

На прилавках (точнее, под прилавками) московских книжных магазинов впервые появилась недавно Книга рекордов Гиннеса в русском переводе. До 1988 года эта безобидная с идеологическо-охранительной точки зрения энциклопедия никогда у нас не издавалась, а отдельные ее западные экземпляры хранились в спецхранах двух-трех национальных библиотек. Причина?... В верхах не нравились специфические «рекорды» русских, перечисленные в этой книге. Без книги Гиннеса еще можно обойтись.

С Библией, Кораном и прочей религиозной литературой нам помогал Запад — миллионные тиражи этих книг на русском и других языках, направляемые нам бесплатно (хотя наши верующие вынуждены покупать эти книги), с трудом, но все же проникали через заслоны на границе СССР.

А как жить в многонациональной стране без словарей? Любой нацмен (т.е. представитель национальных меньшинств, нерусский человек — на сленге русских), имеющий высшее образование, не отказался бы купить за любую цену двуязычный словарь, без которого обходиться очень трудно. Речь идет не об англо-русском, русско-английском и подобного рода словарях для знатоков иностранных языков. У нас они достаточно часто издаются. По свидетельству директора издательства «Русский язык» Назарова («ЛГ», 10.10.1990) и по данным Всесоюзной книжной палаты, словари и разговорники, выпускаемые иногда в республиках, как правило, рассчитаны на коренное население, изучающее русский язык. А что делать тем миллионам русскоязычных, что живут в национальных республиках? Советское государство десятилетиями уклонялось от решения этой проблемы, исподволь и неуклонно проводя в жизнь политику русификации. Вслух, конечно же, заявлялось совершенно противоположное, говорилось о «расцвете национальных культур» и т.д.

Александр Солженицын собственноручно подготовил словарь русского языка, в котором собрал многое из того, что было утеряно. Армянская и украинская диаспоры во всем мире позаботятся, конечно, о том, чтобы не дать угаснуть родной культуре. Армянские и украинские, а также прибалтийские (литовские, латышские, эстонские) словари будут. А о грузинах кто позаботится? Или о коренных жителях десятков российских автономных республик и областей? Здесь просто образовалась пустыня, вместо национальной культуры сплошная русификация произошла.

Хорошо, конечно, что вклад Александра Солженицына будет использован при создании 20-томного словаря современного русского языка, первые тома которого уже выходят из печати. Соединенные Штаты Америки помогут нам в реализации многообещающего международного проекта: выпуске Русской энциклопедии. Содействие нам со стороны США и Солженицына в издательской сфере — ну что может быть еще более фантастическим? Предложи публично такую идею еще 3-4 года назад любой советский гражданин (кроме Андрея Сахарова) — и место в советской психбольнице ему нашли бы моментально, без всякого суда и следствия, прямо на работе бы взяли, до дому он уже не дошел бы.

Учрежденное советско-американским фондом «Культурная инициатива» акционерное издательство намерено выпустить в 1996-2000 годах 50-томную Русскую энциклопедию, а начиная с 1991 года выйдут

в свет «промежуточные» энциклопедии, среди которых будут предметные (Философская, Экономическая, Словарь русских святых и т.п.) и региональные (Уральская, Кавказская, Байкальская и др.).

Конечно, много разнообразных сведений о русских содержит Большая Советская Энциклопедия. Но даже в ее последнем 30-томном издании молчаливо обойдены имена тысяч и тысяч выдающихся русских людей, репрессированных за 70 лет советской власти, выехавших за границу или умерших в неизвестности в СССР. Итак, есть надежда, что когда-нибудь русскому народу вернут историческую память, помянут добрым словом знаменитых русских, прославившихся на Западе. Ведь и сегодня в СССР практически не известны не то что работы, но и даже имена тех, кто упомянут в таких солидных трудах, как двухтомная «Библиография русской зарубежной литературы» (американка Людмила Фостер издала эту книгу в США в 1970 году) и в издании Славянского института в Париже «Русская эмиграция. Журналы и сборники на русском языке. 1920-1980», опубликованном в 1988 году.

Лучшим в СССР энциклопедическим словарем так и остался выпущенный... 100 лет назад, еще в эпоху царской России, словарь Брокгауза и Эфрона, полиграфическое исполнение которого и сегодня возторгает. Идя навстречу читательскому спросу, наши предприниматели выпустили к концу 1990 года факсимильное, репринтное издание первых десяти из 86 томов упомянутой энциклопедии Брокгауза и Эфрона — малым тиражом, но за бешеные деньги. Покупатели на модный раритет ведь всегда найдутся.

Подобно картинам на Западе, книга в СССР являлась формой вложения капитала, не менее выгодной и куда более безопасной, чем покупка золота. За драгоценностями ведь охотятся воры — ни один советский банк не брал на хранение ценности у частных лиц, — а книги крадут реже. А может быть, уголовный люд подозревает, что читатели перестанут покупать однотомный Советский энциклопедический словарь (СЭС), так как даже во французской аналогичной однотомной энциклопедии «Кид» есть много сведений об СССР, которых в СЭС нет и в помине.

Миллионные тиражи СЭС издавались в СССР неоднократно; это действительно доступное всем массовое и очень полезное издание. Только вот незадача — многие реалии нашей перестроечной жизни в этот словарь не вписались. Бушевали у нас во всех республиках Народные фронты, газеты писали о сотнях забастовок и обвиняли нашу родную ленинскую коммунистическую партию в организации массового голода в Поволжье и на Украине (20-е и 30-е годы). Газета «Комсомольская правда» (10.3.1990) ехидно процитировала три маленьких отрывка из 4-го издания СЭС (Москва, 1989 год):

«НАРОДНЫЙ ФРОНТ, форма организации широких народных масс... для борьбы против фашизма и войны, за демократию, национальную независимость, а также в защиту насущных экономических интересов трудящихся... Во Франции в 1936-38, в Испании в 1936-1939, в Чили в 1938-41 действовали правительства Народного фронта... В некоторых странах они сыграли важную роль в победе народно-демократических и социалистических революций».

«ЗАБАСТОВКА» (стачка)... Одна из осн. форм клас. борьбы пролетариата при капитализме... 3. – важное средство борьбы против реакц. соц.-экон. политики монополий и бурж. гос-ва, против гонки вооружений и развязывания новой войны».

«ГОЛОД, социальное бедствие, проявляющееся в двух формах: явный (абс. Г.) и скрытый (относит. Г.: недоедание, отсутствие жизненно важных компонентов в рационе питания). В развитых капиталистич. странах от недоедания страдают десятки миллионов трудящихся... Г. преодолевается только в результате социалистич. переустройства общества».

Столь же наглая лож содержалась в десятках книг, календарей и справочников, увидевших свет и в конце 1990 года в издательстве ЦК КПСС «Политиздат». Оно же в 1989-90 годах завалило магазины страны миллионным тиражом толстенного учебника политэкономии секретаря ЦК КПСС идеолога нашего Вадима Медведева.

Отмена цензуры и монополии КПСС сдвинули издательское дело с мертвой точки. Родилось, в числе многих прочих, и издательство «ТЕРРА». Под рубрикой «Сенсация» «Российская газета» (23.7.1991) поместила рецензию на книгу под заголовком «Если печатают такое, значит, перестройка идет»:

«Издательство «ТЕРРА» выпустило в свет очерк политической истории России «Наше Отечество» – по сути первое в советский период учебное издание подобного рода. Рождение двухтомника временами напоминало детектив. Издание готовой уже книги задержалось почти на два года. Среди авторов – Ю.Н.Афанасьев, Н.Н.Маслов, Г.З.Июффе, В.С.Лельчук, Е.И.Пивовар, М.В.Милютин, В.М.Шостаковский, О.В.Волубуев, из зарубежных историков – Юрий Фельштинский.

«Наше Отечество» – первая попытка фундаментальной переоценки истории России, обобщение отношений между обществом и властью в свете русской политической традиции. Период берется от Киевской Руси до перестройки и заканчивается выборами первого Президента России. В книге собраны неизвестные и малоизвестные материалы по гражданской и Великой Отечественной войнам, коллективизации, хрущевским реформам, периоду застоя. Отдельные главы посвящены истории Сопrotивления и диссидентств, от Мартова, Раскольниковова, Рютина до наших дней, очерки о крупнейших политических деятелях как коммунистического, так и оппозиционного направления. И наконец – история перестройки, документы которой еще вряд ли можно найти в архивах.

Руководитель авторского коллектива доктор исторических наук, профессор Сергей Владимирович Кулешов до сих пор не может поверить, что книга вышла. По его словам, Роберт Конквист, прочитав некоторые главы, специально для него переведенные на английский язык, заметил: «Если это будет напечатано, то в Советском Союзе действительно идет перестройка».

– В сущности все мы – сталинисты, – считает один из авторов сборника доктор исторических наук, профессор В.С.Лельчук. – Даже молодежь. И это величайшее «достижение» Сталина. Одни это понимают, другие нет, но мы все изучали историю по сталинским учебникам, пропитавшись тлетворным духом «Краткого курса». Благодаря пропаганде миллионы людей до сих пор считают, что такое строительство такого соци-

ализма – единственно правильный путь. Когда М. Горбачев говорит об СССР как о развитой индустриальной державе, я вижу, что он тоже учился по сталинским учебникам и не хочет переучиваться. Все наши беды идут от безнравственной партийной власти, лидеры которой должны нести ответственность за то, что они сделали с русским народом. Сейчас как никогда необходимо почувствовать связь времен, трезво и уважительно отнестись к собственной истории. Конечно, мы понимаем, что наши возможности были ограничены, но надеемся, что книга подтолкнет людей к дальнейшему прозрению.

А в ней есть что прочитать! Например, о том, что мощные крестьянские восстания в 1930 году секретным решением Политбюро были жестоко подавлены армией с применением всех родов войск, включая артиллерию и авиацию. В книге приведены образцы отчетов НКВД-МГБ-КГБ о настроениях людей на предприятиях, в колхозах, о недовольстве режимом, забастовках.

Несмотря на серьезный научный подход к историческим проблемам, новый учебник рассчитан на самый широкий круг читателей, написан доходчивым языком. Директор издательства «ТЕРРА» С.А. Кондратов обещает миллионный тираж, пока же вышло 50 тысяч».

Не только книги очерков, но и новые учебники по истории большевизма еще будут написаны и изданы в Москве. Пока же «Российская газета» во множестве номеров стала печатать не Агату Кристи, а отрывки из упомянутой книги «Наше Отечество. Опыт политической истории». Это вам не капезэсный Вадим Медведев и его однофамилец народный депутат СССР, член ЦК КПСС Рой Медведев с кучей из 30 своих антисталинско-хрущевских опусов, изданных при Брежневе с согласия КГБ за рубежом, а недавно вот и у нас.

Честные, настоящие диссиденты у нас и до сих пор не реабилитированы. Энтузиасты из русско-литовского акционерного издательства «Весть» пообещали со страниц газеты «Известия» (7.5.1991) составить и напечатать «Историю инакомыслия» – 50 томов тиражом 50 тысяч экземпляров. Сериал охватывает послесталинские годы и доказывает, что движение сопротивления включало отнюдь не горстку, а десятки тысяч мужественных людей во всех углах необъятного СССР. И так, «самиздат» и «тамиздат» переиздается, на радость любителям антиквариата, в подарочном виде.

Для приобретения любой сколько-нибудь интересной книги советские люди любых возрастов старательно собирают макулатуру, выстаивают часы в очередях на пунктах вторсырья, потом месяцами пытаются обменять на нужные книги полученные талоны. Беспредел, который на официальном уровне выражается другим открытием. По данным ЮНЕСКО за 1988 год, СССР, «самая читающая страна в мире», по уровню интеллектуального развития молодежи оказывается на 43-м (!) месте в мире.

Но ведь не всегда же у нас так было. Не так давно, писала американская газета «Новое русское слово» (26.11.1990), в рамках ЮНЕСКО провели конкурс на лучшую программу обучения за многие годы истории человечества. Весьма значительно, что первое место занял Царскосельский лицей, в котором учился А.С. Пушкин, – за индивидуальность обучения, за высокий уровень знаний. Обращает на себя внимание, что да-

же распорядок дня там был индивидуален — в зависимости от личности каждого лицеиста. Не потому ли именно оттуда вышла замечательная плеяда блестящих умов, выдающихся писателей, ученых, общественных деятелей, составляющих гордость России. В начале XX века Иван Сытин выпускал до 25 процентов всей книжной продукции России. Благодаря его стараниям книга в те времена была более доступна массовому читателю, чем сегодня. В сентябре 1991 года в Тбилиси уличный лоточник затребовал с меня 100 рублей (!) за отлично изданную в том же году в московском издательстве «Детская литература» книгу «Библейские рассказы» ценой в 15 рублей (!). А моя жена, инспектор учебной части факультета журналистики МГУ, получала тогда оклад в 140 рублей в месяц за ежедневную работу с 9 до 6. Что же тогда должен читать наш сын-первоклассник? И будет ли он вообще что-либо читать в своей жизни?

Мы продолжаем лгать собственному народу, а если точнее, недодаем ему информацию. 99 процентов советских детей никогда не видели рисованных книг-комиксов — их разрешили издавать лишь недавно, с 1990 года, в первой в СССР редакции комиксов в издательстве «Панорама». Большинство никогда не держало в руках красочных, полиграфически грамотно исполненных детских книг, детских энциклопедий. Такие книги издаются ничтожными тиражами (100 тыс. экземпляров на 300 млн. человек населения в СССР) только в двух московских издательствах и поступают прямым ходом на экспорт или на отечественный черный рынок, где их можно купить по 7 — 10-кратной цене.

«Какой ценой мы победили книжный голод?» — вопрошает заголовком статьи А. Доброва в «Комсомольской правде» (2.8.1991):

«Выхожу из метро, из любой станции, и сразу натыкаюсь на столы, заваленные самой заманчивой литературой в хороших, ярких обложках. Преобладают детективы (в основном Чейза и Кристи), фантастика и то, что раньше называли «бульварными» романами, про всяких там любвеобильных Анжелик и «великих, могучих и добрых» Тарзанов... Много религиозных книг — от Библии, Корана и Талмуда до переложений Евангелия для детей. Почти весь Пикуль, почти весь Солженицын, «Роза мира» Л. Андреева (как ни странно — одна из самых покупаемых книг). Все, что раньше нам было недоступно, теперь стало почти доступно. Говорю «почти», потому что ощупываю в кармане свой тощий кошелек.

В общем, глядишь на это пиршество «корешков» и думаешь — пресветлый Боже, неужели мы преодолели пресловутый книжный голод, неужели не нужно читать советскую критику какого-то Шмонькина на отсутствующие у нас произведения Гессе, чтобы понять, о чем этот хваленый Гессе все-таки писал? Вот он, пожалуйста, тут и «Степной волк», и «Игра в бисер».

Как же мы этот голод победили, какой ценой? Смотришь на ценники и понимаешь — высокой ценой. Отнюдь не госценой.

Тут надо отметить, что «серьезные» книги, которые раньше распространялись «самиздатом», по-прежнему пользуются спросом только у тех людей, которые и раньше могли их прочитать при помощи «самиздата». К чему приводит насыщение рынка книгами, ранее запрещенными? Да к тому, что скоро их будет читать еще более узкий круг людей, чем раньше. Отсеются, думаю, те, для кого достать и хранить у себя дома в вентиляционном отверстии «Один день Ивана Денисовича» было

приключением, даже каким-то гражданским подвигом. Смотрите на ценники: в Свердловске книга А.Сахарова «Тревога и надежда» стоит 5 рублей, а сборник американских детективов – 35».

Газета «Мегаполис континент» (24.7.1991) на первой полосе поместила размышления своего обозревателя О. Правоторова об изменившихся предпочтениях нашей читающей публики – под заголовком «Классики в рыночном измерении»:

«Классики нынче – товар не ходовой. Отдельные издания их произведений копируются чуть ли не на уровне стоимости макулатуры. Духовную пищу наш современник черпает из других источников: из детективов Чейза и эротических похождениям неvezучей в отношениях с мужчинами Анжелики. Вообще Чейз на нашем книжном рынке – уже нечто большее, чем псевдоним популярного автора. Один «чейз» можно принять за эталон покупательского спроса и измерять им ценность всей другой литературы с точки зрения советского потребителя книг. Сколькими же «чейзами» готов поступиться читатель, чтобы приобрести многотомные собрания сочинений столпов отечественной и зарубежной литературы? Если «чейз» примерно равен 40 рублям, то полное собрание произведений (в восьми томах) другого одаренного англичанина – Шекспира – не тянет больше четырех «чейзов». Десяти томник Гете – три «чейза». Во столько же оцениваются и собрания сочинений Достоевского в 10 томах и Бальзака в 15 томах. Два с половиной «чейза» стоят 12 томов Чехова и 22 тома Льва Толстого. А 10 томов академического издания произведений Пушкина едва достигают по цене двух «чейзов». И всего за пол-«чейза» можно получить четырехтомник Лермонтова.

В чем причина такой девальвации духовного наследия великих? Кажется, ни Чехов, ни Бальзак не нравились перед советским читателем ни в сталинские времена, ни в годы «застоя». Или «самая читающая в мире страна» знает классику наизусть?

– Люди устали от проблем и хотят отдохнуть во время чтения, – считает директор одного из московских книжных кооперативов, – потому и покупают детективы, приключения и романы с эротическим привкусом. К тому же многие из таких книг впервые изданы в нашей стране. Отсюда вполне понятная тяга к ним.

Ну да, нечто вроде желания отведать первой клубнички после зимнего авитаминоза. Однако далеко не все мастера слова, затертые сегодня детективами и эротикой, отличались общедоступностью раньше. Например, тот же автор «Бесов» Достоевский не был в почете у Госкомиздата. И, помнится, совсем недавно в трудовых коллективах не обходилось без ссор при розыгрыше подписки на того или иного классика. Отчего же они ныне стали дешевы? Ведь собрание сочинений серьезного писателя по укоренившимся в мире стандартам всегда намного дороже легкой веселой литературы. Такие издания с рыночных позиций – своего рода способ выгодного помещения капитала. Эстетическая ценность классики проверена временем, время же повышает и букинистическую стоимость книги.

Последнее правило вроде бы действует и на нашем книжном рынке. А вот эстетические запросы читателей, похоже, «переросли» рамки мировых шедевров.

– Было время, – вспоминает продавец букинистического магазина, – за многотомниками классиков прямо-таки охотились. Украшали ими интерьер. А сейчас те, кто может достать «стенку», утратили к классической литературе интерес, а те, у кого он появляется, не могут найти даже книжные полки. Впрочем, молодежь заметно реже стала спрашивать, к примеру, Толстого или Блока. Новое поколение читателей практически упущено. Как это произошло – не знаю.

Вероятно, и в этом столетии не сбудутся прекрасные надежды Некрасова, когда, перефразируя поэта, «не детективы глупые – Белинского и Гоголя с базара несут». К слову, Белинского не только не несут оттуда, как, кстати, и самого Некрасова, но и на базар с ними приходиться не имеет смысла. Ни государственные мага-

зины, ни кооперативы труды двух выдающихся представителей русской демократической мысли на комиссию не принимают. Даже несмотря на то, что в последнем, 1989 года, прейскуранте Госкомиздат оценил в десятку трехтомник критика и на два рубля с полтиной дороже – четырехтомник поэта. Увы, рынок отказывается дать за них и четверть «чейза».

Наверное, и сам Чейз, считавший свои талантливые романы не более чем дорожным чтением, не был бы рад такому успеху на советском книжном рынке. Возможно, он, как человек культурный, процитировал бы по этому поводу стих из цененного нами Гете: «А кто не внемлет голосу поэтов, тот только варвар, кем бы ни был он».

Я от себя добавил бы, что то же самое можно сказать про тех, кто за литературный эрзац в яркой обложке готов отдать истинные художественные ценности, как дикарь за стеклянные бусы – золото.

Все образуется, в условиях рынка, конечно. Не случайно же «Московские новости» (7.7.1991) позволили себе такой многообещающий заголовок статьи В.Губарева и А.Колесникова – «Детективы никто не берет. Будто сам собой возник в Москве насыщенный, сражающийся за покупателя книжный рынок».

«Книжным развалам становится тесно на улицах Москвы. Заметно упала средняя скорость движения пешеходов в подземном переходе на Пушкинской. Тут торгуют печатной продукцией.

Поначалу в переходе продавали литературу по преимуществу эротическую. Затем – порнографическую. Теперь с ней конкурируют учебники по электротехнике, дефицитные задачки по правилам дорожного движения, философские труды Ницше и Николая Бердяева, мемуары Александра Вертинского, неизменные детективы Чейза.

Около года назад резко переменялась звездная карта издательского небосклона. Взошли новые звезды – «Прометей», «Орбита», «Интербук»... Из этого ряда выламывается издательский центр «Терра». Он уже сейчас может составить конкуренцию некоторым государственным издательствам. Вот его примерный послужной список.

За год существования центр выпустил более 50 изданий общим тиражом 6 миллионов экземпляров. Переиздал 4-томник Эжена Сю «Агасфер», уникальные архивы Троцкого в 4 томах, выпустил книги русских писателей-эмигрантов: Феликса Розинера, Бориса Николаевского, Юрия Фельштинского, Валерия Чалидзе... Выходит 8-томное собрание сочинений Владимира Максимова. Для русской православной церкви большим тиражом выпущены Библейская энциклопедия и Евангелие. Переиздается Русская энциклопедия Брокгауза и Эфрона в 86 томах, идет издание «Архивов русской революции», Еврейской энциклопедии в 16 томах.

В кабинете директора издательства Сергея Кондратова над рабочим столом – портрет Петра Великого в золоченой раме, на столе – бюст Петра. К новым распространителям Сергей относится пока с недоверием. По его словам, сейчас нет серьезной издательской фирмы, которая поверила бы в них. Старая государственная сеть работает, конечно, безнадежно плохо, но еще работает. С ней «Терра» и имеет дело.

– А почему, – спрашиваем. – не замечаете новых фирм – кооперативов, малых предприятий, арендных магазинов, которые готовы брать за распространение вашей продукции минимальные проценты?

– Да, некоторые варьируют торговую скидку в пределах трех-пяти процентов вместо обязательных для Союзкниги двадцати. Но, на мой взгляд, мало кто из людей, которые занялись недавно книжной торговлей, умеет это делать. Пока пытаются из всего извлечь сверхприбыли. Поэтому книги залеживаются, стоит и наше дело. Между распространителями нет настоящей, жесткой конкуренции, какая уже

есть между издателями. Она появится, когда вся книжная торговля будет приватизирована. Это единственный выход к настоящему рынку».

Особенность советского книжного рынка в 1991 году состояла в том, что издатели и книготорговцы желали иметь дело с товаром, который расходуется мгновенно, т.е. с дефицитной книгой. Издательства соглашались печатать лишь то, за чем люди встанут в очередь.

«Империя Кремля» А.Авторханова, «Я надеюсь» Р.Горбачевой, «Согласие на шанс» Г.Явлинского, «Хождение во власть» А.Собчака, «Исповедь на заданную тему» Б.Ельцина, «Без правых и левых» Н.Назарбаева, «Мой выбор» Э.Шеварнадзе, «И возвращается ветер» и «Письма русского путешественника» В.Буковского — такие книги берут. Обещанные мемуары Лигачева и Кунаева также не залежатся. А вот книги Рыбакова, Дудинцева, Гранина можно считать бестселлерами вчерашнего дня. Скоро насытится рынок детективов, фантастики и эротики.

Но ведь обществу нужны книги тысяч, а не десятков наименований. Читатель из тех, кто действительно читает книги, а не только приобретает их, хотел бы отказаться — напроочь — от понятия «книжный дефицит». Книги, как и лекарства, должны быть всегда в наличии и в самом что ни на есть полном их ассортименте. У нас же эпоха искусственно организованной нехватки на все: мало ума, чести, совести, товаров и услуг. На книжном дефиците греют руки дельцы и номенклатура. Последняя навязывала рынку книги не только, разумеется, коммерческого, но и явно идеологического характера. Выпустили, к примеру, по указанию «сверху» тучу трудов ленинских соратников; книги эти долго пролежали в спецхранах. Троцкий, Зиновьев, Рыков, Бухарин погибли в застенках коммунизма, но сумей они перехитрить Сталина, они сотворили бы с ним то же самое. Вся когорта «ленинских большевиков» пролила реки крови, а сегодня нам предлагают вместо книг для детей покупать труды этих кровожадных утопистов. На печатание их трудов государство бумаги не жалело, только вот покупать эти работы мало находится желающих.

При Сусловле цензура взяток не брала

А что бы мы хотели читать? Не догадываетесь? Да достаточно взять каталог новинок за последние 5 лет любого из западных издательств, печатающих книги на русском языке. О бестселлерах западной литературы я уже не говорю — нас десятилетиями «кормили» романами «прогрессивных» писателей Азии, Африки и Латинской Америки, а также опусами руководителей писательских союзов «братских социалистических стран». Прежде чем тянуться к западным авторитетам, нам бы своих услышать. Вот в каких выражениях начинает свою статью «По-

дви́г Васи́лия Гроссма́на» автор американской газеты «Новое русское слово» (15.10.1990) Мария Шнейерсон:

«Нынешний год – год круглых дат в жизни и судьбе Васи́лия Семеновича Гроссма́на. В 1990 году он мог бы отметить свое восьмидесятипятилетие. В 1990 году исполняется сорок лет с того дня, когда он приступил к созданию романа «Жизнь и судьба»; тридцать пять лет – с начала работы над повестью «Все течет»; тридцать лет – со времени окончания романа; двадцать лет – со времени выхода в свет повести «Все течет» на Западе (изд. «Посев»); десять лет со дня первой публикации в Женеве «Жизни и судьбы».

В 1990 году роман наконец-то напечатан без купюр, по рукописи, в которой сделана последняя авторская правка (Москва, «Книжная палата», 1990). Это уже четвертое издание «Жизни и судьбы» на родине писателя, если считать журнальную публикацию в «Октябре», подвергнушуюся значительным цензурным сокращениям (несколько позднее в «Октябре» же опубликована и повесть «Все течет»).

Перечисленные даты сами по себе говорят о многом: о том, в какую страшную пору приступил писатель к созданию своей Главной книги; о том, что почти одновременно с нею создавалась повесть «Все течет», где историософская и художественная концепция Гроссмана обнажены с предельной откровенностью; о том, что оба эти произведения долгие годы лежали в тайниках, хранимые друзьями писателя, прежде чем появились на Западе, когда Гроссман они смогли быть обнародованы лишь в общем потоке реабилитированных книг.

Судьба главной книги Гроссмана столь же уникальна, как и само это произведение. Заканчивая его, автор писал своему другу – поэту Семену Липкину, одному из тех, кто спас рукопись «Жизни и судьбы»: «Она осуществит себя помимо меня, раздельно от меня, меня уже может не быть».

В феврале 1961 года у писателя произвели обыски, арестовали рукопись романа. Через год, видимо, под впечатлением XXII съезда, Гроссман обратился с письмом к Хрущеву. Там есть потрясающие строки: «Нет смысла, нет правды в (...) моей физической свободе, когда книга, которой я отдал свою жизнь, находится в тюрьме, ведь я ее написал, ведь я не отрекался и не отрекаюсь от нее (...). Я по-прежнему считаю, что написал правду, что писал я ее, любя и жалея людей, веря в людей. Я прошу свободы моей книге».

Ответом на письмо явилась встреча с Сусловым, который заявил: «... публикация этого произведения нанесет вред коммунизму, советской власти, советскому народу». Даже вернуть рукопись автору советский идеолог счел опасным. Роман же, заключил он, если и будет когда-нибудь опубликован, то не ранее, чем через 200-300 лет: Суслов мнил, что его держава простит века!

... По иронии судьбы через несколько лет клеветы Брежнева арестуют мемуары Хрущева: гонителю Гроссмана пришлось пережить то, на что он обрек одну из своих жертв (впрочем, масштабы тут, конечно, несоизмеримы!).

Трагическая участь романа века, каким поистине является «Жизнь и судьба», стала не только личной трагедией автора. Прочитав «Жизнь и судьбу» в октябре 1960 года, А.Твардовский был глубоко потрясен столь «необычным по силе искренности и правдивости произведением». Он записал в дневнике: «Напечатать эту вещь (...) означало бы новый этап в литературе, возвращение ей подлинного значения правдивого свидетельства о жизни – означало бы огромный поворот во всей нашей зашедшей Бог весть в какие дебри лжи, условности и дубовой преднамеренности литературы. Но вряд ли это мыслимо».

Наивно было бы сейчас гадать, как могла повлиять «Жизнь и судьба» на развитие литературного процесса. Публикация этого произведения была абсолютно невозможной. Ведь «Жизнь и судьба» касается не только темы лагерей и репрессий. В романе проводится откровенная параллель между национал-социалистическим и коммунистическим вариантами фашизма; обнажаются пороки тоталитарного

строю, по самой сути своей враждебного человеческой личности. Гроссман создает картину растленного общества, парализованного страхом: пригвозждает к позорному столбу представителей «нового класса»: рисует драматические сцены уничтожения крестьянства в пору коллективизации. В этой великой книге ставятся кардинальные философские вопросы, и решение их не имеет ничего общего с марксистской идеологией. «Жизнь и судьба» создана рукою гениального мастера, мыслителя, исследователя и провидца. Суслов был прав: советскому строю она наносит сокрушительный удар.

«Это из тех книг, – писал Твардовский, – по прочтении которых чувствуешь день за днем, что что-то в тебе и с тобой совершилось серьезное, что это какой-то этап в развитии твоего сознания». Но роман увидел свет на родине писателя лишь тогда, когда уже многое было открыто и пережито. Читатель восьмидесятых годов, впервые с ним знакомясь, не мог испытать того, что испытал Твардовский в шестидесятом году.

Значит ли это, что роман Гроссмана появился слишком поздно и для наших дней устарел? Конечно, нет! Есть книги-однодневки, книги, где отражена лишь злоба дня. Они перестают волновать последующие поколения, даже если написаны талантливо. И есть книги, созданные на века, ибо в них, наряду со злобой дня, звучат вневременные, общечеловеческие темы, живут созданные мастерами бессмертные типы. «Жизнь и судьба» принадлежит к числу именно таких произведений искусства.

Размышляя о романе Гроссмана, нельзя забывать, когда, в каких условиях он рождался. Самое создание его явилось подвигом, совершить который мог лишь человек редкой духовной силы.

Когда думаешь о подвиге Гроссмана, невольно вспоминаешь подвиг Солженицына. Дело не в том, конечно, чей гений выше, чей подвиг значительнее. Гроссману не суждено было сыграть такую роль, которую играл и играет Солженицын в литературной и общественной жизни нашего времени. Оба писателя шли к правде разными путями. Но в чем-то их судьбы и творения перекликаются.

В те годы, когда Гроссман писал «Жизнь и судьбу», «подпольный писатель» Солженицын начал работать над романом «В круге первом», создал повесть «Щ-854» («Один день Ивана Денисовича»); в те же годы были задуманы «Раковый корпус» и «Архипелаг ГУЛАГ». И если взглядеться в создаваемое одновременно обоими писателями, поразит сходство мотивов, тем, трактовки явлений, при всем глубоком различии творческой индивидуальности, мирозерцания, общественного темперамента.

Жизнь и судьба обоих писателей сложилась по-разному. Солженицын, который в начале своей деятельности, будучи «подпольным писателем», обрекал себя на «пожизненное молчание», вскоре заговорил громовым голосом и услышан был во всем мире. Молчание на долгие годы и после смерти стало уделом Гроссмана. Но судьба его заставляет вспомнить слова Солженицына. В пору «подпольного писательства» автор «Ивана Денисовича» был убежден, что не он один работает в подполье. «Что десятков несколько нас таких – замкнутых упорных одиночек, рассыпанных по Руси, и каждый пишет по чести и совести то, что знает о нашем времени и что есть главная правда (...). А вот придет пора – и все мы разом выступим из глуби моря, как Тридцать Три богатыря, – и так восстановится великая наша литература». Солженицын думал, однако, что «это лишь посмертный символ будет (...). Что это будут лишь наши книги, сохраненные верностью и хитростью друзей, а не сами мы, не наши тела: сами мы прежде того умрем». К великому счастью, по отношению к себе Солженицын ошибался. По отношению к Гроссману пророчество его сбылось...»

Книги Гроссмана и Солженицына, Сахарова и Пастернака надо было изучать в советской школе. Но нам это пока не грозит, так как труды этих великих сынов нашего отечества недоступны народу так же, как и Библия. Последняя продается по цене не менее половины

средней месячной пенсий. Такие же огромные деньги надо выкладывать на черном рынке за любой том вышепоименованных писателей. О Сахарове речь не идет — основные книги его жизни, в том числе и его изданные во всем мире мемуары, отдельными изданиями в СССР не выходили. Негласный запрет упоминать в советской прессе и на телевидении имя Андрея Дмитриевича Сахарова существовал в течение трех-четырёх лет после освобождения в 1986 году этого Нобелевского лауреата из семилетней ссылки в Горьком. Только после смерти академика Сахарова в декабре 1989 года советские газеты оказались полны ссылок на его фамилию, но при жизни он ни разу не удостоился пространныго интервью ни в советской официальной прессе, ни тем более на Центральном телевидении.

«Бумаги, знаете ли, нет», — отвечал бойкий советский правительственный чиновник любому журналисту, который в духе нашей гласности интересовался планами книгоиздания в СССР. Если уж очень припирали, чтобы сохранить лицо, власти решались на публикацию, но в сокращенном виде и малым тиражом. Например, в таком усеченном варианте в московском издательстве «Наука» начали в 1990 году выпуск в свет в СССР изданного за рубежом пятитомника «Очерки русской смуты» — записок русского генерала, одного из активнейших участников «белого движения» и гражданской войны в России Антона Ивановича Деникина.

История советского государства пока еще не издана в СССР — имеется в виду честно написанная история, без умышленных фальсификаций. А так, суррогатов хватает с избытком; каждый новый генеральный секретарь КПСС заказывал написание «новой истории» государства, под себя, так сказать. Первая историография второй мировой войны была создана, ну конечно же, для возвеличивания роли «гениального вождя и отца народов товарища Сталина». Вторая..., послушаем лучше самого популярного польского фантаста и футуролога Станислава Лема («Литературная газета», 14.11.1990):

«В свое время, еще в 50-х годах, я подписался на Большую Советскую Энциклопедию. Когда пришел том на букву «Б» со статьей «Берия», поступило уведомление, чтобы я вырезал статью «Берия» и вставил «Берингов пролив». Я взял эту энциклопедию и отнес в антиквариат. Пусть издатели сами занимаются этой операцией с ножницами. Потом были изданы 6 томов «Великой Отечественной войны Советского Союза». Ну, знаете эти сказки, которые там были про Хрущева... Взяв издание, я опять отправился к букинистам. На память оставив себе только 6-й том. Затем 12-томное издание о войне, где полководец — Брежнев.

Теперь я открываю для себя совершенно новую историю войны! Как у вас, так и у нас в ужасном положении находится учащаяся молодежь. Для нее не успевают написать и напечатать настоящие книги по истории».

К 50-летию Победы над гитлеровским фашизмом в СССР обещали издать очередную, теперь уже 10-томную историю войны. В этих томах, конечно же, не будет больше ориентации на полководческий ге-

ний Сталина, Хрущева, Брежнева. Но и толка тоже не будет, так как основная масса архивов в СССР по-прежнему была засекречена и, соответственно, не отразилась бы в новом 10-томнике. Не случайно газета «Известия» (19.11.1990) предложила прекратить подготовку очередного (четвертого?) варианта переписывания истории Великой Отечественной войны; взамен начать публикацию для ученых неизвестных до сих пор документов того периода, а для молодежи, лишенной даже учебника истории (в 1989-90 годах на всей территории СССР были отменены в школах и вузах экзамены по истории СССР), написать и издать пару-другую честных книг о второй мировой войне.

Летом 1991 года, когда была готова первая книга 10-томной Истории Великой Отечественной войны, созданной под руководством Дмитрия Антоновича Волконогова, разразился скандал. Генерал-полковник, доктор философских и доктор исторических наук, известный всем в стране историк, видный либеральный центрист в Верховном Совете СССР Волконогов, занимавший и прежде в Советской Армии самые высокие посты, оказался в одночасье уволенным с должностей начальника Института военной истории МО СССР и руководителя авторского коллектива очередной, десятитомной истории последней Отечественной войны. Как топтали маршалы, «верные ленинцы», а точнее будет сказано – сталинисты, своего коллегу. И все за то, что первый том, охвативший период нашей истории до (!) 22 июня 1941 года, был написан честно; Волконогов, один из немногих в СССР, может быть, и единственный среди ученых, имел доступ к нужным архивам и использовал при составлении первого тома многие неизвестные документы. В отличие от коллег-перестройщиков, Волконогов усматривает корень зла не в личности Сталина, а в системе, установленной Лениным. Интересно, увидит ли свет уже готовый первый том после краха военно-фашистского путча в августе 1991 года?

В июне 1991 года в СССР вышла первая серьезная книга об афганской войне: «Вторжение. Неизвестные страницы необъявленной войны». Ее авторы Давид Гай и Владимир Снегирев, известные журналисты, на собственной шкуре, так сказать, убедились, что наша агрессия в Афганистане была и преступлением, и политической ошибкой – и опубликовали честную книгу. А это у нас пока еще (!) событие. Вот Воениздат, к примеру, не может предложить ничего достойного внимания, разве что дневник участника обороны Порт-Артура в 1905 году, записки и письма Кутузова, Суворова, Румянцева. В мае 1991 года еще сдали в набор книгу воспоминаний командующего 40-й армией в Афганистане Б.Громова... Но мощности Воениздата не простаивают.

Номер «Московских новостей» от 18 августа 1991 года (за несколько часов до путча) вышел с обращением по поводу одной возмутительной книги Воениздата, изданной миллионным (!) тиражом; таких ти-

ражей удаивались у нас пока только те, кто ругал А.Сахарова и А.Солженицына, да и то в «застойный период»:

«Увидела свет брошюра В.М.Острецова «Черная сотня и красная сотня» (М.,Воениздат, 1991, редактор Ю.Н.Лубченков). Содержание брошюры сводится к восхвалению правых черносотенных партий и обществ, действовавших в России в начале XX века, – Союза русского народа, Русского собрания и др. Эти организации характеризуются автором как «подлинно массовые», возникшие в результате «самостоятельного порыва» и к тому же сосредоточившие в себе «лучшие интеллектуальные силы страны».

Мы вынуждены констатировать, что издательство, подведомственное Министерству обороны СССР, массовым тиражом (1 млн. экземпляров) выпускает в свет публикацию с открытой пропагандой национальной розни в форме антисемитизма. Приведем некоторые примеры. Автор утверждает, что евреям присуще «особое неприятие коренных начал русского народа», явившееся источником «жестокости даже в теориях». С пренебрежением к исторической правде еврейские погромы, устраивавшиеся черносотенцами, описываются как столкновения между «леворадикалами», «боевиками из Бунда» – и «возмущенными русскими людьми», как «защита русским народом своего национального государства». В этом духе, в частности, интерпретируется известный белостокский погром 1906 г.

Полагаем, что подобное издание способствует углублению межнациональной напряженности в нашей стране, увеличению потока эмигрантов, опасющихся за свою безопасность. Книга В.М.Острецова, с нашей точки зрения, наносит ущерб престижу МО СССР; публикации такого рода дезориентируют советскую и международную общественность относительно задач и содержания политработы в Советской Армии.

Мы предлагаем Министерству обороны СССР выяснить обстоятельства, при которых публикация В.М.Острецова могла увидеть свет, и сообщить о них общественности. Мы предлагаем также Прокуратуре СССР определить соответствие данного издания действующему законодательству.

Депутатские запросы были направлены нами министру обороны СССР Дмитрию Язову и Генеральному прокурору СССР Николаю Трубину.

Народные депутаты РСФСР: Олег Басилашвили, Анатолий Беляев, Сергей Ковалев, Михаил Молоствов, Галина Старовойтова, Михаил Толстой».

В декабре 1990 года в московском роскошном здании штаб-квартиры АПН (ИАН) состоялась презентация книги (таких приемов удаивались в СССР не более десятка книг в год) шефа спецслужб бывшей ГДР Маркуса Вольфа, 33 года наводившего страх на своих соотечественников. Родившийся и выросший в Москве, на Арбате, престарелый Миша вновь попал к нам и жил у нас до сентября 1991 года. Ордер на его арест давно уже был выписан в ФРГ. Бумага для Мишиных трудов, как видим, нашлась.

Но для некоторых книг бумагу в СССР искать никто не осмеливался. Не были изданы в СССР отдельной книгой мемуары Хрущева и Сахарова. В нашей открытой печати не появилось до сих пор советологических трудов Збигнева Бжезинского, Ричарда Пайпса, Элен Карер д'Анкосс.

Хватит того, что просто иногда стали упоминать у нас изданные на Западе книги бывших советских граждан, приговоренных в СССР к смертной казни за измену Родине: В.Кравченко, В.Кривицкого,

Ю.Носенко, Н.Хохлова, О.Пеньковского, А.Шевченко, О.Гордиевского, С. Левченко и многих, многих других. Подобные книги, как правило, очень интересны и поучительны для советского человека.

В 1990 году осмелились у нас издать книгу некоего Б.Носика о Кравченко, но не саму книгу Виктора Андреевича Кравченко «Я выбрал свободу». Этот советский инженер, оставшийся в 1944 г. в США в ходе командировки, не только написал свою знаменитую книгу, которую американцы тут же раскупили в количестве 4 миллионов (!) экземпляров, но и выиграл судебный процесс против обвинившей его в плагиате и фальсификации коммунистической парижской газеты «Лэтр франсэз» с ее единомышленниками Пьером Куртадом, Андре Вюрмсером, великим Жолио-Кюри, Роже Гароди, д'Астье де ля Вижери. Им в подмогу Сталин прислал в Париж группу «свидетелей», но расходы не окупились. Книга В.Кравченко после этого была переведена на два десятка языков, только во Франции было продано 400 тыс. экземпляров.

В 1990-1991 годах бестселлером во всех странах Запада была толстенная документальная книга «КГБ изнутри», написанная бывшим разведчиком, полковником и перебежчиком Олегом Гордиевским в соавторстве с англичанином Кристофером Эндрю. Не было, наверно, на Западе газеты или журнала, не упомянувших труд Гордиевского изложением или цитированием любопытных пассажей о подвигах КГБ эпохи Брежнева-Горбачева. Один пофамильный перечень нынешних советских резидентов за границей чего стоит. На русском читать Гордиевского нам пока не грозит.

Газета «Вечерний Тбилиси» (31.1.1991) сообщила, что советско-американское издательство «Спринт» отказалось печатать на русском языке (это после заключения договора и осуществленного набора текста всей книги) 200-страничное расследование грузинского журналиста Ираклия Гоциридзе о трагедии 9 апреля 1989 года в Тбилиси. Он произвел собственное журналистское расследование кровавого разгона демонстрантов, встречался с Шеварднадзе, Язовым, Яковлевым, Лигачевым, написал свою версию событий и издал ее на грузинском языке. На русском языке в Москве многие издательства охотно соглашались и затем внезапно отказывались иметь дело с автором. Дело осложнилось после отставки Э.Шеварднадзе, который официально покровительствовал Ираклию Гоциридзе в написании этой книги. Гоциридзе, рядовой редактор тбилисской киностудии, известный в прошлом журналист, уже вошел в историю как человек, сумевший впервые в СССР провести собственное независимое журналистское расследование не административного, не уголовного, а крупнейшего политического преступления, совершенного с одобрения высочайших государственных инстанций.

Так и не были изданы в СССР отдельными массовыми изданиями «Зияющие высоты» А.Зиновьева, «Остров Крым» В.Аксенова. То, что издается, — по цене малодоступно. К примеру, в конце 1990 года можно было купить с уличных лотков в Москве книги Авторханова, Аллилуевой, Тополя. Первый известен своими блестяще написанными историческими исследованиями, дочь Сталина — достаточно тусклыми воспоминаниями о своем отце. Совместная с Ф.Незнанским книга Э.Тополя «Журналист для Брежнева» издана никому не известным издательством тиражом 500 тысяч (!) экземпляров по 15 рублей (по действовавшим до 1991 года стандартам цена, указанная на обложке, была завышена в 15-25 раз). Но зато какая книга — ни одной фальшивой ноты, преувеличения, вымысла или неправдоподобия, гротеска даже нет. Только одна чистая правда о нравах в нашей прессе, цензуре, милиции, КГБ, психушках, тюрьмах, обыденной жизни, партийных органах и в преступном мире.

В феврале 1991 года в СССР не по очень дорогой цене моментально разошелся полумиллионный тираж отечественного издания книги Владимира Войновича «Москва 2042». 10 лет назад Войнович, отталкиваясь от брежневской реальности, решил перенести своего героя на 60 лет вперед; но кто мог знать, что сроки его фантастического прогноза исполнятся так скоро и с таким неправдоподобным ускорением и зловещая романная действительность будет восприниматься сегодняшним читателем едва ли не как повесть о его жизни?

По данным «Литературной газеты» (9.1.1991), 86 процентов населения СССР если что-то и читают, то лишь газеты и «тонкие» журналы, вроде «Работницы» или «Крокодила». Приводятся данные по двум стандартным показателям, принятым в мировой практике: первый — число названий книг и брошюр, издаваемых за год на языке основной национальности в расчете на 1 млн. коренного населения (без него трудно сравнивать мощность книгоиздания больших и малых стран). Второй — число книг, выпущенных на языке коренной национальности на одного человека. Если первый показатель говорит о степени культурного разнообразия, свободе выхода нового к читателю, то второй свидетельствует о доступности тиражируемых идей и текстов.

В 1966-1988 гг. эстонский показатель первого рода был равен 1322 (один из самых высоких в мире, где первенство в данном отношении принадлежит скандинавским странам); литовский — 769,5; латвийский — 690,9; русский — 331,8 (в РСФСР), 454,9 (в целом по Союзу); грузинский — 443,6; киргизский — 201,5; молдавский — 181,6; армянский — 161; азербайджанский — 148,5; туркменский — 141,5; таджикский — 128,7; узбекский — 113,4; белорусский — 42,7; украинский — 42.

По числу книг (экземпляров) на одного русского в РСФСР приходится 12,7 экземпляра (в целом по Союзу — 14,4); эстонца — 12,2; латыша — 8,7; литовца — 7,5; грузина — 5,4; молдаванина — 2,8; узбека — 2,8; туркмена — 2,2; казаха — 2,1; таджика — 2,1; азербайджанца — 2; армянина — 1,9; украинца — 1,9; киргиза — 1,7; белоруса — 0,8.

Умеющий читать цифры поймет, какие напряжения скрыты за ними, какие процессы насильственной ассимиляции и русификации или, напротив, национального возрождения выражают «сухие» индексы национального книгоиздания.

Не случайно поэтому, что наиболее сильно сопротивление тоталитаризму именно в Прибалтике, где общий культурный и материальный уровень жизни много выше среднего по Союзу. Соответственно, и плотность сети периодики, а также уровень подписки вдвое выше.

Приходишь к неутешительному выводу: выбираться из ямы, в которой оказалась страна, предстоит уже другому поколению, более образованному, менее забитому, чем нынешнее. Нам нужно «долгое дыхание».

На Западе Россию называют иногда страной нереализующейся модернизации, имея в виду периодически возобновляемые судорожные попытки стать одной из цивилизованных стран мира. Шесть лет перестройки, проектов реформ говорят о том, что демократические идеи попросту плохо понимаются и с трудом усваиваются из-за бедности, истощенности культурного слоя. Мы — общество «социальных второродников» и рискуем (в случае правого переворота) стать «страной дураков».

В СССР проживало 150 этносов. Книги же выпускались на 73 языках, в том числе лишь на 9 языках 22 малочисленных народов. Причина проста: неприбыльно. Да и политика такая была. Украинцев даже, к примеру, хотели в Кремле целиком перевести на рельсы русскоязычия и изъять украинский язык из употребления практически полностью. Что уж там говорить о малых нациях.

Есть и другая проблема, о которой уже выше говорилось. Газета «Правительственный вестник» (№ 6, 1991) со ссылкой на Институт книги Госкомпечати СССР писала, что черным книжным рынком вынужден пользоваться каждый шестой житель страны. Денежные фонды библиотек остались на прежнем уровне, а даже официальные цены на книги выросли за последние десять лет в 3-4 раза. В массовые библиотеки поступает только 8 процентов от общего тиража книг, а их заказы на художественную и детскую литературу удовлетворяются менее чем на треть, на книги же повышенного спроса и того меньше — лишь на 7-10 процентов. Отсюда и печальный итог: число не читающей молодежи растет.

Мне вот только одно не ясно. Когда же поймут те, кто должны были бы это понять, что советские дети автоматически превращаются в

поколение, которое не любит, не умеет и не хочет читать? На Западе хоть телевидение многопрограммное есть, видео, индустрия развлечений, игрушки, наконец. У наших детей нет ничего. А теперь вот и книги детские исчезли, даже те незамысловатые, что были. Православная церковь в Киеве объявила в ноябре 1990 года о начале подписки на 12-томную книжную серию «Памятники богословской мысли». За более чем 6000 страниц международная христианская благотворительно-просветительская ассоциация «Путь к истине» запросила с православных 130 рублей (деньги вперед, только вперед). Подписчики, возможно, и получают, как обещали церковные издатели, свои 12 томов. А в том же 1990 году за тонюсенькую «Библию для детей» (великолепно иллюстрированную, изданную за границей) у московских спекулянтов приходится платить 85 рублей.

Спасибо, как говорится, отцу Питириму, многолетнему председателю Издательского отдела Московского Патриархата, народному депутату СССР. Чего он только у себя не публиковал по линии миротворчества церкви, Советского комитета защиты мира, фондов всяких. Но богослужебных книг массовыми (не научными, подарочными и т.д.) тиражами К.В.Нечаев не издавал. Любая Библия, которую можно купить за немалые деньги в каждой русской церкви, печаталась на русском языке в Брюсселе либо Париже, либо Стокгольме. Книги эти были присланы нам в подарок и даже на их титульном листе написано «Не для продажи». Ну кто сегодня будет утверждать, что деятельность отца Питирима когда-либо не устраивала высшее руководство КПСС и КГБ СССР? Этот архиепископ был скорее не отцом нашим духовным, а верным сыном родной партии.

В Советском Союзе у детей никогда не было интересных учебников. Составляли эти миллионнотиражные книги не писатели, не ученые, а просто чиновники от педагогики; вот и получался скучный, а местами и весьма пошлый текст, написанный малопонятным канцелярским суконным языком с размытыми картинками на желтой газетной бумаге. История, география, литература, природоведение, иностранный язык, отраженные в этих насквозь лживых и неумных антиучебниках, конечно же, навсегда отбивали у большинства детей интерес к гуманитарным сферам. Смирились мы с этим, как и свыклись с тем, что в каждом классе советской школы сидит по 30-40 человек.

С 1988 года не кончается переоборудование московского издательства «Просвещение», ведущего производителя школьных учебников в России. В соответствии с подписанным на очень высоком уровне контрактом американская фирма «Интерконцепс» поставила компьютеры и начала обучение персонала издательства «Просвещение». Учебники стало возможным делать во много раз быстрее, чем прежде, на пути от стола автора до парты ученика. Как вдруг Внешэкономбанк СССР от-

казался от данного ему Госпланом СССР поручения выплатить американцам почти миллион долларов за уже поставленное оборудование. По словам «МК» (4.6.1991), тот же Внешэкономбанк точно так же сорвал давно заключенный и утвержденный во всех наших верхах контракт издательства «Просвещение» с немецкой фирмой «Цимекс». Несмотря на три правительственных поручения за полгода, банк отказался платить за уже напечатанные в ФРГ учебники. Немцы приостановили отгрузку нам учебников и лишь после долгих переговоров и криков бедной советской души согласились отнести долг СССР на счет гуманитарной помощи.

Мы и сегодня еще живем по законам Зазеркалья, страны чудес. Книги у нас не столько продают, издают, читают, сколько достают, перепродают, арестовывают, прячут, запрещают, вкладывают в них свой капитал. Еще их... выставляют, экспонируют на выставках, а потом пишут об этом во всех газетах и показывают некоторые обложки по телевидению. «Халва, халва, халва», — но ведь от повтора этого слова во рту слаще не станет.

«ИМКА-пресс» известно во всем мире как старейшее русское издательство за рубежом. Основано оно было в 1921 году в Праге, с 1925 года находится в Париже, а в сентябре 1990 года удостоилось выставки своих книг в залах Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы — по инициативе Книжной палаты СССР и при участии издательства «Художественная литература». Устроителям выставки было разрешено завезти в СССР 40 тысяч экземпляров различных книг «ИМКА-пресс» на русском языке, которые после окончания выставки были распроданы всем желающим, а частично переданы в библиотеки.

В декабре 1989 года в той же московской ВГБИЛ было выставлено на всеобщее обозрение 250 наименований духовной литературы на русском языке, в феврале 1990 года можно было полюбоваться там же на 300 томов еврейской религиозной литературы на русском языке. И в том и другом случае книги никому не продавались, на руки читателям не выдавались, но было обещано открыть со временем в данной библиотеке зал религиозной литературы, первый в Советском Союзе. Боже мой, как ликовала наша пресса от этого торжественного чая с «сахаром вприглядку». Ведь, как признавала газета «Известия» (2.4.1990) в заметке об очередной выставке в Ленинграде книг и периодики на русском языке зарубежных издательств, «большинство произведений В.Войновича, А.Зиновьева, В.Ключевского, Л.Копелева, Н.Бердяева и еще нескольких десятков «нежелательных» авторов до сих пор еще не вышли из спецхранов». Да и сами эти зарубежные издательства руководитель КГБ В.Крючков в публичных речах называл центрами «империалистической, враждебной пропаганды, подрывающей устои социализма».

Умные все-таки люди сидели у нас на самом верху и занимали ключевые посты на поприще защиты коммунистической идеологии. Путем несложных манипуляций они умудрились кое-что показывать с экрана телевидения, кое-кого отпускать на все четыре стороны, насыщать рынок спорным В.Пикулем и восхитительным М.Булгаковым, а А.Солженицына и порнографические газетки продавать на черном рынке. Печатались интервью — пространные, но очень осторожные, — с членами редколлегий таких антисоветских, признанных во всем мире изданий, как парижская газета «Русская мысль» («ЛГ», 18.7.1990), западногерманский журнал «Грани» (несколько сот экземпляров журнала, который издательство «Посев» распространяло в СССР по подписке, регулярно застревали на советской таможне) и даже ежемесячный журнал правительства США «Проблемы коммунизма» («Огонек», № 52, 1990).

А почему бы и нет? Издали же у нас в 1990 году сборник официальных речей Р.Рейгана. И даже автобиографию Дж.Буша — промелькнув красивой обложкой с экранов телевизоров, эта книга куда-то исчезла, не попав даже на черный рынок. Печатали же довольно часто в «Правде», «Известиях» и в годы «застоя» застольные речи западных руководителей на приемах в Москве.

Перестройщики советского социализма не замедлили записать в ряд выдающихся наших достижений то, что Сахаров поддержал Горбачева, а Солженицын дал разрешение на публикацию осенью 1990 года в советских газетах своего письма «Как нам обустроить Россию». Так что зарабатывать очки в глазах зарубежного общественного мнения и, на худой конец, собственной отечественной интеллигенции — почему нет?

Главное, что поговорили, высказались и даже, возможно, заболтали острую тему. Мандельштам, Гумилев, Ахматова и опять Мандельштам, Гумилев, Ахматова, Цветаева, Пастернак. Лет 30-50 тому назад, несмотря на массовое уничтожение и изгнание интеллигенции — советских граждан, способных и желающих воспринять слово великих своих русских современников, было куда больше, чем сейчас. Сегодня образованных людей в СССР меньше, чем прежде. Меньше, чем прежде, наблюдается тяга людей к божьему или просто правдивому слову. Многие радуются наступившей теперь очередной оттепели. Кто уж будет требовать большего?

Интересные мысли на этот счет содержатся в статье известного советского диссидента (еще в 1987 году он сидел в ГУЛАГе за свои политические убеждения) в «Литературной газете» (23.5.1990). Статья эта была отмечена всеми основными органами мировой печати, потому что фактически впервые на страницах официальной московской прессы было дозволено заметить устами Феликса Светова, что рассвет

лишь недавно забрезжил, первые лучи солнца светят, но не греют, до воли еще далеко, тысячи диссидентов помилованы, а не реабилитированы (т.е. до сих пор остаются преступниками в глазах режима), государство стало поддерживать не столько церковь, сколько послушную ему церковную иерархию. В общем, не нравилась Ф.Светову перестройка, так как слишком нерешительно прокладывала она путь к подлинной свободе. Вот отрывок из статьи Ф.Светова «Вольному воля...»:

«И, наконец, литература – самая заметная «удача» перестройки. Что она сегодня такое? Нельзя не радоваться тиражам прежде запретных книг, они и писались для того, чтобы быть прочитанными на родине. Но нельзя забывать и о том, что на Западе они хорошо известны, как правило, не единожды переведены, и у них уже своя судьба. Думаю, их публикация спустя 20, 30, 50, а то и 70 лет после их написания делает сегодняшнюю жизнь этих книг непростой, а порой неестественной. Во всяком случае, вписаться в текущий литературный процесс они никак не могут, остаются ему совершенно чуждыми, а громогласные риторические заявления о единстве русской культуры «там» и «тут» приводят вовсе к нелепостям: Платонов и Трифонов, М.Кольцов и Манделштам, Ахматова и Синявский, Войнович и Замятин, Пастернак и Рыбаков... Вкручивая эти несовместимые книги в единую «мясорубку» и выпуская полученный «фарш» гигантскими тиражами, гласность превращает литературный процесс в нечто невообразимое: можно ли было печатать «Реквием» Ахматовой в одном номере журнала «Октябрь» с очередным клеветническим сочинением Н.Н.Яковлева? Но они были напечатаны рядом, под одной обложкой! Постыдная попытка в советскую литературу включить шедевры русской культуры XX века вместе с трагическими судьбами их авторов; насильственная их интеграция в официальную культуру и есть свидетельство уродства и неестественности сегодняшнего литературного процесса. Вчера еще гонимая культура, выброшенная на рынок перестройки, парадоксальным образом становится «уцененным товаром», экспонатом музея, перестает влиять на умы.

В этом смысле, как, впрочем, и в любом другом, самым интересным остается феномен Солженицына. Нет сомнения, что и тут попытка «вкрутить» его книги в ту же самую «мясорубку», «перемолоть» и «Архипелаг ГУЛАГ», представив его неким «историческим сочинением», повествованием о явлениях давно изжитых, а само его издание – свидетельством «нового мышления». За спиной же «Архипелага» спрятать реальные, еще живые психушки, зоны, нереабилитированных узников совести, ст. 64 и 70, процветающие репрессивные органы с их «чистыми руками»... Но «Архипелаг» не из тех книг, которые можно бросить на «рынок», рассчитывая получить нечто, – это наша общая судьба, это приговор режиму.

Томас Манн писал после войны из Калифорнии в Германию кому-то из своих корреспондентов или коллег, приглашавших его принять участие в их тогдашней «перестройке», что ловит себя на том, что не в состоянии понять, как в те годы замечательные музыканты могли в берлинских концертных залах исполнять Вагнера и как меломаны могли эту музыку слушать. Я и до сих пор ловлю себя на том же самом: книги, вышедшие у нас в последние десятилетия, без различия дарований их авторов, объединяет нечто общее – они или откровенно лживы, или полны изящных намеков, или молчат о том, о чем русский писатель молчать не смеет. Я не в состоянии отличить их друг от друга.

Еще несколько лет назад самиздат, начатый в 60-е годы романами Солженицына, печатал и печатал «Реквием», «Собачье сердце», Платонова, Волошина, Шаламова и Манделштама. Он был жалок рядом со стотысячными тиражами Трифонова и Айтматова, тут же переводившимися и восхищавшими Запад. Он был нелеп – его гонорары исчислялись лагерными сроками от трех до десяти лет. Сегодня бескорыстие самиздата называют тщеславием: не взяли талантом – возьмем шумом,

сенсацией. Тщеславие, разумеется, корысть. Но, думаю, это говорят те, кто не знает, что такое тюрьма.

Подлинная литература чужда любому политиканству, она неспособна с ним соединиться. Мертвое не соединяется с живым. Можно сказать более жестко: ночь после битвы принадлежит мародерам».

Статья Ф.Светова взывает к совести людской. Морали должен быть возвращен приоритет в политике и во всех людских деяниях. Тяжелым оказалось наше пробуждение после летаргии совести.

Бастион ГУЛАГа в Союзе писателей СССР

Читатель этой книги уже, вероятно, представляет себе условность приведенного здесь анализа советской действительности. То, что в 1988-1991 годах издавалось на эстонском, латышском, литовском, молдавском, грузинском, армянском языках, в отличие от книжно-журнальной продукции остальной части СССР – было откровенно антисоветским и антикоммунистическим. То же самое можно сказать и о русскоязычных изданиях указанного периода, вышедших в свет в Прибалтике, Молдавии и Закавказье.

Ну а в Москве, где сосредоточено большинство русскоязычных книжных издательств? Как скромно намекнула «Литературная газета» (26.12.1990), в Союзе писателей СССР ничего не делали, для того чтобы хоть начать издание трудов репрессированных писателей, тех, кто до сих пор не издан ни на Западе, ни у себя на родине. А таких ведь сотни, среди них были и талантливые люди, сгинувшие и в 20-х годах, и совсем недавно. Такую работу начали и успешно вели во всех союзных республиках СССР, но не в Москве (бумаги, говорили, нет).

Московский журнал «Столица» (январь, № 1, 1991) высказался еще более определенно – «Департамент писателей: последний бастион ГУЛАГа». Таков был заголовок статьи Владимира Лазарева, поэта и литературоведа, о правах и порядках в Союзе писателей СССР. Большинство руководителей этого творческого союза имели отношение к изящной словесности точно такое же, как и сотрудники Пятого главного управления КГБ СССР и отдела агитпропа ЦК КПСС. Всеобщая бдительность боролась с инакомыслием, распахивали непокорных по тюрьмам и психушкам, а послушных подкармливали за счет писательского же Литфонда СССР. В конце августа 1991 года партийно-кагэбешный альянс с его «социалистическим выбором» удалось вышибить из седла не только в СП СССР. Тем интереснее читается сегодня свідельство В.Лазарева, опубликованное аж в начале 1991 года.

«Давняя моя мечта – рассказать о «тайной библиотеке» ЦДЛ. Речь идет не об очередном спецраспределителе, о хранилище раритетов, куда допускаются для работы лишь живые классики. Просто как-то раз после очередного моего выступления была создана очередная комиссия, и один из ее членов в припадке откровенности сообщил

мне, что «для правильной оценки действий Лазарева» им откуда-то доставляли пухлые папки, где были подшиты стенограммы всех моих прежних выступлений, все мои персональные и открытые письма. Отдельные места были кем-то заботливо подчеркнуты.

Без особого труда я узнал, что, оказывается, существует в Союзе писателей огромная библиотека, составленная из томов, запечатлевших литературную, общественную, а также и личную жизнь всех, кто пытался в той или иной степени отстаивать правду и справедливость. Это – помимо следственных дел в особых случаях и досье в КГБ – свой, «товарищеский» надзор! Где все это сейчас находится? Стоит ли на месте? Или куда-то передано? Надо бы ценнейший этот архив сохранить – хотя бы и в ЦГАЛИ. А то в беспризорье переходного периода кто-нибудь, пожалуй, и листы начнет вырывать...

Читатель, по всей видимости, догадывается, что у писателей тоже есть начальники. И думает, будто бы начальники эти – лучшие из лучших. Между тем руководство творческого союза – штука тонкая: в правление включены фамилии всем известные, известные понаслышке и не известные вовсе. Так вот, эти последние – и правят бал. Эти «рабочие секретари» (руководящие за деньги, и немалые) – или творческие банкроты, или ловкие графоманы, или – и они будут посильнее всех – вовсе не связанные с литературой чиновники. Именно они – инициаторы и главнокомандующие памятных нам «обезьяньих процессов» и бесчестных «проработок»; и что же? По-прежнему благоденствуют, втихую перемещаются на ключевые позиции в соседних кабинетах. Как говорил товарищ Сталин, «других у меня нет»... Как они сами иронизируют – осваивают элементы нового мышления, лоснятся от старой сытости... Раньше уделы распределялись со Старой площади, теперь... Теперь – хотя и из других апартаментов, но не менее влиятельных.

«Оргсекретари» – «кумы», фактические начальники в «зоне», именуемой Союзом писателей. В их кабинетах, в их руках сосредоточены узлы всех интриг, а также нити от распределения материальных благ. Процесс этот требует не столько общих постановлений, сколько каждодневной «индивидуальной работы», ловкости и оборотистости. И они – трудятся в поте лица. Они с «надежными литераторами» и поохотятся, и на рыбалку съездят, и «по бытовой линии подмогут», и постепенно своими парнями в этой новой для них среде сделаются. И пьют вместе, и поют (оргсекретарь Москвы В.П.Кобенко «на певца учился»)... Через год их уже в комиссии литературные включают, года через три, глядишь, в писателях числят. Они и договоры о сотрудничестве с иностранцами подписывают, и «кодексы» для профессиональных литераторов вырабатывают (спорят, небось, до хрипа, отстаивая свою формулировку, – чем не работа над стилем)... Их первыми и награждают. У оргсекретаря «большого союза» (СП СССР) Ю.Н.Верченко вся грудь в орденах за «заслуги перед советской литературой». На памяти моей, скажем, безобразное преследование Лидии Чуковской, попытки «выселить» из дома в Переделкине, где жил К.И.Чуковский, де-факто существующий его музей перестроить на шикарный лад и поселить в нем нового сановного хозяина. Нечто подобное пытались сделать и с домом Пастернака. Да что там музеи – скольким живым нашим писателям товарищ Верченко содруги крови попортили. Нет им прощения – однако...

Однако – даже не отдалавшись испугом, Юрий Николаевич Верченко плавно переместился (или был переброшен) на должность... ответственного секретаря Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР. Вдобавок, при переходе из кабинета в кабинет, на пышную грудь Верченко новенький орден прицепили – на этот раз «Дружбы народов». За что? За активный вклад в интернациональное дело в годы афганской войны. Вместе с ним таким же орденом отмечена была и рыная выразительница официозных мнений в стихотворной и иной форме Л.Шипахина. В свои короткие налеты на Афганистан они витийствовали перед юными воинами, вдохновляли, так сказать. Агитировали – конечно же, не против позорной этой войны. И отбывали на «материк» с чемоданами восточных сувениров. Стыд и позор: удовлетворять амбиции, карьеру строить на костях страдальцев. Не знаю, мучает ли их хотя когда-нибудь совесть...

Клан оргсекретарей (и их сатрапов) – первый заслон на пути резких перемен к лучшему в писательском Союзе. Первый, но не единственный. Союз, который, по идее, должен был как раз другим подать пример перестройки своей деятельности (вспомним, что именно с литературных публикаций начиналась гласность), – этот Союз таинственным образом сохраняет в неприкосновенности все свои департаментские черты и по существу, как организация, является одним из упорнейших бастионов сопротивления свежим веяниям.

Тоталитарной машине не удалось перемолоть в пыль тип писателя-правдолюбца, зато она вывела путем многолетней селекции уникальный тип писателя-начальника. Причем если в 30-е или 50-е годы для этого требовалось сгубить даровитого литератора (что произошло с Фадеевым), то в годы застоя прирожденные чиновники потихоньку выбивались в писатели. Ладно там Верченко, ему пороха хватало разве что на том избранных речей: но вот его любимый шеф Г.М.Марков или последний первый секретарь В.В.Карпов – какими только регалиями не увенчаны, на какие их только языки не переводят! А они – представители типа полуоргсекретаря-полуписателя в самом чистом виде. Марков был в свое время призван с космопольской работы в подмогу Константину Федину, а потом уже «вышел из берегов» в качестве автора многотомников о единстве партии с народом. Карпов служил по литературному ведомству в Узбекистане, вотчине Рашидова, к слову сказать, тоже члена Союза писателей и большого любителя всяческих декад в республике.

Не вдаваясь в анализ литературного труда Владимира Карпова, хочу только заметить, что качествами интеллектуального лидера такой организации, как писательская, он, конечно же, не обладал. Это видно и невооруженным глазом. Однако Владимир Васильевич – еще и председатель Совета учредителей Всесоюзного агентства по авторским правам! До недавнего времени опусы Маркова, ряда ему подобных, якобы широко любимых и чтимых у нас писателей-начальников, да и книги Карпова каким-то хитроумным образом (принудительно, что ли? или по обоюдно-й выгоде? или еще как?) распространялись и издавались в десятках стран! Ну, скажите, кому в Англии или в Японии нужен роман о секретаре обкома – когда и у нас-то этого никто не читает. Однако деньги текли рекой – и, полагаю, по сей день текут немалые валютные поступления «писателям-председателям».

Система самоопыления литературных генералов включает в себя множество приводных механизмов – от «Международной книги» до Главного политуправления армии. Благодаря четкой их работе дачи руководителей СП можно видеть от Балтики до берегов Черного моря, а штабеля их сочинений – от магазинов русской книги в Монголии или Эфиопии до запляренных войсковых частей.

Убежден: отнюдь не заботой о престарелых или молодых «собратьях по перу», но исключительно личными интересами руководствуются «писатели-председатели» в нынешних тьмах с изданиями, вышедшими из-под унизительного контроля. Это – «первый звонок», и они не упустят шанса расправиться с непокорными редакторами, а заодно и оправдаться перед своими высокими кураторами за столь серьезные упущения в оргработе.

Тут будет кстати одно воспоминание. Еще совсем недавно в коридорах правления СП СССР висели портреты «правофланговых» армии «инженеров человеческих душ»: Шолохов..., Симонов..., Шагинян..., а через одного – вдруг Марков..., еще через одного – Верченко..., а дальше, еще через два-три лица, – вдруг генерал КГБ Цвигун, в ту пору первый заместитель Андропова. С помощью радетелей из аппарата «большого Союза» генерал в одночасье сделался романистом и кинодраматургом, даже получил Госпремию РСФСР! И жена его быстро была принята в Союз писателей по детской секции – как же, талант! Весьма спорно, скажем, талантлив ли Бродский..., а тут – дело бесспорное! Некоторые осторожно тогда осведомлялись про портрет Цвигуна: не двуродный ли это брат Верченко, что-то общее было в их облике. Какая наивность – все гораздо проще...

Пополнение «первых рядов» СП за счет дружественных организаций – добрая традиция. Высокие чины из военного ведомства и МИДа, из Академии наук и Минздрава, КГБ и МВД, даже отряда космонавтов, наконец, и из аппарата ЦК КПСС –

с первого раза практически единогласно. Не исключено, что относительно молодой поэт Бобков весьма способен, но, увы, не достоинствами его лиры приходится объяснять то, как скоро он выпустил несколько книг подряд, одна другой толще (даже и в подарочном исполнении – как издают классиков или лауреатов), стал сам лауреатом, был избран секретарем по международным связям СП России... В то время как с сыном нынешнего первого зама председателя КГБ происходили все эти метаморфозы, многие его сверстники, ожидая приема в Союз, потихоньку старели...

От морального кодекса (или полной аморальности) временщиков многое зависит, но – не все. Их присутствием, их безнаказанностью отравлена сама атмосфера писательской организации.

Так, может, не стоит об этом зря копыя ломать, а подождать, пока обветшавшая ветряная мельница сама не рухнет? Нет, сама она не рухнет. Ибо не так она беззащитна и безопасна.

Вот прошлый руководитель столичной писательской организации Ал. Михайлов провел реорганизацию: взамен устаревшего секретариата правления – совет (это что, в связи с возникновением Президентского совета?)... Вместо приемной комиссии – коллегия по приему...

Кто, хочу спросить, придумал, кто готовил и кто принимал эти «судьбоносные» решения? Меня лично об этом никто не спрашивал – как и никого из моих товарищей. И не в том беда, что «коллегия» ничуть не слаще «комиссии». Просто – в который раз – за революционность выдается новый грим на все том же лице «кума» в ЛитЛАНге – едва ли не последнем действующем подразделении сталинского ГУЛАГа. Печать выживания лежит на этом лице – и никакой косметикой не сообщить этому лицу ни осмысленного, ни доброжелательного, ни искреннего выражения. Уместен вопрос: лидеры ли это вообще? Нашли же силы ответить на него и театральные деятели, и кинематографисты, и архитекторы, и композиторы... Лишь писатели – держатся до последнего. По привычке? Или от бессилия?

Необходимо придать новую значимость Литфонду, вернее, возродить его первоначальный авторитет. Ведь не секрет, что и в СП-то сегодня вступают главным образом, чтобы иметь право на пенсию, оплачиваемый больничный лист, путевку в санаторий, дома творчества... Избавиться от всех «рабочих» и прежде всего – от «оргсекретарей». От всех: плохих и хороших, умных и дураков, пишущих и безграмотных. Не нужны они – откуда бы ни приходили: из секции поэзии или из КГБ. Не нужны! Надоели!

И чтобы сделать эту малость – еще одно условие: понимание того, что Союз писателей это Союз. Это товарищество профессионалов, которое имеют право возглавить лишь лидеры бесспорные. Лидеры по таланту, а не по разрядке.

Здесь же – по-прежнему перетасовывают старую колоду крапленых карт...»

Газета «Книжное обозрение» в июле 1990 года подвела итоги всесоюзного конкурса читателей и назвала сто лучших книг минувшего года. Столь поздняя публикация вызвана была противодействием руководства Всесоюзного общества «Книга» – оно не рискнуло (дело было в мае) наградить призом читательских симпатий Александра Солженицына за книгу «Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956».

На первое место вышла книга Владимира Высоцкого «Поэзия и проза». На второе – книга о В.Высоцком французской актрисы Марины Влади «Владимир, или Прерванный полет». Жаль, конечно, что обе эти книги вышли в очень сокращенном варианте. Популярность Высоцкого всенародная. Его песни, бичующие ложь, лицемерие, высмеивающие сильных мира сего, душителей свободной мысли, называю-

щие неприятные вещи своими настоящими именами, стали гимнами молодежи, получили признание как интеллигенции, так и рабочих. После Сталина никого не хоронили в Москве при таком огромном стечении народа, как барда Высоцкого (1980) и диссидента Сахарова (1989). И того и другого советская власть жестоко преследовала, оба они при жизни в СССР не издавались.

Из ныне здравствующих русских литераторов в первой десятке лишь один писатель: Александр Солженицын (5 место) – «Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956». На третьем месте – получившая большую известность книга Р.Штильмарка «Наследник из Калькутты». Далее – Александр Дюма «Граф Монте-Кристо», Валентин Пикуль «Нечистая сила», Валентин Пикуль «Фаворит», Шарлотта Бронте «Джен Эйр», Василий Гроссман «Жизнь и судьба», Борис Пастернак «Доктор Живаго».

По количеству книг-призеров в лидеры вышел недавно скончавшийся писатель Валентин Пикуль – 6 книг (6, 7, 17, 38, 56, 98 места). За ним следует Александр Дюма – 5 книг (4, 15, 24, 75, 87 места). Призер прошлогодних конкурсов – книга Анатолия Рыбакова «Дети Арбата» – на 13 месте.

Среди авторов ста книг нет ни одного из Латинской Америки, Азии, Африки. Даже, казалось бы, такой популярный в СССР литератор, как Гарсиа Маркес, в список ста не вошел. Не названы в числе лучших и книги Кафки. На черном рынке они стоят умопомрачительно дорого, но, видимо, массовый читатель авангард не воспринимает. Не знаю, как Кафку, но труды безвременно ушедшего в мир иной в конце 1990 года очень крупного философа Мераба Мамардашвили (не признаваемого и гонимого властями за ярко выраженную культуру мышления, соединенную с культурой совести) прочли бы многие, но его у нас не публиковали. Как сказал о М.Мамардашвили советник Президента СССР Александр Яковлев, «он был для многих неудобен при жизни, особенно в десятилетия нравственной блудливости».

Советский читатель никогда не имел права выбора, вынужденный читать практически лишь то, что одобрялось высоким партийно-правительственным начальством. Но выбор и сегодня действительно не богат. Писатели нужны хорошие. Но откуда их взять, когда все лучшие уехали из СССР, большинство не по своей воле. Книги бывшего профессора Московского университета, ныне живущего в ФРГ Александра Зиновьева советскому читателю не известны. Пока что Зиновьев обозначился у нас лишь в газете «Правда», которая опубликовала интервью с этим выдающимся сатириком, которого можно ставить в один ряд с Зощенко и с Салтыковым-Щедриным. «Зияющие высоты» Зиновьева, будь они опубликованы в СССР (и не в толстом журнале, как у нас принято, а отдельной книгой с тиражом, соответствующим

спросу), могли бы легко достичь астрономических цифр тиража и прибыли.

Лучшая часть литературы России XX века была издана за ее пределами и до сих пор не известна у себя на родине. То же относится и к трудам по истории, философии, социологии, экономике, литературоведению и искусствоведению и т.д. Прояви наши власти хоть малейшую заинтересованность, западные издатели при поддержке общественности и правительств в короткий срок сделали бы книгу — этот хлеб культуры — доступной для советских людей. И это при минимальных затратах. Даже переводить на русский язык ничего не надо, а наши читатели отдали бы немалые деньги за право знакомства с творчеством действительно писателей, а не отечественных деятелей номенклатуры.

Последние ведь как, бывало, издавали себя? Путем оказания взаимных услуг друг другу. Я, к примеру, — директор книжного издательства, которых в Грузии и десятка не наберется. Что я делал? Издавал собственный роман-кирпич в грузинском толстом журнале, потом в центральном русском толстом журнале. Затем отдельной книгой у себя в издательстве на грузинском языке, в московском издательстве — на русском, и во всех издательствах союзных республик и в братских социалистических странах (теперь уже бывших). Конечно же, мне приходилось тут же издать в своем собственном издательстве всех моих коллег из двух журналов и двух десятков вышеупомянутых издательств. В результате получалось море посредственных книг, дружба народов, ну и, конечно же, общая сумма гонораров за переиздание моей собственной книги, которой позавидовал бы Александр Дюма.

Наши издательства обожали печатать зарубежных классиков XIX века, благо гонораров им платить не надо, да и гарантия была, что в бозе почившие классики не примкнут к когорте западных коллег-писателей, которые нет-нет да и высказывали все что думали о кремлевской демократии.

По установившейся традиции из всего сонма живых зарубежных авторов наше правительство, а точнее идеологический отдел ЦК КПСС (каждый из инструкторов которого командовал «своим» — будь то Центральное телевидение, Госкомпечать, любая советская газета или издательство), жаловали лишь коммунистов и десяток-другой «верных друзей Советского Союза». Насчет тысяч других зарубежных авторов, когда вставал вопрос об их издании в СССР, директора издательств, вспоминая кислую мину своих шефов, в свою очередь грустнели и начинали жаловаться на невозможность выплаты гонорара в твердой валюте.

Думаю, что зарубежные авторы могли бы в порядке помощи странам Восточной Европы объявить о своем отказе в течение нескольких

лет получать причитающиеся им гонорары в западной валюте от переиздания их произведений за бывшим железным занавесом. Уверен, что наши книжные издательства тут же начали бы печатать как воздух им необходимую самую разнообразную зарубежную учебную и художественную литературу. Для этого нужна добрая воля Запада, тем более что речь идет в целом о мизерных суммах.

Правда, еще одно обстоятельство всегда мешало. Лучшие советские 114 издательств и 81 типография с персоналом в 80 тысяч человек официально были на балансе, принадлежали ЦК КПСС. Эта издательско-полиграфическая империя грабила тех, кого печатала, издавала — вся прибыль перечислялась в ЦК КПСС. Долгие годы так называемая партийная печать обогащалась за счет монопольного права на выпуск безгонорарных книг (Майн Рид или Ч.Диккенс, к примеру).

Случайно ли, намеренно ли, но крупных полиграфических предприятий по печатанию книг не было на большей части территории СССР. Фактически все они находятся в Москве и в нескольких часах езды от нее (Чехов, Можайск, Смоленск, Тверь). По одному крупному книжному полиграфическому комбинату имеют Белоруссия и Молдавия, чуть больше — Украина. Мощности по выпуску книг во всех остальных союзных республиках и областях СССР небольшие, и ориентированы они были в основном на выпуск школьных учебников и небольшого количества книг, выпускаемых крайне малыми тиражами. Надо отметить, что малым тиражом в СССР считалось любое количество экземпляров книги менее 10 тысяч. Центральные власти позаботились лишь о размещении в республиках и на огромных просторах России крупных газетно-журнальных комбинатов, на которых по матрицам, поступающим по каналам электронной связи из Москвы, печатались огромные тиражи центральных ежедневных и прочих газет, массовых журналов.

Вот и получается, что в Москве и двух недель хватит, чтобы отпечатать 200-тысячный тираж книги в килограмм почти весом и даже сброшюровать весь тираж и отправить его в магазины, а в Тбилиси этот процесс печатания и брошюровки может растянуться на многие месяцы. Выход обычной книги у нас вообще занимает несколько лет, если эта книга не идет в издательстве по скоростному режиму «молнии», т.е. без всяких задержек, за считанное количество дней. Но так печатали книги речей наших партийных секретарей и очень ограниченное количество конъюнктурных политических или юбилейных изданий.

Как правило, книгоиздательский процесс у нас — это нечто из театра абсурда, для иностранцев совершенно непонятное и нелогичное. Приходит автор со своей идеей в издательство и приносит обязательные по этому случаю план книги, ее подробное содержание, аннотацию и даже пробную главу. В случае благосклонного к автору отноше-

ния со стороны издательства и... всех власть предержащих, заявка автора начинала гулять по всем кабинетам руководителей издательства и вышестоящего комитета по печати. Если дело происходило даже в союзной республике, текст заявки все равно посылался в Госкомпечать СССР для согласования. И вот после всех мытарств издательство включало аннотацию о предстоящем выходе книги в публикуемый каждой весной тематический план издательства на будущий год. Центральные предприятия книжной торговли рассылали эти тематические планы в свои нижестоящие торговые инстанции для сбора от них заявок на каждую из объявленных к выходу книг.

Причем любому руководителю местных книготорговых управлений до августа 1991 года было ясно, что заказывать пропагандистские издания, хотя никому и не нужные, Издательства политической литературы ЦК КПСС ему все равно придется. В любом, даже сельском магазинчике, где книги продают в одном помещении вместе с другими товарами, была отдельная полка для продажи трудов Ленина и КПСС. Этот книготорговый деятель из Республики Грузия мог заказывать 10 или 25 тысяч экземпляров книг Высоцкого и его жены Марины Влади — все равно подобные книги издавали тиражом не более 50 тысяч экземпляров, а из них в Грузию слали сотню-другую для элиты и спекулянтов. Какого-нибудь никому не нужного «живого классика» из числа генералов-руководителей Союза писателей СССР в Грузии брались продавать разве что вкуче с «Книгой о вкусной и здоровой пище». Книга «классика» пылилась на прилавке по государственной цене, а кулинарный сборник тут же уходил по тройной цене, но уже из-под прилавка.

Умный книготорговец знал, что большинство объявленных к изданию книг не нужны ни ему, ни читателю, он знал, что тома, отпечатанные на полиграфических предприятиях большинства союзных республик и российских областей, неопрятны и разваливаются от первого прикосновения, что на бестселлеры с периферии рассчитывать трудно, если это не детективы Агаты Кристи и тому подобные приключенческие издания.

Читательский спрос не имел никакого отношения к политике книгоиздания в СССР. Мнение читателей безусловно учитывалось во всех случаях, но решение принималось опять же во всех случаях нестандартное, как сказал бы здесь любой западный эксперт.

Но вернемся к нашему несчастному автору. Вы помните, весной он ликовал, так как его книгу включили в красиво отпечатанную книжку тематического плана. К осени и заявки на его книгу собрали, определили тираж будущей книги, включили рукопись в план редакционной подготовки и в план выпуска будущего года (может быть, в январе, а то и в декабре). Рукопись читают редактор, заведующий редакцией, главный редактор издательства, цензор, а до этого и два-три рецензента со

стороны. Каждый из этого немалого количества читчиков старался обратить внимание остальных на любые возможные отклонения от идеологической линии партии на данный момент, проанализировать любой возможный намек на окружающую нас печальную действительность и т.д. Мнение автора при этом практически не учитывалось, все вносили в рукопись необходимые, по их мнению, изменения. Потом рукопись сдается в набор и начинается — на много месяцев — производственный процесс. Всего проходит обычно два-три года от начала работы издательства над рукописью и до выхода ее в свет.

Конечно, «перестройка» внесла в этот устоявшийся процесс свои изменения. Вот и предварительную цензуру в августе 1990 года отменили, а годом ранее издательства могли и сами, без согласования с вышестоящими комитетами по печати включать понравившиеся им рукописи в план издания. Но появились другие проблемы. Прежде не было никаких проблем с реализацией печатной продукции. Все шло по налаженной колее — что нужно издавали, продавали, неликвид годами лежал на книжных полках магазинов и библиотек, затем тихо шел на списание.

В 1991 году официальная книжная торговля в лице своего главка «Союзкнига» была еще более нужна центру, чем прежде. Положение таково, что книгу Горбачева продавали за символическую государственную цену в любом книжном магазине СССР, мемуары Ельцина продавали также по всему Союзу, но уже по бешеной цене и усилиями черного рынка, а книги первых лиц из республик — даже будучи изданными на русском языке, как правило, никогда и нигде за пределами своих республик не распространялись.

Вацлав Гавел, получивший в 1989 году премию Мира западногерманских издателей и книготорговцев тогда, когда он еще был диссидентом, а не президентом ЧССР, тоже не видел в СССР своих книг — ни на прилавке, ни под ним. А очень хотелось бы прочесть книги, написанные Иоанном Павлом II, Лехом Валенсой, матерью Терезой, тысячи и тысячи книг, которые заботливые издатели и книготорговцы Запада умудряются выпускать одновременно на множестве языков цивилизованного мира.

У нас есть специальные издательства, выпускающие книги в переводе с иностранных языков, — «Прогресс» и «Радуга». Но о каком уж тут прогрессе может идти речь, если публиковались переводные книги, оригиналы которых выходили, как правило, 5-9 годами ранее.

Огромное московское издательство «Мир» специализируется на переводных книгах западных авторов по всем отраслям техники и технологии. Развитию естественных наук, имеющих значение для нашего военно-промышленного комплекса, уделялось у нас огромное внимание. Здесь уж переводилось и издавалось на русском незамедлительно все, что представляло хоть какой-то интерес, издательский процесс

позволял выставлять переводную техническую книгу на прилавок год-другой спустя после выхода ее на Западе. На русский язык переводились также все самые известные технические журналы ведущих стран НАТО, издавались и распространялись среди соответствующего круга постоянных подписчиков.

Не случайно магазины советской технической книги (т.е. в областях естественных наук) в крупных городах на всей территории СССР и стран Восточной Европы были очень посещаемыми. В любом из них всегда можно было увидеть, к примеру, до сотни и более названий книг на русском языке по компьютерной технике советских и зарубежных авторов. В то же время даже в самом большом магазине советской книги можно было обнаружить на полках не более 2-3 наименований переводных работ западных авторов по экономике. Такая же картина – и по всем другим областям гуманитарных наук.

Может, и увидим мы когда-нибудь в Москве-Петербурге магазины уцененных книг западных издательств. Пусть это будет книга годичной давности, но и стоять она будет, возможно, совсем недорого, в рублях или даже в валюте. Желаящие изучать иностранные языки с удовольствием покупали бы западные иллюстрированные журналы сотен наименований из числа тех, что остались нереализованными среди западной читающей публики. Но стоит ли обольщаться? Газеты в СССР 1990-91 годов пестрели рекламой, предлагавшей советским людям купить за бешеные для них деньги буквально все, что душе угодно, но только не западные книги.

Здесь, на этой позиции, по-видимому, и пролегла одна из невидимых границ гласности и перестройки. Ксерокс, компьютер, «мерседес» или «нисан», туристическую поездку за рубеж, продукты и лекарства – весь этот достаточно широкий набор западных товаров и услуг стало наконец возможным приобрести в СССР по коммерческим, свободным ценам (недоступным, конечно, большинству тружеников). Но западные книги в этот перечень почему-то не вошли. Для советской таможни западная книга по-прежнему была, как для быка красная тряпка. В большинстве случаев речь не шла о той или иной сумме таможенных пошлин, просто произносилось знаменитое советское «НЕТ», и без особых комментариев.

Западные книготорговцы предпочитают оставаться оптимистами и ждать более благоприятных времен. Вот у вас, говорили они своим советским коллегам, даже кооперативные, независимые книжные издательства стали появляться. Но и это приятное новшество фактически не изменило статус-кво, т.е. монополия государства в книгоиздательском деле осталась фактически нетронутой. Вместо окрика цензора или партработника, государство регулировало дело, не выпуская из рук крупные полиграфические мощности, крупные бумажные комби-

наты и всю налоговую и финансовую политику в книгоиздательском и книготорговом деле.

Новый механизм диктата так же незатейлив, как и прежде. Хотите иметь частное издательство — пожалуйста, зарегистрируйте его. Учредителю понадобится сделать небольшой вступительный взнос в казну государства, и открывай издательство хоть у себя дома, — стол, стул и телефон, больше ничего не надо. Разве что привезти из-за границы комплект портативной электронной типографской техники, и сотню-другую экземпляров книги можно и дома сделать. Но ведь крупную типографию (это целый завод) или бумажный комбинат (это уже завод-гигант; в цех, где стоит бумагоделательная машина, легко войдут два самых больших самолета «Боинг») и в СНГ пока не купишь. Принадлежат они государству.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА VIII

РАДИО

«Радио России» против Политбюро ЦК КПСС

Это средство массовой коммуникации заняло почетное место в истории советского государства. Ничтожная часть семей в экс-СССР имеет телефон, но проводное радио с одной, редко двумя-тремя программами имеют многие. В тридцатых-пятидесятых годах в советских деревнях, на столбах у центральных площадей висели репродукторы, громогласно вещавшие весь световой день партийные лозунги и газетные передовицы, разбавляя пропаганду маршами и патриотическими песнями. И поныне, когда многоэтажный дом сдается в эксплуатацию, в нем есть вода, электричество и проводное радио. Может не быть газа, в сельской местности — водопровода, но радиотрансляцию поставят в первую очередь. Хотя утверждать, что Россия, скажем, сегодня полностью радиофицирована, было бы преувеличением — 65 млн. радиоточек на 150 млн. населения.

С отменой цензуры в августе 1990 года радио в СССР преобразилось: меньше лжи и пропаганды, больше честной информации, мнений и развлечений. Меньше дикторов, больше репортеров и ведущих, между живым словом которых и слушателем цензора и редактора уже не было. Случился переворот на советском радио. Радиожурналисты, практически впервые, получили возможность регулярного выхода в прямой эфир, т.е. отказались от услуг дикторов и предварительной записи передач на пленки, их последующего редактирования и многоступенчатого утверждения, визирования и цензуры.

Но децентрализации и приватизации на советском радио к концу 1991 года еще не было. Первая всесоюзная радиопрограмма и информационно-музыкальный «Маяк», еще одна всесоюзная программа, отошедшая недавно к «Радио России», да еще по одной-две местных радиовещательных программ в республиках и областях. Плюс Всемирная служба новостей московского радио на русском языке.

Иногда в ряде республик к этому перечню добавлялись и «пиратские» отечественные станции, вещающие без согласия на то местных властей.

С сентября 1990 года такая вот станция «Надежда» на русском языке с текстами, явно враждебными правительству Эстонии, заговорила ежедневно по два-три часа с военно-морской базы в самом центре эстонской столицы Таллинн, в нескольких метрах от резиденции правительства и Верховного Совета республики. И что можно было поделаться – глава правительства Эдгар Сависаар в ответ на вопросы журналистов лишь разводил руками. Союзные министерства внутренних дел, иностранных дел, государственной безопасности, обороны, гражданской авиации имели свои радиочастоты и распоряжались ими вне контроля государственной инспекции электросвязи СССР...

Однозначно националистическую позицию, как говорили в Кремле (патриотическую, в духе защиты национальных интересов – сказали бы другие), занимали в последние годы журналистские коллективы радиопрограмм большинства республик. Журналистика в нашей стране всегда была политической профессией и очень рискованной. Увольняемому журналисту отказывались помочь и профсоюзы и суды. Сегодня репортер с магнитофоном, фотоаппаратом или видеокамерой рискует многим в стычках оппозиционных группировок на улицах. Да и в редакционных стенах работать стало сложнее, чем прежде.

Об одном из аспектов профессии советского радиорепортера говорится в интервью «Перестройка в Гостелерадио?», которое поместила газета «Аргументы и факты» (№ 30, июль 1990):

«В феврале прошлого года приказом бывшего председателя Гостелерадио СССР А.Аксенова двое журналистов – А.Жетвин и С.Фонто́н – были отстранены от работы в прямом эфире и на три месяца переведены на нижеоплачиваемую работу. Наказание последовало после того, как в информационном выпуске программы «Маяк» они процитировали материал из польского журнала «Одродзене» о катыньском деле, что, как сказано в приказе, «нанесло ущерб интересам нашей страны», «явилось грубой политической ошибкой».

А через год с небольшим в опубликованном заявлении ТАСС советская сторона выразила глубокое сожаление полякам в связи с катыньской трагедией, назвав ее одним из тяжких преступлений сталинизма. Журналисты обратились с просьбой к председателю Гостелерадио, теперь уже М.Ненашеву, отменить приказ, обвинявший их в безответственности и политической незрелости. Корреспондент «АиФ» встретился с А.Жетвиным и С.Фонтоном.

– Только через три месяца М.Ненашев передал через своих помощников, что приказ отменить не будет, хотя и признает его несправедливым, – сказал А.Жетвин. – Объяснил это тем, что не желает создавать прецедент, который повлечет за собой волну апелляций от несправедливо обиженных людей. Мы расценивали поступок председателя Гостелерадио как проявление той системы, которая существовала на ТВ и радио при А.Аксенове и продолжает существовать при М.Ненашеве. На наш взгляд, подобный прецедент необходим, чтобы люди поверили, что в Гостелерадио наконец началась перестройка и что справедливость торжествует.

– А демократична ли сама форма отстранения радиотележурналиста от эфира?

– Безусловно, она незаконна, поскольку отстранять от эфира можно только в двух случаях: за нарушение конституционных норм, другими словами, если журналист призывает к насилию, разжиганию межнациональной розни, войне или если ставится под сомнение его профессионализм. К сожалению, на радио и телевидении отстранение от эфира вошло в практику. К примеру, меня за последние несколько месяцев отлучали не раз. В феврале – за репортаж с митинга демократических сил на Манежной площади. В июне – за то, что в сюжете «Панорамы «Маяка» о безобразиях, творящихся в аэропортах столицы, вы поинтересовался, в каких условиях совершают перелеты наши высокие руководители. И наконец, сейчас я тоже отстранен от прямого эфира только за то, что в той же передаче во время работы XXVIII съезда КПСС вступил в спор с одним из партийных функционеров.

Но что удивительно, сегодня отстранение от прямого эфира приказом уже не оформляют и никаких политических оценок не дают. Просто вызывают и говорят, что ты, мол, непрофессионально работаешь.

– На днях вышел Указ Президента страны «О демократизации и развитии телевидения и радиовещания в СССР». Как отнеслись к нему работники ТВ и радио?

– В целом появление такого Указа можно приветствовать, а вот в частности он вызывает много вопросов. Не случайно, комментируя его по ЦТ, М.Ненашев не заметил, думаю, умышленно, ряд его существенных положений. Например, ни слова не сказал по поводу того пункта Указа, где говорится о недопустимости превращения «государственного телерадиовещания в средство пропаганды личных политических взглядов его работников». А ведь этот пункт противоречит Закону о печати и других средствах массовой информации, который запрещает подобную дискриминацию даже в том случае, если личное мнение журналиста расходится с мнением руководства того органа, где он работает.

Председатель Гостелерадио говорил о необходимости сделать ТВ и радиовещание народным, признал прежний диктат над ними КПСС. Но, спрашивается, кто мешал освободиться от него сразу же после отмены 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС?

На территории РСФСР имеется 86 радиодомов и 199 городских радиоредакций. Все это после бесславной кончины КПСС в августе 1991 года отошло к российскому правительству. Но начало противоборства Кремля и Белого российского дома предвещало для «Радио России» мало хорошего. О круглосуточном вещании на всю территорию страны через трансляционную радиосеть и речи не было. Согласие на рождение «Радио России» было со стороны Горбачева небольшой уступкой Ельцину и продолжением игры в гласность и демократию.

Всесоюзное радио отметило 1991 год переменной названия своих программ. Бывшая первая стала «Радио-1», информационно-музыкальная программа «Маяк» осталась без изменений, третья программа стала «Радио-2», а четвертая – «Орфейем».

«Радио России» вошло в состав только что образованной Российской независимой телерадиокомпания (председатель Олег Попцов). Утренний блок передач («Радио-1», 6.30-9.00) призван был создать хорошее настроение, дневной («Маяк», 14.00-16.00) отводился встречам с интересными людьми, во время которых работал прямой телефон в студию, вечерний («Радио-2», 22.15-24.00) посвящался различным проблемам культурной жизни.

Но «Радио России» вскоре практически прикрыли, прекратив его вещание по первой программе Всесоюзного радио и по «Маяку», что на одну треть уменьшило аудиторию «Радио России». 5 февраля 1991 года правительство Российской Федерации заявило, что оно готово принять особые меры, если правительство СССР не отменит ограничений на деятельность «Радио России». Правительство РСФСР потребовало передать под его контроль по одному из главных теле- и радиоканалов. В противном случае, по его словам, оно воспользуется своим суверенным правом и конституционной обязанностью информировать население республики. В первые дни февраля были резко сокращены частоты, на которых вело передачи «Радио России», отражающее позицию Бориса Ельцина. Эти меры последовали после событий в Вильнюсе и Риге, вызвавших на «Радио России» поток критических высказываний в адрес центральных властей. «Радио России», кстати, совершило прорыв (на весь почти Советский Союз) информационной блокады по Литве – его журналисты одними из первых дали прямой репортаж из эпицентра событий, чем поставили в непростое положение коллег из программы «Маяк»: они выходили сразу после «Радио России», на тех же волнах и из одних и тех же студий, располагая тассовским дезинформационным браком. К их чести, они достаточно его откомментировали, что также стало важным поворотным моментом в текущей истории советского радио. С той поры критика в изданиях КПСС «Радио России» заметно усилилась. Председатель Гостелерадио Кравченко просто назвал эту станцию вражеской и сказал, что страшнее врага в эфире просто не знает...

После кровавого января 1991 года в Вильнюсе устроившие его большевики начали «закручивать гайки» и топить ненавистную им гласность прессы и только что образованной Российской телерадиокомпании. Интерес представляет статья москвича Олега Куприянова, написанная специально для нью-йоркской газеты «Новое русское слово» (12.2.1991):

«На первой пресс-конференции Российской телерадиокомпании 4 февраля в Москве было объявлено об очередной акции центрального правительства в войне с гласностью. По словам председателя компании, народного депутата СССР Олега Попцова, вечером 1-го февраля председатель Гостелерадио СССР Леонид Кравченко заявил ему, что «Радио России» больше не будет позволено пользоваться 1-й всесоюзной программой, несмотря на имевшуюся ранее договоренность между Горбачевым и Ельциным.

«Радио России» сможет выходить в эфир лишь по третьей программе, что означает слышимость практически только в крупных городах. Примерно 40 процентов населения России, прежде всего на Севере и в сельских местностях, оказывается, таким образом, лишенным возможности слушать передачи своей национальной радиокomпании.

Олег Попцов изложил аудитории аргументы «начальства» в пользу такого решения. Существующая с 10 декабря 1990 года радиостанция критикует положение центрального правительства, не соглашается с рядом указов, принятых в последнее время президентом, дает информацию, которая «ставит правительство в ту-

пик» (например, о предстоящем повышении цен на продукты). Занимать позицию, противоположную линии Центра, – значит-де занимать антигосударственную позицию, критиковать несовершенство системы – значит занимать позицию антисоциалистическую, выступать за многопартийность – антипартийную.

Руководство Российской телерадиокомпании собирается подать в суд на Гостелерадио. Ситуация рассматривается как чрезвычайная. На днях ожидается заявление в этой связи российского премьера Ивана Силаева. О решительности руководства телерадиокомпании говорит и то, что оно всеерьез рассматривает не только возможность создания в случае продолжения конфронтации собственной телевизионной и радиосети, но и размещение передатчиков «Радио России» за рубежом. Олег Попцов уже обсуждал со специалистами, не придется ли опасаться глушения передач российского радио. «Конечно, такая мера выглядела бы явным абсурдом, – сказал он. – Ведь речь идет о теле- и радиовещании суверенной республики на своей территории».

Тем не менее, Россия – единственная республика, практически не имеющая национального вещания. Для сравнения: в Казахстане общий объем национального радиовещания составляет 28 часов в день, а в России – 6 часов. В Армении ежедневно – 22,3 часа национального телевидения, в России – 3 часа в неделю.

Произошедшее с компанией «Радио Россия» стало поводом для обсуждения вообще репрессий центрального правительства по отношению к независимым средствам массовой информации и возможностей консолидации демократических сил. Не так давно 116 деятелей искусства и культуры заявили об отказе от всякого сотрудничества с Гостелерадио в знак протеста против политики Кравченко. Кинорежиссеры Элем Климов и Андрей Смирнов направили в Гостелерадио письмо с требованием снять их фильмы с показа по телевидению. Писатель-сатирик Аркадий Арканов снял подготовленную им и запланированную для показа в воскресенье (3 февраля) передачу. Московские кинематографисты собираются на днях обсудить дальнейшие меры, а также создать Фонд поддержки гласности, с помощью которого, в частности, материально поддерживать отстраненных от эфира или работы в газетах журналистов.

Пока неясно, последуют ли от Горбачева предложения о том или ином компромиссе, – ведь он слывет мастером компромиссов. Признаком возможного развития событий в этом направлении может считаться то, что некоторые наиболее популярные и опальные телепрограммы стали снова появляться, хотя и не по первому общесоюзному каналу.

Возможно, компромисс будет предложен и «Радио России» – после того, как все вдоволь навозмущаются и сделают ожидаемые официальные заявления. С другой стороны, репрессии в отношении радиостанции – вполне в духе уже четко намечившейся политики отсечения крупных городов от провинции, куда уже сейчас почти не доходят никакие печатные издания, кроме «Правды» и иже с нею. Примечательно в этом смысле, что после получения известий об ущемлении «Радио России» Олегу Попцову позвонил руководитель Тюменского телевидения и, желая подбодрить, сказал: «Мы за вас горой. Воюйте, мужики!». «Вот если бы еще и ваши нефтяники за нас горой встали!», – ответил Попцов.

По мнению народного депутата СССР Юрия Рыжова, если на сессии Верховного Совета Горбачев поставит на голосование вопрос о приостановлении действия Закона о печати, то получит не менее 300 голосов «за», чего будет вполне достаточно».

А ведь еще летом-осенью 1990 года казалось, что отныне правда сможет пробиваться в советский эфир не только из-за рубежа. Конечно, Гостелерадио СССР и тогда отлучало от эфира любого неугодного, примерно наказало радиопередачу «Аудитория» за чтение отрывков из книги Ельцина. Со вступлением в силу Закона о печати инициативные люди бросились на приступ монополии государственного радиовещания.

«Эхо Москвы спасло свою честь»

В Моссовет, Госкомпечать СССР, Мининформ РСФСР и другие ведомства пошли десятки заявок от организаций и частных лиц, желавших основать радио и даже телестанции. Многие заявки были зарегистрированы, но в эфир удалось прорваться немногим. Число допустимых частот радиовещания в СССР было смехотворно мало из-за самых архаичных в мире стандартов формирования радиосигналов. Да и диапазон наших УКВ не совпадает с распространенным в остальной части мира — вот почему западные УКВ-радиоприемники и передатчики и не работают у нас без крупных переделок. Наконец, видимо, самое серьезное — распределение частот вещания официально было монополией тандема Гостелерадио СССР и Минсвязи СССР, а фактически КГБ и МО СССР, свято защищавших партийный тоталитаризм.

Статья 7 Закона СССР о печати гласит, в частности: «Не допускается монополизация какого-либо вида средств массовой информации (печати, радио, телевидения и других)». Соответственно со вступлением закона в силу с 1 августа 1990 года реальное положение вещей в области радиовещания пришло в противоречие с законом. Каков мог быть механизм его преодоления? Прежде всего — учреждение действительно независимых от Гостелерадио СССР радиостанций. Однако стоило ли спешить регистрироваться? По Закону о печати «право приступить к выпуску массовой информации сохраняется в течение одного года со дня получения свидетельства», а на деле свободных частот просто нет. И все новые радиостанции выходили в эфир за счет сокращения вещания старых, на их же частотах.

В числе счастливиц, первых нарушителей монополии Гостелерадио СССР, оказалась группа молодых людей из радиостанции «Эхо Москвы». С августа 1990 года «Эхо Москвы» уверенно вышло на ежедневное вещание на средних волнах с 19 до 22 часов в 200-километровом радиусе вокруг Москвы, на аудиторию, по приблизительным подсчетам, в 20-30 миллионов человек. В перспективе было круглосуточное вещание, а также использование диапазонов ультракоротких волн, закупка нового более мощного передатчика, что, конечно же, должно было привлечь рекламодателей.

Главным редактором «Эхо Москвы» стал Сергей Корзун, директором — Михаил Розенблат. «Радио-М» заявило о себе бойкими монологами талантливых ведущих, отстраненных в разное время от работы в Гостелерадио СССР за «излишнюю смелость» и «недостаточную взвешенность в оценках». Независимой радиостанцию «Эхо Москвы» назвать трудно, так как в числе ее учредителей — и Моссовет, и редакция

журнала «Огонек», и факультет журналистики МГУ, и Информационное агентство «Новости» (ИАН, бывшее АПН), и ассоциация «Радио» при... Министерстве связи СССР. Именно эта ассоциация сумела когда-то выкроить себе «кусочек» эфира и вот уступила его Корзуну. А Гостелерадио СССР отказалось предоставить частоту для «Эхо Москвы», сочтя существование этой радиостанции «нецелесообразным». Не будет же монополия сама плодить себе конкурентов или самораспускаться.

Моссовет в конце января 1991 года выделил радиостанции 250 тысяч рублей на строительство 150-метровой радиомачты. И было за что! Как справедливо отметила «Независимая газета» (5.2.1991), «13 января своими репортажами о событиях в Литве эта радиостанция спасла честь Москвы».

Вот что писала об этой радиостанции «Литературная газета» (16.1.1991) в очередные для нашей катастрофы трагические дни бойни, которую учинила Советская армия у стен телецентра и телебашни в литовской столице:

«Залпы и «Эхо». Снова, как в брежневские десятилетия, миллионы людей ловили новости из Вильнюса по западным радиоголосам. И лишь по Москве мгновенно разнеслась новость: на волне 250! Частота 1206 кГц! «Эхо Москвы». Слушайте!..

И Москва слушала. Непрерывно, сменяя друг друга, в течение тринадцати часов несколько молодых журналистов независимой от Гостелерадио радиостанции горько и взволнованно говорили правду, то есть делали дело, ради которого только и можно приходить в журналистику.

О них мало кто знал до прошедшего воскресенья – узнали сотни тысяч в один день».

В штате «Эхо Москвы» всего пять журналистов и десяток техников. Летом 1991 года они занимали две комнатки в переулке за ГУМом и вешали по 8 часов в день. Всегда прямой эфир, без предварительно написанных текстов, без виз и согласований. Много информации и музыки – все это без пауз, в высоком темпе, человеческим языком, искренне, тепло и забавно. Дотаций у учредителей станция не брала, выживала за счет рекламодателей. Хотя чтобы обновить бывшее в употреблении, изношенное оборудование, необходимо иметь минимум 60 тысяч долларов для закупки импортного оборудования. По данным опросов, «Ухо Москвы» – как иногда может оговориться ведущий – слушают регулярно от 1 до 2 млн. человек.

Заголовки московской прессы об этой станции красноречивы: «Островок в океане» (журнал «Журналист», № 7, 1991) (надо думать, имеется в виду море лжи партийной пропаганды); «Эхо правды» («Аргументы и факты» – первый номер после путча). Последнюю заметку стоит привести полностью:

«Если кому-то профессия журналиста кажется очень комфортной, то он глубоко ошибается. А во время путча она становится самой опасной. Любая хунта сразу после захвата мостов и телеграфа закрывает радио и газеты. Так было и в этот раз.

Рано утром 19 августа на Никольскую, 7, в помещении радиостанции «Эхо Москвы», пришли сразу 8 человек в штатском. Предъявили документы сотрудников КГБ и приказали прекратить передачу. Главный редактор С.Корзун отказался. Тогда они сами отключили линию и опечатали передатчик, но журналисты по-прежнему собирали информацию, готовили передачу, чтобы при первой же возможности выйти в эфир.

Радиостанция «Эхо Москвы» снова вышла в эфир 20 августа в 13 часов 40 минут. Решение не подчиняться приказу новых властей вместе с журналистами принимали депутата России и Москвы, работники Министерства связи СССР. В течение двадцати часов голоса радиожурналистов «Эха» несли людям правду.

Ночью радиостанция вырубалась дважды и дважды снова начинала работу. Постоянно работали три корпункта на разных этажах здания Верховного Совета РСФСР и один – в здании Моссовета. Когда танки и бронетранспортеры начали крушить баррикады на подступах к «Белому дому» и казалось – все, к журналистам, ведущим прямую передачу, подходили люди, прощались по радио с родными, близкими... Но – минуло.

Утром 21-го власти арестовали передатчик во второй раз. По приказу коменданта Москвы генерал-полковника Калинина здание, где установлен передатчик, заняло подразделение десантников во главе с подполковником Захаровым. Днем же, когда стало окончательно ясно, что путч провалился, эти воины тихо удалились...

Радиостанция «Эхо Москвы» возобновила передачи в 15 часов 40 минут. Приблизительно в это же время в редакцию пришел отряд ОМОН и предложил свою помощь – по защите, конечно. Но она уже была не нужна».

Какие еще честные радиостанции у нас есть? Вот об одной из них рассказывает Вальдас Анялаускас в газете эмигрантов «Новое русское слово» (19.3.1991):

«Каждый вечер ровно в восемь включаю коротковолновый приемник и, как тысячи моих соплеменников, разбросанных судьбой по всему свету, замираю в ожидании позывных родины. Как когда-то ловил по ночам «Голос Америки» или «Свободу», так теперь жду с нетерпением в эфире слов «Kalba Vilnius» («Говорит Вильнюс»). Такова-то ирония судьбы... Многие литовцы на Западе сегодня обзавелись радиоприемниками с короткими волнами, которые в общем-то здесь не пользуются спросом. Вильнюское радио для нас, его получасовая ежедневная передача за рубежом – это живой голос осажденной, терзаемой лютым врагом родины, Литвы. Ежедневное подтверждение, что она жива, что борется, что не сломалась... И каждый раз, включая приемник, замираешь на мгновение: услышишь или нет привычное – «Kalba Vilnius». Особенно сейчас, после того январского кровавого воскресенья, когда вместо привычной мелодии литовских гуслей в эфире была тишина. Не знал я еще в те минуты здесь, в своем нью-джерсийском уединении, что как раз в тот момент горбачевские опричники атакуют именно вильнюское радио. Ведь когда у нас на восточном побережье Америки восемь вечера, там, в Вильнюсе, два часа после полуночи: это как раз время, когда начинался штурм. Вильнюское радио замолчало в январе почти на две недели. Теперь оно вновь вещает, хотя в захваченных зданиях по-прежнему за спинами десантников спецназа бесчинствуют капеэсовцы. Радио и телевидение независимой Литвы вынуждены теперь работать за баррикадами, в буквальном смысле. Так что, можно сказать, прямо с баррикад теперь доносятся и до нас сюда позывные «Kalba Vilnius...».

Более близкое знакомство с литовским радио полезно – упорством и мужеством Вильнюса восхищались многие жители СССР. Ведь ли-

товцы организованно вели национальное сопротивление против коммунизма и первыми обрели свободу в августе 1991 года. Парижская газета «Русская мысль» (16.4.1991) напечатала интервью с директором Литовского радио Нериусом Малюквичусом:

«— На днях исполнился мрачный юбилей — три месяца с того дня, 13 января, когда советские войска захватили литовское радио и телевидение, телебашню в Вильнюсе. Неужели эти здания до сих пор не возвращены законным владельцам?»

— К сожалению, нет. Вот уже четвертый месяц, несмотря на протесты и обращения в самые высокие инстанции Советского Союза, включая неоднократные обращения к президенту Советского Союза. В ответ — стена молчания. Не получен ответ и на обращение к Верховному совету СССР, под которым подписались 1200 членов коллектива литовского радио и телевидения. По моему мнению, М.С.Горбачев не решает эту проблему и потому, что успокоен отсутствием международной огласки факта продолжающейся оккупации зданий в Вильнюсе. И впрямь, и в Германии, где удалось побывать, и в Брюсселе журналисты хорошо знают, что в январе была попытка государственного переворота, при захвате зданий были убиты люди, но удивляются, узнав, что эти здания продолжают быть казармами для охраняющих их солдат, что работники литовского радио и телевидения должны работать в непригодных помещениях, что захваченные здания используются для клеветы на законно избранный парламент и правительство. Цивилизованному человеку трудно в это поверить, но это так. Протестуя против этого, работники ЛРТВ уже второй месяц проводят голодовку напротив своего захваченного здания, меняя друг друга каждые три, шесть, десять дней. Сейчас по всей Литве идет сбор подписей под обращением к ООН, так как радио и телевидение являются общенародным достоянием, и отнять его у народа силой является преступлением перед ним, перед общечеловеческими ценностями, за которые так ратовал президент СССР. Ведь даже против преступника С.Хусейна союзники не применили подобного средства — захватить или разбомбить радио и телевидение Ирака. Руководство страны, в которой журналист — ничто, в которой можно закрывать телевизионные программы, как прочитанную книгу, или даже танками давить людей, собравшихся защитить свое радио и свое телевидение — причем все это делается в чужом государстве, — такое правительство не может рассчитывать на долгое существование.

— *Как в таких условиях работает ваше радио и телевидение?*

— Мы восстановили все бывшие объемы радио и телевидения; например, по радио мы транслируем две общереспубликанские программы общим объемом 38 часов в сутки. Продолжаем также ретранслировать и религиозную программу «Благовест», которую на средних волнах начали ретранслировать еще в августе прошлого года. По содержанию все программы восстановлены, но, конечно, условия работы ужасные: работаем на бытовой технике, так что для западных журналистов было бы интересно посетить нас и посмотреть, что в Европе есть телевидение, работающее полностью на бытовой аппаратуре. Но мы не потеряли оптимизма, никоим образом не вернемся назад, с какими бы трудностями ни приходилось сталкиваться в посткоммунистическом обществе. Тем более, что начинают действовать и некоторые новые экономические законы, например приватизация. Этот закон вступил в силу 10 апреля. Начинают активнее работать банки, нормализуется курс обмена твердой валюты и соответственно кончается спекуляция. Назад возврата не будет. Но верим, что будет наше возвращение в наше здание радио и телевидения. Без этого мы не успокоимся».

Кошмар для Советской Прибалтики кончился. Не прошло и полувека, как все три республики обрели независимость. Доблестная Советская армия освободила здания телецентров — но те оказались прак-

тически пусты, вывезенная оттуда аппаратура периодически всплывала на толкучках Пскова, где расквартированы Черниговская дивизия ВДВ и Витебская дивизия ВВС, «бравшие» Вильнюс в январе 1991 года. Мародеры-военные нанесли вильнюсскому РТВ ущерб на многие миллионы рублей. Что не унесли, разгромили на месте. Да так, что местным коммунистам для организации своего радио и телевидения пришлось завозить хотя бы самое необходимое оборудование и монтировать его в круглосуточном режиме целый месяц, вплоть до конца февраля 1991 года, усилиями 12 специалистов-электронщиков.

Монополия Гостелерадио СССР была нарушена усилиями не только «Эха Москвы», не только военных, полгода читавших с листа свои новости литовской аудитории, но и... французов.

Зарубежные радиостанции вещают на русском языке

«Скажи, кто тебя рекламирует, и я скажу, кто ты». Подобная сенсация оказывается вполне справедливой для другой новой московской радиостанции «Европа плюс Москва», рекламные объявления о которой с изображением силуэта парижской Эйфелевой башни заполнили с середины 1990 года все центральные периодические издания ЦК КПСС. Эта совместная советско-французская радиостанция фактически оформилась как дочернее предприятие Гостелерадио СССР, полностью им контролировалась и исповедовала один главный принцип — никакой политики. С началом регулярного вещания на Ленинград с февраля 1991 года аудитория «Европы плюс» превысила 20 млн. человек. Фонотека современной западной эстрадной музыки, находящаяся в распоряжении диск-жокеев «Европы плюс», насчитывает более тысячи лазерных компакт-дисков, а сами студии начинены самым современным компьютерным оборудованием. Делались энергичные попытки наладить вещание на средних волнах через филиалы на всей территории СССР. И даже размещен был на советских предприятиях заказ на изготовление дешевых автомобильных радиоприемников, настроенных на волну «Европы плюс». Первая программа ЦТ СССР также усиленно рекламировала деятельность первой в стране музыкальной радиостанции «Европа плюс».

На этой радиостанции текстов новостей заранее не пишут, ведущие импровизируют у микрофона. Музыкальную программу каждый день выдает компьютер, который «заряжают» раз в месяц французы, когда привозят новые записи. Песни делятся по категориям: «А» — самые популярные в этом месяце, входящие в европейскую «двадцатку»; «Б» — чуть менее популярные и т.д. Песни категории «А» могут даваться несколько раз в день. Репертуар или очередность песен ве-

душий менять не имеет права – французские партнеры за этим следят строго.

С мая 1990 года москвичи начали слушать передачи парижской радиостанции «Ностальжи». Московское радио использует в своих передачах музыкальную часть, транслируемую из Парижа через спутник, дополняет этот блок в Москве советскими мелодиями и выпусками новостей.

«Радио Ностальжи-Москва» – совместная советско-французская музыкально-информационная программа на русском языке для советских радиослушателей – обосновалась в студиях московского инновационного вещания. В годы перестройки московское Центральное радиовещание на зарубежные страны перешло от пропагандистских штампов эпохи «холодной войны» к более взвешенной и более объективной информации и даже к частым совместным акциям с крупнейшими радиокорпорациями мира. В течение 6 часов в день на коротких волнах (а в будущем и на УКВ-диапазонах) льется французская и европейская музыка и, конечно же, реклама, новости. В качестве ответного жеста французская сторона принимает на стажировку в Париже советских музыкальных редакторов и других сотрудников.

Вот как описывает предысторию «Радио Ностальжи-Москва» газета «Московская правда» (29.4.1990):

«Симпатичная, но не самая молодая пара, улыбаясь с рекламного проспекта, сообщает: «Все по-другому»... Именно такой образ избрала для себя парижская радиостанция «Ностальжи», ставшая сегодня одной из крупнейших во Франции.

«Все по-другому» – это прежде всего другая аудитория; в отличие от большинства западных УКВ-станций «Ностальжи» ориентируется не на тинэйджеров, а на «золотой возраст» – слушателей от тридцати до пятидесяти лет. Конечно, есть у нее поклонники и старше, и моложе, но в любом случае это те, кто уже переболел детскими болезнями «хард рока» и «хэви металла» и теперь хочет услышать... музыку.

– Учитывая традиционный интерес советских людей к французской культуре, я верю, что наша программа привлечет их внимание. Кроме того, она открывает для французского делового мира «радиоокно» в Москву. Сегодня, когда перестройка нашей экономики дает надежду на значительное развитие связей, это привлекает многих бизнесменов. – сказал один из основателей радио «Ностальжи» Фредерик Кост.

Даже в чисто техническом плане осуществление этого проекта стало возможным благодаря своего рода конверсии. Советско-французская программа будет выходить в эфир как раз оттуда, где раньше находилось оборудование, с помощью которого глушили западные передачи на СССР. Согласитесь, символично».

С инновационным вещанием связаны были и другие достижения советского радио. Московское радио занимало первое место в мире по объему вещания на зарубежные страны – 2257 часов в неделю на 80 языках. По данным специального отчета комитета палаты общин по иностранным делам британского парламента, самую большую аудиторию слушателей собирают радиопередачи мировой службы Би-Би-Си (120 млн. человек в год). Далее следуют такие радиостанции, как «Голос Америки» (85 млн.), «Свобода» и «Свободная Европа» (55 млн.), «Немецкая волна»

(30 млн.), «Московское радио» (15 млн.), «Радио Франции» (10 млн.) и «Радио Пекина» (5 млн. человек). Московское радио занималось дезинформацией и апологетикой сталинского и хрущевско-брежневского социализма 60 лет. Потом руководители Гостелерадио СССР согласились в принципе с тем, что нет смысла «греть эфир» понапрасну (наше радиовещание на границу обходится 150 млн. рублей в год) и лучше пытаться начать продавать или просто давать блоки своих программ для использования их западными радиостудиями.

В Москве или ее окрестностях, точно так же как и на российских берегах Тихого океана, в эфире постоянно присутствуют московское радио и зарубежные станции, в том числе и вещающие на русском языке. А где круглосуточные радиoprogramмы из союзных республик? Сибирь и Дальний Восток полны строителей, военных, эзков и прочих категорий населения разных национальностей, которые с удовольствием слушали бы радиопередачи со своей родины и на своих языках — из Киева, Ташкента, Тбилиси, Еревана, Баку, Вильнюса и т.д. Подобного рода «нерусское» вещание — пока еще только в пленках. Но уже есть в центральной части России.

«Бумаги... простите, денег нет», — тут же выдаст свою присказку поднаторевший московский чиновник, умеющий отвечать на любые неудобные вопросы. На иновещание (так называется служба радиопередач Московского радио на границу, передатчики и студии которого были расположены не только в Москве, но и во многих городах вдоль границ СССР, ближе к странам — объектам нашего вещания) деньги у советского правительства находились всегда даже в тех случаях, когда было доподлинно известно, что вещание из Москвы идет в пустоту, т.е. его никто не слушает. Ну как могли слушать англоязычные программы Москвы на коротких волнах, направленные на территорию США, где большинство радиоприемников не имели коротковолнового диапазона? Как, как, что за вопросы? Вещали ведь китайцы на Советский Союз десятилетиями — и с утра до вечера, никто их даже не глушил, но никто и не слушал, хотя в большинстве районов СССР русскоязычные китайские программы с идеями и цитатами великого Мао и его наследников слышны были зачастую лучше, чем передачи Всесоюзного радио.

Сотрудники советских посольств за границей на своих мощных стационарных радиоприемниках регулярно ловили соответствующие языковые программы Московского радио и удовлетворенно докладывали об этом в центр. Зарубежные корреспонденты Гостелерадио СССР легко организовывали через различные местные ассоциации дружбы с нашей страной десятков-другой восторженных отзывов радиослушателей Московского радио, письма эти заботливо затем переводили и публиковали в специальных бюллетенях «для служебного

пользования», что и служило основанием для продолжения дальнейшей работы. Бюджетное финансирование — по возрастающей — было гарантировано, так как советский парламент такого рода статьи государственного бюджета никогда еще отдельно не обсуждал. И неизвестно еще, согласились бы народные депутаты на финансирование из дырявого кармана советских налогоплательщиков деятельности «клубов друзей московского радио за границей» (т.е. деньги наши шли, конечно, не на клубы, а на наше зарубежное радиовещание, бюджет которого пока еще никогда не обнародовался). В Верховном Совете СССР читали ведь новую еженедельную газету «Правительственный вестник» (№ 25, июнь 1990), в котором говорилось об эффективности передач Московского радио на зарубежные страны: «Наши передатчики рассчитаны на короткие волны — диапазон, все менее популярный на Западе. Там пользуются либо волнами УКВ, либо средними, слушая радио в автомашинах и дома. Так что многое из того, что мы хотели бы донести до западного человека, не доходит до него исключительно из-за нашей слабой технической вооруженности».

Вот как описывал Иван Липранди в «Новом русском слове» (7.1.1991) политическую кухню московского инновещания:

«Десять лет назад произошел такой случай. Диктор Всемирной службы вещания на английском языке Московского радио Даньчев, работая ночью в прямом эфире, отложив в сторону розданный редакциям текст и выступил от себя с разоблачениями советской агрессии в Афганистане. Расправу над ним тогда возглавил секретарь парткома Московского радио Александр Плевако. Даньчев был уволен, объявлен сумасшедшим и помещен в психбольницу. Точку в судьбе Даньчева помешала поставить развернувшаяся на Западе кампания в его защиту, и его в конце концов выпустили. Но Александру Плевако все это не помешало в 1988 году стать заместителем председателя Гостелерадио СССР — шефом Московского радио.

Трудно сказать, в какой еще организации произошло так мало изменений за последние десять лет, как в радиодоме на Пятницкой улице Москвы. Самая крупная в мире радиостанция по числу языков, стран и часов вещания оставалась по-прежнему и самой независимой в мире радиостанцией: абсолютно независимой. От своих радиослушателей. Радиостанцией, где принципиально не ставился вопрос: что, зачем и кому она хочет сообщить. Важно озвучивать печатаемое в газетах и сообщаемое ТАСС — на различных языках мира, раз уж изобретена такая вещь, как радио.

Желавших повторить подвиг Даньчева больше не находилось, а любой компромисс был невозможен: каждый материал сначала подписывал коллега по комнате как редактор, потом визировал заведующий отделом, потом главный редактор или его заместитель. В результате не то чтобы крамола, но зачастую и здравый смысл из материалов исчезали, что, однако, в вину никогда никому не ставилось.

Радиожурналисты страшно производительно работали — гонорары платились сверх зарплаты, писали по 10 и более страниц в день. Люди из дома на Пятницкой как одержимые перебирали все мыслимые сочетания, включающие слова вроде «прогрессивный», «социалистический», «эффективный» и прочее. Переводчики колотили в бешеном темпе по машинкам, расставляя до боли знакомые слова каждый день в новом порядке. Написанные материалы журналисты клали в конверты, предварительно вычеркнув слова типа «Говорит Москва!» и «Здравствуйте, дорогие ра-

диослушатели», и отсылали их ведомственной почтой в АПН, чтобы и там получить гонорар.

Материалы сотрудников АПН тем же путем шли на радио. Их охотно принимали, не только чтобы поддержать взаимовыгодную цепь, но и потому, что существовала система, обязательная пропорция, по которой на каждые 40 процентов материалов собственных работников полагалось представить 60 процентов внештатных. Говорят, система эта была заведена еще при Ленине, чтобы профессиональные старорежимные журналисты не смогли узурпировать печатное слово и просто обязаны были отдавать более половины места на газетных полосах простым людям от серпа и молота. Непрофессионализм в журналистике с тех пор утвердился как безусловный принцип.

Журналисты-международники, проглядывая с утра газеты и ленты телетайпа, искали информацию о злодеяниях империализма. Особой удачей было, если где-нибудь застрелили или повесили негра – тема «нет тебе, расизм, места на Земле» была отработана до автоматизма. Материалы о расизме особенно охотно передавали в эфир редакции, вещающие на многонациональные страны со сложной внутренней обстановкой, надеясь, видимо, разжечь там пожар и желание решить национальный вопрос раз и навсегда. Как в СССР.

Журналисты-советологи читали «Сельскую жизнь» и излагали своими словами описываемые там новые прогрессивные методы работы в сельском хозяйстве. Обладая некоторым опытом, можно было запросто до обеда написать беседу со старшим чабаном овцеводческой бригады в Киргизии. А фрагмент выступления самого чабана озвучить вечером, зайдя к соседям по дому.

Но наиболее своеобразной была жизнь в редакции радиовещания на Китай. В годы конфронтации с КНР, или период «ругани», как его называли в редакции, сотрудникам было предписано разоблачать злодеяния преступной клики Мао. Все, что творилось в те годы в КНР, было страшно похоже если не на настоящее, то на недавнее прошлое нашего отечества, только с некоторой восточной экзотикой. Так что журналисты получили уникальную в условиях работы на Московском радио возможность высказываться от души по поводу тоталитарного коммунистического режима и вдобавок описывать растущее недовольство народа антинародным режимом. Дальнейшее развлечение состояло в том, чтобы некоторое время спустя просматривать материалы зарубежных агентств: которые из них клюнули? Когда период ругани кончился, руководство редакции с сожалением говорило, что раньше творческий рост молодых журналистов шел гораздо быстрее. Увы, это стандартное сетование на молодость было – в кои веки раз – небезосновательным: после периода ругани журналистам было предложено живописать прелести советской жизни, что уже совсем не так вдохновляло молодые дарования. Экономическая реформа в той же КНР так быстро прогрессировала, что рассказы Московского радио на двух диалектах китайского языка о преимуществах бригадного подряда могли пробудить у китайского фермера только мысли о том, что у них это, слава Богу, уже прошло.

Впрочем, мы уже говорили, что Московское радио меньше всего волновал вопрос о том, что думали о его передачах радиослушатели. Призывы к «улучшению направленности» материалов обычно раздавались, когда возникала в очередной раз борьба за освободившуюся вакансию заведующего отделом или выше в редакции. То, что забота об эффективности радиопропаганды – излишняя формальность, выяснилось, когда в 1986 году был назначен новый шеф Московского радио по фамилии Кезберс, из Прибалтики, занимавший в разное время довольно причудливые посты в различных посольствах СССР. Молодой, энергичный, европейского типа человек, Кезберс захотел выяснить, как слышно Московское радио за рубежом, – раньше эту мысль себе никто в голову особо не брал. Выяснилось, что на территории СССР советское иновещание слышно вполне прилично, а вот за пределами – зависит во многом, как и наше сельское хозяйство, от погодных условий. Министерство связи СССР давно и успешно экономило свои мощности на Московском радио. Кезберс затеял перестройку. Решено было перевести кубинский отдел

из редакции Латинской Америки в редакцию социалистических стран, а турецкий отдел – из европейской редакции в редакцию азиатско-тихоокеанского региона. У Кезберса было еще несколько не менее конструктивных идей, но неожиданно, через год после появления, он пропал и вскоре был опознан бывшими коллегами в секретаре ЦК компартии Латвии и одновременно единственным такого ранга партийном функционере в составе руководства латвийского Народного фронта.

Московское радио вообще давно уже было принято использовать для транзита и отсидки. В курилках в доме на Пятницкой можно было часто услышать разговоры и воспоминания о Париже, Лондоне и Сингапуре. Это были не бывшие корреспонденты за рубежом – таковых у Московского радио практически не было. Делились воспоминаниями погорельцы – бывшие сотрудники МИДа, засыпавшие разведчики, проколовшиеся дипломаты.

После Кезберса к руководству Московским радио пришел уже упоминавшийся мной Александр Плевако. Он заявил, что Московское радио должно стать рупором перестройки. Несколько главных редакторов было отправлено на пенсию, перетасованы несколько отделов, всем журналистам в рабочем порядке сообщено, что отныне они должны иметь по всякому поводу свое мнение. А каковым это мнение должно быть, это и так ясно – иновещанию шел 60-й год. Намечалось повышение зарплаты, стали платить премии. Начали думать, как поднять уровень отечественного иновещания. И стали повсеместно вводить информационно-музыкальные передачи, и звучавшая между материалами музыка действительно улучшила передачи. По мере развития перестройки менялись и официальные материалы, зачитываемые в доме на Пятницкой. И Московское радио потеряло ту немногочисленную своеобразную зарубежную аудиторию, что с симпатией, благо издалека, следила за построением общества справедливости. Верными осталась лишь та малая категория людей, которые крутят ручку радиоприемника просто из любопытства, чем наполнен эфир. Да борцы за свободу, получавшие инструкции из Москвы, редакторы марionеточных зарубежных газет, перепечатающих наши материалы. В профессиональном же отношении ничего в доме на Пятницкой не изменилось.

Однажды в конце рабочего дня задержавшиеся на службе сотрудники обратили внимание на небольшой самолетик, круживший над Красной площадью. Несколько находчивых корреспондентов сбегали на площадь и смогли первыми проинтервьюировать Матиаса Руста. Вечером материалы не визируются – утром следующего дня они поджидали главных редакторов. А еще через день Александр Плевако объявил, что нашлись такие умники, которые не только побегали на Красную площадь, но и додумались даже написать материал об этом, который, конечно, в эфир не прошел, но сам факт говорит о незрелости этих журналистов и полной безответственности.

С 1988 года зарубежные радиостанции стали ссылаться все чаще на информацию независимого агентства «Интерфакс» в Москве. Агентство давало оперативную объективную информацию о жизни политических партий в СССР. демонстрации, заявлениях. Работа велась оперативно, профессионально. Но мало кто знает, что агентство «Интерфакс» расположено на 7-м этаже дома на Пятницкой, где готовятся новости и так называемые опорные материалы для всех редакций. Новости, составленные по принципу: минимум информации и максимум оценок и пропаганды. Как мог возникнуть «Интерфакс» на Московском радио? Вот мнение хозяина соседнего с агентством кабинета – руководителя Всемирной службы вещания на русском языке Александра Нехорошева:

– «Интерфакс» довольно странно был создан и странно существует до сих пор. Ведь передавать «жареные факты» запрещается и ТАСС, не говоря о Московском радио, а этому агентству можно. Агентство контролирует руководитель Московского радио. Руководитель «Интерфакса» – штатный сотрудник Московского радио – человек, недавно появившийся на Пятницкой, человек со странными провалами в биографии...

Пускать в авангард проверенных людей – практика древняя. Горечь Нехорошева тоже вполне понятна. Всемирная русская служба начала вещание в январе 1989

года, и с ней связывали свои надежды на профессиональную и интересную работу многие способные журналисты Московского радио. Постепенно Александр Нехорошев сколотил крепкую команду, и материалы его службы стали приближаться к приличному уровню – и по оперативности, и по объективности. Русская служба единственная сообщила об альтернативных демонстрациях 1 мая (за что Нехорошева тогда же едва не уволили).

На партийной конференции Гостелерадио руководитель программы «Время» Эдуард Сагалаев сказал: «Мы будем выпускать программу «Время» – это программа Политбюро. А еще мы будем выпускать «Телевизионную службу новостей» – пусть люди знают, что происходит на самом деле».

«Русская служба, – говорит Александр Нехорошев, – это первая попытка на Московском радио создать канал, информирующий людей, что происходит на самом деле. Попытки Плевако откорректировать курс нашей службы ни к чему не привели. Ведь нашей службе была предписана другая траектория. И 'откорректировали' меня: с ноября я уволен, на мое место прислан отмотавший свой срок секретарь парткома Московского радио».

На какую же идеологию ориентируется Московское радио? Ведь выходить из партии даже там не считается предосудительным. Не на газету же «Правду», в самом деле?

– Иновещание ориентируется лично на президента, – поясняет Нехорошев. – Плевако всегда заявлял, что будет состоять в той партии, что и Горбачев. Но самое смешное, что мы и не знаем, что на самом деле говорит им Горбачев, а что есть интерпретация. Недавняя статья нового председателя Гостелерадио СССР Кравченко так и называется «Я пришел выполнить волю президента». Одно из первых распоряжений – запрет на показ чернухи по телевидению.

– В чем же состоит «воля президента»?

– Вот передо мной недавний президентский указ «О демократизации телевидения и радиовещания». Там я вижу потрясающий пункт – о том, что журналист не имеет права на свое мнение! Насколько мне известно, президент очень озабочен тем, что средства массовой информации пошли «не тем путем» и плохо контролируются. Поэтому сейчас создается министерство информации, чтобы собрать все в один кулак. Оно будет контролировать прессу (хотя это и трудно с новым Законом о печати), телевидение и радио. Последнее очень важно. Роль телевидения и радио будет расти в связи с диким подорожанием печатной продукции с января 91-го и падением уровня жизни. Люди не будут иметь возможность читать газеты и журналы в прежнем объеме.

– С чем вы связываете свои надежды в этой ситуации?

– На прошлой неделе я присутствовал при рождении Российской государственной телерадиокомпании. Ее председатель – Попцов, писатель, бывший редактор «Сельской молодежи», генеральный директор – Лысенко, отец и бывший шеф программы «Взгляд». Появление на свет этой телерадиокомпании, несомненно, связано с той линией, которую проводит сейчас Борис Ельцин».

Январь 1991 года притормозил демократические начинания журналистов в СССР. Ультрареакционным силам в КПСС удалось реанимировать практику пропагандистской «холодной войны».

«Гласность» (24.1.1991) с огромным неудовольствием сообщила об увеличении объемов вещания американской радиостанции «Свобода» из Мюнхена на языках трех народов пока еще Советской Прибалтики. На каждую из трех республик станция вещала по часу в день, а после того, как советские войска заняли Дом печати в Риге, после событий в Вильнюсе – по три часа ежедневно.

В следующем номере коммунистической «Гласности» (31.1.1991) мнение редакции было отражено в заголовке (до боли знакомом по прежним недавним временам) – «Свободе» неймется». С какой тоской, вероятно, вспоминают наши пожилые твердолобые идеологи о тех временах, когда на просторах империи царило... принудительное радио. Не проводное радио, как сегодня в советских квартирах, общежитиях, номерах гостиниц, на всех рабочих местах на заводах и в учреждениях. А такое, которое и выключить нельзя, орущее на всех площадях десятков тысяч советских малых городов и деревень. Эта мода на общественное прослушивание радио с 6 утра до полуночи стала отходить у нас лишь к концу 80-х годов.

Мода же на огульное охаивание Запада и перечисление происков империализма стала одно время возвращаться. Чтение еженедельной газеты «Правительственный вестник» (№ 17 и № 27, 1991) навевало грусть такими вот заголовками: «Отбросив конспирацию, действуют сейчас в СССР зарубежные националистические центры»; «Лики «Свободы». Отличилось и ЦТ СССР выпуском в вечерний «пиковый» час передачи от лица сотрудника КГБ СССР О.Туманова, на которую «Российская газета» (13.4.1991) откликнулась рецензией со следующим анонсом: «О «чужих» и «наших» голосах. Центральное телевидение 7 апреля по 1-ой программе показало передачу «Чужие голоса», посвященную радиостанции «Свобода» — даже если примитивную передачу не разбирать с профессиональной точки зрения, можно констатировать, что кампания Кравченко возвращает нас к временам «холодной войны».

Тем более отрадно, что еженедельная газета «Собеседник» (№ 4, 1991) посчитала возможным опубликовать на целой полосе интервью с ответственным редактором программы «В стране и мире» радио «Свобода» Савиком Шустером. «Собеседник», теснейшими узами связанный с газетой «Комсомольская правда» и с ЦК ВЛКСМ, в редакционном комментарии и интервью с Шустером отметил, что наша страна признала, что ввод советских войск в Афганистан был крупнейшей ошибкой политического руководства страны. Но ведь это руководство и не думало раскаиваться, даже волос не упал с головы тех, кто спровоцировал эту войну и долгие годы оправдывал ее, не давая пробиться правде. Не только ведь 15 тысяч советских солдат погибло в Афганистане, но и миллион афганцев тоже. А на кого списать появление в нашем обществе сотен тысяч озлобленных, несчастных ветеранов афганской войны, искалеченных физически и морально? Еще ведь не написано о тех зверствах, которые были обычной практикой поведения советских оккупационных войск в Афганистане. Американцы из-за этой эпидемии насилия в собственных войсках и ушли из Вьетнама, много писали об этом. Мы — пока нет. С.Шустер в интервью «Собеседнику»

отметил деталь, о которой у нас мало кто знает. Эскалация насилия, крайних форм жестокости, максимальная интенсивность военных операций наших войск в Афганистане приходится на... 1985–86 годы. Не появившись у моджахедов «Стингеры», а вместе с этими переносными ракетами и надежная защита от наших нападений с воздуха, Политбюро выиграло бы войну в Афганистане. Советская Армия ушла из Афганистана, но наши огромные поставки вооружения и продовольствия тамошним советским марионеткам продолжались, причем в огромных, разорительных для нас объемах.

Начиная с 50-х годов в обиход советских людей вошло и другое радио – зарубежное. Трудно сказать, почему у нас после Сталина начали продаваться радиоприемники с коротковолновыми диапазонами. Возможно, что партийная верхушка, не желая и не умея говорить народу правду о природе режима в СССР, считало все же допустимым, чтобы среднее управленческое звено в партийно-административной иерархии имело хоть какой-то доступ к правдивой информации о положении в мире. С этой целью на стол нескольким сотням членов номенклатуры ежедневно ложились пространные копии стенограмм передач десятка западных радиостанций, вещавших на русском и других языках народов СССР. Несколько миллиардов рублей тратилось на глушение в городах «враждебных СССР западных радиоголосов». Глушение не раз отменяли, но получение радиоперехвата, снабженного вплоть до 1991 года грифом «секретно», по-прежнему рассматривалось в качестве привилегии особо важных должностных лиц (к примеру, руководитель союзного министерства, партийный секретарь республики, области).

Когда-нибудь плеяда радиокomentаторов западных радиостанций на русском и других языках Советского Союза будет переведена у нас в разряд национальных героев. Будет это сделано официально, так как фактически много десятилетий советская интеллигенция и молодежь внимала им и, конечно же, признательна им за слово правды. Ведь в советской прессе был – теперь постоянно сужающийся – круг запретных тем, полную неискаженную информацию по которым можно получать советскому человеку лишь из западных радиоголосов.

Если бы не было западного русского радио, советские люди узнали бы о Чернобыле не через несколько дней, а много месяцев спустя. «Голос Америки», Би-Би-Си, «Немецкая волна» и «Свобода» говорили о Чернобыле постоянно. В результате власти СССР четыре года спустя и сквозь зубы признали: да, (1) система оповещения населения об аварии на АЭС не была задействована; (2) в зараженном радиацией Киеве вывели 1 мая 1986 года колонны школьников на праздничную демонстрацию; (3) для жителей Чернобыля построили новые поселки опять-таки в зараженной зоне, непригодной для проживания; (4) до

сих пор сотни тысяч людей проживают на землях, сельскохозяйственную продукцию с которых потреблять нельзя, но ее, опасно радиоактивную, выращивают, заготавливают и... в лучшем случае рассылают по стране. Таким образом, радиоактивное мясо используется для добавок в колбасу где-нибудь в Сибири, радиоактивное порошковое молоко попадает на стол в Средней Азии и т.д. — нет конца этому списку преступлений, о которых годами вынуждена была молчать подцензурная советская пресса; (5) до сих пор не налажено снабжение чистыми продуктами питания и соответствующее медицинское обслуживание, не назначены компенсации населению, пострадавшему от радиоактивного облучения (особо настырным платили ежемесячные надбавки по 15 рублей). Мы только в 1990 году узнали официально, что территория пораженных радиацией областей в средней полосе России, на Украине и в Белоруссии огромна и занимает не менее половины территории Западной Европы.

Я повторяю — если бы не усилия западного русскоязычного радио, нашему правительству было бы легко утаивать всю эту ужасную информацию еще долгие годы. Нам только сегодня официально дали понять, что миллионы людей преждевременно умрут от болезней, причиной и побудительной основой которых стала радиация, полученная пусть даже и в небольших дозах. Мы до сих пор отказываемся от предлагаемой нам массивной помощи со стороны международного сообщества, в первую очередь японцев. А ведь надо заключить с ними мирный договор, отдать им Курильские острова в обмен на широкую программу помощи жертвам Чернобыля. Вместо этого МО СССР с благословения ЦК КПСС приступило к строительству трех авианосцев, одна эксплуатация которых, как публично поведал депутат Верховного Совета СССР академик Г. Арбатов, будет обходиться нашему обществу в 54 млрд. рублей ежегодно (в ценах 1991 года).

В 1989 году СССР прекратил было глушение передач американской радиостанции «Свобода». В центральной советской печати впервые стали появляться незлобные, объективистски написанные репортажи из штаб-квартиры станции в Мюнхене и даже подробные доброжелательного характера интервью с ее сотрудниками. Право иметь своего корреспондента в СССР официально получила радиостанция «Голос Америки».

И еще одно новшество — совсем уж немыслимое по прежним временам: в центральном советском официозе, газете «Известия» (14.8.1990), поместили условия литературного конкурса среди советских радиослушателей, объявленного русской редакцией радиостанции... «Немецкая волна». В жюри вошел и представитель советской стороны, в проведении конкурса приняли участие, помимо сотрудников «Немецкой волны», посольство ФРГ в Москве, генеральные консульства в Ленинграде и Киеве, Институт имени Гете, добавивший к

двум призам по 5 тысяч марок за лучшие радиорассказ и радиопьесу на русском языке, два полностью оплачиваемых места на двухмесячных курсах немецкого языка в ФРГ.

Данный конкурс явился лишь частью другой, более крупной акции. 7 августа 1990 г. произошло, казалось бы, невероятное событие: в Москве было подписано соглашение о тесном сотрудничестве между Гостелерадио СССР и радиостанцией «Немецкая волна».

Вот в каких красках рисовала портрет «Немецкой волны» Елена Тульская в еженедельнике «Куранты» (31.7.1991):

«Благодаря нашей недремлющей пропаганде даже само здание «Немецкой волны» представлялось тщательно замаскированным от посторонних глаз. Но уже из центра Кельна было видно, как вдалеке на юго-западе наподобие маяка высятся три небоскреба. Один из немцев, который сопровождал меня во время этой импровизированной экскурсии, пошутил, что «Немецкая волна» – это Останкинская башня, только разрезанная на три части. В этой шутке есть доля правды: здания штаб-квартиры и редакций возвышаются на 138 метров. Как это ни казалось странным, но русский отдел вовсе не занимает «центрального» положения. В первое мгновение вдруг показалось, что я очутилась в Союзе: повсюду говорили на чистейшем Великом и Могучем. Но это был и впрямь русский островок посреди немецкоязычной страны: большинство сотрудников здесь – бывшие граждане СССР. Моя собеседница – редактор русской службы «НВ» Нелли Косско – жила когда-то в Молдавии. Но вот уже шестнадцать лет как ее величают фрау Косско. В 1975 году фрау Косско, немка по национальности, переехала в Германию. Работа на «Немецкой волне» подвернулась неожиданно. Корреспондент «НВ» взял у нее интервью, и это стало первым непосредственным знакомством с радиостанцией. Подобными путями пришли сюда многие эмигранты из СССР. Хотя, конечно, новому поколению переселенцев приходится куда сложнее с устройством на работу.

– «Немецкую волну» считают чопорной радиостанцией, – говорит фрау Косско. – У нас не так быстро, как на Би-Би-Си или где-то еще, реагируют на политические события, не спешат восторгаться или критиковать. В этом я вижу проявление немецких национальных черт характера: педантичности, немецкой сдержанности. Мы меньше даем авторских материалов, а больше переводов из немецкой прессы. Возможно, поэтому на радиостанции и нет отдельных ярких звезд типа Севы Новгородцева на Би-Би-Си. Думаю, что на «НВ» он и не смог бы выделиться. Это связано с серьезной подачей материалов, иным стилем.

– Значит, вы обходите стороной сенсации, занимаете выжидательную позицию?

– Любая сенсация у нас тщательно перепроверяется, прежде чем попасть в эфир, даже если на это требуется время. В работе русского отдела мое время от времени пользуемся услугами корреспондентов, живущих в Союзе, чтобы получать более достоверную информацию. И здесь мне как редактору приходится частенько вмешиваться: настолько видна разница в подаче материалов ваших журналистов и западных. В России отдают предпочтение эмоциям, а не фактам. Мне хорошо запомнился случай с одним молодым журналистом из Москвы. Он готовил для нас материал о событиях в Литве, располагая при этом интересной информацией. Но акцент в своем сообщении он сделал на описании... зимней природы, уснувших деревьев, серого неба, стараясь найти художественные ассоциации с политической обстановкой в Прибалтике. В конце концов репортаж превратился в метеорологическое сообщение.

На станции «Немецкая волна» языковых отделов 34. Так что арабская, английская, португальская речь, как, впрочем, и русская, удивляет лишь гостей «Немецкой волны».

Главный на «Немецкой волне» – это, безусловно, отдел немецкого вещания, немцам знакомы не только позывные «НВ», но и ее телепередачи, прежде всего информационные программы новостей. По этой части «НВ» – номер один в Германии.

– Существует ли на «НВ» контроль за передачами со стороны правительства?

– Никакой цензуры в привычном советском понимании нет, за недостоверную или неправильную информацию радиостанция несет ответственность перед судом. Да и какая может быть цензура у свободной «Немецкой волны», получившей статус независимой общественной организации? Финансирование «НВ» осуществляет федеральное правительство Германии.

«Немецкая волна» перестала считаться у нас «вражьем голосом». По отношению к Советскому Союзу «НВ» настроена объективно и вполне дружелюбно. Не так давно по инициативе нескольких сотрудников редакторы радиостанции отправили целую серию посылок для московских детских домов и в дома престарелых в Латвию. Искренность, с которой немцы хотят помочь нам пережить трудные времена, на мой взгляд, неподдельная».

В сентябре 1990 года, пользуясь отсутствием цензуры, многие советские газеты сообщили о необычном публичном выездном заседании редакции мюнхенской радиостанции «Свобода».

Перед собравшимися выступили редактор программы РС «Права человека», член Украинской хельсинкской группы Владимир Малинкович, постоянный автор «Свободы» Дэви Аркадьев и многие другие публицисты, заочно известные благодарным советским «полуночникам», количество которых, по оценкам специалистов РС, превышает 50 миллионов человек.

Как выяснилось, все же не хватает на Украине гласности: западные «голоса» по-прежнему актуальны. Люди буквально ломались на выездное заседание. Каждому было интересно познакомиться с неофициальной версией смерти академика Сахарова, узнать о деятельности заместителя генерального секретаря ЦК КПСС, бывшего украинского премьера Ивашко на посту военного советника в Афганистане и так далее...

На вопрос, есть ли будущее у мюнхенской радиостанции, Владимир Малинкович ответил: «Сейчас в ваших средствах массовой информации звучат более резкие высказывания, чем в наших передачах. Но все же взгляд со стороны пока оправдан. Когда исчезнут все барьеры, каждый советский гражданин сумеет съездить за рубеж и увидеть все своими глазами, тогда, возможно, отпадет необходимость существования «Свободы». Но до этого еще далеко».

Годами, десятилетиями советские люди недосыпали ночами, чтобы сквозь завывание глушилок улавливать зарубежные «голоса», рассказывающие о происходящем в СССР и в мире. При Сталине за это сажали, при Хрущеве и Брежневе запрещали делиться услышанным (за распространение информации «голосов» власти по головке не гладили) и активно занимались отловом сети информаторов. Тем не менее, деньги западных налогоплательщиков не шли на ветер – любой поли-

тически активный советский радиослушатель знал, что о политических и музыкальных новостях в мире ему поведает «голос» из Лондона, американские новости он слышал из Вашингтона, «Немецкая волна» из Кельна рассказывала очень подробно о происходящем не только в ФРГ, но и во всех странах Восточной Европы, а о событиях в СССР полнее всего информировала американская радиостанция «Свобода» из Мюнхена.

Советская пресса, набрав воды в рот, следила очень внимательно за всеми сюжетами новостей по этим зарубежным «голосам», пыталась отвечать на них — но никогда практически не упоминая эти радиостанции. Чего только мы не делали с этими станциями, и шпионов туда засылали, и передатчики им взрывали, и публиковали у нас повести о низком моральном облике эмигрантов — сотрудников «голосов», и глушили «вражеские программы» в эфире, и радиоприемники никудашные миллионами выпускали, и радиослушателей наших терроризировали. Все без толку. Приходили утром на работу советские люди и обменивались тайком с верными людьми только что услышанным. А в высших учебных заведениях КПСС, да и на прочих «гуманитарных» кафедрах десятки и сотни «ученых» и партработников наводняли страну брошюрами и статьями по «контрпропаганде» и «эффективному противодействию буржуазной, империалистической пропаганде», по критике национализма и утверждению идеалов коммунизма. Половодье лжи, за которую ее авторам неплохо платили. Сколько людей на этом кормилось!

Лучом света в темном царстве были для жителей СССР западные радиопередачи. Правящие кремлевские круги использовали получаемую информацию в своих целях. А глушилки трещали без умолку (перед микрофоном устанавливали шумный моторчик и передавали эту какофонию в эфир). «Обслуживали» таким образом все советские города, вплоть до районных центров. Понятно, что эффективное глушение обходится дороже, чем сами передачи, которые надо «забывать», — там, где «Голос Америки» тратил один доллар, мы тратили в сотни раз больше на «глушилки» для него.

Но было, конечно, и много тихих, да и просто заповедных мест на необъятной территории СССР (социалистические страны Восточной Европы, кстати сказать, глушением западных станций не занимались ввиду полной бесперспективности таких занятий — слишком близко от их границ располагались соответствующие радиопередатчики). Скажем, в сельской местности у западных границ нашей страны мощными приемниками улавливались все радиопрограммы Запада на русском языке и по проводам передавались в Москву, на Пятницкую, в студию «радиоперехвата» Гостелерадио СССР. Легион стенографисток, машинисток, редакторов и техников все это записывали на магнитную пленку, расшифровывали и печатали в трех экземплярах. Со-

ответствующего ранга дежурный начальник прочитывал все новости по мере их поступления и тут же докладывал о них руководству Гостелерадио СССР, а те — в ЦК КПСС, на «самый верх». Руководство западных, в большинстве своем правительственных или теснейшим образом связанных с официальными властями, радиостанций прекрасно было осведомлено о том, что важное сообщение, переданное в эфир на русском языке, будет через несколько минут (даже в любое время суток) доложено в Кремле тем, для кого эта информация окажется в данный момент особо интересной и необходимой. Своеобразная система быстрого реагирования, существующая и поныне.

Подобного же рода операции по письменному фиксированию радиоперехвата на языках других народов СССР проводили и проводят сейчас в республиках. Москва только в 1990 году начала потихоньку заниматься ретрансляцией на весь Союз передач из союзных республик на их языках. Сама же Москва радиопередач на национальных языках республик СССР не готовила, все шло только на русском. А вот американцы вещали на СССР на двух десятках языков. Грузины, армяне, украинцы, жители Прибалтики и Средней Азии слушают точку зрения своих соотечественников, работающих на «Голос Америки» и на «Свободе». И слушают очень внимательно, заинтересованно.

Если русскоязычные московские журналисты, освещающие очень острые и порой запутанные проблемы национально-освободительного движения в теперь формально суверенных республиках экс-СССР, регулярно «салятся в лужу» по недомыслию, незнанию местной специфики, то с грузинами (узбеками и т.д.), работающими в грузинских (узбекских и т.д.) редакциях американских радиостанций «Голос Америки» и «Свобода» (на Западе она более известна под названием «Свободная Европа», филиал, вещающий на бывшие социалистические страны Восточной Европы), таких ляпов случается куда меньше. В то время как Москва средствами пропаганды навязывает республикам определенные точки зрения и свою волю, американцы-эмигранты из СССР просто информируют своих соотечественников, стараясь и сегодня и вчера не заниматься ускорением событий, провокациями и подстрекательствами.

Каждому мало-мальски интересующемуся политикой гражданину в Грузии всегда были известны имена и голоса Марины Эдлис (Эбралидзе) из грузинской редакции «Голоса Америки» и Константина Надирашвили из русской редакции «Свободы». А теперь в газете «Вечерний Тбилиси» (12.12.1990) и в «Молодежи Грузии» (31.8.1990) он видел портреты этих людей, читал комментарий специального корреспондента радиостанции «Свобода» Владимира Матусевича из Осло о торжественной церемонии вручения Нобелевской премии мира за 1990 год Президенту СССР М.С.Горбачеву. Как говорится, впору протереть глаза: в номере «Вечернего Тбилиси» (12.12.1990) интервью с Эллис сопровождается на

другой полосе пространном мнением заведующего русской редакции «Свободы» В. Матусевича. И ни у меня, ни у кого не возникает сомнения, что тассовский отчет для советской прессы об этом событии в Норвегии был куцым, скучным и неинформативным. Ну не скажет ведь тассовец о том, как выступали в Осло члены Верховных Советов Литвы, Латвии, Украины, активисты правозащитного движения из России и Молдовы с резкой критикой в адрес решения нынешнего Нобелевского комитета.

Указ президента Б. Ельцина об открытии корпунктов «Свободы» в России

Конечно же, журналисты-эмигранты с западных станций, вещая на нас, отрабатывают свой хлеб. Конечно же, мы знаем, что русскоязычные направленные на нас с начала 50-х годов «империалистические» радиопрограммы защищают в первую очередь интересы тех или иных западных государств, т.е. своих учредителей. Кто платит, тот и музыку заказывает. Но выбирать то нам не из чего, вот и приходится слушать «вражий голоса». А они, хитрецы такие, так и норовят нам все больше объективную да оперативную информацию сообщать про нас самих. Стараются, значит, как лучше. А у наших все недомолвки, искажения всякие и т.д. При фактически разгромленной прессе КПСС ее роль до сентября 1991 года выполняли центральное (московское) радио и телевидение. Аудиовизуальные средства массовой информации на шестом году перестройки стали главным рупором президентской власти, голосом Москвы и всех ее центристских и правых сил.

Эмигранты-журналисты из радио «Свободная Европа» были голосом оппозиции в странах Восточной Европы вплоть до полного поражения тамошних компартий. То же самое продолжалось и у нас в СССР — «Голос Америки» и «Свобода» при поддержке аналогичных «голосов» из Би-Би-Си и «Немецкой волны» распространяли и усиливали влияние наших антикоммунистов, националистов и прочих реформаторов из СССР, оперативно обеспечивая им всесоюзную (!), по необходимости и всемирную аудиторию. Без усилий американских «Свободы»-«Свободной Европы» (Мюнхен) не было бы польского профобъединения «Соллидарность» и Леха Валенсы, Вацлава Гавела и даже Бориса Ельцина. У коммунистических партий, правивших чуть не на одной трети земного шара, от востока Европы и до берегов Тихого океана, существовала во второй половине XX века крепкая оппозиция в лице антисоветских и антикоммунистических радиоголосов из Мюнхена и их не менее компетентных коллег из доброго десятка западных радиопунктов.

А что же случилось после падения Берлинской стены и других подобных катаклизмов на востоке Европы? Журнал «Тайм» (26.11.1990)

так излагал суть перемен в статье «Орудие капитализма живо. Радиостанция «Свободная Европа» уцелела после завершения конфликта, который ее породил»:

«Если заболевание искоренили, то должна ли также организация, основанная исключительно ради того, чтобы помочь в этом, лишиться разумных оснований для своего существования? С подобной дилеммой время от времени сталкиваются благотворительные организации, которые имеют дело с такими практически искорененными заболеваниями, как полиомиелит и оспа. Недавно то же самое казалось верным и применительно к американской корпорации, субсидируемой государством, которая была создана для борьбы с тем, что Вашингтон всегда считал политической болезнью, т.е. с коммунизмом. Радиостанция «Свободная Европа» и ее филиал радиостанция «Свобода» были в сущности порождениями холодной войны, которые должны были служить в качестве гласа свободного мира, обращенного к подневольным народам Восточной Европы. Теперь, когда коммунизм прекратил свое существование на большей части этого региона и утратил черты тоталитаризма на большей части оставшейся территории, возникает вопрос: должны ли РСЕ/РС последовать примеру исчезнувших ископаемых животных?»

По всей видимости, нет или, по крайней мере, пока нет. Радиостанции понесли временные потери среди своих слушателей, когда восточноевропейцы переключились на местные станции, с которых была снята цензура, но в последнее время их число снова возросло. Отчасти это явилось результатом открытия бюро РСЕ/РС в Будапеште, Праге и Варшаве и принятия на работу около 50 журналистов из Восточной Европы, которые немедленно реагируют на события в своих репортажах, что не под силу сотрудам радиостанций, базирующихся в Мюнхене. В равной степени важен и тот факт, что отсутствие контроля со стороны государства не дает гарантий объективного и достаточно полного освещения событий. Многие организации СМИ в этом регионе, как утверждает президент РСЕ/РС Юджин Пелл, «горят желанием выражать мнение, любое мнение» и не делают никаких усилий для того, чтобы давать многоплановый обзор событий.

В худшем случае те, которые ранее глушили передачи РСЕ/РС, терпимо относятся к этой радиостанции; в лучшем случае ее активно поощряют к продолжению радиовещания. Венгерский премьер-министр Йозеф Анталл сказал, что РСЕ «в здоровом соревновании с нашими собственными журналистами может служить эталоном качества и взвешенного подхода». Чехословацкий президент Вацлав Гавел заявил, что подобные западные вещательные компании «гораздо более опытные и компетентны в информационном освещении событий, нежели наше радио или другие СМИ». Прошлым летом Гавел играл от имени РСЕ/РС роль посредника при выработке договора об аренде трех средневолновых передатчиков, которые охватывают гораздо больше слушателей в Чехословакии, нежели коротковолновые передатчики.

В значительной степени благодаря такой поддержке Конгресс США не очень настаивает на сокращении ежегодной сметы РСЕ/РС, которая составляет 200 миллионов долларов. Однако президентская комиссия занимается изучением долгосрочной перспективы для этой компании с целью, возможно, выработки рабочих контактов (совместной работы) с радиостанцией «Голос Америки», являющейся отделением Информационного агентства США (ЮСИА). Многие сотрудники РСЕ/РС без особого восторга относятся к этой перспективе. Они считают, что радиостанция «Голос Америки», которая по закону обязана «содействовать пониманию и поддержке за рубежом политики и действий Соединенных Штатов», является по существу рупором Вашингтона, а их компания является высококлассной службой, заменяющей собой местные СМИ. В тех районах, где РСЕ/РС пользуется достаточной популярностью и где могут быть удовлетворены требования закона, одним из возможных выходов для радиостанции из этой ситуации могла бы стать приватизация

службы и передача местной рекламной информации. По крайней мере таким образом можно было бы продемонстрировать капитализм в действии».

Как писала газета «Правительственный вестник» (№ 1, январь 1991), около «2000 советских «глушилок» мощностью от 5 до 200 киловатт защищали эфир на территории всей страны от происков зарубежного радио. Теперь 200 «глушилок» работали на ретрансляцию радиопередач в Москве из союзных республик, 200 — обеспечивали коротковолновую связь для военных, моряков, милиции и т.д., 80 — добавили для советского иновещания, 500 законсервировали (!), а остальные списали».

С 1990 года было отменено ограничение на производство в СССР радиоприемников с диапазоном коротких волн ниже 25 метров. Отсутствие в продаже приемников с волнами от 13 до 25 метров позволяло экономить на глушении зарубежных радиостанций на языках народов СССР. Кстати, о глушении. Оно было возобновлено у нас с помощью более современных методов. Вместо былого грубого завывания в эфир стали пускать музыку и прочие радиопомехи, почти полностью забивающие западный «голос». Как обтекаемо выразился в своем телефильме (ЦТ СССР, 7.4.1991) сотрудник КГБ, проработавший много лет на РС Олег Туманов, «с 1988 года глушение радиостанций практически полностью прекращено». Такая изящная формулировка в переводе с новояза лжи на обычный язык означала, что глушение, как правило, продолжалось.

С нами все ясно, а как у них? Они — на «Свободе», тоже ведь не совсем свободны. Вот как отвечал на вопросы главного редактора московского журнала «Столица» (№ 24, 24.6.1991) Андрея Мальгина директор русской службы радиостанции «Свобода» Владимир Матусевич:

«— Менялось ли что-нибудь в деятельности радиостанции за этот период? Менялась ли направленность, тональность передач?»

— Разумеется. За исключением нескольких последних лет, мы были практически в полной изоляции от Советского Союза. Получали одно письмо в три месяца, и то это было, как правило, ругательное гэбистское письмо. Мы не знали, кто нас слушает, сколько вообще слушателей...

— А сейчас знаете?

— Более или менее. Будучи киноведом, я ездил на разные международные кинофестивали. Старые знакомые, столкнувшись со мной нос к носу, менялись в лице, старались заскочить за ближайшую же дверь. А если кто-то заговаривал — какой-нибудь Георгий Капралов или Ростислав Юренев, — уже на третьей фразе было ясно, кто дал задание провести со мной разговор и зачем этот разговор нужен.

Мы не чувствовали своей аудитории, и это нас расхолаживало. Была возможность скалтурить, можно было забивать эфир чем угодно. Того чувства ответственности, которое мы испытываем сейчас, зная, что у нас многомиллионная аудитория, не было.

Когда я пришел на радио, я застал среди сотрудников русской службы людей, относившихся еще к первой эмиграции. Это были уже пожилые люди. Виктор Франк, Владимир Варшавский, Гайто Газданов, хотя и были в меньшинстве, влияли

на обстановку на станции. Большинство же составляли представители так называемой «второй волны эмиграции», то есть военные и послевоенные эмигранты. Где-то в середине 70-х стали появляться эмигранты «третьей волны», встреченные «второй волной» в штыхы. Во многом претензии к ним были справедливы. Наше американское начальство в то время брало на работу по принципу «профессия: русский», а кем был человек в доэмигрантской жизни – бухгалтером, военным или инженером, – их интересовало меньше. Поэтому было взято много случайных, талантливых людей. Особенно их беспомощность выявили нынешние, перестроечные годы. К счастью, у нас сейчас много и талантливых сотрудников, журналистов божьей милостью.

– *Когда началась перестройка и «Свободу» перестали глушить, как на станции отнеслись к этому? Вы сказали, что появилось чувство ответственности. . .*

– Не то слово. Мы пережили шок. Началась перестройка и у нас. Теперь мы действовали в ряду советских средств массовой информации, и хотели мы этого или не хотели, начиналась конкуренция. Сейчас считается, что наша слушательская аудитория – самая большая в СССР. А ведь мы никогда не заигрывали с аудиторией, не пытались ее завоевать. Так, как это делает «Голос Америки», вводя молодежные программы с мнимым диск-жокеем, на ломаном русском языке зачитывающим мемуары Майкла Джексона. Мы не опускались до этого уровня.

– *Сколько писем сейчас получает радиостанция «Свобода» из Советского Союза?*

– Точно не знаю, но думаю, около 60 в неделю. К сожалению, у нас нет элементарной систематизации и изучения приходящей почты....

– *Не может быть! У вас же мощный исследовательский центр.*

– Да, но главным образом он занимается обработкой советской прессы, переухватом и анализом советских радио- и телепрограмм, изучает выступления официальных лиц, сообщения информационных агентств... Это большое подспорье в нашей работе.

– *Наш журнал там тоже читают?*

– Самым внимательным образом... Возвращаясь к письмам, скажу, что меня радует большое количество писем от молодых радиослушателей – от студентов, работяг из каких-то богом забытых дыр. Они все понимают, рассуждают очень здраво, интересно.

– *Можете вы сформулировать, на какого слушателя работает радиостанция?*

– Не могу. Мы работаем на все категории населения. Правда, в основном мы делаем политические программы, а если человек абсолютно не интересуется политикой, он вряд ли будет нашим регулярным слушателем. Но таких людей, насколько я знаю, сейчас в Советском Союзе все меньше.

– *И все-таки у вас не только голая политика. Много специальных программ по вопросам культуры. Несколько регулярных передач, в которых рассматривается национальный вопрос...*

– Когда началась перестройка и гласность, мы забеспокоились. Нам казалось, что советские средства массовой информации наступают нам на пятки. Но сейчас мы успокоились: наиболее болезненные проблемы советские газеты и журналы, и уж тем более телевидение и радио, не поднимают. К ним относятся и межнациональные, и просто национальные проблемы. Что-то пытается в этом направлении делать еженедельник «Союз», но у него маленький тираж. Центральное телевидение в своих передачах сообщает о событиях в республиках откровенную ложь. Мы же стараемся максимально полно освещать эти события.

Что касается культуры, то мне пришлось в свое время буквально сражаться со многими сотрудниками русской службы, недооценивавшими значение этой темати-

ки. В наших программах по культуре политика существует органично, вне примитивно, плоско понимаемой злобы дня. Это нравится слушателям. И я, например, знаю, что у ежедневной программы «Поверх барьеров» – большая аудитория, и не только в интеллигентской среде.

– У радиостанции «Свобода» есть еще одно достоинство: она позволяет взглянуть на наши события со стороны. Такой взгляд со стороны, не замутненный личными или групповыми пристрастиями, очень полезен... Но вот в последнее время вы стали все шире привлекать к сотрудничеству авторов из Советского Союза. Некоторые программы – как, например, «В стране и мире», «Аспекты» – полностью состоят из сообщений, переданных по телефону разного рода советскими корреспондентами. Конечно, это делает вещание более оперативным. Но нет ли опасности потери того достоинства, о котором я только что сказал? Не боитесь ли вы превратиться в рупор каких-то определенных общественных сил в Союзе?

– Такая опасность существует. Необходимо соблюдать пропорции. Но без помощи десятков наших корреспондентов и авторов из разных концов Советского Союза нам сегодня просто не обойтись. Как правило, мы даем им задание, просим подготовить сообщение на ту или иную тему. Некоторые не оправдали наших надежд, мы перестали с ними сотрудничать, но другие проявили себя как блестящие репортеры. Они участвуют в наших передачах изо дня в день.

– Вы им платите?

– Но вы же в журнале платите гонорар своим авторам. Что ж тут такого?

– Едва ли не каждый час радиостанция «Свобода» напоминает слушателям, что финансируется конгрессом Соединенных Штатов Америки. Насколько я знаю из нашей прессы, в конгрессе, да и в американских средствах информации время от времени всплывает вопрос: а нужна ли в наши дни радиостанция, рассказывающая русским о них самих, если в стране устанавливается свобода слова, возникли новые газеты, журналы, новые радиостанции, наконец. Содержать радиостанцию с круглосуточным вещанием на русском языке (а ведь еще есть вещание и на других языках СССР) – достаточно дорогое удовольствие для американских налогоплательщиков. Вы не боитесь, что вас закроют?

– Такой вопрос мне задают часто. И каждый раз я отвечаю: нет, не боимся. В США никто не обманывается насчет уровня советской гласности. До подлинной свободы слова в СССР еще очень и очень далеко. Если и возникают какие-то сомнения, то в основном они касаются радиостанции «Свободная Европа», вещающей на языках бывших социалистических стран Европы (а теперь еще на языках прибалтийских республик). Но недавно президенты Чехословакии и Польши обратились к американскому конгрессу с просьбой продолжить финансирование «Свободной Европы». Более того: теперь и в Праге, и в Варшаве, и в Софии передачи этой радиостанции ретранслируются местными передатчиками. Буквально на днях состоялось слушание в конгрессе по поводу финансирования «Свободной Европы» и «Свободы». Никто не усомнился в нужности нашей радиостанции.

– Кстати, полгода назад президент Буш высоко отозвался о деятельности как той, так и другой станции... Получается, что американское руководство тратит большие деньги для того, чтобы способствовать развитию демократии в других странах?

– Получается, так.

– А не является ли подобная деятельность вмешательством во внутренние дела других стран, в частности нашей? Кто в состоянии решить, какие процессы в стране позитивные, а какие нет, для того чтобы поддержать одни и не поддерживать другие? Все это достаточно зыбко...

– С самого начала радио «Свобода» и радио «Свободная Европа» задумывались как суррогат внутренних средств массовой информации (по-английски «суррогат» звучит, в отличие от русского языка, вполне нейтрально). Необходимость в суррогате отпадает, когда появляются полноценные продукты. Повторяю, это дело отдаленного будущего. Даже при благоприятном развитии событий понадобится несколько десятилетий, прежде чем в Советском Союзе восторжествуют цивилизованные демократические нормы.

– Бывает ли, что какие-то устремления сотрудников русской службы вступают в противоречие с задачами, которые перед ними ставит американская администрация?

– Бывает. Но для этого существует редакционный контроль. Право редактора: пустить или не пустить программу в эфир, а если пустить – то что из нее убрать, а что добавить.

– А вам не мешает постоянный контроль со стороны американцев?

– Американская администрация? Я американский гражданин.

– Я имею в виду редакторский, цензорский контроль.

– Давайте уточним: редакторский или цензорский?

– Хорошо: цензорский.

– Никакой предварительной цензуры у нас нет. Есть только обычный контроль со стороны редактора. Так, сегодня я распорядился, чтобы все материалы об армяно-азербайджанском конфликте перед выходом в эфир обязательно были прослушаны мной. Сейчас очень взрывоопасный, щепетильный момент, любое неосторожное слово может иметь далеко идущие последствия. И я не хочу, чтобы нас в очередной раз обвинили в том, что мы встали на позицию только одной из враждующих сторон. В данном случае я – высшая инстанция, и никаких других «американцев» не будет.

В отличие от «Голоса Америки» мы не обязаны отражать официальную точку зрения правительства США. В некоторых передачах нам даже доводилось критиковать позицию американской администрации, в частности когда обсуждался ход войны в Персидском заливе. Но такие случаи редки. Наша основная тема – советские, а не американские проблемы.

– И все-таки, когда в Советском Союзе столь обострена политическая ситуация, когда столь накалено противостояние общественных сил, вы не можете избегать оценок. Наверное, позиция демократов вам все-таки ближе, чем позиция, скажем, Макашова?

– Безусловно.

– Вот и получается, что вы занимаете позицию одной из сторон.

– Я понимаю, куда вы клоните. В русской службе у нас работает достаточно жесткая публика. Например, у нас есть Владимир Малинкович, он делает программу «Барометр». Так вот он – совершенно законченный центрист, скептически относится к так называемым радикальным демократам и все время получает гневные письма от приверженцев Ельцина, Афанасьева, Мурашова. В этих письмах ему разъясняют, что он получает деньги от американского конгресса, а работает на КГБ. Так что у нас плюрализм, как теперь принято говорить.

Конечно, до известных пределов. Если в недрах русской службы найдется человек, который пожелал бы культивировать в передачах «Свободы» национально-патриотические идеи в духе общества «Память», – я своей властью не пушу его в эфир.

– Но вы же предоставляли микрофон и Палозкову, и руководителям компартий прибалтийских республик...

– Это другое дело. Кстати, список можно было бы продолжить... Мы даем им возможность изложить свою позицию.

– *А потом комментируете ее?*

– Не обязательно. Когда в программе «В стране и мире» выступают Полозков и Дзасохов, мы комментарий не даем. Но в другой программе можем и дать. Все зависит от жанра, от ведущего. Например, недавно Фатима Салказанова делала интервью с Чеховым, одним из лидеров группы «Союз». Она просто по темпераменту журналист очень агрессивный, буквально вырывает ответы у собеседника, не стесняется тут же продемонстрировать свое отношение.

У меня другой темперамент. Я брал интервью у З.Гамсахурдиа, пытаюсь всячески продемонстрировать свое почтение, и не моя вина, что в этом интервью Гамсахурдия не совсем хорошо выглядел. Так уж он раскрылся.

Вряд ли у кого-то могут быть сомнения, что мы не испытываем симпатии ни к Полозкову, ни к Петрушенко, ни к Алкснису, ни к Шведу. Но их, тем не менее, хлебом не корми – дай выступить на «Свободе». То же относится и к национал-патриотическим писателям: сколько мы их ни ругаем, они продолжают домогаться микrofона радио «Свобода».

– *Суммируя, скажу так: несмотря на то что «Свобода» стремится сохранить объективность, своя позиция у радиостанции все-таки есть...*

– Конечно, есть. Вот вы спрашивали об американском контроле. Мы финансируемся конгрессом США, и было бы странно, если бы распространяли в эфире идеи, которые бы противоречили духу и букве Конституции США, основополагающим принципам американской внешней и внутренней политики, самой системе ценностей, принятой в демократическом государстве. Если бы я, допустим, был ортодоксальным коммунистом и в качестве кумиров почитал Полозкова и Нину Андрееву, я, по всей видимости, не смог бы работать в этом учреждении. Но я не чувствую никаких внутренних ограничений, потому что мои внутренние убеждения совпадают с теми основополагающими принципами, о которых я только что сказал. Уверен, что абсолютное большинство сотрудников русской службы радио «Свобода» могут сказать о себе то же самое».

Радиостанция «Свобода» доказала свою незаменимость в условиях государственного переворота. Два ее московских корреспондента – 27-летний Андрей Бабицкий и 29-летний Михаил Соколов все три дня переворота вели круглосуточное прямое вещание с 11-го этажа Белого дома. В страшную ночь с 20 на 21 августа, когда казалось, что штурм неизбежен, «Свобода» стала единственным всеоказным и всемирным органом массовой информации, который имел возможность рассказывать о происходящем вокруг российского парламента.

Победа демократов и уход КПСС с политической сцены моментально изменили официальный статус «Свободы» в России. Впервые в истории международной журналистики открытию корпункта предшествовал указ главы государства. Вот текст интервью с В.Матусевичем на страницах московского еженедельника «Новое время» (№ 36, 1991):

«В подписанном 27 августа президентом России Борисом Ельциным указе №93 говорится: «В связи с обращением дирекции независимой радиостанции «Свобода»/«Свободная Европа», финансируемой конгрессом США, и учитывая ее роль в объективном информировании граждан РСФСР и мировой общественности о ходе демократических процессов в России, событиях в стране и мире, деятельности законного руководства РСФСР в период государственного переворота в СССР, постановляю: 1. Разрешить ди-

рекции независимой радиостанции «Свобода»/«Свободная Европа» открыть постоянное бюро в г.Москве с корреспондентскими пунктами на территории РСФСР..».

С директором русской службы «Свободы» Владимиром Матусевичем встретился корреспондент «НВ» Константин Исаков.

В.Матусевич. Указ был для меня полной неожиданностью. Мы прилетели с Савиком Шустером в Москву без виз. Их поставили уже в Шереметьеве по распоряжению министра иностранных дел России.

В России не был 23 года и не чаял вернуться: более вероятным казался полет на Луну.

Кстати, вот что за два месяца до путча писал председатель КГБ Владимир Крючков председателю Комитета по науке Верховного Совета СССР Юрию Рыжову в ответ на его запрос о «черных списках» КГБ: «Гражданину Канады С.Шустеру отказано в разрешении на въезд в СССР... в связи с тем, что с 1988 года он является сотрудником русской службы радиостанции «Свобода», деятельность которой нацелена исключительно на подрыв советского конституционного строя, готовит и выпускает в эфир передачи, направленные на дискредитацию нашего строя, президента СССР».

«НВ». Как вы встретили известие о путче?

В.М. Проснулся часов в 6 утра по мюнхенскому времени. Позвонил шеф отдела русских новостей. Я понимал, что он абсолютно серьезен, что это не первоапрельский розыгрыш, но поверить не мог. Включил ЦТ. Вместо программы «Утро» диктор зачитывал документы ГКЧП. Помчался на радио, думая, что сюрприз этот отнюдь не неожиданный. Восстанавливал в памяти прошлые события, дивился тому, почему раньше никто не принимал всерьез откровенные призывы к военному перевороту.

Думал, диктатура пришла всерьез и надолго. Помню, в коридоре радиостанции встретил сотрудницу нашего исследовательского отдела. Она спокойно и уверенно сказала: «Это вопрос нескольких дней».

Когда увидел, что Ельцин со своей командой стоит насмерть, что собравшийся вокруг Белого дома народ готов заслонить собой российский парламент, понял: труд Горбачева за шесть лет не был напрасным. Этот человек сделал для страны нечто, подобное чуду. Люди ощутили себя индивидуумами.

«НВ». Вы считаете это заслугой Горбачева?

В.М. Он представляется мне одной из самых великих и трагических фигур XX века. Несмотря на все чудовищное, нелепое, дурное, что связано с государственной деятельностью Горбачева, без него не было бы Ельцина и этих людей у стен Белого дома.

«НВ». Как шла работа на «Свободе» в дни переворота?

В.М. Никакого особенного героизма не было: люди приходили в студии и работали сутками... Впрочем, даже стыдно об этом говорить: подумай, сидя в безопасном мюнхенском далеке, работать мало-мальски профессионально и честно...

«НВ». Но вы же понимали, что однажды остались единственным органом информации, который мог рассказать правду о происходящем на весь Союз?

В.М. Мы отдавали себе в этом отчет. Я страшно горд, что «Свобода», в отличие от Би-Би-Си, не передала сообщение о смерти Горбачева. Мне казалось недопустимым в условиях крайнего напряжения пускать в эфир столь сенсационную непроверенную новость только ради того, чтобы оказаться первыми.

«НВ». В последнее время единственной советской организацией, которая продолжала изображать «Свободу» в качестве пристанища шпионов и говорить о ее антисоветской деятельности, был КГБ. Какими вы видите отношения с этим ведомством в будущем?

В.М. Меня очень порадовало сообщение о том, что новый председатель КГБ Владимир Бакатин вручил новому председателю Телерадиокомпании Егору Яковлеву списки агентов КГБ, работающих на советском радио и телевидении. Я полагаю, не ради отмщения, унижения или уничтожения. Ведь очень противно, когда ты, журна-

лист, работаешь на радио или в газете и знаешь, что кто-то на тебя стучит, кто-то пакостит.

Новые чехословацкие власти передали в распоряжение «Свободной Европы» список работавших там агентов чехословацкого КГБ. Хочется верить, что у Бакатина достанет здравого смысла помочь нам очиститься от преемников Олега Туманова.

Очевидно, по сигналу из Москвы за месяц до переворота они стали очень активны, делали все возможное, чтобы в момент переворота мы были если не парализованы, то как можно менее эффективны.

«НВ». В чем это проявлялось?

В.М. Извините, но большего я сказать пока не могу.

«НВ». Но «Свобода» продолжает оставаться американской радиостанцией. И коль скоро мы говорим о КГБ, возникает вопрос и о влиянии ЦРУ.

В.М. Особой связи здесь я не усматриваю, но понимаю: потребность в развединформации останется. КГБ, видимо, будет наращивать свое присутствие в ЦРУ, Пентагоне, электронных концернах. Но на американской радиостанции нет никаких секретов, тайн, которые КГБ нужно было бы разузнать в целях национальной безопасности СССР. Зачем КГБ иметь на «Свободе» людей, компрометирующих радиостанцию, разжигающих групповые склоки?

«НВ». Сегодня в Союзе сняты все ограничения на деятельность прессы. Вас не страшит конкуренция?

В.М. Два-три года назад, когда появился прорыв в печатании ранее запрещенной литературы, меня мучили мысли об этом. Но именно в эти годы число наших слушателей увеличилось. Соревноваться в профессионализме, по-моему, замечательно. Во-вторых, еще долго пресса будет лнуть к тому или иному берегу, прочному паркету. Думается, эпитет «независимая» применительно к радиостанции «Свобода» должен звучать все настойчивей. Это и определяет наше место в безбрежном мире информации».

ГЛАВА IX

ЗВЕЗДЫ ТЕЛЕЭКРАНА

**Эдуард Сагалаев, Татьяна Миткова, Юрий Ростов
против президента СССР**

На советском телевидении дикторы, читающие по бумажке сообщения правительственного агентства ТАСС, с 1989 года начали уступать место комментаторам и ведущим. Результаты не замедлили сказаться. Огромное число тележурналистов моментально обрели известность и стали... депутатами советского парламента, парламентов союзных республик, а также победили на выборах в местные органы власти. Некоторые из политических звезд телевидения не стали совмещать свою профессию с политическими подмостками и... тоже выиграли в глазах публики.

Первую программу Центрального телевидения СССР смотрело практически все население страны. Вторая всесоюзная программа по техническим причинам доходила до чуть меньшего числа зрителей — в 1989-90 гг. она впервые в советской истории использовалась для многодневных прямых телетрансляций заседаний съездов народных депутатов, сессий Верховного Совета СССР и общесоюзных конференций и съезда КПСС. Третья программа ЦТ предназначена была только москвичам, четвертая программа — учебная.

Лучшим телевизионным ведущим 1989 года на ЦТ СССР стал Владимир Молчанов. Таков был результат рейтинга, проведенного московской «Литературной газетой» среди своих читателей. А второй по популярности программой года зрители назвали прямые (живьем) упомянутые телетрансляции из Кремля. Я совершенно уверен, что два-три политических обозревателя, в их числе тот же В.Молчанов, действуя в западном раскованном аналитически-объективном стиле, вполне могли бы давать сжатые и не менее интересные обзоры таких парламентских дебатов. Но в то время, во-первых, в сугубо политических передачах телевидения царил суконно-казенный стиль газет «Правда», «Юманите» и им подобных, во-вторых, многие парламентарии, стоявшие в очереди у микрофонов, вешали с экранов правду, это был крик души, а не очередной пропагандистский спектакль с зачитыванием речей, заготовленных и утвержденных в ЦК КПСС.

Можно утверждать, что на ЦТ СССР до последних дней августа 1991 года, как и в КПСС, радикальных перемен не произошло. Раскол, развал,

утеря власти и авторитета — да, но реальных общих перемен, покаяния, в конце концов, за море лжи и за годы идеологического террора — нет.

Мощная государственная машина, монопольно владеющая правом на продажу водки, печатание денег, распространение теле- и радиоинформации не собиралась по собственной воле делить это право с кем-либо еще. Могу даже дополнить эту мысль примером. Новый мэром Москвы, известный своей активностью депутат Верховного Совета СССР Гавриил Попов очень хотел бы, чтобы ежедневная телепередача для москвичей «Добрый вечер, Москва!» в какой-то мере стала бы учитывать новый расклад политических сил. В ответ руководство центрального телевидения по указке партийных органов отлучило от московского экрана двух наиболее ярких его ведущих, в том числе и весьма популярного у московских телезрителей Георгия Кузнецова.

Урмаса Отта с его блестящими интервью у интересных собеседников можно было увидеть на всесоюзном телеэкране только по большим праздникам.

Но поистине скандальным стало отлучение от телевидения воскресной передачи новостей, успевшей полюбить буквально всем. Вот что написал по этому поводу в еженедельнике «Аргументы и факты» (№ 16, 1990) Эдуард Сагалаев, главный редактор Главной редакции информации ЦТ СССР:

«Телепередача «7 дней» появилась в эфире 12 ноября 1989 г. и просуществовала до 4 марта 1990 г. За неполные четыре месяца в адрес передачи пришло более 20 тысяч доброжелательных писем.

Выход программы прекратил приказ руководства Гостелерадио СССР, гласивший: «Учитывая возросший объем внутренней и зарубежной информации, а также сложную общественно-политическую обстановку в стране», восстановить по воскресеньям программу «Время», а передаче «7 дней» найти иное место в сетке вещания».

Внезапное исчезновение программы, судя по нашей почте, вызвало несогласие у 99% авторов писем. Объективную же реакцию зрителей позволяют получить данные социологического опроса Всесоюзного центра изучения общественного мнения при ВЦСПС и Госкомтруде СССР (ВЦИОМ), по которым лишь 2% телезрителей выступили против «7 дней» как замены «Времени» по воскресеньям.

Учитывая общественную потребность в воскресной программе, мы готовы были восстановить ее в более поздние часы. Однако руководство Гостелерадио выдвинуло условие: неучастие в программе одного из ведущих — А.Тихомирова. В этой ситуации творческий коллектив считает неэтичным возобновление «7 дней».

Таково положение сегодня. Мы за то, чтобы «7 дней» как можно скорее вновь вышли в эфир».

Телепрограмма «Время» вновь стала ежедневной. У меня всегда было такое впечатление при просмотре этой программы, что мне зачитывают номер газеты «Правда» (или пусть это будет парижская коммунистическая «Юманите»), да еще отредактированный членом Политбюро Егором Лигачевым и доблестным генералом Родионовым (потопил в крови тбилисскую мирную демонстрацию в апреле 1989 года и затем похвалялся этим с трибуны Верховного Совета СССР). Ну, а мне хоте-

лось видеть перед глазами нечто в духе «Огонька», «Московских новостей», «Монд» или «Фигаро», а не ежедневное преступное вранье о событиях в союзных республиках.

«Альтернативное ТВ. Да? Или нет?» – так называлась беседа за «круглым столом» в «Литературной газете» (305.1990) самых популярных советских ведущих, появления которых в эфире всегда ждали 200 миллионов советских телезрителей:

«В.Цветов. За всю историю телевидения у нас не было руководителей – выходцев из телевидения. Но это не страшно. В Японии министр никогда не бывает профессионалом: сегодня он министр здравоохранения, завтра – министр иностранных дел. Он – политик, принимающий политические решения. Но вся остальная структура Министрства состоит из профессионалов. У нас же – множество дилетантов на всех этажах власти. Дмитрий Захаров привел в «Огоньке» достаточно яркий пример начальника, который путает «абзац» с «сюжетом». Оператор едет снимать выставку скульптуры и говорит, что ему на установку света нужен час. Начальник ему говорит – ну зачем вам час, вон фотограф снимает за пять минут.

Когда на II Съезде народных депутатов обсуждался вопрос о событиях в Тбилиси 9 апреля 1989 года. Съездом было принято решение не транслировать заседание. Но запись заседания, естественно, в аппаратных останкинском телецентра шла. Однако в тот момент, когда грузинская делегация покидала зал, камеры показывали крупным планом лица сидящих в зале, как будто там ничего не происходит. То есть в момент сотворения история уже кромсалась!

Пройдет 10-20 лет. кто знает, может быть, этот уход будет считаться этапом для перестройки или для взаимоотношений Грузии с СССР, но телевидение своим непрофессионализмом этот момент уже похоронило навсегда. Дилетант от профессионала отличается тем, что первый только разрушает, а второй, разрушив, строит. Вторая после непрофессионализма болезнь телевидения – это «кашпировизация». Засилье на телевидении колдунов опасно вот чем. Даю установку, возглашает Кашпировский, садитесь перед телевизором, сложите руки и ждите. Я вас спасу от физических недугов, от социальных кризисов, от экономических неурядиц. Не двигайтесь. Не совершайте поступков. Это своего рода лысенковщина – только в области духа человеческого. А «Взгляд» или «До и после...», апеллируют к активному сознанию: думайте, боритесь, никто не спасет нас, кроме нас самих, поэтому действуйте. А вот этого-то кое-кто и не хочет сейчас на телевидении.

И.Фесуненко. Сейчас телевидение должно выйти на тот уровень, на который выходит общество. Вплоть до последнего времени мы были, по существу, органом идеологических структур, которые руководят нашей работой навсегда гораздо старательнее, чем нам того хотелось бы. Приведу такой пример: 11 апреля прошлого года – через два дня после подавления войсками демонстрации неформалов – я прилетел в Тбилиси с напутствием «успокоить страсти» в репортажах, которые предстояло подготовить. В первый же интервью возник большой вопрос: кто повинен в применении газов против демонстрантов? В Москве все упоминания об этом из наших репортажей вырезаются. В результате, когда грузины смотрят их в программе «Время», страсти не только не затихают, а разгораются все больше и больше. Слишком «тщательная» опека центра приносит обратный эффект. Мораль ясна: надо больше доверять журналистам, работающим в эпицентре событий. И вообще: телевидение должно перестать быть рупором аппаратчиков. Мы должны вернуться к идее, прозвучавшей на 1-м Съезде народных депутатов: Гостелерадио должно быть подчинено парламенту, который по крайней мере в теории выражает весь спектр мнений общества.

В.Молчанов. Что говорить, как, о чем – вот вопросы и важные, и порой неразрешимые. Я, например, в ужасе от того, что мне приходится вести программу «Время» целиком. Что мы будем говорить о событиях в Прибалтике? Говорить то, что хочет

ТАСС, я, например, не могу. Дать слово нашим корреспондентам, посланным туда, – они ничего ясного не скажут. Дать слово местным корреспондентам – наша дирекция не позволит. Мне было бы куда легче – перед своей совестью – вести один только международный блок во «Времени», нежели выглядеть глупцом, который говорит о том, что происходит в стране, не имея ни малейшего собственного понятия об этом.

В. Познер. И вновь речь идет о профессиональном подходе. Совершенно понятно, что любая постоянная программа должна делаться постоянной «командой». Каждый выпуск программы «Время» должен иметь свою группу. Тогда они будут конкурировать. Нынешняя чехарда – для чего она? Или вот «120 минут» – полагаю, что у нее самая большая аудитория. Везде – в Англии, Америке, Италии – такую программу делает одна команда. Эти люди ложатся спать в девять вечера и встают в пять утра. Это их жизнь – и так пять дней в неделю. Но вы представляете, сколько там платят за эту каторжную работу? А у нас за «120 минут»?

Гостелерадио – каким оно сложилось – есть порождение определенного этапа развития общества, не заинтересованного в профессионалах вообще. И теперь, когда это общество пытается измениться, то профессионализм сталкивается с глыбой непрофессионализма. Это на ТВ проявляется сейчас все чаще».

Есть и на телевидении честные журналисты, для которых понятие совесть не пустой звук, которые способны иметь свою точку зрения и имеют мужество отстаивать ее несмотря на все шишки от начальства (альтернативного телевидения тогда еще не было – а центральное жестко подчинялось указаниям идеологического отдела ЦК КПСС). Ниже следует мнение еще одной яркой личности на советском центральном телевидении.

Э. Сагалаев, отлученный от любимого своего детища («7 дней»), а годом раньше это была угасшая по настоянию «верхов» другая очень популярная его программа «12-й этаж»), разразился великолепным интервью в газете «Известия» (6.4.1990):

«Сейчас первую программу ЦТ потенциально могут принимать 96 процентов населения страны. Вторую – 72,5 процента. Четвертую же, на которой только и можно было бы создать альтернативное ТВ, могут принимать примерно 10 процентов населения. Всего 10! И тут же вопрос второй, гораздо более важный. Что же произойдет с другим, с «основным» телевидением, если возможность свободно высказываться уйдет на альтернативное. Если следовать этой логике, то, выходит, 10 процентов зрителей будут смотреть острое, творческое, независимое, умное телевидение, а практически весь советский народ будет наслаждаться скучным, пресным и взвешенным официозом?

Кстати, идею «альтернативы» поддерживает в «Правде» (5.2.1990) и председатель Гостелерадио СССР М.Ф. Ненашев. Только цель несколько иная. Он тоже согласен «...пойти на создание рядом с государственным альтернативного ТВ, отражающего взгляды и оценки различных общественных организаций и групп. В этом случае было бы ясно, кто чего хочет и куда зовет. Строже и понятнее стала бы позиция Гостелерадио СССР...».

Я боюсь, что воплощение этой идеи с целью откреститься от тех, кто «зовет не туда», приведет не к победе, а к поражению государственного телевидения, которое смотрят или вынуждены смотреть десятки миллионов людей.

В той же статье председателя Гостелерадио ставится под сомнение сама возможность отражения на ЦТ широкого плюрализма мнений. В ней говорится: «Многие наши трудности... проистекают оттого, что мы пытаемся в рамках единого государственного телевидения совместить и примирить различные общественные пози-

ции, взгляды, подходы, ныне реально существующие в условиях демократии и плюрализма в обществе». Из этого тезиса и вытекает необходимость создания альтернативного ТВ, как бы вытеснив плюрализм за рамки ТВ государственного.

Но ведь в нашем государстве воцаряются принципы политического плюрализма, многопартийность. И если это действительно народное телевидение в народном государстве, то оно просто обязано охватывать весь спектр существующих точек зрения.

Фактически сегодня мы очень часто проводим, если хотите, антинародную, антигосударственную политику. Думаете, преувеличиваю? Ну, не увидели люди какого-то сюжета. Небо не рухнуло. Но когда, например, который день в Баку погромы, а мы молчали, то мы наносили этим гигантский вред и армянскому, и азербайджанскому, и всем другим народам страны. Подчеркиваю, я говорю сейчас только об информации, которая, как известно, практически не терпит эпитетов и ярлыков. Да, люди хотят видеть в программе «Время» источник информации о том, что происходит в стране и в мире, а не информацию властей о том, какими бы они хотели видеть страну и мир.

Тактика умолчания, сглаживания и «причесывания» фактов лишает объективной информации всех, от рядового телезрителя до Президента. Объективная информация – надежная опора власти и тех, кто ее реализует. Любая другая – путь в Зазеркалье (выделено мной. – Г.В.).

И все-таки, признаюсь, мне тоже хочется пометчать, заглянуть в будущее телевидения. По призванию я педагог, а не политик, и мой проект рожден под впечатлением интереснейшей работы нашей учебной телепрограммы. Я понимаю ее скорее как телевизионный лицей. И мне кажется, это благородная задача, если постепенно расширять аудиторию, делать кассеты наиболее удачных фильмов. Я мечтаю, чтобы со временем у наших людей в доме была видеотека не только с «Красным рассветом», но и с курсом английского языка, историей мировой культуры, золотым фондом мирового театра, кино... Но все надо собирать, покупать, этим нужно заниматься, чтобы человек увидел на экране и захотел дома иметь. Это общественный канал, который бы работал, заглядывая хотя бы в не очень отдаленное будущее.

Человек XXI века должен уметь обращаться с компьютером, легко ориентироваться в мире бизнеса, знать как минимум два иностранных языка, знать Библию, мифологию, философию. То есть советский человек должен быть способным на равных конкурировать с представителем любой другой страны мира в интеллектуальном, нравственном, физическом и прочих отношениях. Я понимаю, что только телевидение не может решить такую большую задачу. Но и телевидение тоже. Возможно, это альтернатива альтернативному ТВ?»

Естественно, что новый председатель Кравченко и Сагалаев работать не смогли. На состоявшихся в 1991 году первых демократических выборах в Союз журналистов СССР его главой стал Эдуард Сагалаев, который вслед за этим расстался с ЦТ СССР. В августе 1991г. когда Кравченко был вынужден отправиться восвояси, а Президент СССР назначил председателем Всесоюзной телерадиокомпании Егора Яковлева из «Московских новостей» – заместителем у Яковлева по телевидению становится Сагалаев. Чтобы ближе познакомиться с этим человеком, стоит прочесть беседу с ним Елены Чакаловой из «МН» (21.7.1991) под длинным заголовком – «Крестный отец. 45-летний председатель Союза журналистов СССР, бывший глава молодежной редакции ЦТ, бывший руководитель «Времени», автор погибшего проекта «ТВ-XXI век» был «крестным отцом» многих достижений ЦТ 80-х: «Веселых ребят», «12-го

этажа», «Взгляда», «7 дней», ТСН. Теперь с его именем обязана новейшая телесенсация – проект первой частной телекорпорации».

«Сагалаев – он и впрямь глава телевизионного клана. Осуществлять очередной проект неизменно собиралась команда, что в коллективном телевизионном деле, видимо, неизбежно. Проект мог быть лично сагалаевским, мог быть выдвинут «снизу», но Сагалаев ему покровительствовал. Завидев фигуру лидера и как бы восклицая: «Это он, Эдичка!» – под знамена проекта устремлялись оставшиеся в живых. А таких на ЦТ всегда немного.

Быть патроном – его призвание. И даже известные его останкинские клички тому свидетельство: Сэни (на манер Рони и Горби) в «молодежке» и попроче – Сэм (Сагалаев Эдуард Михайлович) во «Времени».

На пленуме МГК замсекретаря парткома Государственной телерадиокомпании Сергей Тарасов раздраженно докладывал, что всюду на ЦТ антипартийные кадры Сагалаева. А сам главный «телевизионный пахан» конца 80-х теперь сидит в шикарном кабинете главы неизвестно чем занимающегося нашего профессионального союза. На Сагалаева – «крутой» молодежный блузон, а не номенклатурный синий костюм, как и программе «Время». В последний раз – полтора года назад – наша встреча окончилась моим глубоким разочарованием: он дал резкое интервью о причинах закрытия «7 Дней», а потом почти истерически снял материал из уже готовой полосы. «Все-таки почему?» – я не могла не начать с того, что задело меня лично.

– Тогда я еще верил во всеспасительность компромиссов и «круглых столов». И в то, что с руководством Гостелерадио в конце концов можно договориться. Очень долго я не терял надежды, что ТВ партийно-правительственное может стать государственным и даже народным. Когда я окончательно понял, что ЦТ – это вотчина партийного аппарата и только, я с ЦТ ушел. Потому что принадлежность к этому клану – форма рабства, которая требует от тебя приносить на алтарь все интересы – общества, твои личные. Я спрашивал одного из телевизионных начальников: сократиле информации о Чернобыле – это кому было нужно? Мне отвечали: партии. А ложь о шахтерских забастовках? Мне отвечали: партии. Понимаете ли, он с гордостью жертвовал во имя партийного братства даже своей честью.

– *Вы теперь вышли из партии?*

– Нет.

– *Почему же, если вы так в ней разочаровались?*

– Я никогда и не был очарован. И никто не был – все это чушь. Просто сегодня выйти из партии не доблесть. К тому же я не могу избавиться от чувства вины: я столько лет пользовался всем этим... Теперь я не хочу сбрасывать со счетов возможность не допустить каких-то новых разрушительных действий со стороны партаппарата. Вот почему я считаю, что и в партии, и в аппарате должны оставаться порядочные люди. А они там есть.

– *А вдруг потом вы снова поймете, что это была очередная иллюзия?*

– В конце концов вся наша жизнь – Прощание с иллюзиями. Когда-то я внутренне рукоплескал «перестройке». Я почти молился на Горбачева. Я думал: вот наконец я возьму и разогнусь. Теперь я знаю другое: никто не преподнесет мне свободы и независимости. Путь к свободе пролегает через все, что мы прожили, – через компромиссы с совестью, через лагерь, через ненависть. Толстой говорил, что за его долгую жизнь было несколько Толстых, а истинный – только в последние годы жизни. В общем-то это верно в отношении любого человека. За последние два года я стал другим Сагалаевым. Может быть, не таким, каким я хотел бы. Но мне кажется, что я избавился от многих черт, за которые может быть стыдно.

– *От каких, например?*

– Ну, прежде всего от готовности идти на компромисс с совестью. Мне кажется, что сейчас я в значительно меньшей степени на это способен.

– *Вы уверены, что порвали с партийным кланом?*

– Недавно меня спросили: как я поступлю, если мне предложат пост на ЦТ? Я, конечно, не могу дать стопроцентную гарантию, что откажусь. Человек слаб, а во мне амбиций и честолюбия еще достаточно много. Меня утешает только одно: это-то искушения не будет, «они» мне больше ничего не предложат.

– *Значит, «они» в вас как в своем человеке абсолютно разочаровались?*

– Абсолютно. Для них свой тот, кто на кухне говорит одно, на трибуне – другое, а поступает вообще совсем иначе. Это их корпоративная этика Системы. Самый главный порок – непредсказуемость. И они уже точно знают: Сагалаев может что-то выкинуть. Он сядет на пост, на верхушку, на поликлинику – и вдруг вообразит, что он свободен. Будто он и вовсе не продавал себя.

– *Когда же в вас разочаровались окончательно?*

– Все накапливалось постепенно, «12-й этаж» дважды обсуждали на политбюро, «7 дней» фактически сняли решением политбюро. Когда меня из «молодежки» пересадили в кресло главного редактора «Времени», это был как бы шанс исправиться и уместиться в системе. Ведь системе нужны толковые, профессиональные люди. А я – без ложной скромности – довольно хорошо делаю то, за что берусь.

– *Этим и объясняется карьера мальчика из Самарканда?*

– Этим. Я был замечен, мне была отведена роль. Система построена по биологическим законам. Ей требуются не только исполнители и рабы. Нужны и жрецы, и охранители, и вожаки. И генераторы идей тоже нужны. Я трезво оцениваю свои творческий потенциал. И свой потолок тоже знаю. Но во мне есть одно безусловное качество: я умею распознавать талантливых людей и ценить их.

– *Но почему же у этих талантливых людей – Любимова, Политковского, Листьева, Митковой – кроме благодарности не раз было ощущение, что вы бросали их в самый трудный момент?*

– Если они действительно так считают, то просто по-хорошему наивны. Понимаете, я, как все, веду борьбу с самим собой. У меня тоже есть элементарное желание выжить. Но все дело в том, что люди прощают слабости себе, а не лидеру. Чего от меня хотели? Чтобы я шел на костер? А они – пошли бы они за мной? Пусть вначале ответят себе на этот вопрос. Во-первых, я не уверен, что они пошли бы. А во-вторых, я этого ни от кого и: никогда не требовал. Требовали только от меня..

– *Что значит «идти на костер»?*

– В нашем «совковом» понимании это значит остаться без работы, потерять возможность влиять на какие-то общественно значимые процессы.

– *А «не влиять» – так вы себя не мыслили? Вас бы не удовлетворила карьера рядового журналиста?*

– Я фаталист. Я верю в то, что жизнь расставляет людей, как должно. Моя судьба, наверное, сложилась оптимально. В юности я работал в областной газете, писал стихи, даже мечтал стать писателем. Но мой собственный вкус вошел в конфликт с моим творчеством. Наверное, организация творческого процесса – то, чем я занимался большую часть жизни, – получается у меня лучше всего.

– *Вы никогда ничего особенного не теряли. Перемещались по горизонтали. Вам никогда не было так уж плохо.*

– А вы очень хотели бы, чтобы мне было плохо, чтобы я прошел полосу неудач или лучше – через трагедию? Внешнее благополучие – оно внешнее и есть. Главное, как известно, – это покой и воля. И в этом смысле я несчастнее многих. Не могу сказать, чтобы я нес в себе какой-то невыносимый груз. Но есть вещи, которые невозможно изменить, от которых невозможно освободиться.

– *Так, может, лучше простить себе все и начать нормально жить, как бы с нуля?*

– Я об этом много раз думал. Но для меня способ простить себе – это что-то сделать.

– *Что вы, ваш союз сделали для тех тележурналистов, кто лишился в силу убежденной возможности работать в эфире?*

– Видите ли, Союз журналистов никогда не был предназначен для защиты своих членов. Ну, мы обратились с официальным протестом в защиту тележурналистов Литвы, чьи рабочие места охраняют автоматы, – и что толку? Чтобы стать действенным, союз должен быть преобразован в профсоюз, отстаивающий интересы своих членов перед работодателем. Но это, наверное, процесс нескорый. Решил попробовать другой путь – строить что-то совершенно новое рядом, чтобы оно в конце концов вытеснило старое.

– *Это в вашем характере. Нынешний проект – это частное телевидение имени Сагалаева, как иронически сообщила «Рабочая трибуна»?*

– И вот представьте: даже после этой заметки, после аналогичных сообщений в «Маяке» и в телепрограмме «Утро» меня завалили предложениями.

– *А «Рабочая трибуна» полагала, что «частная лавочка» возмутит публику?*

– Но это никого не возмутило. Даже напротив. Я понял, что в нашем обществе произошло что-то очень серьезное. Люди устали от государственной монополии, в том числе на информацию. Сегодня охотнее будут верить частному лицу, чем государству, приспособляющему ТВ под свои интересы.

– *И что, вы действительно открываете свое частное ТВ?*

– Нет, конечно. Речь идет о создании первой негосударственной телекорпорации, учредителями которой будут и юридические, и физические лица. Последние, как правило, вкладывают не деньги, а интеллектуальную собственность.

– *А вы будете президентом?*

– Это решит собрание учредителей.

– *Назовите главных держателей акций.*

– Контрольного пакета не будет ни у кого. В том числе и у иностранных партнеров. На первых ролях будут московская мэрия, промышленный союз, министерство связи... Но пока полный состав учредителей обнародовать рано.

– *Тогда в чем суть новой творческой концепции?*

– Это должно быть ТВ для зрителей. Поэтому каждая программа будет проверяться рейтингом. Фактически концепция разработана в просветительском проекте «ТВ – XXI век». К нему добавлена информационная служба, которая должна стать главным компонентом вещания.

Мне хотелось бы наконец-то создать ТВ с очень высокой степенью зрительского доверия, а это возможно только в негосударственной структуре, поскольку для любого правительства – тоталитарного или демократического – естественно стремление навязывать свой образ.

– *Звучит красиво. Впрочем, и все ваши прежние идеи были заманчивы...*

– Знаете, у каждого из нас впереди остается шанс. Раньше я редко вспоминал о смерти. Теперь живу с мыслями о ней. И представьте, стал намного счастливее – в том смысле, что избавляюсь от ненужной суеты. Пока живешь, есть шанс. Потому что каждый новый день завтра тоже станет твоим прошлым. Вот и все».

После кровавых январских событий в Литве 1991 года интеллигентные (порядочные) люди стали покидать ЦТ – некоторые и не по своей воле. Оставались до конца августа кравченки с решетовыми, ломакины и зорины, какучаи и др. Все профессионалы, кто берег свою честь, оказались на улице или в только что открывшейся Российской телерадио-

компании. 19 марта 1991 года «Независимая газета» половину первой полосы посвятила интервью с Т. Митковой и Д. Киселевым из Телевизионной службы новостей под следующей шапкой – «Прощайте, ночные новости! Популярным телекомментаторам ТСН Татьяне Митковой, Юрию Ростову и Дмитрию Киселеву запрещено выходить в эфир. Таким образом ликвидирована лучшая программа теленовостей на ЦТ»:

«– ТСН с самого начала была задумана как альтернативная программа новостей? Или так получилось само собой?»

Т.М. – Эта идея зрела давно. Всегда витала мысль, что нужна информационная программа и по форме, и по содержанию иная, чем «Время». Только слово «альтернативная» тогда было не в ходу... Оно зазвучало с приходом к нам главным редактором Эдуарда Сагалаева. И только при нем эта идея смогла реализоваться.

– А отцом-основателем действительно был Александр Гурнов?»

Т.М. – Ну, не совсем верно так его называть... Дело в том, что программу придумывали много людей, а Саша был первым, кому довелось эти идеи воплотить в эфире. Но ведь если сравнить первые выпуски осени 1989 года с теми хотя бы, какие мы делали уже летом прошлого года, то это небо и земля. Если вы помните, сначала они были рассчитаны на довольно поверхностное любопытство: всякие сенсации, скандалы, криминальная хроника и так далее. Потом, с января прошлого года, в программу пришли мы с Юрой Ростовым, каждый со своей манерой подачи новостей.

Но общий стиль все равно сохранился. И постепенно, месяц за месяцем, ТСН становилась все серьезнее и серьезнее.

– Кстати, правда, что доянварских событий в Литве никто не контролировал, что вы там собираетесь выпустить в эфир?»

Т.М. – Из начальства? Никто. Но при этом мы абсолютно не чувствовали себя какими-то партизанами в стане врага. Наоборот, было чувство огромной ответственности, раз нам так доверяют.

И вот в какой-то момент, летом прошлого года, мы почувствовали, что ТСН как бы переходит в следующий класс, в иное качество, что новости – это очень серьезно, это, оказывается, еще и политика. Ведь у нас на телевидении никогда раньше не было толком представления о том, что такое телевизионная информация.

– А что же это такое?»

Т.М. – Я, честно говоря, не люблю определений и формулировок. Но, наверное, их отличают краткость, конкретность, обязательная ссылка на источники и обязательно – максимум изображения при минимуме «говорящих голов».

– Значит, ТСН дает представление о том, что же есть «настоящая» телеинформация?»

Д.К. – С точки зрения мировой журналистики в этой передаче ничего не открыла. Просто профессиональная информационная программа, какие существуют во всем мире. Но для советского телевидения – это открытие. У нас же была Главная редакция информации, но не было ни одной информационной передачи.

– А «Время» чем не информационная программа?»

Д.К. – Ну, это идеологическая опухоль...

– Информация и идеология несовместимы?»

Д.К. – Естественно; что программа новостей на первом канале государственного телевидения должна отражать все богатство мнений и, если угодно, идеологий, существующих в обществе. Но приоритет все же должен быть за фактом, оценки – но вторую очередь. Хотя бывает, что и сами оценки – факты. Когда Ельцин говорит, что Горбачев должен уйти в отставку, то его оценка – это уже факт политической жизни, заслуживающий внимания.

Нужно просто сообщать о тех вещах, которые влияют на жизнь человека. Например, показывают посевную в совхозе. Во-первых, совхозная система в принципе не может нас накормить, во-вторых, совершенно не обязательно, что посеянное в этом совхозе будет убрано и благополучно дойдет до нас. То есть эта новость никак не влияет на нашу жизнь, понимаете? А когда на Манежной площади собираются полмиллиона человек в поддержку республиканских властей – это значит, что наша жизнь меняется, и, если ТВ об этом не сообщает (что и произошло с программой «Время»), значит, оно нарушает принцип программы новостей, нарушает право телезрителей на информацию.

– Но не бывает ли ситуаций, когда промолчать лучше, чем сообщить даже абсолютно точную информацию? В частности, в такой взрывоопасной обстановке, как у нас сейчас? Что если какой-нибудь тревожный факт, оглашённый с экрана, сыграет роль стички, подброшенной в сухой хворост?

Д.К. – Я считаю, что вопрос о полезности свободы слова давно решен человечеством. Для меня это даже и не вопрос. Свобода информации в обществе – это необходимый атрибут его существования. И я не могу представить себе ситуацию, когда о чем-то полезней будет промолчать.

Т.М. – Как раз неинформированность людей о событиях способна вызывать самые непредсказуемые последствия, прежде всего в том самом регионе, откуда информация не поступает. Когда существовало эмбарго на информацию – из Молдовы ли прошлой осенью, из Южной Осетии совсем недавно, – это абсолютно не приводило к сглаживанию ситуации, даже наоборот. Но как только мы начинали давать сообщения оттуда, мы сразу чувствовали, как информирование общественности благотворно влияет на ситуацию».

В том же номере «НГ» (19.3.1991) поместила комментарий своего главного редактора Виталия Третьякова «*Finita la commedia* – комедия с гласностью на ЦТ»:

«Когда ночью 13 января Татьяна Миткова сообщала в прямой эфир о кровавых событиях в Вильнюсе, в глазах ее стояли слезы. Расплата за эти слезы и за честную профессиональную работу наступила сегодня. ТСН фактически ликвидирована. Есть информация, что Беллу Куркову отстранили от руководства «Пятым колесом». Что еще осталось на нашем телевидении честного? «До и после полуночи»? Посмотрим, состоится ли 30 марта выпуск этой передачи. Или Владимира Молчанова постигнет судьба других его честных коллег.

Странно не то, что идет борьба за власть над первым – президентским – каналом ЦТ. Это нормально. Странно то, что президентскому телевидению оказываются ненужными как раз самые профессиональные, самые интеллигентные, самые честные, самые популярные тележурналисты. На их место приходят другие. С иными, видимо, качествами. Какого же качества политика, если ее обслуживает ТАКАЯ пропаганда?

За несколько дней до референдума в передачах ЦТ еще чувствовалась некоторая объективность, некоторое желание представить разные точки зрения. Накануне же все границы были переиждены. Дикторы, то есть государственные служащие, прямо, с бюллетенем в руках показывали, что надо зачеркивать, а что оставлять. Программа «Время» превзошла все свои собственные рекорды необъективности – она стала натравливать железнодорожников на бастующих шахтеров и обвинила последних в «связях с США». Она давала слово первым секретарям обкомов, которые заверяли, что вся «их» область проголосует «за». Она прямо утверждала, что те, кто имеет иной взгляд на референдум, раскалывают Союз, ведут страну к гражданской войне. Ложь звучала в каждом выпуске «Времени» – мы, в редакции «НГ», имея связь со всеми республиками страны, можем доказать это на конкретных фактах.

Что мы видим сегодня на нашем телевидении? Коммунистическую пропаганду, причем предельно нетерпимую к инакомыслящим. Обилие эротических, по большей части чрезвычайно пошлых сюжетов. Безудержную пропаганду религии, главным образом — православной. Бесконечные рок-концерты. И астрологов. Итак, коммунизм, эротика, православие, астрология и музыкальный китч. Думаю, Маркс и Ленин перевернулись бы в гробу, если бы услышали и увидели, с чем подают их доктрину сегодня на советском ЦТ.

Да, гласности затыкают глотку. Но есть уже настоящая свобода печати, которой глотку не заткнуть.

Редакция «Независимой газеты» готова принять в свой штат тех тележурналистов, которые в результате «нового телемышления» могут хоть на какое-то время оказаться без возможности ЧЕСТНО зарабатывать себе и своим семьям на хлеб. В первую очередь это относится к журналистам ТСН.

Редакция «НГ» готова учредить от своего имени независимую телекомпанию «ТСН» специально для Татьяны Митковой. Юрия Ростова и Дмитрия Киселева, помочь этой телекомпании средствами, помещениями, оргтехникой. Профессиональная и политическая независимость этой телекомпании будет гарантироваться авторитетом нашей газеты и соответствующим учредительским договором.

Если Президенту СССР не нужны такие журналисты, то они нужны зрителям и читателям. И они будут работать — с нашей помощью или без нее — в этой стране».

Первое интервью с академиком А. Сахаровым

На телевизионных экранах Советского Союза в 1989 году впервые появились академик Андрей Дмитриевич Сахаров и множество других уважаемых наших деятелей, в том числе и «диссидентов», и иерархов православной церкви. В этот год впервые начали говорить о том, что у нас более миллиона детей-сирот — больше чем после войны, что ежегодно у нас рождается 45 тысяч детей с врожденным пороком сердца (и половина из них умирает, так как нет возможности их оперировать), что 400 тысяч советских детей больны церебральным параличом, что 6 тысяч детей в СССР ежегодно умирает только от рака, что из тысячи новорожденных 24 младенца появляются на свет с заболеваниями опорно-двигательного аппарата, а 48 — с психоневрологической патологией. Здравоохранение, медицинская промышленность, фармакология в стране — на уровне худших африканских образцов, и телевидение не может сделать ничего больше, чем в ходе одного грандиозного телемарафона, одной непрерывной 24-часовой телепередачи попытаться собрать деньги и другие пожертвования для программ Советского детского фонда. Ведущие и инициаторы телемарафона — известные ленинградские журналисты Тамара и Владимир Максимовы. Больше, чем собранные ими миллионы рублей и долларов, стало напоминание общественному мнению, десятилетия обходившемуся стараниями советских властей без таких понятий, как честь, совесть, благородство, благотворительность, милосердие, честность, помощь, поддержка. Ведь ранее, по нашей прессе и телевидению, не было у нас нищих, бездомных, калек, больных, немощных, бесприютных, одиноких, сирот, даже безработных не было.

Пережили мы в 1986 году атомный взрыв, промолчали несколько лет, и вот в апреле 1990 года второй телемарафон тех же Максимовых – вновь шапку по кругу пустили, теперь уже для детей и взрослых, жертв атомной войны, жертв преступного безразличия властей Белоруссии, Украины, центральных и средних областей России, на годы оставивших жить миллионы людей в зонах радиоактивного заражения. И волос не слетел с головы партийных руководителей, министров атомной промышленности, здравоохранения, обороны и т.д., пять лет скрывавших от опубликования, державших секретные данные о действительных масштабах атомной катастрофы. Только в 1990 году, под давлением депутатов советского парламента, телевидение начало потихоньку делиться информацией о том, что мол некоторые заинтересованные крути общественности хотели бы расследования причин многолетнего проживания людей на зараженных территориях. И, что вы думаете, ЦТ СССР послало корреспондентские бригады снимать сельхозпроизводство в Народичах, в Житомирской области, где не только гибнут дети от радиации, но и полным ходом отгружают в соседние районы радиоактивное продовольствие, полученное с радиоактивных полей? Никак нет, не было таких передач, как не сообщало ЦТ о том, что целый состав из вагонов-рефрижераторов с радиоактивным мясом прибыл в Грузию, был разгружен на мясокомбинате в Гори и лишь случайно все это обнаружилось и удалось сплавить это мясо назад, отправителю. Или, может быть, ЦТ сообщало о том, что грузинский чай – из-за выпавших в 1986 году радиоактивных осадков – оказался зараженным примесями радиоактивных элементов? Газеты сообщали, некоторые. А центральное телевидение нет. Не случайно, конечно, что по столицам союзных республик перестали разъезжать легковые автомобили с яркими надписями «Время» – ЦТ СССР. Их разгромили в 1988-89 годах возмущенные телезрители.

А ведь руководители ЦТ СССР и прочей охранительной идеологической надстройки понимали, что достаточно показать несколько раз по всесоюзной первой программе, в вечернее (а не ночное) время хотя бы малую часть уже имеющегося, отснятого видеоматериала о страданиях населения чернобыльской зоны (простирающейся не на тридцать километров от эпицентра взрыва, а уходящей радиоактивными пятнами на карте всей западноевропейской части СССР). Об этих репортажах с атомной петлей на шее писали лишь изредка критики. Но население, телезрители никогда не видели их полностью – документальную ленту Георгия Шкляревского «Ми-кро-фон!» или видеофильм «Запредел». Именно эту видеокассету житомирский народный депутат СССР Алла Ярошинская передала М.С.Горбачеву. Вот всего лишь эпизод из этой ленты, описанный в «Литературной газете» (28.2.1990) и заснятый в мае 1989 года:

«Видеокамера показывает нам детей на детской площадке и крупно прибор с далеко уплывающей стрелкой. Ведь это наши дети, это все наши дети! Завтра сын мой женится на этой девочке, и у них родятся дети, а потом внуки будут... Вот только будут ли? Или кто-то думает, что он отделился от этого мира китайской стеной, что, питаясь за счет спецзаказов, он сможет удержать и детей своих в какой-то спецедействительности? И что они вообще думают – ТАМ?». «Литгазета» отмечала, что положение на зараженных территориях не изменилось в лучшую сторону и в феврале 1990 года. Если бы телевидение было свободным, то все основные министры правительства вынуждены были бы с позором покинуть свои посты.

Тем не менее, свободное телевидение в СССР кое-где существовало, и в столицах союзных республик, и в областных центрах необъятной российской глубинки. Телецентры Тбилиси и Еревана, Риги и Вильнюса, Таллинна и Ленинграда в 1990 году отличались от ЦТ СССР, как объемистая и профессионально солидная еженедельная газета «Коммерсант» от центральной «Правды». Только вот аудитория несопоставимая у периферийных телецентров и у центрального телевидения. И взаимное сотрудничество неравное. Тбилисское телевидение появилось, к примеру, на всесоюзном телеэкране один раз в квартал на полчаса, а ЦТ СССР занимало эфир в Грузинской ССР ежедневно – вся первая программа транслировалась без купюр, а вечерний выпуск новостей «Время» в 21 час по московскому времени передавался из Тбилиси на республику не только по первой (московской), но и одновременно по второй (местной) программам.

Исключение составляли передачи Ленинградского телевидения. Их могли принимать 50 млн. телезрителей в СССР – в Ленинградской и Московской областях, в Прибалтике и в прилегающих к ним географических зонах. Ленинградским тележурналистам позволялось многое, хотя и не все. Ленинградское ТВ было официально филиалом Центрального телевидения СССР и соответственно в кадровом и программном отношении подчинялось Москве больше, чем телевидение Свердловска, Тбилиси или Таллинна. В 1979 году было принято постановление Совета Министров СССР о создании в 1983 году пятой экспериментальной программы Центрального телевидения на базе Ленинградского телевидения.

С ленинградским «Пятым колесом» на советском ТВ появился новый жанр – видеоканал, объединяющий в себе конгломерат разнохарактерных и разножанровых материалов. Объединяющий – по какому принципу? Ответ – в названии, выбранном не без самоиронии: «пятое колесо» подразумевает, как известно, то, без чего вообще-то можно обойтись. Так без чего же долго умудрялись обходиться? Без высокой духовности, без настоящей общественной жизни, без откровенных

разговоров — публичных, а не на кухне. Вот всему этому и посвящено «Пятое колесо».

Чтобы охарактеризовать уровень материалов этого видеоканала, назову лишь некоторые из тех, что в нем появились впервые в истории советского ТВ. Первое интервью с академиком Сахаровым, первые записи (с толковым комментарием) митингов шовинистического общества «Память», первые показы лент альтернативного кино, первые митинги в поддержку сооружения Мемориала жертвам сталинизма, первая беседа со звездой «андеграундной» литературы Вениамином Ерофеевым. И так далее... Учитывая, как правило, высокий аналитический уровень рассмотрения любой темы в «Пятом колесе», думаю, что лучшие его выпуски — это, вообще, самое лучшее, что было на всем советском ТВ.

Обозреватель газеты «Известия» (23.3.1990) Вл. Арсеньев так описывал свои впечатления:

«Пятое колесо» стало трибуной для высказывания взглядов, диаметрально противоположных тем, что признаны в городе официальными.

Это — взгляд со стороны. Но когда я приехал в Ленинград и встретился с главным редактором «Пятого колеса» Бэллой Курковой, понятие мною у телевизора во многом подтвердилось. К примеру, похоже было, что решительный поворот «Пятого колеса» к новому своему облику случился в тот ноябрьский день, когда в прямом эфире Бэлла Куркова беседовала с народным депутатом СССР Анатолием Собчаком, говорившим об апрельских событиях в Тбилиси, о партийном руководителе Ленинградской области с такой прямотой, что впору было вводить новую единицу измерения гласности — «одно колесо».

— Да, — соглашалась Бэлла Алексеевна. — Та передача этапная. По крайней мере, для меня. Считаю, если бы я ничего другого не сделала в журналистике, кроме этой беседы, одной ее достаточно было бы для того, чтобы думать о не напрасно прожитой жизни...

Это объясняется тем, спрашивал я, что ваши точки зрения совпадают, у вас одно миропонимание? И слышал в ответ:

— Да, это так. Мы достаточно ясно определили круг людей, чью позицию разделяем. Ждем их, приглашаем участвовать в передаче. Это — политики. Но мы при всей нашей приверженности к возрождению духовности, культуры не можем оставаться равнодушными и к ситуациям политическим. И не хотим. От направлений в политике зависит и состояние культуры...

Интересным, позволяющим многое понять в нынешних особенностях «Пятого колеса» было и суждение Курковой о плюрализме в рамках одной передачи. Суждение неожиданное: Куркова считает, что он невозможен, равно как не может быть плюрализма в отдельно взятом человеке. «Пространство» передачи, как я понял, слушая ее, не позволяет мельтешить позициями, затуманивая единственную, истинную позицию авторов. У передачи должен быть свой, не похожий на других голос. А плюрализм, многоголосье могут проявиться лишь в спектре вещания всей студии. И журналист, и зритель должны сделать выбор столь же четкий, как в кабине для голосования. Одна передача — один голос.

Пройдут годы, и у нас, возможно, появится альтернативное телевидение, о целесообразности которого столь горячо и страстно сейчас спорят. Иное, с размахом. Но прообраз его уже есть сегодня — в Ленинграде, на улице Чаплыгина, 6, где в рамках телевидения монопольного делается «Пятое колесо».

...Четвертого марта Бэлла Куркова была избрана и народным депутатом Ленсовета, и народным депутатом РСФСР. Так ее ценят, так ей верят».

Мужество Беллы Курковой как журналиста и политического деятеля снискало ей уважение и признательность телезрителей. Еженедельник «Аргументы и факты» (№ 12, 1991) поинтересовался у Курковой, как удалось ей поставить в эфир материалы с «неугодными» политиками – выступление Ельцина в Доме кино, рассуждения Ю. Афанасьева, разговор с А.Тарасовым?

«– Находясь здесь, в Москве, и наблюдая ваше телевизионное творчество. Считаю, что ленинградцы сильно обогнали москвичей с точки зрения гласности, умения vividо рядом показывать все плюсы и минусы нашей жизни. Но с другой стороны, до нас доходят отзвуки того, что жизнь у вас не такая легкая, как это иной раз думается, глядя на экран...»

– В основном своей известностью мы больше обязаны «пишущей» журналистике, нежели «электронной». Если бы газетчики и работники журналов не писали о нас, то страна бы и не подозревала о существовании «Пятого колеса». Ленинградский канал имеет 70 млн. зрителей. Но наше «колесо» выходит поздно. Например, в Свердловске оно начинается (с учетом разницы во времени) в час ночи. Вряд ли все, кто хотел бы посмотреть, могут себе это позволить – утром на работу.

– Почему же вы выходите так поздно?

– Когда мы задумывали эту передачу, то решили, что она будет элитарной, исключительно для интеллигенции. Ведь до этого никогда не было передач, специально рассчитанных на интеллигенцию. Мы думали, что актеры закончат к десяти часам игру в театрах, музыканты вернутся с концертов и т.д. Но постепенно нас начали вытеснять и с этого времени. Даже программу передач стали читать перед «колесом». Но сегодня наша аудитория расширилась: нас смотрят все социальные группы.

– Ваш изначальный принцип?

– Возрождение духовного начала. Наверное, еще и потому, что Питер в этом смысле пострадал гораздо сильнее, чем другие города.

– А как вообще относятся к вашим передачам в Ленинградском телевидении?

– Никакой доброжелательности нет. Владимир Молчанов сказал на встрече в «Московских новостях», что самое страшное, когда твои же коллеги стремятся тебя «утопить». Ощущение внутри редакции, главным редактором которой я являюсь, такое, будто мы обложены красными флажками... Помните, как у Высоцкого: «Идет охота на волков...».

В редакции работают 58 творческих сотрудников. Собрались здесь люди нестандартные – те, кто не захотел уходить от нас, даже с учетом шаткости нашего положения. Люди у нас «битые» во всех редакциях, с очень строптивыми характерами. Да у меня у самой характер не сахар...

– Всем известны ваши демократические взгляды. Но говорят, что вы никогда не приглашаете в свою передачу людей из другого «лагеря».

– Никогда не приглашаем. Никогда! Это тоже изначально продуманный принцип нашей программы. Мы считаем, что программа делает им рекламу. У этих людей есть возможность для эфира в других передачах. Мы не хотим их «раздевать». Пусть они «раздеваются» не в нашей программе.

– Поговорим о Ленинградской телекомпании... Всем хочется иметь свою собственную компанию. А хотелось бы вам иметь свою, куда входили бы и «Пятое колесо», и «Монитор»?

– Ситуация сейчас очень сложная. Одно время нас не трогали. Я все же народный депутат России и Ленсовета. Это принесло своего рода иммунитет всей редакции. Кроме этого мы дружим с очень смелыми и уважаемыми нами людьми, мно-

гие из которых имеют политический вес. Мы гордимся своей дружбой с А.Собчаком, с Ю.Афанасьевым, у которого вообще не было возможности выступить в эфире, кроме как у нас, и т.д.

Но феномена Ленинградского телевидения нет. Там действительно работает много хороших журналистов и режиссеров, но, к сожалению, я не могу сказать, что есть целые коллективы редакций, в которых взгляды у всех творческих работников едины. Часто у них диаметрально противоположные позиции. Но зритель ведь все передачи не смотрит. И создается впечатление, что все Ленинградское телевидение пронизано демократическим духом. Это не так. Поэтому я боюсь, что если сейчас наступит «эра Кравченко», то практически все редакции заработают в его духе и делать будут то, что скажет Кравченко. А сопротивляться будем мы и еще небольшая горсточка людей в разных редакциях. Поэтому и задумаешься тут о своих возможностях...

— *Ходят слухи, что при запуске в эфир некоторых ваших сюжетов случаются почти детективные истории...*

— У нас есть свои приемы. Могу раскрыть один такой прием, так как во второй раз использовать его нельзя. Речь идет о передаче с Артемом Тарасовым. Если бы я, как положено по инструкциям, сдала заранее сценарий и написала бы, что в передаче участвует Тарасов, указала, о чем он говорит, со всей расшифровкой, то передача эта никогда бы не увидела свет. Перед этим только-только были сняты с эфира сюжеты с кинематографистами, выразившими свой протест ЦТ. Мне ничего не оставалось, как дать руководству «липу». И так как эта передача была в середине видеоканала, мне легче было ее «замаскировать». Монтировали мы ее в выходные дни, когда не было руководства телевидения.

В тот вечер, когда я запланировала «тарасовскую» передачу, я уговорила А.Собчака выйти в живой эфир. Обычно после этого он сразу уезжает. А тут по моей просьбе задержался в кабинете у руководителя нашего ТВ Петрова. В это время шли другие сюжеты. Собчак вольно или невольно отвлек Петрова разговорами. Тарасов «заговорил» в соответствии с моими расчетами, когда Петров ехал в машине домой. А когда передача уже началась, останавливать ее не решился бы даже он. Скандал бы вышел огромный!

Я перестраховалась. Ведь не могу же я обвинить Петрова в том, что он обязательно бы это «вырубил». Но рисковать я не могла.

Почти так же получилось и со «Взглядом». Появление Любимова на нашем ТВ не скроешь. Мы «выдали» сначала маленький кусочек из «Взгляда», минут на пять. Но «взглядовцы»-то оставили нам целую передачу в записи. Мы опять сдали липовый сценарий. Я понимала, что руководитель комитета не может дать согласие на «Взгляд», если программу снял с эфира председатель Госкомитета. Директор программ спросил меня, где писалась передача – в Ленинграде или в Москве? Я соврала впервые в жизни. Сказала, что в Ленинграде, иначе ее бы стали просматривать. Перед началом «колеса» в живой эфир вышел В.Правдюк, занимающийся вопросами философии, литературы. Его выход не вызывал опасения за то, что дальше пойдет чистая политика. И после этого мы запустили в эфир заставку «Взгляда» и дали всю передачу. Все были поставлены перед свершившимся фактом. Это была наша победа, пусть и достаточно локальная».

После краха августовского путча «Пятое колесо» из Ленинградской телепрограммы «перекатилось» на ЦТ. Б.Куркова возглавила Ленинградскую дирекцию Всероссийской телерадиокомпании – и в таком качестве ответила на вопрос «Учительской газеты» (сентябрь, 1991):

«— *А как вы оказались в Белом доме?*

— Я приехала в Москву по служебным делам. Утром 19-го мне звонит муж из Ленинграда и говорит: «У вас там что, переворот?» А я ему говорю: «Не сходи с ума,

мне из окна Кремль виден, все тихо, птицы поют». Включила телевизор и поняла: тишина уже взорвалась. Я тут же позвонила Собчаку на его московскую квартиру. Он сказал: «Встретимся в приемной Ельцина». Я приехала, а секретарь мне с гордостью говорит: «Мы Собчака направили на дачу в Архангельское, к Борису Николаевичу. Там и Бурбулис, и Силаев, и Хасбулатов. В общем, все российское руководство. Я им со злостью говорю: «Тоже мне конспираторы! Вы что же, решили погубить всех сразу?» Пока Ельцин и Собчак не приехали в Белый дом, было очень страшно.

— *Мы знаем, что вы были все дни путча в Белом доме. Многие говорили: «Это не женское дело!»*

— Нет, женское! Депутаты не делятся на мужчин и женщин. А в дни путча я была не просто депутатом, но и журналистом, я выполняла свой профессиональный долг. Кстати, со мной работали наши женские телевизионные бригады. У двоих наших сотрудниц – маленькие дети, и я требовала, чтобы они немедленно ушли из Белого дома. Но они не ушли. Вот вам и не женское дело!

— *Кажется, впервые этот дом на набережной назвали белым в вашей передаче «Пятое колесо» год назад?*

— Да, передача так и называлась «В Белом доме России». Но, честно говоря, дом этот ужасно неудобен. 19 августа в цокольном этаже мы открыли радиорубку. А то ведь дело до смешного дошло: Ельцину надо перед народом выступить, а в Доме правительства ни одного мегафона. Это наше извечное российское разгильдяйство! Помню, в два часа пятнадцать минут я ввела в радиорубку первого выступающего – Хасбулатова. Он должен был обратиться к защитникам на баррикадах. Хасбулатов шел, ворчал, ругался на народного депутата Лопатина, который взялся нас довести по лабиринтам кратчайшим путем. Сели мы к микрофону, и я сказала: «Друзья, каждый час мы теперь будем сообщать вам о событиях в Белом доме и в Москве. Все, что услышите от нас, передавайте родственникам, знакомым, сослуживцам, дипломатам. Москва должна получать информацию». Первая ночь работы на радиостанции была очень трудной. Помогали вести передачи и Владимир Молчанов, и ребята из «Парламентского вестника», и «взглядовцы».

— *Вы смелый человек. Вы очень часто влезаете в самую гущу свар. Вам было когда-нибудь страшно?*

— Нет, хотя всякое бывало. И кресты на дверях рисовали, и по телефону угрожали, и ругались непристойно. Был момент, что друзья меня даже «вооружили» газовым баллончиком. Машины у меня не было и нет. Живу от работы далеко, часто поздно возвращаюсь. В такси коллеги одной ездить запрещают, всегда провожают. А если на метро еду, муж у станции встречает... Нет, мне не страшно. Нужно себя первый раз перебороть, а дальше, как колесо, катится и катится.

Я помню, вышла 20 августа ночью на крышу Белого дома. Дождь идет, внизу напряженно гудит на баррикадах многотысячная прозябшая и промокшая толпа. На Кутузовском танки огоньками мигают... А на баррикадах – молодые ребята с палками и камнями. Что будет, если... Вот это страшно! Не за себя страшно. Мне ведь не шестнадцать, жизнь прожила трудную. Надо выстоять во что бы то ни стало. Мне люди верят».

Невзоровский синдром России

Август 1991 лишил власти не только путчистов, но и их приспешников в руководстве ЛенТВ (Б.Петров), в том числе и ведущего телепрограммы «600 секунд» Александра Невзорова. С осени 1990 года этот неуравновешенный молодой человек превратился в печальное явление

ние советской политической жизни, стал выразителем умонастроений наиболее реакционной и темной части русского населения.

«600 секунд», несмотря на свою краткость, сумели составить конкуренцию более солидным собратьям, предложили фантастическую скорость микросюжетов — смесь сообщений информационных агентств, ленинградской криминальной хроники и курьезов, подаваемых в слегка ироничной манере. Постоянный ведущий десятиминутки Александр Невзоров, почти в одиночку обеспечивавший ежедневный эфир, стал одним из популярнейших телеведущих.

В общем, почти каждый раз получалось так, что ленинградские тележурналисты давали пример решения задач, над которыми подолгу бились их коллеги в Москве и других городах. И если главный результат первых пяти лет перестройки — это гласность, то разве то, что происходило на ленинградском экране, — это не телевизионная революция?..

Да, революция, но теперь, наученные горьким опытом Великого Октября, мы с опаской смотрим даже на самых непримиримых (!) противников... коммунизма вокруг нас. В особенности на тележурналистов и политических деятелей. Имя того же А.Невзорова, блестящего телевизионного репортера, стало знакомо у нас в СССР к концу 1990 года даже среди тех людей, которые в силу удаленности от Ленинграда, Москвы и других зон Центра А.Невзорова на экране практически не видели. 12 декабря на одном из ленинградских пустырей А.Невзорову стреляли в сердце; он чудом остался жив, М.Горбачев публично выразил ему свое сочувствие, в поисках преступника на ноги подняли все ленинградское МВД и КГБ. Впрочем, пресс-секретарь Горбачева Виталий Игнатенко не стал увязывать президентскую заботу с сочувствием к политической позиции потерпевшего.

Лично мне, да и многим, Невзоров с его неприятием советского истеблишмента, критикой всех и вся, монархизмом, борьбой за «спасение России», за которую он «готов идти до конца», — не по душе. Кто у нас любит Государя Императора и «сильную руку»? Кто у нас не любит большевиков, кооператоров и авангардистов? Догадались? Неужели члены общества «Память», такие вот они все серьезные, плечистые, не очень образованные, в кожаном, с черными знаменами с черепом и скрещенными костями. Да ведь точно такой флаг — в кабинете у Александра Невзорова на фотографии из газеты «Коммерсант» (10.12.1990). Итак, 1990 год; Невзорову 32 года, родился в Ленинграде, пел в церковном хоре, собирался принять постриг, пробовал быть каскадером; последние три года он ведет телепрограмму «600 секунд», демонстрирует телезрителям сожжение партийных билетов КПСС с изображением Ленина — и ничего, не запрещают его передачу. Смотришь на него, нервного, жесткого, вечно кого-то обличающего, запугивающего, смакующего зло и грязь человеческую и думаешь: нет, такого комиссара, хунвейбина, нам не надо, такие у нас уже были.

И дело даже не в том, что сам А. Невзоров состоял в теснейшем альянсе с пугоязовско-крючковской прослойкой, что несколько ленинградских психиатров демонстрировали по просьбе «Независимой газеты» (27.7.1991) не только выписки из истории болезни № 613/683 за 1975 г. призывника А.Г. Невзорова в психиатрической больнице № 3 г. Ленинграда. Психиатры подтверждали прежнее медицинское заключение — наблюдая за поведением их бывшего пациента на экране телевизора. Но, повторяю, ужас не в самом существовании бесноватого телекомментатора, а в том, что агонизирующий режим избрал его в качестве глашатая своих преступных акций. И ужас в том, что для миллионов (!) людей в СССР Невзоров именно в этом своем новом, полуофициальном качестве стал кумиром.

«Невзоровский синдром — это одна из самых страшных проблем нынешнего советского общества», — заявил директор русской службы радио «Свобода» Владимир Матусевич в беседе с московским журналистом Андреем Бабицким (еженедельная газета Союза журналистов СССР «Голос», № 31, 1991):

«— Владимир Борисович, изменилось ли за последние годы ваше восприятие Советского Союза, сохранилась ли ощущение, что непреодолимый водораздел между миром советским и миром западным продолжает существовать?»

— Ощущал этот водораздел и 20, и 10 лет назад, и никаких существенных изменений в моем ощущении, что такое Советский Союз, не произошло.

— Но не будете же вы отрицать, что за годы перестройки и в жизни, и в сознании советского человека очень многое изменилось? В сфере общественных идеалов Советский Союз все же несколько приблизился к западным свободам.

— Это необъятная тема, но я избрал бы один конкретный феномен, как мне кажется, указывающий на пропасть, которая разделяла, разделяет и будет разделять два мира. Я имею в виду феномен Александра Невзорова. Я мог бы ввести в нашу беседу какие-то иные реалии, но на меня в известном смысле наибольшее впечатление произвел именно этот феномен. Почему?

Понимаете, дело не столько в том, что Невзоров, мягко скажем, — марионетка, заранее подготовленная и манипулируемая в определенных целях. Дело в той среде, в тех обстоятельствах, в общественном климате, которые делают такой синдром возможным. Появляются эти самые знаменитые «наши». Ни у кого не может быть никаких сомнений в том, что человек в сфере профессиональной совершил преступление, равное в сфере бытовой изнасилованию, убийству с предварительной пыткой, скажем так. Человек совершил с точки зрения профессиональной преступление, за которое, если это преступление совершается в сфере уголовной, даже в самых гуманных странах приговаривают к пожизненному заключению. Человек, создавая документальный сюжет о чудовищных событиях, сфальсифицировал его с начала и до конца. Журналист совершил профессиональное преступление, после которого его на пушечный выстрел нельзя подпускать к любой редакции: газеты, журнала, телестудии.

Да, я знаю, что группа кинематографистов писала об этом в «Независимой газете», я знаю, что появилась масса статей неистово гневных, в которых Невзоров разоблачается, обличается и все такое прочее. Но это эмоции.

Общество, в котором Невзоров может работать на телевидении, — это общество беспредельное, и, как ни парадоксально, мне в известном смысле больше

по душе общество догорбачевское, где в силу иных соображений, не высоких каких-то соображений профессиональной этики, Невзорова не было и быть не могло. Это парадоксальная ситуация, которую я сам для себя еще до конца осмыслил – в известном смысле сегодня советское общество еще омерзительнее, еще более бесовское, еще более античеловечное, чем оно было до Горбачева. Нынешний плюрализм с «Огоньком», с одной стороны, и с журналом «Кубань» – с другой, где, кстати, дошли до того, что напечатали некоего Тетенова, который пишет уже о Солженицыне как о сионисте и масоне, это одно дело. Но невзоровский феномен – другое, поскольку самое страшное здесь – это то, что, несмотря на шум осуждений, остаются люди, которые продолжают с ним работать, снимать для него, монтировать для него, выписывать ему зарплату, входить с ним в одно здание.

– *Вам не кажется, что одна из причин невзоровского феномена лежит в отсуствии правовых отношений в обществе? Если бы ложь и фальсификация в прессе или на телевидении автоматически влекли за собой судебное разбирательство и наказание, публикация такого рода материалов была бы делом не столь простым и приятным?*

– Вы затронули интересную тему, поскольку, на мой взгляд, это действительно одна из самых страшных и неразрешимых проблем советского общества сегодня и завтра. Несмотря на все заклинания Горбачева о необходимости и насущности построения правового государства, тот же Горбачев и его команда делают все возможное, чтобы у человека уже с детского возраста появлялось полное презрение к праву. И это гораздо важнее, чем все экономические проблемы. Может быть, именно поэтому в Советском Союзе как не было, так и не будет правового государства в подлинном смысле слова. Так что вы правы, невзоровский феномен тесно связан с этой проблемой.

Но, с другой стороны, не так уж важно, существуют ли какие-то статьи или юридические нормы, по которым руководство ленинградского телевидения обязано было немедленно уволить Невзорова. Меня поражает, что среда, я имею в виду среду телевизионную или шире, журналистскую, не вытолкнула его из себя. Ведь это не только нравственная проблема, но и профессиональная. Вроде бы преобразован Союз журналистов, принят какой-то профессиональный кодекс, но все это гроша ломаного не стоит, пока Невзоров появляется на экране. Ибо то, что он делает, – это абсолютный, стопроцентный вызов профессиональной журналистике.

– *Из того, что вы сказали, следует простой вывод: сознание советского человека, освобожденное от тоталитарных скреп, предполагавших, кстати, некое внешнее благообразие, отнюдь не стало цивилизованным и свободным. Оно стало варварским и своевольным, отрицающим существование каких бы то ни было норм жизни. И мне хотелось бы как-то объединить различные проявления этого варварства: и невзоровская ложь, и антисемитизм патриотических изданий, и режим, установившийся в Грузии. Все это, по-моему, явления одного порядка.*

– С Грузией, кстати, интересная вещь. После победы на президентских выборах Гамсахурдиа, отвечая на упреки в том, что он вырастает в маленького диктатора или в большого диктатора маленькой страны, негодуяюще фыркнул: «Где это видано, чтобы диктатор приходил к власти демократическим путем, посредством демократических выборов?!» К сожалению, в тот момент не нашлось никого (задним числом об этом много писали и в американской, и в западноевропейской прессе), кто напомнил бы, что примеров такого рода как раз весьма немало и самый известный из них – это пример Гитлера, который пришел к власти отнюдь не путем путча, не путем кровавого переворота, а победив на самых что ни на есть демократичнейших выборах. Но все же то, что символизирует собой «Наш современник», и то, что символизирует собой Гамсахурдиа, я для себя не смешиваю, это явления не одного и того же порядка, хотя, безусловно, происходящее в Грузии во многом является результатом 70-летней советской истории.

Я, однако, вполне могу себе представить, что процессы, аналогичные тем, что идут в Грузии, могут идти в какой-нибудь маленькой латиноамериканской стране.

«Наш современник» – другое, это страшнее. Как-то вдруг оказалось, что тонкая пленка цивилизованности, которая все же существовала в советском обществе опять-таки до Горбачева, подразумевала, что если простые люди могут себе позволить хаять жидов и «шашлычников» в трамваях или очередях, то для интеллигенции, по крайней мере публично, в печати, – это табу, нельзя, непристойно. Так же непристойно, как, скажем, болеть триппером. С какой невообразимой легкостью все это исчезло! Когда в «Нашем современнике» появилась первая часть шафаревической русофобии, я был ошеломлен. Мне казалось, что сейчас земля русская разверзнется, произойдет какой-то взрыв. Да, взрыв произошел, но на Западе: половодье статей, рецензий, а в СССР даже «Московские новости» ограничились перепечаткой заметки каких-то двух иностранных авторов.

Я отказываюсь русский шовинизм, национализм ставить в тот же ряд, что и национализм грузинский, татарский или литовский. Об этом чуть ли не сто лет назад писал Бердяев, когда говорил о принципиальном отличии шовинизма большой, угнетающей нации от национализма нации маленькой, борющейся за само свое выживание. Вопль русских почвенников о том, почему же хохлам можно, литовцам можно, а нам нельзя, звучит не только чудовищно безграмотно и безответственно, это и демагогия.

Но, возвращаясь к чуме русского шовинизма, особенно угнетает, что все это идет сверху, идет от тех, кому вроде бы положено быть интеллигентами, идет от писателей, от литераторов».

В июле 1991 года Невзоров по ЛенТВ в очередной своей передаче «Паноптикум» обвинил в государственной измене сразу двух президентов – Горбачева и Ельцина. Валерию Новодворскую за выступление на митинге с критикой Президента СССР упекли в лефортовскую тюрьму КГБ, а Невзоров кричал то же самое на весь почти Союз, и ему все сошло с рук.

Если по общепринятой в мире терминологии Невзорова можно было причислить к коричневым, кравченковское ЦТ и псковскую «Правду» – к красным, часть традиционной и новой периодики – к розовым, то «Гласность» Сергея Григорьянца и еженедельную «Экспресс-хронику», эмигрантские «Новое русское слово» и «Русскую мысль» можно отнести к разряду прессы «для белых людей», которая делается высокообразованными профессионалами, свободными от догматов коммунистического воспитания. «Дело Новодворской» практически не освещалось в массовой советской прессе и тем более по телевидению. Потребовался крах путча и увольнение защитника прав человека Ф.Бурлацкого из «ЛГ», чтобы В.Новодворской тут же дозволили дважды выступить на страницах «Литературной газеты» в сентябре 1991 года. Но летом того же года Невзоров процветал, а Новодворская была за решеткой. Мальва Ланда писала в те дни в «Экспресс-хронике» (№ 25, 1991):

«Арестованы по обвинению по ст. 70 обновленного Уголовного кодекса члены ДС, подписавшие «Письмо 12-ти», Валерия Новодворская и Владимир Данилов.

Согласно новой статье 70-й, уголовно наказуемыми являются «призывы к насильственному свержению или изменению советского государственного и общественного строя».

«Письмо 12-ти», датированное 12-13 января 1991 года, является непосредственной реакцией на атаки советских вооруженных сил на законные учреждения и мирных граждан Литовской республики – одной из советских республик, пытающейся мирным путем, опираясь на законы и международное право, стать республикой суверенной, не советской, самостоятельно решающей свои внутренние проблемы.

Лица, инспирировавшие эти деяния, не привлечены к ответственности. Наоборот, контролируемые центром органы массовой информации возлагают вину на руководителей республики, на граждан, пытающихся защитить свое правительство, республиканские учреждения (телевизионный центр и др.).

Примером такого извращения служит неоднократно показанный по Центральному телевидению псевдодокументальный фильм Александра Невзорова.

Более чем снисходительно относится центр как к руководителям коммунистических партий Литвы и Латвии, призывающим к насильственным действиям против правительств этих республик, так и к представителям военного командования, делающим аналогичные заявления. Не осуждает центр и тех, кто создал так называемый Комитет национального спасения в Литве, пытавшийся совершить государственный переворот.

Акции советских вооруженных сил против учреждений Литовской и других прибалтийских республик, настаивающих на своем праве на государственный суверенитет, продолжаются.

Продолжаются и соответствующая дезинформация, попытки формирования неприязни, враждебности к коренному населению прибалтийских республик...

Надо полагать, что это является грубым нарушением не только международных правовых норм, нарушением прав человека, включая право на жизнь... но, по-видимому, и советских законов тоже.

Генеральный секретарь КПСС – президент СССР, очевидно, поддерживает – если не инспирирует – эти акции: он не выступил с публичным их осуждением; непосредственное руководство советскими вооруженными силами осуществляется назначенными и подчиненными ему министрами обороны и внутренних дел; тенденциозная дезинформация распространяется Центральным телевидением, которое подчиняется руководителю, назначенному президентом. То же можно сказать о многотиражной коммунистической прессе.

В такой ситуации у населения легко извращается представление о законности. Возникает идея самообороны, вооруженного сопротивления, борьбы с поработителями.

Я не согласна с теми, кто призывает к вооруженной борьбе. Последняя может привести к еще большему кровопролитию, к новым народным бедствиям. Однако, повторяю, с точки зрения законности и правопорядка – в не искаженном партийностью понимании этих терминов, – злостными нарушителями закона являются прежде всего руководители Союза ССР и те, кто с ними сотрудничает, на кого они опираются при совершении насильственных действий против непослушных народов, групп и отдельных лиц.

По праву силы они, конечно, могут и будут судить – демонстративно опираясь на букву закона – тех, кто по наивности, в состоянии ослепления призывает к противодействию силе – силой, насилию – насилием».

Летом 1991 года министр обороны СССР Д. Язов лично наградил ленинградского репортера медалью «За укрепление боевого содружества», чего никогда не делалось в отношении других журналистов, освещавших участие СА во многих «международных конфликтах» в Прибалтике, Средней Азии и Закавказье. Десятки, сотни статей посвятила советская пресса феномену Невзорова – фашиста на всесоюзном телеэкране. Вселенскую рекламу получило такое смакование порока,

который лучше всех обрисовал Александр Тимофеевский на страницах американского «Нового русского слова» (1.2.1991):

«Месяца два назад в одной из своих заметок я иронизировал над тем, что программа «Время» поменяла свои позывные на манер Би-Би-Си.. Спустя неделю после этого новый министр телевидения тов. Кравченко вступил в должность, и под Новый год новые позывные Щедрина улетучились, уступив место старому свиридовскому «Время, вперед!»

Нужно отдать должное тов. Кравченко, его строгому вкусу – он наконец привел форму программы «Время» в полную гармонию с ее содержанием. Смена заставок символически обозначила смену эпох, конец перестройки: теперь людоедское наше телевидение больше не прикидывается вегетарианским, а предлагает «Время, вперед!», подразумеваемая назад. Назад, впрочем, не бывает; застоя, с его умеренным, дряблым человеконенавистничеством уже не будет, как не будет и межумочной перестройки, а родится нечто третье, контуры которого проступили недавно в истории с литовским репортажем Невзорова.

Поразительнее всего, что этот репортаж кого-то поразил. Сам Невзоров твердо своим баритональным тенором поведал перед началом, что теперь он, видимо, потеряет многих своих друзей и почитателей. Почему? Ничего принципиально нового в Невзорове репортаж не раскрывает. Он вроде бы никогда и не таил своей любви к сильной руке, к порядку, к армии и КГБ, к «царю, вере и отечеству», а значит, и к империи. Чисто идеологически все в репортаже Невзорова вполне предсказуемо. И интересен он совсем не своей идеологией. Скажем больше: интересен вовсе не репортаж, а обстоятельства, ему в эфире сопутствовавшие. Как говорил Козьма Прутков, – не так хорошо леченье, как примочка к оному подаваемая.

Сразу после эфира Невзорову предъявили множество претензий. Одна из них – в отсутствии логики, ее и впрямь нет. Автор воспевает доблесть русского оружия и вместе с тем что-то бормочет про «преступное правительство», пославшее войска. Но тут же оговаривается, что присутствие войск необходимо, дабы защитить русскоязычное население. С какой стати войска должны кого бы то ни было защищать от законного парламента, не говоря уж о странных способах защиты, больше похожих на нападение, – в репортаже не обсуждается и никакой логикой не объясняется. Потому что дело не в логике.

Невзорова обвиняют в том, что он показал фальшивку. С позиций любого хроникера-документалиста, любого вообще профессионала его репортаж, мягко говоря, некорректен. Это жизнь, не «застигнутая врасплох», а старательно и плохо подстроенная. Причем подстроенная откровенно плохо, вызывающе плохо, не скрывая, а выпячивая «постановку». Но обвинения в отсутствии «правды жизни» так же несостоятельны, как и обвинения в отсутствии логики. Потому что ни то, ни другое не входит в предлагаемые правила игры.

По этим правилам Невзоров играет вот уже несколько лет, вызывая реже возмущение, а чаще восторг той самой интеллигенции, которая сейчас от него в негодовании отвернулась. Правила эти весьма необычны для репортера, который призван как бы исчезнуть, раствориться в своем материале. С Невзоровым происходит нечто прямо противоположное. Он всегда подчиняет себе информацию, которую выливает по ту сторону экрана, как из сосуда, из рта в ухо.

Эта передача, точнее – благовестие имперсонального знания – не имеет ничего общего с бесхитростным репортерством, так что диву даешься, когда даже умные критики дружно называют его высоким профессионалом. Он именно не профессионал, а герой, подвижник, страстотерпец, Робин Гуд, который один против всех: против большевиков и проституток, против расхитителей народного мяса и авангардистов, против демократов и кооператоров, против подлых алиментчиков, окопавшихся в Ленсовете, один против всех и один за всех говорит Правду.

Тройная миссия Противоборства – Заступничества – Благовестия определяет в Невзорове все: и его собственное оформление – вид, как бы драматически усталый,

как бы три дня небритый: и оформление судьбы – преследуемый врагами он «принял пулю близко к сердцу» (гениальное, как всегда, воп тот газеты «Коммерсант») и оформление передач – гремит музыка, в огне горит кольцо, наезжает надпись «600» (почему не 666?). Все готовит нас к зрелищу мифологическому, к кинематографу пырьевско-чаурелевскому, к серии откровенных заведомых инсценировок, к аффектированным мелодраматичным монтажным фразам, к прямым лобовым метафорам, к неизбежной Родине-матери в финале, бредущей со своей нищенской котомкой.

Разрыв между обыденным фактом, нуждающимся в простом сообщении, и Благовестием, которое он призван влить, оказывается так велик, что чувство реальности исчезает напрочь. По-детски обидевшись на Ленсовет и его мелкую интеллигентскую правду, он приехал в Литву, чтобы сообщить свою, Большую, всеми злокозненно скрываемую, и с ходу перепутал красную армию с белой, даже с крестовым воинством, окончательно вообразив себя Михаилом Архангелом. Поэтому вопросы ведущего, который после передачи все допытывал его об отношении к Горбачеву, Ельцину и Гидаспову, звучали мучительно бестактно. «Что мне Горбачев, что Гидаспов, что мне Ельцин?», – изумлялся Невзоров и был совершенно прав. Что Михаилу Архангелу до всей этой суеты?

Тяжелая мания величия скрывает, наверное, такие же тяжелые комплексы. И в Михаиле Архангеле, не имеющем своего воинства и скорее всего никогда не служившем в армии, сквозь весь литовский сюжет проглядывает большеголовый узкоплечий переросток, с подобострастием, снизу вверх заглядывающий на военных:

«Дядь, а дядь, дай потрогать пистолет». О том, что проглядывало в навязчивых сюжетах об изнасилованных детках и старушках, думать не хочется – это не моя забота, а психиатра.

И желание во время литовского сюжета было одно: скрыть крупные слезы сострадания. Да, да, к Невзорову. Сдержатъ себя, слушая, как народный трибун, эта блаженная жертва паранойи, чеканил: «что мне Ельцин, что мне Горбачев?», сдержатъ и не протянуть руку через телевизор, чтобы, погладив его по головке, сказать что-нибудь ласковое, утешительное: «Ты самый отважный, самый красивый, зачем же так нервничать?»

Здесь можно было бы поставить точку, но точка, к сожалению, здесь не ставится. Если б литовский сюжет показали только там, где ему и место – в «600 секундах», то не было бы и горя. В конце концов «секунды» стали неотъемлемой краской перестройки, ее, так сказать, дежурным блюдом. И беда не в лечении, а в примочке, к оному подаваемой. По специальному решению Верховного Совета СССР невзоровский сюжет демонстрировался еще дважды.

Ужас ведь не в сюжете, а в том, что он стал официальной версией событий. При этом автору простили не только старую брань на большевиков (кого они сейчас волнуют?), но и новый в самом репортаже содержащийся выпад против «преступного правительства», пославшего войска. Простили потому, что помимо всех выпавов, всех вообще слов, как из сосуда в сосуд, изо рта в ухо вливал Невзоров в наших соотечественников ту самую имперсональную Высшую Правду, злокозненно сокрытую демократами. Простили потому, что точно так же, по той же самой схеме, согласно этой загадочной Правде, выстраивалась и версия Пуго, и версия Язова, и версия Горбачева.

Почему армия выполняет приказы какого-то бандитского Комитета спасения, действуя против избранного народом правительства? – спрашивали их с позиций закона и здравого смысла. Потому что на стороне Комитета – Правда, – фактически отвечали им. И от этой «правды» становится жутко.

Дряхлая брежневская брехня, то самое «Время, вперед!», когда оно вас напрямую не терроризировало, было в конце концов терпимо. От него можно было скрыться, плотно занавесившись шторами и уйдя в Пушкина, в Британию, в живопись миланского барокко – кому что милее. Глупое перестроечное «Время» при всей своей половинчатости, при всей эклектичности и безвкусице хотя бы забавляло мысль. От невзоровской паранойи, возведенной в ранг государственного созна-

ния, не убежишь, и она не забавляет. Все же попытки протеста выглядят какими-то вялыми. И что значительно хуже – принципиально безответными.

На многотысячные митинги с их требованием вывести войска и поскорее уйти в отставку Центр взирает с недоумением слона, обеспокоенного москвой. Доводы разума и апелляция к закону оказываются столь же бессильными, что и моральные оценки: «танки – это чудовищно», «Невзоров, вы подлец». Даже телеграмма известных наших режиссеров о том, что невзоровская передача фальшивка, – не убеждает.

Все это – профессорский лепет, жалкий перед круговой порукой безумия».

Вот еще один отрывок, предостережение со страниц журнала «Огонек» (№ 42, 1990) журналиста А.Терехова после просмотра «криминальной хроники», «хроники происшествий» и тому подобной «завлекаловки» наших общесоюзных (или просто московского, ленинградского) каналов ТВ, потакающих самым невзыскательным вкусом:

«Когда старый свет померк, а новый еще не взошел, из подполья выходит чернь, сумрак – это ее время, и она требует: дайте!

И наше убогое телевидение кормит чернь с руки перегноем вперемешку с песенками, бубнящими «Россия, Россия» на фоне разрушенных храмов, и наша культура задавлена рыгающими «пожеланиями черни», которые не светлее «пожеланий трудящихся», у нас не осталось ни одной порядочной газеты, которая не подрабатала бы на панели статейками о «летающих блюдах», «двигающихся шкафах» и астрологическими бреднями о конце света. И как часто на полях этого потока хочется начертать стонущее: все не так просто! Переход толпы в стадо происходит через единообразие пищи – не надо бы упрощать. Мы слишком бедны, чтобы позволить себе диктатуру черни.

Всякая революция – это изменение уровня, но ради Бога – не выравнивание его! Однажды мы уже бросили в грязь кружева и мрамор дворянских усадеб и приподняли деревню, вырвав корни ее из земли, – и лишили себя сразу и почвы, и воздуха.

Нельзя уступать черни, которая хочет лишь чего-то остренького, чтобы сердце замирало и мокла спина перед сном, нельзя с улыбочкой проскальзывать по трупам и выгаскивать на экраны откровенно больших людей. Боль должна остаться болью, ее острота никак не связана с количеством и регулярностью.

Со временем чернь получит свои газеты и журналы, телеканалы и комиксы, но это не значит, что народ лишится своего вечного нравственного долга – воспитывать, растить, поднимать худших сынов своих, но пока от черни пора защищаться. Чернь презирает извилины – она любит краткие пути. Скинуть царя – зажечь. Услать кулака – и зажечь. Собрать толпу погуще, выбрать лоб покрепче – расколоть им Кремлевские ворота или вход на Лубянке, вытащить за волосы пару бояр – и опять зажечь.

Уступая черни, мы гоним народ из страны, мы сокращаем время тех, кто пытается еще что-то сделать. Мы заставляем верить людей, что живем накануне чего-то страшного, ужасного, взрыва всего вокруг. А люди, которые привыкли к остреньким событиям каждый день, могут тосковать по событиям, выдумывать их. Черни всегда грезятся бунты и самозванцы.

Самое страшное, что у нас последнее время совсем не видно людей, которые бы сомневались или мучились раздумьями, – все про всех давно все знают, ежедневно. И торопятся узнать.

И меня пугает даже не эта волна, а отсутствие хоть малейшего противодействия. Я давно не мечтаю об отечественных аристократах и нежных принцессах на горошине и давно уже расстался с надеждой увидеть хоть одного государственного мужа, который не начал бы свой трудовой путь в тринадцать лет подпаском колхозного стада и не сохранил бы с тех незабываемых лет лексику и манеры.

Но где же просто воспитанные люди, которые бы просто выключили телевизор после вопроса ведущего «600 секунд» к насильнику, с чем легче расставалась женщина: с бутылкой, которая у нее была, или с честью? Неужели долгие очереди и застывшие безграмотных дураков стерли в прах наши университетские образования, народные целомудренные традиции, родительские уроки и слова умных книг? Неужели мы перестали различать правду как крупицу золота, добытую кровью и потом для духовного возрождения и поиска трудного, мучительного пути, и правду, которую дурно пахнущим пойлом плеснет нам в миску хам с грязными ногтями? Я не знаю, мне больно об этом думать.

Но я уверен в одном: долг пишущих и говорящих сегодня – социальная реабилитация людей, для которых рухнули прежние духовные основы. В наше трагическое время люди – как дети. Им надо говорить только правду, но их нельзя пугать. Если их напугать – им станет страшно. Им захочется обратно.

Деполитизация общества начинается с уничтожения информационного гнета, старающегося вколотить в каждую голову одно и то же: пусть хорошее, но одно и то же. В жизни человека главным должна стать его личная жизнь, а совсем не выборы, митинги, выберут ли генерала Калугина депутатом и как изнасиловали старуху в общественном туалете.

Это постыдно, когда люди при встрече говорят не о себе, а о газетной грязи. Оставьте людям герань на окне, тихий вечер с семьей, огород, вечные книги, отдохновение от работы. Пусть они меньше ходят на выборы и собрания, пусть меньше смотрят, пусть больше живут.

Чтобы человеку хотелось скорее увидеть утро следующего дня, он должен знать, что в эпоху всеобщего крушения правда, честь, мужество, совесть, доброта, бескорыстие, любовь к Отечеству остаются незыблемыми. И останутся.

Жизнь должна быть радостью независимо от того, будет сегодня «Взгляд» или не будет. В конце концов никакое выступление Президента не дороже сырой осенней лавочки и скрипучего листопада. Дайте человеку спокойно спать».

У нас по телевидению старались не показывать людей, которым есть что сказать и которых приятно слушать. Хотелось видеть по телевидению очень ярких личностей, но они туда, как правило, не шли, потому как врать не хотели, а говорить честно обо всем им никто не позволил бы. Гарри Каспаров у нас на экране морщил лоб за шахматным столом, Алла Пугачева пела, но свободно и раскованно мыслить перед телекамерами ЦТ им запрещалось. Приличных людей на центральном телевидении выпускать старались лишь в записи, после строгой цензуры. От этой долгой, систематической практики тотальной лжи портились и сами звезды телевидения, да и весь творческий корпус, среди которых было немало и журналистов, старавшихся сделать, как лучше. А получалось у них наоборот, так как смещенными оказывались критерии добра и зла, да и просто не в чести у нас элементарные порядочность и воспитанность. Характерный пример взят из московского репортажа сотрудника американской газеты «Новое русское слово» (24.7.1990) В.Соловьева:

«Первое, на что я обратил внимание, приехав в Москву, – огромное количество нищих и нищенок на улицах, на вокзалах, на станциях метро, в подземных переходах. Отношение к ним москвичей отрицательное, но не презрительное – скорее завистливое: они умеют то, чему еще не научились те, кто их осуждает. Мне рас-

сказывали, что нищие берут напрокат детей, и сердились, когда я выражал сомнение и спрашивал, откуда это известно.

Некоторые считают московских нищих подпольными миллионерами и даже требуют произвести у них обыски. Во всяком случае, в конфликте анонимной нищенки и популярного телерепортера большинство зрителей встало на сторону последнего.

У меня был по поводу этой передачи спор с вполне разумным и образованным четырнадцатилетним подростком Алешей, который и рассказал мне первым об этой передаче.

Где-то уже к концу рабочего дня репортер вместе со своей командой, телекамерами и микрофонами подошел к нищенке и поинтересовался, сколько она сегодня заработала. Нищенка отказалась удовлетворить его любопытство, тогда репортер силой выхватил у нее сумку и на глазах у миллионов телезрителей сосчитал ее дневную выручку, которая составляла, кажется, несколько сотен (хотя не исключено, что в сумке находились и другие деньги – не только сегодняшние).

Алеше очень понравилась эта передача, и он пересказывал ее мне возбужденно, взалхб. По его словам, передача имела огромный успех, на следующий день о ней только и говорили, восхищаясь находчивым репортером и осуждая подпольную миллионершу.

– А у вас бывают такие передачи? – гордо спросил меня Алеша.

– У нас такие передачи невозможны. Во-первых, полиция бы арестовала репортера за приставание к нищенке, устроенную им потасовку и покушение на чужую собственность. Во-вторых, ему пришлось бы немедленно уйти с работы, потому что большинство американских телезрителей – в отличие от советских – резко бы осудило этого телерепортера за безобразное поведение.

Алеша был потрясен американскими нравами не меньше, чем я – советскими. Вместе с отцом Алеша, моим давним другом, мы в конце концов убедили его сына в том, что телерепортер, мягко говоря, превысил свои полномочия, но как убедить в этом самого репортера и многочисленных его поклонников, которые ставят его на одно из первых по популярности мест?

Я вообще заметил, что мои телевизионные вкусы далеко не всегда совпадают с общесоветскими, но в данном случае речь идет не об эстетике, а об этике».

У нас десятилетиями выступали по телевизору в роли международных знатоков Запада люди с двойной моралью. Отлично представляя себе, что на самом деле представляет собой «загнивающий Запад», они несли ахинею и дезинформацию с экрана, потом писали подобные же книги, получали такие же ученые степени, преподавали технику этого манипулирования студентам. Характерно, что этих профессиональных врунов никогда в одно и то же время не использовали в двух ипостасях: пропагандист на телевидении и советник МИД (ЦК КПСС, Совмина и т.д.). В наших верхах всегда делали различие между стереотипами массовой пропаганды и реальной политикой, но различие это всегда было не очень существенным. В странах Запада самые талантливые звезды от журналистики, советологии становились одновременно и весьма почитаемыми людьми в политике, в академических кругах. Ричард Пайпс, Збигнев Бжезинский – у нас их столь часто обкладывали матом в годы застоя, что сегодня фамилии этих корифеев особо представлять нашей аудитории не приходится. А Элен Карер д'Анкосс, советолог с мировым именем, которую знает каждый француз по ее нередким выступлениям по телевизору, – в 1990 году

она стала третьей в истории Франции женщиной, избранной в состав Французской академии.

Информационная война в эфире кончилась 21 августа 1991 года

Информация – это власть, это очень важный стратегический товар. Диктатор, ограничивающий распространение нежелательной для него информации, выигрывает в том, что удерживается в кресле, но при этом он оболванивает свою страну, которая спустя два-три поколения превращается в интеллектуальную пустыню. В течение одного только месяца (!) Гамсахурдиа сумел перевернуть в Грузии все вверх дном и поставить республику на грань гражданской войны. В сентябре 1991 года, теряя почву под ногами под натиском сил демократической оппозиции, он распустил парламент, отключил телевидение московское и республиканское, ликвидировал практически всю местную прессу и запретил печатание на месте и распространение в республике всех московских газет и журналов. А также отменил на неопределенное время занятия в школах и вузах, фактически перестал платить зарплату интеллигенции, наказав ее таким способом за оппозиционные настроения. В довершение всего съез в Тбилиси на сотнях автобусов своих сторонников со всей республики и организовал перманентный многонедельный митинг в свою поддержку перед собственной резиденцией.

В Москве коммунистические силы до и после вильнюсских событий января 1991 года действовали чуть-чуть более осмотрительно, так как во что бы то ни стало желали не рассориться окончательно с Западом. Но военно-промышленный комплекс при поддержке КГБ и прочей партийной номенклатуры упорно вел информационную войну против демократических сил. Последним, слава богу, было что противопоставить коммунистам-ортодоксам. В 1991 году самые яркие умы КПСС перешли на сторону демократов, и это было главным достижением борьбы за общественное мнение. Телевидение превратилось в последний плацдарм борьбы коммунистов за ускользающую от них власть.

«Главное стремление – помешать информационной независимости России». Таков был заголовок интервью председателя Всероссийской телерадиокомпании Олега Попцова корреспонденту «Независимой газеты» (21.3.1991) Сергею Фомину:

«– На пресс-конференции, посвященной своему вступлению в должность председателя Всесоюзной государственной телерадиовещательной компании, Леонид Кравченко сказал, что в отношениях с Российской телерадиокомпанией «возникла ситуация, которую невозможно решить сразу и безболезненно...»

– Для всесоюзной компании российская – конкурент. Конкурент малоприятный, не разделяющий взгляды председателя на массовые средства информации, их роль в процессе обновления общества, и потому – конкурент раздражающий. С другой стороны, думаю, что Л.П.Кравченко понимает: российского телевидения и российского радио не может не быть.

– *Он подчеркнул, что идея раздела собственности бывшего Гостелерадио для него неприемлема. И что ни одна из республик, кроме России, не претендует на это...*

– Россия из всех республик занимает самое неравноправное положение в информационной сфере, имея свои жалкие 5 часов радиовещания в день и 7,5 часа телевизионного в неделю. Во всех республиках ретрансляционные радиорелейные линии от столиц до областных центров принадлежат им. В России – это собственность Союза. За что такая несправедливость? Отсутствие собственного телевидения и радиовещания для России – это паралич управления республикой, ее экономикой, культурой.

России предстоит подписывать Союзный договор, и в такой ситуации она придет к нему неправоправной. Должны быть гарантии равенства, республика вправе предъявить экономические претензии Центру за ущемление своего конституционного права на свободу информации собственных сограждан. Это, кстати, конституционная обязанность и парламента, и правительства.

Российский парламент блокирован, он раздражен неисполнением собственных законов. И это раздражение справедливо. Помимо саботажа законов консервативными силами на местах, граждане республики о них просто ничего не знают. В то же время дух разлада, раздражения Центра по поводу несговорчивости России, ее руководства, не пожелавшего отречься от принципов суверенитета, создает ситуацию информационной блокады, ибо Центральное телевидение противостоит концепции самостоятельности России и не скрывает этого.

Одно удивительно – сколько сил тратится, чтобы помешать России создать свое радио и телевидение, и крайне досадно, что ключевой фигурой в этом противодействии является сам президент. Силуэт Ельцина заслонил президенту весь российский горизонт.

– *На той пресс-конференции прозвучало, что семьдесят процентов центрального вещания – о России и для России...*

– Те семьдесят процентов, о которых говорил Кравченко, – это свидетельство неумения Гостелерадио создать образ каждой республики на всесоюзном экране. Именно поэтому события, конфликты, возникающие в той или иной республике, для зрителя, как правило, неожиданность. Правда о народе – это и есть образ народа.

Образование российского телевидения позволит всесоюзной телекомпаниям уделить больше внимания в эфире, и прежде всего на президентском канале, жизни республик. Но, как я понимаю, Л.П.Кравченко этого делать не желает да и боится. Налицо главное стремление – помешать информационной независимости России. Надо меньше болтать об интернационализме, его надо созидать.

Если первый канал – президентский и, как заявляет сам президент, у него нет более важной задачи, нежели сохранить Союз, то, естественно, межнациональное общение должно быть функцией первого канала. Второй же канал всегда был в определенном смысле свалкой, куда перебрасывались менее удачные, с точки зрения руководства, передачи либо «сылались» строптивые. Так, на второй канал попали «Авторское телевидение». Зачем? А вдруг эта несговорчивая и талантливая команда поссорится с руководством российского телевидения. Радость-то какая!

– *Непонятно, как могут местные и республиканские комитеты ТВ и РВ, находясь на территории России, быть самостоятельными, если указом президента вся собственность бывшего Гостелерадио передается всесоюзной компании?*

– Здесь есть недосказанность. Предварительно, до указа, мы договорились с Гостелерадио о передаче местных комитетов в собственность республик. Почти все было готово, чтобы мы получили имущество непосредственно из рук Гостелерадио. А тут – указ президента. Началась новая канитель – переписка между правительством СССР и правительством РСФСР. Проволочки, волокита – таковы нормы в отношениях с бывшим Гостелерадио. Поразительно, что теперь эти препоны ставят те, кто сейчас находится во всесоюзной компании за штатом, а в штате состоит пока один только председатель.

Каждый раз, когда мы встречаемся или разговариваем с Л.П.Кравченко, мне кажется, что мы о чем-то договорились. Ведь мы, в общем-то, партнеры, хотя и конкуренты. У Кравченко тоже непростые дни, я ему сочувствую, но ситуация меняется медленно.

Но дело не только в Кравченко. Республиканский бюрократизм – он тоже бюрократизм матерый. История с постановлением о средствах массовой информации, которое принималось Верховным Советом РСФСР, – это тема особого разговора, однако два слова сказать необходимо. Постановление было подготовлено специалистами и касалось материального оснащения средств массовой информации. А обсуждали его в основе своей ничего не понимающие ни в радио, ни в телевидении, ни в полиграфии политики, и срывали его принятие тоже парламентарии, возмнившие себя политиками. Мы обречены, если не научимся уважать профессионалов.

Работу на втором союзном канале мы рассматриваем как переходный период. Цель остается прежней – самостоятельный российский канал. Совет Министров РСФСР выделил нам средства, но у республики в данный момент чрезвычайные трудности с валютой. А телевидение – это не то, что можно создать «вдруг», на пустом месте. В стране с блестящей организацией экономики строительство телецентра заняло бы три года, столько, например, строили телецентр в Каталонии. В среднечивилизованной стране это заняло бы пять лет. В нашей, при нормальных условиях, – семь. А в условиях кризиса – десять. А как будет жить Россия все это время?

Кстати, еще в прошлогоднем указе президента о демократизации телевидения было сказано, что Россия будет строить свой телецентр. Тогда президент хотел показать: «Разве я плохо отношусь к российскому телевидению?» Но только показать...

– *Кравченко, как известно, «пришел, чтобы исполнить волю президента».*

– Может, поэтому он препятствует созданию полноценного телевидения и радио России.

Но Россия не может спокойно относиться к тому, что попираются решения российского съезда, решения российского правительства. Будет же когда-то этому предел? Я все время пытаюсь оправдать действия президента: он в информационной блокаде, на него действует окружение... Подумаю так и тотчас себя опровергаю: у него сейчас вся полнота власти, он весь, от каблуков до расчески, состоит из чрезвычайных полномочий. Значит, информационной блокаде он может противостоять. А если не делает этого, следовательно, не хочет или же желает иметь ту информацию, которая ему нужна. Проще говоря, информационную блокаду президент создает для себя сам. Другого вывода я сделать не могу.

В закон, о печати и средствах массовой информации, закон молодой, которому нет еще и полугода, делаются попытки внести коррективы только потому, что это закон и по нему теперь нужно жить.

Вот первопричина вопросов: «Долго ли будет существовать независимая пресса, не пора ли упразднить «Взгляд»?» Я не приемлю таких суждений. Никогда не надо торопиться вставать на колени. Консерваторы ожесточены, потому что поняли: демократы превратились в очевидную силу. Реакция исходит ненавистью к «Курантам», «Московским новостям», теперь и к вашей газете. Но я не слышал из президентских уст ни одного упрека в адрес, например, «Советской России». Почему? Потому, что выступления этой газеты направлены против его политических оппонентов. И президент готов на все закрыть глаза: на порочный язык, озлобленность,

оскорбительность тона, истерику, ложь. Получается – все сгодится, если за меня. Жаль, очень жаль.

Выступления президента перед прокурорами я, писатель-журналист, гражданин, воспринял как оскорбление. Обвинение в том, что пресса связана с мафией, слишком серьезно, чтобы его списать на эмоциональный всплеск. Это сознательный шаг, шаг к разладу между прессой и обществом, прокуратурой. Он обвиняет прессу в подкупе. Если у президента есть доказательства, он их должен представить в прокуратуру, и разбор этого дела пойдет по закону. Если их нет, то он обязан принести свои извинения. Натравляя прокуратуру на прессу, президент дает ей шанс расправиться за критику двух-трехлетней давности, страсти кипели ой какие, вот на что расчет. На словах ратуя за согласие, на деле высшая власть сеет раздор.

Другим указом делается попытка купить творческие союзы. Их освобождают от налогов. Зачем? Чтобы задушить прессу, которая отпочковалась от союзов, отгородилась от их диктата. Они-то остались без президентских привилегий.

– *Какой вы видите будущую Российскую телерадиокомпанию?*

– Прежде всего антимонопольной. Полная самостоятельность – экономическая и творческая – местных комитетов ТВ и РВ. Если мы будем им нужны, они сами к нам придут. Мы же готовы помогать им работать над эфиром, помогать максимально, доводя до уровня программ Москвы и Ленинграда. Многие местные студии, особенно в крупных городах, могут дать по остроте и смелости сто очков вперед центральным, если убрать кое-какой провинциальный перебор. Нашей главной задачей является координация идей, создание насыщенного российского эфира.

Несколько председателей местных комитетов войдут в состав совета нашей компании, это и разумно, и необходимо для нас. А в целом наши отношения сейчас на стадии становления.

– *Есть, как говорится, сведения о массовом оттоке творческих работников из Останкина и Шаболовки. Они идут к вам?*

– «Массовым оттоком» я бы это не назвал, но, могу сказать, изъявляют желание работать с нами не худшие.

– *А как вы относитесь к тому, что московский и ленинградский комитеты будут находиться в системе всесоюзной компании?*

– Как еще одно проявление монопольного мышления захватить, подавить, управлять. Видимо, президент уверен, что он лучше всех знает, что надо зрителям, слушателям, читателям. Мы создаем на ленинградском ТВ свою дирекцию, мы имеем на это право. «Пятое колесо» перейдет к нам, это однозначно.

Нынче бой идет за три высоты: армию, рабочий класс, массовые средства информации. Откройте газету, включите радио, и вы это поймете.

Мысли всякого человека – это и право, и собственность его. Без такого суверенитета нет личности, нет государства, нет свободы».

13 мая 1991 года стало первым днем выхода в эфир телевидения России, в котором засверкали почти все звезды советского телевидения. Хотя многие из них, уйдя от Кравченко, не захотели войти в штат российской телекомпании. ТВ России было, таким образом, обречено на успех.

Обе компании – ЦТ и РТВ – были государственными, рьяно демонстрируя приверженность «своим» политикам и охотно пиная «чужих». Ни то ни другое телевидение от зрителя не зависело. Это на Западе телекомпания получает от рекламодателей суммы, зависящие от того, сколько людей действительно смотрели передачи. Вот это ответственность посильнее, чем страх перед начальством.

Известно, что доавгустовское ЦТ бывало патологически бесчестным, а РТВ не опускалось до преднамеренной лжи и умолчаний. Первое в Останкине расположилось по-барски, второе ютилось в комнатках почти без техники на улице Ямского поля. Первое царило во всесоюзном эфире, второе изредка допускалось в него по второй программе, которую могла смотреть лишь половина аудитории первой программы ЦТ. Да к тому же во многих республиках и областях специально пускали вместо передач РТВ местные телепрограммы.

В канун путча «Литературная газета» (14.8.1991) поместила статью Юрия Богомолова о новой ситуации в телевизионном эфире:

«В середине мая эфир наконец дал долгожданную трещину. Теперь Останкино наминает достопримечательность Северного Кавказа – гору Эльбрус с двух вершинах. Одна – новая ТСН и небезызвестное «Время», олицетворяющее ЦТ.

Другая – «Вести», ассоциируемые с Российским ТВ.

Отколовшееся от Центрального, Российское телевидение создало предпосылки для совершенно новой ситуации в отечественном эфире: острой конкурентной борьбы за внимание телезрителя.

Осенью прошлого года Л.П.Кравченко вернулся в Останкино с героико-романтической идеей сохранить для Отечества почти похищенную было «демократами» важнейшую из массовых коммуникаций – телевидение.

Что для этого было сделано, какие были предприняты меры, все знают. Плюрализм, проникший в эфир через перестроечное окно с программами «Взгляд», «Пятое колесо», «До и после полуночи», «ТСН», оказался под разными предлогами и разными способами выдворенным за двери Всесоюзной телерадиокомпании.

Кравченко не просто выполнил взятое на себя обязательство (или данное ему задание), но и перевыполнил его. ЦТ усилиями своего председателя трансформировалось из государственного в Государево.

То была, как сейчас стало понятно, эксцентричная попытка сохранить тоталитарный режим в отдельно взятом ведомстве. Но выяснилось, что недостаточно восстановить жесткую иерархическую подчиненность внутри самого учреждения, надо вернуть в казенные положение еще и телезрителя. У авторитарической организации есть своя логика поведения – командно-принудительная.

Принудительное телевидение, видимо, непозволительная роскошь в условиях, когда начали работать, хотя и со скрипом, демократические механизмы. Но очевидно, что его такой дурной характер – не от дурного характера лично товарища Кравченко.

Эти унтер-пришибевские наклонности – в природе государственного телевидения. Последнее не следует смешивать с телевидением государственным на западный манер, подразумевающим совсем иную меру интегрированности коммуникаций в казенные структуры, что и подтвердил опыт новорожденного Российского.

Вопрос не в том, хуже или лучше Российское ТВ Всесоюзного ЦТ. Невооруженным глазом видно, что «лучше».

Но ведь это так нетрудно. Потому что так трудно делать информационную программу хуже «Времени», публицистику – слабее «Прямого разговора», кинодокументалистику – банальнее фильма «Быть самим собой».

Если сегодня официальное «Время» и представляет какой-то информационный интерес, то главным образом тем, о чем умалчивает. Хотя фигура умолчания – тоже информация, но понятно, что с такими «фигурами» ЦТ в пропагандистской борьбе обречено на проигрыш РТВ, которое легко набирает очки, заполняя информационные лакуны. И если «Время» ограничивается сообщением о сенсационном заявлении Шеварднадзе, то «Вести» знакомят с содержанием этого заявления.

Выигрывает РТВ и в актуальности документальных исследований. ЦТ, например, «глазом не моргнуло», «ухом не повело» в связи с печальными датами событий, происшедших в Тбилиси и Новочеркасске. Российское ТВ откликнулось на них фильмами «Репетиция» и «Новочеркасский альбом».

Более предпочтительным оказался предвыборный цикл на Российском ТВ, аналогичный сериалу на ЦТ. Выяснилось, что драматургическая форма передачи «Кто есть кто» себя изжила. Что прямым эфиром можно при известных навыках манипулировать с не меньшим успехом, чем видеозаписью. Эфир в передаче Игоря Фесуненко засорен банальными вопросами, на которые у «ответчиков» заготовлены банальные ответы. И передача на удивление бесконфликтна.

С этой точки зрения драматургия политических дебатов в российском эфире, где главному герою приходится вступать в непосредственный диалог с автором «неудобного» вопроса, кажется более плодотворной. Она вернее позволяет увидеть, кто из политиков есть кто.

В художественном разделе РТВ приметными удачами стали неполитический диалог о Пушкине Андрея Битова с Резо Габриадзе, фильм о Ростроповиче «Фантазия на тему рококо»... Непривычно мобильными кажутся программы «Команды-2», преимущество которой отчетливо проявилось в пору Московского кинофестиваля в оперативности предлагаемой культурной информации и в личностном характере ее оформления.

Эти и прочие свидетельства успешной работы РТВ покажутся еще более впечатляющими, если принять во внимание те скромные материально-технические основания, на которых она строится.

Государственников, как правило, страшно пугает перспектива возникновения негосударственного ТВ. Оно иначе не мыслится, как антигосударственное.

В связи с этим стоит обратить внимание на роль частнособственнической телекомпании господина Тернера Си-Эн-Эн в войне против Ирака.

Скорее всего, без присутствия телекамер по обе стороны фронтовой линии сценарий этой войны сложился бы по-другому. Война в Заливе, как никакая другая, оказалась гласной и зримой и отчасти поэтому скоротечной. Наглядная информация корректировала действия обеих противоборствующих сторон.

Если бы «афганская» война освещалась столь широко...

Если бы армяно-азербайджанский конфликт находился постоянно под «присмотром» теле- и видеокамер...

Если бы в Прибалтике ТВ смогло взять на себя посредническую роль в переговорах конфликтующих сторон...

Эти «если бы» – как прошлогодний снег. Но это все еще и прошлогодняя кровь.

В том-то все и дело, что разгосударствление эфира – проблема государственная. Оно в интересах государства, но, естественно, не тоталитарного, имперского, а открытого.

Негосударственное ТВ сегодня кажется достаточно отдаленной перспективой. Но как знать? Давно ли казалась нереальной идея негосударственной печати?

Тем более что кое-какие предпосылки независимого ТВ уже появились. Они хотя бы в том, что «Взгляд» продолжает жить вне штата как ЦТ, так и РТВ, что Владимир Познер и Владимир Молчанов тоже предпочли, как киплингская кошка, гулять сами по себе.

Быть может, все это больше, чем идея. Быть может, это и есть в свернутом виде общественно-собственническое телевидение?..».

Звезды на нашем телеэкране – отражение наших собственных бытовых забот и неустроенной жизни. Каждый день этот телевизионный люд предстает перед нами усталый и озабоченный, как будто только из магазинной толчеи или после выволочки от руководства. То ли дело западные телекомментаторы, которых любой телезритель с радостью

пригласил бы в свой дом. Потому что этот западный телезритель видит на экране приличных людей, полных чувства собственного достоинства и очень старающихся не испортить свою положительную репутацию. Жаль, что даже самые честные советские тележурналисты не могли высказываться с экрана так свободно, как они делали это на страницах демократических изданий. Тележурналист у нас больше зависит от чиновника, чем от телезрителей. Так было и в Гостелерадио СССР и в заменившей его 8 февраля 1991 года Всесоюзной государственной телерадиокомпании, так пока остается и сейчас.

ГЛАВА X

ТЕЛЕВИДЕНИЕ ДЛЯ ПРЕЗИДЕНТА?

Землетрясение в Грузии как 14 сюжет в сводке теленовостей из Москвы

Деятели оппозиции на любом из французских телеканалов мелькают не реже, чем сам президент Франции. В случае политического прокола ему тут же воздадут по заслугам. Таиться ни одна телекомпания не будет, так как за любое умолчание или искажение она тут же получит тычки от конкурентов и сама станет объектом скандала. В любой западной стране телевидение вынуждено действовать профессионально, т.е. соблюдать нормы права и морали. У нас же всегда царила монополия власти, растлевающая всех и вся.

О какой морали, чести, совести, стремлении чтить хотя бы уголовный кодекс можно говорить при оценке преступной деятельности Кравченко и его хозяев по политбюро ЦК КПСС? Фальсифицировалась в той или иной степени информация в каждом выпуске программы «Время». Вот мнение Татьяны Ивановой из «Нового времени» (№ 19, 1991) под заголовком «Четырнадцатый сюжет»:

«Сюжет о землетрясении в Грузии был, наверное, четырнадцатым (или тридцатым?) в программе «Время». Нашлось, стало быть, тридцать (или двенадцать?) более значительных новостей. Более важных. Между тем подобной катастрофы в Грузии не было восемьсот лет. Над несколькими деревнями просто сомкнулась земля, поглотив все и всех – молодых и старых, сепаратистов и коммунистов, правых и виноватых, ленивых и трудолюбивых, красавиц, уродов, младенцев, коров и кошек, начальников и подчиненных.

Десятилетиями мы жили вместе, в одной стране, говорили даже «в одной семье». Но Москва не вывесила траурные флаги, телеэкран и эфир не перестал смеяться и петь, на главной площади страны никто не отменял демонстрацию, и на главной могиле страны, как это у нас принято издавна, стояли высшие должностные лица, приветствуя демонстрантов, – и никто не сказал: склоните головы, у нас горе...

Гибли люди в двух армянских селах Азербайджана. Гибли люди... Гибли люди – но ни на экране, ни в эфире не раздался голос хоть кого-нибудь из руководства страны: я немедленно разберусь, кто виноват в смертоубийстве, виновные будут наказаны, поплачем о несчастных, но я сделаю все, чтобы больше никого не убивали в моей стране...

Что же это за бесчеловечная, античеловеческая жизнь, думаю я. И когда же ей будет предел? Неужели нас и правда слишком много у нашей власти и потому ей нас нисколько не жалко?

Голодно вам? А работать надо лучше. Убивают вас? А плохо себя ведете. Под землю вы провалились? Ну что же, кто провалился, а кто и не провалился, из-за провалившихся не портить же всем настроение, жизнь-то продолжается.

На одной шестой части света сложились самые удивительные отношения между народом и правительством – самые удивительные, может быть, за всю человеческую историю. Народ и правительство терпеть друг друга не могут. Нет, без взаимной любви-то бывало, да и сейчас бывает. Есть ведь и иные чувства, кроме любви. Возможны взаимное уважение, договор, соображения целесообразности, общие интересы. Да многое возможно. Только так, как у нас, видимо, нигде и никогда невозможно. Чтоб ни уважения, ни договора, ни целесообразности, – ни интересов – ничего. Космическим холодом веет от официальных газет, от казенного телеэкрана, из государственного эфира. Как, впрочем, и от верховных наших трибун. Среди самых бранных слов в государстве на первом месте – демократия, а на втором – популизм.

Популист, как я понимаю, это такой человек, который говорит с людьми о том, что их волнует, и, будучи политиком, обещает в первую очередь заняться именно этим, сделать все, чтобы снять тревоги, недоумения, боль. Популист ищет популярности...

Интересно, чего ищет высшая власть в СССР? Ответа на этот вопрос я не знаю. Но никогда не отдам свой голос за того, кто ищет не популярности, а неизвестно чего. Пусть за него неизвестно кто и голосует.

И свой телевизор, где землетрясение в Грузии – четырнадцатый по счету жет, смотрите сами».

А как оценивал «президентское» ЦТ тот, кто на нем работал и был знаком с «кухней» Останкино? Корреспондент «Независимой газеты» (27.4.1991) Сергей Фомин беседовал с неким известным тележурналистом, имя которого газета решила не называть:

« – Михаил Ненашев однажды сказал, что Гостелерадио – структура неуправляемая. Но с приходом Леонида Кравченко поворот руля осуществился за довольно короткий срок. После скандальных запретов и снятий передач произошло общее умиротворение телеэфира. Острые передачи либо исчезли, либо исчезают. Как это делается технологически?»

– Вообще-то довольно банальным и скучным образом. Каждый понедельник проходит летучка, на которой обзвораются наиболее значительные программы. На этой летучке присутствует или председатель, или один из его заместителей. Там делаются замечания по прошедшим в эфир программам, намечаются планы. Все это главные редакторы доносят до сведения сотрудников.

– А если кто-то будет несогласен с этими решениями и захочет сделать программу по-своему? Как за этим уследить? Неужели кто-то отсматривает перед показом все программы?»

– У президента Всесоюзной компании есть несколько заместителей, которые курируют те или иные «зоны» эфира. И весь контроль осуществляется преимущественно ими и через них. Это люди, которые до определенного момента могут содействовать оригинальным идеям, могут быть союзниками авторов, но в критический момент все равно выберут сторону руководителя. Например, Валентин Лазуткин долгое время в определенной степени содействовал созданию Российского телевидения, ища компромисс с союзным руководством. Но теперь его действия в этом направлении стали, скажем так, не слишком энергичны, ибо это стало опасно для его существования в структуре.

Готовые программы отсматриваются, но, разумеется, не абсолютно все, а только наиболее значимые, и те, которые собирают наибольшую аудиторию. Но самое главное – присмотр за людьми. Если автор более лоялен – за ним меньше контроля. Если же нужно снять с эфира уже заявленную в программе передачу, то дается указание в Главную дирекцию программ, в центральную аппаратную. И передача отменяется, при этом диктор, как правило, объявляет, что «по техническим причинам».

В главных информационных программах главными редакторами в очень тесном контакте с зампредами лично редактируется, а иногда даже пишется дикторский текст, что делал, например, Петр Решетов для программы «Время» во время событий в Прибалтике. Кстати, у «Времени» существует жесткий план того, что будет показываться, который, разумеется, каждый раз утверждается наверху. Выполнение его обеспечивает набор довольно консервативно мыслящих редакторов. План может оперативно изменяться «снизу» и «сверху». Снизу идут изменения чаще неполитического характера, которые предлагают авторы. Сверху – звонки. Звонят все: Язов, Лукьянов, Дзасохов – все, у кого есть кремлевская «вертушка».

Все указания осуществляются через телефон. Письменное распоряжение Решетова «приостановить» производство «Взгляда» – уникальный случай в истории советского телевидения.

– *А как происходит контроль за прямым эфиром?*

– У «прямых» передач существуют «трактовые» репетиции, во время которых ведущие в студии проговаривают без гостей то, что они собираются сказать. Все это отсматривается по внутренней трансляции зампредами. Кроме этого, прямой эфир отсматривается через системы «Орбита», которых четыре. Смотрят чаще всего первую. После чего указывается, что нужно «вырезать» в дальнейшем. В принципе, возможно без контакта с авторами пустить программу на европейскую часть с «вырезками» и сделать вид, что это прямой эфир.

– *Говорят, что прямые передачи выходят в эфир с паузой в 30 секунд, во время которых можно успеть убрать то, что нежелательно...*

– Этого как будто нет. Я вел передачи в прямом эфире, и в студии стоял телевизор, который работал с внешней антенны, и всегда было полное совпадение. Но, впрочем, в «придерживании» сигнала нет необходимости. Тот, кто в это время контролирует эфир, может позвонить в аппаратную или прямо режиссеру. И всегда есть наготове дикторы с соответствующим текстом и рулоны с материалом, который можно запустить на замену.

Кроме этого, существуют и предварительные санкции, когда студию могут просто запереть на замок. Могут выставить милицию и не пустить в студию тех, кого пригласил ведущий. Так, например, было у «Взгляда», когда на одну из прямых передач пригласили Сахарова. Он не приехал, но милицию у студии выставили.

– *Ельцин, выступая на Кировском заводе, сказал, что ЦТ находится под эгидой КГБ...*

– Я думаю, он сказал это в полемическом запале. В этом просто нет необходимости. Кравченко контактирует с самыми верхними эшелонами власти лично, но агентура есть. Здание в Останкине – прозрачное.

– *А существуют ли вообще жесткие критерии того, что можно показывать и о чем говорить и что – нельзя?*

– Их трудно назвать. Общая система разрешений и запретов во многом вкусовая. И она во многом определяется процессом постоянных переговоров, в которых состоят авторы и руководство через главных редакторов или лично. Личность председателя имеет в этом процессе огромное значение. Он – ориентир допустимого. Эта утряска особенно сложна в условиях меняющейся политической конъюнктуры.

– *Несколько раз взамен объявленных в программе передач появлялись фильмы на острые политические темы, – например «Лицо экстремизма», который показали вместо последнего «Взгляда», «Размышления на балтийскую тему», «Чуждые голоса». Эти фильмы какие-то странные. Они сняты не в обычной манере ваших корреспондентов, в них звучит комментарий, тенденциозность и односторонность которого чересчур декларативны. И, что самое главное, они идут без фамилий авторов и марок студий. Откуда берутся эти фильмы?*

– Как правило, они делаются по предложению из КГБ, согласованному с высшими эшелонами власти. Причем это не скрывается. Создаются группы журналистов и режиссеров, которые их делают. Производят программы в Останкине, но съемки еще ведомственные. Обработывают снятый кем-то материал, по качеству которого видно, что он делался или не на профессиональной аппаратуре, или на аппаратуре другой системы и что собирался он поэтому не на государственном телевидении.

– Любопытно, что на ЦТ закрыт «Взгляд», «отредактирована» ТСН, а «Пятое колесо» выпускает свои программы как ни в чем не бывало. Чем это можно объяснить?

– Может быть, тем, что ЛенТВ все-таки смотрит не вся страна, или тем, что Бэлла Куркова, главный редактор «Пятого колеса» в Ленинграде, имеет больше авторитета, чем главные редакторы ЦТ. Может быть, есть какая-то договоренность между Собчаком и Горбачевым. Процесс контроля – это все-таки именно процесс, и у него могут быть свои нюансы и парадоксы».

Симбиоз ЦТ и КГБ СССР

Президент М.Горбачев без подчиненного ему ЦТ СССР существовать не мог и не хотел. Но ведь были еще и республиканские телепрограммы, которые остро конкурировали с центральным телевидением. Похоже, в общем-то, что в Кремле готовы были расстаться со многим, даже с газетой «Правда» вместе со всем политбюро ЦК КПСС впридачу, и сохранить на телевидении хоть в каком-то виде, приемлемом для верховной власти, ее былую монополию на информацию.

В периоды острого противоборства Кремля с силами национально-освободительного движения в республиках воинские подразделения КГБ, министерств обороны и внутренних дел шли на штурм зданий местных гражданских телевизионных студий. Все республиканские телецентры в Прибалтике, Закавказье и Молдове не раз подвергались военной осаде или даже разгрому начиная с 1989 года. Телевидение Литвы, Латвии, Эстонии, Молдовы, Грузии и Армении не следовали указаниям Кремля. Хотя необходимый минимум «приличий» долгое время все же соблюдался повсеместно; и в начале 1991 года население на всей территории СССР смотрело по вечерам правительственную программу «Время» из Москвы. Украина, Белоруссия, Азербайджан, Казахстан и три республики Средней Азии (Туркмения, Кыргызтан, Узбекистан) в своих национальных телепрограммах достаточно резко критиковали явное нежелание союзного правительства делегировать республикам значительную часть требуемых ими полномочий. Что касается самой крупной республики в СССР – России, то там своего телевидения просто не было; столица у России и у СССР общая, телевидение, казалось бы, тоже. Но Б.Ельцину, в бытность его председателем Верховного Совета Российской Федерации, экранное время на центральном телевидении практически не предоставляли.

14 января 1991 года после часового выступления в вечернем, основном выпуске общесоюзной телепрограммы «Время» М.Горбачева, со-

юзных министров обороны и внутренних дел Д.Язова и Б.Путо, оправдывавших перед миром только что осуществленный силами советской армии захват литовского республиканского телевизионного центра в Вильнюсе (13 убитых и сотни раненых среди гражданского населения, при одном погибшем военнослужащем), показали телезрителям и несколько кадров, снятых в Риге, у здания республиканского телевидения. В ожидании штурма армией местное население окружило это здание и подходы к нему заслонами из десятков тягачей, тракторов и грузовиков, бетонными панелями, гравием. Следующие полминуты касались однодневного визита в Прибалтику Б.Ельцина и его пресс-конференции в Москве — показывали Ельцина, слышно было при этом не его выступление, а речь комментатора, который умолк, лишь чтобы дать нам возможность услышать одну только фразу Ельцина: «Убежден, что теперь уж без собственной армии России не обойтись». При этом ведущие «Времени» умудрились не сказать, что показанные ими на экране кадры поездки Ельцина в Прибалтику закончились подписанием очередного, как и в 1990 году, совместного документа руководителей парламентов России, Эстонии, Латвии и Литвы — на этот раз с протестом против попыток военными средствами ликвидировать существующие в этих республиках законно избранные парламенты и правительства.

То, как интерпретировало Центральное телевидение, особенно программа «Время», события в союзных республиках, могло не удовлетворять сотни миллионов телезрителей от Софии до Кабула и от Берлина до берегов Аляски. Но телезрителей, живых свидетелей тех ключевых событий освободительного движения, о которых умалчивала или дезинформировала программа «Время», — в жар и в холод бросало от такой «информации» из телецентра в московском районе Останкино.

Осенью 1990 года КПСС проиграла парламентские выборы в Грузии точно так же, как за несколько месяцев до этого она проиграла их в Литве, Латвии, Эстонии, Армении. И в былые доперестроечные времена всесоюзные теленовости не приводили в восторг телезрителей в республиках, но то была «жвачка для глаз», практически одинаково оставившая безучастными весь многонациональный СССР. Ну кто бы тогда из журналистов и редакторов ЦТ посмел всерьез задеть, выступая по «Времени» во всесоюзном эфире, ту же, к примеру, Грузию? Да ведь ее «хозяин», тогдашний первый секретарь ЦК коммунистической партии республики (до 1986 года — Эдуард Шеварднадзе) был одновременно кандидатом в члены политбюро ЦК КПСС.

С весны 1989 года, после трагедии 9 апреля, поливало ЦТ СССР всех «грузинских националистов» без разбору. Вот и шли возмущенные письма в Москву, «Центральному телевидению Советского Союза», некоторые из которых печатала местная пресса. Одно из них, са-

мое безобидное, опубликовала тбилисская еженедельная русскоязычная газета «Народное образование» (12.10.1990) за подписью председателя Союза грузинских христиан В.Рцихладзе:

«9 октября сего года ночью Всесоюзное телевидение показало рекламное объявление о подписке на журналы и газеты. В частности, говорилось о журнале «Советская литература». С целью его рекламирования и привлечения к нему внимания читателей был показан будущий автор этого журнала, участник войны в Афганистане и «герой» трагедии 9 апреля 1989 года в Тбилиси генерал Игорь Родионов, который с улыбкой на лице рассказывал зрителю о своих планах на будущее. А сидящий рядом с ним редактор журнала Проханов заявил приблизительно следующее: сегодня много говорят о плохой, сатанинской России, но ведь существует и святая, мистическая Русь.

После всего этого показали прекрасные образцы русской церковной живописи, которые будут публиковать в дальнейшем указанный журнал.

Хочу сообщить, что пишет это письмо грузин, верующий, православный христианин, бывший политзаключенный, который, будучи даже в ссылке, где ему не давал покоя кованый стук русского сапога, с любовью и упованием взирает на святую, мистическую Русь. Русь Сергия Радонежского и Серафима Саровского, Владимира Соловьева и Льва Толстого.

Со дня выхода на свободу я перевожу и публикую на грузинском языке жемчужины именно русской религиозной мысли, начиная с Николая Бердяева и кончая Владимиром Лоском. Но то, что я увидел в вашей передаче, где с палачом грузинского народа беседуют о святынях России, считаю архикошунством и уверен в том, что такого же мнения не только грузины, но и всякий честный и верующий русский. Именно подобного рода передачи и публикации закладывают основу антирусским настроениям и русофобии.

Второе, на чем хочу заострить ваше внимание, это заявления, сделанные в зале московского суда антисемитом Смирновым-Осташвили, показанные в той же передаче спустя несколько минут после выступления Родионова. В вашей передаче его представили многомиллионному зрителю только как Осташвили, убрав его русскую фамилию Смирнов. Считаю, что и это не случайно. Разве среди многочисленных русских антисемитов, соратников организации «Память», не оказалось ни одной истинно русской фамилии, чтобы не фигурировал только Осташвили? Может быть, и распространение антисемитизма в России заслуга грузин?»

Военно-коммунистическая телепрограмма «Время»

С осени 1990 года всесоюзное телевидение стало все более явственно отклоняться в сторону позиций «здоровых коммунистических сил», как говорилось у нас совсем еще недавно. Главные теленовости страны не только возмущали рядового зрителя из национальных республик, но навевали грусть и в среде русской интеллигенции. Во втором номере появившегося тогда нового столичного еженедельника «Куранты» можно было прочесть в сентябре 1990 года сенсационные цифры социологического опроса: программа «Время» признана зрителем худшей из всех телепрограмм. Причем с громадным отрывом от передачи, удостоившейся чести стать второй среди самых плохих.

До тех пор, пока у нас существовала одна информационная программа, создаваемая одной редакцией, нам было не преодолеть уныло-

го однообразия и примитивной однозначности «Времени». Она, как и в брежневскую пору, продолжала оставаться «голосом государства», чем-то вроде ТАСС с «картинками». Впрочем, если сущность ТАСС ни у кого не вызывала сомнения, то «картинки» «Времени» способны были ввести в заблуждение, создать иллюзию разнообразия. Хотя, понятно, изобразительное многообразие не отменяло унификации передаваемых сообщений.

Тотальность информационной телепрограммы была заложена уже с самого начала. Она грубо вторглась в сетку вечернего вещания, расколов его на две неравные половины, заняв лучшее время. Мало того, на всех каналах в приказном порядке демонстрировалось «Время»: официальные новости становились принудитивкой для зрителя. Только на пятом году перестройки, к 1990 году, наместились некоторые послабления — из пяти каналов, которые принимала столица, «Время» занимало, в зависимости от дней недели, всего три или четыре.

Всеми средствами телена начальство не забывало напомнить миллионам зрителей, что «Время» — это главная среди всех передач. Она — единственная, которая не подчиняется никакому графику. Человек, намеревающийся с 21.40 посмотреть фильм, мог отправиться спать, так и неждавшись его начала. Программа новостей чуть ли не каждый день превращалась в громоздкий, многословный отчет о каком-нибудь казенном мероприятии, о котором можно было бы сообщить в двухминутном репортаже, передоверив подробности газетам.

Дикторы и комментаторы в вечерней программе «Время» менялись, как перчатки. В самом деле, ведь не просто, подобно актеру на сцене, разыгрывать в прямом эфире возмущение действиями «националистов» в Литве (Грузии), когда отлично знаешь, что зарубежное радио да и добрая половина отечественной печати отображает те же самые события куда более непредвзято и объективно. Ну как сотруднику «президентского телевидения» (т.е. выражающего волю Президента СССР) объяснять на полном серьезе в программе «Время» 13-15 января 1991 года, что ночной штурм здания телевидения в Вильнюсе десантниками при поддержке танков и открытие огня из автоматов по безоружной толпе были санкционированы... командующим вильнюсским военным гарнизоном без согласования с Москвой.

«Время» без зазрения совести брало на себя функции выразителя интересов тех военно-коммунистических группировок, которые не скрывали своих намерений силой свергнуть в ряде республик избранные народом законные структуры власти. ЦТ СССР считало, что КПСС непобедима, потому что, даже проиграв свободные выборы в республиках, она с помощью армии может легко вернуть себе утраченные позиции. В доперестроечные времена дикторы программы «Время» по бумажке читали то, что для них писали другие. При Л.Кравченко ком-

ментаторы «Времени», убеленные сединами профессиональные лжецы и совсем еще не оперившиеся юнцы сами активно занимались подрывной деятельностью, пытаясь творчески выполнять заказ уходящих в тираж коммунистических сил в Москве (Вильнюсе, Ереване, Баку и т.д.).

Официальная телепрограмма «Время», высказываясь о республиках Прибалтики и Закавказья, систематически разжигала гражданскую войну, тщательно пестуя, пропагандируя и поощряя выступления лиц некоренной национальности на территории тех или иных республик. В московской «Литературной газете» (16.1.1991) ее обозреватели по проблемам телевидения Н.Когина и Л.Польская поместили заметку под заголовком «Время, назад!»:

«Информационным насилием» можно назвать позицию, занятую руководством Гостелерадио СССР. Официальная программа «Время» дает одностороннюю, неполную и нередко заведомо ложную информацию из Литвы. По существу, государственный телеканал превратился в источник дезинформации советского общества (подчеркнуто мной. – Г.В.). Сотни миллионов людей могут получить скудный паек правдивых сведений только из выпусков ТСН, но даже они имеют явные цензурные купюры».

На той же полосе «Литгазеты» с призывом к соотечественникам – «Они стреляли в тебя!» – обратился сотрудник этой газеты знаменитый Юрий Рост:

«Это в тебя стреляли в Вильнюсе, читатель. Это тебя убивали в Тбилиси. И в Баку. И в Чехословакии, и в Новочеркасске, и в Афганистане, и в Венгрии.

И если еще не убили, то не потому, что ты пригнулся. Просто твоя автоматная очередь еще не пришла. Еще не подрос соседский внук, чтобы прикончить тебя, и твой сын, чтобы пустить кровь соседу. Но они растут. Они развиваются по законам сомнительного мира, беспрекословно выполняя указания начальников с лампасами и без, которые вяжут наших детей соучастием в своих деяниях, превращая их из граждан в подельников. Старшие тоже были детьми, когда-то их втянули в дело. Теперь уже эти – наставники.

Обществу, живущему по принципу круговой поруки, не нужны ни закон, ни воля. Его идеологи берут в соучастники поколение за поколением. Они отравляют сознание, толкая на преступление и укрывая их от возмездия закона.

Кто наказан за тысячи убитых в Афганистане?

Кто наказан за погибших в Тбилиси?

Кто наказан за кровь в Баку, Праге, Новочеркасске, Будапеште?

Никто!

Кто будет наказан за кровавую январскую ночь в Вильнюсе?

Значит, новые дети и взрослые будут втянуты в этот страшный круг. Значит, десятки, а может, и сотни тысяч людей с не освобожденной справедливым наказанием совестью станут на сторону знающих об их причастности к темным делам. Их будет связывать общая опасность быть разоблаченным, обязательное, кстати, условие для успешной политической карьеры в нашей социальной структуре.

Господи! Что же это за государство, где, только совершив сделку с совестью (и зная, что твою вину знают другие), ты можешь подняться по иерархической лестнице.

Прократите из сограждан творить соучастников. Спрячьте автоматы! Уйдите из Литвы, не входите в Ленинград, Москву, Киев, Воркуту... И ты, читатель, посмотри на своего сына. Это он выстрелит в тебя. Не отводи взгляд, отведи его руку. Нам не нужны ни мертвые, ни преступники.

Дайте вырасти хоть одному поколению честными людьми, и они спасут свою страну. Каждый – свою».

С нашим военно-коммунистическим, кагэбэшным ЦТ СССР честного поколения нам никогда было не дожидаться. Руководители Центрального телевидения часто сменялись в последние годы – нелегко ведь пропагандировать перестройку, но так, чтобы, во-первых, ничего в самой Системе не менять; во-вторых, по дороге к рынку биться за незыблемость «социалистических ценностей»; в-третьих, продолжать держать гласность в ежовых рукавицах.

14 ноября 1990 года Указом Президента СССР 52-летний народный депутат СССР Леонид Петрович Кравченко возглавил радио и телевидение страны. Он сменил на этом посту проработавшего полтора года М.Ф.Ненашева. И Пятницкая улица, где располагается руководство Гостелерадио СССР, и Шаболовка, и Останкино были знакомы Кравченко прекрасно. Четыре года он был первым заместителем председателя, занимался телевидением (потом сравнительно недолгое время был генеральным директором ТАСС). Это было время значительных перемен в жизни ЦТ, самые популярные телепередачи – от «120 минут» до «Взгляда» и «До и после полуночи» – появились при нем. Но людям свойственно меняться. Наверное, это имел в виду очень ехидный корреспондент «Известий» (4.12.1990) Вл. Арсеньев, когда озаглавил свою беседу с новым руководителем ЦТ СССР «Леонид Кравченко: Я пришел, чтобы выполнить волю президента». Точный, очень емкий получился заголовок; хотя девиз Кравченко вряд ли захотели бы сделать своим почти 90 тысяч телевизионных работников страны.

Новая схема телевидения в СССР в изложении Л.Кравченко (незадолго до него об этих решениях, принятых на «самом верху», рассказывал и его предшественник М.Ненашев) исходила из главной новости: власть всесильного еще недавно идеологического отдела ЦК КПСС кончилась. Наступает новая эпоха, в которой каждый из 4 существующих на ЦТ СССР каналов получает относительную коммерческую самостоятельность и специализацию.

Первая, действительно общесоюзная, главная наша телепрограмма отныне целиком и полностью подчинялась Президенту СССР, а ее учредителями становились также и Верховный Совет СССР, и союзное правительство. *Вторую* программу ЦТ принимают далеко не на всей территории СССР и отныне этот канал – «Содружество» – ЦТ должно было эксплуатировать с только что созданным Российским телевидением. *Третий* канал отдавали для москвичей на акционерной основе с Моссоветом и общественными организациями (в том числе и КПСС). *Четвертый* канал, который пока занимает учебно-образовательное телевидение, задумывался как «телевидение XXI века» – т.е. будет он делать то же самое, что всегда, только лучше.

Отношение ЦТ СССР с еще недавно жестко подчиненными ему республиканскими государственными комитетами по телевидению и радиовещанию переводились отныне фактически на те же отношения, что и в периодической прессе и в книгоиздании. Те из республик, которые подпишут договор о сотрудничестве с ЦТ, точнее, с создаваемым вместо Гостелерадио СССР координационным советом по телевидению и радио, будут иметь по более или менее твердым ценам телевизионную технику, а те, кто нет (прибалтийские, к примеру, республики, а также Грузия, Молдавия...), так нет. За валюту, наверное, будут покупать или втридорога у той же Москвы.

В другом интервью (газета «Правда», 27.11.1990) Л. Кравченко напомнил такую цифру — «телевидению в год выделяется 2,7 млрд. рублей, но сразу 2 из них забирают связисты». Съёмочная аппаратура, релейные линии, космические спутники телевизионной связи, наземные антенны, время и частоты вещания в эфире — этим всем действительно связисты распоряжаются, и все сложнейшее для этого оборудование на оборонных заводах делается. Вывод — и не творческим работникам, не журналистам всем этим богатством распоряжаться... Статья в «Правде» тоже не по-глупому была названа, а с намеком: «Останкинский передел». Дележка, значит, будет, и строптивцам при этом достанется лишь то, что они сегодня имеют. И то в лучшем случае, а то и силой отберут, как в Вильнюсе. Такая вот своеобразная форма цензуры получалась. Вместо прежнего главлитчика теперь с каждой телепрограммой должны были разбираться военные, финансисты и советники Президента СССР.

Республиканские или областные телепрограммы всегда чередуются в эфире с телепередачами из Москвы. Но обратной связи, взаимобмена нет. Москвичи видят на своем телеэкране что угодно (даже западное телевидение с 1990 года принимать могут с помощью дорогостоящих индивидуальных или коллективных антенн-тарелок), но телепередачи из республик исключаются. Ленинградцев на ЦТ еще привечают, так они все-таки свои. ЦТ обещал советским телезрителям показывать по второй общесоюзной программе наряду с передачами Российской телекомпании также и сюжеты, подготовленные на телестудиях союзных республик.

Командовать парадом республик по второй программе должна была администрация ЦТ. Конкретный срок всех новаций на ЦТ СССР, а тем более распад этого телевизионного монстра на четыре независимые телекомпании не был назван. ЦТ в своем тогдашнем допущенном, кравченковском виде твердо держал в узде своих журналистов. От публики ЦТ ведь не зависело, было монопольным и на госбюджете... Незначительные вкрапления рекламы, появления коммерческих, т.е. оплаченных кем-то со стороны, сюжетов погоды не делали.

У нашего родного центрального телевидения «нет материальной заинтересованности в количестве телезрителей, собирающихся у экранов». Это слова, произнесенные М.Ненашевым в ходе последней пресс-конференции 13 ноября 1990 года, за несколько часов до его ухода с поста председателя Гостелерадио. Многие, конечно, его поругивали, но отставка М.Ненашева буквально через несколько дней продемонстрировала всему миру еще один пример резкого поворота всего политического курса кремлевского руководства (вспомним, как за короткий период времени ушли с политической сцены А.Яковлев, В.Бакатин, Э.Шеварднадзе).

«Взгляд из подполья»

При Кравченко невозможен был бы показ по ЦТ той передачи по «Взгляду», о которой тележурналист Евгений Додолев рассказал на страницах газеты «Московский комсомолец» (27.10.1990) под заголовком — «Память», КГБ и «Взгляд»:

«Подполковник запаса КГБ Валентин Королев не пожелал и далее оставаться пешкой в чужих руках. Я думаю, что акт раскаяния дался ему не просто. Тем не менее, 19 октября бывшего контрразведчика смогли одновременно прочитать на страницах журнала «Огонек» (№ 43, 1990) и увидеть на всесоюзном телеэкране в программе «Взгляд» и другие» («Вид»).

По мнению Королева, «Память» (в ее нынешнем амплуа) создана Московским КГБ как инструмент политической, а в перспективе и вооруженной борьбы с нежелательными социальными тенденциями. Все заметные функционеры «Памяти», по словам подполковника, завербованы охранкой, и многие из них считают, что они, русские национал-патриоты, ориентируют работу КГБ. (Когда он предложил одного из «памятников» на вербовку в параллельное Управление, ему дали понять: все руководство этой организации и без того работает на Комитет.)

Стало быть, шефы охранного ведомства убеждены, что «Память» ими управляема, а крестные отцы отечественного фашизма полагают, что — напротив — КГБ у них в руках. И все они готовы выступить в «час икс». Взаимопроникновение «Памяти» и КГБ, считает Королев, сейчас подкатило к экстремальной точке.

Напомню, что «Взгляд» выходит, как и прежде: днем — прямым эфиром на Дальний Восток (затем повторяется по «Орбитам» на Сибирь и Среднюю Азию) и вечером — прямым эфиром на Европу. Эти два варианта, как правило, отличаются.

19 октября записанные сюжеты не купировались. Но — в отличие от записанных текстов — студийные фрагменты того «Взгляда» отличались друг от друга, как «Время» от расплывчатых решений Политбюро «Семи дней». По всем «Орбитам» интервью с Королевым венчал диалог ведущих:

ДОДОЛЕВ. Вернемся к КГБ. С весны Королев безуспешно пытается пробиться к нашим известным депутатам и в самые перестроечные издания. Однако у бдительной Лубянки везде, похоже, находят свои добровольные осведомители...

ЛЮБИМОВ. По комитетской терминологии их принято величать помощниками.

Д. Помимо ПОМОЩНИКОВ платных есть и невольные. Даже из бесстрашного «Огонька» офицер получил официальный отказ опубликовать его статью «Секреты секретных служб». Правда, рукопись в последний момент решили попридержать и автору вместе с письмом-отпиской не вернули. Время свое берет. В 43-м номере

«Огонька», который завтра начнет поступать подписчикам, опубликован наконец материал Королева.

Л. Предвидя физическую расправу, подполковник передал часть своего архива редакции «Взгляда». Кстати, если кто-либо из лидеров «Памяти» пожелает опровергнуть свою причастность к тайной полиции, мы готовы пригласить их для дискуссии.

Д. Наверное, многих удивило то, что КГБ связан с «Памятью». Меня тоже в свое время удивляло: почему питерские наци безнаказанно отвязываются в Румянцевском садике, отчего это пэтэушные хунвейбины из «Памяти» избегают кар Уголовного кодекса, как это «Памяти» дали провести митинг на Красной площади, удивляло: как это «Память» проникла в ЦДЛ, куда меня и моих коллег не пускают даже с журналистским удостоверением. Теперь уже не удивляет. У государства есть партия, у КГБ – «Память».

Л. А может, наоборот, у партии – государство? Я, например, не всегда уверен, что та же армия или суперсиндикат КГБ подчинены Президенту.

Д. Большинство в руководящем эшелоне Комитета не профессиональные разведчики или контрразведчики, а бывшие партработники. Они верны кастовым принципам, которыми, как известно, не могут поступаться. Много в руководстве и, м-м, скажем так, ветеранов. Например, генерал-лейтенант Толкунов. Он возглавляет инспекцию КГБ, хотя ему уже 75. Когда Горбачев работал на Ставрополье, Толкунов командовал краевым КГБ. Это, как считает экс-генерал Калугин, деталь немаловажная. Кому подотчетен Толкунов, кому подотчетен Комитет? Да никому! Сам Комитет может создать на бумаге некую угрозу (как с тем же Калугиним). Сам Комитет убедит в этой угрозе высшее руководство, подпишет и проведет решение. Государство в государстве.

Л. Вот на днях в «Литературке» начальник Управления Прокуратуры по надзору за исполнением госбезопасностью законов Виктор Илюхин признал: «Разведка и контрразведка в рамках нашего надзора не укладываются. Регулировать их деятельность законом невозможно». Конечно, можно следить за порядком в Лефортове и т.д. Все, вроде бы, ладно. Допустим, Прокуратура кое-как пасет Комитет. Казалось бы. Но курирует этот скользкий надзор зам.генпрокурора Абрамов, который ранее работал именно в КГБ.

Л. Кстати, в 5-м Главке, которым и руководил. А это управление, которое сейчас якобы занимается охраной Конституции, вело и Солженицына, и Сахарова.

Д. Абрамов трудился под зорким руководством нынешнего 1-го зампреда КГБ Бобкова, с которым и ныне Иван Павлович Абрамов поддерживает товарищеские отношения. В духе сотрудничества между неподкупной Прокуратурой и великодушным КГБ, сложившемся еще во времена Вышинского и Берии. Ворон ворону глаз не выклюет...

На послеорбитном мини-совещании мы решили провести московскую студию круче, сыграть ва-банк. Но... коррективы внес сам КГБ.

Дело в том, что орбитный вариант отсматривается, насколько я знаю, как минимум по трем столичным адресам: Гостелерадио, Старая площадь и Лубянка. Трансляция на Дальний Восток закончилась где-то около четырех часов дня. Через пару часов в кабинете «взглядовского» руководства № 1231 раздался встревоженный звонок. А к началу программы «Взгляд» в Останкино приехали гости – полковник и майор. Сказали, что хотели бы прокомментировать сюжет о КГБ. В прямом эфире.

Было бы негостеприимно отказывать столь редким на ТВ посетителям. О теме беседы мы могли только догадываться, но версии были следующие. Королева обвинят, что он: а) завербован израильской разведкой, б) душевно болен, в) подкуплен сионистами-кооператорами, г) уволен из органов за алкоголизм. Или же все то же самое, кроме пункта г), адресовано будет ведущим.

Тем более что раньше, когда «Взгляд» готовил интервью с кагэбэшным ветераном К., один из визитеров шантажировал ведущего Артема Боровика и режиссера Татьяну Дмитракову:

– У нас есть досье на всех «взглядовцев». Если сюжет попадет на экраны, мы опубликуем компромат в центральных изданиях.

Ребята тогда ответили: давайте посмотрим, что там у вас есть. Увы, К. так и не прорвался тогда в эфир... Нашлись рычаги давления на других людей.

В прошлую пятницу обошлось без угроз.

Но офицеры оказались асами дискуссий. Они увели разговор в сторону и от «Памяти», и от Королева. Начались вежливые рассказы. Об отсутствии на Лубянке каких-либо подвалов. О самоубийстве Савинкова. О новых книгах, наконец».

В конце декабря 1990 года подал в отставку министр иностранных дел СССР Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе. В нашей стране за 70 лет никто еще из крупных руководителей добровольно не уходил. А Шеварднадзе еще и объявил впервые о своем решении не где-нибудь, а в прямом телевизионном эфире с трибуны сессии Верховного Совета СССР. Министр ушел в знак протеста против растущего давления на него сторонников новой, зреющей военной диктатуры. Вполне возможно, Э.Шеварднадзе знал, что из МИД ему все равно придется уйти, и не захотел сделать это так же покорно, как только что убранный, уже бывший министр МВД В.Бакатин. ЦТ СССР о Э.А.Шеварднадзе перестало упоминать через несколько часов после его заявления, хотя он еще три недели продолжал исполнять обязанности министра иностранных дел.

Газета «Комсомольская правда» (29.12.1990) так отозвалась на это событие заметкой А.Васильева – «С глаз долой, из «Взгляда» вон. Кто и почему запретил телепередачу с участием помощников Э.Шеварднадзе?»:

«Вчера телезрители не увидели программу «Взгляд», в которой должны были выступить ближайшие коллеги подавшего в отставку министра иностранных дел СССР Э.Шеварднадзе – помощник министра Теймураз Георгиевич Степанов и начальник управления оценки и планирования Сергей Петрович Тарасенко. Как нам удалось выяснить, именно Т.Степанов и С.Тарасенко были теми людьми, которые узнали о намерении Шеварднадзе подать в отставку раньше всех...

– После отставки Шеварднадзе возникла странная ситуация, – рассказал нам Т.Степанов. – На Западе – все бушует, а здесь у нас какая-то зона молчания. Выдвигаются версии одна глупее другой. Вот потому мы и решили с Тарасенко выступить во «Взгляде».

– Почему же вам отказали?

– Не знаю.

Звоним во «Взгляд», попадаем на Александра Любимова:

– Да, мы хотели пригласить Т. Степанова и С.Тарасенко на прямой эфир. Но председатель Гостелерадио Л.Кравченко и его замы запретили нам это делать. Начиная с понедельника мы пытались уговорить их, но, как видно, все разговоры были бесполезны. Ясно, что это сделано по политическим соображениям.

Без сюжета об отставке Шеварднадзе мы в эфир выйти не могли, поэтому телезрители и не увидели нашей передачи. Нам очень не хотелось устраивать шумиху по этому поводу, набирать очки. Но не получилось...

– У меня есть сведения, что Кравченко обсуждал этот вопрос с Горбачевым.

– Мне кажется, что столь непопулярное решение недавно назначенный на пост председателя Гостелерадио Кравченко скорее всего согласовывал с высшим эшеломом власти. Кстати говоря, 4 января мы хотели показать вместо «Взгляда»

фильм «Команда» об Эдуарде Амвросиевиче Шеварднадзе и его коллегах. Нам тоже было это запрещено...

Звоним Леониду Петровичу Кравченко:

– Ребята хотели пригласить во «Взгляд» Шеварднадзе. Я отсоветовал им это делать, поскольку знал, что он все равно не пойдет. Вечером у меня была беседа с Любимовым, и он сказал, что они в эфир выходить не будут. В следующий раз они готовы выйти 11 января. Я им предложил пригласить в передачу Янаева, но они не хотят.

– Но, насколько нам известно, вы запретили передачу с участием помощников Шеварднадзе?

– Я не запрещал... Я не знаю... Это уже игры... Перезваниваем Любимову:

– Впервые за последние полтора года нам был запрещен не гость, а сама тема. Могу предположить, что разыгрывается стандартная карта, доказывающая нерушимость иерархического мышления. Лучше быть ближе к верхам, чем к низам...

Ситуация более чем странная. К тому, что со «Взглядом» порой происходят такие вещи, мы уже привыкли. Но сейчас речь о Шеварднадзе, чье имя, похоже, вообще запретили упоминать в эфире. Кто же теперь поверит в заявления о том, что внешняя политика СССР остается неизменной?»

Самая лучшая политическая рубрика «Взгляд» на ЦТ приказала долго жить в начале 1991 года. Еженедельная газета «Аргументы и факты» (№ 2, январь 1991) так отозвалась – причем на первой полосе, в самом верху, – об этом не вызывающем оптимизма событии:

«Не вышел новогодний выпуск «Взгляда», были отложены и последующие передачи. 4 января руководство Гостелерадио отказало в повторе фильма «Команда» о Э.Шеварднадзе и его сотрудниках, а 8 января руководителю программы А.Любимову в кабинете заместителя председателя Гостелерадио П.Решетова было заявлено, что программа снимается с эфира на неопределенное время. Наш корреспондент А.БИНЕВ обратился к творческой группе популярной передачи и задал ряд вопросов.

– Это решение вашего руководства окончательное?

А.ЛЮБИМОВ, руководитель программы. Нам было заявлено, что выпуск в эфир невозможен до тех пор, пока мы не сформулируем свою концепцию, хотя она указана в соответствующих документах – освещение общественно-политической жизни в стране. Считаю, что председателю Гостелерадио СССР Л.Кравченко не понравилось, как мы эту жизнь освещали.

– А может быть, дело в том, что вы взялись за вопросы политических перестановок в высших эшелонах власти, включая небезызвестное заявление Шеварднадзе?

А.ПОЛИТКОВСКИЙ, специальный корреспондент программы. Думаю, что это всего лишь повод разобраться с нами. Причина не в этом. К 11 января 1991 г. нами была представлена верстка передачи, где не было сюжетов о Шеварднадзе. И все равно нас в эфир не пустили.

– Так в чем же причина запрета?

А.ЛЮБИМОВ. Было сказано, и это ни для кого не секрет, что политические взгляды руководства Гостелерадио и творческого коллектива программы «Взгляд» расходятся. Это и есть главная причина.

– Не является ли это началом вообще «крестового похода» против демократических средств массовой информации?

А.ШИПИЛОВ, руководитель телекомпании Вид. Никто не уполномочивал нас говорить за все демократические издания, но то, что происходит, не может не вызывать у нас тревоги, так как мы видим в этом не просто единичный факт закрытия эфира для «Взгляда», а подтверждение определенных тенденций, которые появи-

лись в нашей политической жизни. Я это воспринимаю как проявление политической цензуры, которая по Закону о печати и других средствах массовой информации запрещена.

В. ЛИСТЬЕВ, обозреватель программы. На протяжении двух с половиной лет на телевидении была возможность выражать различные точки зрения. «Взгляд» это и делал. Мы вписывались в общую тенденцию, более того, были первыми. Сейчас, когда потребовалось укрепление централизованной власти, тенденция стала меняться. Мы пришили не ко двору».

По словам обозревателя «Взгляда» (еженедельник «Коммерсант», 31.12.1990), «хотя партийный идеологический контроль снят, мы снова попали в ситуацию, когда творческий процесс на 80 процентов состоит из пробивания материала». Рубеж 1990 и 1991 годов обострил конфронтацию Ельцин-Горбачев, точнее, разобщенных демократов и сплоченной военно-партийной олигархии. «Взглядовцев» вышвырнули из ЦТ одновременно с началом бойни в Вильнюсе, устроенной спецназом КГБ СССР в целях государственного переворота в Литве, а затем и в Латвии.

Но «Взгляд» не умер. Об этом — материал Николая Кириллова «Кухня Политковского для «Взгляда из подполья» в еженедельнике СЖ СССР «Голос» (№ 23, 17.6.1991):

«Однажды домашняя кухня Александра превратилась в аппаратно-студийный комплекс «Взгляда». На примитивной бытовой аппаратуре монтируется уже третий выпуск подпольной передачи.

Журналистам мало что известно о том, как готовится программа, так как авто-ров-координаторов и российских депутатов Любимова и Политковского найти сложно. И все-таки нашел творца легендарного первого выпуска «Взгляда из подполья» — Александра Политковского. Ему и вопросы.

— *Во сколько же обходятся выпуски «Взгляда из подполья»?*

— Приблизительно в 25 — 30 тысяч рублей, и это не так много. На государственном телевидении тратили 75 тысяч. В кухонных условиях нет расходов на трансляцию программы, деньги идут на командировки корреспондентов и на необходимое оборудование, реквизиты.

— *Где демонстрируются подготовленные передачи?*

— Мы тиражируем программу на бытовые кассеты и передаем на различные телестудии страны. Совсем недавно «Взгляд» выходил в прямом эфире на Прибалтику и транслировался из Риги. Возможно, продолжатся контакты с ленинградским телевидением.

— *Почему бы «Взгляду» не перейти под покровительство Российского ТВ, где генеральный директор — бывший руководитель вашей программы?*

— Российское телевидение — такая же государственная структура, как и Всесоюзная телерадиокомпания. У его председателя стоит та же кремлевская вертушка, что и в кабинете у Кравченко. Хотя российские коллеги более демократичны, но ситуация у них складывается примерно аналогичная с большим ТВ.

Когда мы создавали свою структуру, то ясно представляли, какое положение она займет и какую роль будет играть в общественной жизни. В работе же государственных компаний много неожиданного. Если на президентских выборах побеждает Рыжков, то можно предположить, кому будет служить Российская телерадиокомпания. Я против того, чтобы телевидение подыгрывало амбициям того или иного руководителя. Поэтому мы решили создать независимую организацию — акционерное общество закрытого типа под названием «Взгляд».

Мы стали немного похожи на капиталистов, но зато теперь в наши дела никто не вмешивается. Гарантировано! Никто не войдет, не спросив разрешения. У нас нет политической цензуры, я сам – хозяин и цензор своей программы.

Теперь «Взгляд» невозможно запретить, потому как мы финансово и юридически самостоятельны и действуем в соответствии с законом. «Взгляду» помогают опытные юристы, а принцип нашей финансовой деятельности – никаких тайных махинаций.

– *Были ли предложения создать совместные предприятия с США, ФРГ, Италией?*

– Конечно, были. но я лично против таких совокуплений. Они помешали бы реализации нашей главной цели – созданию необходимой обществу правдивой свободной информационной программы, рассчитанной на соотечественников. Потом сюжеты «Взгляда» могут использовать, к примеру, японцы, первоначально же я не хочу, чтобы наша ассоциация была по типу гонконговских фирм.

Есть интересное предложение – купить эфирное время у ТВ, но требуется немалая сумма – 150 миллионов рублей, а мы пока можем собрать только 20. Договор с телевидением на основе коммерции – неплохой вариант, если действовать по схеме: вы предоставляете эфирное время, мы за него платим.

– *Сколько стоит кассета со «Взглядом из подполья» и как ее продаете?*

– Я как народный депутат не могу заставлять кого-то покупать программу не за 200 рублей, а, например, за 1200. Но нам все же удастся сделать передачу рентабельной и заплатить команде, которая над ней работала.

– *Какие сюжеты, для программы готовите вы сами?*

– В первом выпуске есть мой сюжет – «корреспондентское расследование» тайны знаменитой комнаты в здании российского правительства. Той, что принадлежит КГБ и предназначена якобы для предотвращения утечки информации. В сюжете хотелось утвердить мысль о том, что КГБ связан с ЦК партии, как белок с желтком, несмотря на новые законодательные веяния. Доказательство? Не отменен запрет сотрудникам КГБ собирать досье на первых лиц партии. Пока данное табу существует, разделить эти две организации невозможно. Мне помогали сотрудники охраны Ельцина, которые, кстати, раньше работали на КГБ Союза. Государственных секретов я не выдавал, хотя была возможность. Сейчас я занимаюсь производством двух видеопрограмм о деятельности Ельцина. Пытаюсь анализировать не только его успехи, но и причины просчетов».

ГЛАВА XI

ТЕХНИКА ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Кремль обещал сбить первый российский спутник связи

Соратники Ленина в 1917 году начинали свой переворот с захвата почты, телеграфа, телефона. В 1991 году попытка свержения законной власти в Литве началась атакой десантных частей Советской Армии и КГБ СССР, при поддержке танков, на здания телецентра в Вильнюсе. В Москве КПСС и КГБ уже с осени 1990 года имели во главе телевидения нестигаемого ленинца, лжеца Л.Кравченко. Этот предавал родину, соотечественников и здравый смысл в каждом вечернем выпуске информационной программы «Время». Президента Горбачева он предал в августе 1991 года, всего на три дня путча. Потерял при этом свой высокий пост, но в целом отделался легким испугом. Систематическая ложь пока еще не считается преступлением в нашей стране и поэтому неподсудна. А за разгром Советской Армией телевышки и телецентра литовские власти предъявили счет Москве уже в феврале 1991 года на 18 млн. рублей. С учетом инфляции рубля и простоя вильнюсского телевидения с января по сентябрь 1991 года из-за его оккупации интервентами общий ущерб зашкаливает за многие сотни миллионов рублей.

Но монополию на телевидение КПСС и ее генсек, он же президент, все же утратили задолго до августовского путча 1991 года. Обрели полную самостоятельность телецентры всех бывших союзных республик, а теперь уже суверенных государств. Собственную программную политику ведут телестудии почти всех автономных республик России, десятки наиболее крупных русских городов. После отмены предварительной цензуры в августе 1990 года стали появляться сотни сетей кабельного телевидения, коммерческие акционерные и частные телестудии. Бывшие союзные республики теперь уже и спутники связи сами запускают.

На петербургском телевидении занято две тысячи человек. И программы его смотрят во всей центральной части России и в Эстонии.

На Украине на государственном ТВ заняты десятки тысяч человек — в Киеве и в 14 областных телецентрах. Скоро войдут в строй еще 10 местных телецентров. Все они будут конкурировать с 15-часовым ежесуточным телевещанием из Киева. Первая всеукраинская телепрограмма существует уже 40 лет, вторая (информационно-коммерческая) появит-

сы с завершением строительства нового 24-этажного аппаратно-студийного комплекса. Этот украинский телегигант, наподобие Останкинского в Москве, уже высится рядом с 380-метровой телебашней в старинной части Киева, на Сырце. Как вы думаете, будет ли Киев продолжать финансировать ЦТ СССР? Нет, не будет. Показывать Москву на Украине будут, а платить не желают. Смотрите, мол, взамен наше украинское ТВ в России. И охотно смотрели бы. Миллионы украинцев живут на просторах России. И ленинградскую телепрограмму охотно смотрели бы пол-Европы и чуть меньшая часть Азии. Спутники нужны, из тех, что тысячами запускали наши военные и полувойенные ведомства.

В степях и пустынях Казахстана в эфир выходят с собственными программами 21 телецентр плюс одна общереспубликанская телепрограмма из Алма-Аты.

В России КПСС также не желала без боя сдавать телевизионный эфир демократическим силам. Даже частичный их доступ потребовал 9 месяцев мытарств, обманов, обещаний и, наконец, «Россия – в Останкине!» Так озаглавила свои заметки по случаю первого и долгожданного выхода в эфир российской телепрограммы публицист Татьяна Иванова из еженедельника «Новое время» (№ 21, 1991):

«Скептики посрамлены. Они, скептики, ведь что говорили? Вот, мол, придется теперь с населения по рублю собирать... Потом методом всенародной стройки телебашню возводить, выше Останкинской... Потом еще с населения по рублю, потом эти рубли – на Рижский рынок, менять на валюту по базарному черному курсу... Везти эту валюту тайно за рубеж... Закупать технику и опять же тайно ввозить ее к нам через границу... Потом лет пять эту аппаратуру монтировать... И вот, когда все наконец совпадет – новая телебашня, новый телецентр и смонтированная аппаратура, – тогда, пожалуйста, будем смотреть Российское телевидение. Среди посрамленных скептиков была и я. Каюсь.

Российское телевидение вышло в эфир гораздо раньше! России дозволено пользоваться Останкинской телебашней! Поистине великодушие и доброта законных собственников, истинных владельцев не знает границ. Причем особо замечу: ведь выделено даже самое дорогое – эфир. И как удобно! Первые два отрезка (по два часа в каждом) – в самое что ни на есть рабочее время. Люди на работу придут, талоны в столы заказов разыграют, дальше делать нечего. А тут благодать – смотри телевизор.

Последние два российских часа – ночью. Вместо сна. Чтоб плохие сны не снились, лучше не ложиться, а, сидя на стуле, носки штопать и караулить Российское ТВ.

И день для премьеры Российского ТВ выбрали прекрасный. Да, понедельник, 13-е... Но ведь день-то на самом деле знаменательный! Ровно четыре месяца миновало, как захвачено Вильнюсское телевидение, как там в дверях встал Человек с ружьем. Ровно четыре месяца, как всей стране ясно: телевидение – неприкосновенная собственность компартии, и компартия имеет право даже убить любого, кто к ней, к собственности, хочет прикоснуться. Народишко у нас глупый, в Вильнюсе – полез. Ну, натурально, пришлось пугануть танками. До московских дошло: в Останкино идти не решились. Пошли на Манежную. Наше, кричат, телевидение, на наши денежки строено, артисты нами выучены, за их институты мы на заводах горбатились... Россию, кричат, пустите, Россия тоже, мол, государство. У Киргизии, кричат, телевидение есть, а у России нету...

Напрасно, мне кажется, замечательные ведущие Российского телевидения скрывают от зрителей, почему у них иной раз видеоряд не совпадает со звуковым, почему изображение так неясно, почему то что-то рвется, то что-то отключается, то что-то невпопад включается.

Пусть бы они всякий раз говорили, что, кроме детского кинопроектора (и у него причем батарейки садятся, а новые купить – денег нету, да и самих батареек тоже), Российское телевидение аппаратурой пока не располагает. Вы, уважаемые зрители, должны понимать, что основная аппаратура законно принадлежит не нам, а Центральному телевидению, президентским указом подаренному товарищу Кравченко. Кравченковидению, так сказать... Вот вы, воспитанные люди, будете чужое хватать? Не будете. И мы не хватаем. Терпите. Вот мы микрофончик на полойке подобрали, починили, слышно вам хоть немножко? И слава богу. Денег подберем, свою башню построим, все будет иначе, а пока так.

Если бы ведущие Российского телевидения моему совету следовали строго, это имело бы огромное, прямо неоценимое воспитательное воздействие на телезрителей. Сидя у экранов, они учились бы еще больше любить Кравченко, Центральное телевидение, президентские указы, партийную собственность и ее неприкосновенность...

Хотя, надо сказать, любовь и сегодня очень велика. Очень.

А все российские программы я в первые дни смотрела с радостью, и мне не хочется искать в них недостатки. Я ведь вижу и детский кинопроектор, и микрофончик списанный – о каких можно говорить недостатках при таких обстоятельствах?

Хочется мне только одного – сказать: «Здравствуйте, мы так вас ждали, мы так вам рады!..»

Точка зрения Татьяны Ивановой была представлена в журнале «Новое время» под рубрикой «Женская логика». Что с женщины-то, мол, взять, пусть говорит себе что угодно, даже пусть самую чистую правду, а мы (редколлегия, наверное) верить ей не будем. В СССР ведь что было правдой? – Любая ложь, будь она произнесена с кремлевской трибуны или напечатана в «Правде».

Чтобы все-таки убедить читателя в абсолютной достоверности честнейшего журналиста Т. Ивановой, дополним ее слова мнением другого не менее честного человека, министра печати и массовой информации РСФСР Михаила Полторанина, выступившего на страницах газеты «Голос» (№ 17, 1991), органа Союза журналистов СССР.

«Когда Президент Горбачев обездолил Россию, издав свой Указ о создании Всесоюзной государственной телерадиокомпании, наше министерство вынуждено было искать выход в эфир для независимого телевидения и радио России. По милости Президента (Кравченко заявил, что исполнял его распоряжения) многие россияне лишены и возможности слушать свое радио, которое перевели на другие волны.

Указ этот грубо нарушил Конституцию СССР, передав собственность России в руки Кравченко и наделив его функциями органа управления. На заседании Комитета ВС СССР по вопросам гласности, прав и обращений граждан я подробно обосновал, какие статьи Конституции и почему нарушил Президент. Юридически Указ его несостоятелен. Президент ведь давал клятву соблюдать Конституцию, но постоянно ее нарушает и при этом еще гневается, что его-де не уважают.

Так вот, стали мы искать выход и нашли – законсервированные на случай войны радиоканалы гражданской обороны. Оказывается, сейчас на спутнике для ЦТ используются лишь два стола, а пять работают на военных.

На случай войны выстроен и бездействует в ее ожидании запасной телецентр с вышкой по дороге к подмосковному Ногинску.

Более того: на случай войны созданы и передвижные типографии с хорошим оборудованием. Они бездействуют, а многие газеты в России печатать негде. Резервные типографии нужно срочно использовать, но Центр – что собака на сене, хотя полиграфическая отрасль полностью разрушена. С простом типографий предстоит разбираться, но хочу, чтобы коллеги знали: они есть в России.

Расскажу, как развивались события в поисках канала связи для Российской радио. Совет Министров РСФСР постановил, а Силаев подписал решение об использовании на спутнике канала гражданской обороны. Оно законное, потому что все линии связи гражданской обороны на территории РСФСР принадлежат России.

Стали мы готовиться к использованию такого канала.

Что тут началось! Информаторы поспешили к маршалу Язову (знаю спешившего генерала), Язов – к Горбачеву, и в результате скорехонько вышел Указ Президента с грифом «секретно»: отменить постановление Совмина РСФСР, не смей владеть каналом гражданской обороны!

Коллегам полезно знать, кто так надежно охраняет Россию и ее народ от обладания собственными средствами массовой информации. Зачем охраняют? Полагаю, ясно: чтобы по-прежнему протаскивать дезинформацию, чтобы дозировать с позиции большевистской идеологии уровень правды о событиях в стране: что народу знать положено, а что – нет.

Наше министерство создает материально-техническую базу для своих СМИ. Уже запустили один спутник связи, обошелся он в 20 миллионов рублей. Предстоит запустить еще два. Когда добьемся-таки передачи второго канала на ЦТ России, через эти спутники охватим все население телевизионной программой.

А еще один ствол связи на спутнике станем использовать для передачи специальным кодом в местные типографии «матриц» республиканских газет. Тогда они будут приходить к читателям и Сибири, и Дальнего Востока день в день.

Но за второй спутник, который готовим к запуску, военные запросили 40 миллионов. А Министерство связи СССР вдруг заявило свое право на эти спутники. Выходит, мы теперь должны спрашивать разрешения у союзных связистов на пользование каналом. Уверен, что не позволят, останутся под пятой Центра и Горбачева.

Пришлось доказывать и отстаивать право России. А в ответ нам пригрозили:

– Если встанете насмерть, требуя каналы, то... Учтите, спутник легко... сбить...

Словом, предупредили: «Не зарывайтесь, ребята, помните, власть у того, в чьих руках армия и ракеты. Позволили вам поиграть в независимость, и будет. А то взяли моду – говорить Президенту правду».

Было, что угроза реальная, потому что борьба России с Центром за право формирования населения идет жестокая. Скорее уже не борьба, а война. Для создания своего телевидения у России нет валюты. Она прежде всего нужна на медикаменты и продукты. Было бы безнравственно тянуть валюту сейчас на закупку студийной техники. Поэтому на митинге я предложил другое решение.

Если россияне сдадут, кто может, хотя бы по полграмму золота в фонд Российского независимого телевидения, тогда можно будет закупить оборудование. Люди сами способны создать альтернативное телевидение.

Угрозу расстрелять спутник я и обнаружил на митинге 28 марта. А программа «Время» на другой день заявила, что это – дезинформация Полторанина. Какова «утка?»»

Для советской прессы любое упоминание о засилии ВПК в отечественной экономике было темой табу. Но вот упразднили цензуру на пятом году «гласности и перестройки», и после августа 1990 года мы столько узнали... Следующую порцию откровений мы начали узнавать после августа 1991 года. Но и та, первая, волна разоблачений была шоком для большинства. Ведь одно дело, когда о чем-то шепчут в эфире по «вражьим голосам» наши родные шпионы-перебежчики. И совсем

другое, когда это признают депутаты Верховного Совета, министры и журналисты.

Министра М.Полторанина слушать или читать не соскучишься – сказывается уровень публициста высокого класса, человека сильного и неравнодушного.

Новый министр РСФСР по связи, информатике и космосу Владимир Булгак в меру эмоционален на страницах «Российской газеты» (28.6.1991) – достижения его только что созданного министерства уже вполне весомы. Вот что говорил В.Булгак в беседе с корреспондентом Владимиром Федоровым накануне вывода на геостационарную орбиту второго российского спутника связи:

«– Телекорпорация на территории России – крупнейшая в мире: 620 мощнейших передатчиков, более семи тысяч приемных устройств космических станций, около девяти тысяч ретрансляторов плюс группировка спутников, обслуживающих пять часовых поясов. И тем не менее трем миллионам граждан телевидение вообще не доступно. Как ни странно, за границами зон приема оказались два десятка тысяч пунктов европейской части России. Чтобы решить эту проблему, в ноябре прошлого года и был запущен первый российский искусственный спутник. Дело за наземными станциями, которые усиленно монтируем вместе с местными органами власти. В ближайший год все проживающие в европейской части смогут смотреть первую и вторую программы ЦТ. На днях мы запускаем второй спутник, а в конце года – третий. Так что Российское телевидение наряду с первой общесоюзной программой теперь будет доступно около 97 процентам населения республики.

– И все-таки два канала для такой большой республики – это не так много.

– Мы представили в Совмин программу дальнейшего развития: ввести к концу 1995 года еще один канал общероссийской программы. Так что рекомендую всем, кто этого еще не сделал, приобрести дециметровые блоки к телевизорам.

– Как будет выглядеть коммерческая сторона, насколько выгодно вкладывать средства в эти проекты?

– Даже старые модели спутников, которые мы запускаем, говоря современным языком, позволяют делать бизнес. Как только встанет на ноги коммерческое телевидение, проснутся потенциальные заказчики, мы сможем окупать спутники. Это вполне реально. У нас было около сотни предложений по использованию первого аппарата, хоть удовлетворили только тридцать заявок.

– Еще ни одна республика не покушалась на безраздельную монополию Главкосмоса. Как же осуществлялась эта акция?

– Мы были первыми в стране покупателями спутника. Изготовили его в Красноярском объединении прикладной механики. У ракетных войск купили серийную ракету «Протон», выводящую пятитонные объекты на геостационарную орбиту. Подчеркну, это был запуск не за счет союзного бюджета, когда никто ничем не рискует. Мы же рисковали очень многим. Поэтому пришлось застраховать выведение спутника на всех его этапах. Это стало большой неожиданностью для всех страховых компаний страны.

– Интересно, какова сумма страховки?

– Нам предложили свои услуги банк «Восток» и «Ингосстрах СССР». Мы отдали предпочтение последнему, поскольку там смогли в кратчайшие сроки найти международные документы для подобных случаев. Первый запуск застраховали на 7 процентов, заплатив 650 тысяч рублей. Сейчас цены на все возросли.

– И все же как удалось приобрести ракету, как отнеслись к этому предложению продавцы?

– Вначале с недоумением. А потом – Россия покупает, Россия рискует – свыклись с этой мыслью.

– В бюджет страны республика перечисляет 23 миллиарда рублей, в том числе и на поддержание Главкосмоса. Получается, что вы купили для налогоплательщиков то, что уже оплачено ими. А они заплатили дважды за космический аппарат.

– Да, но здесь условие было такое, что использование этого спутника будет диктоваться только правительством России, а не теми ведомствами, которые могли бы накладывать вето.

– Вы пошли на это ради приобретения свободы?

– Совершенно верно. Это было первым условием. Определенные права мы теперь имеем. Почему «определенные»? Мы заняли точку на орбите, принадлежащую по мировому разделению СССР. Союз на ней имел раньше спутник, который выработал ресурс, и он имел обязательства перед администрацией связи некоторых стран. Теперь эти обязательства выполняем мы, но основную часть ресурса спутника получает Россия.

– То, о чем вы сейчас рассказали, исчерпывает смысл, вкладываемый в последнее слово в названии вашего министерства?

– Нет, конечно, смысл в том, чтобы министерство обеспечивало экспертизу тех средств, которые Россия вкладывает в общесоюзные космические программы. Таким образом, мы представляем правительству данные, на основании которых оно может определить целесообразность вложения средств в союзный бюджет и их размеры. Второй вопрос – обязательное группирование спутников в интересах России. Тех, которые есть и которые будут. Мы больше всего заинтересованы в этих системах. Ведь многие из республик отказываются платить деньги на космические программы и относятся к ним настороженно.

Каше министерство курирует и часть разработок, определяет хозяйственное сопровождение будущих спутников в интересах республики. Поддерживаем контакты с генеральными конструкторами космических аппаратов и наземной аппаратуры. Ведь сам по себе спутник – это только часть системы. Если вы рубль в него вложили, то десять должны вложить в наземные станции.

Ну и самый большой раздел проблем – космические системы связи. Все спутники – это, по существу, спутники связи в той или иной степени. Уже в ближайшем будущем намереваемся поставить на коммерческую основу съемки из космоса в интересах сельского хозяйства, геологии, картографии, экологии. Короче говоря, организовать магазины, где хозяйственник, предприниматель может заказать за определенные деньги услуги в виде каких-то съемок, сканирования или мониторинга.

– Спутники дело дорогое. Поэтому в мировой практике распространение получает совместное их владение. Одна из транснациональных корпораций объединяет 150 стран. Львиная доля доходов принадлежит США. Не приведет ли логика событий и Россию к такому партнерству?

– Советский Союз уже входит в международную организацию «Интерспутник», услугами которой пользуются 27 стран. Мы сейчас прилагаем усилия к тому, чтобы Россия также стала членом «Интерспутника», поскольку она тоже владеет некоторыми космическими аппаратами. Что касается вхождения в самую крупную международную организацию космических систем «Интелсат», то правительство Союза намеревается туда вступить. Такая деталь. Западные компании часть советских спутников не страхуют, поскольку по некоторым параметрам они не соответствуют международным требованиям. В связи с этим мы проводим работу с рядом канадских фирм, которые изъявили желание поучаствовать в создании спутников и в дальнейшей их эксплуатации.

– Наступил ли момент, когда вы подумаете и о россиянах, живущих за пределами республики? Два десятка миллионов – это внушительная цифра.

– Мы уже сейчас думаем. Спутник, который мы запускаем, по просьбе Казахстана будет работать и на их территории. Более того, мы приглашаем все союзные республики к участию в наших программах. Здесь определенный интерес уже проявляется. При дальнейших запусках спутников «Галс» предусматривается использование их отдельных стволов для союзных республик и многозонового вещания в России. К 1994 году предусматривается его организовать именно в пределах от-

дельных регионов. Например, Башкирия готова вложить деньги в строительство активной передающей станции в Уфе. И тогда можно будет давать национальное вещание в зоне Урала и Предуралья.

– Здесь вы вступаете в определенную конкуренцию с Главкосмосом.

– Она имеет место. Но Россия тем не менее получает все то, что хотела бы получить. Хотя Союз и пытается все держать в своих руках и представлять все эти вопросы на международной арене. К сожалению, таково законодательство. У нас бывает очень сложный диалог, порой категоричный, не очень для нас приятный. Но тем не менее движение в пользу России идет. Нам дали точки для трех наших спутников. Есть гарантии, что будут еще четвертый и пятый аппараты. И мы вкладываем деньги в их разработку. Так что, несмотря на две системы – союзную и республиканскую, республиканская начинает занимать свое достойное место».

* * *

«Владимир Борисович, – спрашивает министра Булгака другой журналист, обозреватель газеты «Россия» (3.8.1991) Ю.Белявский, – для начала давайте разберемся: кому принадлежат средства связи, расположенные на территории России, республике или Союзу?

– В основном, конечно, республике. Если быть абсолютно точным – 75 процентов – наши, а 25 – союзные. Из миллиона российских связистов – 900 тысяч человек работают в системе Минсвязи РСФСР и только 100 тысяч подчинены союзному министерству.

– А как складываются отношения с союзным министерством?

– Достаточно сложно. Министерство – орган управленческий, а при нынешней ситуации Минсвязи СССР управлять становится почти нечем. Я-то лично уверен, что собственности на средства связи у союзного министерства не должно быть вообще. Республика следует делегировать ему определенные функции, например в части координации единой технической политики, научно-исследовательских работ и платить за исполнение этих функций. Союзный орган, как бы он ни назывался: министерство, комитет или, скажем, ассоциация, должен осуществлять координационно-методическую деятельность и не более.

Вот, к примеру, на территории России союзному министерству по-прежнему принадлежат все крупные кабельные линии и магистральные сети. Основной довод союзных связистов таков: по этим системам осуществляется управление армией, а она общесоюзная, значит, и эти средства связи остаются за Союзом. Это так, хотя почему нельзя доверить России управление этими линиями, мне непонятно, но, допустим, что наши оппоненты все-таки правы. Армейские нужды составляют только определенную часть загрузки мощных систем, а вот почему прибыль от коммерческой деятельности, производящейся по тем же каналам связи, должна попадать не в республиканский, а в союзный карман, объяснить сложнее. Правда, тут есть еще одно обстоятельство: сохраняя за собой эту собственность, союзное руководство имеет возможность в случае чего перекрыть телеканалы почти на 70 процентах территории РСФСР.

– Так, может быть, в этом все дело? Союзные власти не желают выпускать из рук кран, дозирующий информацию?

– И в этом, наверное, тоже, хотя все 312 телепередающих и 7000 приемных станций, находящихся на российской территории, принадлежат нашему министерству. Таким образом, между Россией и Союзом существует некий телевизионный паритет. Думаю, что главное все-таки не в этом, а в желании союзного министерства сохранить себя в качестве управленческого органа. Что, кстати сказать, усугубляется нашей собственной, российской, политической неразберихой. На I Съезде народных депутатов РСФСР, принимая Декларацию о суверенитете, по чьей-то ошибке управление связью отнесли к союзной компетенции. Потом, конечно, спохватились и на Верховном Совете эту ошибку исправили. Но решение Съезда мо-

жет отменить только Съезд. И вот уже на четырех последовавших за этим съездах секретариат не находит возможным внести этот вопрос в повестку дня».

23 октября 1991 года на околоземную орбиту был выведен спутник связи «Горизонт». Последний из трех космических аппаратов этой серии, закупленных в прошлом году Министерством связи РСФСР у Министерства обороны СССР. Удовольствие стать космической державой обошлось России недешево: цена каждого из «Горизонтов» – 7 миллионов рублей плюс вывод его на орбиту ракетой-носителем «Протон» – еще 10 миллионов. Зато правительство Ельцина имеет теперь в космосе законную, юридически оформленную собственность. Чего, как ни странно, нельзя сказать больше ни о ком в нашей стране.

Хотя сейчас на околоземных орбитах накручивают витки около сотни советских космических аппаратов, все они принадлежат неизвестно кому и непонятно на каких правах. Как, впрочем, и наземные объекты обеспечения советского космоса: стартовые площадки, центры управления и слежения, измерительные пункты. В условиях неуправляемой приватизационной стихии, обрушившейся на то, что когда-то было Советским Союзом, это чревато серьезными последствиями. Уже сейчас появилась масса желающих вступить в права «космической собственности».

Вот что писал на эту тему еженедельник «Мегаполис-экспресс» (31.10.1991):

«Процесс приватизации в космосе для нас совершенно новый», – признает Юрий Семенов, генеральный конструктор самой знаменитой из советских космических фирм – НПО «Энергия». Однако сама «Энергия» сегодня, похоже, уже активно пытается торить этот новый путь. В сентябре ведущие информационные агентства передали сенсационные сообщения. Советы продают Западу за 600-800 миллионов долларов свой уникальный орбитальный комплекс «Мир»! Сообщалось, что такие переговоры велись в Нью-Йорке именно людьми из НПО «Энергия». Но широкая огласка помешала им довести дело до конца. Переговоры о продаже или сдаче «Мира» в аренду пришлось срочно свернуть. Причина была элементарной: орбитальная станция просто не принадлежала семеновской фирме, которая пыталась заключить под нее контракт.

Тем не менее то, что пока не удалось отдельному предприятию, оказалось под силу суверенным республикам бывшего Союза. Казахстан объявил себя космической державой и декларировал свои права на главный советский космодром Байконур. Сейчас представители суверенного Казахстана проводят ревизию объектов Байконура.

Хотя даже если Казахстан и национализирует стартовые установки Байконура, то пускать ему с них все равно будет нечего – своей космической индустрии у республики нет. Зато Украина, которая сейчас переводит под свою юрисдикцию предприятия, выпускающие носители «Зенит» и «Циклон», будет иметь в досталь ракет, но останется без космодрома для их запуска... По логике вещей следующим шагом должен стать дележ между суверенными республиками советских космических аппаратов, уже находящихся в космосе. Этот спутник – Грузии, тот – Якутии, эти два – Молдавии, орбитальную станцию – Узбекистану. И при всей явной ненормальности ситуации ее вполне можно будет обосновать. В самом деле, свою лепту в гос-

бюджет, которым финансировался советский космос, вносила каждая из республик бывшего Союза.

Но, пожалуй, самое любопытное заключается в том, что единый хозяин у советского космоса на самом-то деле есть! И был всегда. Правда, такой, говорить о котором еще недавно было строжайше запрещено. Ведь мы громогласно сообщали планете о новых успехах мирной советской космонавтики. В то время как все советские космические программы осуществлялись исключительными космическими частями Минобороны СССР. Космические части Минобороны играли и играют в СССР ту же роль, что и НАСА в США. С той лишь разницей, что у сотрудников советского национального космического центра есть на плечах погоны, а у их американских коллег – нет.

«Космические части предназначены для запуска и обеспечения функционирования на орбите космических аппаратов научного, народнохозяйственного и военного назначения, межпланетных автоматических станций, пилотируемых аппаратов и орбитальных станций. В их состав входят космодромы Байконур и Плесецк с соответствующими подразделениями испытаний и подготовки космической техники к запуску, главный командно-измерительный комплекс Министерства обороны...» Эти несколько строк еще совсем недавно были важным государственным секретом. Секретом, платой за который может стать крах советской космической программы. Или по крайней мере ее раздел на мелкие «космические суверенитеты». Что суть одно и то же».

Перед лицом энергичного натиска политиков демократической России – Б.Ельцина, М.Полторанина, В.Булгака – ВПК в лице всемогущих когда-то союзных министерств, ЦК КПСС, КГБ и МО СССР решил перехватить инициативу и... продать на корню все свое (т.е. народное, конечно) космическое имущество западным фирмам или создать сеть совместных с Западом предприятий. В спешке, пытаясь обойти Ельцина, Кремль был готов согласиться даже на весьма заниженные цены. Лучше, мол, отдадим немцам и американцам, чем своим демократам. Чудовишно, смешно даже, но так было! И об этом можно прочесть между строк заметки в первоапрельском номере за 1991 год американского «Нового русского слова», газеты, не склонной к розыгрышам даже в такой несерьезный день:

«ВАШИНГТОН, 31 марта. Корреспондент газеты «Уолл-стрит джорнэл» Боб Дэвис сообщает о том, что Советский Союз предпринял шаги, чтобы заинтересовать американских представителей в своем новом космическом проекте – запуске в космос крупных спутников телесвязи, способных направлять телесигналы на огромную территорию, включающую СССР и многие страны мира.

Александр Дунаев, председатель Главкосмоса СССР – внешнеторговой организации по вопросам сотрудничества в космосе – встретился в Вашингтоне с представителями Национального агентства по авионавтике и космическим исследованиям (НАСА). Советский эмиссар сообщил, что начиная с 1994 года Советский Союз планирует вывести в космос с помощью мощной ракеты-носителя «Энергия» четыре 18-тонных спутника. Если этот космический проект будет осуществлен, на околоземной орбите в 40 тыс. км от Земли окажутся спутники, каждый из которых по весу в пять раз превышает любой из ныне действующих на орбите.

Дунаев, кроме того, сообщил, что его организация в ближайшем будущем собирается начать продавать зарубежным коммерческим партнерам снимки Земли, сделанные спутником «Алмаз», который был запущен в космос на прошлой неделе. Эти снимки выполняются с помощью радарной технологии – генерируемые в космосе радарные волны способны «видеть» планету даже ночью и сквозь густую об-

лчность. Как известно, именно этот вид космической съемки особенно ценен в целях военной разведки. Космическая разведка с использованием радаров активно применялась американцами, когда спутники «Лакросс» вели сбор информации о передвижении иракских войск в ходе войны в районе Персидского залива.

В интервью газете «Уолл-стрит джорнэл», данном по окончании двухдневных переговоров с американцами, Дунаев сообщил о перспективных целях Главкосмоса, сказав, что эта организация стремится содействовать развитию советской космической промышленности и одновременно устанавливать связи с американскими партнерами.

Почти не вызывает сомнения, что основная цель Главкосмоса, о которой не стал распространяться советский представитель, – заработать побольше твердой валюты, расширяя советское участие в мировом рынке космических услуг. Стремление Главкосмоса добыть на Западе побольше валюты настолько ощутимо, что специалисты не исключают даже таких коммерческих предложений, как продажа полномасштабной модели космической станции «Мир» по окончании работы международной авиакосмической выставки, которая состоится в июне этого года в Париже.

Как самое смелое, если не отчаянное, намерение расценивается аналитиками советская программа создания и запуска прямой телевизионной спутниковой системы, размеры которой иначе как гигантскими не назовешь. По словам Дунаева и его помощников, каждый из спутников этой системы должен обладать размерами и мощностью, способными вести ретрансляцию телевизионных, телефонных и других телекоммуникационных сигналов. Советский представитель признался, что в работе над новым проектом участвуют немецкие компании. Эти компании согласились не только финансировать новую программу, но и помочь в проектировании и строительстве спутников.

По замыслу Главкосмоса, три спутника новой системы должны будут обеспечить прием телепередач на большей части Советского Союза, а четвертый обслужит другие страны мира. Сигналы спутников можно принимать с помощью «тарелок» – небольших, полуметровых в диаметре, вогнутых антенн.

Сообщив, что новый проект уже заинтересовал Германию, Дунаев подчеркнул, что его организация будет рада, если Соединенные Штаты также присоединятся к этой программе.

Один из ведущих американских специалистов в области космической технологии, директор исследовательского центра по проблемам космической техники Массачусетского технологического института (МТИ) Эдвард Кроли явился одним из организаторов и участников деловой встречи с советскими представителями. Он поделился своими соображениями о возможностях советского космического партнерства, заметив, что, по его мнению, Советы вполне в состоянии конструировать и запускать мощные крупногабаритные космические объекты, однако им будет трудно обойтись без американской помощи в электронном обеспечении функций новой системы телесвязи в космосе и на Земле. Более того, сам Советский Союз с его безнадежно отсталой сетью телекоммуникаций будет нуждаться в западном содействии для модернизации своих наземных средств приема телесвязи.

Кроли предупредил, что советский проект создания гигантской системы телесвязи в космосе может оказаться куда менее экономичным, чем создание аналогичной по функциям инфраструктуры на земле».

У нас, оказывается, есть не только космические части Министерства обороны. У них теперь и пресс-центр объявился, во главе с начальником Алексеем Радионовым. Со страниц «Независимой газеты» (17.9.1991) он подтвердил мнение вышецитированного в «НРС» американца Эдварда Кроли – наша советская космическая техника крайне низкого качества:

«В условиях распавшегося Союза дальнейшее существование космонавтики становится невозможным. Ратуя за сокращение космических программ, наши парламентарии, надеясь войти в Общий рынок, и не подозревают, что мы располагаем лишь полутора десятками спутников связи против 60 аппаратов США, каждый из которых на порядок технологичнее наших. Отечественный «Горизонт» может обеспечить телефонной связью чуть более 3 тысяч абонентов одновременно и «живет» на орбите три года, а американский «Интелсат» – до 120 тысяч и находится в рабочем состоянии как минимум 10-12 лет. С переходом к конверсии началось неоправданное свертывание космических программ. Переориентация высококвалифицированных специалистов на производство велосипедов и кастрюль привела к тому, что квалифицированные рабочие ушли в кооперативы. Рынок не насытился продукцией ширпотреба, а надежность космических изделий стала падать. В цивилизованных государствах на космонавтике зарабатывают, а мы с каждым годом теряем».

Радионов в нескольких строках высказал почти все аргументы наших военных. По этой логике, если наши танки в Ираке доказали свою небоеспособность, надо не сокращать, а увеличивать военные расходы. Кто объяснит Радионову и его шефам, что народ без велосипедов и кастрюль, голодный и раздетый, не может соревноваться с космонавтикой США, Японии и ФРГ? Военные и слушать такие речи не желают. Военный специалист знает, что при социализме даже чудо-кастрюля ему лично благ не сулит, а за очередной серийный военный спутник он получит орден на грудь, квартиру побольше, ученую степень без всякой защиты и премию в размере годового оклада.

По зарубежным данным, приводимым в очень достойном, новом московском еженедельнике «Начало» (№ 13, 1991) на освоение космоса в СССР уходит 1,5% валового национального продукта, в США – 1%; в СССР в космонавтике занято более 600 тысяч человек, в США – около 250 тысяч.

«В советской космонавтике, – пишет далее автор статьи в газете «Начало» В.Постышев, – сосредоточены интересы 9 крупных ведомств (после недавней реорганизации – 7). К космической деятельности причастны более 1000 главков, подразделений, научно-исследовательских учреждений, предприятий и фирм. Все они привыкли сами устанавливать свои цели и, добившись финансирования, проводить работы без должного государственного, а тем более общественного, контроля. Существующие органы координации (например, Межведомственный научно-технический совет по космическим исследованиям АН СССР) практически бездействуют, поскольку носят представительский характер и лишены каких-либо серьезных полномочий.

Такое управление, строго говоря, не является системой. В нем немислимым образом переплетены ведомственная разобщенность и монополизм на каждом клочке космонавтики. Она оказалась разодрана между военными и гражданскими, учеными и промышленниками, претендующими на один и тот же кусок бюджетного каравая. Уродливый гибрид местничества и монополизма в управлении советской космонавтикой как раз и приводит к тем ужасающим экономическим, политическим и моральным издержкам, которые сейчас легли на космонавтику тяжелым грузом.

Вот наглядная иллюстрация. Еще 20 лет назад возникла идея торговать услугами по запуску космических объектов с целью получения валютной выручки. Идея была отвергнута под предлогом охраны государственных тайн. Но казна неотвратимо скудела, и в 1985 году СССР все-таки попытался выйти на международный космический рынок с серией ракет. Но упущены время и благоприятная космическая

конъюнктура. В 70-х годах мы могли бы захватить монополию на данном направлении. Сейчас собственные высокoeкономичные носители имеют США, Франция, Китай, Индия. Конкурировать с ними трудно.

Еще раньше встал вопрос о создании глобальной коммерческой системы спутниковой связи «Интелсат». СССР пошел на учреждение альтернативной организации «Интерспутник». В конечном итоге «Интелсат» собрал в своих рядах более 120 стран. «Интерспутник» – 14. Годовой доход «Интелсат» превышает 250 млн. долларов, о финансовой стороне деятельности «Интерспутника» не сообщается. Недавно СССР вступил в «Интелсат». Что будет с «Интерспутником» в связи с ликвидацией СЭВ – неясно.

15 лет мы выступали против свободного распространения спутниковых снимков. Набирающая силу тенденция коммерциализации этого вида прикладной космонавтики оказалась вне поля зрения. Сейчас французская компания «Спотимаж» имеет годовой доход свыше 30 млн. долларов от продажи данных дистанционного зондирования Земли. У нас нет ни аппаратуры для приема информации со спутника, ни магнитной ленты для высокоплотной записи, ни персонала для оперативного использования полученной информации.

В 1972 году СССР первым ввел в действие спутниковое телевидение. Однако приемные антенны появляются в продаже только сейчас. Почему? Потому что еще два года назад действовало закрытое постановление, запрещающее прием советскими гражданами зарубежных телепрограмм. На кого теперь списать ответственность за неразвитость целой отрасли космической индустрии, которая по мировым меркам является одной из самых прибыльных? Тот же спутниковый телефон сегодня в 5-6 раз дешевле обычной кабельной связи. У нас же при добром десятке функционирующих спутников невозможно дозвониться из Москвы в Ленинград. В развитие связи, в том числе космической, кстати, планируется вложить огромные деньги. И это при том, что связанные спутниковые системы Министерства обороны задействованы лишь на 5 процентов!

Притчей во языцех стала наша беспримерная щедрость по запуску космонавтов из бывших социалистических и развивающихся стран. По некоторым сведениям, СССР взял на себя 95 процентов всех расходов по программе «Мктеркосмос». Для сравнения скажем, что программы сотрудничества в космосе, проводимые НАСА, финансируются их иностранными участниками иногда на 70 и более процентов».

«Лучше меньше, да лучше» (В.И.Ленин). Но наши военные руководители классика нашего тоже плохо читали. А ведь это они, родимые, понапланировали и понастроили за наш счет все, что мы теперь имеем.

Георгий Кузнецов: да, мы хотим 20 телепрограмм

Полувоенное и полупартийное министерство связи СССР в совсем недавнем прошлом возглавлял В.А.Шамшин, который сейчас охотно публикует передовые статьи в ведущих технических журналах страны о нашем «многопрограммном телевизионном вещании». Его компетентное мнение опубликовал и московский ежемесячный журнал «Электросвязь» (№ 5, 1991):

«Сегодня 98% населения страны охвачено ТВ вещанием, однако лишь половина имеет возможность принимать три или более программ. Но и для достижения такого охвата потребовалось построить около 600 мощных ТВ станций и более 10 тыс. ТВ ретрансляторов малой мощности, связать их с аппаратно-студийными комплексами (АСК) телецентров каналами подачи программ по радиорелейным и спутнико-

вым линиям связи. Протяженность этих каналов, организованных с использованием только РРЛ, превышает 0,5 млн. км, еще большую протяженность имеют спутниковые каналы, работающие в рамках систем связи «Орбита», «Экран» и «Москва». Совокупность этих средств обеспечивает распределение двух общесоюзных и одной республиканской (РСФСР) ТВ программ практически по всей территории страны с учетом пяти вещательных поясов, а также республиканских и региональных программ в соответствующих границах плюс внутрисоюзный и междугородный обмен ТВ программами. Экономичное построение ТВ сети обеспечивается единой автоматизированной сетью связи страны (ЕАСС) путем организации на ней практически всех каналов распределения ТВ программ (одна из вторичных сетей ЕАСС). Учитывая эксплуатационные показатели, на расстояниях до 1,5-2 тыс. км целесообразно использовать наземные (радиорелейные) каналы, а на больших расстояниях – спутниковые.

В систему ТВ вещания вложено более 10 млрд. рублей, но примерно в 10 раз больше средств затрочено населением на приобретение телевизоров. Последний факт определяет известную «консервативность» подходов к совершенствованию системы ТВ вещания, что, в частности, учитывалось при переходе от черно-белого к цветному телевидению. Во всех странах были выбраны так называемые совместимые системы – НТСЦ, ПАЛ и отечественная СЕКАМ, которые позволили населению сохранить имевшиеся у него старые ТВ приемники и принимать цветное изображение в черно-белом виде.

Напомним, что цветные ТВ передачи в нашей стране начаты четверть века назад и охватывают всю зону вещания, однако до сих пор менее половины телевизоров, находящихся у населения, способны принимать изображения в цвете. Подобная «инерционность» связана не только с тем, что средний срок эксплуатации телевизора превышает 10 лет, но и со сложившимся соотношением рыночной цены ТВ приемника и средней заработной платы по стране. Эти соображения будут и впредь играть определяющую роль при совершенствовании системы ТВ вещания, в том числе при выборе решений по телевидению высокой четкости».

Радужные перспективы рисует далее ВА.Шамшин. Обязательно, мол, «в ближайшие 10 лет охватим до 90% населения СССР трехпрограммным вещанием из Москвы. Будет построено около 8 тысяч новых ретрансляторов». С помощью кабельных сетей возможно будет кое-где и 10-20 телепрограмм принимать. Но, сетует Шамшин, дорого все это, особенно если из космоса на параболические антенны иностранные телестанции принимать. Ну дорого, сил нет.

Георгий Кузнецов, заведующий кафедрой телевидения и радиовещания факультета журналистики МГУ, – один из самых популярных ведущих телепрограммы «Добрый вечер, Москва», за что и был изжит с работы руководством Гостелерадио СССР, – заметил однажды: нашему телевизионному и партийному начальству желанен такой плюрализм, чтобы по первой программе диктор Игорь Кириллов читал газету «Правда», а по второй – диктор Аза Лихитченко озвучивала бы газету «Советская Россия». Вот и многопрограммность, и выбор для зрителя. Г.Кузнецов с сотрудниками МГУ решил разобраться насчет перспектив ТВ в СССР и отчасти затронул эту проблему в «Журналисте» (№ 7, 1991), в статье под длинным заголовком – «Кому нужны двадцать программ? Еще два десятка программ как наше сегодняшнее ЦТ?! –

содрогнется иной зритель. Но, может, именно тогда и не будет такого ЦТ, что мы имеем сегодня. Итак...»:

«Технические специалисты бывшего Гостелерадио обсуждали план развития телевидения, предложенный журналистами-теоретиками из МГУ. Говорили вежливые слова о большой проделанной работе по изучению мирового опыта, по социологическим опросам общественных деятелей и журналистов-практиков, с уважением взирали на девять увесистых папок собранного материала. «Вот только, – заявил каждый из выступавших, – идея 18-20 каналов для СССР к 2015 году абсолютно нереальна». И люди, определяющие техническую политику нашего ТВ, приводили массу аргументов, почему идея «слегка оторвавшихся от жизни теоретиков» им чужда.

Во-первых, нет денег. У правительства. А другие источники финансирования неприемлемы: «Наше телевидение не должно быть продажным». Во-вторых, нет и не будет технических возможностей. Три канала для страны – вот реальный подход. Остальное резервируется для военных и спецслужб. А в-третьих, ни к чему столько каналов – заполнить будет нечем.

И все же по просьбе высоких заказчиков факультет подготовил краткое резюме, обосновывающее мысль: 20 программ – это не послезавтрашняя, а сегодняшняя потребность нашего телезрителя.

Статья оказалась и мысль, высказанная главой технических служб нашего ТВ корреспонденту «Журналиста» еще 15 лет назад. Прошу прощения за длинную цитату, но она более чем уместна в сегодняшнем споре. Вот что говорил лауреат Государственной премии СССР, заслуженный деятель техники Литовской ССР, заместитель председателя Гостелерадио СССР Г.З.Юшкявичюс:

«К сожалению, очень долго сохранялось такое положение, когда инженеры говорили нашим редакторам, режиссерам: вот у нас имеется такая-то техника, и будьте любезны, творите в рамках возможностей. Будучи материалистом, я все же считаю: сначала должна быть идея. Социальный заказ: нужно сделать то-то и то-то. А техника должна мобилизоваться для выполнения этой задачи. Я просил специалистов по программированию: фантазируйте, требуйте все, что считаете целесообразным. Как это сделать технически – не ваша забота.

– У вас не потребовали двадцать программ? – прозвучал вопрос корреспондента».

Отметим, что идея двадцати программ по крайней мере не нова, если возникла на страницах «Журналиста» уже в 1975 году. А раньше, в 1965 году, состоялась первая (последняя) конференция о принципах телепрограммирования. Уже тогда теоретик Р.А.Борецкий запросил больше, чем могло дать грядущее Останкино.

Не так уж мал у нас в глубинке процент зрителей, которые почитают за счастье видеть одну программу, Москву, Кремль, причем считают это проявлением отеческой заботы правительства. Но есть и другие телезрители, которые призадумались, увидев, скажем, данные из сборника «Информатика в США». В провинциальном городке в районе Бостона телезритель платит 2 доллара в месяц за пользование 29 основными каналами или 12 с половиной долларов за 46 каналов. Есть и еще каналы, еще на 12 с полтиной, что равно, кстати, полуторачасовому заработку рабочего.

Может быть, бесплатная забота государства и должна ограничиваться – даже в перспективе – тремя каналами, а за остальное будем платить сами?»

Оборудование, установленное на Останкинской телебашне, позволило к концу 1990 года принимать информационную программу «Всемирных новостей» телекомпании Си-Эн-Эн во всех домах москвичей поначалу без кодирования, т.е. без всяких ограничений – в целях рекламы. А уже в 1992 предполагалось решить вопрос о синхронном переводе и об оплате абонентами, т.е. всеми желающими. Две спутниковые

антенны для приема передач Си-Эн-Эн из США смонтированы в Останкине.

Американская всемирная служба теленовостей Си-Эн-Эн прочно вошла в московскую жизнь не только тем, что расположила своих ведущих перед телекамерами прямо на Красной площади, под открытым небом на фоне стен Кремля и Мавзолея Ленина. «Литературная газета» (25.7.1990) объявила о том, что наиболее способные могут принять участие в конкурсе на лучшее художественное произведение, объявленном Си-Эн-Эн. Приз имени Тернера будет присуждаться в течение ближайших 30 лет ежегодно. Тематика произведений должна затрагивать проблемы выживания человечества и процветания жизни на планете. Несколько премий будут присуждаться авторам из разных стран за творческий поиск путей позитивного решения глобальных проблем и художественное воплощение этих проблем. Первая премия – 500 тысяч долларов (больше Нобелевской премии), еще четыре премии – по 50 тысяч долларов.

Вот текст интервью под заголовком «Си-Эн-Эн приходит в Москву», опубликованного в газете «Советская культура» (21.11.1989):

«Известный американский журналист Стюарт Лури, проработавший долгие годы в крупнейших газетах Нью-Йорка, Лос-Анджелеса и Чикаго, пришел в Си-Эн-Эн в качестве директора вашингтонского бюро этой телекомпании в 1980 году. В 1983-м он открыл бюро Си-Эн-Эн в Москве, работал его руководителем и корреспондентом три с половиной года. 17 ноября 1989 г. Стюарт Лури от имени корпорации Ти-Би-Эс, составной частью которой является телекомпания Си-Эн-Эн, подписал в Москве соглашение с Гостелерадио СССР о распространении по подписке передач Си-Эн-Эн на территории Советского Союза.

Мы встретились с ним на следующий день после подписания соглашения.

– У телекомпании Ти-Би-Эс так же, как и у дочерней Си-Эн-Эн, существуют давние, хорошо налаженные и разносторонние связи с нашей страной. Разрабатывается множество различных проектов. Не могли бы вы назвать некоторые из них?

– Конечно, наиболее важный и значимый из них, над которым работа сейчас идет полным ходом, – это Игры доброй воли. Летом будущего года они будут проведены в Сиэтле (штат Вашингтон) в течение июля – августа. В ближайшие месяцы рассчитываем окончательно завершить переговоры по новым контрактам между Ти-Би-Эс, с одной стороны, Гостелерадио и Госкомспортом СССР – с другой, в отношении Игр доброй воли-III, намеченных на 1994 год в Москве и Ленинграде, а также по Играм доброй воли-IV, которые снова будут проведены в США в 1998 году.

Есть немало и текущих проектов. Скажем, идет дискуссия о Гостелерадио в отношении показа по советскому телевидению целого ряда первоклассных художественных фильмов, которыми ныне владеет Ти-Би-Эс. Мы предполагаем показать в течение двух лет 24 фильма (по одному в месяц) из богатейшей, пожалуй, лучшей в мире кинотеки, которая была куплена Тедом Тернером четыре года назад у киностудии «Метро Голдвин Майер».

Мы рассчитываем, например, показать советским телезрителям «Сагу о Форсайтах», которая однажды уже демонстрировалась у вас с большим успехом, а также и многие другие прекрасные ленты прошлых лет. Ведутся переговоры и насчет показа американских мультипликационных фильмов.

Гостелерадио предложило нам создать передачу под названием «Мир глазами Си-Эн-Эн», которая еженедельно была бы началом выпуска специальной программы для рекламы западных фирм по вашему телевидению.

Если говорить об уже достигнутых договоренностях, то следует упомянуть недавно подписанное соглашение с «Интерспутником» (Международным консорциумом по спутниковой связи), штаб-квартира которого располагается в Москве. В данном соглашении, вызывающем у нас большой энтузиазм и подписанном сроком на 5 лет, говорится о том, что эта организация берет на себя обязанности по распространению программ Си-Эн-Эн на страны, относящиеся к району Индийского океана. Соглашение вступило в силу с 1 октября этого года. Сигнал, поступающий со спутника, настолько мощный, что программы Си-Эн-Эн передаются на множество стран – от самой северной точки Норвегии до самой южной в Новой Зеландии. Качество изображения на всей территории этого региона необычайно высокое.

– Если не ошибаюсь, в мае 1988 г. во время встречи в верхах в Москве журналисты могли видеть программы Си-Эн-Эн в международных пресс-центрах. На днях вы от имени Ти-Би-Эс подписали с Гостелерадио уже упоминавшееся выше соглашение о распространении передач этой американской компании в нашей стране...

– Мы действительно подписали с Гостелерадио сроком на 5 лет исторический, с нашей точки зрения, контракт, который дает советским партнерам исключительное право на распространение программ Си-Эн-Эн по всему Советскому Союзу. Они теперь являются владельцами наших лицензий, и за ними «закрепляется» право даже передавать эти лицензии третьей стороне. Контракт предполагает разделение полученных доходов пополам. Я себе представляю, что поначалу программы Си-Эн-Эн будут продаваться на валюту тем, кто ею располагает. В отдельных случаях она будет продаваться и на рубли. Очевидно, различным организациям и учреждениям. Наши общие намерения – предоставить программу Си-Эн-Эн в конечном итоге каждому, кто этого хочет. Проблема состоит в том, что ваше Министерство финансов сегодня не разрешает Ти-Би-Эс получать в рублях за то дополнительное оборудование, которое необходимо каждому, кто захочет принимать на своем телеэкране наши программы.

Так или иначе, за подписанием контракта должна последовать установка оборудования. Если, скажем, этот процесс будет завершен в течение ближайших 2-3 месяцев, то можно предположить, что Си-Эн-Эн начнет действовать в вашей столице уже в первом квартале 1990 года. Практика показывает, что как только начинают работать первые установки, все остальное оборудование вводится в действие очень быстро.

Что касается встречи в верхах в 1988 году, то вы совершенно правы: все 5 тысяч журналистов, аккредитованных в то время в Москве, могли видеть нашу программу. Для нас это было предметом особой гордости. Сегодня, как мне известно, Си-Эн-Эн можно принимать в ряде отделов Гостелерадио, а также в обновленной и реконструированной гостинице «Савой» – совместном советско-финском предприятии – в центре Москвы. Делается это в порядке тестирования. Это лишь своеобразные «пробы», правда, пробы весьма успешные: изображение, которое получают здесь, не хуже того, что на экране моего собственного телевизора в Атланте (штат Джорджия), где располагается штаб-квартира Си-Эн-Эн и Ти-Би-Эс.

– Как долго вы работали над этим контрактом и как проходило его подписание?

– Мы начали переговоры еще 4 года назад. Над контрактом работало много людей с обеих сторон в течение всего этого времени. Поначалу дело двигалось достаточно медленно, но по мере того, как в вашей стране ситуация стала меняться, подписание подобного контракта все больше становилось реальностью. Мы подписали контракт с Владимиром Тавриным – генеральным директором «Совтелеэкспорта». После этого у меня состоялась интересная встреча с председателем Гостелерадио СССР Михаилом Ненашевым. Председатель Гостелерадио высказал пожелание, чтобы по 6 человек с каждой стороны могли работать в течение года соответственно в Советском Союзе и Соединенных Штатах, приобретая опыт и делясь своими познаниями. Сейчас эта программа обменов будет нами разрабатываться.

– Предполагаются ли в будущем конференции, подобные той, что была проведена недавно при непосредственном вашем участии в Атланте?

– Безусловно. Мы намерены провести II конференцию «Всемирной службы новостей Си-Эн-Эн» в первой половине сентября 1990 г. в Москве. Ее спонсором и хозяином совместно с Си-Эн-Эн будет Гостелерадио СССР. По нашим расчетам, в Москву приедут 200-300 тележурналистов из разных стран мира, что само по себе знаменательно. Ее тема – «Использование телевизионных новостей в дальнейшем совершенствовании прав человека». Тема, как видите, всеобъемлющая, в значительной мере философская. Мы, безусловно, будем говорить и о возможности совершенствования самой программы «Всемирная служба новостей Си-Эн-Эн». Думаю, что теперь, когда программы Си-Эн-Эн будут смотреть и советские люди, у них тоже появится личная заинтересованность в дальнейшем их улучшении. С нашими советскими партнерами мы обсуждаем возможность специальных ежедневных выпусков программы «Всемирная служба Си-Эн-Эн» из Москвы до начала конференции и в дни ее работы. Тем самым мы могли бы выпустить первую совместную советско-американскую программу новостей, чего не было никогда ранее. Я имею в виду делать ее полностью на основе взаимного сотрудничества: общие репортажи, общий выбор сюжетов, общее редактирование, общий монтаж. После окончания конференции предполагается пригласить тележурналистов разных стран – ее участников – посетить различные места в Советском Союзе для создания собственных репортажей из этих мест. Впоследствии будет создана единая широкая всеобъемлющая телепрограмма о Советском Союзе силами большой группы зарубежных тележурналистов о том, какой видят они вашу страну сегодня. Мы все относимся к этому проекту с большим волнением и энтузиазмом».

Технический прогресс стран Запада, возможно, позволит и нашей в обозримом будущем приобщиться к прелестям телевидения XXI века, пишет Вадим Козюлин в газете «Россия» (9.10.1991):

«Представьте картину: утреннее небо с маленьким жаворонком под облаками, луг с прыгающими кузнечиками, рядом – река, и солнце играет на мокрой гальке. Все это, включая жаворонка в небе, кузнечиков в траве и солнечные блики на прибрежных камнях, позволяет принять на домашний экран телевидение высокой четкости (ТВВЧ).

То, над которым специалисты работают уже второй десяток лет. Кроме великолепного качества изображения ТВВЧ дает целый ряд многообещающих преимуществ: стереофонический звук, более плоские и в то же время более широкие телевизоры. В перспективе это будет своеобразный ангел-хранитель домашнего очага, супертелевизор, принимающий все изображения, независимо от их происхождения.

По мнению профессионалов, это – революция, смена эталонов в телевидении. И это немаловажно, она могла бы ликвидировать пережиток времен освоения телерынка – параллельное существование трех систем цветного телевидения: СЕ-КАМ, ПАЛ и НТСК. Разработанные несколько десятков лет назад специалистами разных континентов, они вызвали к жизни целые монбланы принимающих и передающих, воспроизводящих и записывающих устройств – с тремя разными «группами крови». Сегодня для перевода программы из одной системы в другую используется сложное оборудование. Тогда, при рождении телевидения, континенты не смогли договориться о единообразии в телемире. Очевидно, шанс навсегда унифицировать мировое телевидение упущен и на этот раз.

Гонка за первенство в ТВВЧ в разгаре: «доводят» свой стандарт «Hivision» японцы, совершенствуют свою систему ВЧ-МАК европейцы, разрабатывают собственный формат американцы. Вопрос лишь в том, кто получит первый приз: если исходить из цифр в 700 миллионов телевизоров во всем мире, то к 2000 году этот рынок будет оцениваться в десятки миллиардов долларов. Тот, кто первым овладевает новой технологией, будет обладать явным преимуществом в производстве телепрограмм и их новых носителей – от видеомагнитофонов до считывающих уст-

роиств для видеодисков. Лидера с его высокосложной технологией будет трудно догнать менее расторопным соперникам, и вовсе не под силу – прочим странам.

Ставки в игре высоки, первыми это осознали японцы. Уже с 1983 года они демонстрируют свою технику ТВВЧ, а в 1985 году даже привлекли на свою сторону Си-Би-Эс и режиссера Фрэнсиса Копполу, чтобы вести большое рекламное наступление.

Японские промышленники, правительство и телекомпании давно работают рука об руку: всемерная поддержка своих компаний в мировой конкуренции – этот принцип стал государственной политикой Японии.

В американской промышленности ТВВЧ вызвало националистический рефлекс. С одной стороны, конгресс обязан блюсти либеральный принцип свободной конкуренции. Однако промышленники США могут рассчитывать на помощь правительства в получении государственных кредитов и смягчении антитрестовых законов, когда речь идет о ТВВЧ. Научные исследования в этой области оплачивает сам Пентагон.

Одно время казалось, что японские электронщики обогнали всех. Однако в Европе, давно обеспокоенной засильем чужестранных, главным образом американских, программ, нашлись лидеры, заставившие включиться в эту гонку весь Старый Свет. В 1985 году Ф.Миттеран вместе с Г.Колем сумел сколотить многомиллиардный фонд и развернул широкую европейскую научно-исследовательскую программу «Эврика». Работы по ТВВЧ в рамках «Эврики» возглавил голландский электронный гигант «Филипс», собравший под свои знамена концерны «Томсон», «Бош» и еще два десятка европейских предприятий. Сегодня Миттеран призывает восточноевропейцев помочь Западной Европе побить японские и американские компании. И, похоже, усилия объединившихся европейцев начинают давать плоды: недавно руководство «Филипса» заявило о намерении начать серийное производство систем ТВВЧ в начале 1994 года, на год раньше первоначального графика. Это сообщение означает, что европейцы всерьез рассчитывают обогнать конкурентов.

Компании «Филипс» удалось раньше ожидаемого срока разработать принимающие узлы телевизора ТВВЧ стандарта ВЧ-МАК. На сегодня специалисты «Филипса» сумели многократно упростить свою прежнюю конструкцию телевизора, и теперь вся его электронная начинка уместается в ящике размером с небольшой чемоданчик.

Несмотря на то, что японцы обошли конкурентов в сфере производства программ ТВВЧ и, более того, уже третий год передают со спутника пробную одночасовую программу высокой четкости, стандарт «Hivision» имеет серьезный недостаток, он непригоден для нынешнего парка телевизоров. Значит, «передачи будущего» не сможет принимать тот, кто не купил телевизор ТВВЧ.

Совместимость и эволюция нынешнего телевидения в ТВВЧ через промежуточный стандарт – сильные козыри европейцев. Однако, чтобы добиться успеха, европейскому телевидению необходимо вырасти из пленочного возраста демонстрационных фильмов и заручиться поддержкой солидных издателей телепрограмм. Быть может, это случится на Олимпийских играх, ретрансляция которых организует «Томсон». Это будут лишь первые, но многообещающие «смотрины» европейского ТВВЧ. Однако так уже случалось: в 1968 году в Гренобле Зимние Олимпийские игры ознаменовали собой подлинный взлет цветного телевидения во Франции.

Ну а что же СССР? Будет ли нам место у европейского экрана? В 1989 году Советский Союз в числе 26 государств стал участником общеевропейской организации «Аудиовизуальная Эврика». С энтузиазмом включившись в работу, СССР оказался единственным из крупных государств, не оплатившим свою долю взносов – почти 100 тысяч экю. Если секретариат в Брюсселе и впредь будет получать из Союза одни обещания, то советский народ рискует не войти в XXI век телетехники и не иметь собственных телевизоров ТВВЧ, как сегодня не имеем мы собственных советских факсов, ксероксов и мало ли чего...

Как бы то ни было, завтрашний день земного телевидения можно увидеть сегодня. Правда, пока с этим повезло лишь сильным мира сего: ТВВЧ демонстрировалось участникам совещания ЭЭС в Мадриде, Михаил Горбачев познакомился с ним во время визита в Париж. Но «сильные» были бессильны договориться. Когда же наступит телевидение без границ?»

Наши шансы на освоение выпуска массовых серий телевизоров ТВВЧ невелики, где-то на уровне других восточноевропейских стран. А жаль, «ведь были и мы рысаками», сами могли заставить рукоплескать нам весь мир. Только было это в первой половине XX века. Тогда еще живы были у нас люди, которых моя бабушка называла — «николаевские остатки». Имея в виду Николая II, при котором, или сразу после, многим специалистам посчастливилось получить настоящее образование; да и работать они были приучены не за страх, а за совесть.

К концу XX века население на территории бывшего СССР вряд ли поглупело. Награду Американской киноакадемии 2 марта 1991 года в Лос-Анджелесе вручили представителю Всесоюзного научно-исследовательского кинофотоинститута. Заведующий лабораторией стереокинематографии НИКФИ С.Рожков привез из США в Москву диплом с Оскаром, награду Академии «За постоянное усовершенствование техники и обеспечение объемного кинематографа для советских кинозрителей в течение последних 25 лет».

Американцы не раз удостаивали наградами наших специалистов. Генрикаса Юшкявичуса, многолетнего заместителя председателя Гостелерадио СССР, творца технической стратегии нашего советского телевидения, не случайно называли за его компетентность и достойные человеческие качества нужным человеком на нужном месте. 3 сентября 1990 года он был назначен на высокий пост заместителя генерального директора ЮНЕСКО. Уже будучи в Париже, он был награжден в 1990 году за свою плодотворную деятельность в сфере расширения связей между Востоком и Западом ежегодным почетным призом американской Национальной академии телевизионных искусств и наук (в 1989 году лауреатом этой академии стал основатель и владелец телекомпании Си-Эн-Эн из Атланты Тед Тернер). В своей стране Юшкявичус был известен и как вице-президент Федерации тенниса СССР, и как член Олимпийского комитета СССР. Свою карьеру он начал в 1958 году в качестве инженера на литовском телевидении.

«Известия» (13.7.1990) поместили статью заместителя председателя Гостелерадио СССР Г. Юшкявичуса о перспективах технического оснащения ЦТ СССР. 124 советских программных телецентра вещают на 48 языках. Но чем за все это платить, задается вопросом Юшкявичус. Абонементную плату за пользование телевизором упразднили в 1962 году, заменив ее небольшой (символической на сегодня) добавкой к стоимости телевизоров. Полки наших магазинов пусты, соответственно, нет и рекламы, двигать которую может лишь конкуренция между товарами народного потребления. Гостелерадио — монополист во всем, за все платит тоже само (из кармана налогоплательщика, в основном, разумеется), в том числе и за телевизионное студийное оборудование, которое у нас производят оборонные заводы из-за фактичес-

ки наложенного западными странами эмбарго на продажу нам данного типа высокотехнологической аппаратуры. Вот и отстаем мы по телевизионной технике от Запада на 5-10 лет, а учитывая нерадушность перспектив с конверсией оборонной промышленности и общую нашу кризисную ситуацию... — слишком большой разрыв получается. СССР практически оказался в стороне от прогресса в области техники телевидения, позволяющей иметь действительно многопрограммное телевидение, — писал Юшкявичус.

По мнению знаменитого нашего экономиста Василия Селюнина («ЛГ», 31.7.1991), до 80% продукции советского машиностроения — военные заказы. Поэтому и не снимаются до сих пор для нас ограничения КОКОМ, и западники даже расширили списки оборудования в сфере технологий коммуникаций и новейшей электроники, которое не разрешено продавать бывшим соцстранам ни под каким предлогом...

Технически, подчеркиваю эту мысль, советские телевизионщики готовы на значительное расширение сфер своей деятельности. Их способности доказаны историей. Радио было изобретено в конце XIX века, как известно, Александром Степановичем Поповым в России и Гульельмо Маркони в Италии практически одновременно. Среди пионеров телевидения — петербургский профессор Борис Львович Розинг, который в 1907 году предложил использовать для воспроизведения изображения на расстоянии электронно-лучевую трубку. Он подал заявку на свое изобретение в России — 25.6.1907, в Германии — 26.11.1907, в Англии — 13.12.1907. Профессор Б. Розинг был арестован как «враг народа» в начале 30-х годов и умер в ссылке в 1933 году. До революции учеником Розинга был Владимир Козьмич Зворыкин, эмигрировавший затем в США, где стал в 30-е годы и разработчиком и создателем первых в мире телестудий. Он даже способствовал продаже американской фирмой RCA Советскому Союзу целого комплекта спроектированного им студийного оборудования. С 1938 года и до начала Великой Отечественной войны в 1941 году с помощью телевизионной техники (Зворыкина из США) велись телевизионные передачи в Москве. К 1943 году Зворыкин (умер в США в 1982 году) усовершенствовал свою телевизионную систему настолько, что довел ее до того состояния, в каком она существовала в США и по сей день.

Советский изобретатель ВА.Константинов предложил в свое время проект передающей трубки более совершенной чем та, которую в те же тридцатые годы разработал Зворыкин, но Константинова также вскоре арестовали. К числу советских пионеров электронного телевидения по праву можно отнести С.И.Катаева, П.В.Шмакова, П.В.Тимофеева. Катаев сделал в сентябре 1931 года, независимо от Зворыкина, заявку на трубку с накоплением зарядов, а в 1935 году создал на этой базе си-

стему электронного телевидения на 250 строк. С конца 40-х годов довольно большая группа советских ученых и инженеров разработала и внедрила систему телевизионных устройств, ставшую, в сущности, основной и ныне существующей в СССР телевизионной техники.

А теперь, в 1991 году, нам предстояло решать, какого стандарта телевидения высокой четкости нам лучше придерживаться? Западноевропейского (1250 строк), японского (1125 строк) или советского (1375 строк)? Не вдаваясь в технические подробности, скажем, что при использовании последнего у нас появляется реальная возможность обеспечить самое высокое качество изображения ТВВЧ в стандарте, ныне действующем в Западной Европе (625 строк). А это значит, что после внедрения ТВВЧ его программы смогут смотреть сотни миллионов обладателей старых телевизоров. Их только в СССР было 90 миллионов.

Но самое лучшее для нас и для всех людей в мире — это получить, наконец, единый для всех телевизионный стандарт. Предстоит и нам, и всем другим сторонам принять очень важное решение. А нам особенно — ведь мы и сегодня, и уже много лет тащим на себе тяжелый груз волюнтаристского, технически неудачного решения, принятого в СССР давно на самом высоком уровне политического руководства во имя укрепления советско-французского сотрудничества. Достаточно вспомнить историю с внедрением у нас — по инициативе двух глав государств — французской системы цветного телевидения СЕКАМ. А в результате мы понесли и долго еще будем нести ощутимые потери. Наше цветное ТВ проигрывает в качестве изображения, и оборудование для него стоит в 2 — 2,5 раза дороже, чем для других систем.

Окончательное решение о ТВВЧ, конечно же, должны принять специалисты. К 1995 году было обещано появление советского ТВВЧ для достаточно широкой аудитории. Но для этого надо производить много новой телевизионной техники, возможно, и новые телевизоры — следующих поколений. А у нас и старого образца телевизионные приемники делать хорошо и в достаточном количестве пока не научились, сотнями (!) в год выпускаем такие несложные аппараты, как диктофоны, плееры, электронные пишущие машинки с «памятью» в две страницы. И вот еще крик души — наша фото-плёнка непригодна для профессиональных фотосъемок, у нас никуда не годные копировальная бумага и лента для пишущих машин. Список можно продолжать до бесконечности (карандаши, клей, ручки и т.д.). Космический челнок «Буран», аналог американского космического корабля многоразового использования «Шаттл», в одном-двух экземплярах военные наши могут сделать за космическую цену, а потребительские товары, кроссовки, к примеру, делать не можем, не умеем, да, наверно, и не хотим. Военные заводы и сегодня клепают бытовую электронную аудиовизуальную технику из

отходов. Руководство этих заводов и отраслей свою карьеру и благополучие строили не на телевизорах.

На конец 1986 года в США имелось 813 телевизоров и 2126 радиоприемников на 1000 человек населения, ФРГ, соответственно, – 379 и 439, Великобритании – 346 и 1157, СССР в 1988 году – 314 телевизоров и 292 радиоприемника, плюс 394 аппарата радиопроводной сети.

По производству радиоприемных устройств первенство держит Гонконг. За год он выпускает их около 53 млн. штук. Далее следуют Китай – 15 млн., Япония – 14, Южная Корея – 14, Сингапур – 13, а затем СССР – 8 млн. штук.

В 1989 году было произведено телевизоров: в Китае – 26 млн. штук, Японии – 15, США – 14, СССР – 10, Южной Кореи – 10, ФРГ – 4, Великобритании – 3, Польше – 1 млн. штук. В большинстве из этих стран выпускаются практически телевизоры только цветного изображения, и только в Китае, СССР – больше половины телевизоров черно-белые.

Полки магазинов в СССР, торгующих электробытовыми, телерадио- и фототоварами, с лета 1990 года опустели. Торговать стали по талонам непосредственно на предприятиях и в учреждениях. Изобилия товаров никогда не наблюдалось в советской торговле, но в прежние годы люди рыскали по магазинам, становились в очередь или переплачивали продавцам и спекулянтам за какой-то особый вид телевизора, новейшего типа холодильник, пылесос более усовершенствованной модели. Исчезло из свободной продажи даже то, что лежало на полках годами и пылилось, т.е. даже те товары, на которые прежде не было спроса.

Подобная конъюнктура, конечно же, не служит стимулом к увеличению надежности и долговечности и других качественных характеристик выпускаемых изделий. В одной только союзной республике – в Российской Федерации в 1988 году был подвергнут гарантийному ремонту (это означает появление сложных дефектов в течение первых 12 месяцев эксплуатации) каждый четвертый телевизор, в том числе каждый третий цветного изображения, каждый пятый магнитофон, каждое двенадцатое радиоприемное устройство.

Специалисты считают, что в производстве бытовой радиоаппаратуры мы отстаем от развитых капиталистических стран на 5-10 лет. Неспециалисты (т.е. потребители) считают, что отставание более серьезно. В нашей стране до сих пор производится чисто символическое количество ксероксов, видеомагнитофонов, пишущих машин, персональных компьютеров – и все они архинизкого качества. Что уж тут сокрушаться о часто ломающихся бытовых видеомагнитофонах, когда по сложности изготовления они стоят на порядок выше телевизоров.

А телевизоры советские самовозгораются (официально регистрируется до семи тысяч в год) и взрываются; в результате возникают пожары, гибнут люди – в 1988 году погибло 271 человек. И это происходит с моделями советских телевизоров даже 1987-90 годов выпуска. Особенно опасны модели выпуска давних лет, те, что были выпущены 5, 10, 12 лет назад. Не случайно в большинстве инструкций, прилагаемых к телевизору, настоятельно рекомендуется не оставлять аппарат без присмотра и даже выключать телевизор из сети всякий раз, когда вы выходите из комнаты. И что не менее огорчает советского потребителя – никто, как правило, не выплачивает ему компенсацию за понесенный ущерб. Ведь права человека, права потребителя – это ведь сопряженные понятия, которые работают только в правовом, т.е. демократическом государстве. Вот и предпочитают у нас состоятельные люди заплатить в 5-10 раз больше за японский или южнокорейский телевизор, но иметь при этом уверенность, что покупка будет служить им безотказно лет 15-20. И с поиском запасных частей не придется мучиться.

Если бы наш военно-промышленный комплекс под руководством ЦК КПСС в свое время очень бы возжелал, уже имели бы и телефон в каждой семье, и 20-30 телевизионных программ на каждый телевизор принимали. ЦК КПСС этого явно никогда не хотел, военные особенно не напрягались, лишь рапортовали о запусках к каждой красной дате календаря, да описывали на первых страницах газет меню и биографии наших космонавтов. Космонавтика, т.е. практически вся сфера высоких технологий, была у нас разновидностью пропаганды успехов социализма. Вот и получилось на сегодня, что ни космический аппарат у нас не держится в рабочем состоянии на орбите лет хотя бы 5 (не говоря уже о 10-20 годах), ни телевизор наш работать по 20 лет тоже не хочет.

В Нью-Йорке килограмм хлеба дешевле видеоманитофона в 200 раз, в Москве – в 10 тысяч раз. Это свидетельствует не столько о дешевизне у нас хлеба (у нас ведь и средняя зарплата рабочего раз в 10-15 ниже, чем у американского «собрата» по классу), сколько о недоступности у нас видеоманитофона и прочей аудиовизуальной техники. По данным Госкомстата СССР, на середину 1990 года при пустых магазинных полках и талонной распродаже бытовой техники длительного пользования последняя резко понизилась в качестве изготовления (в 1989-90 годах советские магазины продали покупателям отечественные магнитофоны, радиоприемники и телевизоры, среди которых ежегодный брак составил 20, 6 и 12 процентов, соответственно вышепоименованным типам техники). «Покупатель, будь бдителен», – писали многие газеты.

А полки наших магазинов не заполнялись несмотря даже на то, что только в Российской Федерации в 1990 году по сравнению с минувшим годом было изготовлено видеоманитофонов в 3,6 раза больше (0,5 млн. штук), магнитофонов на 14% больше (3,4 млн. штук), радиоприемников на 4 процента больше (5,7 млн.

штук), в том числе магнитол на 25% больше (0,8 млн. штук), телевизоров на 5% больше (4,7 млн. штук), в том числе цветных на 11% больше (2,6 млн. штук).

Как справедливо писала новая московская газета «Рынок» (№ 2, январь 1991), в текущем году потребности советской торговли будут удовлетворены лишь наполовину в том, что касается любой бытовой электротехники и аудиовизуальной аппаратуры. Статья так и называлась: «Не расстраивайте себя мечтой о новом телевизоре».

В СССР так и не был освоен массовый выпуск давно обещанных нам многостандартных телевизоров пятого поколения — основные детали для них пока что лишь импортного производства. Львовский и Минский телевизионные заводы перенесли выпуск этих телевизоров на 1992 год.

Внезапное резкое расширение экономического партнерства СССР и Южной Кореи привело последнюю к намерению предоставить нам кредит в размере 3-5 млрд. долларов. По-видимому, 300 млн. долларов из этих средств будет потрачено на организацию сборки и поставку компонентов для сборки телевизоров (1,5 млн. штук за 5 лет) на базе бывшего крупного оборонного производства «Горизонт» в Минске. Новый совместный 40-программный телевизор мониторного типа будет детищем советской конвексии и нашего дипломатического прорыва в Юго-Восточную Азию. На первом этапе, по словам газеты «Коммерсант» (7.1.1991), все комплектующие детали и узлы будут южнокорейского производства. Начиная с середины 1990 года крупнейшие корпорации Южной Кореи открыли в Москве свои представительства и объявили о достижении договоренностей с СССР о поставках товаров народного потребления на сотни миллионов долларов в год, частично на бартерной основе.

На состоявшемся в начале февраля 1991 года в Париже заседании межправительственной советско-французской комиссии по экономическому промышленному, научному и техническому сотрудничеству было решено создать совместно с компанией «Томсон» предприятия в Москве по ежегодному выпуску 600 тысяч цветных телевизоров. Договорились также о строительстве в СССР двух заводов печатных плат с использованием французской технологии. Было заключено тогда в Париже и соглашение о проведении первой волоконно-оптической линии связи через озеро Байкал.

А как с видеоманитофонами? По-прежнему растут в цене. Почему? Потому что выпускают мало. На всю страну единственный завод в Воронеже сделал их в 1990 году всего 250 тысяч. Прорыв намечился, когда наши некоторые заводы (даже металлургические, т.е. совершенно непрофильные) потеснили у себя цеха по сборке видеоманитонов целиком из импортных узлов и деталей. Тому же заводу в Воронеже поставила все необходимое южнокорейская фирма «Самсунг» еще с начала 1990 года. Японская фирма «Фунанаи» собирает одноименные свои видеоманитофоны недалеко от Воронежа, в оборудованном датчанами (!) цехе металлургического завода в Липецке. Контракт с японской фирмой основан на поставках металла за границу.

А телевизор у нас так просто не купишь. Почему? На этот вопрос решила дать ответ газета «Аргументы и факты» (№ 28, 1991), поместив письмо в редакцию от главного инженера (!) управления УВД Смоленского облисполкома подполковника В.Сурикова. Да здравствует ГУЛАГ! Да у нас его никогда и не закрывали, труд рабов МВД СССР продолжается. Вот что пишет подполковник:

«Наше учреждение специализируется на выпуске экранирующей металлической плетенки и является единственным в стране ее изготовителем с годовым объемом 90 тыс. км. 50% этой продукции идет на изготовление товаров народного потребления (телерадиоаппаратуры) и поставляется предприятиям Минрадиопрома СССР.

Через вашу газету, имеющую многомиллионный круг читателей, я хочу сказать, что не по нашей вине останавливается производство и не будет телевизоров: «Рубинов» и «Рекордов», «Березок» и «Фотонов». «Горизонтов» и «Электронов» и т.д.

Используемое нами в технологическом процессе оборудование изготавливалось в ГДР и не имеет аналогов в отечественной промышленности. Обновление его и обеспечение запасными частями до объединения ГДР и ФРГ осуществлялось за счет средств, выделяемых МВД СССР Госпланом и Госснабом СССР. С 1990 года объединенная Германия перешла на расчеты в свободно конвертируемой валюте, которой ни учреждение наше, ни УВД Смоленского облисполкома не имеет, а наши неоднократные обращения в министерства – потребители экранирующей плетенки, Госплан СССР, Советы Министров СССР и РСФСР о выделении валютных средств для закупки оборудования и запасных частей к нему положительных решений не находят.

Из 317 единиц оборудования в 1992 году 266 единиц подлежит списанию ввиду полного износа, а поддерживать в рабочем состоянии оставшуюся часть оборудования не представляется возможным из-за отсутствия запасных частей.

Ну а мне и коллективу учреждения предстоит огромная работа по перепрофилированию производства на другой вид продукции, к которому мы уже приступили».

Чему здесь удивляться, у нас вся страна от ДнепрОГЭСа и Беломорканала до БАМа зэками выстроена. Да еще призывниками, военными строителями. Самые лучшие дома в Москве немецкие военнопленные после войны строили. На лесоповале в Сибири трудились их японские коллеги. Но в век электроники трудовым энтузиазмом зэков и новобранцев нам не вехать. Уж на что правоверная была коммунистическая газета «Правительственный вестник» ((№ 11, март 1991), да и та сетовала на положение дел на предприятии, единственном в СССР выпускавшем самый сложный вид отечественной бытовой техники:

«Уже сегодня Воронежский завод видеотехники, планирующий выпустить в нынешнем году 150 тысяч отечественных видеомагнитофонов, мог бы производить продукцию в 2-3 раза больше. Для этого есть и отработанная технология, и мощности. Однако даже на запланированный объем не хватает лимитов и ресурсов.

Вот лишь один факт: Куйбышевский 4-й ГПЗ обещает поставить 200 тысяч прецизионных подшипников, а необходимо почти вчетверо больше. Смежники провалили все задания по созданию оборудования, комплектующих изделий и материалов. Еще в 1988 году был подготовлен к выпуску новый видеомагнитофон «ВМ-18», но почти два года он не шел в серию из-за отсутствия необходимых химических материалов. К концу нынешнего года в Воронежском НИИ бытовой видеотехники бу-

дет разработана еще одна модель – «ВМЦ-22». Но когда этот соответствующий зарубежным аналогам видеоманитофон попадет к потребителю, неизвестно. Ведь, к примеру, на предприятиях Минхимнефтепрома из 36 новых видов материалов, предназначенных для новой техники, разработаны только 8. А станкостроители из 26 единиц оборудования разработали всего 15. Не скоро попадет в руки сборщиков и корпус для видеоманитона, изготовленный на заводе «Ритм». Его строительство планировалось закончить в нынешнем году, но Белгородский облисполком стройку «заморозил».

Ну а как быть с уже построенным в Воронеже заводом видеотехники? Около года назад предприятие установило контакты с южнокорейской фирмой «Самсунг». А сейчас в цехе окончательной сборки на полную мощность функционируют две конвейерные линии, закупленные у новых партнеров. В итоге наш покупатель в прошлом году дополнительно получил 250 тысяч современных аппаратов. Их сборка производилась из корейских комплектов».

Газета «Деловой мир» (28.6.1991) на первой полосе сверху поместила крупный снимок улыбающихся молодых людей с телевизором в руках. Этот снимок на фоне победных транспарантов, в духе ликующей пропаганды трудовых свершений для газеты «Правда», сделан был в Кыргызстане по случаю сборки первого телевизора из узлов южнокорейской фирмы «Голдстар». С работой такой сложности и в Эфиопии, и в Бангладеш вполне бы справились.

Суть в том, что и эти робкие наши начинания по сборке аудиовизуальной и прочей электронной техники из зарубежных комплектующих были успешно саботированы правительством В.Павлова. Вот что писала газета «Куранты» (28.6.1991) в статье под заголовком «Пошлиной на СП»:

«Фабрика СП «Варус видео» согласно подписанному контракту должна была начать выпуск самых современных видеоманитонов, видео- и аудиокассет, а также кассет с записями лучших зарубежных фильмов еще в прошлом году – за валюту закуплено право на тиражирование в нашей стране 1000 художественных лент. Но наша социалистическая действительность внесла свои коррективы. До сих пор еще строители не ушли с фабрики, хотя уже прибыли английские специалисты и начали монтаж новейшего технологического оборудования.

Великий энтузиаст нового для столицы дела генеральный директор СП Тамаз Топадзе надеется, что в августе москвичи получат-таки продукцию фабрики. К этому времени он попытается решить и вопрос открытия в Москве фирменного магазина, через который до конца года можно будет продать около 500 тысяч кассет с фильмами, около миллиона аудиокассет и не менее 20 тысяч видеоманитонов, собранных из комплектующих узлов и деталей известных на мировом рынке фирм. И все это будут продавать не за СКВ, а за наши «деревянные».

«Варус видео» – это пример того, что многие западные фирмы, несмотря на большой риск, все же готовы вкладывать в нашу экономику свои средства: в фабрику уже вложено 10 миллионов долларов. Однако, призывая к сотрудничеству, к инвестициям, мы по существу заманиваем их в бюрократические сети, сооружаем на их пути непролазные препоны, а то попросту устраиваем самые настоящие ловушки. И речь тут не только о задержках в строительстве.

Когда создавалось СП, в нашей стране были одни экономические условия, приемлемые для западных партнеров, а сегодня они уже другие. В частности, в феврале нынешнего года введены новые, буквально грабительские таможенные налоги на ввозимые в страну предприятиями импортные изделия. В том числе на видео-

магнитофоны – 600 процентов к контрактной стоимости и на видео- и аудиокассеты – 630 процентов. Распространяется налог и на комплектующие узлы и детали. Это ставит СП в весьма затруднительное финансовое положение. Чтобы удержаться на плаву, надо будет устанавливать ценовую планку повыше. А ведь планировалось, что «Варус видео» не только внесет свою существенную лепту в насыщение нашего скудного рынка, но и сработает на понижение коммерческих цен.

– Вся надежда сегодня у нас на демократическое правительство России, – сказал Тамаз Топадзе. – Для зарубежных партнеров, готовых вкладывать валюту в нашу экономику и продавать свои товары за рубли, надо создать режим наибольшего благоприятствования. И уж, конечно, понизить пошлину на ввозимые в страну товары народного потребления, комплектующие узлы и детали к ним».

Отгремел неудавшийся путч, и многое стало приходить в норму. В ноябре 1991 года советские таможенные органы отменили практически все (!) пошлины на ввоз товаров из-за границы. А широкая публика узнала, что специалисты из Воронежа могут делать целиком отечественные телепередатчики не только размером с комнату, но и портативные, помещающиеся в дорожной сумке. Именно такой передатчик воронежская фирма «Синтез» 20 августа 1991 года установила на крыше Белого дома в Москве, вместе с антенной. И все у них работало, правительство России вышло в телевизионный эфир в дни, когда Останкино было занято путчистами.

Страна обрела свободу, у людей бизнеса как бы открылось второе дыхание. Всемирно известная фирма «Ксерокс» к своему проекту строительства сборочного завода в приволжском Саратове добавила аналогичный проект в Чимкенте (Казахстан). Осенью 1991 года активно работала в Москве Международная биржа телеиндустрии (ТВИН) с филиалами в Алма-Ате, Барнауле, Перми, Находке и Новосибирске. Биржа ТВИН стала выставлять на торги во всех своих филиалах эфирное время для рекламных целей на ЦТ, Российском ТВ и Московском телеканале, а также всевозможного происхождения профессиональную и бытовую аудиовизуальную технику, услуги по созданию видеопродукции и др.

Выползли на свет божий из «почтовых ящиков» крупнейшие московские предприятия теперь уже бывшего Минрадиопрома СССР – всякие там «Протон», «Скала», «Кибернетика», «Вымпел», «Алмаз» и сотни их полувоенных собратьев по всей территории бывшего СССР. Трудиться «на гражданке» всей этой «оборонке» придется в жестких и бодрящих условиях рынка.

Конечно же, помимо бытовой электроники выпускается в СССР и кое-что посложнее. Первый искусственный спутник Земли был ведь запущен в СССР – в 1957 году. Первым космонавтом на планете также стал советский человек – Юрий Гагарин.

Система «Москва – Глобальная» с помощью двух ИСЗ обеспечивает с 1989 года возможность приема телевизионных программ на территории всех стран мира, кроме северо-западной части Северной Америки.

С августа 1983 года трехчасовой выпуск советского телевидения под названием «Москва» можно было смотреть практически во всем мире – купите небольшую антенну, настройте на советский спутник – и все будет в порядке. А большинство населения ГДР, Польши, Венгрии, Чехословакии, Румынии и Болгарии смотрели советскую всесоюзную первую программу в полном объеме ежедневно по особому каналу и без всяких дополнительных антенн.

К монополии пропаганды, особенно телевизионной, в СССР всегда относились серьезно. Нашу телеинформацию за границу – всегда пожалуйста. Западную телеинформацию для советского населения – как можно меньше. Еще три года назад оператор ЦТ СССР, снявший полки западного продовольственного магазина или, тем более, супермаркета, лишился бы работы одновременно с тем редактором, который пропустил бы эти кадры в эфир.

В 1990 году советские власти разрешили использование в СССР частными лицами спутниковых телевизионных параболических антенн и копировальной техники, переговорных радиоустройств типа уоки-токи и телефаксов. Проблема в том, что массового отечественного производства всей этой аппаратуры не было, нет и не будет в обозримом будущем. Есть только импортная, и по ценам... Когда средняя зарплата в СССР составляла в 1989 году 230 рублей, а доллар стоил на черном рынке 18-20 рублей, самый дешевый ксерокс можно было купить в СССР за 17 тысяч рублей, параболическую антенну для приема спутниковых передач – от 20 тысяч рублей.

На большей части территории СССР до 1990 года можно было принимать из космоса на домашний телевизор с параболической антенной лишь две американские программы – Информационного агентства США и Си-Эн-Эн. Все то великолепие телепрограмм, которым располагал крестьянин в любом уголке Западной Европы, включая Скандинавию, может, в принципе, приниматься от Стамбула до Варшавы и в Прибалтике до Ленинграда. Ближе к Центральной части СССР и далее на Восток сигналы с большинства западных телеспутников уже затухали. А если бы можно было принимать телевизионный, к примеру, «Имидж Америки» на русском языке наподобие «Голоса Америки»!

Академик Станислав Шаталин в интервью журналу «Огонек» (№ 12, 1990) отметил, что советская экономика действует по законам сумасшедшего дома. Уже тогда было ясно, что просветить умы и радикально изменить общественное мнение с помощью только «Правды» и центрального советского телевидения мы не сможем. Это также верно, как и то, что без многолетних усилий западного радиовещания мы в СССР на ветках бы сидели, а не занимались перестройкой.

По сообщению газеты «Правительственный вестник» (№ 3, 1991), Советский Союз, хотя и разрешил официально в 1990 году своим гражданам принимать спутниковое телевидение из-за границы на домашние телевизоры, не сделал главного. Не присоединились мы еще пока к Бернской конвенции о защите прав на художественные произведения. Но вот-вот подпишем Бернскую конвенцию, и тогда наши многочисленные предприимчивые кооперативы кабельного телевидения, зарабатывающие деньги на «пиратском» по сути приеме западных телепрограмм на спутниковые параболические антенны, должны будут или платить крупные отчисления в валюте западным компаниям или... не платить.

А индивидуальный прием со спутника западной телепрограммы на территории СССР был практически невозможен, так как ни одна западная страна не транслировала напрямую свои передачи на СССР. Нам, на нашу необъятную территорию, попадал лишь слабый сигнал с этих западных геостационарных спутников связи, да к тому же еще по специальным телевизионным стандартам, которые наши телевизоры не воспринимают. В «нашем» стандарте идут лишь 10 из 20 телепрограмм, которые можно принимать, к примеру, в Москве, но с помощью очень дорогих, огромных антенн. Для приема, скажем, двух программ из ФРГ и США требуется антенна диаметром 1,5 метра. Для приема Си-Эн-Эн и спортивно-развлекательных передач из Франции и Англии — антенна диаметром 2,5 метра. Для остальных — не менее 4 метров. Во всех случаях спутник должен быть в пределах прямой видимости. На широте Москвы западные спутники обычно видны под углом 10–20 градусов над горизонтом. Балкон или крыша должны выходить на юг, причем горизонт должен быть открытым. Антенна, да еще дешифраторы и конвертеры, — все это поднимает в наших советских условиях цену западного телеудовольствия до многих тысяч долларов, что в пересчете на наши рубли составляет огромную сумму, малодоступную для одного, индивидуального телелюбителя.

Параболические антенны в ближайшее время вряд ли подешевеют, так как выпускаются в мизерных количествах, больше в экспериментальном порядке, на нескольких заводах: «Искра» в Красноярске, «Памяти революции 1905 года» в Москве, телевизионном заводе в Витебске, «Вэст» во Львове, «Электроприбор» в Пензе, «Квант» в Новгороде. Дешифраторы (на Западе стоят от 350 долларов и выше), конвертеры (чтобы переводить телевизионный сигнал из ПАЛ в СЕКАМ), да и просто телевизионный кабель у нас практически также не выпускаются массовыми партиями. Пытаясь решить эти проблемы для Москвы, Останкинский телецентр заявил в начале 1991 года о намерении создать совместное предприятие с

американской компанией Ай-Си-Ай.

Кабельное телевидение будет

Первый телевизионный кабель был проложен в Москве еще до 1941 года.

Но только в 1988 году Моссовет утвердил «Генеральную схему по развитию системы кабельного ТВ». В столице действуют более тысячи «крупных систем коллективного приема телевещания» (КСКПТ), способных принимать телепередачи через эфир с 500-метровой Останкинской телебашни и передавать их по кабелю в отдельные микрорайоны. Наиболее мощные из них охватывают 10-13 тысяч абонентов, а всего – половину города. Сейчас КСКПТ обеспечивают лишь более устойчивый прием программ ЦТ. Но к середине 90-х годов москвичи будут иметь в дополнение к ныне действующим каналам еще 12, а также через свой телевизор смогут связаться со «Скорой помощью», пожарной охраной, получить информацию о погоде... Причем без посредства телефонной линии, но об этом чуть позже.

В Москве планируется уже к 1995 году завершить перевод всей приемной сети на крупные системы коллективного приема телевидения, а в ряде районов и на систему кабельного телевещания. При этом предстоит решить ряд сложных задач. Если раньше поломка антенны или случайное повреждение кабеля, например при уборке снега или ремонте крыши, вызывало справедливое недовольство всего нескольких абонентов, то аналогичное повреждение антенны головной станции на время лишит возможности смотреть телепередачи многие тысячи людей. Для того чтобы обеспечить надежность коллективной системы, контроль за всеми ее звеньями должна взять на себя компьютерная техника. Вычислительная машина на головной станции будет следить за качеством передачи телесигнала каждому абоненту.

Все это: и техническая сложность оборудования, которое позволяет подключать к одной антенне многие тысячи телевизоров, и системы контроля, основанные на использовании электро-вычислительной техники, – требует значительных капиталовложений. Если раньше 15 копеек в месяц от каждого абонента как-то хватало на то, чтобы оплатить расходы на поддержание в работоспособном состоянии «антенны на подъезд», то сегодня, по самым скромным подсчетам, требуется в 10-20 раз больше. И это только на обслуживание, не говоря о строительстве, новой аппаратуре и развитии сети. В то же время никто из владельцев телевизоров не захочет платить больше, если предлагать ему те же программы, которые можно было смотреть раньше.

Выход в том, что система получит новые черты, станет для абонента более привлекательной. Прежде всего заметно улучшится качество изображения, например исчезнут двойные контуры на экране. Второе – станет возможным создание специальных платных программ, кото-

рые будут передаваться только по кабельной сети. Плата за просмотр таких программ будет повременной, подобно междугородным телефонным переговорам.

Кабельное телевидение предоставляет даже такие возможности, которые многим могут показаться фантастическими. Телеприемников в Москве сегодня в два раза больше, чем телефонов, и телевизионный ввод в отличие от телефонного есть практически в каждой квартире. Возможности телевизионного, или, более точно, коаксиального, кабеля таковы, что, во-первых, телевизионных программ может быть гораздо больше, чем при эфирном вещании, и, во-вторых, по нему нетрудно пересылать дополнительную информацию. Например, каждый абонент с помощью несложной приставки к телевизору сможет подключаться к различным системам сигнализации — пожарной, охранной, а также экстренно вызывать медицинскую помощь, даже если в квартире нет телефона.

Дополнительные средства для создания и эксплуатации КТВ можно привлечь не только от владельцев телевизоров, но и от других заинтересованных организаций, например от коммунальных служб. По телекабелю пойдет информация, снятая несложными датчиками, например со счетчиков расхода электроэнергии, домовых счетчиков расхода воды, газа и тепла, сигналы о состоянии нежилых помещений — чердаков и подвалов, информация об исправности лифтов и даже кодовых замков в подъездах. На головной станции ЭВМ оперативно обработает всю собранную информацию. Подобная система будет весьма надежной, поскольку звенья кабельной сети, снабженные датчиками или даже простейшими вычислительными устройствами, немедленно выявят неисправность на любом участке сети и передадут сообщение об этой неисправности в центр технической эксплуатации вместе с предположительным диагнозом. Оттуда сообщение по радио будет направлено подвижной ремонтной службе.

Использование вычислительной техники — ключевое звено развития кабельного телевидения. Так, если добавить простейший домашний компьютер к телевизору, подключенному к кабельной сети, каждый телезритель получит возможность обращаться к разнообразным источникам информации, подобно тому как это делается в распространенной на Западе системе «Телетекст». Впрочем, и здесь есть существенные отличия — в московской системе кабельного приема телевидения для дополнительной информации выделяется специальный свободный канал. Поэтому наша система будет иметь гораздо большую пропускную способность, а значит — большее быстродействие, нежели традиционный «Телетекст». С помощью такой системы каждый абонент телесети получит доступ к справочной, образовательной или развлекательной информации, которая будет храниться в памяти центральной ЭВМ.

Известно, что на Западе в системе кабельного телевидения уже на-

чали применять волоконно-оптический кабель вместо привычного нам коаксиального. Это позволяет во много раз расширить полосу частот, а значит, и число программ, которые можно передавать. Еще одно преимущество оптического кабеля — полная защищенность от электромагнитных помех, к тому же он сам не создаст помех другим устройствам. Эксперименты с оптическим кабелем идут и у нас. Пока что это не более чем эксперименты — дело в том, что стоимость системы на волоконной оптике оказывается в 10–20 раз выше, чем аналогичной системы на коаксиальном кабеле. Для эксплуатации волоконной оптики к тому же необходима новая технология, новые измерительные приборы.

Пока считается, что широкое применение волоконно-оптических линий в нашем кабельном телевидении экономически невыгодно. Исключения составляют лишь магистрали — те линии, которые будут связывать телецентры с головными станциями. В дальнейшем оптический кабель заменит коаксиальный и на субмагистралях.

В 1991 году в Москве появились коллективные системы со встроенным автоматическим телеконтролем. Будет организовано множество опытных зон кабельного телевидения, проведены первые передачи телевидения высокой четкости. При дооборудовании уже имеющихся коллективных систем через них можно будет передавать до 20 программ. К сожалению, все их не сможет принять ни один из выпускающихся у нас телевизоров, так что уже сейчас необходимо подумать о разработке новых приемников. В то же время только в Москве стоимость всех действующих квартирных телевизоров составляет около миллиарда рублей в ценах 1989 года. Сразу заменить весь парк нереально, и поэтому необходимо разработать какие-либо приставки к старым моделям.

Полный перевод Московской телесети на коллективные и кабельные системы завершится в 1995 году. О масштабах предстоящих работ говорит хотя бы потребность в коаксиальном кабеле — только в Москве его понадобится около 10 млн. метров. А кабель сейчас даже отечественные заводы только на валюту продают.

И еще одна проблема: как только в жилых домах появились усилительные установки — неременный элемент системы кабельного телевидения, — их стали ломать, как раньше били лампочки в подъездах или отрывали трубки у телефонов-автоматов. Такой вандализм — признак низкой культуры. Похоже, что для развития современных систем телевидения требуется не только совершенная техника, но и определенное воспитание.

Единая точка зрения как Ненашева, так и Кравченко (отражающая, разумеется, позицию Горбачева) на необходимость уменьшить чрезмерную с их точки зрения политизацию телевидения в СССР, способствовала у нас прямо-таки бурному развитию кабельного телевидения. С помощью западных новостей, секса, музыки и прочей всевозможной

«развлекаловки» хоть как-то скрасить убожество нашей жизни, увести людей с митингов и усадить перед телевизором: во всем этом, безусловно, что-то есть. В августе 1990 года после долгих дебатов был создан Союз организаций кабельного и эфирного телевидения СССР. Его президентом был избран Эдуард Сагалаев, тогда главный редактор Главной редакции информации ЦТ СССР. Организаторы нового советского творческого союза заявляли тогда, что представляют около 500 зарегистрированных в стране студий кабельного телевидения (не путать с видеосалоном: конкурент), обслуживающих от 5 до 15 млн. абонентов.

Большинство этих студий работают не в лучших условиях, да и телевизионную аппаратуру для сетей кабельного телевидения выпускает у нас лишь один завод в Гродно (Белоруссия). Свои собственные художественные программы надо готовить, кадры обучать, как инженеров, так и режиссеров. Надо становиться профессионалами, избегая соблазнов видеопиратства, уважая права на интеллектуальную собственность.

Газета «Коммерсант» (31.12.1990) сообщила, что к числу нескольких московских учреждений и отелей, оснащенных аппаратурой для приема зарубежных телепрограмм (помимо Си-Эн-Эн), добавилась и столичная гостиница «Украина», в которой началась коммерческая эксплуатация спутникового кабельного телевидения. Система установлена и эксплуатируется совместным советско-австрийским предприятием «Совавстротехника». Постояльцы гостиницы могут теперь смотреть наряду с Си-Эн-Эн и 4 западноевропейские программы, а также пользоваться спутниковой информацией «Телетекст» (со сводками ежедневных новостей бизнеса, политики, культуры, спорта и т.д.). Помимо этого в «Украине» будет вестись показ лицензионных видеофильмов, специально закупленных совместным предприятием через Госкино СССР. Плюс, конечно, 4 московские телепрограммы и одна ленинградская. За все — 3 рубля в сутки, для иностранцев — 3 доллара в сутки.

Телекоммуникационная система полностью автономна, и равноценных ей в гостиницах Советского Союза тогда не было. Она рассчитана на 24 канала, может принимать любые некодированные сигналы и сориентирована на общеевропейский спутник F-4. Головную станцию и антенное оборудование поставила венгерская фирма HIRADASTECJNKA, тысячу 40-канальных телевизоров продала южнокорейская фирма Gold Star. Кабельная сеть «Украины» была полностью переделана в соответствии с самыми высокими техническими требованиями. При желании к ней можно дополнительно подключить 18 тыс. абонентов в прилегающем к «Украине» районе, — например, в Центре международной торговли, в гостинице «Мир», жилых домах на Кутузовском проспекте. Данная система обошлась в несколько раз дешевле, чем аналоги, создаваемые зарубежными фирмами. Это связано прежде всего с тем, что монтажные и проектные работы стоят на Западе очень дорого. В гости-

нице «Украина» все работы вели советские специалисты.

Со статьей «Кабельное телевидение: в двух шагах от бума» выступил один из лучших московских телевизионных критиков Вл. Арсеньев из «Известий» (11.6.1991):

«На наших глазах набирает силу кабельное телевидение. Не только в столичных и областных центрах. Даже в небольших городах, в поселках энтузиасты организуют студии. Бум еще не наступил, но осталось немного, наступит. То, что будоражило США и Западную Европу лет двадцать назад, теперь приходит к нам. И, как это обычно бывает, обустроивается новое на отечественной ниве с огромным количеством несуразностей, нелепостей. Помочь делу, казалось бы, должен был созданный в августе прошлого года Союз организаций кабельного и эфирного телевидения СССР [СКЭТ]. Но и он оказался в плену проблем.

Почему? С этого вопроса начал беседу с Татьяной Большаковой, которая возглавляет исполнительную дирекцию союза, наш корреспондент.

– Причин несколько, – считает Татьяна Иосифовна. – Помните, Воюнда в «Мастере и Маргарите»? «Что же это у вас, чего ни хватишься, ничего нет!» – говорил он. Эта причина, пожалуй, главная. Ну а другая коренится, к сожалению, в психологии – в ней, как в капле воды, отразились пороки нашей жизни.

Из сотен организаций, пожелавших объединиться, лишь три остались верны взятым на съезде обязательствам. Остальные выжидали и прикидывали выгоду. Думаю, наша общественная организация, призванная развивать кабельное телевидение в стране, почтила бы в бозе, если бы не упрямство ее президента Эдуарда Сагалаева – он не позволил ей умереть.

– Мои познания в вашей сфере деятельности значительно меньше. Тем не менее, мне кажется, что у нас с самого начала стали отождествлять кабельное телевидение и коммерческое. Хотя разница между ними есть, и существенная.

– Безусловно, разница есть. В США, к примеру, первый телевизионный кабель был проложен в 1949 году в штате Пенсильвания. Для того, чтобы люди могли без помех смотреть передачи крупнейших телекомпаний страны. Так и в Москве с помощью кабельной сети зрители получили возможность смотреть передачи из Ленинграда. Если кабель не проложен, то даже рядом с Останкинской башней телевизоры показывают неважно, слишком сильны помехи.

Но другое дело – платное, коммерческое телевидение. Обязанное своим рождением именно кабельным сетям, оно в той же Америке, в том же штате, появилось только в 1972 году. Тогда впервые за дополнительную плату стали показывать фильмы, которых не было ни на Эй-Би-Си, ни на Эн-Би-Си, ни на Си-Би-Эс. Фильмы предлагала частная компания, шли они по определенному каналу.

У нас же, в стране тотального дефицита и отсутствия нормальных законов, коммерческое телевидение сразу же приняло уродливые формы. Конечная цель – чистая прибыль без всяких затрат. Студии договариваются с РЭО, ДЭЗами, врезаются в существующие каналы, зачастую «закрывая» другие программы, и крутят фильмы, купленные преимущественно на «черном рынке»: для производства своих программ нет ни средств, ни оборудования. По-видимому, это неизбежный этап в развитии нашего кабельного телевидения – у нас не действуют законы, охраняющие интеллектуальную собственность, у нас нет механизма, защищающего эту собственность, а потому нет и цивилизованного кабельного телевидения. Когда все это будет, авантюризм и пиратство уйдут сами собой.

– *Насколько* понимаю, союз как раз и создавался в августе прошлого года для того, чтобы эту сферу деятельности с первых шагов перевести в цивилизованное русло...

– Да, это так. Союз с единодушного согласия всех участников съезда создан был для того, чтобы координировать деятельность всех заинтересованных органи-

заций в развитии кабельного, эфирного и спутникового телевидения. Главная цель – достижение высокого технического уровня, обеспечение свободы обмена информацией и ее выбора.

– Сейчас уже дела идут нормально. Спасибо друзьям, поверившим в нас. Помогла и Всероссийская телерадиокомпания, выделила нам, бездомным, помещение. Но работы очень много. Уже разослали анкеты всем организациям – и членам, и не членам союза – собираем банк данных по кабельным сетям и предприятиям – изготовителям оборудования. Предлагаем списки видеопрограмм из тех, что есть на легальном видеорынке. Стали одним из учредителей Международной биржи телеиндустрии, помогаем приобретать через нее оборудование. По американскому проекту «Окно в мир» союзу должны передать безвозмездно сто спутниковых антенн, с помощью которых хотелось бы организовать региональные центры кабельного телевидения. А затем – создать и спутниковый канал, по которому действительно цивилизованным способом кабельные сети получают дополнительные программы...

– *Эту беседу, видимо, прочтут многие, кому близки проблемы кабельного ТВ. Планы у вас большие. Но маленькие городки, поселки, отдаленные районы. Дождутся ли они своего окна в мир?*

– Хотим помочь всем, кто обращается к нам за помощью. Вот, например, общественная ассоциация «Детство» просит помочь организовать кабельное телевидение в небольших военных городках Заполярья, где и дети, и взрослые вынуждены довольствоваться одной-единственной программой. Ясно, что все упрется в финансирование. Союз бы рад выделить для этого средства, но их пока нет. Может быть, Министерство обороны найдет деньги для своих же служащих и их семей? Тем не менее помочь ассоциации «Детство» мы постараемся, уже нашли организации, которые за это дело возьмутся.

Очевидно, что союзу надо определять техническую политику, заниматься правовыми аспектами, лицензионными и другими проблемами кабельного телевидения. Не могу не напомнить, что мы безнадежно отстали во всех этих областях.

– *Когда наступит бум кабельного телевидения в стране?*

– Мы в двух шагах от него. Одно пока не ясно: когда будут сняты все ограничения, сдерживающие в угоду интересам телегигантов и иных государственных структур развитие этого средства массовой коммуникации? Когда будет принят закон, определяющий статус кабельного ТВ в стране, закрепляющий естественное право зрителя на выбор?

В США президент Рейган в 1984 году снял все ограничения. Во Франции сам Миттеран открывал некоторые муниципальные студии кабельного телевидения. В Бельгии члены муниципалитета непременно входят в правление ведущих фирм кабельного телевидения. У нас, в определенном смысле, есть преимущество. Мы можем сразу начинать с положительного опыта. Если, конечно, будем благоразумны...»

Видеомафия в СССР

В течение 1989 года в СССР было выпущено 73 тысячи видеомагнитофонов. Всего на руках у населения в стране на 1990 год находилось около 2,5 млн. видеомагнитофонов, в большинстве своем иностранных моделей. Получается одна дека на 70 семей. Отечественных видеокассет практически не производилось – ни чистых, ни записанных. В комиссионном магазине одна чистая видеокассета стоит чуть меньше половины среднего месячного заработка.

Еще до 1987 года смотреть видео в СССР, а тем более его иметь бы-

ло опасно. Представьте себе такую картину. В доме отключается свет, милиция под благовидным предлогом втискивается в квартиру и захватывает присутствующих на месте преступления: в обесточенном видеоманитофоне оказалась кассета, на которой есть, о ужас, эпизоды с не очень одетыми дамами. Голый женский бюст в западном художественном кинофильме налицо, а это уже порнография и многолетний срок тюремного заключения. Хозяин видеоманитофона смотрел ведь этот фильм не один, а с друзьями, что квалифицируется уже как распространение порнографической продукции, извлечение из нее дохода, совращение малолетних и т.д. Советские законы мало изменились — просто в 1991 году упекали за решетку реже, чем пять лет назад. А за видеосмотр уже вообще не сажают. Хотя те, которых за это осудили, еще доживают свои сроки, а тех кто вышли на свободу, отсидев свое полностью, реабилитировать, конечно же, никто не собирается.

Еще три года назад многие состоятельные люди в СССР просто опасались обзаводиться видео — если и не посадят, то неприятностей не оберешься. Достаточно ведь одного доноса властям от соседа или сослуживца, и владельцу видеоприставки были обеспечены неприятности со стороны бдительной партийной организации на предприятии или в учреждении. И у всех проверяющих стоял в глазах немой вопрос к обладателю домашнего видео: откуда же ты, голубчик, деньги на него взял, т.е. потратил на западную игрушку три годовых оклада среднего советского труженика?

Но никакие драконовские меры не помешали расцвету в СССР черного рынка записанных видеокассет с западными фильмами, причем с дополнительно нанесенным синхронным звуковым переводом на русский язык. То, что делалось прежде не в очень глубоком подполье (бизнесмены легко откупались от стражей закона), сегодня делается совершенно открыто, в сотнях тысяч видеосалонов по всей стране. И хотя таможня не разрешала до сих пор ввозить большую часть названий западных фильмов на видеокассетах, — контрабандно завозится самое коммерчески интересное, дублируется на русский язык, тиражируется и распространяется. Естественно, что ни о каких правах и гонорах для западных авторов этих фильмов и речи нет.

В декабре 1990 года Президент Горбачев учел «озабоченность советских людей распространением в стране различного рода порнографической псевдомедицинской литературы, эротических видеофильмов» и подпирал распоряжение «О разработке неотложных мер по охране общественной нравственности».

«Восстать против того, что разыгралось», Президента, по его словам, заставила записка, поданная ему Евгением Примаковым и Валентином Распутиным. О содержании записки Президент детально не рассказывал. Наблюдателей не удивило, что идея пришла Президенту

ту по душе: как сообщала в свое время газета «Дом Кино», Горбачев ушел с просмотра кинофильма «Маленькая Вера» в момент совершения Верой полового акта.

Ответственным за нравственность был назначен министр культуры СССР Николай Губенко. Как практически он собирался выполнять распоряжение Президента, министр сообщить журналистам отказался.

До сих нравственное здоровье народа охраняло правительственное постановление об ответственности за пропаганду культы насилия и порнографии 1987 года. Опираясь на этот документ, милиция постаралась определить нормы отечественной морали. «Черный видеосписок» МВД возглавлял фильм Б.Бертолуччи «Последнее танго в Париже». В последнем распоряжении Президента предложено «восстать» против порнографии, учитывая опыт других стран.

Впрочем, зарубежный опыт уже однажды использовала Академия наук СССР, выпустившая в ноябре 1988 года «Методические рекомендации по проведению искусствоведческой экспертизы фотокинотелепродукции». По статистике Прокуратуры СССР, до вступления «рекомендаций» в силу за порнографию успели посадить 200 человек. За пропаганду насилия — ни одного. После вступления этого документа в действие было осуждено полтора десятка человек.

По мнению некоторых сотрудников МВД, Академия наук «легализовала порнографию в СССР»: в соответствии с рекомендациями репертуар видеозалов с лентами типа «Девочки в прозрачных трусиках» признать порнографическим нет возможности.

В 1990 году репертуар видеоточек страны на восемьдесят процентов стал эротическим. Видеосалоны уже не крутят порнофильмы, классифицированные на Западе «XXX-rated», так как первая волна интереса советских зрителей к «жесткому порно» схлынула еще полтора года назад.

Нью-йоркская газета «Новое русское слово» (14.12.1990) описала подоплеку горбачевского указа, опубликовав присланную из Москвы статью Александра Владыкина «Горбачев бросает кость мафии»:

«5 декабря в ходе парламентских прений по поводу изменении в Конституции был затронут вопрос о порнографии. Горбачев, употребив для коитуса эвфемизм «известные отношения», выразил возмущение телевизионной передачей, посвященной старой китайской живописи, где на одной из гравюр были показаны эротические позы и положения. Это был ответ на запрос депутата Васильца о том, не пора ли прекратить в стране «пропаганду насилия и секса» в видеосалонах. Горбачев ответил: пора. Более того, с небывалой оперативностью на следующий же день было объявлено «распоряжение президента», где говорилось, что, «учитывая озабоченность советских людей», необходимо разработать неотложные меры по «охране общественной нравственности», что и поручается министру культуры Губенко, — очевидно, в связи с тем, что «министерства нравственности» Горбачев еще не организовал.

Разумеется, политический игрок такого класса ничего не делает случайно. На самом деле на этой сессии рассматривались важнейшие для него вопросы: о даль-

нейшей концентрации власти в его руках – в данном случае исполнительной, связанной с правом лично формировать кабинет, а также о его детище – «союзном договоре», который тоже вызывает «озабоченность советских людей», поскольку невероятно для советской империи либерален по отношению к республикам и, судя по всему, идет в русле договоренности с Ельциным, – проекты российские и союзные расходятся лишь в частности. В этих условиях бросить подачку «озабоченным» – пожертвовать им Камасутру и учебники по «начальному сексу» – представится лишь подмигиванием.

Однако прецедент такого рода политического маневра – прецедент, когда «озабоченные» консерваторы еще на заре горбачевской эры получили подарок в виде антиалкогольной кампании, у всех на памяти, а последствия этого «жеста» для страны были воистину драматическими.

Впрочем, то не был лишь жест, конечно. Демагогическая забота о «здоровье нации» была лишь фоном жесткого политического расчета – причем в тот раз непосредственного. Дело в том, что непьющий (судя по всему) Горбачев таким образом получил в свое распоряжение безотказное оружие против спившегося партпарата и номенклатуры любых уровней. Достаточно напомнить, что именно «на пьянке» погорел один из главных соперников Горбачева – Романов, которого в Венгрии Кадар напоил до того, что тот не смог выполнять протокол, о чем и доложил в Москву. Секретари обкомов, снятые под эту кампанию, исчисляются десятками: их убрали если не за прямое пьянство, то за недостаточное рвение в борьбе с алкоголизмом. Были почищены министерства – начиная с МИДа. О пешках из каково-нибудь министерства культуры уже и не упоминаю.

Но, выиграв тот тур политической борьбы (и ныне приписав инициативу кампании смещенному Лигачеву, который по простоте ли, по расчету ли и сговору, но всю вину принял на себя), Горбачев, надо полагать, уже подсчитал, чем уже пришлось заплатить за рискованную авантюру. Первое: инфляция. Ибо в стране, где алкоголь наравне с рублем является валютой, меновой единицей при расплате за любые услуги, его искусственный дефицит автоматически приводит к росту цен. А если учесть, что Горбачев, пытаясь на первых порах выправить положение, еще и поднял стоимость пол-литра водки, то можно представить, сколь мощный толчок получила девальвация неконвертируемого рубля. Второе: резкое сокращение поступлений денег в казну, – деньги оставались на руках у населения, что еще больше подгоняло инфляцию в условиях отсутствия потребительских товаров. Третье последствие: необходимость эмиссии – выплескивание необеспеченных денег в виде зарплаты населению. Все вместе означало мощнейший пинок и без того проседавшей экономике СССР.

И, наконец, страна получила новую волну организованной преступности. Торговая мафия именно на дефиците алкоголя отработала межрегиональные связи, контакты с правоприменяющими органами, обзавелась охраной, коммуникациями, запаслась деньгами, и теперь это – настоящая вооруженная армия, с которой не справится даже герой Афганистана генерал Громов, брошенный только что на укрепление руководства МВД. В свете этого жест президента в сторону консерваторов, требующих защиты «нравственности нации» от видеофильмов (все они, разумеется, западного производства), можно оценить лишь как новый подарок мафии.

О нравственности. Ее в теперешнем СССР воистину трудно защищать: венерические болезни в школах и пионерских лагерях, чрезвычайное число разводов, гигантская проституция, надвигающаяся в условиях полного исчезновения даже резервативов волна СПИДа, крайне низкий уровень культуры и ответственности и полная деморализация общества – это фон, на котором какая-нибудь Эммануэль выглядит монашкой. А ведь именно за ней теперь предстоит охота милиции и КГБ, причем охота значительно более приятная, чем преследование вооруженных ракетиров.

То, с чем собирается бороться президент, выглядит на сегодня так. В самых заштаных городках сегодня бесконечно крутят эротические видеофильмы, причем, как правило, не порнографию, а именно невинный «эротик». Впрочем, в рабочее время в каком-нибудь НИИ вполне могут коллективно, всем отделом, смотреть и

«Калигулу», и это – отнюдь не метафора. Эротические фильмы смотрят семьями, в гостях, смотрят дети, подростки свистят и требуют «Бадмена». На поток поставлены советские фильмы крайне низкого качества, имитирующие западные триллеры, но с большой дозой крайне неаппетитной эротики. Это что касается кино.

По всем городам и весям продают кустарно выполненные – зачастую на «ксероксах», – «путеводители по сексу», «эротические бюллетени», а официальные журналы (скажем, комсомольская «Смена») дают рецепты от импотенции в картинках. Все – крайне провинциально, халтурно, на живую нитку и – что важно – по крайне доступным ценам: ну, как в Нью-Йорке на 42-й улице. И легко себе представить, к чему приведут запреты.

Во-первых, несомненно возникнут подпольные видеосалоны и кинотеатры с «настоящим» товаром, входные цены в которые будут вдесятеро выше. Наверняка в обслуживании наиболее на широкую ногу поставленных войдут новые статьи: алкоголь, наркотики, девочки. И если сейчас в видеотеках солдаты на последний рубль мирно жмутся, не представляя для проституток никакого интереса, то вокруг подпольных кинотеатров, разумеется, начнется торг живым товаром. В условиях общей ненависти к государству и полного отсутствия каких-либо осмысленных способов времяпрепровождения успех этим точкам обеспечен. Значит, появится и новый вид рэкета, потребность в охране, новый канал коррупции, ибо, похоже, ни один милиционер в СССР еще никогда не отказывался от взятки. Легко предсказать, что, удерживая эту систему на уровне хорошего дохода, черный бизнес обретет еще один стимул к созданию многопрофильных синдикатов. Скажем, наркобизнес у нас сегодня если и связан с торговлей живым товаром, то вполне случайно. Секс-кинотеатры станут отличным местом встречи преступных групп разного профиля.

Вторая сторона: печатная продукция. Если сейчас копеечные кустарные издания удовлетворяют невзыскательный вкус без хлопот, продаваясь на каждом углу, то после того, как этих торговцев спугнут, цена на издания эротического плана неминуемо станет расти. Этот вид бизнеса превратится в весьма прибыльный – уже сегодня на один рубль вложения в издательское дело кооператоры получают отдачу 6-8 рублей. Поскольку везти из-за границы печатную порнопродукцию хлопотно и дорого, ее начнут производить на месте, но более профессионально, чем нынче. Понадобятся модели, фотографы, агенты, то есть возникнет новый рынок, что повлечет за собой и новый шлейф преступности: рэкет, коррупция...

Спору нет, ввести бизнес на эротике в некоторые рамки следовало давно: определенные – и довольно эффективные – меры принимаются в этом плане во всех странах. Абсолютно неясно другое – зачем президенту Горбачеву выступать с этим в парламенте, издавать специальные распоряжения? Короче, зачем впрыскивать столь горячий материал в двигатель своей политической игры?

Впрочем, вопрос это риторический: борьба за власть в СССР сегодня допускает любые методы».

Лакомый кусок для властных и милицейских структур был столь вожделенен и огромен, что президентским указом дело не кончилось. Парламент СССР принял документ, который был не только насмешкой в условиях экономического хаоса, но и попыткой возродить цензуру. А ведь это постановление было последним(!) в 70-летней истории правящей советской идеологии:

«Постановление Верховного Совета СССР

О неотложных мерах по пресечению пропаганды порнографии, культа насилия и жестокости.

Верховный Совет СССР, признавая неотъемлемое право каждого человека на свободу творчества, удовлетворение культурных и духовных потребностей, выражает тревогу в связи с распространением кино-, видео-, печатных изданий и дру-

гой продукции, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости показом в ряде телевизионных передач, спектаклей, программ досуговых центров сцен, оскорбляющих человеческое достоинство, национальные и религиозные чувства народов, способствующих совершению правонарушений, психическим расстройствам среди детей и молодежи, постановляет.

1. Поручить Кабинету министров СССР:

учредить в месячный срок Государственную экспертную комиссию, включив в ее состав высококвалифицированных специалистов для оценки спектаклей, концертно-зрелищных программ, телевизионных передач, печатных изданий, кино-, аудиовизуальной и другой продукции с целью установления наличия в них признаков порнографии, культа насилия и жестокости;

образовать Регистр кино-, видеофильмов и видеопрограмм, возложив на него классификацию произведений и выдачу разрешительных удостоверений (сертификатов);

разработать в двухмесячный срок и утвердить Положение о публичной демонстрации кино-аудиовизуальных произведений, предусмотрев в нем условия их показа и проката, импорта и экспорта, порядок открытия и регистрации видеозрелищных предприятий, получения разрешения (сертификата) на прокат указанной продукции, возрастные ограничения на допуск в видеозрелищные предприятия (организации) и другие вопросы;

образовать в органах внутренних дел специализированную службу по профилактике и пресечению правонарушений в сфере общественной нравственности;

принять дополнительные меры, обеспечивающие пресечение перемещения через Государственную границу продукции порнографического содержания, произведений, пропагандирующих культ насилия и жестокости.

2. Установить, что продажа, распространение или рекламирование продукции эротического содержания может производиться предприятиями, организациями и гражданами только в специально отведенных местах, определяемых исполнительными органами местных Советов народных депутатов.

3. Рекомендовать Верховным Советам республик:

учредить республиканские экспертные комиссии и регистры кино-, видеофильмов и видеопрограмм;

определить возрастные ограничения, исключающие возможность вовлечения несовершеннолетних в изготовление, распространение, рекламирование и продажу продукции эротического содержания;

установить правила продажи, распространения и рекламирования материалов эротического содержания;

установить административную ответственность за нарушение правил продажи, распространения и рекламирования материалов эротического содержания, положения о публичной демонстрации кино-, аудиовизуальных произведений.

4. Предложить Верховному Суду СССР изучить практику применения законодательства, предусматривающего ответственность за изготовление, распространение, рекламирование и сбыт порнографических предметов, а также пропагандирующих культ насилия и жестокости, и дать судам соответствующие разъяснения.

5. Поручить Кабинету министров СССР до 1 ноября 1991 года информировать Верховный Совет СССР о ходе реализации пункта 1 настоящего постановления.

6. Комитету Верховного Совета СССР по культуре и Комитету Верховного Совета СССР по законодательству и правопорядку обеспечить контроль за исполнением настоящего постановления и доложить Верховному Совету СССР о ходе его выполнения в конце 1991 года.

Председатель Верховного Совета СССР.

А.Лукиянов

Москва, Кремль, 12 апреля 1991 г.

Забривать в армию 18-летних, давать им в руки автомат, ракеты и посылать стрелять в Афганистан или в своих же соотечественников —

можно. Гноить людей в ГУЛАГе (даже и сегодня) — можно. Воспитывать граждан на фильмах о гражданской и прочих войнах — можно. Культивировать классовую ненависть, государственный терроризм, мужеложество в армии и в местах заключения — можно. Не кормить детей и стариков, обрекать их на вымирание от истощения, плохой экологии и отсутствия медикаментов — можно.

А вот смотреть на голых красоток, млеющих от удовольствия на фоне красочной западной сытой жизни, — нельзя(?!). Бред. Такой была и есть вся наша совковая жизнь.

МВД СССР в самом начале 1991 года незамедлительно отреагировало на рескрипт президента Горбачева о «борьбе за чистоту морального облика советских граждан». Своим сотрудникам милиция разъяснила суть новаций как эру «секса за валюту». Борьбаться с порнографией и аморальностью стали экономическими средствами — требовали немалых денег, частично в валюте, за выдачу лицензий на прокат эротических лент, драли штрафы за нарушения возрастного ценза зрителей и торговлю порноизданиями в неположенных местах. За явную порнографию, как и прежде, стали сажать по статье 228 УК РСФСР. Вполне разумные меры, вопрос лишь в том, что считать порнографией.

И стоило ли союзному парламенту тратить свой пыл на введение у нас нравственной цензуры и полиции нравов, задается вопросом Дж. Старостин из «Независимой газеты» (11.4.1991):

«В то самое время, когда собравшиеся в Тбилиси манифестанты шумно приветствовали выход уже четвертой республики из состава Советского Союза, Верховный Совет СССР обсуждал различия между порнографией и эротикой. Министр культуры СССР Николай Губенко прервал свой отдых в Крыму, чтобы принять участие в обсуждении представленного им постановления об охране общественной нравственности. После трехчасовых дебатов 9 апреля постановление было в чиновном принято.

«Главнейшая задача — оградить женщину от порнографии», — заявил 9 апреля депутат Борис Олейник. Его выступление было посвящено методике борьбы с «порнографической оккупацией» Советского Союза. Он осудил «так называемые конкурсы красоты» и предложил Президенту СССР внести свой вклад в борьбу с порнографией, взяв под личную охрану творческие союзы.

Более дифференцированной была позиция Валентина Распутина, заявившего, что статуя Венеры Милосской не является порнографией. Бывший член Президентского совета обвинил в разложении нравственности ВЛКСМ, объяснив это тем, что из 25 тысяч советских видеосалонов около половины принадлежит комсомолу. Резкие обвинения были высказаны также в адрес недавно созданной «Ассоциации по прокату», руководитель которой Исмаил Тагизаде пользуется, по словам Распутина, консультациями бывшего председателя Госкино Филиппа Ермаша и бывшего генерального прокурора СССР Александра Сухарева.

Как известно, 8 июля 1935 года Советский Союз присоединился к международной конвенции о пресечении обращения порнографических изданий. Статья 228 УК РСФСР предусматривает до трех лет лишения свободы за изготовление или сбыт порнографии, с конфискацией порнографических предметов и средств их производства. Согласно действующему советскому законодательству, порнографическими могут быть не только книги, фотографии и рисунки, но также гравюры, эмблемы и

даже магнитофонные записи.

В 1989-1990 годах советской таможенной было изъято более 350 тысяч экземпляров печатной и аудиовизуальной продукции, признанной порнографией. Погранзаства на шоссе Финляндия – Ленинград имеет специального дежурного, в обязанности которого входит исключительно просмотр видеокассет, ввозимых в Советский Союз.

В начале 80-х годов были случаи ареста людей за просмотр у себя дома порнокассет. В 1985 году, согласно официальным данным, по статье 228 было осуждено более 300 человек. Протесты творческих союзов и массовое распространение видеотехники снизили это число в 1990 году до 20 человек.

Относительно либеральное постановление, принятое 9 апреля по инициативе комиссии, возглавляемой бывшим актером Николаем Губенко, было явно недостаточным для борющихся с порнографией писателей-почвенников. Василий Белов, ранее заявлявший, что при появлении на телеэкране обнаженной женщины ему хочется разорвать телевизор топором, отказался дать свой комментарий, сказав, что «НГ» не является независимой газетой».

В СССР к закону пиетета не было ни у кого и никогда. В каждом конкретном случае власти немножко самодурствовали и все решали по своему усмотрению. Хотя при Михаиле Андреевиче Суслове – нашем Главном идеологе до Егора Кузьмича Лигачева – мы не только эротикой публично не баловались, но и фильмов зарубежных, так широко, как сегодня, не крали. При Горбачеве власти уже мало что решали. Видеопиратство в СССР приобрело тотальный, абсолютный характер.

Трехчасовая кассета с копиями порнофильмов стоила 150-200 рублей (в ценах 1990 года). Повышением требовательности со стороны потребителя вызвана необходимость в переводе порнофильмов на русский язык, что и осуществляется, как правило, ленинградскими переводчицами. После перевода порно стоит дороже. По оценкам экспертов, общая прибыль от пиратской перезаписи всех видеофильмов только в Москве составляет шесть с половиной миллионов рублей в месяц. На долю порнофильмов приходится не более 10%.

Американские и прочие западные фильмы расходятся у нас в видеокопиях в бесчисленном и никем не учитываемом количестве экземпляров. Государство уже махнуло на это дело рукой и лишь собирает небольшие налоговые отчисления с частных владельцев видеопрокатных пунктов. Если бы все делалось по законам цивилизованного общества, Спилберг или Бертолуччи утонули бы в рублях, а любой советский человек, зайдя в магазин, мог бы выбрать себе и купить (взять напрокат) записанные фирменные видеокассеты безупречного качества из списка в 7-10 тысяч наименований – на все вкусы и возрасты. На полулегальном советском видеорынке царят пока такие нравы, которые диктуют спрос на сотню-другую западных «эротических комедий» и боевиков. Видео в СССР дальше чем в какой-либо другой стране отстало от культуры и превратилось лишь в средство вышибания денег из кармана молодежи. Исключение составляют, может быть, лишь широко распространяемые у нас на видеокассетах

американские или японские мультфильмы для детей. Их записью и распространением отчасти занимаются и официальные видеоклубы, но их доля в общем размахе видеобизнеса (проката и продажи записанных кассет) не составит и одного процента. Остальное все – пиратская деятельность в сфере видео.

Ведь это не очень серьезно, когда наша пресса как крупное событие рассказывала о поступлении в сентябре 1990 года в московские магазины видеокассет с копиями двенадцати новых полнометражных фильмов производства Японии, США, Италии и Испании. И это впервые за несколько лет.

Только случайно, и то если очень повезет, за немалые деньги можно было достать в СССР советские и зарубежные документальные фильмы, снятые в наших «горячих точках», показанные урывками по некоторым местным телесетям, в некоторых кинотеатрах, но которые хотели бы посмотреть миллионы советских людей. Грузины, скажем, желали бы иметь возможность купить копию видеофильма, снятого КГБ в ночь с 8 на 9 апреля 1989 года на площади перед Домом правительства. Решение о показе по центральному телевидению этого фильма с трагедией кровавого погрома десантниками мирной сидячей демонстрации в Тбилиси было принято на самом, казалось бы, высоком уровне – на Съезде народных депутатов СССР (это даже более высокая инстанция, чем Верховный Совет СССР), – но фильм этот советскому народу так и не показали. Фильм, снимавшийся операторами КГБ постоянно в течение нескольких часов, был характерен тем, что в нем исключался монтаж (перестановка, изъятие некоторых кадров и т.д.), так как одновременно со съемкой зритель видит на экране таймер, отсчитывающий минуты и секунды в реальном масштабе времени. Зритель видит, в котором часу начался разгон демонстрантов, и все детали продолжавшегося всего 20 минут побоища с использованием танков и обезумевших от собственной жестокости десантников с саперными лопатками наперевес. (Ни один из военных не был убит, тогда как на площади погибло 20 человек, в том числе двое молодых мужчин, остальные женщины самого разного возраста.)

В середине января 1991 года в Москве с огромным успехом прошел организованный ассоциацией советских киноинициатив фестиваль «Шедевры европейского кино, неизвестные в СССР». Но те журналисты, которые вечером 16 января не пошли на встречу с французскими кинематографистами в посольстве Франции, а пришли в Дом кино на встречу с документалистами Литвы, увидели фильм, снятый в Вильнюсе в ночь с 12-го на 13-е во время захвата телецентра частями советской армии. Вечером 17 января фильм был показан по ленинградскому ТВ:

«По Вильнюсу мчатся танки. Мчатся грузовики с солдатами. Танки окружают башню телецентра.

Бронированные машины и автоматчики в бронезиловых отделе́ны от входа в телецентр хрупкой плотью людей. Небронированных и безоружных.

Автоматная очередь. Крики: не бойтесь! это холостые! А камера уже показывает дырки в бетонной стене – дырки от «холостых». А вот уже ведут к машине «скорой помощи» залитого кровью парня с дырой вместо щеки – от «холостых». Крики: этот стрелял! этот! – и камера показывает рослого парня в пятнистом комбинезоне. Он стоит на броне, с автоматом в руке, высоко над толпой, – победитель людей.

Башня танка угрожающе поворачивается – хобот орудия ищет цель.

Раздавленные танками автомашины. Раздавленный грузовик, который вез детские игрушки.

Раздавленные машины остались на улице. Раздавленных людей увезли.

Больница. Пожилой шофер грузовика с игрушками. Сломан позвоночник. Но говорить может. Вспоминает 1940-й, приход фашистов.

И вот – штурм телецентра. Грохот выстрелов. Здоровенные парни изо всей силы бьют людей прикладами автоматов. Крики избиваемых. Отточенные движения избивающих. Почти без замаха. Резкий, проламывающий тычок – такой удар не блокируется.

Вот торец приклада летит в объектив...

Тут начинаются неумелые, дерганные кадры. По крикам и стонам понимаешь: оператор спас камеру, получил удар в голову, но и падая, и упав, продолжает снимать. Продолжает снимать. Продолжает.

Рассвет. По скверу между кустов и деревьев идут парни в комбинезонах, в бронезиловых, в касках, с автоматами на фоне неба. Кадр и ритм движения абсолютно точно похожи на типичные финальные кадры американских боевиков о войне во Вьетнаме. Усталые, выполнившие свой долг, прошедшие сквозь ад, но не получившие ни царапины зеленые береты (или коммандос, или как их там) возвращаются на базу.

Но тут в кадре между танками и танкистами возникает фигура, невозможная в джунглях, крупный, осанистый силуэт в плаще и шляпе. Ритм его движений абсолютно точно похож на с детства знакомые силуэты: они приветствуют парады и демонстрации, целуют детей и перерезают ленточки.

Что он делает здесь – между танков и танкистов? Почему не боится? Почему так по-хозяйски идет? Принимает работу? Единственный спокойный штатский среди воплей, рыданий, криков о помощи.

Впрочем, нет. Вот тысячи спокойных штатских. Они стоят, охраняя своими телами, своими жизнями здание парламента Литвы. Они стоят всю ночь, они слышат выстрелы и взрывы, но не уходят. Среди них ни одного в шляпе. Они молчат, но через секунду площадь взорвется криком «Позор!», криком «Фашисты!».

Кончился фильм. Рваный, неумелый, плохо и наспех смонтированный шедевр. Можно было быть уверенным, что киносет и телевидение в тех районах СССР, где коммунистические структуры еще пока у власти, подобный, да и любой другой негодный им фильм показывать не будут под предлогом того, что он якобы некассовый (прежде цинизма и недоговоренностей меньше было, каждому фильму власти сразу присваивали категорию, т.е. оговаривали масштаб и ареал будущего распространения. Лучшие наши фильмы, из тех, что собирали первые призы на десятках кинофестивалей за границей, в широкий прокат у нас вообще не поступали).

В конце 1990 года в московском Доме кино состоялся политический митинг московских кинематографистов. Они поддержали предло-

жение одного из своих коллег повторить польский вариант многолетнего молчания интеллигенции в период диктатуры Войцеха Ярузельского. Была высказана идея разработки кодекса деятелей культуры в период наступающей диктатуры. Но у нас этот номер с бойкотом не прошел, так как за исключением десятка-другого наших киномастеров (действительно талантливых и совестливых) огромная советская киноотрасль (кинотворцы, киночиновники, кинопрокатчики, — всего более 300 тыс. человек, в число которых даже и не входят полулегальные деятели сферы видео) настроена на то, чтобы выжить в нашем экономическом хаосе. Выжить ценой любого бизнеса, который при всем желании трудно удержать в цивилизованных рамках даже при возможном активном участии западных партнеров.

АСКИН (Всесоюзная Ассоциация работников киноvideопроката, только образованная и умудрившаяся провести в январе 1991 года свой второй съезд не где-нибудь, а в Кремлевском Дворце съездов и в течение трех дней) объявила о том, что закупила и собирается выбросить на советский рынок более сотни американских лент. Это не много.

У нас в видеопрокатном обороте — многие тысячи названий западных фильмов, всех времен и народов, но преимущественно производства США. При негативном отношении к нормам «буржуазного права» законодательства СССР до последнего времени просто игнорировало проблему тиражирования западных фильмов на видеокассетах. Платить Западу за копирайт никому и в голову не приходило, если не считать официальных закупок за границей ряда фильмов и их проката в государственной киносети. А своих провинившихся и чем-то неугодных граждан можно всегда было посадить и за «антисоветскую пропаганду», и за «спекуляцию», и за «частнопредпринимательскую деятельность», уволить с работы за «аморальное поведение» и т.д.

Объединившись под руководством И.С.Тагизаде, кандидата искусствоведения и удачливого предпринимателя, советские кино- и видеопрокатчики быстро стали на ноги. И даже посетили международные кинофестивали в США и во Франции делегациями по несколько сотен человек... Американцы очень этому удивились, мол как же так, жируете, по всему миру катаетесь, а нам за прокат наших фильмов практически ничего не платите. Отечественные «доброжелатели» тоже приложили руку к тому, чтобы праведный гнев американских продюсеров излился бы на голову Тагизаде. Не любят у нас богатых, завидуют люто, таков уж результат коммунистического воспитания.

В начале лета 1991 года американцы объявили, что, во-первых, фильмов своих продавать нам не желают, во-вторых, в московском кинофестивале участвовать не будут и, в-третьих, вообще прекращают с нами любые взаимосвязи. Обвинили в воровстве не только наших «пиратов» видеопрокатчиков, но и ЦТ СССР, и наши высшие киношные

инстанции. Американская киноассоциация во главе с Джеком Валенти, вероятно, немало размышляла, перед тем как обратиться с резким письмом протеста к заместителю министра иностранных дел СССР Владимиру Петровскому. Ведь продюсеры США за свои фильмы миллион долларов в год с нас все же имели. Была от нас польза и в других сферах кинобизнеса.

При колоссальной разнице в стоимости производства фильмов в СССР и на Западе складывается заинтересованность иностранных партнеров в кино и видеобизнесе на паях с советскими коллегами. Открылся в конце 1990 года в Москве на Цветном бульваре совместный франко-советский кинотеатр. Моссовет одобрил контракт, по которому Голливуд должен был приступить к строительству в столице СССР шести многозальных кинотеатров по американским же проектам.

В начале 1990 года произошло крупное событие — в магазины на валюту для иностранных туристов и за границу пошли первые 50 тысяч экземпляров компакт-дисков, записанных в СССР на западногерманском оборудовании, 15 различных программ русской музыкальной классики. Расчетная мощность производства на московском опытном заводе «Грамзапись» — от 3 до 5 млн. компакт-дисков в год, но выпускаться будет лишь 0,5 млн.

В начале января 1991 года было объявлено о создании в СССР первого частного предприятия, которое стало единственным конкурентом Всесоюзной фирмы «Мелодия» на рынке аудиопродукции. Фирма грамзаписи «Эрио» намеревалась отвоевать у «Мелодии» 10-15% музыкального рынка СССР, производить и продавать грампластинки, компакт-диски и компакт-кассеты с записями интересных исполнителей. Причем, небольшими тиражами, не более 20 тыс. экземпляров. Первые образцы продукции «Эрио» стали продаваться в специализированных магазинах фирмы в Москве, Ленинграде и Прибалтике.

ГЛАВА XII

КОММУНИКАЦИОННЫЕ СЕТИ

Телефон от «большого брата»

В советской, достаточно отсталой стране с неэффективной экономикой и антигуманной социальной политикой связь по праву считается одной из самых отсталых хозяйственных отраслей. Такое положение с почтовыми, телеграфными и телефонными услугами, отсутствие у населения доступа к компьютерным системам связи и банкам данных легко объясняется охранительным инстинктом и соответствующей психологией советского тоталитарного общества.

У нас ведь еще не так давно даже пишущие машинки практически не продавались населению, а те, что были в учреждениях, еще семь лет назад регистрировались в местных органах внутренних дел (вместе с образцами печатного текста с каждой машинки), а перед праздничными днями в каждой конторе машинисток заставляли сносить все пишущие машинки в одно, особо охраняемое помещение. При Сталине, Хрущеве и Брежневе заведено было как в Албании и в КНР — бедным и малоинформированным народом управлять легче, а поэтому фактически не поощрялось у нас широкое распространение личных автомобилей, отдельных квартир, домашних телефонов, информации в прессе, т.е. всего, что делает человека свободным и независимым.

До трети городских семей по-прежнему живут в так называемых коммуналках, в квартирах с другими совершенно чужими им людьми — в разных комнатах, но с общей кухней, одним туалетом и ванной на всех. От двух до десяти семей жили десятилетиями вместе, что существенно облегчало присмотр за ними со стороны «большого брата», вездесущего КГБ. Результат такой политики известен — как жили, так и работали, т.е. плохо жили, плохо работали, мало получали и мало травили, десятилетиями ждали бесплатных комнат или квартир от государства, десятилетиями стояли в очереди на получение домашнего телефона.

На селе положение с жильем чуть легче, а с телефонной связью сложнее. Телефоны есть практически только в служебных кабинетах и в квартирах руководителей местных органов власти. Да и то это ведь все местные АТС, дозвониться с которых в другой город или район неизмеримо трудно, в основном через телефонистку.

Коды международной телефонной связи имеют ничтожный процент советских городов. В результате из Москвы в Ленинград по коду связаться можно легко, а вот из подмосковной деревни или городка дозвониться в другую такую же глухую провинцию, пусть отстоящую на 100 или 1000 километров, практически невозможно. Излишне говорить, что свои собственные, автономные и четко работающие всесоюзные системы телефонной связи имели железнодорожный и авиационный транспорт, партийно-правительственные учреждения, службы государственной безопасности и внутренних дел, министерство обороны, а телефонные сети общегражданского пользования обслуживали в первую очередь заказы на междугородные переговоры учреждений (и здесь есть своя иерархия приоритетов), а потом уже частных лиц с домашних телефонов.

А с международной связью еще сложнее. В январе 1990 года в Москве, в роскошной гостинице «Савой» при содействии британской компании в торжественной обстановке был открыт первый в СССР... международный телефон-автомат да и тот с оплатой разговора по кредитной карточке, купленной за валюту, а не на рубли. Позорное событие, если вдуматься и вспомнить, что: (1) нужно потратить от нескольких часов до нескольких суток, чтобы заказать и получить международный разговор из Москвы и других крупных городов, что (2) воспользоваться моментальной автоматической телефонной связью с западными странами можно лишь в Москве иностранцам с особым абонированных и заранее оплаченных валютной телефонов, что (3) еще в 70-х годах в Варшаве любой поляк мог из любого уличного телефона-автомата позвонить в город, а также по коду в любую почти точку своей собственной страны и в десятки зарубежных государств.

Из Москвы (но не из других советских городов) можно было с почти любого домашнего телефона набрать код автоматической связи с абонентами Болгарии, Румынии, Венгрии, Польши, Чехословакии, ГДР, Монголии и даже Кубы; список этот лишний раз подтверждает, что в СССР проблемы идеологических предпочтений и доступ к телефонной связи имели жесткую взаимозависимость.

Журнал «Москоу мэгэзин» (октябрь 1991) так описывал причины наших телефонных мытарств:

«Советский подход к проблемам телекоммуникаций всегда был несколько иным, чем на Западе. Если вы зададитесь вопросом, почему из СССР легче дозвониться на Кубу, чем в Соединенные Штаты, то попадете в самую точку проблемы. Многие годы главы телекоммуникационных объединений западного мира собираются на регулярные встречи, где обсуждают вопросы интеграции всемирной сети связи. Советские эксперты туда не приглашались. Вместо этого они ездили на совещания с партнерами по соцлагерю.

Чтобы преодолеть такое положение вещей, нужно сломать старый барьер – соглашение КОКОМ (Координационный комитет по контролю над экспортом), предписывающее не продавать СССР оборудование, которое может иметь применение в военной области.

«Наши проблемы, – говорит Петр Чачин из НИИ экономики и проблем коммуникации, – можно решить с помощью иностранных компаний, что позволит максимально использовать собственные преимущества. Но зарубежные партнеры хотя бы больше, чем просто продавать свои изделия: они стремятся участвовать в развитии нашей системы, предоставить нам свой опыт обращения с такой системой, наладить взаимное сотрудничество».

Размеры СССР – одно из препятствий. Поэтому главная стратегическая задача – провести телефонные линии в самые отдаленные уголки страны. Сегодня, чтобы добраться до ближайшего телефонного аппарата, нужно порой проделать сотни километров пути.

После установления связи с отдаленными районами необходимо приступить к прокладке большего количества линий связи между крупными городами. Решением здесь может стать спутниковая технология. Возникает также проблема создания сетей в густонаселенных центрах (более 80% звонков из городов имеют локальный характер) и еще одна, связанная с международными линиями связи. Короче говоря, дел много.

Для сравнения можно привести ситуацию с исландским рыбаком. Если он захочет позвонить своему племяннику в Штаты, то набирает прямой номер по одному из 1500 каналов, связывающих его маленькую страну с США. Гигантская же супердержава с населением около 286 миллионов человек располагает всего 2600 каналами связи с внешним миром.

Парадокс в том, что советская фирма «Дальняя связь» («Далс») производит в Ленинграде некоторые из наиболее жизненно важных элементов оборудования, запрещенных КОКОМ. «Такое оборудование для систем волоконно-оптических линий, – говорит ее генеральный директор Юрий Рудов, – относится к третьему поколению. Расстояние между регенерирующими станциями составляет более 70 км. Полагаю, это соответствует мировым стандартам».

Другая ленинградская компания – «Северкабель» уже несколько лет производит линии передач на основе волоконной оптики. Первым опытом установления новых линий в СССР стал трехкилометровый участок, проложенный в 1979 году в Ленинграде. С тех пор заработали линии в Москве, Горьком, Минске, между городами на Урале. Но процесс развития идет очень медленно. Сегодня «Далс» прокладывает 1000-километровую линию связи между Ленинградом и Минском. И, что более важно, на участке Транссоветской магистрали в районе озера Байкал.

«Если бы у нас были западные компоненты, то мы смогли бы начать производство оборудования для новых линий уже сейчас», – подытоживает Рудов.

Проблема не только в санкциях КОКОМ. Ударом стала и ликвидация СЭВ, из стран-членов которого Советский Союз ежегодно импортировал 15 тыс. единиц телекного оборудования.

В СССР ощущается крайняя нехватка цифровых коммутаторов. Правительство намерено произвести 5 млн. таких коммутаторов за четыре года. Для этого учреждено несколько совместных предприятий с известной американской компанией АТТ, итальянской «СТЕТ» и другими западными фирмами. «Сименс» разработал два проекта по производству коммутаторов на территории СССР – в Киеве и на бывшем военном заводе в Ижевске. Из экспонатов в заводском музее мы узнали, что здесь выпускались всемирно известные автоматы Калашникова. Но сведения об остальной продукции до сих пор хранятся в тайне. Представители «Сименса» были потрясены тем, что увидели: «По отношению к работе и техническим стандартам этот завод не уступит тем, что успешно функционируют на Западе», – утверждает д-р Эгерт. Но опять же проблема состоит в нехватке западных компонентов,

которые можно приобрести только за твердую валюту. Советский Союз надеется на получение крупного пакета помощи с Запада.

Кратчайших путей к решению проблем коммуникаций крайне мало, тем не менее сотовые сети радиотелефонной связи могут достаточно быстро помочь в удовлетворении потребностей в телефонизации крупных городов, где жители десятилетиями ожидают своей очереди на получение аппарата и где больше всего телефонных звонков.

Пять лет назад вас бы арестовали за пользование портативной радиостанцией. Только партийным лидерам, КГБ и милиции было позволено играть в эти игрушки. Сегодня столичные деловые люди имеют свою собственную радиотелефонную сеть, созданную совместно с финской фирмой «Нокиа».

Год назад коммерческая Всесоюзная ассоциация радиотелекоммуникаций («Варт») создала ряд совместных предприятий с зарубежными консорциумами. «Варт» — пример перестановок, происходящих в промышленности. Бывшая сфера компетенции бюрократического аппарата, телекоммуникационная индустрия в настоящее время занимается поисками частных капиталовложений от основных пользователей, например мощных промышленных производств. Одна из целей «Варта» — объединить совместные предприятия в крупных городах и свободных экономических зонах для создания технических систем сотовой радиотелефонной связи. Для многих людей, десятилетиями ожидающих получения телефона, радиотелефон — предмет первой необходимости, а не символ престижа. Советские граждане смогут оплачивать эти услуги за рубли. Для тех пользователей, кто будет платить в валюте, стоимость одной минуты составит примерно 25 центов.

Отдельные проекты в области сотовой радиотелефонной связи разрабатываются для Ленинграда (стоимостью 6,7 млн.долл. — с участием американских и других западных партнеров и Ленинградской городской телефонной сети) и Минска.

Создание «Варта» стало возможным в силу перестановок в министерстве связи. Как самостоятельная организация действует концерн «Телеком», которому поручено производство оборудования. Разделение между пользователем и поставщиком имеет своей целью создание некоего подобия рынка.

Но скорее всего наиболее радикальным изменением является привлечение частного капитала в область космических систем. Раньше только военные имели возможность осуществлять такие проекты. Но сегодня Советский Союз приходит к пониманию: уже давно пора начинать получать старомодную капиталистическую прибыль из ведущей мировой технологии. Тем более располагая преимуществом низкой стоимости перед конкурирующими западными системами.

Непонятно, почему в СССР только около 2-3% телефонных каналов имеют связь через спутники. По некоторым оценкам, реальное соотношение должно составлять 50%, особенно для связи между отдаленными районами и городами. Спутники могут относительно быстро удовлетворить потребности тысяч пользователей. В 60-х и начале 70-х годов запуск трех спутниковых систем сотворил чудо для телезрителей в отдаленных районах Советского Союза. Около 98% советских телезрителей смотрят программы, транслируемые через спутники. Правда, проблемой остается строительство наземных станций.

Сегодня советская промышленность средств связи планирует серию запусков спутников при помощи ракетно-космической системы «Энергия», с участием которой выводятся на орбиту космические станции. Тяжелые платформы могут нести не только ретрансляционную аппаратуру, но и более «разумные» системы, например коммутаторы. По некоторым оценкам, к 1993 году можно вывести на орбиту аппаратуру, способную коммутировать разговоры 1,5 млн. абонентов.

Естественно, это очень дорого. Поэтому советские космические объединения вынуждены искать коммерческих вкладчиков. Правительства республик, а также нефтяная и газовая промышленность уже смогли убедиться в прибыльности инвестирования в этой сфере.

Хотя Советский Союз имеет прекрасно отработанную систему запуска космических спутников, западная технология может создать более мощные ретрансляционную сеть и коммутационное оборудование».

Дозвониться из СССР на Запад особенно трудно тем, кто живет не в Москве и не в столицах республик. Тбилисская республиканская газета «Заря Востока» (5.12.1990) поместила без комментариев письмо некоей Е. Шамлиди-Грамматикопуло из г.Сухуми, которая писала, что в течение двух лет не может добиться телефонного разговора с Грецией, с Салониками, где живут ее дети. И ответ на ее жалобу в республиканское министерство связи газета напечатала. Из Тбилиси отвечали, что на всю 5-миллионную республику имеется всего 4 канала междугородной телефонной связи с общей пропускной способностью не более 320 заказов в сутки. Не беспокоя междугородных телефонисток предварительными заказами, можно по коду автоматической связи немедленно связаться из Тбилиси с 200 населенными пунктами в СССР и с 40 в Грузии. Тем, кто в Тбилиси не живет, т.е. остальным жителям республики, намного хуже — автоматическая междугородная связь по коду для них крайне ограничена. (Не случайно ведь, что степень доступа к телефонным сетям — в том числе и междугородным, и международным — в советской среде номенклатурщиков насчитывала всегда десятки градаций и была одним из самых отличительных показателей истинного рейтинга чиновника на служебной лестнице.)

К концу 1990 года американцы добились от советских властей согласия на создание системы прямых переговоров по телефону с использованием международной спутниковой связи «Инмарсат». Ведь телефонные переговоры с советскими партнерами для американских предпринимателей настолько неразрешимая проблема, что легче было сесть в самолет и полететь на переговоры, чем проводить долгие часы в ожидании соединения с абонентом в СССР и... так ничего и не добиться. Попробуйте с Волжского автомобильного завода дозвониться в автомобилестроительную компанию «Дженерал моторс», даже имея в руках проект миллиардного контракта. «Дженерал моторе» в ноябре 1990 года пошла на крупные расходы и оплатила привоз из Нью-Йорка от фирмы «Белка интернэшнл» и «Кэн Шиффер» на берега Волги необходимого комплекта аппаратуры для спутниковой телефонной связи. Миллиардный контракт стоит таких расходов. Если Запад желает вести с СССР дела, то пусть и устраивает себе телефонную связь с нами: примерно так реагировали у нас на энергичные шаги потерявших терпение японцев, которые объявили, что в 1991 году увеличат число телефонных линий связи Токио — Москва с 24 до 60 каналов, а также установят прямую телефонную связь с Ленинградом. В год одного жителя СССР приходилось 7 междугородных вызовов, в ФРГ — 66, в США — 100.

В СССР действовало несколько поколений автоматических телефонных станций — механические, конца 30-х годов, которых уже мало, и координатные, которых у нас большинство (их уже не производят ни в одной технически развитой стране мира). Электронные АТС только начинают у нас производить — осилили к 1990 году производство оборудования для этих электронных АТС лишь на 1 млн. номеров. А их ведь еще и смонтировать надо и установить у абонентов.

В декабре 1990 года был заключен контракт с южнокорейской фирмой «IL SHIN» на поставку полуфабрикатов и сборку на советских предприятиях 0,5 млн. телефонных аппаратов. В дальнейшем экспорт из Южной Кореи предусматривает монтаж в СССР технологических линий для сборки телефонных аппаратов.

Как писала газета «Правда» (6.2.1989), только четверть советских семей имеет дома телефоны. У населения — 22 млн. телефонных аппаратов. Служебного пользования — вдвое больше, если учитывать ведомственные телефонные сети и сети общего доступа. Если отказаться от среднестатистической уравниловки, то выяснится, что в Москве телефонизировано 87 процентов квартир, в городах Прибалтики — 60, а в Свердловске, Горьком, Ашхабаде и многих других крупных городах — от 10 до 15 процентов. О селе говорить и вовсе стыдно; там ведь всего 6 млн. абонентов, чуть больше половины которых — квартирные. В одной только Нечерноземной зоне России 20 тысяч населенных пунктов не имеют телефона и прочих средств связи.

Газета «Советская Россия» (13.10.1990) сообщила, что в Москве очередниками на установку домашнего телефона являются 126 тысяч семей.

Патологическая отсталость инфраструктуры связи имеет у нас идеологическую, мировоззренческую основу. Не случайно ведь, что в бывшей ГДР телефонов сейчас меньше, чем их было до войны. В Венгрии установки квартирного телефона ждут по 10-15 лет.

Кто был под колпаком у Крючкова

Но кое на что денег у нас всегда хватает. Газета «Комсомольская правда» (5.2.1991) сообщила, что в здании Верховного Совета России на Краснопресненской набережной аппаратура для прослушивания телефонных разговоров была обнаружена в комнатах 420 и 420-а, прямо над кабинетом Б. Ельцина. Журналистам «Комсомолки» сообщили, что распоряжение об установке этой аппаратуры сделал бывший управляющий делами Совмина РСФСР, который только что перешел на работу в аппарат КГБ. Ни Ельцин, ни советская пресса воевать с КГБ не стали, и на эту тему никаких сообщений в советской прессе больше не появлялось.

В сентябре 1991 года еженедельник «Аргументы и факты» поместил прелюбопытнейшую заметку «Как Янаев и Лукьянов были «под колпаком» у Крючкова»:

«Бывший шеф КГБ В.Крючков еще 15 августа отдал приказ соответствующим службам о прослушивании телефонных переговоров по линиям правительственной связи – Ельцина, Силаева. Хасбулатова и Бурбулиса. Как ни странно, в этой компании оказались и Янаев с Лукьяновым. Последние двое, как видно, вызывали сильные сомнения у Крючкова. Один по причине слабохарактерности, второй – из-за боязни коварства с его стороны.

Одними из последних жертв телефонной войны Крючкова стали президенты США и Франции Дж.Буш и Ф.Миттеран. Их беседы с Б.Ельциным также были аккуратно записаны на пленку».

«АиФ», то ли под влиянием подписной кампании, то ли по случаю формального расформирования КГБ, выдал после путча ряд сногшибательных материалов о нашем вездесущем монстре. Семья Лопуховых из Москвы, писал «АиФ» (№ 34, август 1991), спрашивает: «Во время путча у нас и у многих знакомых внезапно отключались телефоны, особенно при разговорах с другими городами. Почему?» Ниже следует ответ «АиФ», но никем не подписанный...:

«Этот вопрос интересует многих читателей. Добиться ответа от официальных лиц редакция не смогла. Однако, как нам стало известно из неофициальных, но хорошо информированных источников, из технического центра КГБ (новое здание на Лубянке) осуществляется контроль всех средств связи – междугородной, радиосвязи и т.д. Разработаны различные устройства, которые ведут за этим круглосуточный контроль без участия человека. Существует целая система ключевых слов, после произнесения которых абонентом включается запись разговора с тем, чтобы можно было определить номер телефона звонящего. Скажем, если нужно контролировать «благонадежность», этими ключевыми словами могут быть «ЦК», «партия», определенные фамилии.

19-21 августа ключевых слов («танки», «переворот» и т.д.) произносилось так много, что даже автоматика не могла все это контролировать и записывать, потому разговоры попросту прерывались».

А в № 38 за 1991 год «АиФ» предложил читателям просто шедевр – беседу своего корреспондента П. Лукьянченко с неким майором КГБ И.Проскуриным:

– *«Майор, я знаю, что ты меня подслушиваешь и докладываешь наверх. Знай, майор, я не-ле-вать на тебя хотел». Такое можно было услышать из уст Т.Гдяна во время его особо важных телефонных разговоров. Правда ли, что подслушиванием в КГБ занимаются обычно офицеры именно в вашем, майорском, чине?*

– Прослушивание – это довольно квалифицированная работа. Прослушиванием занимаются необязательно майоры, а, скажем так: в пределах от старшего лейтенанта до майора. На прослушивание же Гдяна могли посадить и полковника.

– *Каким образом КГБ устанавливает подслушивающие устройства у интересующего его человека?*

– Для этого обычно используются три бригады. Первая блокирует место работы, где в данный момент находится этот гражданин, вторая блокирует место работы его супруги.

Третья же бригада проникает в квартиру, выставив наблюдение этажом выше и ниже. Человек шесть в мягких тапочках входят в помещение, отодвигают, к примеру, мебельную стенку, вскрывают небольшой квадрат обоев, высверливают отверстие в стене, помещают туда «жучок», заклеивают обои, а художник из состава этой бригады тщательно ретуширует это место – после чего даже вблизи ничего не заметно. Мебель ставят на место, закрывают дверь и исчезают. Вся операция занимает несколько минут.

– *Говорят, что на телефонных станциях записываются буквально все разговоры и их запись хранится минимум в течение 3 дней. Как можно фиксировать такое огромное количество разговоров? Ведь для этого нужно, соответственно, огромное количество людей?*

– Много людей не надо. Да и чекистам на телефонных станциях сидеть вовсе не обязательно – достаточно подключиться к единой системе АТС. Более того, прослушивать все телефонные переговоры просто нет необходимости. Прослушивание идет выборочно, по заданным номерам.

А с фиксацией нет проблем. Существует система, записывающая разговоры на медленно движущуюся стальную проволоку, которая по надежности превосходит обычную магнитную ленту. Представьте себе две бобины, с одной из которых на другую перематывается несколько сот метров проволоки. Система фиксирует как время переговоров, так и номера абонентов, с которыми шел разговор. Это же система может распечатать содержание разговора.

– *Когда во время разговора слышатся щелчки, то это и есть момент подключения прослушивающего устройства?*

– Совсем необязательно. Щелчки могут быть по многим причинам – где-то плохие контакты, неисправен сам телефонный аппарат. Системы прослушивания никак себя не проявляют – они устроены с таким расчетом, чтобы человек, не подозревая, что его прослушивают.

– *Правда ли, что аппаратура КГБ может разъединять телефонные разговоры по определенным «кодовым» словам?*

– Да. Таким до недавнего времени было, например, выражение: «Долой КПСС».

– *У меня в служебном кабинете есть телефонный аппарат, которым я в данный момент не пользуюсь. Как можно с его помощью подслушать наше с вами интервью?*

– Специальное оборудование позволяет снимать электромагнитные колебания с микрофонной капсулы вашего телефона. Кроме того, можно установить направленные микрофоны, которые с достаточно большого расстояния, скажем, до 200 м, запишут наш разговор. Естественно, что качество записи с увеличением расстояния падает.

С таким же успехом можно вести запись и на улице. Допустим, КГБ заинтересовался каким-то иностранным дипломатом. И нужно подслушать разговоры, которые тот ведет с другими лицами, перемещаясь по традиционному для себя маршруту. Для этого в фасадах зданий, мимо которых он обычно проходит, через каждые 3 метра заранее устанавливаются «жучки», и все разговоры этого дипломата записываются – даже в толпе громко говорящих людей. Не исключая, что многие центральные улицы в Москве буквально нашпигованы подслушивающими устройствами.

– *Под окнами дома, в котором живет Т.Гдлян, по полгода ржавеет то стандартный синий грузовой фургон с надписью «Почта», то автобус львовского производства. Гдлян был уверен, что это спецмашины, специально оборудованные для прослушивания всего, что происходит в его квартире. По слухам, у КГБ их всего три – из-за астро-*

номической стоимости содержащегося в них оборудования. Говорят, у вас их называют «подводными лодками».

– Не уверен, что это были «подводные лодки». Скорее всего – контрольный пункт для слежения за теми, кто входил к Гдяну, то есть так называемая «наружка» – наружное наблюдение. Использовали ли против Гдяна «подводные лодки»? Не знаю. Ведь дешевле установить в квартире подслушивающие устройства.

– А сколько стоят «жучки»?

– От 100 до 200 руб., редко – до 1 тыс.руб.

– Каких размеров они бывают?

– Как правило, небольших. По форме могут быть и квадратные, и круглые, и в виде пуговички, запонки, застёжки, и плоские – чуть толще писчего бумажного листа. Самые миниатюрные – со спичечную головку.

– Каков же у них тогда источник питания?

– Как правило, солнечная батарея.

– Рассказывают, что в кабинете посла США в Москве висел портрет американского президента, подаренный советским правительством. Американцы долгое время не могли обнаружить источник утечки информации о всех разговорах, которые велись в этом кабинете. И однажды один из сотрудников, изучая живописный слой портрета, к своему удивлению обнаружил подслушивающее устройство, вмонтированное прямо в глаз президента.

– Вставить «жучок» в глаз президенту – довольно несложно. Другое дело – это, без сомнения, кошунственная акция».

Самого Горбачева КГБ всегда «слушало», и президент знал об этом. Эту мысль высказывал подробно В. Коротич в своей книге изданной в США, и об этом говорилось выше, в разделе о журнале «Огонек». В нашей стране КГБ не только подслушивал, но и действовал, убирая генсеков – Сталина, Хрущева, назначая их – Брежнева, Андропова, Черненко, Горбачева. Последнего КГБ решил «прижать» на даче в Форосе, да что-то там не все рассчитали. Кто-то кого-то переиграл и часть генералитета КГБ села за решетку, другая – пошла в отставку, а остальные пошли в гору. Лично Горбачев все прежние годы старался укрепить власть «госбезопасности», чтобы опереться на нее.

12 июня 1990 года Президент Горбачев узаконил прослушивание телефонных разговоров – в тот день он подписал указ о дополнениях и изменениях, вносимых в Основу уголовного судопроизводства СССР. Комментируя президентский указ, московская газета «Мегаполис-экспресс» отмечала наличие в нем статьи 35 «прим», узаконивающей на территории СССР «прослушивание телефонных и иных переговоров». В тексте статьи говорится, что прослушивание телефонного разговора – официальное следственное действие, совершающееся при наличии возбужденного уголовного дела по конкретному преступлению. «В таком случае, – написано в статье 35 «прим», – орган дознания или следователь выносят постановление и обращаются к прокурору за санкцией на прослушивание». Постановление официально направляется в соответствующий орган связи, через который будут слушать телефонные переговоры.

Комментируя новую статью, заместитель начальника отдела правового обеспечения деятельности органов внутренних дел МВД СССР подполковник Александр Турбанов заметил, что для практического использования статьи о прослушивании разговоров совершенно необязательно создавать какие-то новые мощные техниче-

ские системы. «Все гораздо проще, – заметил подполковник в беседе с корреспондентом «Мегаполиса». – Достаточно пользоваться теми техническими средствами, которые сейчас уже имеются. В санкционированном прокурором постановлении, с которым мы обращаемся в учреждение связи, должно быть указано: переговоры какого лица предполагается прослушивать и каков номер его телефона. Работники связи обеспечивают чисто техническую операцию – подключение к этому номеру телефона. Для этого даже не надо выделять каких-то особых помещений – есть узлы, около которых технически просто осуществить это подключение».

Впрочем, как заявил далее А. Турбанов, помимо прослушивания телефонных разговоров как официального следственного действия ведется негласная оперативная работа, которая «не регламентируется уголовно-процессуальным кодексом».

КГБ занималось организацией правительственной связи, которая осуществлялась якобы затем, чтобы обеспечить секретность переговоров важных лиц. Такие самые популярные в Москве издания, как «Столица», «Независимая газета», «Аргументы и факты», «Куранты» телефонной спецсвязи никогда не имели, и поэтому с особым удовольствием сообщили своим читателям все, что знали. Они только не сказали, что трудно заниматься журналистикой да и вообще любой общественной деятельностью в стране, где до сих пор нет телефонных книг, где до справочных служб дозвониться невозможно... Поэтому, наверное, чем выше уровень советского начальства, тем больше его рабочая комната напоминала мощный узел связи с десятками (!) телефонных аппаратов.

«АиФ» (№ 36, 1991) так описал телефонную сеть КГБ для элиты московской номенклатуры:

«Существуют две автоматические телефонные станции (АТС-1 и АТС-2), которые обеспечивают правительственную телефонную связь. В «Правилах пользования телефонным аппаратом сети правительственной АТС-1» указывается, что эта сеть является специально выделенной сетью правительственной связи г. Москвы и что она позволяет вести секретные переговоры.

В списке абонентов АТС-1 более 600 человек. АТС-2 – около 6 тыс. человек.

ДОКУМЕНТ. Из ответа председателя КГБ СССР В. Крючкова Комиссии ВС СССР по вопросам льгот и привилегий:

«Что касается вопроса об обеспечении правительственной телефонной связью, то в соответствии с постановлением инстанций от 13 июня 1979 г. № 558-183, другими действующими нормативными актами затраты КГБ СССР на ее содержание ведомствами, государственными и общественными организациями, в том числе и ЦК КПСС, пока не возмещаются.

Затраты на содержание одного аппарата правительственной междугородной связи (ПМ) в год составляют 46 тыс. руб., а одного аппарата правительственной городской связи (АТС-1, АТС-2) 16 тыс. руб. У пенсионеров – бывших руководящих работников ЦК КПСС, других государственных и общественных органов имеется на квартирах 30 аппаратов правительственной связи... В 1988 г. был снят 61 аппарат, в 1989 г. – 42, в 1990 г. – 47, в 1991 г. – 18 аппаратов...»

ДОКУМЕНТ. Из запроса Комиссии ВС СССР по вопросам льгот и привилегий председателю Контрольной палаты СССР А. Орлову.

«...Согласно справке Минфина СССР, расходы КГБ СССР на использование правительственной связи КГБ СССР руководящими работниками государственных органов и общественных организаций составляют 500 млн. руб. в год...»

За счет бюджета КГБ СССР обеспечивались секретной правительственной связью московские периодические издания, список которых по состоянию на текущий момент приводила «Независимая газета» (4.7.1991):

«Вечерняя Москва», «За рубежом». «Земля и люди», «Комсомольская правда». «Красная звезда», «Ленинское знамя». «Литературная газета», «Правительственный вестник», «Рабочая трибуна», «Московские новости», «Неделя», «Сельская жизнь», «Советская культура», «Советская Россия», «Собеседник», «Советский спорт», «Союз», «Труд», «Щит и меч», «Экономика и жизнь».

Такой телефон имеют почти все члены редколлегии «Правды», «Известий» – газеты Верховного Совета СССР, в отличие от «Правды» – органа всего лишь одной из существующих партий. Тут другие принципы, и, руководствуясь ими в справочник КГБ занесены журналы: «Вопросы истории КПСС», «Диалог», «Журналист», «Гласность», «Знамя», «Коммунист», «Крестьянка», «Международная жизнь», Народный депутат», «Новое время», «Новый мир», «Октябрь», «Огонек», «Работница», «Родина», «Советская женщина», «Советский Союз».

Отход от коммунистических позиций не лишил независимые газеты «Вечерняя Москва» и «Московские новости» надежной оперативной и защищенной линии связи».

Такие же системы спецсвязи КГБ содержал для самых верхов во всех столицах республик и областных центрах. А еще такие, даже еще более обширные структуры связи у военных, у самих КГБ и МВД... Если бы эти миллиарды народных денег хоть как-то способствовали расширению общедоступных систем телефонной связи в стране! Наоборот. Дополнительные миллиарды рублей шли впустую: на неафишируемое постоянное прослушивание, запись, охрану телефонных сетей – от кремлевской АТС-1 до городских, сельских, фабричных, военных, пожарных и даже «телефона доверия» для психологической помощи потенциальным самоубийцам.

Вот поляки правильно поступили. Кто хочет в Варшаве иметь доступ к автономной сети для деловых контактов на 2 тысячи абонентов – плати в год по тысяче долларов (для сравнения, за обычный телефон надо платить 200 долларов в год). С уходом коммунистов положение со связью резко изменилось – в Польше уже почти заменили всю телефонную связь, основная часть которой была создана в 30-е годы. За 6 месяцев варшавяне сделали в телефонии больше, чем за полвека: купили для столицы 420 км волоконно-оптического кабеля и самое современное цифровое телефонное оборудование. В Польшу ведь свобода и частный капитал пришли раньше, чем к нам.

Газета «Правда» (18.11.1990) сообщила, что Московская центральная фондовая биржа и Московская товарно-сырьевая биржа для налаживания своей предстоящей деятельности в масштабах страны планируют потратить 50-60 млн. рублей для выведения на орбиту своего спутника связи. Проект более отдаленного будущего для советских бирж, концернов и совместных предприятий состоял в выведении на орбиту целой платформы, с помощью которой можно будет наладить связь со всем миром. Проекты, прожекты... Но надо быть оптимистом и признать, что еще год назад самих бирж в Москве тоже не было.

Космическая оборонная промышленность, оказавшись перед угрозой лишиться неограниченных кредитов, заявляет в прессе, что она могла бы с помощью начиненных электроникой платформ на орбите в космосе решить проблему телефонизации всех медвежьих углов необъятной Советской Сибири и Дальнего Востока. Загвоздка лишь в низком качестве советской электроники, которая ограничивает срок службы наших спутников связи 3-5 годами, тогда как американские и европейские работают по 7-10 лет, а в перспективе срок их жизни возрастет до 15 лет.

Где же выход? Переходить на волоконно-оптический кабель. Но мы его пока не производим в промышленных масштабах, только опытные партии. В СССР первая волоконно-оптическая телефонная система с использованием световодов с низкими потерями на основе кварцевого стекла была создана в подмосковном городе Зеленограде. Советские академические Институт общей физики, Институт химии, а также Институт радиотехники и электроники изготовили необходимое оборудование в своих лабораториях и открыли в 80-х годах ряд телефонных линий в Москве, Ленинграде, Горьком.

КОКОМ не согласен продавать нам волоконно-оптическую технику

Запад, в силу ограничений КОКОМ, отказывается знакомить нас и продавать нам новейшую технологию в сферах волоконной оптики и электроники. Заключение было крупный контракт с бельгийским филиалом французской фирмы «Алькател» на поставку телефонного оборудования, но ничего не вышло — договор был заблокирован в сентябре 1989 года из-за ограничений КОКОМ на экспорт технологий странам-участницам Варшавского Договора. Данный контракт предусматривал выпуск в СССР цифровых автоматических телефонных станций, мощностью полтора миллиона номеров ежегодно.

Министерство связи СССР дало согласие принять участие в прокладке на территории СССР нашей части кругосветного трансконтинентального волоконно-оптического кабеля связи. В результате где-то к 1993 году могла бы быть организована Всемирная цифровая сеть связи.

Эта сеть будет функционировать совместно со спутниковыми системами связи, такими как «Интелсат» и «Интерспутник». Глобальное кольцо сможет удовлетворить потребности мирового сообщества в межконтинентальных и межгосударственных связях для обмена телефонными и факсимильными сообщениями, для передачи данных и связи между ЭВМ, позволит сотням миллионов абонентов с помощью персональных компьютеров пользоваться достижениями электронной

почты, получать все виды информации из национальных и международных банков данных.

Сооружение Транссоветской линии волоконно-оптической связи как важнейшего сегмента глобального кольца призвано обеспечить обмен мощными потоками информации между Европой и Азией, со странами Тихоокеанского бассейна, включая Японию, другие страны Юго-Восточной Азии, Океании, а также Австралию.

Сооружение Транссоветской линии связи, по оценке западных и советских специалистов, явилось бы крупнейшим проектом конца двадцатого века. Это касается и протяженности ТСЛ — порядка 17 000 километров. Международная система ТСЛ будет иметь три зарубежных участка. Северный соединит Копенгаген (Дания) с Москвой, Южный пройдет от Палермо (Италия) до Севастополя, и Восточный — от Находки до Ямады (Япония).

Национальная система ТСЛ, пройдя от западных до восточных границ России, обеспечила бы высококачественной международной связью не только города вдоль всей трассы, решила бы проблему междугородной связи Запада и центра страны с развивающимися регионами Сибири и Дальнего Востока. Ведь национальная система, так же как международная, будет содержать около 8 тысяч цифровых телефонных каналов.

Сложившаяся международная практика дает возможность заранее осуществить продажу каналов связи будущей магистрали, а вырученные средства направить на ее создание. Около половины стоимости ТСЛ на территории СССР (несколько сот миллионов долларов) должна была составить стоимость оборудования — оптического кабеля, электронной системы передачи информации, а вторую половину — стоимость строительства. Все оборудование и кабель как для международной, так и национальной системы ТСЛ готовы поставить зарекомендовавшие себя иностранные фирмы, причем на конкурентной основе, а следовательно — самое современное.

Министерство торговли США и в мае 1990 года и впоследствии продолжало настаивать на своем несогласии относительно поставок в СССР для строительства волоконно-оптической линии связи Европа — Япония продукции ряда западных фирм. Хотя последние и уверяли, что риска никакого нет, советской стороне будет передана технология предыдущих, а не новейших поколений. США, так же как и остальные страны-члены КОКОМ, в 1990-1991 годах так и не решились в итоге ослабить запреты на продажу в СССР современной технологии в сферах коммуникации. 6 июня 1990 года палата представителей американского конгресса 340 голосами против 6 запретила экспорт в СССР множества видов высоких технологий в знак протеста против блокады Литвы. Точно такой же была реакция парижской штаб-квартиры КОКОМ на

трагические события в Литве января 1991 года. Блокада ужесточится, заявляли американские должностные лица, если Горбачев притормозит эмиграцию евреев из СССР. И американцев можно было понять.

Не вызывает у них чувство успокоенности, по словам «Российской газеты» (5.2.1991), что из миллиона ста тысяч рабочих Ленинграда 700 тысяч заняты в оборонной промышленности. И Ленинград далеко не единственный у нас город с подобным соотношением. Ну не хотят на Западе еще одного Саддама Хусейна; и там очень рады, что советская радиолокация, кораблестроение, вся электронная военная техника отстают от западных аналогов точно так же, как советский телевизор от японского. И США очень устраивает, что одна американская подводная лодка может легко уничтожить десяток советских, потому что ходит она в несколько раз бесшумнее, чем любая наша («Известия», 4.2.1991).

Ну не может Запад нормально воспринимать информацию о том, что на 1991 год на закупку оружия советскими военными было запрошено 40 миллиардов рублей, а на народное образование предполагалось выделить лишь 4,6 млрд., а на здравоохранение — 2,9 млрд. рублей (народный депутат СССР Г. Арбатов, «Известия», 10.1.1991). Академик Арбатов тут же поясняет, что один советский рубль, затраченный на закупку гражданской продукции, соответствует примерно 0,5 доллара. А один «военный», потраченный на оружие и военную технику, «тяжелее» гражданского в 6-9 раз. Вот и получается, что истраченные в 1990 году на закупки оружия 30 млрд. рублей равны совершенно фантастической сумме.

А ведь на 1991 год Совмин СССР запросил на все военные расходы (в том числе и на закупку оружия) почти 100 млрд. рублей. И это на фоне разговоров о некотором сокращении расходов на оборону; в то время как обстановка в мире позволяла СССР не только не наращивать, но радикально сократить военные расходы. Добавлю от себя, что Арбатов да и мало кто из его коллег-депутатов точно знал действительное положение вещей в советской экономике. Профессор А. Ракитов, член высшего консультативного совета при парламенте России, свидетельствовал, что исчерпывающей и достоверной экономической информации не удалось получить даже группе Шаталина-Явлинского, работавшей летом 1990 года под патронажем Горбачева-Ельцина над программой «500 дней». Ракитов приводил данные Всесоюзного НИИ технической информации, что информированность наших ученых в 100 раз ниже, нежели в США, да и отдача соответствующая.

После августа 1991 года мы как будто получили шанс второй раз родиться. Хочется верить, что в посткоммунистической России удастся построить не только ТСЛ, о которой идет речь в статье журнала «Москво мэгэзин» (август, 1991):

«Вице-президент крупнейшей из дочерних фирм американской телефонной корпорации «Белл» Стэн Крэмpton стал среди иностранных обитателей советской столицы живой легендой. Возглавив одновременно USSR Enterprises, отделение компании «Ю-Эс Вест» по работе в Советском Союзе. Стэн Крэмpton ухитряется всего за десять дней побывать на деловых встречах в Сеуле, Токио, Копенгагене, Стамбуле, Вашингтоне, Софии и Москве.

«Постоянный» житель Москвы с февраля 1991 года, этот 52-летний бывший полупрофессиональный хоккеист начинает свой рабочий день в 7.30 утра с делового завтрака в гостинице «Савой», которую уже считает своим домом. «Ю-Эс Вест» основала совместное предприятие с Министерством связи СССР для деятельности в сфере телекоммуникаций. Самый крупный на настоящее время проект нового СП, которое носит название «Интернэшнл гейтуэй корпорейшн», это Транссоветская линия (ТСЛ), способная в будущем соединить Советский Союз с остальным миром. По этому проекту фирма «Ю-Эс Вест» должна проложить волоконно-оптический кабель по территории СССР и за его пределами, чтобы соединить Юго-Восточную Азию и Европу, используя новейшую телекоммуникационную технологию в передаче больших объемов информации. ТСЛ пересечет 11 временных зон Советского Союза и стекловолоконным кабелем протянется на 12 тыс. километров от дальневосточного порта Находка до Балтийского моря. Крэмpton считает, что проекты столь невиданных масштабов до сих пор нигде в мире не осуществлялись.

Почему Советы призвали для работы над проектом именно «Ю-Эс Вест»? Отчасти фирма должна благодарить Гэри Карта. В 1988 году, выбыв благодаря амурной истории с Донной Райс из предвыборной гонки, Харт занялся международным бизнесом и особый интерес проявил к Восточной Европе. В поисках западного партнера для ТСЛ к нему обратился руководитель службы внешних сношений Минсвязи СССР Петр Кураков, а Харт, «настоящий уроженец Колорадо», по определению Крэмптона, в свою очередь, предложил участвовать в проекте фирме «Ю-Эс Вест» из Денвера.

За последние два года проект ТСЛ разросся настолько, что теперь в нем участвуют 12 партнеров, но и это еще не предел. Помимо «Ю-Эс Вест» и Минсвязи СССР, к нему присоединились австрийская ОТС, японская KDD, южнокорейская КТ, крупнейшие телекоммуникационные компании Дании, Франции, Великобритании, германская «Бундеспост», итальянская СТЕТ, испанская Telefonica и турецкая РТТ (последнее завоевание Крэмптона, взятое им «на борт» в марте 1991 года). «Мне пришлось вести переговоры с каждой из этих компаний. — рассказывает Крэмpton. — Чтобы система работала, нам пришлось привлечь партнеров, без которых доступ всемирной телекоммуникационной сети на территории Советского Союза невозможен». «Ю-Эс Вест» будет отвечать за поставки и укладку волоконно-оптического кабеля, а также за текущие работы в СССР, а остальные партнеры обеспечат международную связь на своих участках.

Из Москвы потянутся три международных линии: одна — к югу, до Черного моря, оттуда на Стамбул и Средиземноморье; другая — к северу, до Ленинграда и Прибалтики, а потом подводным кабелем в Скандинавию; третья — на запад, в Центральную Европу. Крэмpton говорит, что система свяжет Японию, Австралию и другие страны этого региона с точками приложения их экономических интересов: Великобританией, Францией, Германией, а через трансатлантическую кабельную связь — с североамериканским рынком.

Крэмpton предпочитает стекловолоконную оптическую связь спутниковой, поскольку первая обеспечивает «высококачественную передачу без искажений, неизбежных при космической связи». Сигнал, посланный через спутник, должен проделывать 22 300 миль сквозь атмосферу к передатчику, а потом столько же — обратно к Земле, что приводит к большим задержкам во времени и наложению эха. «В мире хватает толковых инженеров, но расстояние не перехитришь!» — говорит Крэмpton. А волоконный кабель обеспечивает прямую связь и, следовательно, чистый, ясный сигнал, не искаженный эхом. Но, как и при любом грандиозном проекте, намеченном к осуществлению в СССР, возникает вопрос: насколько это все реально?

Крэмптон настроен оптимистично. «Мы полагаем, что это только вопрос времени. — говорит он. — В любой стране развитие телекоммуникационной инфраструктуры является одним из условий экономического подъема. Это же очевидно».

Самое главное — то, что в Советском Союзе, похоже, наконец признали эту очевидную истину. Крэмптон уверяет, что и его партнеры, и правительство страны осознали важность развития телекоммуникационной инфраструктуры.

Развитая система телекоммуникаций необходима для привлечения западных бизнесменов. «Большинство из них убеждены, — замечает Крэмптон, — что их прирожденное право — звонить когда угодно и куда угодно; то, что здесь это не всегда возможно, — тяжелый удар для них. Если Советский Союз заинтересован в привлечении крупных западных фирм и корпораций, он должен обеспечить их старым добрым телефоном».

Так за чем же дело стало? В отличие от многих «буксующих» совместных проектов «Ю-Эс Вест» не встретил никаких бюрократических препон, и у Крэмптона нет оснований жаловаться на советских бюрократов. «Считаю, нам крупно повезло, — говорит он, добавляя самые теплые слова в адрес союзных и российских министров и замминистров связи. — Это на редкость компетентные люди, с западным образом мыслей и с сотрудниками, не менее предприимчивыми в поисках решений, чем наши бизнесмены... Работать с ними — одно удовольствие».

Главные противники «Ю-Эс Вест» — правительство США и КОКОМ, контролирующий экспорт западных технологий. Крэмптон утверждает, что волоконно-оптический кабель, который собирается использовать «Ю-Эс Вест», не относится к передовой технологии, запрещенной к вывозу в СССР. «В Советском Союзе есть необходимая технология, там его производят сами, правда, не всегда в достаточном количестве». И тем не менее между членами КОКОМ существует «джентльменское соглашение» не экспортировать кабель. Почему? Да потому, что — в отличие от спутниковых и микроволновых линий связи — волоконно-оптические не поддаются легкому прослушиванию. Именно это и заботит правительство США и КОКОМ. Поэтому в середине мая КОКОМ снова нанес удар по планам прокладки транссоветской линии, подтвердив свой запрет на экспорт в СССР стекловолоконного кабеля.

Крэмптон говорит, что предвидел такое решение, но, тем не менее, «Ю-Эс Вест» продолжит бороться против ограничений, считая проволочки временными. А пока компания намерена восполнить пробелы в советской системе телекоммуникаций развитием альтернативных технологий: цифровой микроволновой и беспроводной телефонной связи — в основном для обслуживания западных бизнесменов. КОКОМ разрешает проложить кабель почти до самой границы СССР, не доходя до нее 10 километров. А оттуда связь будет осуществляться при помощи альтернативных технологий. В конечном счете, надеется Крэмптон, либо КОКОМ снимет ограничения, либо в СССР начнут производить больше кабеля, и тогда его можно будет проложить и по территории Союза».

Смешно, почти абсурд, не правда ли? Американские спецслужбы во всеуслышание, не стесняясь, говорят, что не смогут со своих спутников-шпионов прослушивать переговоры, ведущиеся по волоконно-оптическим линиям. И поэтому США пока против строительства ТСЛ.

Хотя на сегодня и само название ТСЛ — «транссоветская линия связи» — придется менять. Кольцо связи, этот проект века, должно перестать быть кольцом запретов. Мы, конечно, его и сами можем сделать. Пока что специалисты из 23 стран мира (38 фирм) заняты строительством аналогичной оптической линии связи между Японией и Сингапуром. Кабель длиной 7500 км на 7560 каналов связи начнет функционировать в конце июля 1993 года.

Американцы, правда, имеют достижения и на территории бывшего СССР. В конце октября 1991 года в присутствии первого Президента Республики Армении Левона Тер-Петросяна и президента международной группы компании АТТ Сэма Уилкоксона (США) в Ереване состоялась торжественная церемония открытия международной автоматической телефонной станции.

Выступая на церемонии «первого звонка», С. Уилкоксон сказал, что для Армении это большой день, а для компании это великий день. В честь открытия международной АТС впервые с 1922 года выпущена памятная марка Республики Армении.

Новая станция позволила связать одновременно 180 абонентов из Еревана с Соединенными Штатами Америки. 90 каналов связи открыто с Францией. Абонент теперь может напрямую звонить в Армению из заграницы и наоборот, — из Еревана в любую точку земного шара, — не пользуясь услугами московской ЦМТС.

Станция обошлась примерно в шесть миллионов долларов. Окупится она в ближайшие два года. Первые 50 абонентских номеров получили предприятия, которые зарабатывают конвертируемую валюту для республики, офисы представительств иностранных фирм и иностранные корреспонденты. Граждане республики смогут позвонить за границу с двух переговорных пунктов в Ереване, также оплатив разговор в долларах, франках и т.д.

Цифровая телефонная система «SESS» считается сегодня самой современной в мире. И саму систему, и соединенную с ней наземную станцию спутниковой связи в пригороде армянской столицы поставила компания АТТ. Американцы обещали, что первые 500 номеров — это только начало, вторая очередь ереванской ЦМТС свяжет с миром десятки тысяч абонентов. Технический подвиг АТТ в Армении состоит в том, что эта первая в СССР периферийная (немосковская) международная телефонная станция была построена США в небывало короткие сроки — от подписания контракта до «Первого звонка» прошло всего 8 месяцев.

АТТ сотрудничает с СССР 40 лет, обеспечивая все телефонные связи нашей страны с США. Во время землетрясения в Армении фирма АТТ Network Systems International самолетом перебросила в пострадавшие районы контейнерную станцию для международной телефонной связи.

Другая американская фирма, «Ю-Эс Вест», о которой уже говорилось выше, заставила заговорить о себе в сентябре 1991 года всю советскую прессу. В Санкт-Петербурге у 750 абонентов (к началу 1992 г. — 3 тысячи, а в 1995 году — 500 тысяч абонентов) фирма установила переносной радиотелефон для связи с обычной городской телефонной сетью, с национальными и международными линиями связи. Питер стал первым городом России с коммерческой сотовой телефонной системой радиосвязи. Подключение к системе стоит 2000 долларов. Еже-

месячная абонентная плата, дающая право на 210 минут переговоров, составляет 195 долларов. Каждая минута сверх этого лимита стоит 65 центов. За подключение к междугородным и международным линиям связи взимается 25 долларов ежемесячно. Аренда телефонных аппаратов стоит 50-75 долларов ежемесячно в зависимости от модели. Фирма «Ю-Эс Вест» обслуживает за рубли до трети своих петербургских абонентов — мэрию, милицию, пожарных и скорую помощь.

В начале весны 1992 года аналогичная система сотовой телефонной радиосвязи была открыта и в Москве, той же фирмой «Ю-Эс Вест». Вот так кончилась в бывшем СССР монополия белых телефонов с золоченым гербом СССР на диске. Как сказал корреспонденту «Мегаполис-экспресс» (19.9.1991) президент фирмы «Ю-Эс Вест» Ричард Д. Маккормек: «Я абсолютно убежден, что никогда бы Горбачев не оказался «вне игры» у себя на крымской даче, если бы имел радиотелефон. Сотовая система обеспечила бы ему и другим его коллегам, отрезанным от мира в дни путча, быстрый доступ к местным, национальным и международным линиям и высококачественную связь».

Теперь «звякнуть» в Штаты можно у нас будет и частному лицу из собственного автомобиля. Сотовая связь значительно превосходит все другие системы связи по возможностям и по качеству. Действие ее основано на том, что территория города делится на небольшие участки — «соты», каждый из которых обслуживается радиопередатчиком, подключенным к коммутационному центру с выходом на все телефонные сети.

Пока же советские газеты помещают такие вот заметки — «Московский комсомолец» (3.8.1991), по случаю приезда Дж. Буша к М. Горбачеву, под заголовком «Связь с Москвой установлена! Небольшое послесловие к встрече в верхах» (автор — Элина Николаева):

«В Центре международной торговли разместился пресс-центр Белого дома. Вся необходимую работу для обеспечения его жизнедеятельности проделала фирма «Интерконгресс». На этот раз фирме все пришлось делать в пожарном порядке. Сообщение о том, что в «Совинцентре» разворачивается пресс-центр Белого дома, пришло 18 июля — за десять дней до визита господина Буша. За семь дней при круглосуточном режиме работы основных технических служб связи, энергоснабжения, мелкого ремонта, строительных работ — они фактически сделали невозможное и создали условия для работы ведущих телекомпаний мира — Си-Эн-Эн, Эй-Би-Си, Эй-Эйч-Кей и других крупных информационных агентств. Вся телевизионная и передающая аппаратура американцами была привезена с собой. Правда, электросиловые кабели, мебель сдал в аренду «Совинцентр». Тысяча триста пятьдесят квадратных метров конгресс-зала вместили в себя во время прямой трансляции больше тысячи корреспондентов. Шесть первых рядов по восемь секций американское посольство забрало под своих и продало их еще в Штатах. Белый дом через фирмы-посредники лично занимался торгами. На каждом столе журналиста конгресс-центра — по два телефона, телексная и телефаксная связь. Телефоны с диском — советские, кнопочные — американские. Через американский спутник связи журналисты мира напрямую связываются со

своей страной. Нет проблем. Группа, которая сопровождает Президента США во всех его поездках, — шестьдесят человек техперсонала — обеспечила связь мира с Москвой. Все ведущие теле- и радиоконпании, информационные агентства платили американцам за возможность пользоваться техникой. Как рассказали коллеги с первых рядов в конгресс-зале, одно зарезервированное место обошлось их изданию в пять тысяч долларов. Огромные принимающие и передающие антенны были установлены прямо на крыше «Совинцентра», а телекомпания Эй-Би-Си построила на крыше «Международной-1» передающую станцию в виде большого деревянного сарая. Что делать, фронт работ надо было обеспечить во что бы то ни стало.

Кортеж журналистов, сопровождающих господина президента, прибыл вечером 29 июля на «Боинг-747» вслед за правительственным самолетом. Это было нашествие. Вместо того чтобы, как нормальные люди, идти в гостиницу расселяться, отдохнуть с дороги, они потребовали привезти их в конгресс-зал, где первым делом, побросав все вещи в холле, бросились занимать места и связываться со своими редакциями.

Ведущий консультант «Интерконгресса» Владимир Вартанов утверждает, что «в Москве давно назрела необходимость иметь большой Центр конгрессов, со всей необходимой инфраструктурой, вспомогательными помещениями, большими и маленькими залами, хорошим пресс-центром, со стационарно оборудованной телефонной, телефаксной, телексной и спутниковой связью». Ведь на этот раз из Си-Эн-Эн завезли чуть ли не семь грузовиков оборудования и фактически построили довольно мощный телецентр не в осажденном Багдаде, как во время недавней войны, а в мирной столице огромного государства. Иного пути качественной передачи информации из Москвы, получается, нет».

Есть, почему же! Московское отделение газеты «Вашингтон пост» 5000 долларов в месяц платит за обычный телефонный аппарат в своем бюро. Телефон имеет код городской столичной американской сети, и корреспонденты разговаривают по нему так же легко с любым коллегой в заокеанской редакции, как если бы они находились у него за стенкой, в соседней комнате. Так же легко можно набрать номер и подружки в вашингтонском пригороде. Сколько хочешь говори, все уже уплачено — пять тысяч долларов в месяц.

Конечно, не только американские телефонные компании творят у нас свои технические чудеса. Австрийские компании, при содействии американцев, были первыми, кто организовал для грузинского правительства в марте 1991 года прямой выход телефонной связи на коммутатор в Вене, а оттуда и на весь мир, минуя Москву. Так была нарушена монополия Центра на всю международную телефонную связь. Грузины говорили тогда, что имей они такой выход в мир двумя годами раньше, то трагедии 9 апреля 1989 года на проспекте Руставели в Тбилиси можно было бы избежать.

Турецкие компании открыли в 1991 году 60 каналов прямой телефонной связи с Азербайджаном, использовав для этого турецкий спутник. А также организовали в Баку совместное производство цифровой телефонной аппаратуры. Впервые открылась и прямая телефонная и почтовая связь между Грузией и соседней с ней Турцией. А то ведь 70

лет как было — все шло через Москву, почтовые отправления, телефонные и телексы, линии, поездки...

От дальневосточного города Находки до Токио быстрее можно было добраться на корабле, чем дозвониться туда через... Москву. Японцам это надоело, и они завезли в конце 1991 года во Владивосток оборудование для системы, рассчитанной на 120 каналов. Это даст возможность распределить их поровну между США, Японией, Китаем и Сингапуром.

При Сталине — Брежневе звонить за границу не рекомендовалось, при Горбачеве можно — из крупных городов и за валюту. Еще несколько лет усилий на нашем рынке таких корпораций, как японская НЭК, немецкая «Сименс», бельгийская «Алькател Белл», французская «Алькател», не говоря уже о фирмах США, — и в цивилизованный мир можно будет позвонить из глухой русской провинции, быстро, за рубли, истратив при этом сумму все же меньше месячного оклада простого советского инженера...

Перлюстрация всех писем...

СССР отстал от Запада на две эпохи — постиндустриальную и постинформационную. По жизненному уровню мы стоим в шестом десятке стран мира и продолжаем катиться вниз. У нас систематически нарушаются права человека, царит культ секретности и милитаризма. Советская почта подчинялась десятилетиями не столько министерству связи, сколько службам партийной пропаганды и политического сыска.

Почта у нас занимается всеми видами распространения периодики, доставляет посылки, письма, телеграммы, денежные переводы, пенсии. В лучшие годы письмо шло из одного советского города в другой — неделю, в сельскую местность намного дольше. Во многих советских даже крупных городах, не говоря уже о деревнях, газеты и письма почтальон разносит по домам один раз... в неделю.

Для неотложных нужд самого высокого слоя советской номенклатуры КГБ СССР содержало свою собственную почту, фельдсвязь. Между Москвой и сотнями республиканских и областных центров сновали фельдгегери, курьеры в военной форме с баулами и обеспечивали доставку якобы секретной почты не дольше чем за сутки. Факсмашины, импортные (своих нет), вошли у нас в моду только к началу 90-х годов. Партаппарат у нас любил все больше шифрограммы или красные конверты с тройными стенками из черной светонепроницаемой бумаги, облепленные тяжелыми, как два века назад, сургучными печатями.

В последние месяцы своего существования КПСС вознамерилась придушить гласность многократным повышением почтовых тарифов

на рассылку периодики подписчикам и в газетные киоски. В 1990 году это же наступление партаппарата было осуществлено через десятикратное (!) повышение цен на бумагу. В 1991 году Минсвязи СССР объявил, что будет брать с редакций в 1992 году 52 процента стоимости каждого экземпляра периодического издания — неважно где будет продаваться этот экземпляр московской газеты, в киоске на соседней улице или в Магадане.

Журналисты подсчитали свои убытки и ужаснулись. Как и в минувший год, им пришлось вновь повысить цену на свои издания; а значит, и примириться с неизбежным падением читательского спроса. Связисты, понятное дело, на ЦК КПСС и КГБ не ссылались. Министр связи СССР Г.Г.Кудрявцев решил как-то выйти из положения и «объяснил»: «...приоритетного развития связи требует обороноспособность страны» («Московский комсомолец», 11.7.1991). Нелепый аргумент гнусной политики. Есть ведь у нас войска связи, пусть они и занимаются своими делами. Правда, все мы знаем, что у нас никогда не было гражданских министров — все они, в первую очередь, служили интересам военных. Общий результат такой политики печален.

Телефонов у нас нет, а за удовольствие читать газету субсидируй в очередной раз военно-промышленный комплекс, а также ненасытную до денег и власти КПСС. А уж последняя не обидит, а щедрыми суммами в долларах профинансирует и в 1990 году (и до него, и после) так называемые «фирмы друзей»: «Пиплз дейли уорлд» (США), «Унита» (Италия), «Морнинг стар» (Англия), «Ризоспастис» (Греция), «Глобус» (Австрия), «Ланд-ог-Фольк» (Дания), ОПФ (Франция), «Пергамон пресс» (Англия), «Эдитори риунити» (Италия), «Аванте» (Португалия) и многие десятки (!) таких же прокоммунистических изданий и издательств Запада (см. «АиФ», № 42, 1991).

Мы ведь помним, как в течение десятилетий в каждом (!) газетном киоске нашей необъятной империи продавались французская коммунистическая газета «Юманите» и журналы ФКП «Кайе дю коммунизм» и «Экономи э политик». И почему-то еще франкоязычная газета из Алжира. В киоск поступали новые номера, а пожелтевшие, нераспроданные шли на списание. В Париж и Алжир, конечно же, вместо макулатуры, шли полновесные доллары и франки. Наша почта при Сталине — Горбачеве, до 1990 года, лимитировала, ограничивала тиражи всей периодики. Свободно подписаться или без особых проблем купить в киоске можно было лишь «Правду», республиканские партийные газеты и пяток действительно никому не нужных партийных, «теоретических» журналов, плюс издания компартий Франции и Англии.

Прессу других компартий, даже «братских» государств Восточной Европы «Союзпечать» по своим киоскам не разбрасывала. Потому что даже из польской коммунистической газеты «Трибуна люду» можно

было почерпнуть немало интересного. Да и где была бы логика — ведь польские «рабоче-крестьянские» верхи сами слали в Кремль посылки с миллионами долларов на прокорм «прогрессивной общественности» на Западе. По указке ЦК КПСС, Министерство связи СССР и его агентство «Союзпечать» душили любое советское издание, которое хотелось читать, а вместо этого навязывали нам по очень сходной цене «Правду» и «Юманите», надеясь при этом на хронический дефицит туалетной и оберточной бумаги в стране...

Осенью 1991 года центральные штаб-квартиры ЦК КПСС и КГБ перестали существовать. Зловещие аббревиатуры охранки и большевиков поменялись, в очередной раз с начала века. Как обычно, посыпались разоблачения, свидетельства того, что хорошо знает — постиг на собственной шкуре — каждый советский гражданин.

В догорбачевскую эпоху наша «мятежная» (в рамках, заданных агитпропом ЦК КПСС) писательская «Литературная газета» устами журналиста А.Рубинова приводила отрывки из читательских писем о том, что, мол, некоторые письма за границу или оттуда приходят с опозданием на месяц-другой. В эпоху перестройки тот же Рубинов в беседе на целую полосу с министром связи СССР Г. Кудрявцевым сетовал уже на то, что все международные отправления путешествуют месяцами. Газета «Куранты» (27.7.1991) набралась духу и адресовала «уважаемому главе КГБ» Крючкову замечание, что нехорошо мол нарушать тайну переписки.

Газета «Аргументы и факты» (№ 38, 1991), называя все своими именами, поместила репродукцию «учетной карточки» с подробнейшими данными, которую перлюстрирует заполняет на каждое (!) почтовое отправление, пересекающее госграницу, а также фото с огромной кучей писем на уличном асфальте. Текст заметки тоже интересен:

«В №11 за прошлый год мы напечатали документальные свидетельства читателя «АиФ» о том, что международная почта в нашей стране просматривается специальными службами. Должностные лица из Министерства связи СССР продолжают отрицать, что подобное имеет место в их ведомстве (хотя письменного опровержения нам не направили), а отклики с новыми фактами и примерами все идут и идут в редакцию. Вот такой документ с грифом «Сов. секретно» оказался у нас в почте. В этой учетной карточке — данные об авторе письма, об адресате за рубежом, краткое содержание совершенно личного письма и подпись работника, просмотревшего его. И хотя карточка датирована 1967 г., она подтверждает, что такая служба в те годы существовала. А если ее уже нет, то опять к почтовому ведомству вопрос: «Когда и на основании какого документа она была ликвидирована? Кто принимал такое решение?».

Впрочем, зачем заводить учетные карточки? Проще выбросить письма. В этом мусорном контейнере, что у здания АТС по Можайскому шоссе, 38, кор. 1, оказалась письма из разных стран самым разным адресатам (в том числе и Президенту страны М.Горбачеву).

Может, почтовики их случайно потеряли на помойке? Что ж, могут забрать — мы подобрали. Целый ящик международной корреспонденции их ждет в нашей редакции».

Газета «Мегаполис-Экспресс» (31.10.1991) поместила письмо доцента А. Меркулова, которому его близлежащее почтовое отделение Ф-284 города Санкт-Петербург направило в октябре 1991 года посылку наложенным платежом за 9 руб. 96 коп.:

«Что же обнаружилось при вскрытии? Посылка содержала 105 (сто пять) писем от советских граждан, посланных в декабре 1989 года в США (в том числе и два моих собственных), а также одно письмо из ГДР в США и одно письмо, отправленное в Нью-Йорк (послу Ю.Дубинину) из Флориды. Ни одно из писем до США не дошло — нет соответствующих штампов. То, что письма, отправленные за границу, выбрасываются, пропадают, — этим уже не удивишь. Но работники Московского международного почтамта нашли, по-видимому, новое, оригинальное средство борьбы с потоком нежелательных для них писем. Впрочем, может, ими двигали еще какие-то неведомые мне тайные помыслы. Все возможно. Однако факт остается фактом. Сто с лишним писем и открыток находятся у меня, и я не знаю, что с ними делать».

«ПК» — перлюстрация корреспонденции, — этим хлопотным и трудоемким делом занимаются в КГБ в основном женщины сержантского звания. Внутрисоюзная переписка просматривается комитетом выборочно, международная — в подавляющем большинстве случаев. Существуют списки людей, состоящих на особом контроле. Их корреспонденция изучается более тщательно. Вся эта работа находится в ведении некоего оперативно-технического управления КГБ, считает изучавший этот вопрос корреспондент газеты «Известия» С. Мостовщиков. По его словам, особые устройства, наподобие «телевизора» у медиков или таможенников, позволяют знакомиться с содержанием писем, даже не вскрывая их.

Московский Международный почтамт на Варшавском шоссе, как писали наши журналисты, и в 1991 году имел отдел цензуры иностранной периодики и прочей печатной, аудиовизуальной продукции, поступающей в СССР. Там, на почтамте, в комнатах бывшего Главлита, ныне ГУОТа, более сотни человек с высшим образованием, полиглотов, трудились не покладая рук до и после августовского путча, отбирая то, что является «опасной» литературой и, соответственно, идет в спецхраны учреждений и библиотек.

Бывают случаи, когда надо быстро послать что-то за границу или получить письмо оттуда. Кто может, пользуется услугами дипломатических курьеров или так называемой «сумки пилота» советской и иностранных авиалиний. С 1991 года нам на помощь пришла американская почта — фирма Emery Worldwide доставляет из Москвы в любую точку Европы (2 дня) и США (4 дня) пакет до 1 кг за 42-79 долларов. Французская почта — фирма «Софипост» делает то же самое, но уже за рубли и намного дешевле.

Отечественная почта, в условиях движения к рынку распадающегося СССР, просто отмирает. Отчаявшись поднять свои заработки в условиях инфляции и бешеного роста цен, местные почтовые служащие продают новоявленным бизнесменам свои помещения, оборудование. В роскошном, с потолком до небес, центральном зале старинного здания главпочтамта в Москве только что разместилась... Российская товарно-сырьевая биржа.

ЧТО БУДЕТ ЗАВТРА

Выводы на будущее

1. Пресса свободной России четвертой властью в государстве станет еще не скоро. Но наши газеты и телевидение будут инкубатором для выхода на политическую арену влиятельных личностей.

У Ельцина весной 1992 года два вице-премьера, Егор Гайдар и Михаил Полторанин, работали ранее в газете «Правда». Внешнюю разведку в тот же период представляли бывшие правдисты, Евгений Примаков и Татьяна Самойлис, соответственно — шеф и пресс-секретарь Центральной службы разведки (бывшее Первое Главное управление КГБ). Один из идеологов путча августа 1991 года, помощник Горбачева Валерий Болдин также провел в стенах «Правды» свои лучшие годы.

В газете «Известия» делали карьеру нынешний посол в Израиле Александр Бовин и один из руководителей парламента бывшего СССР Иван Лаптев. Отрадно, что в день 75-летия «Известий» 13 марта 1992 года коллектив газеты вспомнил на ее страницах о том, как Борис Орлов, ныне доктор исторических наук, 21 августа 1968 года был послан в Прагу, но отказался воспевать агрессию, вернулся в Москву и покинул газету, получив тем самым от властей «волчий билет» (клеймо прокаженного) на многие годы.

В «Комсомольской правде» трудился и помощник Ельцина по связям с прессой Павел Вошанов (до марта 1992 года) и министр иностранных дел СССР Борис Панкин.

Всемирно известные деятели перестройки Георгий Шахназаров, Федор Бурлацкий, Евгений Амбарцумов — профессиональные журналисты. В число самых влиятельных людей в Москве весны 1992 года входили руководители журналистских коллективов Егор Яковлев, Владимир Яковлев, Владислав Старков, Виталий Третьяков, Павел Гусев, Андрей Мальгин, Игорь Голембиовский, Лен Карпинский. К «звездам» безусловно принадлежал и отбывший на время в США бывший главный редактор «Огонька» Виталий Коротич.

Самые популярные телевизионные ведущие — это Татьяна Миткова, Юрий Ростов и Светлана Сорокина, о которых известно, что они ни при каких обстоятельствах не станут с экрана нагло врать. В то же время рупором пронационалистических сил в свободной России стал Александр Невзоров — тоже телезвезда первой величины.

В посткоммунистической России наиболее талантливые журналисты превратились в весомые политические фигуры. Причем, подавляющее большинство их последовательно выступает за демократический

путь развития России и восстановление там частной собственности на землю и средства производства.

Но самые популярные в России журналисты живут за ее пределами и трудятся на радиостанциях «Свобода», «Голос Америки», «Немецкая волна» и Би-Би-Си. Не случайно, конечно, издающаяся в Париже на русском языке еженедельная газета «Русская мысль» не имеет себе равных по глубине анализа и правдивости отображения событий в России. В Москве еще пока таких газет не делают, а «Русская мысль» в СНГ не поступает, к сожалению.

2. Свободной прессы в посткоммунистической России не будет, потому что правящие структуры, естественно, не заинтересованы в ее появлении. Хозяевам нужна ручная пресса.

Кому же хочется, чтоб его ругали? Российские парламент и правительство, тысячи чиновников при власти неоднократно демонстрировали свое возмущение теми или иными московскими органами печати. Газета «Известия» получила независимость от своего бывшего учредителя, Верховного Совета СССР, в августе 1991 года. А в апреле 1992 года председатель Верховного Совета России Руслан Хасбулатов потребовал вновь вернуть данную газету под опеку парламента. Руководство «Известий» ответило тогда лаконично — подчинимся только решению суда.

Весной 1992 года правительство России выделило 5 млрд. рублей на дотацию некоторым газетам и журналам. И не только собственным ежедневным газетам парламента и правительства. Российский налогоплательщик должен теперь оплачивать распространение на просторах СНГ и «Комсомольской правды», и «Рабочей трибуны», и первой программы московского телевидения. Абсурд, не правда ли? А ведь российское правительство слезно просили выделить родной прессе не 5, а 60 млрд. рублей. На мой взгляд, лучше бы эти деньги потратили на издание детских книг и учебников, отдали бы нашим нищенствующим старикам и инвалидам.

Какая уж тут у нас свобода печати, когда «самая главная» теперь ежедневная «Российская газета» (орган Верховного Совета России) переполнена стенограммами парламентских дебатов и полными текстами докладных записок в Москву от местных администраций. Как сказал Борис Миронов, первый главный редактор «Российской газеты», сняли его с этого поста уже после первого номера: «И правильно сделали, что сняли. Иначе мы бы ни за что не промолчали, как в преддверии повышения цен января 1992 года депутаты торопились покупать машины, предназначенные для оплаты чеков «Урожай», которые давали крестьянам за сданную ими государству сельхозпродукцию».

Теперь, при демократах, у нас появилась и ежедневная газета российского правительства — «Российские вести», в которую в феврале

1992 года указом президента Ельцина влился и коллектив бывшего газетного еженедельника «Правительственный вестник».

3. Я лично ратовал бы за запрещение в России не только коммунистической партии, но и коммунистических идей.

Иначе все мы скоро будем читать только одну газету — «День» или «Правду», или «Советскую Россию». На пропаганду своих бредовых идей национал-социализма у бывшей номенклатуры всегда хватит средств. Ведь миллиарды долларов КПСС перекачаны в подставные хозяйственные структуры в России и за ее пределами. Не случайно ведь до сих пор не переведена на русский язык в Москве книга Жана Монтальдо «Секреты советского банка в Париже», ставшая бестселлером во Франции 1979 года (!) из-за скандальных разоблачений фактов массивной перекачки средств КПСС в собственные подставные структуры в Западной Европе.

То, что газета «Правда» практически прекратит, возможно, свое существование, ни о чем в принципе не говорит. Может, так и было задумано отцами нашими. Во главе газеты «Известия» держали всегда умниц, а во главе газеты «Правда» — тупиц. Из 56(!) корреспондентских пунктов этой газеты за пределами СССР в собственности «Правды» находился лишь один — в Финляндии, т.е. за аренду квартиры за рубежом в течение десятилетий «Правда» выбросила на ветер деньги, за которые можно было купить несколько сотен помещений — и навечно.

Показной, ничем не прикрытый идиотизм некоторых коммунистических структур всегда на деле свидетельствовал лишь о глубокоэшелонированной обороне. «Отдали», к примеру, КПСС с ее партийной печатью, а сохранили на местах в России до 80 процентов всей бывшей номенклатуры и КГБ в придачу, не говоря уже о русской православной церкви, бывшей у нас филиалом политической полиции.

Я не удивлюсь тому эксперту, который дополнит данный перечень бастионов «власть имущих» и «Независимой газетой», и агентством «Интерфакс», и еженедельной газетой «Россия». А что здесь удивительного, если кадровые офицеры КГБ стоят во главе и всеми уважаемого блестящего «Интерфакса» и очень интересной газеты «Россия», а один из трех членов руководства «Независимой газеты» верно служил КГБ во время своей многолетней зарубежной командировки от АПН. Да и член правления бывшего АПН, нынешний глава всего нашего телевидения и радио, автор восторженных книг и фильмов о Ленине, личный друг Горбачева, тоже ведь никогда не был ни диссидентом, ни антикоммунистом.

4. Возможно, удастся потеснить КГБ с прочно удерживаемых им позиций в контроле за распространением периодики и книг внутри СНГ и за его пределами.

ВААП, печально знаменитая организация, рэкетир писателей и журналистов, музыкантов и ученых, с самого своего рождения «охраняла авторские права» усилиями десятков штатных сотрудников КГБ самого высокого ранга. В феврале 1992 года президент России Борис Ельцин создал своим указом правопреемника бывшего ВААП — новое Российское агентство интеллектуальной собственности во главе с бывшим заместителем министра печати Полторанина, известным юристом Михаилом Федотовым. Но руководство бывшего ВААП не сдавалось, объявив о том, что оно будет действовать «параллельно» с новым агентством РАИС. Последнее обещает брать со своих клиентов 5-10 процентов за услуги, а не 70-90, как это делал ВААП.

22 января 1992 года указом президента России перестали существовать агентства печати «Новости» (АПН — ИАН) и ТАСС. Вместо них появился новый гибрид — Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС). Только одному бывшему АПН государство дало в 1991 году дотацию на сумму 680 млн. рублей и 57 млн. долларов. И все это впустую, в основном на содержание КГБэшных структур за границей. Не было, пожалуй, страны в мире, в которой не сидел бы корреспондент ТАСС или АПН, под личиной которого, как правило, скрывался работник КГБ или ГРУ. Весной 1992 года выяснилось, что большая часть этих уволенных корреспондентов приняла решение... не возвращаться в Москву. Непонятно только, сделали ли они этот шаг по собственной инициативе или по указке КГБ?

5. Дух КГБ пока не умрет в России.

С отделом дезинформации и прочими службами советской (теперь русской) внешней разведки в лице служб КГБ и ГРУ тесно связан весь основной состав корпуса московских постоянных корреспондентов за границей. И до, и после Горбачева на протяжении всех 80-90-х годов АПН (ИАН) и ТАСС, «Правда» и «Известия», «Комсомольская правда» и «Новое время», «Труд» и Центральное телевидение были представлены за границей практически тем же несменяемым корпусом журналистов, связи которых с нашими спецслужбами были главным и непременным условием выезда за рубеж.

Может быть (!), сократится за рубежом число периодических изданий, существующих на деньги КГБ, типа малоизвестной американской газеты «Гардиан» и всем известной парижской «Юманите»?

Говоря о КГБ, я подразумеваю и тесно слившуюся с ним при Горбачеве партийно-хозяйственную номенклатуру. Силами, близкими к подпольному коммунистическому руководству, продолжала в начале 1992 года контролироваться наиболее многотиражная часть прессы. В том числе газеты «Труд», «Правда», «Рабочая трибуна», «Советская Россия», да и вообще вся бывшая коммунистическая печать. Что из того, что журнал «Партийная жизнь» сменил название на «Деловую

жизнь»? Все бывшие горят желанием вернуть свои былые привилегии и власть. Прежнее Центральное телевидение тоже подыгрывает старой номенклатуре, притом что Российское телевидение тяготеет к хасбулатовскому руководству Верховного Совета.

Заинтересованность в срыве работы правительства проявляет прежде всего ВПК, получивший представителя своих интересов в лице А. Рудко-го. Вице-президент России стал с 1992 года, в силу логики своей борьбы с «перекупщиками-спекулянтами», одним из политических оплотов настоящей теневой экономики и административной коррупции.

В 1992 г. в России продолжится тихая гражданская война подпольных партийных структур с использованием легально существующей структуры отраслевых профсоюзов. Всеобъемлющий забастовочный взрыв на предприятиях может отныне быть организован в любой необходимый срок, чему способствует лояльность Ельцина по отношению к коммунистическим аппаратчикам. Последние будут дезориентировать президента и правительство потоками фальсифицированной информации точно так же, как они это делали по отношению к Горбачеву.

Вот она, непомерно дорогая цена отсутствия в СССР – СНГ свободной прессы, способной в правильном направлении и объективно участвовать в формировании широкого общественного мнения. Неужели и впредь наши лучшие журналисты смогут быть услышаны нами только через посредство западных радиостанций? Кто будет информировать нас завтра? Пока что очевидно, что отечественные средства массовой информации не способны подняться выше простого пропагандирования тех или иных интересов своих спонсоров.

6. Шансы на выживание в России получают некоторые местные газеты и крупные концерны печати.

Не случайно ведь осенью 1991 года по цифрам подписки на 1992 год в Москве лидировали именно местные ежедневные газеты – «Московский комсомолец» (726 тыс.экз.) и «Вечерняя Москва» (390 тыс.экз.). Далее по убывающей следовали «Труд» (340 тыс.экз.), «Комсомольская правда» (260 тыс.), «Московская правда» (201 тыс.), «Известия» (183 тыс.), «Куранты» (143 тыс.), «Правда» (61 тыс.), «Независимая газета» (22 тыс.), «Рабочая трибуна» (14 тыс.) и «Красная звезда» (9 тыс.экз.).

Мастодонты пропаганды, хронические и патологические дезинформаторы из ТАСС и АПН вымрут естественной смертью или уступят место более приличным и расторопным конкурентам типа агентства «Интерфакс». Местные региональные газеты России, будь то в Санкт-Петербурге или на Дальнем Востоке, уже получили фактическую независимость от Москвы и доступ к нормальным источникам информации. И потому насыщенный газетный рынок (в Санкт-Петербурге весной 1992 года издавалось 140 газет) не будет более тяготеть

к центральным московским газетам. Из десятка московских ежедневных газет выживут немногие.

В числе удачливых будет газета «Известия», образовавшая осенью 1991 года, под закат советской власти, крупный одноименный концерн по выпуску газет, журналов и книг — с собственной огромной типографией и множеством редакционных зданий в самом центре Москвы, на главной улице.

7. Читательская среда будет и впредь все больше предпочитать объективную информацию различным «рассуждениям на тему».

Вот результаты подписной кампании на периодическую печать 1992 года по состоянию на декабрь 1991 года.

Название	Подписной тираж на 1992 г. (тыс. экз.)	Подписной тираж на 1991 г. (тыс. экз.)	в % к подписному тиражу 1991 г.
Литература			
«Экспресс» и «Факт»	585	515	115
«Коммерсант»	230	113	194
«Ваше дело и наше»	24	23	112
«Деловые люди»	20	21	97
«Деловой мир»	18	15	124
Общественно-политическая			
«Аргументы и факты»	22591	23840	95
«Горький»	12320	18292	67
«Известия»	2782	3873	72
«Метель» и «Интерес»	1900	93	1700
«Степак»	1492	1723	87
«Московский комсомолец»	1338	1538	87
«Правда»	874	2221	39
«Советская Россия»	780	1321	59
«Российская газета»	577	252	229
«Московский вестник»	517	1297	20
«Неделя»	70	76	93
«Независимая газета»	64	подписки не было	-

Единственным сюрпризом подписной кампании этого года стали фантастические результаты, достигнутые «Мегаполисом», чей подписной тираж увеличился по сравнению с прошлым годом на 1700%. Сюрприз, впрочем, объясняется довольно просто: «Мегаполис» использовал дефицит книжного рынка и предложил читателям на будущий год серию популярной литературы от «Трех мушкетеров» до «Незнайки на Луне», продавая свою годовую подписку в нагрузку к хорошим книжкам.

Сходный прием использовал и «Огонек», однако со значительно меньшим успехом: фьючерсная продажа Конан-Дойля и Фицджеральда лишь несколько сократила потери подписного тиража.

Довольно неожиданными стали результаты подписки для конкурирующих в сфере политической прессы «Независимой газеты» и «Московских новостей». Обе газеты закончили подписную кампанию не с самыми лучшими результатами.

«Московские новости» по сравнению с прошлым годом потеряли 74% своих подписчиков — 960 тысяч человек. Однако и «Независимой газете», вопреки ожиданиям, не удалось получить этих читателей. Подписка на «Независимую» на 1992 год составила всего 64. тысячи экземпляров.

Что касается остальных, то результаты подписки вполне соответствовали прогнозам. «Известия» удержались на плаву, хотя и потеряли около миллиона подписчиков. «Московский комсомолец» и «АиФ» остались чемпионами по тиражам благодаря способности мгновенно реагировать на запросы массовой аудитории.

На рынке деловых изданий структура лидерства осталась без каких бы то ни было изменений.

«Экономика и жизнь», играющая на рынке по схеме «массовый читатель и низкая цена» (29 рублей за годовую подписку), увеличила подписной тираж на 15% и получила 585 тысяч подписчиков.

«Коммерсант», придерживающийся прямо противоположных принципов — «избранный читатель и высокая цена» (96 рублей в год), увеличил подписку на 94% и получил 220 тысяч подписчиков.

«Деловые люди» и «Деловой мир» закончили подписную кампанию несколько хуже.

8. Степень информированности масс в стремительно нищающей посткоммунистической России падает. Точно так же, как независимость и демократическая ориентация политической печати.

Будучи в оппозиции коммунистическому политбюро и большинству парламента СССР, демократы сумели в августе 1990 года добиться принятия в целом неплохого Закона о печати, по которому была отменена предварительная цензура и был разрешен выпуск любых изданий, создание радио- и телестанций частными лицами. В конце дека-

бря 1991 года Верховный Совет России принял свой Закон «О средствах массовой информации», по которому прокуратура получила исключительные права на досмотр в редакционных помещениях и преследование журналистов за недонесение об источниках информации — «в интересах следствия».

Пресса дорожает и уменьшает тиражи. Книги просто перестали выходить, за исключением словарей и эротических изданий.

Любая власть косо смотрит на своих критиков. Последних в коммунистические времена успешно приручали, контролировали. При Ельцине, так уж получилось, печатное слово просто сходит со сцены. Вспомните, еще три-четыре года назад газеты, журналы и книги были как бы идеологическим товаром особой важности. И посему издавались и доставлялись потребителю, невзирая на любые расходы. 1992 год может стать годом утраты средствами массовой информации России всех их достижений, годом гибели большинства газет.

9. У большинства традиционных московских так называемых центральных газет нет будущего.

Десятки этих изданий на 4-8 газетных полос спокойно отомрут, не выдержав роста цен на бумагу и типографские услуги.

Читатель, став нищим из-за бешеной инфляции, может позволить себе купить не ворох, как прежде, а в лучшем случае лишь одну газету.

Газета становится предметом роскоши. Но богатые будут платить солидные деньги только за правдивую, серьезную информацию, удовлетворяющую повседневные интересы. Газеты «Коммерсант» и «Деловой мир», возможно, удержат своих читателей, точно так же как и «Московский комсомолец». Эта газета пользуется среди москвичей намного большей популярностью, чем аналогичная молодежная «Комсомольская правда».

Ясно и то, что большинство журналистов, десятилетиями несших полуправду и просто околесицу своим читателям, работать далее не смогут. Кредит общественного доверия будет обеспечен только молодым, т.е. новым поколениям журналистов. Разумеется, люди всегда с интересом читали и будут читать все написанное Еленой Боннэр и Юрием Митюновым, Феликсом Световым и Сергеем Григорьянцем.

10. На Западе были газеты желтые (для всех), качественные (для элиты), специализированные (по интересам). И у нас такое теперь намечается.

Хотя и «Правда», и «Комсомольская правда» должны отдавать себе отчет, что век желтой, т.е. очень популярной, массовой прессы кончился. Телевизор и видео покажут и расскажут любой сюжет, любую порнуху, драму или трагедию намного лучше, чем это сделают названные газеты для своего нищего, не очень образованного читателя.

Очень сытый и очень умный россиянин ни «Комсомолку» не читает, ни телевизором особенно не увлекается. Ему нужна информация для элиты, т.е. очень высокого качества. Этого человека уже не интересуют никакие политические партии, он желает лишь свободы и благоприятных условий для своего бизнеса, службы, досуга и пр.

Будет у нас приватизация, тогда и появятся газеты для элиты и для среднего класса.

Появятся частные типографии и станут издавать то, чего не было в СССР, — сотни иллюстрированных журналов для разных категорий читателей. Ведь факт, что три наших главных журнала «Работница», «Крестьянка», «Здоровье» — единственные, кому удалось и в 1992 году не растерять десятки миллионов (!) своих подписчиков. К сожалению, очень уж эти ежемесячные «тонкие» журналы малопрезентабельны полиграфически.

11. Рыночные отношения идут на пользу российской прессе.

Новый российский Закон о средствах массовой информации своей 43-й статьей разрешил редакциям не отвечать на письма читателей и не пересылать эти письма организациям, ответственным за их рассмотрение. Газетные редакции в России тут же, в начале 1992 года, поувольняли народ из своих всегда самых многочисленных отделов писем.

Рассмотрением жалоб граждан должны заниматься теперь суды, а не редакции. А ведь десятилетиями в центральных, всесоюзных газетах Москвы сидели по сотне людей и читали чуть ли не по миллиону писем в год. На каждое письмо отвечали, каждую жалобу слали в соответствующее министерство или ведомство — для принятия мер. В бюрократической переписке состояла почти вся страна, создавая тем самым видимость заботы о трудящихся.

Вот уже почти и Дом Российской прессы в Москве открыли. Журналисты получили в 1992 году в свое распоряжение недавно отстроенное здание на Пушкинской улице, в котором только успели разместиться 1800 человек аппарата последнего Кабинета Министров СССР.

12. Прессу, телевидение и радио в новых независимых государствах бывшего СССР придется создавать почти что с нуля.

Корреспондент «Известий» в Таджикистане ничем не отличается от корреспондента «Вашингтон пост» или «Фигаро». Только первого, например, вышибли из Душанбе в марте 1992, а коллеги из упомянутых западных изданий бывают в этой республике лишь наездами, да и кто в Таджикистане прочтет их творения?

Местные журналисты в том же Таджикистане или даже в Латвии, освободившись от давления московских и местных структур КПСС, остаются в поле зрения и КГБ, и бывшей номенклатуры, и всевозможных правоохранительных органов, и мафии. Обнищавшие вконец газеты после очередного 10 — 20-кратного повышения цен в январе 1992

года вынуждены были выбирать: или уходить в небытие или найти себе спонсоров среди коммунистов, предпринимателей, военных и т.д. В заманчивых предложениях недостатка не было ни в Душанбе, ни в Риге. Цена за обещанные миллионы везде одна — уступка прав на газету. О какой уж там независимости, ответственности перед читателем можно в таком случае говорить?

В подобной ситуации бывшие советские журналисты обычно мечтают, чтобы их скупил какой-нибудь богатый американец или западноевропейец. И право, в таком варианте толка обычно бывает больше для всех.

13. В экс-СССР единого информационного пространства не будет.

Так называемые центральная печать и центральное телевидение отомрут. Голос Москвы как истина в последней, высшей инстанции давно не воспринимается населением ни в Прибалтике, ни на Украине, ни в Закавказье, ни в Средней Азии.

В большинстве названных регионов центральные московские газеты уже не печатаются с матриц каждую ночь, как это было еще несколько месяцев назад. Подписаться на них будет вдвое дороже, чем в Москве, а в розничной продаже их нет.

Телевидение из Москвы пока смотрят, но платить за него России ни одно из новых государств не желает. Потому что точка зрения и интересы Москвы ну никак не совпадают с воззрениями и ожиданиями большинства жителей республик. Даже теперь, когда телевидение Москвы не лжет таким бессовестным образом, как до августа 1991 года.

Весной 1992 года на большей части территории бывшего СССР возник информационный вакуум. В молодых независимых государствах пожелали избавиться от бывшего информационного диктата Москвы. В российской провинции — та же тенденция.

Очень скоро столичную прессу просто нельзя будет купить, отъехав от Москвы на сотню-другую километров. Все же помнят, как пресса и телевидение Кремля десятилетиями разжигали «холодную войну» с Западом, провоцировали вооруженные конфликты в «третьем мире». А при Горбачеве и на территории СССР, когда возникла угроза привилегиям ВПК, КПСС и КГБ. После краха советской власти и идей коммунизма имперское мышление продолжает присутствовать в словах и деяниях русских демократов при Ельцине.

Напряжение в обществе отражается у нас и на репортерах. Профессия их стала очень опасной. По количеству убитых и раненых журналистов СНГ идет вровень с Югославией. Среди советских журналистов рассказы об избиениях и грабежах становятся профессиональным фольклором.

В любой из республик бывшего СССР журналист бесправен: он не защищен законом, как, например, врачи или милиционеры. Бронежилеты и многотысячные страховки доступны только западным колле-

гам. Им и информацию в зонах конфликтов и военных действий враждующие стороны дают куда охотнее. Так как кредит доверия у советских журналистов всегда был и остается низким — из-за слабого профессионализма, нищеты и зависимости от всех.

Мы уже давно привыкли получать главную информацию о событиях внутри СССР от западных журналистов. Отечественные журналисты собранную ими лучшую информацию о нас самих несут в первую очередь тем же западным средствам массовой информации. Телерепортажи, фотоснимки, комментарии и новости оплачиваются на Западе в 100 раз выше, чем в СССР-СНГ.

Нашему журналисту опубликоваться сегодня на Западе куда безопаснее, чем выступить на острую тему у себя дома. Прокуратуры республик Закавказья и Молдовы, тамошние боевики против всех советских журналистов настроены очень решительно, а к деятельности западных корреспондентов чуть более снисходительны: в тюрьму их не сажают, не пытаются, к суду не привлекают. Шальные пули и избиения достаются, правда, поровну как своим, так и журналистам с Запада.

На ближайшую перспективу народы бывшего СССР будут находиться в зависимости от Запада в плане всех видов информационного обеспечения. Власти в бывших союзных республиках и тамошнее население ни в грош не ставят большинство своих собственных и московских журналистов. Верхи не любят строптивых, а низы — покорных журналистов. На Украине, к примеру, самая влиятельная газета «Независимость» (тираж 1,3 млн. экз.) в феврале 1992 года чуть было не прекратила свое существование из-за нехватки бумаги. А на деле — из-за активнейшего противодействия властей независимой Украины. Последним очень не понравилась, в частности, публикация газеты о том, как накануне резкого повышения цен всем депутатам парламента по инициативе Кабинета министров дали возможность купить по автомобилю (вместо миллиона рублей — за 10 тыс. рублей) и комплекту промышленных товаров по старым, «государственным» ценам...

Бывшие секретари и члены ЦК КПСС, бонзы КГБ, диссиденты националистического толка пришли сегодня первыми лицами в десятки суверенных или бывших автономных республик прежнего СССР. У кого повернется язык назвать их убежденными демократами? Выдающегося философа, ныне покойного Мераба Мамардашвили Гамсахурдиа притеснял за свободолюбие и независимость суждений куда активнее, чем Брежнев и Горбачев, вместе взятые.

Средний класс, интеллигенцию советская власть сдала на растерзание в 1917 году. Современные же поколения так называемой советской интеллигенции научились предавать сами, у нас появились легионы лгунов из писателей и журналистов. Музыканты тоже писали тайные и публичные доносы на более талантливых своих коллег. Об этой драме

(трагедии) нашей интеллигенции хорошо писал в своей публицистической книге известнейший московский композитор Микаэл Таривердиев.

14. Наш человеческий материал почти безнадежно испорчен. Наиболее яркое свидетельство тому — распри в Закавказье. Встать с колен, превратиться в цивилизованных свободных граждан население бывшего СССР сможет только при помощи извне.

Появившаяся в феврале 1992 года долгожданная американо-российская 16-полосная газета «We/Мы», усилиями «Известий» и корпорации Херста скоро станет еженедельной. В марте же вышел у нас на русском языке первый номер журнала «Европа» — его издателем стало представительство Комиссии европейских сообществ в Москве. Открылась подписка на уже регулярно издающееся у нас с апреля 1992 года на русском языке недельное обозрение газеты «Нью-Йорк таймс».

Американцы еще в июне 1991 года устами госсекретаря США Бейкера заявили о намерении способствовать укреплению независимости средств массовой информации в странах Восточной Европы, а также в СССР. Весной 1992 года можно было констатировать, что многое из задумок американцев на территории СНГ было реализовано. Начал функционировать созданный в Москве американцами, при содействии Института США и Канады Российской академии наук, центр по оказанию советскому журналистскому корпусу (а также иностранным корреспондентам) широкого круга информационных услуг, включая прямой доступ ко всем компьютерным банкам данных Запада, а также организацию в Москве крупной библиотеки американской и иностранной литературы и периодики, брифингов с участием ведущих советологов-консультантов и т.д.

Проблема теперь в том, чтобы создать такую «манну небесную» не только в Москве, но и во всех остальных столицах СНГ. Пойдут на это американцы? Если нет, то за них это сделают немцы или турки, иранцы, да кто угодно. Те же французы из газеты «Монд» в один прекрасный день организуют во всех странах СНГ филиалы своего великолепного компьютерного банка данных по СССР. Ведь ничего подобного нет не то что в столицах республик, но и в самой Москве, ни в одной редакционной справочно-аналитической службе.

Французское министерство иностранных дел после долгих размышлений склоняется к тому, чтобы открыть в 1993 году в Москве свою школу подготовки журналистских кадров.

15. В ближайшие годы международное сообщество предпримет огромные усилия, чтобы спасти в России залежи ценнейших книг и документов.

Французы, к примеру, очень надеются вернуть себе двадцать вагонов собственных архивов (1,2 млн. единиц хранения), попавших в СССР от немцев, которые в свою очередь вывезли это богатство из Франции в 1940 году. Речь идет о самых ценных документах французской разведки и военных не менее чем за три столетия.

А немецкие книжные, архивные и музейные собрания? Центральный государственный (особый) архив СССР можно было бы смело назвать центром хранения документальных коллекций Европы. Доступ к этим трофеям имели лишь сотрудники КГБ с целью сбора компрометирующих данных на советских гражданах.

Гуверовский институт, а также Библиотека конгресса США заявили в 1992 году о достигнутой ими договоренности с властями России по вопросу о совместном использовании собраний в главных московских архивах и в Государственной библиотеке СССР имени В.И. Ленина. У нас военные строили авианосцы, в центре Москвы КГБ за последние 5 лет возвел для себя два огромнейших здания и приступило к переоборудованию третьего. А все главные библиотеки страны в Москве и Петербурге стали у нас символом разрухи и деградации, нет и одного доллара на закупку книг и периодики за границей. Уже несколько лет, как фактически полностью прекратилось поступление в СССР хотя бы по одному экземпляру из так необходимых нам 5 тысяч названий иностранных научных журналов...

Гуверовскому центру будет позволено снять копии (микрофильмы, микрофиши) с документов, хранящихся в российских архивах, в большинстве из которых не было доступа никому все последние 70 лет. При этом две копии остаются в Российском комитете по архивам и в Библиотеке Ленина, две — отправляются за рубеж. При этом Гуверовский институт, обладатель огромной, богатейшей коллекции материалов по истории России XX века, передает нам полностью микрофильмы всех своих русских фондов — 20 тысяч рулонов. Мы отдаем тоже 20 тыс. рулонов. И еще получаем 3 млн. долларов, а вся техническая работа по обработке наших документов выполняется при участии американцев и при их техническом содействии. Думаю, что американцы потратили бы не 3, а 300 млн. долларов, чтобы гарантировать человечеству сохранность документов, повествующих о самом трагическом социальном эксперименте человечества. Архивы ЦК КПСС и КГБ бесценны и должны быть доступны, а они уже и сегодня изрядно почищены теми, кто заметал следы своих преступлений.

Библиотека конгресса США и наша «Ленинка», кажется, сольются организационно, что позволит последней выйти из первобытной нищеты. Хотя российский парламент и принял решение о финансировании реконструкции Ленинки, но необходимых 150 млн. долларов пока нет. А было ведь множество постановлений правительства, указов Гор-

бачева, но все тщетно. Счет пожарам и водопроводным авариям с наводнениями в двух-трех крупнейших библиотеках Москвы и Петербурга идет на десятки и стал нормой. Подобные сообщения нас уже не трогают. Крупные книгохранилища с их закрытыми фондами, ныне рассекреченными спецхранами, были до 1991 года филиалами КГБ, и поэтому о их судьбе общество отвыкло беспокоиться. А ведь в этих библиотеках России — часть исторической памяти мира гниет себе потихоньку.

Французы поднапряглись и завезли несколько тысяч современных книг из Парижа для москвичей, знатоков французского языка. Часть книг можно купить в фирменном магазине издательства «Прогресс», а 10 тысяч экземпляров составили фонд открытого доступа в Центре французской культуры, который МИД Франции открыл в 1992 году в одном из залов Библиотеки иностранной литературы в Москве.

16. Самой популярной и массовой в СНГ будет пресса зеленых, и очень скоро.

Пока нет у нас закона, запрещающего производство и продажу населению отравленных продуктов. Питьевая вода, воздух, земля, продовольствие — все у нас отравлено выше всяких предельных норм. Загазованность воздуха, радиоактивное и волновое облучение, содержание отравляющих веществ в почве, шумовое загрязнение делают здоровую жизнь в СССР-СНГ просто невозможной. По совокупности вредных воздействий окружающей среды москвич испытывает большую нагрузку, чем полярник в Антарктиде. Иностранные дипломаты, аккредитованные в Москве, получают доплату к окладам — за вредность. К 17-летию оставались здоровыми лишь 14 процентов советских детей. С 70-х годов на 50 процентов возросла частота экологически зависимых заболеваний — сердечно-сосудистых и онкологических. Детей в возрасте до года в Российской Федерации умирает в два раза больше, чем в США. Наши мужчины живут в среднем на 7-10 лет меньше, чем в развитых странах. Мужчины сибирского Севера живут на 22 года, а женщины на 14 лет меньше, чем в северных европейских странах.

17. Не менее модной и актуальной для нас темой останутся и права человека (детей, женщин, стариков, инвалидов, заключенных, крестьян, потребителей и пр.).

С 1992 года в СНГ практически не существует страхования жизни и имущества — ни для граждан, ни для юридических лиц. 130 тысяч активных и дельных хозяйственников сидят у нас за решеткой, хотя уже отменены статьи, по которым их судили за спекуляцию, частное предпринимательство. У нас в СССР в 1991 году погибло на дорогах 37510 человек (в два с половиной раза больше, чем за 10 лет войны в Афганистане). Примерно столько же гибнет в год на дорогах США, но в этой стране автомобилей в 10 раз больше, чем у нас.

18. Право на информацию будет самым интенсивным образом реализовываться всеми новыми независимыми государствами. В начале 1992 года на рынке валютных телефонных услуг в десятках городов бывшего СССР, раньше чем в других сферах бизнеса, начал действовать рыночный механизм конкуренции.

Реальным хозяином любой телефонной линии в СССР был (и есть?) КГБ. Поэтому правительство Украины в январе 1992 года упростило свою независимость от России союзом с АТТ. Американцы обещали за 1 млрд. долларов к концу века утроить число телефонных линий на Украине — в начале 1992 года их было примерно 7 млн. Незамедлительно вводятся в действие 60 прямых международных каналов связи, не считая имеющихся 150 телефонных каналов, проходящих через Москву. Летом 1992 года украинские биржи запускают свой коммерческий спутник связи.

Интересно, что по числу квартирных телефонов на 100 городских семей Россия занимает последнее (!) место среди всех остальных республик экс-СССР. На весну 1992 года Россия имела не более 3 тысяч международных каналов связи при потребности не менее 55 тысяч.

США твердо намерены в ближайшем будущем сократить, но не отменить списки КОКОМ, в частности в сфере экспорта в СНГ волоконно-оптической техники. Налицо здесь не столько стремление оградить Запад от конкуренции, сколько опасения по поводу того, что скоростные волоконно-оптические коммуникации практически не поддаются прослушиванию... Недавно конгресс принял решение к 2015 году ввести оптический кабель в каждый дом в США. Нам это пока не грозит, хотя мы и производим почти все необходимые компоненты оптической цифровой связи, но без помощи Запада в этой сфере высоких технологий справиться пока не можем. И транссибирскую магистральную линию связи мы строить пока тоже не в состоянии; американцы опасаются чисто военного ее использования в зонах нашей оборонной промышленности.

К марту 1992 года КОКОМ разрешил продажу нам медленноскоростных стекловолоконных кабелей. Американская компания АТТ незамедлительно создала с самой известной советской оборонной фирмой «Дальняя связь» совместное предприятие по модернизации системы связи в России. Дорогое это будет удовольствие, ведь обновление одной только московской городской телефонной сети оценивается в 6-8 млрд. долларов. Пока что АТТ приступила к прокладке оптического кабеля из Копенгагена в город Ленинградской области Кингисепп, а затем и до Москвы. К концу 1992 года АТТ планировала завершить строительство в городе на Неве международной телефонной станции.

19. Радио на просторах бывшего СССР есть и будет самым надежным источником информации. В отличие от периодики и телевидения, у нашего радио много зарубежных конкурентов.

Еще в 1990 году в официальной советской пропаганде западные русскоязычные станции называли у нас не иначе как «вражьими головами». Особенно усердствовал в их обличении лично глава КГБ Владимир Крючков, один из организаторов августовского путча.

Российские газеты и телевидение видят и теперь в западных «головах» все так же единственного гаранта и эталона собственной свободы информации. Весной 1992 года пресса Москвы широко отметила на своих страницах 50 лет «Голоса Америки». «Радио России» продолжает с октября 1992 г. транслировать на своих волнах некоторые передачи Би-Би-Си на русском языке. Американская «Свобода» заявила в марте 1992 года, что ее аудитория в бывшем СССР расширилась. Ее журналисты советуют своим российским коллегам перестать давать все время только негативную информацию — должна быть и надежда на лучшее, реальный «позитив».

В большинстве независимых государств СНГ корреспонденты «Свободы» и «Голоса Америки» заняли высшие места в местной журналистской иерархии, т.е. то место, которое раньше принадлежало собственному корреспонденту газеты «Правда». Именно вещание названных станций не только на русском, но и на языках бывших союзных республик является неосценимым вкладом США в наш демократический процесс.

В феврале 1992 года Би-Би-Си заявила о начале функционирования на Украине корпункта корпорации, в котором будет не менее десяти журналистов, безкоризненно владеющих и английским, и украинским языками. В Москве, помимо многих своих помещений корпункта, Би-Би-Си организовала сроком на 5 лет свой филиал-выставку в помещении Библиотеки иностранной литературы. Приходите и слушайте новости!

У нас ведь теперь и радиоприемников в продаже нет — они стали самым крупным дефицитом из всей прочей бытовой аудиовизуальной техники. Раньше монополистом по их производству была Латвия, и продукцией рижского радиозавода были завалены магазины СССР. Теперь пустота. Видеоманитофоны стали делать на четырех российских заводах, а о приемниках забыли. Случайно, да? Хотя вот уже начали вещание в России независимые радиокomпании для бизнесменов «Деловая-волна» и «Радио-максимум». Значит, и радиоприемники появятся. Японская фирма «Сони» уже завезла к лету 1992 года в страны СНГ массовые партии шести новых своих моделей бытовой аудиоаппаратуры.

20. Советское телевидение неисправимо и не реформируемо так же, как власть и идеология коммунистов. Последний оплот империи немину-

емо рухнет, а его место в эфире займут десятки частных и государственных компаний из России и других государств бывшего СССР. Причем все эти компании получат равный доступ: передачи из Ташкента, Еревана или Казани можно будет в полном объеме и постоянно распространять со спутника над территорией России и прочих государств бывшего СССР.

Это, конечно, оптимистический прогноз, требующий немалых денег для его реализации. По более скромному сценарию, предполагается в телепрограмме «Ост» («Останкино», что возникла вместо первой программы бывшего Центрального телевидения), выделить поровну время для всех бывших союзных республик, а за Москвой оставить функции диспетчера и комментатора.

Многие руководители республик считают эту затею с дележкой первого канала утопичной, и уж тем более им не нравятся москвичи в роли комментаторов и арбитров. Кремлю и «Останкино» при этом напоминают, что телевидение Польши или Северной Кореи пока что лучше представлено на экранах московского первого канала, чем, к примеру, национальные телепрограммы из столицы Кыргызстана.

Самое тяжкое в том, что наше ТВ сегодня — это устный журнал и живая газета эпохи развитого социализма. После путча августа 1991 года во главе этого ТВ при Ельцине оказались вновь непрофессионалы: бывший главный редактор журнала «Сельская молодежь» Олег Попцов и бывший главный редактор газеты «Московские новости» Егор Яковлев.

Попцов отвечает за Российское телевидение и радио, Яковлев — за Центральное телевидение и радио, которое превратилось в скромную программу «Останкино». Костяк Российского ТВ составили люди, так или иначе изгнанные из Центрального ТВ. А кадровый состав последнего остался в неприкосновенности, за исключением ухода денщика ЦК КПСС Кравченко и нескольких его ближайших сотрудников. На своих местах весной 1992 года оставались в телекомпании «Ост» все те, кто идеологически обеспечивал погромы КГБ и Советской Армии в Алма-Ате и Фергане, Тбилиси и Баку, Сумгаите и Степанакерте. Над сотней-другой функционеров Гостелерадио СССР впору устраивать Нюрнбергский процесс. Их умелая, профессионально рассчитанная ложь оборачивалась разжиганием кровавых конфликтов на всех «окраинах» империи Кремля. Помимо вышеназванных советских городов намеренная дезинформация Центрального телевидения несла смерть и лишения во все «братские страны социализма», организовывала культ Кадафи, Хуссейна, Арафата, Наджибуллы, разжигала ирано-иракскую войну и волнения сикхов в Индии, войны в Африке и Латинской Америке.

Телевидение из Москвы 1992 года навязывает зрителю полные трансляции дебатов в Верховном Совете России, культивирует

фашизм от имени тележурналиста Невзорова и кучки мало кому нужных Жириновского, Макашова, Умалатовой. Разница лишь в том, что статус газеты «Правда» хоть как-то зависит от числа ее подписчиков, а ТВ Кремля продолжает гнать в эфир свою муть на полпланеты и беззащитно тратит на это миллиарды рублей из кармана налогоплательщиков.

Отцы наши из политбюро прекрасно знали цену своему ТВ, поэтому смотрели в своих кабинетах CNN и разрешали то же сотням своих чиновников. Кремлевское телевидение неререформируемо, даже если его приватизируют через подставных лиц и на деньги военно-промышленного комплекса или КПСС-КГБ.

Выход один: разбавить его вещание другими телекомпаниями, ликвидировав тем самым монополию Кремля в эфире. И это уже делается. Мэр Москвы Гавриил Попов полон решимости создать «самостоятельное предприятие для телевещания на Московскую область». Независимым стало самое знаменитое в СССР телевидение Санкт-Петербурга. С каждым месяцем растет в России число частных телестудий.

В марте 1992 года телекомпания «Ост» по-прежнему не пускала в свой эфир телевидение независимых государств, на которые сама Москва вот уже десятилетия транслирует круглосуточно свою первую телепрограмму. Ответом из Украины стала практика отключения передачи московского первого канала. Тогда же, в марте, венгерские власти полностью прекратили трансляцию телепрограмм из Москвы, а президенты Болгарии и Чехо-Словакии Желев и Гавел высказались не за продолжение, как и прежде, полной и односторонней телетрансляции из Москвы, а за создание единого информационного европейского кольца в Восточной Европе — «Восточный экспресс».

В республиках Средней Азии телепередачи из Москвы в самом ближайшем времени будут вытеснены программами телевидения из Турции. Соответствующие соглашения уже подписаны на самом высоком уровне. Идет экспериментальный прием ТВ из Анкары в Азербайджане и Узбекистане. В случае перехода с кириллицы на латинский шрифт Турция обещала оказать этим молодым мусульманским государствам всестороннюю помощь в переоборудовании полиграфической базы по последнему слову техники.

В марте 1992 года даже Белоруссия официально отказалась финансировать показ телепрограмм из Москвы на односторонней основе. Пожалуй, главными спонсорами московского телевидения будут владельцы кабельных сетей в США, Канаде, Израиле, Германии и других государствах, согласные принимать через спутники круглосуточные и круглогодичные передачи телеканала «Останкино» для русской, украинской и еврейской диаспор за рубежом.

УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамов И. 316
Абхазия 9, 48
«Аверс» и. 166
Авраамов Д. 50
Авторханов 125, 215, 222
«Агитатор» 18
Адамович А. 96
Аджубей А. 92, 96, 97
Азербайджан 8, 12, 63, 113, 385
Аксенов В. 125, 194, 222, 240
Алданов 124
Алексеев М. 87, 124
Аллилуева С. 222
«Алтайская правда» г. 75
д'Амато А. 169
Амбарцумов Е. 391
«Америка» ж. 19, 33
американские фильмы 14
Ананьев 124
«Англия» ж. 19
Андреев Л. 212
Андреева Н. 99, 268
«Андрей» ж. 197
Андропов Ю. 230, 375
Аннинский Л. 146
Анталл Й. 263
Анялаускас В. 246
АОН при ЦК КПСС 13, 95
АПН (ИАН) 45, 62-67, 68, 83, 88,
93, 107, 111, 115, 187, 196, 245,
252, 393-395
Арафат Я. 94
Арбатов Г. 139, 257, 380
«Аргументы и факты» г. 15, 18, 28,
32, 41, 50-51, 59, 64, 68, 75, 77,
120-121, 140, 147, 152, 155, 240,
245, 272, 285, 318, 345, 373, 376
Аркадьев Д. 259
Арканов А. 243
Армения 4, 7, 13, 37, 39, 48, 63, 64,
100, 243, 383, 397
Арсеньев Вл. 284, 313, 354
архивы 403
АСКИН 365
Астафьев В. 87
АТВ т. 70
«Атмода» г. 74, 167
Афанасьев В. 81, 82, 85, 89, 131
Афанасьев Ю. 115, 117, 155, 158,
165, 210, 267, 285, 286
Афганистан 6, 8, 73, 251, 255, 256
Ахматова А 226, 227
Бакатин В. 43, 49, 107, 269, 270,
315, 317
Бакланов Г. 122, 124, 126
«Балтийское время» г. 167
Басилашвили О. 220
Батулин Ю. 22, 23, 30
Батынская Л. 31
Башкортостан 8, 327
Белов В. 87, 126, 362
Белоруссия 6, 344, 353, 408
Белявский Ю. 327
Беляев О. 220
Бергер М. 71
Бердяев Н. 225, 310
Бжезинский З. 220, 297
Би-Би-Си 10, 13, 68, 74, 249, 256,
258, 262, 269, 392, 406
БИКИ г. 188
Биржа телеиндустрии 347
Битов А. 303
«Блокнот агитатора» ж. 41
Бовин А. 97, 115, 139, 391
Богомолов Ю. 302
Болдин В. 391
Большакова Т. 354
Бондарев Ю. 87, 91
Бондарчук С. 87
Боннэр Е. 87, 107, 138, 147, 165
Борецкий Р. 334
Боровик А. 316

Условные сокращения:

г. — газета; ж. — журнал; и. — издательство; т. — телевидение

- Боффа Дж. 201
 Брежнев Л. 5, 6, 57, 80, 81, 129, 132, 135, 138, 179, 216, 218, 219, 259, 367, 375
 Буковский В. 135, 165, 215
 Булашова С. 191
 Булгак В. 325, 327, 329
 Булгаков М. 226
 бумага 18, 20, 30, 32-43, 46, 98
 Бунич П. 115
 Бурбулис 287, 373
 Бурда Э. 191, 193
 «Бурда моден» 190-192
 Бурков Б. 66
 Бурлацкий Ф. 122, 138-142, 291, 391
 Буртин Ю. 166
 Буш Дж. 100, 226, 266, 373, 384
 Быков В. 95
 ВААП 394
 Валенса Л. 236, 262
 Варшавский В. 264
 Васильев А. 114, 317
 Вейцлер А. 197
 «Век XX и мир» ж. 29
 Вертинский А. 214
 Верховный Совет России 35, 246
 Верховный Совет СССР 27, 359
 Верченко Ю. 125, 229
 «Вести» т. 144
 «Вечерний Тбилиси» г. 261
 «Вечерняя Москва» г. 22, 51, 98, 149, 154, 195, 395
 «Взгляд» т. 70, 134, 145, 174, 254, 273, 275, 286, 296, 300, 307, 313, 315-320
 видеокассета 356-364
 видеоманитофон 345, 355
 видеопиратство 14
 Викулов С. 87, 124
 Викторов А. 157
 Виноградов А. 63
 Влади М. 231, 235
 Владимов Г. 194
 Владыкин А. 357
 Власов А. 62, 65, 66, 111
 «Воздушный транспорт» г. 184
 Войнович В. 125, 155, 222, 225
 Волин В. 86
 Волкогионов Д. 219
 Волобуев О. 210
 волоконно-оптические линии 344, 369, 378-383, 405
 Волошин М. 227
 Вольф М. 29
 «Вопросы истории КПСС» ж. 99
 «Воскресенье» г. 99
 Вошанов П. 391
 «Время» т. 16, 21, 56, 144, 148, 174, 254, 272, 275-277, 279, 280, 282, 283, 302, 305, 306, 308-312, 315, 324
 Всесоюзная телерадиокомпания 306
 ВЦИОМ 70, 272
 Высоцкий В. 231, 232, 235, 285
 Габриадзе Р. 303
 Гавел В. 236, 262, 263
 Гагарин Ю. 347
 Газданов Г. 264
 Гай Д. 219
 Гайдар Е. 391
 Гамсахурдиа З. 7, 9, 10, 12, 13, 147, 268, 290
 Гдлян Т. 373-375
 Герасимов Г. 64
 Гидаспов Б. 294
 «Главкосмос» 330
 ГЛАВЛИТ (ГОУТ) 28, 29, 34, 51, 64, 389
 гласность 15, 26-30, 32, 51, 104, 174
 «Гласность» г. 73, 98, 99, 162-166, 291
 «Гласность» г. (ЦК КПСС) 49, 50, 55, 88, 90, 98, 99, 141, 254
 Глезер А. 194
 глушение 256, 257, 259, 264
 Голембиовский И. 92, 93, 96, 173, 176
 Головин В. 59

- «Голос» г. 46, 289, 319, 323
«Голос Америки» 10, 74, 246, 249, 256, 257, 261, 262, 267, 392, 406
Гончаров В. 82
Горбачев М. 3, 4, 6, 7, 9, 10, 15, 25, 49, 61, 63, 82, 88, 90, 94, 113, 115, 117, 120, 125, 134, 140, 141, 143-145, 147, 167, 168, 171, 173, 179, 199, 210, 236, 241-243, 247, 254, 261, 269, 282, 288, 290, 291, 294, 308, 319, 323, 338, 352, 356, 357, 362, 375, 393, 394
Горбачева Р. 63, 190, 215
Гордиевский О. 221
Госкомиздат РСФСР 19, 137
Госкомпечать СССР 21, 127, 137
Гостелерадио СССР 45, 52, 57, 58, 69, 70, 240-245, 248, 250, 258, 274, 304, 335-337
Гоциридзе И. 221
Гранин Д. 215
Григорьев А. 167
Григорьянц С. 73, 98, 99, 138, 162-166, 206, 291, 398
Громов Б. 59, 219, 358
Гроссман В. 216, 217, 232
ГРУ 8, 83, 107, 394
Грузия 4, 5, 7, 9, 12, 13, 15, 37, 48, 54, 56, 113, 139, 147, 261, 273, 282, 283, 290, 298, 305, 306, 309, 310, 371, 385
Губарев В. 86, 214
Губенко Н. 160, 357, 361, 362
«Гудок» г. 77
ГУЛАГ 5, 37, 345, 360
Гурнов А. 279
Гусев П. 29, 51, 102, 103, 173, 175, 391
Гутионтов П. 48
Гущин Л. 131
Давыдов С. 173, 176
Данилов В. 291
Даньчев 251
«Двенадцатый этаж» 274, 275, 277
«Деловой мир» г. 184, 397, 398
«Деловые люди» ж. 184, 185, 397
Дементьев А. 126
«Демократическая Россия» г. 23, 87, 155, 165, 166
Деникин А. 137, 218
«День» г. 90, 91, 393
Денисов 168, 170
департизация 16, 56, 120
«Детская литература» и. 33
Джилас М. 202
Дзасохов А. 268, 307
«Диалог» ж. 99
диссиденты 79, 99, 119, 138, 163
Дмитраков Т. 316
«До и после полуночи» 173, 273
Добров А. 212
«Добрый вечер, Москва» 272, 333
Довлатов С. 125
Додолев Е. 132, 315
доставка периодики 3, 25, 34, 35, 39, 77, 158, 387
«Дружба народов» ж. 123, 124, 137
«Европа плюс Москва» 248
Евтушенко Е. 86, 119, 128
Егоров В. 77
единое информационное пространство 16
«Ежедневная гласность» г. 98
Ельцин Б. 3, 4, 9, 13, 15, 29, 49, 56, 87, 88, 96, 97, 103, 105, 107, 114, 134, 137, 144, 167, 215, 236, 241-243, 254, 262, 267-269, 285, 287, 291, 294, 307, 308, 319, 329, 358
Енишерлов В. 192
Ефимов Н. 43, 93, 96, 97
Жетвин А. 240
«Журналист» ж. 50, 62, 73, 114, 245, 333, 334
«За рубежом» г. 100
Завидия А. 90, 91
Закон СССР о печати 10, 19, 21-31, 33, 54, 76, 98, 244, 254
Закон о печати РФ 3, 11, 25, 31, 399
Залыгин С. 25, 124-126

- Замятин Л. 57
 западная пресса 67, 99, 115, 133, 145, 197, 262, 385, 387, 388, 402
 западные книги 14, 237
 западное радио 12, 57, 256
 западное ТВ 66, 71, 75
 «Заря Востока» г. 53, 54
 Заславский И. 155, 158
 Засурский Я. 26, 31
 Захаров Д. 273
 «Звезда» ж. 18, 87
 Зворыкин В. 340
 «Здоровье» ж. 399
 Зиновьев А. 222, 225, 232
 «Знамя» ж. 18, 122, 123, 125-127, 136, 137, 198
 Зубков И. 45 Зюкин В. 106
 Иванов А. 30, 124
 Иванова Т. 305, 322, 323
 Игнатенко В. 57, 61, 143
 идеологический отдел ЦК КПСС 16, 53, 61, 66, 78, 83, 92, 95, 96, 121
 «Известия» 3, 11, 12, 15, 18, 26, 28, 29, 34-35, 39, 41, 45, 48, 53, 77, 82, 92-100, 103, 107, 112, 122, 131, 146, 173, 174, 194, 274, 339, 354, 380, 389, 393, 397, 399
 «Известия» и. 92, 153
 «Известия ЦК КПСС» ж. 18, 41, 99, 190
 Изюмов Ю. 141
 Иллеш А. 97
 Илюхин В. 316
 «Инженерная газета» 187
 «Иностранная литература» ж. 123, 137
 Институт имени Гете 257
 «Интелсат» 331, 332, 378
 «Интеркосмос» 332
 «Интерспутник» 326, 332, 336, 378 «Интерфакс» а. 67, 68-72, 253, 393, 395
 информационная революция 16
 Иоанн Павел II 153, 236
 Иоффе Г. 210
 Искандер Ф. 125
 «Искусство кино» ж. 51
 Йеллер Г. 186
 кабельное ТВ 350-355
 Казахстан 5, 13, 39, 215, 243, 322, 326, 328, 347
 Калинина А. 167
 Калининцев В. 195
 Калугин О. 29, 105, 135, 296, 316
 Кан А. 69
 Канишев А. 56
 Капралов Г. 264
 Карабах 4, 9, 15, 171
 Караулов А. 147
 Карер д'Анкокс Э. 220, 297
 «Каретный ряд» г. 154
 Карпинский Л. 118, 173, 175, 391
 Карпов В. 137, 154, 230
 «Карьера» г. 22, 187
 Карякин Ю. 144
 Каспаров Г. 165, 171, 296
 Катаев С. 340
 КГБ 5, 8-12, 21, 28-30, 36, 45, 62, 65, 66, 78, 83, 107, 108, 115, 119, 129, 134, 135, 139, 140, 142, 144, 145, 154, 162-165, 167, 175, 230, 244, 246, 255, 264, 267, 269-270, 288, 307, 308, 315-321, 363, 367, 372-377, 388, 389, 393, 394, 399, 405
 Кезберс 252
 Кириллов И. 333
 Кириллов Н. 319
 Киселев Д. 279, 280
 Киссинджер Г. 132
 Кичин В. 154
 Климов Э. 243
 Климонтович Н. 123
 Ключевский В. 225
 Клямкин И. 166
 «Книга» и. 189, 196
 «Книжное обозрение» г. 28
 Кобенко В. 229
 Ковалев И. 163
 Ковалев С. 220

- Гогинова Н. 312
 кодекс этики журналистов 50
 Козюлин В. 337
 КОКОМ 340, 369, 378, 379, 382, 405
 Колесников А. 214
 Коль Г. 338
 Кольцов М. 227
 Комиссаров М. 68-72
 «Коммерсант» 51, 116, 145, 146, 148, 152, 155, 173, 181-183, 185, 283, 319, 344, 353, 397, 398
 «Коммунист» ж. 18, 29, 99
 коммунистическая пресса 11, 18, 34, 37, 41, 48-49, 52, 77-92, 98-102, 130-131
 компакт-диск 366
 компьютерные линии связи 61, 66
 «Комсомольская жизнь» («Пульс») 104
 «Комсомольская правда» 18, 41, 57, 75, 77, 83, 91, 92, 98, 99, 104-109, 116, 152, 173, 317, 372, 392, 394, 395, 398
 Кондратов С. 211
 Кондрашов С. 94, 97, 117
 Константинов В. 340
 «Континент» ж. 166, 167
 Копелев Л. 165, 225
 Корзун С. 244, 246
 Королев В. 315
 Королькова Е. 72
 Коротич В. 29, 30, 122, 127-135, 173-178, 194, 391
 Косско Н. 258
 Кост Ф. 249
 КПСС 3-11, 18, 20, 21, 25, 28-30, 32-37, 43, 45, 77-92, 141, 254, 257, 259, 261, 262, 305, 393, 399
 Кравченко Н. 220, 221
 Кравченко Л. 43, 45, 52, 57-59, 69-71, 150, 242, 255, 275, 286, 293, 298-302, 305, 306, 311, 313-315, 317-319, 321, 323, 352
 Кравчук Л. 6, 13
 «Красная звезда» 18, 77, 92, 103, 113, 149, 175, 395
 «Красная звезда» и. 92
 Краснер Л. 189
 «Красноярский рабочий» и. 27, 75
 «Крестьянка» ж. 99, 192, 399
 Кривицкий В. 220
 Кривицкий Е. 140
 Кролли Э. 330
 Крым 7, 8
 Крючков В. 12, 90, 107, 132, 134, 144, 225, 269, 372, 373, 376, 388
 ксерокс 348
 Кудрявцев Г. 388
 Кузнецов В. 64
 Кузнецов Г. 332
 Кулешов С. 210
 Кунаев Д. 215
 «Куранты» 11, 32, 51, 78, 82, 83, 145, 152, 153, 161, 258, 300, 310, 347, 376, 388, 395
 Кургинян С. 150
 Куркова Б. 173, 175, 176, 284-287
 Куприянов О. 69, 242
 Кучер В. 152
 Лаврова А. 75
 Лазарев В. 228
 Лазуткин В. 306
 Ланда М. 291
 Лаптев И. 93
 Латвия 36, 37, 145, 167-171, 253, 254, 259, 309, 319
 Левиков А. 30
 Левченко С. 221
 Лельчук В. 210
 Ленин В. 6, 17, 22, 25, 88, 90, 114, 115, 141, 153, 156-158, 199, 219, 281, 332, 393
 «Ленинград» ж. 87
 «Ленинградский рабочий» г. 175
 «Ленинградское знамя» г. 88, 103
 Ленинградское ТВ 283, 363
 Лем С. 218
 Леонтьев В. 127

- Лигачев Е. 82, 89, 99, 111, 115, 129-131, 215, 221, 272, 358, 362
- Лимонов Э. 108, 125, 126
- Липкин С. 216
- Липранди И. 251
- Листьев 277
- «Литературная газета» 18, 30, 41, 83, 92, 93, 99, 100, 122, 127, 136, 138-142, 154, 162, 245, 271, 273, 282, 283, 291, 302, 312, 316, 335, 340, 388
- Литва 8, 30, 48, 50, 55, 61, 87, 113, 114, 140, 142, 145, 172, 173, 242, 245-248, 254, 279, 280, 292, 309, 311, 312, 319, 321, 363-364
- Лихачев Д. 193
- Лихитченко А. 333
- лицензия на вещание 31
- Логунов В. 52, 151
- Лошак В. 103
- Лукиянов А. 11, 49, 62, 92, 144, 307, 360, 373
- Лукьянченко П. 373
- Лури С. 335
- Лысенко В. 52, 254
- Любимов А. 277, 286, 315, 317-319
- Любимов Ю. 87
- Любовцев В. 144
- Максвелл Р. 116, 192, 193
- Максимов В. 166, 167, 214
- Максимовы Т. и В. 281, 282
- Малинкович В. 259, 267
- Малкина Т. 143
- Малкявичус Н. 247
- «Малыш» и. 33
- Мальгин А. 139, 154-161, 166, 167, 264, 391
- Мальштейн И. 93
- Мамардашвили М. 232
- Мамлеев Д. 93, 97
- Мананников А. 72
- Манякин Е. 155
- Марков Г. 230
- Мартынов В. 26
- Маслов Н. 210
- Маслюков 199
- Матусевич В. 261, 262, 264, 269-270, 289
- «Маяк» р. 25, 239-242, 278
- МВД СССР 9, 25, 36, 37, 48, 71, 345, 357, 361, 375
- «Мегаполис-экспресс» г. 50, 51, 101, 145, 152, 154, 155, 187, 328, 375, 384, 389, 397
- Медведев В. 101, 111, 125, 130, 131, 199, 210, 211
- Медведев Р. 87, 108, 211
- «Международная жизнь» ж. 30
- Мелентьев В. 191
- «Менеджер» г. 65, 191
- Мень А. 27
- Меркулов А. 389
- «Микки-Маус» ж. 196
- «Милосердие» г. 196
- Милютин М. 210
- Министерство обороны СССР 36, 78, 107, 244, 246-248, 257, 328, 329, 355
- Министерство печати и информации РФ 19, 25, 32, 33
- Министерство связи 34, 39, 61, 145, 244-246, 324, 328, 381, 387-389
- Минрадиопром СССР 347
- «Мир» и. 236
- Мироненко В. 105
- Миронов Б. 392
- Миткова Т. 271, 277, 279, 280, 391
- Миттеран Ф. 100, 338, 355, 373
- Митюнов Ю. 38, 398
- Михалков С. 125
- «Молодая гвардия» ж. 18, 30, 124, 126, 130, 175
- «Молодая гвардия» и. 35
- «Молодежь Грузии» г. 139, 261
- «Молодой коммунист» («Перспективы») ж. 104, 141
- Молоствов М. 220
- Молчанов В. 173-175, 271, 273, 279, 280, 285, 287, 303

- Монтальдо Ж. 393
«Москва» ж. 123
«Москва-Глобальная» 347
«Московская правда» 21, 52, 57, 59, 88, 98, 102, 103, 149, 249
«Московская правда» и. 92, 156
«Московские ведомости» г. 155
«Московские новости» 11, 12, 15, 19, 21, 27, 29, 33, 50, 55, 83, 100, 103, 111-119, 139, 145, 147, 152, 172, 173, 182, 199, 275, 285, 291, 300, 397
«Московский комсомолец» 50, 51, 55, 92, 98, 101-103, 106, 116, 118, 149, 152, 172, 176, 194, 315, 384, 395, 397, 398
«Московское радио» (иновещание) 250-254
Московское ТВ 7, 9, 11
«Москоу мэгэзин» ж. 16, 26, 186, 368, 380
Моссовет 245, 246
Мостовщиков С. 389
Мурашов А. 1 55, 267
Мусаэлян Г. 186
«Мы» г. 12, 402
Набоков 123, 124
Нагибин Ю. 101
«Надежда» р. 239
Надирашвили К. 261
налоги на прессу 46-48
«Народное образование» г. 310
научные журналы 41, 42
«Начало» г. 184, 331
«Наш современник» ж. 18, 124, 126, 130, 290, 291
«Наше наследие» ж. 16, 192, 193
«Нева» ж. 123, 136
Невзоров А. 87, 287-296, 391
«Неделя» 19, 94, 95, 100, 141, 154, 184
«Независимая газета» 11, 12, 16, 25, 51, 55, 92, 117, 143, 145-150, 152, 173, 194, 278, 280, 281, 289, 298, 306, 330, 361, 362, 376, 397
независимая пресса 38, 40, 51
Незнанский Ф. 222
Неизвестный Э. 194
«Немецкая волна» 250, 256-260, 262, 392
Ненашев М. 43, 240, 274, 306, 313, 315, 336, 352
Нехорошев А. 253, 254
Нечаев К. (о.Питирим) 224
Николаева Э. 384
Николаевский Б. 214
Новгородцев С. 258
Новодворская В. 100, 101, 158, 291
«Новое время» ж. 100, 268, 305, 322, 394
«Новое русское слово» г. 27, 56, 69, 83, 123, 132, 167, 197, 242, 246, 251, 291, 293, 296, 329, 330, 357
«Новый мир» ж. 15, 18, 25, 33, 40, 123-126, 137
Носенко Ю. 221
Носик Б. 221
Нуйкин А. 95, 115
«Общая газета» 152
Овчинников В. 86
Овчинникова И. 96, 97
Оганесян В. 63
«Огни Сибири» ж. 123
«Огонек» 15, 18, 29, 30, 40, 41, 50, 87, 93, 117, 122, 127, 131-136, 147, 173, 181, 245, 273, 290, 295, 315, 348, 397
«Октябрь» ж. 28, 123-125, 137
Олейник Б. 361
ООН 83, 127
«Он» ж. 196
«Она» ж. 196
Орлов Б. 391
«Орфей» р. 241
Осетия 5, 9, 48, 147
«Останкино» 407, 408
Острецов В. 220
Павлов В. 107, 144, 160, 177, 184, 346
Пайпс Р. 220, 297

- Паламарчук П. 126
 «Память» 267, 284, 288, 310, 315, 316
 Панкин А. 30
 Панкин Б. 105, 391
 Панков А. 161
 параболическая теле-антенна 348, 349
 «Партийная жизнь» («Деловая жизнь») ж. 394
 Паскалева Ц. 63
 Пастернак Б. 86, 123, 217, 218, 220, 232
 Пеньковский О. 221
 перлюстрация писем 388, 389
 Песков И. 56
 Петраков 43
 Петренко Ф. 139
 Петров Б. 286, 287
 Петровский В. 366
 Петруня В. 50, 56
 Пивоваров Е. 210
 Пиккуль В. 226, 232
 план Маршалла 13, 17
 Платонов А. 227
 Плевако А. 251, 253
 Подниекс 64
 подписка 18, 19, 29, 42, 77, 78, 85, 112, 159
 Познер В. 274, 303
 Ползиков С. 66
 полиграфия 11, 32-35, 38-40, 42, 43, 239
 Политковский А. 277, 318, 319
 Полозков И. 21, 99, 116, 120, 267, 268
 Полторанин М. 19, 20, 32, 33, 48-50, 56, 64, 65, 86, 323, 325, 329, 391, 394
 Польская Л. 312
 Польша 8, 38, 73, 154, 171, 240
 полякова. 196
 Поляновский Эд. 93
 Полянчев В. 79
 Попов А. 101, 102, 340
 Попов Г. 103, 107, 115, 133, 149, 272, 408
 Поповский М. 27
 Попцов О. 241-243, 298, 407
 порнография 356-362
 Поройков Ю. 141
 «Посредник» и. 19, 20
 «Постфактум» а. 67, 72, 181
 Постышев В. 331
 почта 29, 39, 98
 права человека 15, 26, 138
 «Правда» 11, 21, 29, 37, 40, 41, 45, 48-50, 52, 53, 55, 59, 77- 90, 92, 93, 98, 100-104, 107, 113, 116, 120, 123, 131, 155, 174, 184, 190, 194, 243, 254, 271, 274, 286, 291, 308, 314, 323, 333, 348, 372, 375, 393, 395, 398
 «Правда» («Пресса») и. 27, 92, 127, 153
 Правдюк В. 286
 правительственная связь 376, 386
 «Правительственный вестник» г. 251, 255, 264, 345, 348, 393
 Правоторов О. 213
 премии журналистам 120, 127, 139
 «Преодоление» ж. 195
 Прибалтика 7, 15, 37, 56
 Примаков Е. 356, 391
 «Прогресс» и. 236
 Прокофьев Ю. 149
 «Пролог» г. 51
 Проскурин П. 87, 123
 прослушивание телефонов 372, 375, 376
 «Простор» ж. 123
 «Протестант» и. 76
 Проханов А. 91, 310
 Пугачева А. 296
 «Пульс Тушина» г. 175
 путч в августе 1991
 года 5, 11, 15, 71, 77, 90, 97, 103, 142-144, 152, 269
 Пушкин А. 20, 24, 25, 211
 «Пятое колесо» т. 173, 175, 283-

- 287, 301
«Работница» ж. 99, 181, 192, 399
«Рабочая трибуна» г. 18, 52, 77, 88, 99, 103, 148, 392, 394, 395
«Рабоче-крестьянский корреспондент» ж. 41
«Радикал» г. 184
«Радио-1» 241
«Радио-2» 241
«Радио-М» 244
«Радио Ностальжи Москва» 249
«Радио Пекина» 250
«Радио России» 16, 51, 172, 173, 239, 241-243
«Радио Франции» 250
Радионов А. 330, 331
радиоперехват 260
радиотелефон 370, 384
радиоточка 236
«Радуга» и. 236
районные газеты 42, 53, 79, 151
Ракитов А. 380
Распутин В. 87, 126, 356, 361
Ратиани Г. 86
регистрация средств массовой информации 42, 127, 182
Рейган Р. 226, 355
реклама 47
реформы 3, 4, 15
Решетов П. 307, 318
РИА 51, 63, 72
«Ридерс дайджест» 194
«Родина» ж. 144
Родионов И. 107, 272, 310
Розенблат М. 244
Розинг Б. 340
Розинер Ф. 214
Рождественский Г. 87
Рожков С. 339
«Российская газета» 20, 35, 51, 150-152, 172, 325, 380, 392
«Российские вести» 51, 103, 108, 121, 151, 152, 160, 172, 392
Российское ТВ 21, 278, 321-327
«Россия» г. 31, 51, 150, 153, 179, 327, 337
Рост Ю. 139, 312
Ростов Ю. 271, 279, 391
Рубинов А. 203, 388
«Русская мысль» г. 74, 99, 247, 291, 392
«Русские курьер» г. 48, 194
Руст М. 253
Руставели Ш. 200
Руцкой А. 395
Рцхиладзе В. 310
Рыбаков А. 215, 227, 232
Рыжков Н. 49, 164, 199
Рыжов Ю. 109, 269
«Рынок» г. 184
Сависаар Э. 240
Сагалаев Э. 43, 50, 51, 72, 254, 271-276, 279, 353
Салказанова Ф. 268
Сальникова М. 75
самиздат 16, 75
Самойлис Т. 391
Сауэр Д. 186
Сахаров А. 86, 87, 134, 138, 147, 205, 213, 217, 218, 220, 232, 259, 281, 284, 316
Светов Ф. 226-228, 398
«Свобода» 246, 249, 254-270, 289, 392, 406
«Свободная Европа» 249, 256, 262, 263, 266, 268
Севрук В. 93-95
секретные сведения 28, 29
Селезнев В. 93-95
«Сельская жизнь» 18, 49, 52, 7.3, 99, 103, 252
«Семья» 18
Семенов Ю. 163, 165, 328
Семенова Г. 192
«Семь дней» т. 272, 274-276
Селюнин В. 163, 165, 340
Си-Эн-Эн 12, 13, 14, 145, 303, 334-337, 339, 348, 349, 353, 354, 384, 408
Сиб ИА 29, 67, 72-77

- «Сибирские огни» 74
 Силаев И. 243, 287, 324, 373
 Симонов В. 63, 83
 Симонов К. 86
 Синявский А. 227
 Сигал Л. 149
 Слапинец 64
 «Смена» г. 29, 106
 Смирнов А. 163, 243
 Смирнов-Осташвили 310
 Снегирев В. 219
 «Собеседник» г. 51, 105, 181, 255
 Собчак А. 96, 103, 107, 113, 133, 142, 215, 284, 286, 287
 «Советская Россия» г. 16, 18, 35, 40, 50, 52, 55, 73, 75, 86, 88, 90, 91, 93, 113, 174, 175, 300, 333, 372, 393
 «Советская культура» г. 18, 109, 192, 335
 «Советская молодежь» г. 106
 соколова. 125
 Соколов М. 268
 Солженицын А. 86, 87, 105, 125, 208, 217, 220, 226, 227, 231, 316
 Соловьев А. 205, 206
 Соловьев В. 296
 Сомов В. 78
 Сорокина С. 391
 «Социалистическая индустрия» г. 187
 «Социальная защита» ж. 195
 «Софипост» 389
 Союз журналистов Москвы 22, 51, 52
 Союз журналистов СССР 21, 44-52, 150
 «Союзкнига» 236
 «Союзпечать» 11, 26, 40-42, 146, 149, 155, 158
 Союз писателей 21, 124-126, 136, 137
 Спиридонов Л. 59
 стенная газета 53
 «Столица» ж. 16, 51, 139, 145, 152, 154-162, 264, 376
 Сталин И. 6, 16, 17, 61, 81.140, 153, 179, 199, 210, 215, 218, 219, 229, 256, 259, 367, 375
 Старков В. 120, 121, 130, 131, 173, 174, 177, 391
 Старовойтова Г. 38, 56, 155, 158
 Старостин Дж. 361
 Старчевский В. 154
 Станкевич С. 155
 Степанов В. 82
 Степанов Т. 317
 «Сто двадцать минут» 274, 313
 Стреляный 163
 «Строительная газета» 58, 187
 Суриков В. 345
 Суслов М. 83, 95, 153, 199, 216, 362
 Сухарев А. 49, 361
 США 20, 38, 41, 159, 381-385
 Сытин И. 212
 Таврин В. 336
 Таги-заде И. 361, 365
 Таланов В. 55
 Тарасенко С. 317
 Тарасов А. 182, 285, 283
 Тарасов С. 276
 ТАСС (ИТАР-ТАСС) 18, 20, 45, 50, 52-62, 68, 83, 88, 93, 107, 114, 145, 164, 188, 240, 251, 271, 311, 313, 394, 395
 ТВ-5 13
 Твардовский А. 124-126, 217
 ТВВЧ 337-339, 341
 телевизор 343-346
 телепередатчик 347
 телефакс 348
 Терехов А. 295
 Тернер Т. 193, 303, 335, 339
 Тимофеев Л. 56
 Тимофеев П. 340
 Тимофеевский А. 293
 тиражи 17, 18, 29, 41
 Тихомиров А. 272
 Тихонов В. 165, 182
 Тольц В. 163

- Толкунов Л. 66, 92
Толстая Т. 155
Толстой М. 220
Тополь Э. 222
«Трамвай» ж. 196
Третьяков В. 143-150, 173, 177, 280, 391
Трифонов Ю. 227
Трубин Н. 147, 220
«Труд» 18, 41, 58, 77, 82, 92, 108, 394
Троцкий Л. 199, 202, 215
Трушков В. 149
ТСН 254, 279, 302, 312
Туманов О. 255, 264, 270
Тумольская Е. 258
Турбанов А. 375, 376
«Тюменский комсомолец» г. 75
Удальцов А. 142
Узбекистан 6, 7, 12, 15, 48, 80
УКВ-диапазон 244, 249, 251
Украина 5-8, 37, 321, 383, 401
«Учительская газета» 18, 88, 99
Факультет журналистики МГУ 26, 31, 245, 333, 334
Фалин В. 62, 66, 115
Федосеев П. 153
Федотов М. 22, 23, 30, 46, 50, 394
Фельгенгауэр П. 147
Фельштинский Ю. 20, 24
Фесуненко И. 49, 273, 303
Финляндия 8, 20, 43, 393
Фомин С. 298, 306
Фонд защиты гласности 50, 51, 63, 177
Фонтон С. 240
Фостер Л. 209
Фотеев В. 27
Франция 12, 403, 404
ФРГ 39, 40
Фролов И. 85, 128
Фронин В. 105-108, 173, 174, 177
Харламов А. 52
Хасбулатов Р. 11, 287, 373, 392
«холодная война» 3, 8, 16
Хохлов Н. 221
«Христианское информационное агентство» 76
Хрушев Н. 6, 96, 114, 134, 179, 199, 216, 218-220, 259, 367, 375
Хусейн С. 91, 94, 170, 176, 247, 380
Цветов В. 62, 273
цензура 10, 15, 16, 24-30, 33, 34, 44, 53, 64, 67, 76, 80, 157, 174, 259, 279
Ципко А. 155
ЦК ВЛКСМ 21, 36, 101, 102, 105-106, 119, 255
ЦТ СССР 21, 25, 43, 49, 75, 107, 118, 144, 271, 275, 280-283, 307-315, 394
Цыбульский В. 154
Чакалова Е. 275
Чалидзе В. 108, 214
Чаплина Н. 173, 177
«Час пик» г. 173
Чекуолис А. 64
«Человек и закон» 41
Черниченко Ю. 86
Чернобыль 6, 15, 57, 256, 257, 276, 282
Чикин В. 52, 86, 91
Чуркин В. 56
Шаламов В. 227
Шальнев А. 83, 97
Шамшин В. 332, 333
Шаталин С. 43, 348, 380
Шатуновский И. 83
Шахназаров Г. 139, 391
Швейцария 43, 159, 160
Шеварднадзе Э. 7, 43, 103, 107, 116, 117, 134, 144, 190, 21.5, 221, 309, 315, 317, 318
Шевцов И. 126
Шевченко А. 221
Шейнин Х. 26
Шелков А. 165
Шипилов А. 318
Шишкин Г. 52
Шмаков П. 340

- Шмелев Н. 115, 130
Шмидт Г. 132
Шнеерсон М. 216
Шостаковский В. 210
Шпрингер А. 166
Шустер С. 255, 269
Щекочихин Ю. 142
Щипахина Л. 229
экономическая информация 59,
60, 180-182, 185-189
«Экономика и жизнь» г. 18, 99, 148
«Экос» ж. 197
«Экспресс-хроника» г. 74, 99, 166
Эллис (Эбралидзе) М. 261
Эндрю К. 221
Энтин В. 22, 23, 30
Эпштейн М. 197
Эрсан Р. 185
«Эхо Москвы» 16, 51, 71, 163, 244-248
«Эхо планеты» ж. 55
Югин В. 173
Южная Корея 344-346, 372
Юзин М. 94
ЮНЕСКО 13, 17, 339
«Юность» ж. 123-126, 136, 137, 162
Юрков А. 52
ЮСИА 263, 348
Юшкявичус Г. 334, 339, 340
Язов Д. 90, 91, 107, 128, 168, 175,
220, 221, 292, 307, 324
Яковлев А. 43, 63, 64, 107, 116,
128, 130, 133-135, 144, 221, 232
Яковлев В. 173, 177, 181-183, 391
Яковлев Е. III, 112, 114-118, 140,
173, 174, 181, 182, 194, 391, 407
Яковлева Н. 192
Янаев Г. 63, 94, 96, 103, 134, 144,
318, 373
Япония 43, 51, 62, 345
Ярошинская А. 282

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКС-СССР: КАКАЯ ПОЛИТИКА, ТАКАЯ И ПРЕССА.
Необходимое пояснение автора к русскому изданию — 3
ВСТУПЛЕНИЕ — 15

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I. «ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ В НАМОРДНИКЕ»

Как заставляли нас подписываться на партийную прессу — 17. 1 августа 1990 года пала цензура в СССР... — 23. О монополии КПСС на бумагу — 32. Почему лгут журналисты? — 44.

ГЛАВА II. ТАСС, ИАН, «ИНТЕРФАКС» И ДРУГИЕ

Министерство информации под личиной ТАСС — 53. Под крышей АПН — 62. Непотопляемые — 68. Мужество честной журналистики — 72

ГЛАВА III. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ-ВETERАНЫ

Чем была интересна газета «Правда» — 77. От Алексея Аджубея до Игоря Голембиовского — 92. Заговор молчания — 98. Воспоминания о комсомоле — 101.

ГЛАВА IV. ПОЛУЧИВШИЕ НЕЗАВИСИМОСТЬ

Королевские шуты эпохи перестройки — 111. Век «толстых» литературных журналов окончился — 122. Как угасала «Литературная газета» — 138.

ГЛАВА V. ПРЕССА, КОТОРОЙ РАНЬШЕ НЕ БЫЛО

Виталий Третьяков, друг М.С.Горбачева — 143. У власти демократов есть собственные газеты — 150. Андрей Мальгин, «критик милостью божьей» — 154. В духе «Гласности» Сергея Григорьянца — 162. Побойше в Вильнюсе доконало идею Советского Союза — 172.

ГЛАВА VI. ПРЕССА ДЛЯ ДЕЛОВЫХ ЛЮДЕЙ

Крутые ребята из «Коммерсанта» — 179. Премьер-министр СССР В.Павлов тоже был журналистом — 184. Журналы «Москоу мэгэзин» и «Бурда» — 186. Издатели сфер культуры и милосердия — 192.

ГЛАВА VII. КНИГОИЗДАНИЕ

«Не сжигайте Горбачева» — 199. Обществу нужны книги тысяч, а не десятков наименований — 207. При Суллове цензура взяток не брала — 215. Бастион ГУЛАГа в Союзе писателей СССР — 228.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА VIII. РАДИО

«Радио России» против Политбюро ЦК КПСС – 239. «Эхо Москвы» спасло свою честь – 244. Зарубежные радиостанции вещают на русском языке – 248. Указ президента Б. Ельцина об открытии корпунктов «Свободы» в России – 262

ГЛАВА IX. ЗВЕЗДЫ ТЕЛЕЭКРАНА

Эдуард Сагалаев, Татьяна Миткова, Юрий Ростов против президента СССР – 271. Первое интервью с академиком А.Сахаровым – 281. Невзоровский синдром России – 287. Информационная война в эфире кончилась 21 августа 1991 года – 298.

ГЛАВА X. ТЕЛЕВИДЕНИЕ ДЛЯ ПРЕЗИДЕНТА?

Землетрясение в Грузии как 14-й сюжет в сводке теленовостей из Москвы – 305. Симбиоз ЦТ и КГБ СССР – 308. Военно-коммунистическая телепрограмма «Время» – 310. «Взгляд из подполья» – 315.

ГЛАВА XI. ТЕХНИКА ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Кремль обещал сбить первый российский спутник связи – 321. Георгий Кузнецов: да, мы хотим 20 телепрограмм – 332. Кабельное телевидение будет – 350. Видеомафия в СССР – 355.

ГЛАВА XII. КОММУНИКАЦИОННЫЕ СЕТИ

Телефон от «большого брата» – 367. Кто был под колпаком у Крючкова – 372. КОКОМ не согласен продавать нам волоконно-оптическую технику – 378. Перлюстрация всех писем... – 386.

ЧТО БУДЕТ ЗАВТРА. Выводы на будущее – 391.

УКАЗАТЕЛЬ – 409

КНИГИ ТОГО ЖЕ АВТОРА

Антенны направлены на Восток.

Издание первое и второе. М., Политиздат, 1975 и 1977.

Международный обмен информацией.

Тбилиси, «Сабчота Сакартвело», 1980, 386 с.

В соавторстве с Юрием Кашлевым.

Покушение. Политический детектив о происках западных разведок вокруг ими же сфабрикованного «дела» болгарина Сергея Антонова, которого итальянский суд обвинил в организации покушения на папу римского и затем оправдал за отсутствием улик.

Тбилиси, «Ганатлеба», 1987, 566 с.

Всемирное телевидение. Новые средства массовой информации – их аудитория, техника, бизнес, политика.

Тбилиси, «Ганатлеба», 1989, 672с.

Польский диалог. События в Польше глазами польских, советских, американских, английских, западногерманских и французских журналистов.

Тбилиси, «Ганатлеба», 1990, 640 с.

В соавторстве с Ежи Брониславским.

Les Medias sous Gorbatchev.

Paris, Editions de l'Espace Europeen, 1991, 484p.

Secrets of Journalism in Russia: Mass Media under Gorbatchev and Yeltsin.

New York, Nova Science Publishers, 1992, 427 p.